

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ – региональное измерение

коллективная монография
под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой,
Д.В. Ефременко

**Москва
2023**

УДК 930
ББК 63.3
П 50

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Отдел политической науки
Центр по изучению культурной памяти и символической политики
Европейского университета в Санкт-Петербурге

*Издание осуществлено при поддержке
акционерного общества «Гознак»*

П 50

Рецензенты:
Любин В.П., д-р. истор. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН
Урушадзе А.Т., канд. истор. наук, доцент, декан Факультета истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Печатается по решению Ученого Совета ИНИОН РАН

Политика памяти в России – региональное измерение : моно-
графия / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко ;
РАН. ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культурной па-
мяти и символической политики Европейского университета в Санкт-
Петербурге. – Москва : Институт научной информации по обществен-
ным наукам РАН, 2023. – 471 с.

ISBN 978-5-248-01053-0

В монографии исследуются тематический репертуар политики памяти в регионах современной России, структуры взаимодействия локальных и федеральных акторов по проблемам политической интерпретации исторического прошлого. Рассмотрены теоретические и научно-практические вопросы определения географических рамок исследования, возможности применения сравнительного подхода и изучения трансрегиональных взаимодействий.

Адресуется исследователям политики памяти и мемориальной культуры, государственным и общественным деятелям, преподавателям и студентам, занимающимся изучением истории, политологии, социологии и других общественных наук.

DOI: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00
УДК 930
ББК 63.3

ISBN 978-5-248-01053-0

© Авторы
© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Региональный аспект политики памяти в России – масштабирование и акторы. Задачи и структура монографии (<i>А.И. Миллер, К.А. Пахалюк</i>).....	5
Глава 1. «В поисках русской древности»: политика памяти в регионах Центральной России (<i>К.А. Пахалюк</i>)	24
Глава 2. Политика памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: акторы, практики, нарративы (<i>А.Ю. Павловская</i>)	101
Глава 3. Политика памяти в Калининградской области (<i>И.О. Дементьев</i>)	137
Глава 4. Политика памяти в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока (Иркутская область, Республика Бурятия, Хабаровский край) (<i>Д.В. Ефременко</i>)	176
Глава 5. Политика памяти на Урале и в Западной Сибири (на примерах Пермского края, Свердловской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края) (<i>О.Ю. Малинова</i>)	231
Глава 6. Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти в Поволжье (<i>А.А. Воронович</i>)	267
Глава 7. Политика памяти в южных регионах России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края) (<i>А.И. Миллер</i>)	298
Глава 8. Конструирование идентичности: учебники истории на Северном Кавказе в «боях за историю» (<i>Е.Ф. Кринко</i>)	335

Глава 9. Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции (<i>Д.О. Хлевнюк</i>)	366
Глава 10. Памятники России как индикатор исторической политики: 1991–2021 гг. Региональное измерение (<i>В.В. Лапин, А.Б. Матисова</i>)	401
Заключение. Репертуар актуального исторического прошлого в региональных политиках памяти: общее и особенное (<i>О.Ю. Малинова, А.И. Миллер</i>)	444
Сведения об авторах.....	468
Information about authors.....	469
Summary	470

ВВЕДЕНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ – МАСШТАБИРОВАНИЕ И АКТОРЫ. ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА МОНОГРАФИИ

(А.И. Миллер, К.А. Пахалюк)

Интерес исследователей к политике памяти в России сильно вырос в последние 15 лет, что совпало со значительными изменениями в политике памяти и возрастанием ее интенсивности. При чем каузальная связь между этими явлениями не односторонняя. Отчасти, исследования политики памяти способствовали лучшему пониманию механизмов ее функционирования политиками и администраторами, во всяком случае, их возросшему вниманию к этим вопросам. Как следствие, они способствовали той интенсификации и росту значимости политики памяти в общей повестке, которая и снабжает исследователей все более обширным новым материалом.

Это сопровождалось интенсивным обогащением методологического инструментария изучения данной проблематики. Одно из важных изменений в оптике исследователей было связано в последние годы со сдвигом внимания от нарративов и мест памяти, а точнее сказать, с дополнением внимания к этим аспектам темы фокусом на мнемонических акторах и их взаимодействиях¹. Ло-

---

¹ Entangled memory: toward a third wave in memory studies / Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimcev R. // History and Theory. – 2014. – Vol. 53, N 1. – P. 24–44 ; Миллер А.И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университе-

гичным следствием такой коррекции перспективы стал все возрастающий интерес к локальному и региональному измерению политики памяти вообще¹, и в России, в частности, в том числе к взаимодействиям и взаимодействиям общенациональных и локальных акторов².

Почти каждое понятие, использованное в предыдущей фразе, влечет с собой целый ряд методологических и терминологических вопросов. Как определять локальное и региональное, можно ли просто положиться в этом вопросе на существующее административное деление? Или регионы как единицы исследования не должны, по крайней мере не всегда должны, совпадать с регионами – субъектами федерации? Если не всегда, то как определять границы изучаемых регионов, чем мы должны при этом руководствоваться, как та или иная наша воображаемая география может повлиять на программу исследования и его результаты? Как провести грань между общенациональными и локальными акторами, всегда ли это вообще возможно, какие интерфейсы их связывают, как изучать структуру их взаимодействия? Что происходит с перемещением символов памяти из локального контекста в общенациональный? Можем ли мы говорить о формальных и неформальных сетях мнемонических акторов, в которых понятия

та в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 8–25 ; Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А. Миллера, Д. Ефременко. – Москва : Нестор-История, 2018. – 224 с.

¹ Среди важнейших работ по этой тематике отметим: *Agular P.* Unwilling to Forget: Local Memory Initiatives in Post-Franco Spain // *South European Society and Politics*. – 2017. – Vol. 22, Iss. 4. – P. 405–426 ; *Törnquist-Plewa B.* Cosmopolitan Memory, European Memory and Local Memories in East Central Europe // *Australian Humanities Review*. – 2016. – Iss. 59. – P. 136–154 ; *Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World* / ed. by M. Beyen, B. Deseure. – London : Palgrave Macmillan, 2015 ; *Clancey G.* Local Memory and Worldly Narrative: The Remote City in America and Japan // *Urban Studies*. – 2004. – Vol. 41, N 12. – P. 2335–2355 ; *Defining Memory: local museums and the construction of history in America's changing communities* / ed. by A.K. Levin. – Lanham, NY ; Toronto, Plymouth : AltaMira Press : Rowman & Littlefield Publishers, 2007 ; *Behr V.* When Local Memory Confronts State Historical Policy: Staging Edward Gieriek's Life in Sosnowiec // *Cultures of History Forum*. – 2018. – DOI: 10.25626/0088

² *Wilmers L.* The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg // *Nationalities Papers*. – 2022. – P. 1–22.

локального и общедофедерального размываются?¹ Как соотносятся общедофедеральный и местные нарративы, какова динамика их взаимодействия с учетом принятия федерального историко-культурного стандарта и других мер, интенсивно влияющих в последние годы на эту сферу? Какую роль играют в политике памяти этничность, связанные с ней акторы и институты – как официальные, включая автономные республики и округа, так и неофициальные, действующие в среде этнических сообществ? Как в разных регионах мобилизуются (или не мобилизуются) различные темы и периоды прошлого, какова «глубина» памяти у разных групп в разных обстоятельствах? Какие местные акторы и институты должны быть включены в программу исследования?

Наша книга предлагает некоторые решения этих методологических и терминологических вопросов, сформулированные в ходе работы над коллективной монографией и предшествовавшим ей большим проектом о политике памяти в России².

---

¹ Например, как описать сеть организаций «Мемориал» (запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента), включающую несколько десятков локальных «Мемориалов», имеющих статус самостоятельных юридических лиц? Или как описать сети казачьих и ветеранских организаций, играющих большую роль как мнемонические акторы на местах и при этом имеющих общедофедеральные структуры? Или как описать сеть парков «Россия – моя история», имеющих московскую дирекцию, но пользующихся с определенного времени широкой автономией?

² В состав постоянных участников семинара, организованного в Центре исследований культурной памяти и символической политики ЕУ Санкт-Петербург, где обсуждались эти вопросы, вошли, кроме авторов этой статьи, участники проекта РНФ «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий», законченного в 2021 г., А.А. Воронович, Д.В. Ефременко, В.В. Лапин, А.А. Плеханов, А.Ф. и А.Ю. Павловские, Д.О. Хлевнюк, а также Е.Ф. Кринко. В работе над проектом проведено более 100 полуструктурированных экспертных интервью. В ссылках на интервью указывается номер региона (используется общероссийский классификатор административно-территориального деления объектов – ОКАТО), который представляет эксперт, и порядковый номер эксперта (в каждом исследуемом регионе бралось три и более интервью). Во всех случаях, когда мы отступаем от принципа анонимности эксперта, мы запрашивали у него / нее письменное согласие.

Региональный подход в поиске масштаба и парадигмы

Среди методологических вопросов, связанных с изучением политического использования прошлого, один из самых сложных – вопрос «масштабирования» политики памяти в процессе ее функционирования и изучения. Многообразие подходов к этой проблеме в *memory studies* почти безгранично, различаются основания для ее решения у разных исследователей, нет даже устоявшейся терминологии для их описания. И это неудивительно, ведь определение «регион» – предмет долгих дискуссий даже в регионоведении¹. Отметим, что в 1990-е годы и в начале 2000-х историки столкнулись со схожими проблемами, связанными с недостаточной проработкой понятия «регион» и недостаточной рефлексией относительно воображаемой географии и ментальных карт². На сегодня самым основательным «высказыванием» по вопросу о масштабировании исследований памяти можно считать концепцию *multiscalarity*, предложенную Энн Ригни и ее соавторами³. Это своего рода приглашение к разговору, и наша книга вносит в него свою лепту.

Говоря о макромасштабе, сегодня часто имеют в виду «глобальную память» или память в масштабе макрорегионов, включающих ряд стран. Например, «европейская память», «память Центральной и Восточной Европы» (или «посткоммунистической Европы»), Кавказа, Балкан. Границы, названия, семантическая нагруженность таких макрорегионов отличаются у разных исследователей и в разных контекстах. Ясно, что мы имеем дело с «воображаемой географией», «ментальными картами» и когда говорим о макрорегионах, и когда речь идет о «глобальном» масштабе, потому

---

¹ Китинг М. Новый регионализм в Европе // Логос. – 2003. – № 6. – С. 67–116 ; Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale // Progress in human geography. – 2004. – Vol. 28, N 4. – P. 536–546.

² Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней : обзор литературы // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6. – С. 42–61 ; Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6. – С. 18–33 ; Miller A. Between Local and Interimperial: Russian Imperial History in Search for Scope and Paradigm // Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – N 1. – P. 5–19.

³ Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales / De Cesari C., Rigney A. – Berlin : De Gruyter, 2014.

что в этом случае все равно за понятием «глобальный» неизменно скрывается избирательность, что-то (и кто-то) непременно выпадает из поля зрения как «неважное».

Кажется, «волюнтаризм» этой ситуации преодолевается при переходе к более привычному масштабу – «национальной памяти», то есть памяти, доминирующей в масштабе государства, которое это доминирование и обеспечивает. Такой масштаб преобладает, в частности, в знаменитом проекте «Места памяти» Пьера Норá и его репликах, созданных на материале других стран. Такой масштаб находится в центре нашего внимания, когда мы изучаем обращение к прошлому в речах первых лиц государства, памятные даты государственного календаря, государственные школьные учебники, мемориальные комплексы и музеи государственного подчинения, спонсируемую государством культурную продукцию и все, что формирует национальный нарратив.

Это подводит нас к другому полюсу на шкале масштабирования исследований памяти, которому уделяется все больше внимания в последние годы, и который можно условно обозначить как локальный или *микромасштаб*. Здесь мы имеем дело с эффектом «матрешки». В качестве объекта исследования может выступать субъект федерации с областной, краевой или республиканской администрацией, но он неизменно включает в себя ряд городов и более мелких населенных пунктов с их муниципальными властями. На этом уровне в фокусе внимания оказываются, как правило, взаимодействия местных акторов, которые описываются как «региональные», «локальные», или «групповые» – областных или муниципальных администраций, мобилизованных этнических сообществ, групп активистов и НПО.

Эти акторы, как уже было показано выше, зачастую находятся в сложных отношениях между собой и вступают при этом в диалог, торг, в результате чего формируются структурные взаимосвязи с общегосударственными структурами и другими мнемоническими акторами за пределами региона. Классификация акторов как региональных, локальных или федеральных часто излишне упрощает дело.

С другой стороны, там, где государство видит существенный потенциал локальных структур, оно стремится создать центральный орган для их контроля. Пример – наличие специального подразделения АП РФ по делам казачества. Весьма вероятно, что АП РФ опосредованно контролирует и созданный в знаковом

2014 г. «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья», который стремится вовлечь нереестровых казаков.

Другой пример из сферы взаимодействия центра и локальных акторов – приобретающая все большее значение система президентских грантов для реализации различных проектов. Политика памяти занимает в «меню» АП весьма существенное место. Как отмечают многие эксперты, локальные акторы все больше выстраивают свою деятельность и ее репрезентацию в расчете на то, чтобы получить президентские гранты, которые не только важны с финансовой точки зрения, но и дают локальным акторам престиж и легитимацию в глазах местных властей.

Микромасштаб изучения политики памяти весьма плодотворен, он позволяет увидеть массу подробностей, остающихся в тени при фокусе на общенациональном уровне. Именно здесь полнее раскрываются возможности акторно-ориентированного подхода. Но у микромасштаба есть и существенные ограничения. Он сужает контекст и, как правило, не включает в число приоритетов сравнительный подход, рассматривая каждый случай через подчеркивание его особенности.

Если задача исследования заключается в том, чтобы представить ландшафт политики памяти в России в целом с учетом наиболее важных региональных особенностей (а мы ставим именно такую задачу), то очевидно, что нельзя пойти путем простого сложения мозаики из 89 исследований, посвященных каждому из субъектов федерации в отдельности. Взаимосвязи и взаимовлияния регионов выпадают из фокуса исследования, если оно спланировано таким образом. В целом необходимо найти некий промежуточный масштаб между национальным и локальным, который позволит полнее изучить процессы взаимодействия мнемонических акторов разного масштаба.

Эти два полюса масштабирования, общенациональный и локальный (в смысле фокуса на отдельном субъекте федерации или более мелких пространствах взаимодействия), необходимо дополнить «мезоуровнем», когда в фокусе внимания оказываются кластеры, состоящие из нескольких регионов. Мезомасштабирование отчасти преодолевает тотальную зависимость от официального административного деления – границы страны и субъектов федерации при таком подходе, конечно, учитываются, но мы не определяем изучаемые кластеры, например, границами федеральных округов.

Выделение тех или иных кластеров становится при этом непростой и творческой задачей. Стратегии формирования кластеров учитывают целый ряд факторов, в том числе географическую близость регионов, сходство их исторического опыта, сравнимость и взаимосвязанность их повестки в сфере политики памяти. При этом меняя границы и состав такого «мезорегиона», включая в него разные субъекты федерации, мы задаем исследованию разные приоритеты и перспективы.

Возьмем в качестве примера регионы Юга России. Можно выделить в особый кластер те регионы, в которых большое внимание уделяется в политике памяти казачьей проблематике – Краснодарский, Ставропольский края, Ростовскую и Волгоградскую области. В рамках такого кластера большое значение приобретает тема рассказывания в ходе Гражданской войны. Общим для этих регионов является опыт боевых действий и оккупации в ходе Великой Отечественной войны. Пересечение темы Великой Отечественной войны и темы казачества создает в так определенном мезорегионе сходные проблемы для политики памяти. Но стоит нам расширить кластер регионов, включив в него республики Северного Кавказа, на первый план выйдет тема памяти Кавказской войны и роли в ней казачества, которая для Ростовской и Волгоградской областей достаточно периферийна. Этот механизм будет работать и в других случаях, когда от решения, какие субъекты федерации включить в изучаемый в данном случае регион, будет зависеть и то, какие темы политики памяти выйдут в этом исследовании на первый план, какие сравнения будут актуализироваться в рамках этого исследования.

При принятии решений о формировании кластеров регионов важным критерием неизменно является история: время и механизмы включения данной территории в состав России, то, как население региона было затронуто наиболее драматичными событиями – войнами, вынужденными миграциями. Мы также должны учитывать, что границы многих регионов и их статус существенно менялись в советский и даже в постсоветский период, и это нередко является важной составляющей современной политики памяти. С другой стороны, часто можно наблюдать, как относительно недавно созданные административные образования конструируют собственную многовековую историческую традицию.

Понятно, что центральные области, вошедшие в состав Московского государства в рамках процесса, называемого в учебниках «собираанием земель» вокруг Москвы, имеют во многом схожий

набор исторического наследия, опыта, близки по размерам и относительной этнической однородности населения. Что не отменяет специфики, связанной с наличием / отсутствием опыта оккупации в годы Великой Отечественной войны или относительно долгого пребывания в составе других государств в более далеком прошлом. Крайние регионы имеют свою специфику, определенную историей включения в состав империи, особенностями демографической ситуации и ее динамики в прошлом и настоящем. В современных условиях резко осложнившейся международной обстановки пограничный характер регионов оказывает существенное влияние на политику памяти, интенсивнее вовлекает в нее внешних акторов. В политике памяти центральной власти эти различия, конечно, учитываются – достаточно посмотреть на карту размещения уже открытых парков «Россия – моя история», чтобы увидеть, что в центральных регионах, кроме Москвы, есть только парк в Нижнем Новгороде, а подавляющее большинство из 23 парков открыты в периферийных регионах, где федеральный центр видит больше вызовов для государственной политики памяти.

Мы отмечаем, что прошлое и политика памяти влияют на то, как выстраиваются кластеры, но верно и то, что, сформировав кластер определенным образом, мы «подсвечиваем», акцентируем значение одних элементов в прошлом и в политике памяти, снижая значение других. Этот сложный механизм взаимовлияния, став предметом методологической рефлексии, может открыть нам новые, эвристически весьма плодотворные перспективы и способы сравнительного анализа, который осуществляется и между регионами, включенными в один кластер, и между кластерами в целом. Помимо сравнения, такой подход позволяет увидеть взаимовлияние соседних регионов, то есть включить перспективу взаимосвязанных процессов и трансферов. Этот подход позволяет поставить в центр внимания ту проблематику, которая остается за пределами нашего рассмотрения, если мы фокусируем свое внимание на сугубо локальных сюжетах или на проблеме взаимодействия региональных акторов с центром.

Федеральные и локальные акторы

Прояснение особенностей взаимодействия федерального центра и регионов в области политики памяти вызывает ряд методологических трудностей, поскольку оба уровня не так просто от-

делить друг от друга. Производство «общефедерального» невозможно без его локализации «на местах», а изучение особенностей коммуникации по линии «центр – регион» требует инсайдерской информации. Равным образом «борьба за интерпретации» (конкуренция нарративов) является формой, посредством которой могут решаться совершенно разные задачи – от вопросов политической легитимности и обеспечения территориальной целостности страны до расширения государственного финансирования, повышения туристической привлекательности, стимулирования экономической активности, решения социальных проблем.

Другая проблема заключается в сложности выделения формальных критериев, позволяющих разграничивать федеральных и региональных акторов. Например, для музеев не всегда работают ведомственная принадлежность (так, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, как и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, посвящены региональным сюжетам, однако находятся в подчинении федерального министерства культуры) и территориальное расположение: по содержанию экспозиций к региональным музеям сложно отнести Калужский музей космонавтики (впрочем, как и петербургский Эрмитаж или екатеринбургский Ельцин Центр). Не меньшую сложность вызывают и те государственные, общественные и общественно-государственные организации, которые при наличии головного офиса в Москве имеют множество региональных отделений / представительств, а потому не всегда очевидно, являются ли последние агентами реализации федеральной политики или, наоборот, преследуют прежде всего собственные интересы. Потому важно учитывать прагматику поведения: ставит ли тот или иной актор целью формирование общероссийской памяти (другой вопрос – насколько ему это удастся) или изначально ограничивается неким регионом. На практике приходится фиксировать достаточно сложную сеть взаимодействий как между центром и субъектами федерации, так и между самими регионами.

Начиная с середины 2000-х годов по мере активизации политики памяти мы наблюдаем вполне осознанные усилия федерального центра по формированию «единого исторического пространства», которые, помимо удержания общероссийской медийной повестки, выражались в расширении набора институциональных и символических механизмов взаимодействия с регионами с тем, чтобы сделать «единое историческое пространство» стабильным, а производимый общенациональный нарратив – более «заземлен-

ным» и устойчивым. Перекос в сторону увеличения каналов взаимодействия, намеренное масштабирование отдельных практик (больше однотипных мероприятий, памятников и структур) и централизация распределения финансовых ресурсов – все это позволяет утверждать, что решение прагматических задач оттесняет на второй план производство культурных смыслов.

В поле зрения органов государственной власти в регионах прежде всего находятся вопросы охраны объектов культурного наследия и повышения туристической привлекательности вверенных им территорий, включая исторический кластер. Целый спектр различного рода федеральных программ, а также юбилейных комитетов (100-летие Первой мировой войны; 100-летие со дня рождения А.И. Солженицына и пр.) задают актуальную повестку, в которую каждый регион может постараться вписаться, в т.ч. и получить финансирование, причем уровень проектов разнится от отдельных выставок, книг и публичных мероприятий до создания музеев и масштабных проектов благоустройства. Регионам остается улавливать пожелания центра и вписываться в предлагаемую повестку, что затрудняет как актуализацию «сложного прошлого», включая любые потенциально конфликтные вопросы, так и продвижение самостоятельной повестки. По сути, это является частным проявлением ключевой особенности построения вертикали власти: концентрация финансовых ресурсов в центре приводит к конкуренции региональных правительств за их распределение, а сами они подобным образом выстраивают отношения с муниципалитетами. Сама система заставляет оставлять в стороне то, что может вызвать конфликт или недопонимание, а потому помешать достижению прагматических целей.

Нарастающая практика присутствия федерального центра в регионах связана с реализацией крупных мемориальных проектов, которые по задумке властей призваны стать общенациональными символами. В 2010-е годы также наметилась тенденция (пере)подчинения местных музеев федеральным, находящимся в Москве. Важная роль принадлежит *координирующим комиссиям*, которые формируются к той или иной юбилейной дате. Прообразом является постоянно действующий Российский организационный комитет «Победа». На основании указа или распоряжения президента формируется рабочая группа из представителей различных федеральных ведомств и заинтересованных организаций, куратором выступает высокопоставленный чиновник-тяжеловес. Делается рассылка по государственным и муниципальным органам власти,

учреждениям культуры, архивам, университетам и прочим бюджетным организациям с просьбой предоставить возможные мероприятия в общий план, который по мере сведения одновременно символически фиксирует «единство усилий» (точнее – синхронность), повышает символическую значимость конкретных локальных мероприятий, а также обеспечивает механизм контроля за заявленными предложениями, стимулируя региональных чиновников выполнять взятые на себя обязательства. Сложно в полной мере оценить эффективность подобных механизмов ввиду отсутствия открытых данных о результатах, однако уже тот факт, что по итогам 2014 г. почти в каждом регионе появился некий сборник документов или книга про участие этого региона в Первой мировой войне, свидетельствует об осязаемых плодах этой деятельности.

Еще один способ взаимодействия, лишь только на первый взгляд близкий описанному выше, заключается в праздновании юбилеев основания городов и республик, когда значимость признается указом президента и федеральный центр выделяет значительное финансирование на инфраструктурное и экономическое развитие, включая историческое наследие.

Наиболее последовательно историческая унификация продвинулась в сфере среднего образования: после введения в конце 2000-х годов ЕГЭ по истории России неизбежной стала выработка единого стандарта преподавания этого предмета. Идея единого учебника среди прочих была высказана и В.В. Путиным 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям. Она отражала обеспокоенность содержанием региональных учебников в автономиях. Сопrotивление широкой общественности идее единого учебника истории заставило ограничиться введением Историко-культурного стандарта (ИКС), разрабатывавшегося с 2012 г. под эгидой Минобрнауки, Российского исторического общества и РАН (т.е. федеральных акторов и преимущественно московских историков). С 2015 г. все учебники и контрольно-измерительные материалы должны ориентироваться исключительно на него. Это привело к некоторой стандартизации образования и сокращению количества официально одобренных учебников: если в 2013 / 2014 учебном году их было 235, то в 2014 г. осталось 65 (ввиду новых стандартов образования), а после введения ИКС – 45, к концу 2020 г. число увеличилось до 69¹.

---

¹ Гагкуев Р.Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. – Москва ;

Другой важный механизм – формирование «почетных исторических перечней» – присвоение президентом отдельным городам почетных званий Города воинской славы (с 2007 г.) и Города трудовой доблести (с 2020 г.). Это предполагает систему намеренно и отчасти искусственно создаваемой конкуренции регионов (а точнее – органов исполнительной власти) перед федеральным центром в признании «своих» заслуг, вернее, значимости каких-то событий на их территории. В случае успеха полученный статус выражается в соответствующих упоминаниях на официальных мероприятиях, строительстве стелы Города славы / Города трудовой доблести с высеченным президентским указом и барельефами, отражающими славные страницы прошлого (здесь уже региональные элиты имеют простор для отбора локального материала), а также в участии в межрегиональных патриотических проектах под эгидой Союза городов воинской славы¹.

Куда более «сильный» способ координирования предлагают федеральные акторы исторической политики, создающие сеть региональных отделений и тем самым – *механизмы лоббирования местных интересов перед центром и структурирования местной повестки под видение центра*. Речь идет прежде всего о Российском историческом обществе и Российском военно-историческом обществе. Опора на научную общественность, с одной стороны, позволяет местную научную и просветительскую активность маркировать логотипом РИО, а с другой – дает возможность местным научным кругам лоббировать собственные интересы. В частности, с РИО теснейшим образом аффилирован фонд «История Отечества», который ежегодно распределяет гранты физическим и юридическим лицам на издание научных и научно-популярных книг, а также проведение конференций. В июле 2021 г. Общество получило право выступать посредником между региональными научными кругами и министерством науки и высшего образования: распоряжением министра ему присвоили статус «центра ответственности по планированию и формированию контрольных цифр приема по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки по

Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – Вып. 4 / под ред. К.А. Пахалюка. – С. 7–27.

¹ Союз городов воинской славы. – URL: <https://srgvs.ru/> Все это сложно квалифицировать как политику памяти, если понимать под ней производство региональных идентичностей и культурных смыслов. Перед нами имитация в форме бюрократической игры за право особой сопричастности к героической славе отечества.

истории и археологии»¹. За этой тяжеловесной бюрократической формулировкой скрываются вполне значимые полномочия влиять на то, сколько бюджетных мест получают региональные вузы на подготовку будущих историков. РВИО в большей степени опирается в регионах на представителей общественности, бизнеса и политических элит², которые могли бы собственные проекты репрезентировать в качестве мероприятий Общества и по мере возможности использовать дополнительный официозный статус – статус председателей региональных отделений – для продвижения собственных интересов.

Если ключевые мероприятия, которые поддерживает РИО, это региональные научные конференции, видеофильмы и книгоиздание, то РВИО ориентируется на организацию в регионах военно-исторических лагерей, софинансирование реконструкторских фестивалей (в условиях пандемии 2020–2021 гг. это направление просело), а также нескольких крупных научно-практических конференций в Москве с приглашением ученых и учителей истории из регионов. РВИО наиболее известно широко развернутой военно-мемориальной деятельностью, которая нередко вызывает споры и широкие дискуссии. Так, с 2013 по май 2021 г. усилиями федеральной исполнительной дирекции установлены 272 памятника (включая мемориальные стелы, аллеи и бюсты), из них 20 – за рубежом. Стоит отметить, что все эти памятники установлены силами федеральной исполнительной дирекции, а потому могут рассматриваться как активность федерального актора в регионах.

Если РИО и РВИО выстраивают отношения с узкосегментированным кругом региональных игроков на поле «актуальной истории», то третий федеральный актор – Фонд президентских грантов – ориентирован на *поддержку совершенно разных местных инициатив*. С 2017 г. он дважды в год выделяет средства по 13 направлениям, одно из которых так и называется «сохранение исто-

---

¹ Нарышкин С. Кого учит история. Высшее историческое образование в современных условиях: проблемы и перспективы // Родина. – 2021. – 02.08. – URL: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-ivlaiaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-ivlenij.html>

² Лапин В.В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 74–95.

рической памяти». Отбор проектов осуществляется через независимую экспертизу, региональные власти не имеют на нее прямого влияния. Естественно, многое зависит как от качества заявок, так и от степени конкуренции. К сожалению, сайт ФПГ не публикует ни подробную документацию, ни материалы экспертизы, ограничиваясь краткими сведениями о заявках, победителях и суммах финансирования. Отсутствие детализированных смет делает невозможным полноценный анализ деятельности этого мнемонического игрока, однако открытые данные все же позволяют сделать выводы о том, кто в основном получает средства и какие темы стали приоритетными. Так, в центральных регионах ФПГ отдавал предпочтение проектам военной, исторической или церковной направленности, связанным с событиями Великой Отечественной войны или более ранними вооруженными конфликтами. С точки зрения локализации поддержку получали те мероприятия, проведение которых имело либо общерегиональный, либо локально-муниципальный характер, а не ограничивалось только региональными столицами. Ключевые получатели грантов – региональные (а не региональные отделения общероссийских) организации, однако большая часть организаций не является, судя по названию и основным видам деятельности, профильными участниками политики памяти (профессиональные союзы, различные патриотические структуры), а потому само направление «историческая память» во многом свелось к военно-патриотической деятельности. Это отражает яркую особенность государственной политики в сфере истории – воспринимать тему исторической памяти как направление патриотического воспитания. Такая политика ФПГ влияет на тактику и тематику работы различных НПО, для которых получение президентского гранта является не только вопросом финансирования, но и вопросом легитимации в глазах местных властей.

В 2010-е годы празднование *Дня Победы* стало принимать все более масштабный характер и превращаться в гражданский культ, что отчасти определено *формированием нескольких федеральных акторов*, аффилированных с государством и призванных *масштабировать в региональном измерении однотипные мероприятия*: «Волонтеры Победы» (с 2015 г., проведение акций с привлечением активистов из молодежной среды), движение «Бессмертный полк» (фактически с 2014 г., организация одноименных маршей во взаимодействии с официальными структурами), «Поисковое движение России» (с 2013 г., зонтичная организация по поддержке поисковых отрядов). В 2019 г. совместно с Администрацией

Президента и Следственным комитетом «Поисковое движение России» инициировало проект «Без срока давности», посвященный теме нацистских преступлений на территории СССР, что позволяет дополнить доминирующую героико-патриотическую интерпретацию Великой Отечественной войны трагической составляющей («советский народ» не только победитель, но и «ключевая жертва»). Содержательно эта деятельность выражается в проведении серии экспедиций на места расстрелов, в публикации малоизвестных и неизученных в полной мере комплексов документов (как на специализированном сайте¹, так и в виде книжных изданий), а также в поддержке тематических исследований и организации научных дискуссий, что способствует развитию межрегиональных связей историков. На символическом уровне все это должно поддержать общий тезис о «геноциде советского народа»².

Таким образом, мы можем сделать ряд промежуточных выводов относительно того, каким образом государственная политика памяти, реализуемая на общенациональном уровне, ищет точки соприкосновения с регионами. Несомненно, за последние 10 лет был проделан большой путь по углублению ее связности, развитию сетевых (а не жестко-иерархических) методов работы, однако акцент делался на диверсификации механизмов, количественном расширении (больше памятников, поисковых экспедиций и пр.), но вовсе не на идейном развитии и возвращении новых подходов к мемориальной культуре с учетом вызовов XXI века.

Тот факт, что выше мы писали именно о государстве и связанных с ним организациях, не должен удивлять: это является отражением более общей тенденции огосударствления различных сфер жизни российского общества и нарастания рентных отношений. Получение средств на свои проекты за счет причастности к федеральным государственным организациям или инициативам – тоже разновидность ренты. Потому борьба нарративов и конфликтные сюжеты вытесняются на периферию, а поскольку федеральный центр интересуется узким набором сюжетов, то и реальная форма – это масштабирование и синхронизация, а не смысловое развитие.

---

¹ Без срока давности. – URL: <https://безсрокадавности.рф/>

² Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // Известия. – 2020. – 27.10. – URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genotcid-sovetskogo-naroda-nacistami-v-zhestiano-i-gorke>

Схожим образом действует и РПЦ, пожалуй, самый влиятельный негосударственный, но также приближенный к власти федеральный игрок на поле «актуальной истории». Помимо масштабирования храмов и памятников общенациональным святым (более 60 памятников Петру и Февронии; десятки храмов, освященных в честь Александра Невского), она активно включается в формирование региональных идентичностей и имеет карт-бланш на увековечение жертв политических репрессий (на начало 2020-х годов в честь новомучеников освящено 166 храмов). Эти темы в федеральном центре воспринимаются в качестве «опасных», поскольку сильные региональные идентичности видятся идеологической основой сепаратизма, а сохранение памяти о репрессированных неизбежно ведет к постановке вопроса о формах политической ответственности. В обоих случаях РПЦ предлагает те интерпретации, которые сглаживают потенциальные конфликты, а тему репрессий «политически санирует» (невинно убитые предстают икупительными жертвами за предыдущие преступления, а вопрос ответственности государства переводится в пространство метафизики и посмертного Божьего суда¹), параллельно «взамен» получая серьезную политическую поддержку в виде реституции церковной собственности и финансирования новых историко-мемориальных проектов. Особый интерес здесь представляет изначально связанная с церковными структурами система парков «Россия – моя история», число которых уже достигло 24-х. В них каждый из 11 обязательных залов, помимо общего, для всех одинакового нарратива, содержит местные интеграции, отражающие специфику истории, культуры и этнического состава региона, в котором парк расположен.

Предложенный нами анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, признавая важную роль, которую играют административные структуры в политике памяти, нельзя слепо следовать административному делению при определении «регионального» и «локального». «Федеральное» и «региональное» – это прежде всего категории, которые характерны для мышления самих мнемонических акторов, однако исследователь должен проблематизировать эти категории и их роль в политике памяти. Во-вторых, важно дополнить общефедеральный и региональный масштаб мезорегиональным уровнем, позволяющим анализиро-

---

¹ Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – Москва : Дело, 2021. – С. 122–124.

вать политику памяти в рамках кластеров, объединяющих несколько субъектов федерации. В-третьих, деление мнемонических акторов на общедофедеральных, с одной стороны, и региональных или локальных, с другой, часто не работает. Нужно обратить специальное внимание на сети, которые связывают различных акторов и на механизмы их взаимодействия.

Задачи и структура монографии

В целом предлагаемая читателю монография представляет собой первый, но весьма значительный шаг в решении задачи описания и анализа политики памяти в ее региональном аспекте, но в масштабе всей России. Она рассматривает регионы от Калининграда до Дальнего Востока, от Кавказа до Санкт-Петербурга и Пскова.

В большинстве глав рассмотрены мезорегионы, включающие три и более субъекта федерации. Принципы построения таких мезорегионов всегда эксплицируются. Одна глава рассматривает всего два субъекта – Санкт-Петербург и Ленинградскую область, которые, несомненно, составляют тесно связанную пару с огромным полем взаимосвязанных тем политики памяти, но при этом демонстрируют очень разные подходы к этой проблематике. Еще одна глава посвящена исключительно Калининграду и области, но показывает политику памяти в эксклаве в сравнительном ключе.

В каких-то главах внимание сфокусировано почти исключительно на региональных столицах. Это чаще происходит в тех случаях, когда речь идет о небольших регионах, как, например, области центра России, в которых почти все ресурсы сконцентрированы именно в региональных центрах. В других главах в поле зрения авторов попадают несколько городов одного региона, что более типично для крупных, неоднородных и располагающих большими ресурсами субъектов федерации.

Авторы некоторых глав стараются дать сбалансированный обзор всего репертуара политики памяти. Другие главы жертвуют балансом ради преимущественного внимания к отдельным темам. Так, в главе о регионах юга России особое место отведено казачеству – и как актору, и как объекту политики памяти. В главе о Поволжье неожиданной сквозной темой оказываются претензии региональных центров на своеобразную «столичность» общегосударственного масштаба. Нижний Новгород, Казань, Самара, Ижевск – каждый из этих региональных центров предлагает нар-

ратив своей особой роли в жизни страны. В индустриальных центрах Урала и Сибири естественным образом особое внимание уделено памяти о промышленном развитии и о роли тыла в Великой Отечественной войне.

В книгу включены три главы, построенные по тематическому, не пространственному принципу. Е.Ф. Кринко рассматривает лишь один, но весьма сложный и многоплановый сюжет политики памяти в республиках Кавказа – учебники регионального компонента (А.И. Миллер дополняет этот анализ обсуждением региональных учебников как одного из аспектов политики памяти в регионах юга России). В.В. Лапин и А.Б. Матисова рассматривают сооружение памятников как особую сферу региональной политики памяти. Д.О. Хлевнюк рассказывает о региональной специфике памятования «трудного» прошлого – советских лагерей и депортаций.

Значительная часть работы над книгой была выполнена во время ковидных ограничений, что выдвинуло экспертные полуструктурированные интервью на первый план. По каждому региону мы старались брать как минимум три интервью, что позволяло сохранять критическую дистанцию по отношению к оценкам отдельных экспертов. Эти интервью в дальнейшем кодировались, что позволяло делать сквозные запросы к сформированной базе данных. При ссылке на интервью в книге указывается код региона по ОКАТО (общероссийский классификатор административно-территориальных образований) и номер эксперта среди проинтервьюированных экспертов данного региона. Так, Э-28-01 означает, что это первый эксперт, у которого было взято интервью в 28-м регионе, т.е. в Тверской области. Эксперты называются по имени в том случае, если они дали на это специальное разрешение. Вместе с тем все авторы также совершили экспедиции в рассматриваемые регионы, посещая ключевые музеи, парки «Россия – моя история», мемориальные комплексы и другие места памяти, проводя уже офлайн дополнительные интервью¹.

Разумеется, при подготовке книги широко использовались интернет-ресурсы, в том числе официальные документы федеральных акторов и региональных администраций, а также посвященные региональной политике памяти научные исследования, учебники и учебные пособия.

---

¹ В случае Калининграда, а также Санкт-Петербурга и Ленинградской области авторы являются «аборигенами».

Важную роль в книге играет сравнительный подход, причем как внутри отдельных глав, так и поверх кластерных границ. Тем самым создана основа для картирования мнемонического ландшафта России, позволяющая фиксировать динамические изменения в политике памяти как на федеральном, так и на региональном уровнях, выявлять специфику работы с прошлым с фокусом на системы и механизмы взаимодействия федеральных, региональных и локальных акторов, а также на региональные институты политики памяти. Особый, и специфически трудный для изучения аспект темы, который лишь фрагментарно затронут в книге, но может быть успешно исследован на основе предложенного нами подхода – влияние фактора этничности на региональную политику памяти. Также в сравнительном ключе затронута тема влияния трансграничных воздействий на мнемонический ландшафт в регионах с особым территориальным расположением и / или социокультурной спецификой. Она тоже требует более подробного изучения в условиях резкого обострения международной обстановки.

Книга, в определенном смысле, представляет собой площадку эксперимента, где в рамках общего сравнительного подхода, основанного на анализе институтов, акторных взаимодействий и нарративных стратегий, авторы адаптируют свои исследовательские подходы к специфике изучаемых мезорегионов. При том что во всех главах в фокусе внимания сохраняются проблема масштабирования и акторный подход, о которых шла речь во введении, и репертуар политики памяти, о котором мы поговорим подробнее в заключении.

ГЛАВА 1

«В ПОИСКАХ РУССКОЙ ДРЕВНОСТИ»: ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

(К.А. Пахалюк)

Введение

Настоящая глава посвящена субъектам Российской Федерации, выступающим ее «историческим центром» и способным стать выразителями той «непрерывной 1000-летней истории российского государства», о которой еще в 2005 г. говорил президент В.В. Путин. Отталкиваясь от этого тезиса, мы предположили, что первостепенное внимание следует обратить на те города, которые потенциально обладают этой самой «долгой историей» и могут служить воплощением «русской древности» (каким бы нагруженным, аморфным и противоречивым ни было это понятие!). Отсюда отбор конкретных городов и регионов должен мотивироваться не столько самой политикой памяти, сколько объективными факторами, в частности – датой основания. В качестве точки отсечения мы выбрали эпоху Ивана Грозного, когда завершилось формирование единого Русского государства. Соответственно, круг областных центров, основанных до 1584 г., сузился до 16: Псков, Новгород, Киров, Вологда, Ярославль, Кострома, Владимир, Смоленск, Рязань, Тверь, Калуга, Тула, Брянск, Орел, Курск и Нижний Новгород (последний в монографии рассматривается в главе о средневолжском мезорегионе). Речь идет о регионах с достаточно большим опытом совместной жизни в одном государстве (примерно 500 лет,

за исключением Смоленска) и однородных этнически (определившие себя русскими составляют более 91%)¹. Если Северный Кавказ формировался в условиях «оспариваемого пограничья», то здесь мы наблюдаем обратную картину – это исторический центр, политическая субъектность которого находится в далеком прошлом. По количеству населения эти регионы разбиваются на две группы: с численностью 600–750 тыс. (Костромская, Орловская, Новгородская и Псковская) либо около 1–1,2 млн человек (все остальные). Везде за последние 15 лет наблюдается небольшой спад в количестве жителей, что указывает на стагнацию социально-экономического развития и продолжение долговременного тренда депопуляции². А это дает основания предполагать и ограниченность средств для проведения активной политики памяти.

В первой части мы остановимся на изучении символических и институциональных механизмов, посредством которых федеральный центр структурирует взаимодействие с выбранными регионами. Во второй – перейдем к более детализированному анализу структуры историко-символического пространства. В последнем случае неоднородность и многообразие мезорегиона заставили нас ограничиться областными столицами – наиболее населенными городами, где сосредоточивается основная политическая, общественная и зачастую экономическая жизнь. Это, в свою очередь, позволяет выявленные тенденции использования прошлого признать доминирующими.

Мы вычленили объект исследования таким образом, чтобы в него вошли города, способные репрезентировать ту самую «русскую провинцию», противопоставленную «столице» и являющуюся для одних синонимом однообразия, отсталости и удушающей среды, а для других – местом обретения «подлинных национальных русских традиций». Канадский культуролог Людмила Парц обратила внимание, что последний взгляд характерен для дискурса национализма, причем такое осмысление провинции наиболее активно прорабатывалось деятелями культуры на излете двух империй – российской и советской, а в 1990-е годы «политики и бизнесмены обнаружили, что риторику провинциального мифа можно

---

¹ Национальный состав областей России 2021 (пер. 2010) // Statdata.ru. – URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-oblastei-rossii>

² Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

использовать в их собственных целях <...> они выстраивают новую воображаемую иерархию и провозглашают автономию и превосходство вместо былой зависимости и неполноценности»¹. Однако этот процесс преодоления чувства собственной неполноценности, свойственного для понятия «провинция», противоречив и далек от завершения. Изучая способы формирования региональной идентичности и регионального брендинга (в 2000-е – начале 2010-х годов), она писала, что «в то время как региональная идентичность по-прежнему подчинена национальной идентичности, которая еще только формулируется и обсуждается, в сфере культурного мифа провинциальное пространство остается некоей неопределенной нестоличной лакуной»². Собранный нами материал, впрочем, относящийся к 2010-м – началу 2020-х годов, во многом опровергает последний тезис.

На данном этапе мы обобщили информацию по 12 региональным столицам (Рязань, Тверь, Вологда, Ярославль, Кострома, Владимир, Калуга, Псков, Великий Новгород, Тула, Брянск и Смоленск). Поскольку Владимир теснейшим образом связан с Суздалем, формируя фактически единое историко-культурное пространство, мы были вынуждены включить и этот муниципальный центр в наш анализ. Ключевым методом стали полевые поездки продолжительностью 3–5 дней (2020–2022 гг.), предполагавшие осмотр памятников и музеев, их фотофиксацию, а также экспертные интервью (профессиональные историки, краеведы, руководящие работники сферы культуры), которые позволяют оценить общий контекст политики памяти в регионе. Обращение к официальным документам и материалам СМИ позволяло решать сопутствующие задачи, детализируя контекст.

Федеральный центр и регионы: институциональные механизмы сопряжения общенациональной и региональных исторических повесток

Как мы отмечали во введении к данной монографии, федеральный и региональный уровни невозможно разделить автоматически – перед нами сети взаимодействия разных акторов, пресле-

---

¹ *Парц Л.* В поисках истинной России. Провинция в современном националистическом дискурсе. – Бостон ; Санкт-Петербург : Academic Studies Press, 2022. – С. 106–107.

² Там же. – С. 106.

дующих собственные интересы. О тесном переплетении двух уровней свидетельствуют *практики прямого федерального присутствия*, что напрямую связано с деятельностью таких ключевых федеральных игроков на поле политики памяти, как Министерство культуры и Министерство обороны РФ, а также Российское военно-историческое общество (РВИО). Так, в нашем мезорегионе находятся 16 из 62 федеральных музеев, т.е. подчиняющихся федеральному министерству культуры, получающих от него финансирование и согласующих деятельность с ним, а не с региональными властями¹. Тематически они связаны с событиями военной истории² и биографией деятелей культуры XIX в.³ (в обоих случаях обладающими общенациональной известностью), а также с памятниками, синхронными эпохам позднего Средневековья и раннего Нового времени в Западной Европе (и тем маркирующими собою «русскую древность», которой придается общенациональный статус)⁴. В Ярославле, Владимире, Рязани, Великом Новгороде и Пскове именно в федеральном подчинении находятся основные государственные музеи, рассказывающие об истории региона. Они же оперируют известными памятниками культуры XII–XVII вв. Остальные областные музеи, за исключением тульского, не могут похвастаться таким наследием.

---

¹ Музеи // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: <https://culture.gov.ru/about/subordinates/muzei/>

² Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульский государственный музей оружия.

³ Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита»; Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”»; Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково»; Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»; Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»; Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова.

⁴ Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник; Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник; Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник; Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода»; Псково-Изборский объединенный музей-заповедник; Государственный музей «Смоленская крепость».

В 2010-е годы в нашем мезорегионе также проявилась тенденция (пере)подчинения местных музеев федеральным, находящимся в Москве – Музею Победы и Государственному центральному музею современной истории России (ГЦМСИР). Первый прирос тремя новыми небольшими тематическими объектами: Музеем Калининского фронта¹ в дер. Хорошево Тверской области в 2017 г., Музеем Г.К. Жукова в Калужской области и музейно-информационным центром у Ржевского мемориала, превращаемого федеральными властями в значимое «место памяти» (оба – в 2020 г.)². ГЦМСИР в 2012 г. увеличился за счет мемориалов в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область), их передали из подчинения Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург). Тем самым сложная и имеющая ярко выраженное международное измерение память о жертвах политического террора³ в отношении польских военнопленных стала предметом особого федерального попечения.

Помимо выделения средств на реставрацию и обновление экспозиций в подведомственных учреждениях, в нашем мезорегионе федеральное министерство культуры реализовало три крупных музейных проекта: музейный комплекс «Куликово поле» (2012–2016 гг., Тульская область, д. Моховое); новое здание Тульского государственного музея оружия (само помещение строилось в 2000–2011 гг., постоянная экспозиция открылась в 2015 г. и достраивалась позднее); вторая очередь Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в Калуге (2014–2021 гг.). Все три комплекса включают свои регионы в общенациональное пространство, эксплуатируя общезначимые героические страницы – развитие вооружения, победу над внешним врагом (Куликовская битва) и покорение космоса. Масштаб строительства, использование новейших музейных технологий, привлечение сильных команд историков, ориентация на развитие туристического потока – все это является отличительными чертами данных проектов.

---

¹ Получил известность под неофициальным названием «Музей И.В. Сталина».

² Этот информационный центр считается одним филиалом вместе с Музеем Калининского фронта. См.: Музей Победы. – URL: <https://victorymuseum.ru/about/filials/tjevskij>

³ Преимущественно политический характер определяется не только субъектом преступления, но и тем обстоятельством, что абсолютное большинство польских военнопленных были распущены по домам, а ликвидировали граждан Польши, которые были признаны политически опасными.

Однако содержательно они разнятся: если «Куликово поле» и Тульский музей оружия строятся на осознанном комбинировании общенациональных и региональных нарративов вплоть до их различия (и на протяжении более 25 лет являются успешными механизмами привлечения федеральных средств в интересах строительства региональной идентичности и поддержки местных культурных слоев), то Музей космонавтики в Калуге мы квалифицируем как общенациональный музей, локализованный в регионе.

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», образованный в 1996 г., создавался на протяжении нескольких десятилетий как общенациональный мемориал, правда, с очень сильным акцентом на образы «русскости» и православия. Коммеморация этого места восходит к началу XVIII в., а первый музей здесь появился в 1980 г., под 600-летний юбилей. Однако плохая изученность самого Куликова поля привела к принятию решения в Москве о продолжении его исследования¹. Разворачивающаяся научная работа способствовала становлению тульского археологического сообщества и стала основой для коммеморативных практик уже после 1991 г. Субъектами последних выступила целая группа акторов: федеральный центр (визуализация одной из ключевых героических страниц общенациональной истории), региональное правительство (привлечение федерального финансирования к располагаемым в регионе объектам культурного наследия, продвижение региональных нарративов), РПЦ (религиозные мотивы) и тульские сообщества археологов и историков-медиевистов².

На данный момент центральной частью музея-заповедника является комплекс в д. Моховое (2012–2016 гг.), где рассказ о литературном памятнике «Сказание о Мамаевом побоище» перетекает в репрезентацию современных знаний о самой битве. Другой комплекс находится в с. Монастырщино. С 2017 г. здесь действует экспозиция о формировании русского народа и его истории до 1380 г. Также музей-заповедник имеет филиалы в самой Туле: в одном из них в 2015 г. открылась интерактивная экспозиция, посвященная Дмитрию Донскому и Куликовской битве, адаптированная под детское восприятие. Стоит обратить внимание и на

---

¹ Наумов А.Н., Бурова О.В. Тайны и загадки поля битвы. Современные историки и археологи о Куликовом поле. – Тула, 2019. – С. 18.

² См. подробнее: Тульская историко-культурная энциклопедия / отв. ред. Е.В. Симонова. – Тула : Дизайн-коллегия, 2018. – С. 288–290.

практики привнесения общенационального звучания: в начале 2000-х годов в рамках комплекса в с. Монастырщино была создана Аллея памяти и единства (памятник Дмитрию Донскому, обустройство могилы красноармейцев, погибших здесь в 1941 г., а также памятные знаки от городов-участников Куликовской битвы). В музее в д. Моховое Куликовская битва представлена на фоне других знаковых сражений – Бородинской битвы 1812 г. и Прохоровской битвы 1943 г. Здесь же разбит дендропарк «Парк России», представляющий растения и деревья из разных регионов страны. Вместе с тем куда более сильно звучат все же православные практики увековечения. Так, в подчинении музея находится комплекс на Красном холме: памятник-колонна Дмитрию Донскому и храм преп. Сергия Радонежского, построенные еще в XIX в. В 1993 г. у так называемого Прощеного колодца, где по преданию Дмитрий Донской омывал раны своих воинов, построили часовню. Еще одна часовня, в 2014 г., появилась на месте слияния Дона и Непрядвы. В этом же году у Красного холма возвели памятник «Благословение князя Дмитрия Донского на битву преподобным Сергием Радонежским»¹. Собственно региональные нарративы отразились в филиалах, открытых в 1990-е годы, т.е. до описанной выше масштабной коммеморации Куликовской битвы: в 1997 г. музею переподчинили муниципальный музей «Тульские древности», где в 1999 г. обновилась экспозиция о тульских мастерах XVI–XVII вв.; в 1998 г. в Епифани появился Музей купеческого быта.

Тульский музей оружия вырос из заводского музея, открывшего в 1989 г. постоянную экспозицию в Богоявленском соборе Тульского кремля. В 1996 г. музей получил федеральный статус, после чего и началось его развитие – строительство нового здания (в форме древнерусского шлема) и формирование постоянной экспозиции. Несмотря на общенациональное позиционирование, сам музей в большей степени отражает усилия Тульского оружейного завода, нежели аналогичных производств по стране. Масштабная экспозиция, построенная почти исключительно на демонстрации образцов вооружения, фактически сведена к истории развития стрелкового оружия с XVII в. до наших дней. Даже когда речь заходит о мультимедийных экранах, реконструкции боевой обстановки и пр., все равно в центре находятся не люди, а «механизмы для убийств».

---

¹ Тульская историко-культурная энциклопедия. – С. 290–300.

Последние залы с ориентированными на детей симуляторами современных образцов техники доводят игроизацию войны до предела.

Рис. 1. Из экспозиции Тульского музея оружия

Совсем иным предстает Музей космонавтики в Калуге (см. рис. 2). Старая экспозиция была открыта еще в 1967 г., однако в конце апреля 2021 г. добавилось новое здание с действительно масштабной экспозицией, которая полностью переворачивает смысловое значение этого места. Хотя выбор места определяется региональной привязкой (здесь жил и работал К.Э. Циолковский), мы имеем перед собой федеральный – именно по содержанию – музей, локализованный в регионе (в описанных выше тульских музеях скорее иной подход – игра на неразличении между региональной и федеральной повестками). Об этом свидетельствует структура выставочного пространства: рассказ о мировой истории попыток освоения космоса переходит в развитие ракетно-космической мысли России и СССР (старая экспозиция), а затем продолжается повествованием о современных достижениях с весьма серьезным акцентом на международном космическом сотрудничестве и зарубежных космических программах. Лидерство нашей страны в этой области не сопровождается забвением чужих заслуг. Этот музей сложно назвать последовательно и линейно нарративным, скорее он направлен на эмоции и погружает посетителя в

мир космической экзотики. Учитывая тематическую перекличку с домом-музеем К.Э. Циолковского и относительно новым музеем А.Л. Чижевского, мы можем говорить о сочетании локальных, национальных и глобальных нарративов¹.

Рис. 2. Фрагмент экспозиции Музея космонавтики. Калуга, 2021

Другим федеральным ведомством – постоянным игроком на поле политики памяти, постепенно проникающим в регионы, является Министерство обороны. В его подчинении на данный момент находятся 14 музеев, разбросанных по всей стране². Общая тенденция последнего десятилетия заключалась в централизации управления. Также в региональном измерении стали масштабироваться историко-деловые развлекательные парки «Патриот»³. В настоящее время речь идет о нескольких десятках строящихся, реконструируемых или запланированных проектов по всей России, однако официальная обобщающая информация отсутствует. В на-

---

¹ Представляется, что за пределами нашего мезорегиона таким потенциалом обладают также Калининград (тема освоения мирового океана) и Екатеринбург (Ельцин-центр).

² Музеи // Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://sc.mil.ru/social/culture/museums.htm>

³ Плинер К. «Патриоты» в России: что с филиалами военно-патриотических парков // Регнум. – 2018. – 22.10. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2505103.html>

шем мезорегионе первый парк «Патриот» открылся в Туле в 2018 г. (см. рис. 3), а согласно сообщениям СМИ на конец 2021 г., решается вопрос о создании аналогичных учреждений в Рязани и Курске¹.

Рис. 3. Фрагмент экспозиции в Музее обороны Тулы
(региональный парк «Патриот»)

Следующая практика прямого присутствия федерального центра в регионах связана с реализацией крупных мемориальных проектов, которые по задумке властей призваны стать общенациональными символами. Как правило, таковые локализуются в Москве, реже – в других регионах. В выбранном нами мезорегионе к ним можно отнести два масштабных проекта начала 2020-х годов. Первым был создан Ржевский мемориал, открытый в 2020 г. усилиями Союзного государства Россия – Беларусь, РВИО и Министерства культуры РФ. Если Родина-мать в Волгограде символизирует народный подвиг, памятник советскому солдату в Трептов-парке – освободительную миссию, то этот монумент – само-

---

¹ Границы Рязани планируют изменить для создания парка «Патриот» // Медиярязань. – 2021. – 18.03. – URL: <https://mediaryazan.ru/news/detail/488488.html> ; В Курской области появится военно-патриотический парк культуры и отдыха «Патриот» // Администрация Курской области. – 2019. – 26.07. – URL: <https://kursk.ru/news/37023-v-kurskoy-oblasti-poyavitsya-voenno-patrioticheskiy-park-kultury-i-otdykha-patriot-sozdanny-po-anal/>

пожертвование. Открытие состоялось в 2020 г. с участием президентов В.В. Путина и А.Г. Лукашенко. Значимость для федеральной повестки этого мемориала определяется тем, что курирующий историческую политику помощник президента В.Р. Мединский сделал его одной из своих «визитных карточек». К маю 2021 г. произошло дополнительное инфраструктурное расширение – усилиями РЖД была построена железнодорожная станция «Ржевский мемориал»¹. Действительно ли удалось сконструировать общенациональный образ на данный момент судить рано, однако примечательно, что по официальным данным, за год его посетили более 2 млн человек², а при создании экспозиции от граждан были приняты несколько тысяч фотографий участников тех боев³. По утверждению опрошенных нами тверских экспертов, тема боев под Ржевом является значимой для жителей региона, однако региональные власти предпочитают сосредотачиваться на более «удобных» событиях, таких как освобождение Калинина, оставляя Ржев в стороне [Э-28-01; Э-28-03]. Второй масштабный мемориал связан с празднованием 800-летия Александра Невского в 2021 г. Наиболее значимый для федерального центра мемориальный комплекс появился в Псковской области на берегу Чудского озера и получил название «Князь Александр Невский с дружиной». Он был создан усилиями Министерства обороны РФ, РВИО и РПЦ (в частности, выделяется фигура митрополита Псковского и Порховского Тихона (Шевкунова)), а участие в его открытии принимал В.В. Путин.

Таким образом, практики прямого присутствия федерального центра расширяются, однако все же носят ограниченный характер и в случае с музеями остаются одной из форм взаимодействия с местными культурными и политическими элитами.

Как отмечалось во введении, в 2010-е годы федеральный центр стремился придать проводимой политике памяти общероссийское звучание, т.е. различными методами увязать федеральное

---

¹ «Ласточки» связали Москву с Ржевским мемориалом // Российское военно-историческое общество. – 2021. – 06.05. – URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-8121>

² Порядка двух миллионов человек посетили Ржевский мемориал за год с момента открытия // Российское военно-историческое общество. – 2021. – 30.06. – URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-8268>

³ Сбор фотографий для ржевского мемориала продолжается // Ржевский мемориал. – 2020. – 07.07. – URL: <https://rzhnev.histrf.ru/news/sbor-fotografij-dlya-rzhhevskogo-memoriala-prodolzhaetsya>

и региональное измерения, локализуя «федеральную повестку» на местах или придавая «региональным» компонентам общенациональную значимость. Примечательно, что в отношении нашего мезорегиона два наиболее последовательных механизма **символической интеграции** привели к выделению военной и / или средневековой составляющих истории. Во-первых, наиболее последовательно историческая унификация продвинулась в сфере среднего образования, о чем мы писали во введении. История изучаемого нами мезорегиона включена в него неравномерно, преимущественно через сюжеты средневековой и военной истории, сводящиеся к двум топосам: включение / исключение из состава единого русского государства и места сражений с внешними врагами. Другим механизмом стало формирование «почетных исторических перечней» – расширение списка дней воинской славы и памятных дат, закрепляемых в ФЗ № 32¹, присвоение Президентом РФ отдельным городам почетных званий Города воинской славы (с 2007 г.) и Города трудовой доблести (с 2020 г.). Анализ этих перечней (на весну 2022 г.) показывает, что в глазах федерального центра изучаемый нами мезорегион опять же востребован как носитель военной истории. Этот же вывод верен и относительно перечня дней воинской славы и памятных дат (общий список также «воинственен»: из 34 наименований 26 отсылают к войнам)². Формируемое этими практиками «символическое единство» оказывается пористым, т.к. не все субъекты федерации представлены равномерно, что внутренне противоречиво (как если бы не все граждане РФ были одинаково причастны к трудовой и героической славе!) и стимулирует региональные правительства лоббировать «свои события». В частности, на протяжении 2010-х годов власти Калужской области неоднократно пытались включить в качестве памятной даты 11 ноября, день победы в «стоянии на Угре». Этот вопрос в

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2020 г.) (база данных законодательных актов «Континент»).

² Обратим внимание, что Москва и Московская область представлены тремя событиями (5 декабря – контрнаступление 1941 г., 7 ноября – парад на Красной площади, 8 сентября – Бородинское сражение), Санкт-Петербург и Крым – двумя (Октябрьская революция и снятие Блокады; 28 июля – День Крещения Руси, и 19 апреля – День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи).

2019 г. рассматривался в Государственной Думе¹, однако ввиду возникшего скандала (в т.ч. и с участием властей Татарстана) не был решен положительно. Лоббистские усилия калужских властей, на наш взгляд, демонстрируют вполне очевидную прагматику: символическое признание значимости даты могло стать дополнительным и вполне весомым аргументом для привлечения федерального финансирования на тематические историко-туристические проекты. Так, с 2017 г. 11 ноября является памятной датой в Калужской области, а с 2019 г. село Дворцы получило региональный статус «Рубежа воинской славы», здесь же проводится и культурно-исторический фестиваль «УграФест»².

Ограниченность федеральных методов символической интеграции восполняется акцентом на **институциональное строительство** в сфере исторической политики. С точки зрения «жесткости управления» можно выделить несколько групп.

Во-первых, это *координирующие комиссии*, формируемые к той или иной юбилейной дате и предполагающие проектные (т.е. ограниченные по времени, месту и средствам) формы работы и финансирования. Среди заметных следов «общенациональных юбилеев» можно отметить восстановление дореволюционной колонны в честь народного ополчения 1812 г. в Великом Новгороде (правда, не на центральной площади, а на окраине), открытие в Рязани музея А.И. Солженицына (в 2018 г. отмечалось его 100-летие), а также масштабную реконструкцию Тульского кремля (в 2016 г. В.В. Путин подписал указ о праздновании его 500-летия).

К этой категории мы относим и проект «Без срока давности» (с 2018 г., см. введение), направленный на увековечение жертв нацистских преступлений и отличающийся куда большей устойчивостью и последовательностью, что определяется прямым контролем со стороны Администрации Президента. В одно из ключевых мест памяти федеральные игроки попытались превратить мемориал Жестяная Горка под Великим Новгородом. Во время оккупации в этой деревне дислоцировался карательный отряд, сюда свозили и расстреливали арестованных граждан из прилегающих районов.

---

¹ Шулепова Е. День Стояния на Угре может стать государственной памятной датой // Российская газета. – 2019. – 14.07. – URL: <https://rg.ru/2019/07/14/reg-cfo/den-stoianii-na-ugre-mozhet-stat-gosudarstvennoj-pamiatnoj-datoj.html>

² 11 ноября в Калужской области отмечают региональный праздник // Российское историческое общество. – 2020. – 11.11. – URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/kaluga/novyj-regionalnyj-prazdnik-kaluzhskoj-zemli.html>

Историки называют разное количество жертв («не менее 2,6 тыс.», «не менее 3,7 тыс.»), однако несомненно, это далеко не самое крупное место массовых убийств на территории России. В 2019 г. здесь проходила поисковая экспедиция, которая обнаружила останки 521 человека¹. В 2020 г. состоялось их перезахоронение и при участии РВИО открытие мемориала, в дальнейшем его планируется дополнить информационным центром (музеем). Одновременно в октябре 2020 г. Солецкий народный суд Новгородской области квалифицировал убийства в Жестяной Горке в качестве акта «геноцида народов СССР»². Тем самым параллельно с оформлением памятного места был создан юридический прецедент признания данного определения – «геноцид советского народа» – в качестве легитимного. Обратим внимание, что все же «центральный» мемориал жертвам нацистского террора, мемориал, не уступающий по размахам Ржевскому, будет открыт в 2023 г. в Гатчине, под Санкт-Петербургом. Отсутствие внятных исторических объяснений выбора места заставляет предположить, что решение мотивировалось близостью именно ко «второй столице».

Следующий способ взаимодействия, только на первый взгляд близкий к описанному выше, состоит в праздновании *юбилеев основания городов*: значимость даты признается указом президента, и федеральный центр выделяет значительное финансирование на инфраструктурное и экономическое развитие, включая историческое наследие. Тем самым манифестация древности перед федеральным центром и представление региона в качестве оплота русской государственности становятся моральным аргументом в конкуренции за дополнительные федеральные средства, что, по нашему мнению, уместно квалифицировать как вариант рентного поведения³. В 2003 г. отмечалось 1000-летие Пскова (в историческом плане это повлекло за собой установку двух памятников св. княгине Ольге, восстановление часовни в ее память, реставраци-

---

¹ Колотушкин В.Г. Жертвы Жестяной Горки (новые данные из документов государственных архивов Новгородской области) // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века / под ред. К.А. Пахалюка. – Москва : Яуза, 2021. – С. 157–170.

² Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // Известия. – 2020. – 27.10 – URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genocid-sovetskogo-naroda-nacistami-v-zhestianoj-gorke>

³ См. подробнее: Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

онные работы в храмах и кремле, а также в здании вокзала, около которого появилась часовня в память отречения Николая II¹); в 2009 г. – 1150-летие Великого Новгорода (более 3 млрд рублей выделены на реставрацию ансамблей кремля, Ярославова дворища и благоустройства Рюрикова городища)²; в 2010 г. – 1000-летие Ярославля (на протяжении 2000-х годов за федеральный счет осуществлялись комплексная реставрация храмов XVII в., работы по сохранению зданий Ярославской Большой мануфактуры, разбивка парка 1000-летия Ярославля); в 2013 г. – 1150-летие Смоленска (частичная реконструкция набережной и крепостной стены, памятник князю Владимиру; однако значительная часть средств освоена не была, равным образом запланированные монументы в честь городского юбилея и меценатов Тенишевых до сих пор не построены³).

Естественно, что в скобках мы выделяли наиболее значимые и долгосрочные проекты по преобразованию «инфраструктуры памяти», в то время как на практике количественно доминировали мероприятия фестивального типа, а львиная доля средств все же шла на не связанные с историей цели. Древность оказалась не более чем привязкой и способом объяснить, почему именно эти, а не другие города имеют право на дополнительное финансирование. Масштабное празднование «древних юбилеев» наследует позднесоветской традиции прославления древности городов даже при отсутствии на это весомых оснований. Показателен здесь Владимир, который в 1958 г. праздновал 850-летие, а в 1992 г. – уже 1 000-летие. Хотя в 1985 г. в Брянске к 1000-летию юбилею даже установили памятный знак на месте, где предположительно и был заложен город (Чашин курган), археологическая обоснованность

---

¹ Маркова М.Т., Кукова С.В. Псковская область сегодня. – Псков, 2005. – С. 20. Весьма показательно, что в 1987 г., согласно воспоминаниям В. Потресова, бывшего в тот момент журналистом «Огонька», само предложение как-то отметить памятной доской это событие вызвало резко негативную реакцию у региональных властей города. См.: Потресов В. Тако в нас написано в летописцах... Псковский край : очерки, портреты, дневники. – Великие Луки, 2012. – С. 46.

² Реставрация памятников истории и культуры Великого Новгорода // Правительство Новгородской области. – URL: <https://www.novreg.ru/press/news/press/19578/>

³ Раичев Д. В Смоленской области ликвидировано «юбилейное» управление // Российская газета. – 2013. – 22.12. – URL: <https://rg.ru/2013/12/22/reg-sco/jubilee.html> ; Гаврилов Е. Пережитки прошлого... юбилея // Readovka.ru. – 2018. – 27.09. – URL: <https://readovka67.ru/news/37629>

этого заявления подвергается сомнению. Примечательно и то, что прилегающая территория до сих пор не получила развития (в виде дополнительных мемориальных объектов, инфраструктуры доступа и пр.). В 1995 г. 1000-летний юбилей отпраздновал и Белгород, не имея на то убедительных оснований¹.

Куда более «сильный» способ координирования предлагают федеральные акторы исторической политики, создающие сеть региональных отделений и тем самым – *механизмы лоббирования местных интересов перед центром и структурирования местной повестки под видение центра*. Наиболее заметная роль государством отведена Российскому историческому и Российскому военно-историческому обществам, а также Фонду президентских грантов.

По данным на апрель 2022 г. РИО обладало 53 региональными отделениями по всей России; в нашем мезорегионе они созданы везде, кроме Рязанской области. Отличительная особенность заключается в том, что главами отделений являются ученые-историки, деканы исторических факультетов или директора профильных институтов. Это позволяет не только выстраивать отношения с научной общественностью, но и поддерживать те проекты, в которые вовлекают школьников и студентов. РВИО в большей степени в регионах опирается на представителей общественности, бизнеса и политических элит, которые могли бы собственные проекты репрезентировать в качестве мероприятий общества и по мере возможности использовать дополнительный официальный статус – статус председателей региональных отделений – для отстаивания собственных интересов.

Взаимодействие по линии региональных отделений не является единственной формой присутствия данных федеральных акторов в регионах. В частности, РВИО наиболее известно широко развернутой военно-мемориальной деятельностью. В изучаемом мезорегионе реализованы 76 мемориальных проектов, включая аллеи героев в Костроме, Калуге, Старой Руссе, Жукове и серию бюстов в дер. Хорошево Ржевского района. Причем практически во всех случаях они дополняют другие виды работы с историей – обустройство местных музеев или поисковые экспедиции². Только

---

¹ Сиренов А.В. О феномене удревления городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4(17). – С. 185–193.

² Зайцева гора в Калужской области до 2016 г. и Ржевский выступ – изначально ключевые места для организуемых Обществом экспедиций – уже затем стали местами приложения усилий в области монументальной пропаганды. На

16 памятников или мемориальных аллей расположены в региональных столицах, остальные – в муниципалитетах, в основном они либо посвящены местным героям, либо представляют обобщенные символы. Из этого следует, что большинство памятников нацелено на проработку даже не региональной, а локальной повестки, тем самым федеральный центр (в лице исполнительной дирекции РВИО) фактически возлагает на себя то, чем в теории должны заниматься муниципальные власти. Можно предположить, что изначальная инициатива принадлежала местным элитам, а потому данные памятники имеют смысл расценивать не как прямое федеральное присутствие, а как результат лоббирования и взаимодействия местных и федеральных элит. Концентрация усилий в одном месте, диверсификация практик при относительно смысловом однообразии, выбор неконфликтных сюжетов, привлечение преимущественно московских скульпторов – все это составляет отличительные свойства «монументальной пропаганды» РВИО в регионах. В определенной степени можно согласиться с тезисом М.А. Липман о всеядности государственной монументальной политики, опасющейся разве что тех страниц, которые связаны с государственными преступлениями и провалами¹.

Третьим значимым федеральным актором, нацеленным на структурирование активности местных элит, является Фонд президентских грантов. В нашем мезорегионе он отдавал предпочтение проектам военно-исторической или церковной направленности, связанным с событиями Великой Отечественной войны или предыдущими вооруженными конфликтами. С точки зрения локализации поддержку получали те мероприятия, проведение которых

первых порах именно РВИО создавало экспозиции Музея Калининского фронта в д. Хорошево (который затем «оброс» серией бюстов, включая бюст И.В. Сталина), музея Е.Н. Преображенского в Кириллове и резекспозицию Музея Г.К. Жукова в г. Жуков. Аллея героев-калужан появилась недалеко от военно-исторического центра «Маршал Победы – Георгий Константинович Жуков», филиала местного областного музея, возглавляемого региональным председателем РВИО. Единственным исключением является Кострома, однако здесь аллея героев находится напротив здания правительства.

¹ *Липман М.А.* Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России и общественные представления о выдающихся исторических личностях // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 81–107.

имело либо общерегиональный, либо локально-муниципальный характер, а не ограничивалось только региональными столицами. Не имея пока возможности в полной мере оценить эффективность ФПГ с точки зрения поддержания локальных сообществ, занимающихся работой с памятью, мы должны признать, что оказываемая поддержка имеет значимость для частных музеев. Так, во Владимире она способствовала формированию частного Музея ложки; в Великом Новгороде выделенные гранты имели ключевое значение для становления, а затем и выживания в условиях пандемии одного из двух частных музеев города – Киномузея; в Костроме в 2020 г. грант на развитие экспозиции получил Музей костромского купца, который, по крайней мере, на тот момент представлял частное собрание различных предметов быта XVIII–XX вв., а сама экскурсия основателем сего хранилища (на август 2020 г.) строилась как рассказ о коллекциях и путях ее пополнения (на наш взгляд, выделение средств на то, что является наиболее уязвимым местом этот частного проекта, можно оценить исключительно положительно).

Подведем промежуточный итог. В нашем мезорегионе федеральный центр делал акцент в большей степени на диверсификации механизмов, обеспечивающих связность проводимой политики памяти, нежели на идейном развитии. Не культурные практики и воспроизводящие их «сообщества памяти», а институты и мемориальные объекты – вот что составляет предмет особого интереса. Наиболее востребованными оказались сюжеты, связанные с военным прошлым и «древним русским» культурным наследием. Последнее заставляет отчасти согласиться с Л. Парц, которая утверждала, что провинция, представленная как «хранилище русского национального духа», нужна властному дискурсу: на фоне нарастающих антизападнических настроений она собою репрезентирует то, что и составляет «превосходство России»¹. Выбранные тематические направления, действительно, при желании с легкостью включаются в антизападную риторику, однако изученный нами материал не позволяет заключить, что демонстрация антизападничества входит в число обязательных требований к регионам.

Тот факт, что выше мы писали именно о государстве и связанных с ним организациях, не должен удивлять: это является отражением более общей тенденции огосударствления различных сфер жизни российского общества и экспансии рентных отношений.

---

¹ Парц Л. В поисках истинной России. – С. 34–35.

Оборотной стороной тенденций, отмеченных во введении, является слабость негосударственных общефедеральных акторов политики памяти в рассматриваемом мезорегионе. Так, Вольное историческое общество остается «клубом по интересам» преимущественно московско-питерской интеллигенции (14 из 15 членов совета Общества). Активность региональных отделений общества «Мемориал» (государство признало его «иноагентом», а в 2022 г. принудительно ликвидировало) на протяжении рассматриваемого периода оставляла желать лучшего. Наиболее заметным исключением является выставка «Суздальская тюрьма. Летопись двухвековой истории», открытая в 2001 г. на территории Спасо-Евфимиева монастыря. Согласно вводной информации, она стала результатом работы фактически двух федеральных акторов – общества «Мемориал» и Владимиро-Суздальского музея-заповедника (подведомственное учреждение федерального министерства культуры). Действительно, ставший общефедеральным проект «Последний адрес» пока наиболее активно развивается в крупных городах (Москва и Санкт-Петербург, с большим отставанием – Екатеринбург и Пермь). В нашем мезорегионе лишь в Калуге установлены шесть табличек, в то время как в Туле – две, в Костроме, Пскове, Великом Новгороде и Твери – по одной.

Акторы политики памяти в региональных столицах Центральной России

Многообразие организаций, вовлеченных в процессы актуализации истории, требует поиска критерия для их изначальной классификации. В качестве такового мы взяли наличие автономных источников финансирования и на этой основе выделили три ключевые группы мнемонических акторов: государство (бюджет), общественные организации (пожертвования) и бизнес (коммерческая прибыль). Очевидно, что на практике они переплетаются, причем не только бизнес и общественные организации бьются за бюджетные средства, но и государство ищет партнеров, которые идеями или собственными деньгами могли бы вложиться в те или иные инициативы.

Наиболее крупным игроком остается **государство**, а именно региональные органы исполнительной власти, которые через управление бюджетными учреждениями культуры (прежде всего, музеи и библиотеки) структурируют работу профессиональных

сообществ, через субсидии и гранты – деятельность независимых общественных организаций, а взаимодействие с федеральным центром используют как способ привлечения дополнительного финансирования. Благоустройство, повышение туристической привлекательности, обеспечение сохранности памятников материальной культуры – именно эти три направления деятельности порождают определенные управленческие решения. Одним из их итогов и становится то, что уже мы, исследователи, можем концептуализировать в качестве исторической идентичности. Для привлечения средств бизнес-сообщества могут создаваться специальные фонды, так например, в Брянской области существовал фонд поддержки мемориального комплекса «Партизанская поляна» (2009–2017 гг.), а в Тульской – фонд «Тульский кремль» (2012–2020). Через них осуществлялось финансирование совершенно разных проектов, не только вынесенных в заглавие. В обоих случаях после смены губернаторов, при которых были образованы фонды, начали возникать серьезные скандалы относительно расходования средств, и эти структуры вскоре ликвидировали¹. Фактически фонды выступали в качестве механизма подконтрольного властям проектного (то есть ограниченного по целям) финансирования и не смогли стать долгосрочным институциональным инструментом – посредником между властями и бизнесом. Во всех изученных городах за последние 15 лет произошло полное или частичное обновление экспозиций областных музеев, увеличилось количество музеев (как самостоятельных, так и филиалов), в т.ч. и за счет частной инициативы. Другое направление – благоустройство исторического центра и различного рода публичных пространств (парки, аллеи, площади и пр.), сопровождаемое их активным насыщением различными «знаками истории» (от памятников и мемориальных табличек до информационных стендов и более изощренных методов, которые мы отметим ниже). Хотя решения в этой сфере, как правило, принимаются на основе внутренней экспертизы, отдельные результаты указывают, что некоторые ведомства, общественные и ветеранские организации оказываются достаточно успешными в лоббировании своих интересов. Если силовые ведомства (военные, а также МВД, Росгвардия, ФСБ, включая пограничников,

---

¹ Золотые купола. Кто рулит «Тульским кремлем» и сколько денег через него прошло // Tulactive.ru. – 2018. – 15.02. – URL: <https://tulactive.ru/news/100984> ; Брянская «Партизанская поляна» задолжала 1,34 млн. рублей за бронзовые бюсты // Город Брянск. – 2016. – 21.01. – URL: <https://gorodbryansk.info/2016/01/court-59/>

ФСИН) обычно ограничиваются памятниками, то холдинг «Российские железные дороги» имеет ведомственные музеи в Твери и Пскове, а здания вокзалов обставляются не только тематическими памятниками (как памятник одному из основателей современной Северной железной дороги Савве Мамонтову, 2008 г.), но и различными табличками и прочими мемориальными знаками, в т.ч. прославляющими династию Романовых (Калуга, Псков и Тверь). В Твери были реконструированы и императорские залы, ставшие самостоятельным музеем наряду с железнодорожным. Вероятно, последнее является отражением личных исторических пристрастий В.И. Якунина, который в 2005–2015 гг. управлял ОАО «РЖД».

Вторым субъектом выступают общественные организации, которые помимо господдержки могут опираться на пожертвования. В случае успеха краудсорсинга это делает их экономически автономными от государства. В нашем мезорегионе таковым игроком является **РПЦ**¹. Поскольку именно храмы и прочие церковные постройки являются одними из основных достопримечательностей рассматриваемых городов, то последовательная политика реституции фактически делает церковь ключевым игроком на поле публичной истории. Более того, именно православная церковь не только, как отмечалось во введении, получила карт-бланш на проработку памяти о политических репрессиях, но и в ряде регионов (Псков, Кострома, Тверь и Рязань) предложила властям набор практик, образов и нарративов для формирования новых региональных идентичностей.

Другим значимым игроком данного типа в нашем мезорегионе мы можем признать **сетевой проект «Том Сойер Фест»**. Он зародился в Самаре в 2015 г. усилиями общественной организации «За информационное общество», занимающейся вопросами городского развития. Суть проекта заключается в сохранении исторической среды, а ключевая практика – деятельность волонтеров по приведению в порядок старинной застройки, в основном деревянных домов, не имеющих статуса объектов культурного наследия. Распространение наработанного опыта и методов работы через обучающие материалы и семинары позволило уже спустя четыре года охватить 39 городов и сел по всей России, включая и относящиеся к центральному мезорегиону Тверь, Вологду, Рязань, Тулу, Калугу, Брянск и Кострому, т.е. преимущественно те города, где

---

¹ О федеральной составляющей политик памяти РПЦ см.: *Еремеева С.А.* Память. Поле битвы или поле жатвы? – С. 49–67.

сохранилась деревянная застройка XIX–XX вв. На наш взгляд, значимость инициативы определяется не столько масштабом (обустройство фасадов единичных домов), а постепенным формированием сообщества гражданских активистов, вовлеченных в градозащитную повестку. На сайте в качестве партнеров указаны только шесть частных компаний, причем пять относятся к строительному сектору¹. Хотя для многих активистов действительно важна независимость от внешних инстанций и организаторы культивируют дух горизонтального сотрудничества, что заставило некоторых исследователей увидеть в проекте «новый субъект городского диалога»², в действительности «головная организация» регулярно получает финансовую поддержку от государства – Фонда президентских грантов. За 2017–2021 гг. она составила 13,9 млн рублей. Отношение местных властей к волонтерам разнится город от города. Судя по опубликованным интервью с участниками Том Сойер Фест, в Костроме и Калуге оно отличается равнодушием, впрочем, в последнем координатор проекта сам признает, что против их вмешательства³. В Твери, наоборот, удалось выстроить сотрудничество⁴. В Вологде волонтеры решили спасти деревянный дом XIX в. фотографа Л. Раевского. В 2019 г. появились репродукции его работ, ставшие свидетельством культурной значимости незарегистрированного памятника истории (см. рис. 4). Однако в 2022 г. здание все равно снесли.

Третьим субъектом региональной политики памяти является **бизнес**, который может как включаться в деятельность общественных организаций или государства (теряя субъектность и превращаясь в спонсора), так и реализовывать собственные проекты. Из числа последних с точки зрения долгосрочного влияния на историко-культурную среду мы выделяем создание частных музеев, что стало значимой тенденцией и для нашего мезорегиона начиная

---

¹ Партнеры // Том Соейр Фест. – URL: <http://tsfest.ru/category/partners/>

² Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? – С. 141.

³ «Если города фестиваля выстроить в шеренгу, мы будем с краешку»: «Том Сойер Фест» в Костроме // Том Сойер Фест. – 2021. – 12.07. – URL: <http://tsfest.ru/если-города-фестиваля-выстроить-в-ше/> ; «Черный PR для фестиваля»: как «Том Сойер Фест» в Калуге пережил снос дома, восстановленного волонтерами // Том Сойер Фест. – 2021. – 27.05. – URL: <http://tsfest.ru/черный-pr-для-фестиваля-как-том-сойе/>

⁴ «Томы Сойеры» нашего времени. Как волонтеры сохраняют в Твери историческую среду // Афанасий. Бизнес. – 2021. – 05.08. – URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/180297> (дата обращения: 04.04.2022).

с конца 2000-х годов¹. Наиболее активным их рост оказался не только в городах Золотого кольца – Ярославле, Костроме и Владимире, но и в других региональных столицах – Рязани, Вологде и Твери. Отдельные примеры таких музеев, впрочем, есть в каждом городе. В одних случаях речь идет, скорее, о туристических бизнес-проектах (например: костромские Музей сыра и Музей моды Снегурочки, интерактивный макет «Золотое кольцо» в Ярославле, Музей истории рязанского леденца или же исторический салон «Аромат времени» в Рязани, организованный местным экскурсоводом), в других – о попытках актуализировать частные коллекции оружия, кукол, ложек, моделей поездов и пр., в третьих – о заимствовании языка истории для позиционирования бизнеса в публичном пространстве. К таковым мы относим Музей Тверской игрушки, Музей-фабрику Большой ярославской мануфактуры, Музей ювелирного искусства в Костроме, Музей Большой костромской льняной мануфактуры, музеи связи в Твери и Смоленске. Для таких проектов – за вычетом тех, которые презентуют коллекции оружия, – характерна политическая деидеологизация и демилитаризация экспозиции, подчеркивание различных сюжетов из бытовой и промышленной локальной истории. Поскольку именно эти темы, а не «большие государственные нарративы» и «славные победы прошлого», привлекают бизнес-инвесторов, мы можем предположить, что это является отражением понимания запросов публики, т.е. потенциального спроса. А это, в свою очередь, иногда позволяет прорабатывать те темы, которые оказываются за пределами внимания государства. Так, костромской Музей ювелирного искусства при одном из ювелирных магазинов оказался единственным, где рассказывается о фактически каторжном труде рабочих в дореволюционный период, в частности – о крестьянах-кустарях, в XIX – начале XX в. занимавшихся тяжелым и вредным для здоровья изготовлением медных ювелирных изделий. Этот музей резко диссонирует с доминирующим в городе историческим пространством, прославляющим династию Романовых.

---

¹ Например, в регионах Северо-Западного федерального округа (отчасти мы его захватываем, поскольку анализируем Вологду, Псков и Великий Новгород) с середины 2000-х годов было открыто не менее 316 частных музейных проектов. См.: *Королев К.М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – С. 199–212.

Рис. 4. Дом Л. Раевского в Вологде, 2020 г. (снесен в 2022 г.)

Естественно, роль частного бизнеса в актуализации истории не ограничивается только музеями. Наиболее ярко она проявляется в изготовлении сувенирной продукции, организации экскурсионной деятельности (а значит, маркетинговые стратегии сопряжены с популяризацией истории) и исторической стилизации кафе и ресторанов, причем здесь интересны примеры, когда обращение к истории не ограничивается названием заведения и наименованием блюд. Рестораны русской кухни типичны для всех изученных нами городов, однако наиболее последовательно этот образ был обыгран в Калуге, где трактир «Русские традиции» представляет себя в качестве «музея русской кухни и калужского теста». Выражено это не только в интерьере, но и в рассказах о гастрономических привычках дореволюционной Калуги – бизнес-стратегия ориентирована на то, чтобы посетитель почувствовал сопричастность городской старине. Другой пример представляет развлекательный комплекс «Лазурный» в Твери: банкетный зал обустроен экспозицией о Михаиле Круге, который любил бывать здесь. На туристических сайтах это также подается в качестве музея¹. В Ярославле в 2010 г. была открыта пивная «Афоня», стилизованная в советском стиле и отсылающая к одноименному фильму, который снимался в

¹ Музей Михаила Кпыра // Tourister. – URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/tver/museum/28674>

городе. У входа стоит памятник героям Л. Куравлева и Е. Леонова, а в интерьере использованы цитаты из этого кинопроизведения.

К сожалению, мы должны констатировать проблематичность признания профессиональных историков или краеведов в качестве самостоятельного актора политики памяти. Для этого им приходится включаться в повестку других субъектов. Естественно, ни для бизнеса, ни для РПЦ, ни для государства борьба за историю не является самоцелью, первичны сторонние интересы – прибыль и деловая репутация; укрепление православной идентичности; политическая легитимность. Соответственно, итоговый результат – с какой историей соприкасается посетитель – зависит от того, как на практике удастся найти точки соприкосновения между профессиональной научной этикой и прагматическими задачами акторов политики памяти.

Наиболее наглядно влияние профессиональных сообществ проявляется либо в виде внутренней экспертизы, либо публичной критики. Значимыми исключениями предстают Псков и Великий Новгород: оба города сильно пострадали в ходе Великой Отечественной войны, а потому серьезным образом встал вопрос о сохранении и реставрации многочисленных памятников культуры (кремли, церкви, фрески) эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В 1950–1970-е годы здесь сформировались сообщества историков, реставраторов, художников и краеведов, возложивших на себя ответственность за эту работу. Увековечение памяти некоторых историков и реставраторов в виде мемориальных досок, памятников и даже музеев (мемориальная квартира художника-реставратора Ю. Спегальского в Пскове, мастерские четы Грековых в Великом Новгороде, не считая отдельных памятников и памятных досок), постоянное упоминание их роли в музейных экспозициях, активное участие в дискуссиях вокруг новых памятников (отчасти благодаря чему территория вокруг кремлей не захламлена новоделами) – все это явным образом указывает на субъектность сообщества или как минимум на наличие действительно успешных активистов памяти (в случае с Ю. Спегальским большую роль по продвижению его наследия и формированию мифологизированного образа в 1970–1980-е годы сыграла его вдова О. Аршакуни)¹. Влиятельность исторического сообщества в публичном пространстве заметна и в Туле. В связи с празднованием 600-летия Кули-

---

¹ См.: *Котрен Л.* Отверженный провидец. Юрий Павлович Спегальский и восстановление Пскова. – Санкт-Петербург, 2020.

ковской битвы в 1980 г. и дальнейшим поиском точного места, где она происходила, активизировалась работа археологов. Участниками экспедиций Государственного исторического музея становились местные археологи, которые впоследствии сформировали самостоятельное профессиональное сообщество¹. Его работа не только привела к восстановлению многих страниц средневековой истории города и региона, но и в 2010-е годы стала основой для ряда историко-мемориальных проектов как на месте Куликовской битвы, так и в Тульском кремле.

Взаимодействие всех этих групп акторов неравномерно и имеет собственные особенности в зависимости от региона. Так, несомненна связь между развитием частных музеев в Ярославле, Костроме, Владимире, Туле и ориентацией властей на привлечение туристов, однако эта же экономическая специализация характерна и для Великого Новгорода, хотя вплоть до последнего времени частных музеев здесь не было, а существующие скорее отражают интересы создателей, нежели ориентированы на извлечение прибыли. Степень взаимодействия региональных властей с РПЦ при общем тренде на сотрудничество также остается неодинаковой. Именно в Рязани, Костроме, Твери и Пскове церковь предложила чиновникам набор инструментов и образов для формирования региональных идентичностей через прославление тех периодов, которые мы ниже именуем «золотой эпохой». В Рязани это фигуры Олега Рязанского и Сергия Радонежского; в Твери – образ Михаила Тверского, восстановление утраченных храмов и церковное почитание святых тверской земли; в Костроме – придание теме призвания Михаила Романова на царство православных коннотаций (Ипатьевский монастырь, Феодоровская икона Божьей Матери); в Пскове – прославление святых защитников (св. Ольга, св. Довмонт, икона Псковской Богоматери). В других городах степень совместной работы по формированию историко-мемориального пространства все же ниже (к сожалению, из-за ограниченного объема данной главы мы не можем подробнее остановиться на этих сюжетах).

Отдельно нельзя не упомянуть и тесные связи между РПЦ и военными, своеобразный союз меча и креста, который на протяжении 2010-х годов на общегосударственном уровне только креп, а в 2020 г. визуализировался в Главном храме Вооруженных сил РФ. В регионах схожие тенденции наблюдаются на протяжении последних нескольких десятилетий, когда местные епархии предла-

---

¹ Тульская историко-культурная энциклопедия. – С. 11.

гают практики дополнительного прославления военных героев и обоснования роли армии в жизни государства, а военные получают взамен механизм идейно-политической работы с личным составом. Естественно, что и здесь мы также не наблюдаем однородности в регионах. Наиболее заметны церковно-военные связи в Твери, где ключевой военно-мемориальный комплекс «Остров славы» в 2002 г. был дополнен храмом в честь Михаила Тверского, а в 2010-е годы установленный региональными властями специальный информационный стенд расширил символику этого места, сообщив, что ранее тут располагался Феодоровский монастырь, а советский мемориал построен на месте храма Николы на Зверинце. Рождественская церковь в Рыбаках вообще предложила часть внутреннего пространства для военно-патриотической выставки (см. рис. 5).

Рис. 5. Военно-патриотическая выставка к 75-летию Победы в Рождественской церкви, что в Рыбаках, июнь 2020 г.

В Смоленске сквер памяти воинов-интернационалистов в 2008 г. дополнился Георгиевской часовней. Инициативу проявляют и отдельные приходы. Так, в тверском храме Бориса и Глеба (XVIII в.), открывшемся в 2013 г., уже на следующий год появилась памятная доска «сотрудникам министерства внутренних дел, погибшим при выполнении служебного долга 1881–2013 гг.», на

которой увековечены вместе сотрудники правоохранительных органов тверского региона императорской России, СССР и современной России (причем внесены также сотрудники МЧС)¹. Тем самым не только воплощена идея преемственности исторических эпох, но и осуществлена сакрализация подвига «силовиков»². Прославление воинской славы во внутрихрамовом пространстве мы можем обнаружить в Пскове и Вологде: в обоих городах в храмах Александра Невского появились памятные доски с перечислением местных жителей, погибших в афганскую войну и чеченскую кампанию.

Взаимодействие государства с другими общественными организациями менее выражено в городских пространствах, так как на практике оно зачастую ограничивается субсидированием мероприятий и какой-либо ограниченной по времени и месту активности. Однако отчасти это находит и более устойчивое выражение в практиках благоустройства. Взаимодействие властей со старообрядческой церковью намного скромнее, однако тоже ведет к распространению ее контроля над некоторыми объектами исторической инфраструктуры. Нарастающая мемориальная активность свидетельствует о том, что городское пространство – особенно площади, парковые зоны и крупные мемориалы Великой Отечественной войны советского периода – все чаще рассматривается как требующее дополнения, преобразования и расширения смыслового значения. Мемориальная активность не просто захватывает свои зоны, но и делает их точками манифестации своей идентичности. Одиночных памятников уже недостаточно и акцент делается либо на серийность (аллеи героев в Костроме и Калуге, постоянно добавляемая аллея русских путешественников в сквере около рязанского Музея путешественников³ и пр.), либо на дополнение

---

¹ В Твери открыта мемориальная плита в память о погибших сотрудниках органов внутренних дел // Tvernews. – 08.11.2014. – URL: <https://tvernews.ru/news/194576/>

² Другой тверской пример – уже упоминавшаяся церковь Рождества Христова в Рыбаках (центр Твери), где перед входом открыта выставка к 75-летию Победы. Две витрины представляют отдельно Красную армию и вермахт. В первой витрине подлинные предметы (каска, вооружение и пр.) совмещены с религиозными символами (крестики рубежа XIX–XX вв., псалтырь), тем самым визуально утверждается православный характер подвига. Все это декорировано современными георгиевскими ленточками и пропагандистской продукцией РОК «Победа».

³ За пять лет увековечены В. Головин, А. Авинов, П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. Загоскин. На Аллее путешественников в Рязани установили бюст

существующих мемориалов. Участники могут быть разными город от города, но везде присутствует «силовая группа» (военные, МВД, десантники, воины-интернационалисты, чернобыльцы, пограничники) – наиболее успешная в продвижении своих проектов.

Рис. 6. *Памятник погибшим сотрудникам органов внутренних дел
Калужской области (яркий пример «ведомственной памяти»,
отгороженной от жителей и принадлежащей
преимущественно ведомству)*

С точки зрения конечного результата необходимо обратить внимание на формирование практически в каждом городе двух отдельных типов историко-культурных пространств. Первый возникает в исторической части, в той зоне, которая одновременно привлекает туристов и является местом отдыха местных жителей. В историческом плане это пространство многослойно: оно развора-

---

мореплавателя Лаврентия Загоскина // Московский комсомолец – Рязань. – 2018. – 05.06. – URL: <https://rzn.mk.ru/social/2018/06/05/na-allee-puteshestvennikov-v-ryazani-ustanovili-byust-moreplavatelya-lavrentiya-zagoskina.html>

чивается вокруг наиболее прославляемых исторических достопримечательностей (того, что в реальности или городской мифологии именуется кремлями) и прилегающих парковых зон. К имперскому прошлому отсылают здания присутственных мест, реже – памятники из той эпохи (в случае Великого Новгорода – «Тысячелетие России», Смоленска – три монумента в честь войны 1812 г. и памятник М.И. Глинке); советская эпоха оставляет свой след в виде мемориалов Великой Отечественной войны (в Рязани и Ярославле – еще и героям революционной борьбы) и памятников Ленину. Именно эти пространства активно осваиваются последние 15 лет посредством их дополнительного насыщения историческими символами и местами (включая новые музеи). Степень этой активности и направленность отличаются в зависимости от города и позиции местных властей. Наибольшей эстетизацией (вплоть до урн в виде мортир 1812 г. и ежечасного проигрывания отрывков из произведений у памятника М.И. Глинке) и перенасыщением, на наш взгляд, отличается Смоленск, где такая зона сформировалась вдоль южной части Смоленской стены, включая сады Блонье и Лопатина.

С другой стороны, в рассматриваемых городах формируются самостоятельные военно-исторические пространства, которые при поддержке или просто с разрешения властей осваиваются различными ветеранскими организациями (воины-интернационалисты, чернобыльцы, пограничники, МВД и Росгвардия). Так, в Ярославле и Твери основой послужили отнесенные за пределы историко-туристического центра масштабные советские монументы Великой Отечественной войны брежневской эпохи (Мемориальное кладбище вместе с Музеем боевой славы в Ярославле; Остров славы в Твери), в Костроме и Вологде – парки Победы (также за пределами историко-туристического центра), во Владимире – площадь Победы, в Рязани – здание училища ВДВ, в Смоленске – сквер Памяти воинов-интернационалистов, в Пскове – Вечный огонь. Порою здесь же власти локализуют и прочие мемориальные инициативы (в Ярославле – памятник воинам, павшим за Отечество в 1812 г. и 1914–1917 гг., в виде часовни с ангелом внутри; в Твери – сквер ветеранов комсомола; в Вологде – аллея космоса). Создается впечатление, что региональные власти намеренно создают автономные зоны для мемориального творчества силовых ведомств, их ветеранов и прочих активистов, относительно элегантно решая проблему «мемориального перепроизводства», затронутую в главе В.В. Лапина и А.Б. Матисовой.

Публичная репрезентация различных исторических эпох

Догосударственная эпоха

Догосударственная эпоха не обладает на данный момент принципиальной значимостью для историко-мемориальных пространств центрального мезорегиона. Включение отдельных археологических находок в музейные экспозиции – дань той модели типового регионального музея, которая распространялась с 1960-х годов. Исключением выступает Смоленск, а именно история поселения Гнёздово, которое, вероятнее всего, и было тем самым «древним Смоленском». Оно пережило расцвет в 960–970-е годы как перевалочный пункт на пути «из варяг в греки», а в наследие сохранились несколько сотен курганов (VIII–X вв.). Археологические экспедиции в Гнёздово проводятся с 1870-х годов, причем в 1949 г. здесь была обнаружена амфора с древнейшей древнерусской кириллической надписью «Гороушна» (о чем свидетельствует соответствующий памятник). С 2011 г. территория превращена в Гнёздовский музей-заповедник, который стал точкой сопряжения усилий смоленских, московских и зарубежных историков и энтузиастов.

Рис. 7. Музей в Гнёздово, реконструкция
славяно-скандинавского поселения

Значимость места, понятная историкам и археологам, породила целую серию практик, нацеленную на то, чтобы посетители могли соприкоснуться с той эпохой: от воссоздания построек IX в. (дома, кузница, ладья), разметки курганов знаками с изображением значимых артефактов и проведения этнографического фестиваля до более сложных форм. В частности, в настоящее время создается 3D-реконструкция обнаруженных сооружений: подойдя к месту находки, посетитель сканирует QR-код и, наведя его на указанное пространство, на экране в режиме дополненной реальности может увидеть то, что здесь находилось более тысячи лет назад. На информационно-образовательных стендах и в рассказе экскурсовода история места неотделима от презентации работы научного сообщества.

Основание города

Одним из маркеров древности изучаемых региональных столиц является официальная дата основания, восходящая к первому упоминанию в письменных источниках. Однако во всех наших кейсах она выглядит проблематичной: сохранившееся культурно-архитектурное наследие (та древность, с которой можно физически соприкоснуться) зачастую моложе на несколько веков, а данных летописей и археологических находок не всегда хватает, чтобы восполнить этот промежуток. Этот период может быть предметом научных исследований, однако далеко не всегда их результатов достаточно, чтобы сформировать отличительный образ городской истории в публичном пространстве.

Так, хотя Великий Новгород заявляет свою историю с 859–862 гг. (дата известна из учебников истории, отражена в памятке «Тысячелетие России» и ряде других знаков-разметок городского пространства), археология не подтверждает его существование до середины X в. Впрочем, сохранившийся храм Святой Софии (середина XI в.), а также археологические находки (с середины X в.) делают эти лакуны не особо заметными. Куда сильнее они ощущаются в Пскове: между летописным основанием города в 904 г. и древнейшим Спасо-Преображенским собором Мирожского монастыря (середина XII в.) – более чем 200-летний разрыв, лишь частично восполняемый летописями и археологическими находками в основной экспозиции музея. Еще больше разрыв в Смоленске: официально он ведет свою историю с 863 г., однако археология подтверждает формирование собственно Смоленска на современном месте только с конца X в., а древнейшие здания относятся уже

к XII в. Этот разрыв отчасти восполняется историей Гнёздовского городища, отчасти современным увековечением фигуры князя Владимира.

К его правлению относится основание и двух других городов – Владимира (990 г.) и Ярославля (1010 г., будущим правителем Ярославом Мудрым), однако следующее столетие остается «темной страницей» для летописной истории, отчасти восполняемой в музеях археологией: более последовательно во Владимире, менее – в Ярославле. Разница в акцентах, как мы раскроем далее, объясняется тем, что для формирования исторической идентичности домонгольская история важна для Владимира, но совершенно неактуальна для Ярославля. Если в первом сохранившемся архитектурное наследие уже относится к XII в. (а потому столетний разрыв не особо ощущается), то во втором самый старый храм – только XVI в. Еще сложнее ситуация в Брянске: возведение его истории к 985 г. оспаривается и, вероятно, как отмечалось выше, было мотивировано решением партийного начальства привлечь общесоюзные средства «под юбилей». Древнейшая постройка (также храм) относится к середине XVII в., а первые 500 лет истории достаточно компактно отражены в общей экспозиции. В городском пространстве к ней отсылают масштабный конный памятник Александру Пересвету, открытый в 1985 г., и улица имени Романа Брянского, названная в новом микрорайоне в 1984 г. Не особо актуальными для городской идентичности являются и первые века существования Калуги, впервые упомянутой в 1371 г. Любопытно то, что в отличие от всех остальных городов древнейшей сохранившейся постройкой является не церковь, а купеческие палаты XVII в., ныне превращенные в музей (экспозиция посвящена крестьянскому быту и называется «Русская изба»).

Сложность в случае Рязани определяется вопросом преемственности двух городов: «старая Рязань», впервые упомянутая в 1095 г., была разрушена во время монгольского нашествия, а функции столицы княжества перешли к располагавшемуся в 50 км от нее Переяславлю-Рязанскому. Древнейшие памятники архитектуры вообще относятся к XVI в. Впрочем, активность археологов и наличие летописных свидетельств позволили визуализировать историю «старой Рязани» (включая макет-реконструкцию города) в нескольких залах основной экспозиции областного музея. Примерно в одну эпоху основаны Тверь (1135 г.), Вологда (1147 г.) и Кострома (1152 г.). Хотя древнейшие сохранившиеся объекты архитектуры (храмы) относятся к середине XVI в., летописи и архео-

логия позволяют в той или иной степени описать и визуализировать в музейных экспозициях этот промежуток, а в Твери – как будет показано ниже – вообще начать формировать городскую идентичность через отсылку к Михаилу Тверскому (нач. XIV в.).

Не менее проблематична и Тула. Хотя впервые она упоминается в летописи в 1146 г., собственно история города ведется с начала XVI в. – со строительства кремля при Василии III. Промежуток в 350 лет является спорным даже для историков. Некоторые считают, что в XIV в. этими землями владела жена хана Узбека Тайдула, другие связывают «старую Тулу» (упомянутую в летописях конца XIV–XV вв.) с Торховским городищем¹. Однако существование города в 1146 г. большинство историков считают мистификацией². Неудивительно, что в краеведческом музее этот период фактически опущен, а в Тульской историко-культурной энциклопедии (вышла в 2018 г. с предисловием губернатора А. Дюмина) он сведен к борьбе за эти земли между Москвой, Литвой, Рязанью и Ордой³. Однако на территории региона находится Куликово поле. Когда в 1980 г. праздновалось 600-летие этой битвы, встал вопрос о поиске более точного места ее локализации. Одним из итогов работ стало не только уточнение собственно место сражения, но и открытие «средневековой истории» края – ряда достаточно развитых селищ рубежа XII–XIV вв.⁴

Золотая эпоха

В историко-культурном пространстве изучаемых областных столиц неизбежно обнаруживается период из Средневековья или раннего Нового времени, ставший в наши дни предметом особого прославления и способом репрезентации «самости» региона. Этот миф мы предлагаем для удобства называть *золотой эпохой*, подразумевая, что такая конструкция одновременно 1) опирается на работы историков, утверждающих, что именно тогда город / регион достиг высот своего развития; 2) поддерживается сохранившимися /

---

¹ Отдельно см. дискуссию о том, существовал ли ранее деревянный кремль: Лаврентьев А.В. Два «града на Туле». К 500-летию Тульского кремля. – Тула, 2020.

² Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск : сб. ст. – Москва : Древлехранилище, 2002. – Т. 1: Исторические реалии и легенды. – С. 72–75; Лаврентьев А.В. Два «града на Туле». – С. 18.

³ Тульская историко-культурная энциклопедия. – С. 18–21.

⁴ См. Наумов А.Н., Бурова О.В. Тайны и загадки поля битвы. – С. 37–66.

воссозданными объектами культурного наследия, а также 3) развивается не только в музейных экспозициях и новомодных монументах, но и через намеренные усилия (как правило, государства и РПЦ) по формированию региональной идентичности за счет нарастающей апелляции к этой эпохе. Границы *золотой эпохи* далеко не всегда очерчены четко, однако наиболее последовательно их можно проследить в экспозициях региональных музеев, сделав акцент не столько на количественную репрезентацию, сколько на качественную: когда рассказ о самобытности города / региона (его князьях, героях, значимых символах, местных сообществах и пр.) сменяется бытописанием, и теперь его история в лучшем случае – часть общегосударственных тенденций, в худшем – сведена к посещению этих мест императорами или видными деятелями. В Рязани, Твери, Великом Новгороде рубежным оказывается период присоединения к Московскому государству (утрата политического суверенитета), в Вологде, Ярославле, Костроме, Туле, Пскове, Смоленске – правление Петра I (в случае первых трех городов – это прекращение двинской торговли; в оставшихся – фактическая утрата военной значимости). Впрочем, в отношении Ярославля и во многом Тулы говорить именно об угасании достаточно сложно, верхняя граница золотого века размыта и дальнейшая история XVIII–XIX вв. не сведена к бытописанию. Отчасти это связано с работой местной историко-культурной элиты, отчасти вызвано объективными процессами развития городов.

Наиболее ярко *золотая эпоха* выражена в Великом Новгороде – период расцвета, начиная с XI в. и заканчивая концом XV в., когда Новгородская республика была насильственно присоединена к Москве. Здесь миф ярким образом утверждает себя через сохранившуюся архитектуру: самый древний русский православный храм – Софийский собор (сер. XI в.)¹, десятки храмов XII–XV вв., Владычная (Грановитая) палата середины XV в., берестяные грамоты, многочисленные предметы быта, уникальная фресковая живопись и иконопись, а также предметы церковного ювелирного искусства. На территории Новгородского кремля в главном здании музея экспозиция (частично сохранившаяся с советских времен) рассказывает историю средневекового Новгорода как политически, экономически и культурно развитого центра, в то время как

---

¹ Обратим внимание, что на территории современной России самый древний православный храм находится в Карачаево-Черкесии (храм на Нижне-Архызском городище, X в.).

располагающаяся рядом Грановитая палата (обновленная экспозиция 2014 г.) через действительно уникальные ювелирные предметы XII–XV вв., некоторые из которых были изготовлены в самом Новгороде, повествует о благолепии архиепископского двора, что сопрягается с историческими дискуссиями о том, носила ли Новгородская республика теократический характер. Обращает внимание, что история города после XVI в. почти полностью исключена из музейных пространств, причем только в 2010-е годы один из залов областного музея был отведен под временные выставки о Великой Отечественной войне.

О том, что именно эпоха Средневековья, представленная прежде всего церковным измерением, обладает особой значимостью, говорит последовательное развитие музейных пространств внутри Кремля: открытие экспозиции в Николо-Дворищенском соборе (2003), выставка колоколов (2009), обновление Владычной палаты (2014), мемориальная мастерская художников-реставраторов А. и В. Грековых и Музей письменности (2021). В конце 2010-х годов основная экспозиция была дополнена несколькими новыми (монеты и печати Древней Руси), а также переделана выставка древних икон. Кроме того, в Музее художественной культуры Новгородской земли в 2012 г. была открыта основная экспозиция, посвященная культурному наследию новгородских монастырей. Впрочем, само культурное наследие и заставляет выходить за пределы *золотой эпохи* новгородской независимости. Так, сам Новгородский кремль был построен уже после вхождения в состав Русского государства (но примечательно, что собственно его история никак не явлена в экспозициях или специальных памятниках)¹; ряд церквей на Ярославовом дворище связаны с именами уже московских бояр. Выставка церковного ювелирного искусства преимущественно XV–XIX вв. в корпусе с надвратной башней (2003) вторична по отношению к основным экспозициям, в то время как военная история города начала XVII в. (стрельцы, оккупация Швецией) визуализировалась в Алексеевской башне (часть оборонительных сооружений конца XVI в.) только в 2018 г. О значимости эпохи

---

¹ То, каким образом подобное может быть явлено, демонстрирует Смоленск: около крепостной стены установлен памятник ее строителю Ф. Коню; в Громовой башне открыт военно-исторический музей, путеводители подробно рассказывают о его строительстве; парковое пространство вокруг содержит не только информационные таблички, но и памятники, отсылающие к проходившим здесь боям 1812 г.

говорят и современные способы разметки городского пространства, будь то памятники (например, первой обнаруженной берестяной грамоте), граффити или переименование улиц в честь древнегородских (см. рис. 8).

Рис. 8. Улица Даньславля в Великом Новгороде
(впервые упоминается в летописи под 1342 г.,
название восстановлено в 1991 г.)

В соседнем Пскове *золотая эпоха*, наоборот, не ограничивается Псковской республикой, а «продлена» до конца XVII в. Отчасти это связано с сохранившимся культурным наследием: в современном виде Псковский кремль (кром) сложился в XV–XVI вв. и основательно был переделан при Петре I. К этому периоду относятся большинство древних храмов – ярких образцов псковского зодчества, внесенных в 2019 г. в список культурного наследия ЮНЕСКО. Наследие республиканской же истории укоренено не только в отдельных церквях и фресковой живописи в Спасо-Мирожском и Снеогогорском монастырях, но и в раскопанных преимущественно во второй половине XX в. на Довмонтовом городе

кроме остатках 18 каменных зданий¹. Влияние оказала политика региональных властей, которые еще в 1990-е годы вступили в тесный союз с Псковской епархией по конструированию региональной идентичности. Это соответствовало чаяниям той части интеллигенции, которую, как известного псковского литературного критика В. Курбатова, можно причислить к национал-патриотической общественности². В 1993 г. после долгих обсуждений, ведшихся с середины 1960-х годов, под Псковом был открыт масштабный памятник, посвященный Александру Невскому³. В 2001 г. из Германии была возвращена увезенная в годы оккупации икона Псково-Покровской Божией Матери, ставшая одной из святынь города. Созданная в XVII веке, она отсылает к видению Богоматери, благодаря которому удалось отбить штурм города во время осады 1581 г. польским королем Стефаном Баторием. Прославление образа связано и с тем, что именно на ней сохранилось наиболее древнее изображение Псковского кремля. В 2003 г., во время празднования 1100-летия первого упоминания города, установили сразу два памятника святой княгине Ольги. Ввиду отсутствия финансирования в городе так и не появился памятник святому князю Довмонту, однако его прославление связано с целой серией других практик: топонимика на территории кремля; мощи в Свято-Троицком соборе; проведение с 2014 г. городского фестиваля

---

¹ Клейменова Т.В. Фрески Довмонтова города: история открытия, реставрации и экспонирования // Псков в отечественной истории. – Псков, 2010. – С. 41. Любопытно, что обнаруженные фрески середины XIV в. были либо реставрированы и переданы в фонды Эрмитажа, либо во фрагментарном виде находятся в ящиках Псковского музея.

² См. цитату из его дневника за 3 февраля 1997 г.: «Мне интересны свои псковские роды, потому что я вижу, как они сделали город, как наполнили его историей, как довели до цветения в XV–XVI веках, как были сломаны Петром и этапированы в Петербург. Чтобы на живой силе и крови псковской традиции установить новую империю, приживить и оплодотворить европейскую привозную культуру своей, сделать ее могуче жизнеспособной для расширения имперского строительства. И естественно, что здесь же, на Псковском вокзале, империя должна была закончиться» (Курбатов В. Бегущая строка. – Псков, 2012. – С. 211–212). Весьма характерно и то, что становление регулярной экскурсионной деятельности в городе в начале 1920-х годов также связано с рассказом об этом, доимперском периоде истории. См.: Филимонов А.В. Экскурсионная и краеведческая деятельность В.А. Федорова в Пскове // Василёвские чтения. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 42–51.

³ См. Потресов В. Тако в нас написано в летописцах. – Великие Луки, 2012. – С. 25–46.

«Довмонт Псковский»; в 2018 г. на новом гербе области используется фраза из его жития «Потягнем за Отечество».

На территории кремля в приказных палатах с 1994 г. действует музей, в котором не только прославляется псковская эпоха периода независимости, но и подробно затрагивается другая тема – развитие городского самоуправления во время воеводства А.Л. Ордин-Нащокина. В 2020 г. после долгой реставрации открылся еще один музей – палаты Постниковых, экспозиция посвящена псковским купцам XVI–XVIII вв. Однако постепенная проработка истории Псковской республики продолжается: в 2019 г. в сквере Народовластия (около кремля) появился памятник вечевому колоколу. Вышедшая в этом же году и широкого распространяемая в настоящее время научно-популярная книга Ю.В. Степанова «Господарство Псковское» не просто прославляет город в качестве одного из фундаментов, «на котором возводилось Русское государство», но и ярким образом представляет средневековую историю как период экономического процветания, самобытного демократического развития, постоянно подчеркивая склонность Пскова к независимости от Новгорода и даже большую успешность по сравнению с ним¹.

Золотая эпоха города Владимира отнесена нами к XII–XIII вв., т.е. к расцвету Владимиро-Суздальского княжества. Она укоренена как в белокаменной домонгольской архитектуре (Золотые ворота, Успенский и Дмитриевский соборы, а также храм Покрова-на-Нерли за пределами города), так и в музейных экспозициях. Военно-историческая экспозиция (в Золотых воротах) посредством диорамы акцентирует внимание на штурме города 4 февраля 1238 г., эта же дата является «точкой преломления» и в обновленной экспозиции Исторического музея: до нее располагается практически половина экспозиционного пространства, демонстрирующего Владимир как крупный политический и духовный центр. В городском пространстве Владимира *золотая эпоха* отразилась в масштабной конной фигуре князя Владимира и святителя Федора (2007) на смотровой площадке около Успенского собора.

В Твери и Рязани *золотую эпоху* мы датируем XIV–XV вв.: она связана с фигурами князей Михаила Тверского и Олега Рязанского (соответственно), правления которых в последние десятилетия стали подаваться как периоды наивысшего развития княжеств. В обоих случаях власти опираются на поддержку РПЦ. Наиболее

---

¹ Степанов Ю. Господарство Псковское. – Псков : Утро, 2019.

сильно это выражено в Твери, где культ Михаила Тверского не является новым: еще до революции в православной среде он почитался в качестве защитника тверской земли. Опрошенные нами эксперты отмечали, что интерес к этой фигуре вернулся на заре перестройки и был тесно связан с возвращением Твери ее исторического имени и выражением субъектности региона, в том числе в противопоставлении себя Москве [Э-28-01; Э-28-03]. Сегодня в городском пространстве прославление выразилось в установке массивной конной статуи на одной из центральных площадей (официально носящей теперь длинное название «Святого благоверного князя Михаила Тверского»), именовании набережной, строительстве часовни и в восстановлении построенного им Спасо-Преображенского собора. Православные практики поминовения были интегрированы и в публичную коммеморацию Михаила Тверского: поклонный крест, проведение молебна и других мероприятий 5 декабря, в день его памяти как святого [Э-28-01, «некоторые из них принимают, скажем, советскую форму, когда молодые ребята надевают кольчуги и идут в почетный караул к вышеназванному памятнику – этакое изобретение традиции по Хобсбауму»]. Акцент на князе как защитнике, святом мученике и борце против иноземных захватчиков позволяет оттенить его активную борьбу с Москвой и разгром московско-татарских войск в Бортеневской битве 1317 г. Подобная интерпретация нашла символическое одобрение и у федерального центра: на стеле в честь присвоения Твери почетного звания Города воинской славы среди прочих размещен барельеф, отсылающий к Бортеневской битве, причем потенциальный конфликт памяти сглажен расплывчатой формулировкой, что войско князя победило «противников Твери». Этот сюжет важен тем, что, по утверждению наших экспертов, образ Михаила Тверского, с одной стороны, дополняет общегосударственный нарратив, а с другой – может способствовать и выражению антимосковских настроений [Э-28-01; Э-28-03].

В Рязани церковь пришла на помощь государству в прославлении Олега Рязанского, который, как известно, в 1380 г. пропустил Мамай к полю Куликовской битвы. Этот акт предательства общерусских интересов широко известен благодаря школьным учебникам. В сквере около конной статуи этого князя (2007) расположен памятник Сергию Радонежскому (2016), что отсылает к той роли, которую этот святой сыграл в 1385 г. в примирении Москвы и Рязани и установлении между ними «вечного мира». Экспозиция областного музея подробно рассказывает о развитии города

как накануне монгольского нашествия (старая Рязань), так и на рубеже XIV–XV вв. (правление Олега). Располагается она во «дворце Олега», как именуются архиерейские постройки XVII–XIX вв. В городском пространстве средневековая история воплощена в образе Евпатия Коловрата, в 2007 г. конный памятник расположился на территории Почтовой площади.

В Вологде, Костроме и Ярославле *золотая эпоха* отсылает к событиям XVI–XVII вв., когда благодаря развитию двинской транзитной торговли произошел расцвет этих городов. Физически эту эпоху репрезентируют комплексы Ипатьевского монастыря (Кострома), более 40 храмов XVII в. и Спасо-Преображенский монастырь (Ярославль) и ансамбль Софийского собора (Вологда). Акцентирование в экспозициях упомянутых выше монастырей именно церковной утвари и вкладов XVI–XVII вв. совершенно неслучайно, т.к. символизирует богатство местных сообществ, которые могли себе это позволить. Однако смысловые акценты обращения к этим эпохам в городах отличаются. Менее всего они выражены в Вологде – лишь частный музей аптечного дела, а также отдельные предметы экспозиции отсылают к высокому уровню городского быта. В Костроме РПЦ совместно с региональным правительством включилась в прославление призвания Михаила Романова на царство в 1613 г. Эта история является одной из центральных для Ипатьевского монастыря, а также областного музея. В Ярославле развитие получил образ города как временной столицы России во время Смуты. «Столичность» обосновывается тем, что именно из Ярославля второе ополчение выступило освобождать Москву. Еще в 1997 г. в честь 385-летия этого события была открыта часовня Казанской Божией Матери (в 2001 г. она изображена на купюре в 1000 рублей). На территории Спасо-Преображенского монастыря (основной комплекс зданий музея-заповедника) в 2010-е годы также разместились два симптоматичных новодела: мозаичное полотно «Клятва Дмитрия Пожарского» (2010) и памятник копейке 1612 года (2013), которая временно чеканилась в городе в смутное время. В 2019 г. памятник Минину и Пожарскому появился на территории Кирилло-Афанасьевского монастыря (в 2020 г. переименован в Спасо-Афанасиевский), причем плиты перед ним указывают города, которые ополчение освобождало по пути к столице.

В Смоленске по аналогии потенциальная *золотая эпоха* могла быть сконструирована на основе событий XII–XVIII вв., периода расцвета и могущества Смоленского княжества. Однако у нас нет оснований настаивать на реальном существовании такого

образа. С одной стороны, к ней отсылают три сохранившихся домонгольских храма особой смоленской архитектурной школы (однако все они находятся за пределами развиваемых властями историко-мемориальных пространств), а основная экспозиция Исторического музея прославляет именно эту эпоху как период особого политического, культурного и экономического развития. С другой стороны, власти строят городскую идентичность Смоленска как западного щита России в 1609–1611 гг., 1812 г. и 1941–1944 гг., что делает историю города подчиненной общенациональному нарративу.

Превращение Средневековья в золотой век проблематично тем, что актуализация государственниками нарратива о самодостаточности Смоленского княжества рассматривается властями как угроза сепаратизма или потакание представлениям о том, что Смоленск – исконно белорусские земли. Показательна рецензия на один местный региональный учебник истории, подготовленная в 2016 г. федеральным РВМО по заданию министерства культуры: рецензенты напрямую утверждали, что «излагаемая в учебном пособии версия средневековой истории Руси нацелена на формирование такого варианта региональной идентичности, при котором Великое княжество литовское (ВКЛ) будет ассоциироваться для смолян со своей “исторической прародиной”, смоленский край – отождествляться с “белорусскими землями”, захваченными людьми из Московии, причем последним (пресловутым “московитам”) отказано в праве считаться русскими людьми»¹.

В Туле на протяжении долгого времени историческая идентичность строилась вокруг военного прошлого города как «защитника южных рубежей Москвы», то есть была производной от общенационального нарратива. Казалось бы, история строительства Тульского кремля в XVI в. также вписывается в эту логику – Тула как исторический защитник южных рубежей Московского государства. Этот образ даже усиливается за счет темы Куликовской битвы, которая происходила на территории области. Тут уже были бы возможны и параллели со Смоленском («западный щит России»). Можно предположить, что образы «защиты рубежей» в той или иной степени актуальны для всех городов, входивших в состав засечных черт. Правда, последний аспект выходит за пределы

---

¹ На момент подготовки монографии аккаунт автора блога был заблокирован; копия статьи доступна: URL: https://m.vk.com/wall-24759551_2369?ysclid=laikuwm6lp796697009

нашего исследования, а сейчас нам важно подчеркнуть, что на протяжении 2010-х годов местное сообщество историков, археологов и музейщиков сумело сделать значительные шаги в сторону визуализации истории основания современного города.

Тульский кремль является одной из ключевых достопримечательностей. Если еще в 1934 г. обсуждался вопрос его демонтажа (отказались по причине нехватки средств), то с 1950-х стали появляться проекты его музеефикации. Только в 1988 г. был создан одноименный музей, а в 2001 г. после реставрации для посетителей открылась возможность пройти по «боевому ходу» стен. В 2012 г. власти сформировали региональный фонд возрождения Тульского кремля, после чего начались масштабные работы: реставрация кремля, восстановление колокольни Успенского собора. На месте зданий электроподстанций в 2017 г. раскинулся музейно-выставочный комплекс. Значительную часть занимает экспозиция, рассказывающая об истории кремля в XVI–XVII вв. Акценты смещены с военного прошлого на реконструкцию жизни этого позднесредневекового города¹. Примечательно, что в зале с макетом-реконструкцией одна из стен представлена в качестве археологического раскопа, что позволяет рассказывать посетителям о том, каким образом происходила работа по реконструкции этой самой истории. В 2019 г. здесь же открылся Музей археологии Тульского кремля на основе предметов, найденных при его реконструкции. Экспозиция структурирована не хронологически, а по материалам, из которых сделаны находки (глина, камень, стекло, кости животных и пр.), то есть отражает профессиональный взгляд археологов. Однако это позволяет увязать исследовательскую процедуру с производством исторического знания и тем самым углубить рассказ о первых веках истории Тулы (после основания кремля). В 2020 г. на территории кремля были воссозданы осадные дворы, которые должны стать основой историко-этнографического комплекса².

Другими словами, в 2010-е годы тульские власти и участники производства исторического пространства, не отбрасывая образ «южного щита России» и продолжая развивать сюжеты, вписы-

---

¹ Тульская историко-культурная энциклопедия. – С. 399.

² В Тульском кремле идет масштабное строительство // Тульская служба новостей 24. – 2020. – 20.06. – URL: https://www.tsn24.ru/news/kultura/v-tulskom-kremle-idet-masshtabnoe-stroitelstvo-fotoreportazh-/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

вающие историю края в общенациональный нарратив (Куликовская битва, тульский оружейный завод, оборона 1941 г.), все же сделали серьезный шаг в сторону визуализации тех сюжетов, которые передают эту подчиненность и рассказывают о прошлом города как автономного сообщества, обладающего некоей самостью, своей историей.

Рис 9. Граффити, посвященное А.Л. Чижевскому, около обустроенной площадки для отдыха в Калуге, 2021 г.

Обратим внимание, что вводимое нами понятие *золотой эпохи* не применимо к Калуге. Это связано с отсутствием как древней архитектуры (самое старое здание – палаты XVII в.), так и реальной истории политической независимости. На официальном сайте к 650-летию города особо выделяется правление лишь одного удельного князя Симеона (сына Ивана III), однако ни в музее, ни в городском пространстве его эпоха не прославляется. Хотя при поддержке федерального РВИО на центральной площади появилась статуя Ивана III, мы не нашли других следов актуализации его образа. Учитывая значимость темы космонавтики (фигуры Циолковского и Чижевского), можно было бы предположить, что *золотой эпохой* мог бы стать советский период, однако даже в областном музее история города после 1945 г. не представлена. Равным

образом история Чижевского неразрывно связана с темой политических репрессий, что отражено и в экспозиции его дома-музея¹.

Та же самая сложность обнаруживается в Брянске: для городской идентичности средневековая история не имеет значения, в то время как основной акцент власти делают на периоде Великой Отечественной войны. Это неудивительно, поскольку само понятие «брянщины» рождается в лучшем случае в конце XIX в., в то время как сама область была образована только в 1944 г. В отличие от других рассматриваемых городов в экспозиции областного музея подробно рассказывается история города в послевоенный период, а в 2000–2010-е годы за пределами города власти при поддержке местного бизнеса создали два развитых мемориальных комплекса – Хацунь (сожженная деревня) и «Партизанская поляна» (героическая слава).

Имперское прошлое

XVIII – начало XX века для всех изучаемых нами городов – период их провинциализации, о чем ярким образом свидетельствует доминирующий подход работы с этим прошлым: сосредоточенность на бытовых аспектах и осмыслении роли региона в общеимперских процессах, в основном – в войнах. Экспозиции основных областных музеев, за исключением Ярославля, Брянска и отчасти Владимира, ярким образом свидетельствуют о сложностях публичного представления этих страниц своей истории. Так, в Великом Новгороде этот период отсутствует вовсе, только в Музее изобразительных искусств при демонстрации портретного искусства первой половины XIX в. экспликации отсылают к местной усадебной культуре. Основная экспозиция Псковского музея-заповедника на момент написания данной главы еще не открылась, однако его директор А.И. Голышев в интервью подтвердил, что тематически она будет доведена до начала XVIII в. «Лента истории земли Псковской» в Плоской башне Псковского кремля (серия изображений, идущих кругом по ее стенам) также показательна: если в истории до XVII в. включительно мы встречаем местных князей,

---

¹ Это в свою очередь считается отдельными горожанами. Например, см. воспоминания В.Н. Морозова: «Наш земляк А.Л. Чижевский, избранный почетным членом множества академий во многих странах мира, провел лучшие годы жизни в тюрьме, вместо того чтобы приносить пользу стране» (*Морозов В.Н. Воспоминания старого калужанина. – Калуга, 2020. – С. 201*).

Псковскую судную грамоту, строительство третьего Троицкого собора, планы города, борьбу против шведских и польских войск, то имперский период представлен в основном портретами или фотографиями посещавших его правителей (Петр I, Николай I, Александр II, В.И. Ленин и Николай II), деятелей культуры (только А.С. Пушкин) и одного земляка (М.И. Кутузов). Также упоминается создание Екатериной II Псковской губернии. Завершается все солдатом Первой мировой. Утрата субъектности и самобытности здесь явлена наиболее отчетливо и наглядно.

В других основных региональных музеях отношение к имперскому периоду также неравномерно. В Смоленске имперская история доведена примерно до середины XIX в., в Вологде, Рязани и Костроме – до начала XX в., во Владимире и Калуге захватывает еще и Первую мировую и начало революции. Их отличительная особенность заключается в том, что они структурированы периодами правления российских императоров, причем основной акцент делается на том, как общеимперские процессы (развитие дворянской, городской и крестьянской культуры, войны, модернизация, освобождение от крепостного права) отражались на местных сообществах. Выделение визитов императоров (особенно характерно для Костромы), присутствие выдающихся военных и деятелей культуры или, наоборот, подчеркивание тех земляков, кто снискал себе общероссийское или мировое признание, демонстрация предметов быта – ключевые практики, посредством которых происходит затушевывание города как самостоятельного и самобытного сообщества. Как правило, от него остаются лишь следы: например, в экспозиции Исторического музея Смоленска – развитие местных ремесленных предприятий первой половины XIX в. (их крупные серебряные знамена доминируют в завершающей части экспозиции), в Калужском музее – роль купца М.А. Макарова в создании первого водопровода в начале XIX в., в Брянском – история Мальцовского заводского района (впрочем, это история не только брянского региона).

В качестве отличительного – и на наш взгляд, удачного – примера работы с провинциальностью мы можем представить экспозицию «Старый Владимир» в Водонапорной башне (открыта в 1975 г., перестроена в 2009 г.). Если залы основного областного музея повторяют описанные выше тенденции, превращая город в отражение общеимперских процессов, то здесь именно провинциальность последней трети XIX – начала XX в. выводится на первый план и презентуется в ностальгическом и отчасти ирониче-

ском ключе. Дворянская культура, пожарные, водоснабжение, благоустройство, городская среда, торговля, садоводство, ямщики, первые автомобили, питейные заведения, городские чиновники, церковная жизнь, образование, театр, газеты – каждая из этих тем раскрыта через тщательно подобранный предметно-изобразительный ряд, где смысловой ключ задают цитаты из газет, воспоминаний, отчетов и пр. Здесь нет попытки прославить или приукрасить – скорее, погрузить в ушедшую эпоху. Ироничность прямо прочитывается в ряде экспозиций, например, когда типичные фотографии чиновников и связанные с ними предметы сопровождаются цитатой из «Ежегодника Владимирского губстаткомитета»: «При слабой хозяйственной деятельности город наполнен интересами служебного люда; чиновное сословие пустило здесь корни и ежедневно исписывает стопы бумаги, рассылая во все концы губернии приказы, циркуляры, отношения, предложения, повторения и пр. Получая за свои труды изрядную сумму, чиновники дают заработок остальному населению, и это взаимодействие составляет пульс владимирской жизни».

В смысловом плане из этого ряда выбивается Музей истории Ярославля. Ставший самостоятельным муниципальным музеем только в 1998 г., он не может похвастаться богатой коллекцией или новыми музейно-выставочными технологиями, однако именно здесь прослеживается отчетливая попытка показать самобытную историю города. Так, отсутствует стремление членить имперскую историю «по императорам» или выделять их визиты в город, хотя роль Петра I в основании мануфактур или Екатерины II в городском устройстве обозначается в экспликациях. При этом напрямую отражается, что после реформ Петра I временно жизнь в городе стала затухать. В центр внимания вынесены местные сообщества: деятельность промышленных предприятий, переустройство города губернатором А.П. Мельгуновым, открытие первого театра Ф.Г. Волковым, развитие образования П.Г. Демидовым и К.Д. Ушинским, различные меры по благоустройству и развитию культурной жизни города, инфраструктуры. Несмотря на схожесть тем с некоторыми другими музеями, ключевое отличие – подчеркивание роли бизнеса и истории частных промышленных предприятий. Уже к началу XX в. город представляется в качестве крупного промышленного центра и одного из наиболее благоустроенных городов. Последнее позиционируется как заслуга городской думы и городского головы И.А. Вахрамеева, причем – подчеркивается – он избирался пять раз.

В изученных областных музеях имперский период оказывается историей по большей части элитарной, непротиворечивой и не содержащей конфликта. Отражение темы «простого человека», как правило, через обращение к образам мещан и крестьян, вовсе не ведет к раскрытию социальных, экономических и классовых конфликтов. Это не заложено напрямую в экспозициях, и если проговаривается, то только по усмотрению экскурсоводов. Стоит отдельно обратить внимание на то, что везде мы сталкиваемся с образом крестьян, а не промышленных рабочих: будь то рассказ об особых нарядах (в музеях Рязани, Тулы и Калуги) или воспроизводство крестьянских изб с прядильней (Вологда).

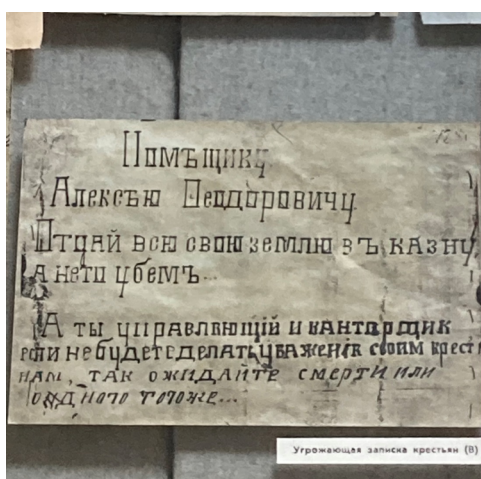

Рис. 10. Угрожающая записка из экспозиции
Брянского краеведческого музея

Некоторым исключением является Тула, поскольку в созданных во второй половине 1990-х годов музеях Демидовых и «Тульские древности» (в подчинении музея «Куликово поле») рассказывается о городских промыслах XVII–XVIII вв. Социальные противоречия опять же представлены отдельными следами: вериги для наказания крестьян (Исторический музей Смоленска), анкета жертв давки на Ходынке (во Владимире), немецкая бритва Первой мировой, подаренная русскому солдату во время братаний (Владимир), угрожающие записки крестьян помещикам в 1905 г. (Брянск) (см. рис. 10). Пожалуй, именно во Владимирском музее наиболее полно на фоне других в отдельных витринах представлена тема

первой русской революции (причем экспликация напрямую говорит про экономический кризис, «нежелание правящих кругов осуществлять реформы», а третьеиюньскую монархию называет «реакционной»), которая продолжается рассказом об узниках Владимирского каторжного централа. Впрочем, уже дальше идет витрина, посвященная 300-летию Романовых: фотографии визита дополняются подаренными царской чете предметами – это явно указывает, что критика имперских порядков не входила в задачи создателей.

Рис. 11. Музей-заповедник Витославлицы,
фото 2021 г., Великий Новгород

Новые музейные пространства, создаваемые как в советское, так и в наше время (особенно активно – в 2010-е годы), также преимущественно работали с темой повседневности. С одной стороны, это крестьянский быт. Еще в 1960–1970-е годы под Великим Новгородом, Костромой, Вологдой и Суздалем были созданы музеи деревянного зодчества: крестьянские дома, церкви, мельницы, хозяйственные постройки практически в первозданном виде переносились и превращались в музейные объекты. Несмотря на наличие отдельных построек XVI–XVII вв., подавляющее большинство из них относятся к более позднему периоду вплоть до первой половины XX в. (наибольшее количество в музее-заповеднике Витославлицы под Великим Новгородом – 7 из 29 объектов¹). Создан-

¹ Витославлицы. Путеводитель. – Великий Новгород, 2021.

ные внутри некоторых из них бытовые экспозиции также воспроизводят обстановку и быт уже пореформенной России (см. рис. 11). К этнографическим музеям также можно отнести, созданный в Калуге в 1992 г. Дом мастеров, развивающийся скорее как культурно-образовательный центр, однако содержащий экспозиции, отражающие быт и ремесла калужской деревни XIX – второй половины XX в. В 2010 г. в Вологде появился Музей кружева, который рассказывает историю становления и развития (вплоть до наших дней) этого промысла.

С другой стороны, с начала 1990-х годов мы наблюдаем появление новых филиалов региональных музеев, ориентированных на визуализацию темы дворянского или городского быта. Некоторые из них существовали еще в советское время: в 1970 г. открылся Тверской музей быта, равным образом и мемориальная квартира В.И. Ленина, восстановленная сразу после Великой Отечественной войны, сопровождает рассказ о его деятельности в городе экспозициями о городской повседневности начале столетия. Однако именно в последние 30 лет эта тема получила развитие. Так, в Вологде в 1991 г. открылся музей «Мир забытых вещей», а позднее был кардинально переделан Музей Марии Ульяновой: революционная тематика сменилась экспозицией «Вологда на рубеже XIX–XX веков», включающей и реконструкцию купеческого быта. В Ярославле мемориальные дома М. Богдановича (1992) и Л.В. Собинова (1995) также погружают посетителя в обстановку городских условий начала XX в. В те же 1990-е годы в Туле появляются музеи «Тульские самовары» (1990) и Мемориальный музей Н.И. Белобородова (1995): в первом через самовары реконструируется часть городской бытовой истории, второй рассказывает об изобретении в конце XIX в. хроматической гармоники и отсылает уже к культурной жизни городского сообщества. В Калуге в 2010 г. появился мемориальный дом-музей А.Л. Чижевского: один из залов посвящен его отцу генералу русской армии, что дает возможность отразить и тему Первой мировой войны. В 2012 г. открылся музей-филиал «Дом Г.С. Батенькова» (декабриста), который изначально рассказывал об Отечественной войне 1812 г., однако с 2016 г. экспозиция была полностью изменена и теперь повествует о калужском городском быте XIX в.

В работе с имперским прошлым наиболее примечательны частные музеи, возникающие с середины 2000-х годов. Некоторые из них идут по пути реконструкции: помещений старых аптек (Владимир, 2017), быта высших слоев городских сообществ (Дом

городского головы Г.Н. Ботникова, 2014) или крестьянских кустарных производств (Музей льна и бересты, Кострома, 2005; Кузница Бородиных, Владимир, 2011; Музей сладостей и Музей хлеба в Костроме, 2018). И тем самым могут быть охарактеризованы как ностальгирующие музеи. В частности, Музей истории рязанского леденца (2017) одновременно сопрягает дворянскую и крестьянскую тематику (реконструируя в одном помещении избу по производству сахара, в другом – кабинет ее владельца-дворянина), но при этом даже не ставит вопрос о социальных конфликтах, крепостном праве и эксплуатации. Другие, скорее, демонстрируют частные коллекции вооружения (Музей истории стрелкового и холодного оружия в Ярославле, 2016; Музей истории холодного оружия в Рязани, 2018), бытовых предметов (музыкальные инструменты, часы, утюги – в музее «Музыка и время», Ярославль, 1993; парфюмерия – в историческом салоне «Аромат времени», Рязань, 2019), фарфоровых статуэток (Музей им. Вадима Орлова, Ярославль, 2018), фотографий (музей «Искра», Тверь, 2018; Ярославский музей фотографии, 2016), но также дают возможность путем осмотра, физического контакта или благодаря рассказу экскурсовода погрузиться в ушедший экзотический мир. В этот же ряд стоит вписать и муниципальный Тульский историко-архитектурный музей, а именно открытую в 2015 г. самостоятельную экспозицию «Старая тульская аптека», реконструирующую интерьеры знаковой для города аптеки, а вместе с ними – страницы городского быта начала XX в. В смысловом плане особняком стоит частный Музей ювелирного искусства в Костроме, упоминавшийся выше.

Тем самым и государственные, и частные музеи (за редким исключением) создают скорее ностальгирующий образ имперского прошлого, причем именно вторая группа акторов проявляет куда большую изобретательность как в выборе тем, так и в развитии практик эмоционального вовлечения. Ключевая проблема связана с осмыслением, а также выделением тех сюжетов, которые могли бы представлять города в качестве самобытных сообществ. При этом было бы неправильно говорить о незначимости этого периода для историко-символических пространств. Так или иначе, но практически все губернии (за исключением Смоленской) были образованы при Екатерине II, она же «даровала» им гербы и градостроительные планы, что в физическом плане отражено в конфигурации исторического центра. Наиболее ярко это проявляется в «веерной организации» Костромы, что породило легенду, согласно которой императрица положила веер и сказала, что именно по этому образцу

надо отстраивать город. Созданные при ней здания присутственных мест (Тверь, Псков, Рязань, Ярославль и Калуга), набережные (Тверь и Вологда), торговые ряды и каланча в Костроме – все эти здания или городские пространства до сих пор составляют тот самый исторический центр, который активно осваивается и туристами, и горожанами, и властью. Сама императрица при этом никак не увековечена, хотя отдельные энтузиасты и призывают установить ей памятник¹.

Все это верно и относительно более поздних городских дворянских и купеческих усадеб, а также сохранившейся в Вологде, Твери, Костроме, Рязани, Туле и Калуге деревянной застройки рубежа XIX–XX вв. Через эти материальные следы имперское прошлое проникает в сегодняшний день и формирует исторический облик города. Работа с этим прошлым структурирована задачами сохранения и реставрации, в то время как смысловое развитие отодвинуто на второй план. Как правило, оно проявляется в деятельности властей лишь в виде дополнительного семиотического контента: информационные таблички на памятниках культуры; подробные информационные стенды (по примеру Рязани, Твери и Смоленска).

Советское прошлое

Несмотря на временную близость советское прошлое является проблематичным для изучаемого мезорегиона. Так, обращает внимание тот факт, что за исключением Музея истории Ярославля и Брянского областного краеведческого музея ни в одном музее не представлена целостная история 1917–1991 гг. Определенным исключением является экспозиция в «Усадьбе Золотаревых» (входит в состав Калужского областного краеведческого музея-заповедника), где специальный зал посвящен событиям от начала Первой мировой войны до конца 1930-х годов. В обоих случаях мы видим баланс между позитивными и трагическими событиями советского времени. В Ярославле рассказ начинается с событий революции и гражданской войны, которые репрезентированы прежде всего через террор: подавление мятежа 1918 г. и разрушение города, создание концлагеря, убийство известных горожан. Висящий сверху советский лозунг на красной ткани «Да здравствует Свободная

---

¹ Например, в Калуге: *Морозов В.Н.* Воспоминания старого калужанина. – С. 217.

Россія» контрастирует с доминантами самой экспозиции, вероятно, призывая посетителя осмыслить противоречивость этого пути. Равным образом и в репрезентации сталинской эпохи одновременно сопряжены две темы: развитие города и политические репрессии. Великая Отечественная война показана не только через вклад ярославцев в Победу, в экспозиции отражены и немецкие бомбардировки, и тяжелый труд в тылу. Послевоенная эпоха вплоть до 1990-х годов включительно предстает как период непрерывного экономического и прежде всего промышленного развития: участие горожан в полетах в космос, культурные фестивали, достижения заводов — все это создает в целом позитивное восприятие эпохи, однако все же одна из витрин отведена и послевоенным узникам ГУЛАГа. В Калужском музее тема противоречивости советской эпохи выражена менее ярко, она скорее вкраплена отдельными сюжетами (борьба с нэпманами, антирелигиозные компании, отдельные судьбы политических репрессированных) в общую историю развития региона.

С точки зрения репрезентации советской истории главным исключением является Брянск. Сам регион был образован только в 1944 г. и история Великой Отечественной войны изначально использовалась для формирования региональной идентичности. В экспозиции областного краеведческого музея, созданной еще в середине 1980-х, основной акцент как раз и сделан на событиях 1941–1945 гг., а также послевоенном восстановлении и развитии города. При губернаторе Н.В. Денине (2004–2014) активно развивались два историко-мемориальных объекта вблизи города — музейно-мемориальные комплексы «Партизанская поляна» и «Хатцунь». Оба сформировались вокруг памятников советского периода.

В остальных случаях в государственных областных музеях и городском пространстве советское прошлое ограничено и сведено к трем сюжетам. Прежде всего, это история Великой Отечественной войны, представленная в героическом ключе. На этом фоне привлекает внимание то обстоятельство, что проработка трагических страниц Великой Отечественной войны оказалась на периферии как музейного, так и городского пространств, причем это не связано напрямую с объективным опытом нахождения в оккупации. Так, во Владимире, Костроме и Вологде действительно нет ни памятников жертвам войны, ни соответствующих тем в музеях. В то время как в обновленной экспозиции ярославского Музея боевой славы, наоборот, тема человека на войне является центральной, а

таким сюжетам, как бомбардировка города, тяжелый труд в тылу и положение блокадников, отведено одно из центральных мест.

Сложнее ситуация обстоит с регионами, бывшими в оккупации. Только в Брянской области создан самостоятельный музей – мемориальный комплекс на месте уничтоженной деревни Хацунь. Его история восходит к началу 1970-х годов, когда появился первый памятник, однако сегодняшний мемориал был создан в два этапа – к 2005 г. и 2011 г.¹ Непосредственно работа с трагедией Хацуни строится противоречивым образом. С одной стороны, увековечены имена известных жертв. В музее основной зал повествует как о жизни деревни, так и о самом расстреле. Центральный элемент – фильм из довоенных фотографий жителей деревни, который демонстрируется над витриной с пулеметной лентой, найденной на месте расстрела. Другими словами, создатели попытались продемонстрировать ту мирную жизнь, которую и уничтожил нацистский террор. Тот факт, что жителей убили после стычки окруженцев с немцами, также не замалчивается.

С другой стороны, вопросы вызывают попытки семиотического расширения трагедии, что обусловлено мотивами конструирования региональной идентичности, но тем самым делает невозможным позиционирование Хацуни как общенациональной или универсальной трагедии. Так, нижний зал посвящен теме оккупации Брянской области, которая подана в общих тонах и, например, исключает евреев². Сам мемориал включает 23 стелы (по числу районов Брянской области) с указанием количества уничтоженных деревень, убитых и угнанных жителей, число ограничено современными административными границами региона, созданного только в 1944 г. (как если бы террор в сопредельных районах был менее жестоким и каким-то другим). Наличие православных символов (поклонный крест и часовня Казанской Божией Матери) отражает скорее стремление РПЦ участвовать в производстве символического пространства. На гранитном пилоне за часовней высечена надпись, свидетельствующая, что она посвящена всем православным христианам, погибшим за Отечество. Какое это отношение имеет к трагедии Хацуни, совершенно непонятно. Равным образом и на центральном монументе изображены скульптуры старика, женщины и ребенка, т.е. трагедия деревни визуализируется за счет

---

¹ Кузин Е. Хацунская исповедь. – Брянск, 2011. – С. 75.

² О Холокосте говорила непосредственно экскурсовод (октябрь 2021 г.), но в экспозиции тема не отражена.

высвечивания наиболее «виктимных» групп в пространстве официального дискурса, к которым взрослым мужчинам (тоже были среди убитых) создатели относить не хотят¹.

В других регионах с рассказом об оккупации дело обстоит сложнее. В Смоленске музей «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», хотя преимущественно и выдержан в однотипно-героическом стиле, однако содержит целый зал материалов об оккупации, где, на наш взгляд, объективно и взвешенно нашли отражение такие темы, как коллаборационизм и разные группы жертв нацистского террора. Экспликации напрямую сообщают о том, что евреев и цыган уничтожали первоочередно, кроме того, представлены вещи одного из местных праведников народа мира. В самом Смоленске преимущественно в 1970-е годы активно увековечивались расстрелы военнопленных и мирных жителей². Однако собственно жертвы смоленского гетто в Садках так и не стали предметом мемориальной деятельности. Другой достаточно позитивный пример представляет Тула. Хотя сам город не был оккупирован, а западные районы области лишь несколько месяцев находились в оккупации, тема нацистского террора получила отражение в экспозициях и Тульского военно-исторического музея (2017 г., на территории кремля), и Музея обороны Тулы (2021 г., парк «Патриот»): в них рассказывается не только о терроре и сожженных деревнях, но и об актах уничтожения евреев.

Совершенно иначе эта тема звучит в других городах. Так, в Калужском музее оккупация затрагивается в экспозиции музея поверхностно. Совершенно опущена тема Калужского гетто – первого освобожденного (декабрь 1941 г.) гетто Европы: ни в городском пространстве, ни в музее об этом не говорится ровным счетом ничего³. В Пскове и Великом Новгороде (практически полностью разрушенных в годы войны) тема сведена преимущественно к вывезенным материальным ценностям, возвращение которых, впрочем, имело важное значение уже в наше время. Не имея возможности остановиться подробнее на этих сюжетах, лишь обозначим основ-

---

¹ Также на октябрь 2021 г. характерно отсутствие дополнительной продукции для посетителей (например, каталог экспозиции, книги об истории трагедии, истории оккупации и пр.), за исключением сувенирной продукции в виде чайной кружки с изображениями мемориала.

² Иванов Ю. Смоленск – щит России. – Смоленск, 2012. – С. 66–67.

³ Во время экскурсии по областному музею в мае 2021 г. автор данных строк задал соответствующий вопрос экскурсоводу. Ответом стало недоумение: зачем в принципе эту тему отражать.

ные сложности: слабость историографии, отсутствие реальных данных о количестве сожженных деревень, точных местах расстрелов; дискуссии о принципах мемориализации и необходимости выделять отдельные категории жертв (например, евреев).

Другим сквозным сюжетом истории советского периода, значимым для нашего мезорегиона, являются политические репрессии. Без их осмысления и увековечения полноценное понимание социалистической эпохи невозможно, однако показательно, что везде эта тема оттесняется на второй план. Еще в 1990-е годы почти во всех рассмотренных городах появились памятники жертвам политических репрессий, однако нигде они не занимают доминирующего положения в историко-культурном пространстве. Разнообразие мест также свидетельствует в пользу отсутствия четкого понимания, как публично обращаться к этим событиям. В Калуге памятник разместили в исторической части около центрального парка, в Вологде, Великом Новгороде и Твери – в парковых зонах, в Костроме – в сквере на площади около «брежневского» масштабного монумента Великой Отечественной войне, в Ярославле – на городском кладбище. При этом в Ярославле у входа в здание музея истории города также располагается памятный крест «Землякам – жертвам войн и репрессий XX столетия», что в целом соответствует идейной направленности экспозиции (описана выше). В Пскове памятник репрессированным установили только в 2007 г. в сквере у Мироносицкого кладбища, впрочем, до этого усилиями областной администрации были изданы 15 томов Книги памяти, а поклонный крест в 1998 г. появился на Левашовском кладбище под Санкт-Петербургом: именно здесь убивали репрессированных псковитян (хотя существуют версии о расстрелах в подвалах псковских храмов, которые не получили должной проработки)¹. В Рязани лишь в 2019 г. усилиями местного общества инвалидов – жертв политических репрессий появился закладной камень в честь будущего памятника репрессированным². Располагаться он должен недалеко от Скорбященского мемориального комплекса Великой Отечественной войны. По словам одного из наших экспертов, первоначальный памятный крест в память жертв советской власти был установлен в середине 1990-х годов в центре города на

---

¹ Дзева Ю. Не предать забвению // Псковский летописец. – 2012. – № 1. – С. 106–116.

² Сбор средств на памятник жертвам политических репрессий в Рязанской области. – URL: <http://memo62.tilda.ws/#rec67271542>

месте памятника Ленину, однако после победы на выборах губернатора-коммуниста «вождя коммунизма» вернули обратно [Э-61-01]. Во Владимире речь идет о Князь-Владимирском кладбище. Еще с дореволюционных времен оно стало местом упокоения знатных и видных горожан. В 1975 г. здесь появился мемориал в честь погибших воинов, а в 2012 г. закладной камень в честь репрессированного князя П. Долгорукова, арестованного в Чехословакии в 1945 г. и умершего во Владимирском центре в 1951 г. Как правило, именно здесь хоронили заключенных этой тюрьмы, что делает Князь-Владимирское кладбище потенциально значимым местом по увековечению политически репрессированных. При этом нельзя не отметить эстетическое разнообразие данных монументов: черные застывшие глыбы (Калуга), треснувшая стела (Вологда), пронзенный навывлет пулей измученный, но не сломленный узник (Тверь), валун наподобие Соловецкого камня (Кострома и Псков). В некоторых случаях обращение к теме репрессий может быть и неявным. Так, по словам одного из наших рязанских экспертов,

«на здании, которое в 1919 г. занимала губернская ВГКЧ, а затем по преемственности все службы, которые занимались государственной охраной и государственной безопасностью, возникла мемориальная доска. На мой взгляд, она носит следы деятельности местных краеведов и общественных организаций, которые с выходом на власть инициировали процесс установки этой доски, а пресечь его было не очень удобно. На этой доске значится, что в этом здании в 1919 г. [был приезжавший] в Рязань Есенин, а зачем он приезжал? Чтобы заступаться за односельчан, которые так или иначе стали жертвами преследований» [Э-61-02].

Хотя тема политических репрессий исключена из тех экспозиций, что рассказывают об истории региона (за исключением Ярославля и отчасти Калуги), в действительности она встречается в двух других контекстах: места политических тюрем или расстрелов (Суздаль и Смоленск) или мемориальные дома прославляемых граждан, ставших жертвами репрессий (Калуга, Рязань и Вологда). В Суздале речь идет об экспозиции «Суздальская тюрьма» в составе Спасо-Евфимиева монастыря. В советское время здесь была открыта экспозиция, посвященная политическим заключенным императорской России (монах Авель, опальные губернаторы, декабристы и др.), которая позднее при поддержке общества «Мемо-

риал»¹ была продолжена темой советских политических репрессий. Тематически экспозиция содержит два перекликающихся плана повествования: первый отсылает к истории самого места (политические заключенные, германские военнопленные, детская колония), второй – к сталинским репрессиям в целом. Рассказ о различных жертвах репрессий не оставляет сомнения относительно их невиновности и субъекта преступлений. Отдельно на территории монастыря разместилась экспозиция о репрессированных священнослужителях.

Рис 12. Мемориал в Катыни, 2021 г.

Мемориал Катынь под Смоленском, открытый в 2000 г., отсылает одновременно к двум разным группам сталинских репрессий – польским военнопленным 1940 г. (более 4 тыс.²) и советским гражданам (более 8 тыс.). Изначально доминантой была память о польских жертвах: масштабный мемориал в виде алтарной группы и стены из чугунных, покрытых искусственной ржавчиной (символ страданий) памятных плит с именами убитых (см. рис. 12). Входная часть обрамлена польскими военными символами, однако напротив алтарного поклонного креста расположились католиче-

¹ 5 апреля 2022 г. деятельность «Мемориала» на территории РФ запрещена.

² Общее количество расстрелянных военнопленных поляков оценивается более чем в 22 тыс. человек, однако лишь 4,4 тыс. из них были убиты именно в Катыни.

ский, православный, иудейский и мусульманские знаки, указывающие, что здесь погибли люди разных вероисповеданий. При входе на место расстрела советских граждан был установлен красный православный крест, а недалеко – вагон-теплушка. Уже в 2010-е годы стала развиваться тема политически репрессированных смолян. В 2017 г. при участии федеральных политиков был открыт масштабный мемориал; в эти же годы начали проводиться поисковые экспедиции на месте советских захоронений, а вещи передаваться в экспозицию. Тогда же в 2017 г. при обновлении мемориала были открыты два выставочных пространства. Первое расположено при входе, оно посвящено польским и советским жертвам сталинского террора: собственно политический и идеологический контекст, причины репрессий и ответственные остались за кадром, в то время как посетителям предлагается соприкоснуться с частными трагедиями – экспонируются фотографии, личные вещи из могил, документы, в т.ч. и копии свидетельств о реабилитации. Непосредственно на территории мемориала был открыт второй павильон, где представлена экспозиция, посвященная истории советско-польских отношений в XX в. Ее общая задумка заключается в том, чтобы подчеркнуть позитивные стороны отношений двух народов, не сводя их только к самому преступлению. Также недалеко от вагона-теплушки разместились и постоянная планшетная выставка, посвященная советско-польской войне 1919–1921 гг. и акцентирующая трагедию советских военнопленных. Ранее здесь планшеты рассказывали об истории политических репрессий в Смоленской области.

Все это говорит о стремлении размыть тему убийства поляков, причем не только путем акцентирования сторонних исторических сюжетов (содержащих прямые обвинения в адрес поляков), но и за счет привлечения трагедии советских граждан. Сам мемориал является местом притяжения не только поляков и потомков политически репрессированных, но и православных, т.к. здесь был убит прославляемый ныне архиепископ Смоленский и Дорогобужский Серафим.

Стоит особо отметить, что 2017–2018 гг. в определенной степени стали рубежными для развития Катынского мемориала: если до этого времени музей вел относительно широкую научную деятельность (ежегодными являлись и «Вестник Катынского мемориала», и сборник «Дорогами памяти», публикующий воспоминания бывших жертв политических репрессий или их родственников – обе серии являлись результатом труда Г.А. Андреевской),

то с тех пор эта значимая работа прекратилась ввиду сокращения научных сотрудников.

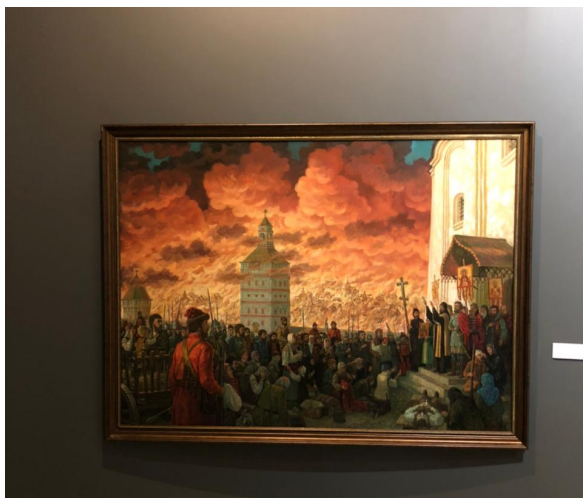

Рис. 13. Вводная часть экспозиции о российско-польских отношениях (музей в Катыни) начинается с картины, изображающей оборону Смоленска в начале XVII в. Таким образом посетителям мемориала, посвященного незаконно расстрелянным польским военнопленным, которые здесь и похоронены, напоминают о «негативной роли поляков» в истории края

При обращении к теме репрессий в жизни известных деятелей науки и культуры также акцентируется достаточно широкий спектр сюжетов. В Вологде мемориальный дом В.Т. Шаламова (1991) отсылает не только к общей истории сталинских политических репрессий, но и к красному террору, выделяя антиправославную направленность (см. рис. 14). В Калуге в мемориальном доме А.Л. Чижевского (2010) рассказывается о его годах и творчестве в лагерях ГУЛАГа. В Рязани музейный центр им. А.И. Солженицына открылся в 2019 г. и стал одним из итогов празднования 100-летия со дня рождения писателя. Следует отметить, что выставочная концепция ищет пути локализации нобелевского лауреата в местной истории. Одна часть экспозиции – образы рязанской деревни, ставшие основой для «Красного колеса». Тема народного участия в Первой мировой войне завершается рассказом о красном терроре, опять же с акцентом на антирелигиозные гонения. Вторая часть

посвящена уже диссидентскому движению в СССР хрущевско-брежневской эпохи: здесь воссозданы кабинеты редакции журнала «Новый мир», рассказывается о способах распространения нелегальной литературы, методах преследования инакомыслящих и практиках сопротивления идеологическому диктату.

Рис. 14. Фрагмент экспозиции музея В.Т. Шаламова. Вологда, 2020 г.

Третьей сквозной советской темой для нашего мезорегиона является война в Афганистане. Представлена она в первую очередь мемориалами местным участникам этого конфликта. Общая тенденция – расширять их за счет упоминания фамилий погибших в других локальных конфликтах: не только советского периода, но и современной России (как в Чечне, так и в Сирии). При этом тональность мемориалов отличается: скорбные коннотации 1990-х годов постепенно сменяются героическими (2000–2010-е). В Ярославле (1993) в центре мемориала находится черная роза, надпись не оставляет сомнений относительно намерений создателей: «Живым нести крест покаяния и искупления за пламя и пепел Афгана. Наша память, скорбь и боль». Комплекс отсылает к необходимости осмысления памяти о войне в рамках трагического нарратива (по Дж. Александру): скорбь – это повод задуматься о причинах, потерях и о том, как преодолеть их. В других мемориалах 1990-х годов также доминируют темы скорби, хотя прочтение более от-

крыто: в Брянске (1993) два бойца выносят раненого с поля боя; в Смоленске (1995) в центр вынесены барельефы скорбящих женщин и воина-интернационалиста; в Пскове (1996) памятник выполнен в виде часовни с черным куполом и черным крестом; в Великом Новгороде (1996) – в виде черных могильных плит, увенчанных крестом; во Владимире (2000) – скорбящие ангелы. В Твери мемориал (2006) отличается в смысловом плане, поскольку главный элемент – образ земного шара, пронзенного штыком, с летящим над ним голубем. И хотя над пилонами с фамилиями погибших тверичей красуется надпись «Они никогда не вернуться с войны», сама скульптурная композиция отсылает к тому, во имя чего положены жизни, а значит, и сама скорбь прорабатывается в прогрессивно-героическом ключе, т.е. через указание конечной позитивной цели. И совершенно не оставляет сомнений героическая интерпретация мемориала в Рязани (2000), поскольку он выполнен в цветах георгиевской ленты.

Рис. 15. Памятник воинам-вологжанам, погибшим в военных действиях, 2020 г.

Одновременно показательную трансформацию претерпевал вологодский памятник: в 1989 г. он состоял из насквозь простреленного валуна, символизирующего огонь, и надписи, четко фиксирующей, что вологжане погибли при «защите интересов родины» (см. рис. 15). В 2005 г. к нему был добавлен валун с барельефом

скорбящей матери. Однако в 2018–2019 гг. появились еще четыре стелы: на двух перечислены имена погибших, на третьей – перечень конфликтов, дополненный образом вертолета, летящего над горами Афганистана, на четвертой изображен мужественный солдат на фоне гор, с надписью «Мы выполнили свой долг». Можно сделать вывод, что объединение скорбных и героических смыслов стало результатом не изначальной задумки, а последовательной работы над этим местом. Показательно, что только контекст установки и сами образы отсылают к Афганской войне, в то время как собственно монумент посвящен, судя по надписи, погибшим во всех войнах.

Рис. 16. Часть экспозиции Музея молодежного движения. Рязань, 2020 г.

Обилие монументов отражает активность ветеранских организаций, которые стоят за ними, в то время как слабая репрезентация этой темы в музеях указывает на сложности облечения этой памяти в связный рассказ, в т.ч. из-за отсутствия должного количества историков-специалистов, секретности документов и слабости историографии. Из региональных музеев с темой Афганской войны работает Брянский областной краеведческий музей, который завершает этой темой рассказ об истории региона. Экспозиция по Афганской войне включена и в состав Тульского военно-исторического музея на территории кремля (2017). В обоих случаях экспозиция формировалась местными ветеранскими сообществами. В Калуге небольшой Музей памяти локальных войн и военных

конфликтов был открыт в 2019 г. в спальном районе города, в жилом здании, часть которого занимает Центр реабилитации и интеграции инвалидов войны¹.

Ярким примером можно назвать Рязань, где тема локальных конфликтов представлена одновременно в двух музеях, предлагающих два разных нарратива: трагический и героический. Первым стал Музей молодежного движения, образованный на излете 1980-х годов силами местных комсомольцев, которые хотели почтить память знакомых, погибших или оставшихся живыми в Афганской войне. Основной экспозиционный материал – фотографии, личные вещи и письма. Уже первый зал задает эмоциональный настрой. Здесь мы видим историю рязанца И.И. Лутикова: его мирная жизнь (на стене представлены фотографии доармейского периода, в том числе свадебные) была перечеркнута политическим решением начать войну в Афганистане (в виде молнии собран коллаж из портретов Брежнева, Горбачева, Устинова, официальных сводок). Далее, в витрине, разделенной на две части, выставлены: слева – фотографии И. Лутикова, личные вещи, письма родителям (где он признается, что уже месяц служит в Афганистане) и жене (о том, как во сне увидел ее образ), справа – письмо бойцов взвода, где служил Лутиков, о его гибели. Ниже представлена грамота президиума Верховного Совета СССР, которой он был награжден посмертно. Подобранные письма и фотографии благодаря вполне удачной компоновке раскрывают маленькую трагедию простого человека и становятся эмоциональным ключом к дальнейшей экспозиции: реконструкция медицинской палатки; униформа солдата, обрамленная фотографиями страданий местного населения; серия персональных стендов, причем последний, посвященный уже участию в чеченской войне, имеет характерный заголовок («С войной покончили мы счеты?»). Продолжается это импровизированным мемориалом: в центре композиции лампада на красном фоне под аркой с надписью «Афганистан, 1979–1989», с обеих сторон – черные пилоны с именами погибших (см. рис. 16). Противоположная стена почти полностью занята фотографиями прошедших Афганистан, перед ней стоит инвалидная коляска, а рядом макет со сценой боев. Завершает выставку часовня, поставленная родственниками в память о погибших братьях и сыновьях.

---

¹ В Калуге открылся Музей памяти локальных войн и военных конфликтов // Калужская неделя. – 2019. – 12.02. – URL: https://nedelya40.ru/v-kaluge-otkrylsya-muzej-pamyati-lokalnyh-vojn-i-voennyh-konfliktov_76470

Внутри нее размещены плиты с именами погибших. Стоит отметить, что на протяжении 1990–2000-х годов сама целесообразность существования музея постоянно обсуждалась. Потому он был дополнен традиционно-героической экспозицией, посвященной участию рязанцев в Великой Отечественной войне, а также выставкой по истории флота (результат работы музея с местным сообществом ветеранов-подводников, после выхода на пенсию направленных жить в Рязань).

Другим местом репрезентации истории локальных войн стал ведомственный Музей истории ВДВ. Он подробно разворачивает историю воздушно-десантных войск России, вписывая их в контекст развития национальной армии и истории воздухоплавания. Основные экспозиции, начинающиеся с эпохи Первой мировой войны, структурно едины: это визуализированное героическое повествование о конкретных людях, униформе и вооружении, сопровождаемое поясняющими текстами.

Рис. 17. Фрагмент экспозиции новгородского Киномузея, посвященный месту кинообразов в формировании жизненного мира советских детей

Великая Отечественная война, политические репрессии и отчасти Афганская война – эти три темы являются общими для репре-

зентации советского прошлого в городском и музейном пространствах нашего мезорегиона. Естественно, они не могут в полной мере отразить исторический период, однако активность проработки именно этих направлений указывает на их особую значимость. Вместе с тем советское встречается и прорабатывается и в иных формах.

Во-первых, это частные ностальгические музеи, где собираются различные предметы городской повседневности, а экспонаты напрямую ориентированы на то, чтобы посетитель через соприкосновение с ними вернулся в период своего детства, молодости. К таким мы относим Музей Плюшкина в Твери (2017), директор которого подчеркивает ностальгический характер экспозиции; Вологодский музей детства (2019), в котором коллекции игрушек разных периодов советской истории подобраны так, чтобы в них отражалась эпоха. Однако для соответствующего восприятия необходим подробный рассказ экскурсовода, в то время как без сопровождения посетитель, скорее всего, «прочитает» демонстрацию предметов исключительно в ностальгическом ключе¹. Отчасти ностальгическим является и новгородский Киномузей (2018), создатель которого, в прошлом киножурналист, решил рассказать историю возникновения, развития и завершения пленочного кинематографа.

Во-вторых, это мемориальные квартиры деятелей культуры и искусства советского времени: квартиры реставратора Ю.П. Спегальского в Пскове (1986) и А.Т. Твардовского в Смоленске (1990), мастерские художников Б.Н. Корбакова в Вологде (2002) и В. Иванова в Рязани (2004), квартира писателя-деревенщика В.И. Белова в Вологде (2014) (см. рис. 18), мастерская Б.Ф. Французова (2014) во Владимире, музей произведений из стекла А. Зеля (2016) в Калуге, мастерские четы Грековых в Великом Новгороде (2020). Обращает внимание не только заметное увеличение таких музейных пространств начиная с 2000-х годов, но и то обстоятельство, что все чаще увековечиваются люди не просто родившиеся или когда-то непродолжительно жившие здесь, но те, чья жизнь и творчество напрямую связаны с городом, а значит и сам факт мемориализации отражает стремление не «привязать к себе» некую общенационально известную фигуру, а наоборот сохранить память о тех, кто был частью местного культурного сообщества.

---

¹ *Королев К.М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики. – С. 207.

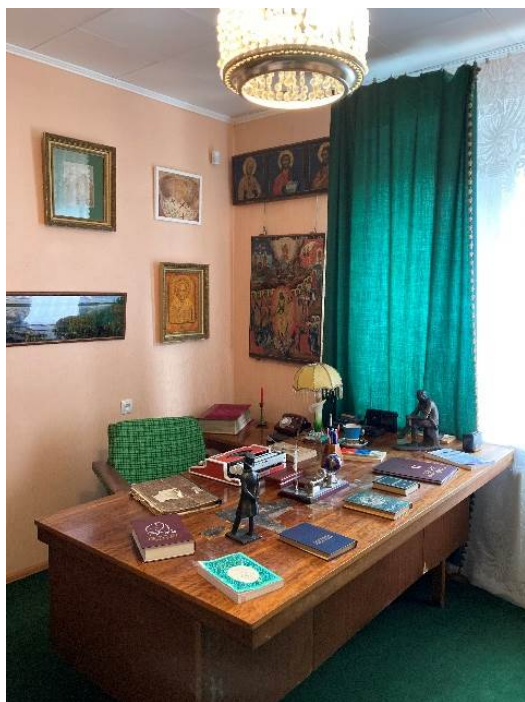

Рис. 18. Квартира писателя В.И. Белова. Вологда, 2020 г.

Третий общий сюжет связан непосредственно с РПЦ и обращен к теме уничтожения культурного, в основном церковного, наследия в советское время. Наиболее громко эта тема звучит в Твери и Костроме, поскольку восстановление уничтоженных святынь стало частью региональной политики памяти. В Пскове и Ярославле на месте некоторых разрушенных церквей установлены поклонные кресты, в Калуге – информационная табличка, а в Суздале появился поклонный крест «В память о скорбных утратах 15 храмов Суздаля, погибших в 20–30-е годы XX века». Во Владимире рядом с Успенским собором расположен стенд с текстом об уничтожении храмов советской властью. На центральной площади Вологды в 1997 г. также был установлен крест на месте Спасо-Всеградского собора¹.

¹ Головин А.А. Мое детство, мой мир, моя Вологда. – Вологда, 2021. – С. 113, 114.

С другой стороны, менее выраженной, но тем не менее значимой для жителей ряда городов является память о «брежневской эпохе»: в этом случае увековечение памяти того или иного первого секретаря обкома КПСС рассматривается как маркер времени наиболее успешного и активного развития области. Так, в Смоленске речь идет о И.Е. Клименко (1969–1987 гг.), которому приписывается возрождение разрушенного войной региона. Сразу после его смерти в 2006 г. в городе появились две мемориальные таблички, бюст, в его честь была переименована улица, а представители власти, вспоминая о нем, цитируют оставленные Клименко мемуары¹. В Вологде соответствующим образом можно говорить об А.С. Дрыгине (1961–1985 гг.), в честь которого переименовали площадь у здания правительства и в 2014 г. установили закладной камень будущего памятника². В меньшей степени выражена память о «брежневском секретаре» Ф.И. Лощенкове в Ярославле (мемориальная доска и раздел в музее истории города). По словам одного из рязанских экспертов, 1960–1980-е годы были периодом быстрого промышленного развития [Э-61-02], что также дает основание предположить, что прославление этой эпохи может получить общественную поддержку.

Постсоветская эпоха

Поскольку наше исследование ориентировано прежде всего на анализ более или менее устойчивых форм работы с прошлым, то события 1990–2000-х годов оказываются в «темной зоне», т.к. ее анализ требует прежде всего обращения к коммуникативной памяти, а значит и иных методов исследования. Было бы поспешным ожидать активной коммеморации и проработки тех событий, по отношению к которым не удастся занять определенную дистанцию. А потому интерес вызывают те исключения, которые указывают на стремление отдельных мнемонических акторов затронуть и этот период.

---

¹ К 100-летию со дня рождения И.Е. Клименко // РАНХиГС. Смоленский филиал. – URL: https://smol.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=395676

² Его правление как период пика развития Вологды характеризует и местный житель А.А. Головин: *Головин А.А. Мое детство, мой мир, моя Вологда.* – С. 107–132.

Рис. 19. Памятник «вежливым людям» в Туле, декабрь 2021 г.

Во-первых, это военные, что находит отражение в стремлении объединять в рамках одних мемориалов память об участниках совершенно разных боевых операций. Соответственно, память о локальных войнах (особенно то, как она выражена в мемориалах Твери, Рязани, Вологды, Смоленска, Пскова) соединяет совершенно разные вооруженные конфликты – внутренние (Чечня) и внешние, советские и постсоветские (вплоть до современной Сирии). Тем самым фиксируется единство воинских традиций. Также обратим внимание на то, что в Туле еще в 2017 г. на территории Суворовского военного училища (ныне часть парка «Патриот») открылся памятник «вежливым людям». По данным местных СМИ, со ссылкой на неофициальные источники, участником операции 2014 г. был действующий губернатор А. Дюмин¹.

Для жителей Твери безусловной значимостью обладает фигура барда Михаила Круга. Установленный в честь него памятник стал одной из точек притяжения туристов и гуляющих горожан. Равным образом, как сообщил один из наших экспертов, в некото-

---

¹ В Туле установили памятник «вежливым людям» // Tulactive.ru. – 2017. – 26.09. – URL: <https://tulactive.ru/news/78271>

рых слоях горожан «Михаил Тверской» – это, прежде всего, Михаил Круг, а не средневековый князь¹.

Рис. 20. Сирийские трофеи в экспозиции Музея войск ВДВ в Рязани (фото 2020 г.)

Главным исключением является Ярославль. Активность властей в сохранении памятников культуры, формировании историко-культурных пространств дополняется и работой музейно-научного сообщества, которое сумело найти те формы, чтобы, по крайней мере в муниципальной истории города, выразить его историю как некое развитие ярославского сообщества. Здесь не только представлено некое целостное отношение к советской эпохе, но и дополнено стендами, посвященными промышленному развитию 1990-х годов. В городском пространстве отражена гибель в авиа-

---

¹ «Когда бывшую Советскую площадь переименовали в площадь Михаила Тверского, то епархия обратилась к властям с предложением дополнить это название – и теперь площадь называется площадью Святого Благоверного князя Михаила Тверского. Это важно, так как в молодежном сознании Михаил – это Михаил Круг, поэтому надо уточнять, что за Михаил имеется в виду – не просто какой-то Миша Тверской, а Святой Благоверный князь, чтобы это отложилось в сознании» [Э-28-03].

катастрофе хоккейной команды «Динамо» в 2011 г. Масштабные мемориалы были открыты не только на городском кладбище – месте упокоения, но и около ледовой арены (под названием «Хоккейное братство»). Столь уважительное и почтительное отношение к памяти знаковых членов городского сообщества весьма примечательно.

После убийства Б.Е. Немцова в 2015 г. на месте, где он жил в Ярославле, появилась памятная табличка. Власти признали ее незаконной, а потому скоро она исчезла. Последующую табличку разбили вандалы, однако третья, установленная в мае 2019 г., висит до сих пор. На наш взгляд это свидетельствует – в сравнении с другими региональными столицами – о высоком уровне развития городской идентичности, благодаря чему коллективное осмысление своего «мы» различными субъектами общественной жизни ведет к коммеморации и значимых сегодня фигур и событий.

Рис. 21. Макет «Золотое кольцо». Ярославль, 2020 г.

Выше мы обращали внимание на значимость идеи «столичности» для формирования городской идентичности. В частности, таким образом в рамках официальной коммеморации трактуются события Смутного времени, а именно пребывание здесь войск

Второго ополчения. Кроме того, власти Ярославля позиционируют город как столицу Золотого кольца (см. рис. 21). К чему отсылают не только публичные заявления и соответствующий монумент в центре города (2016), но и такой частный музей как Шоу-макет «Золотое кольцо» (2019). В его основе лежит увлечение создателя игровыми железными дорогами. На 84 кв. метрах представлены образы 13 городов. Представление не только исторических достопримечательностей, но и современных построек, отображение четырех периодов суток через изменение освещения, движение игрушечных машин и поездов, сцены из городской жизни (вплоть до протестных митингов 2010-х годов) – все это представляет древние города в качестве динамичных и самобытных центров жизни, где история и современность тесно переплетены¹.

Заключение

Несмотря на значительный объем настоящей главы, что обусловлено большим числом рассматриваемых кейсов, многие сюжеты не были затронуты. Так, мы сосредоточили внимание на новых механизмах взаимодействия между центром и регионами, в то время как оставили за пределами внимания такие институциональные практики, как федеральные целевые программы и нацпроекты. Мы писали про деятельность Министерства культуры и Минобороны, но обошли, например, набирающую популярность практику проведения молодежных лагерей с историческим уклоном (под патронатом Росмолодежи). Естественно, ни один из регионов не является внутренне однородным, а потому для полной картины важно понять происходящее в муниципалитетах. Например, для региональной идентичности Рязани важен С.А. Есенин и музей-усадьба в селе Константиново, а для Псковской области – А.С. Пушкин и музейный комплекс в селе Михайловском и его окрестностях. Из-за ограниченных объемов нам пришлось опустить и более детальный анализ типов конфликтов памяти, и отсылки к международному / транснациональному измерению, причем последние выражаются не только через образы врагов в военной истории (далеко не всегда, впрочем, отчетливые), но и настойчивые попытки ряда государственных и частных музеев рассказывать

---

¹ Как пример работы с устной памятью (Ярославль, район фабрики «Красный перекоп») см.: Фабричный круг. Память места / сост. Ю.В. Кривцов ; ред. Н.Л. Ключарева. – Ярославль, 2021. – 295 с.

локальные истории, помещая их не в общероссийский, а международный контекст (например, музей Рязанского леденца повествует о сахарном производстве в этом регионе именно в транснациональном контексте). Заметна активность и отдельных этнических групп (евреев, цыган, армян, дагестанцев) по производству значимых для них мест памяти. Даже когда мы берем ту же новгородскую архитектуру, казалось бы, выступающую образцом русской культурной самобытности, то более внимательное отношение к экспликациям сразу же указывает, что она формировалась на пересечении восточных (византийских) и западноевропейских веяний.

Перечисление незатронутых сюжетов, вопросов и проблем может занять еще немало места, и надеемся, что в будущем нам удастся восполнить этот пробел. Данное исследование все же выделось нами как первичное расчерчивание активно развивающегося пространства актуальной истории с особым вниманием к тем практикам, которые имеют выраженную физическую локализацию. В отличие от неоднократно упомянутой Л. Парц мы видим провинцию не как миф и образ, транслируемый СМИ и обретаемый в чьих-то речах, а как конкретную конфигурацию акторов, практик, институтов и материальных объектов, имеющих именно физическое выражение.

Несомненно, здесь за последние 15 лет произошел значимый скачок с точки зрения институционализации практик работы с прошлым и расширения пространств работы с нею. Большая часть музеев, памятников, историко-мемориальных городских пространств были созданы / обустроены в этот период, а значит массивные пласты истории, бывшие известными интеллектуальным элитам, стали в той или иной степени общественным достоянием. Изученные регионы и города сделали серьезный шаг по пути визуализации и представления себе и другим своей исторической идентичности. Отчасти это можно связать с усиливающейся общегосударственной политикой памяти: федеральный центр все больше готов финансировать соответствующие проекты, усиливать свое прямое присутствие (через музеи, памятники и пр.), определяя значимость мезорегиона преимущественно как носителя памяти о «древней русской истории» и военной славе.

Однако было бы неверным видеть в этом унификацию и подчинение регионов единым стандартам. Безусловно, конфликтные, противоречивые и трагические страницы прошлого остаются в тени или на периферии (например, рабочее движение, холокост, политические репрессии, пребывание в составе других государств,

конфликты с федеральным центром) – для большинства участников создания историко-символического пространства они либо неинтересны, либо опасны. Из всех периодов именно советское прошлое испещрено лакунами, хотя репрезентация других периодов также неравномерна. Тот факт, что даже на музейном уровне последовательно представить всю свою историю смогли лишь два музея (в Ярославле и Брянске), явным образом указывает на сложности в производстве целостных высказываний. Предъявление собственной древности, которая не всегда сопровождается возможностью наполнить ее адекватным содержанием, склонность рисовать отдельные страницы истории как производные от общедо-федерального нарратива, намеренное избегание конфликтов или наоборот «семиотическое перепроизводство» при работе с непри-вычными темами (в частности, Хацунь) – на все эти и проблемы мы обращали внимание по ходу главы.

Однако завершить главу мы хотим тезисом о многообразии форм, механизмов, практик и нарративов, составляющих историко-мемориальное пространство. Даже если останавливаться только на технических сторонах, и в городских пространствах, и в музеях мы наблюдаем не только воспроизводство однотипных практик, но также и поиск новых форм выражения и представления прошлого. Мультимедийные и интерактивные экспозиции в федеральных музеях Тулы открываются еще в середине 2010-х годов, фактически параллельно с тем, как это стало общим трендом для столичных музеев. В Костроме, Владимире и Туле в конце 2010-х годов вполне успешные интерактивные музейные проекты («Живая история») были созданы уже на частные средства. Те же мультимедийные технологии могут одновременно использоваться как для формирования образа героической славы и игроизации войны (Тульский музей оружия), так и для визуализации сложных транснациональных связей, структурировавших развитие отечественной промышленности (Музей станка). Разметка городских пространств все же не ограничивается лишь традиционными памятниками, бюстами или мемориальными аллеями, а скорее ориентирована на производство более комплексных историко-культурных пространств, в том числе посредством эстетизации городского центра, как в Смоленске (включая и музыкальное сопровождение памятника Глинке, и памятник «Бессмертному полку»), или визуализации городских легенд, как во Владимире. Вместе с тем, несмотря на всю монументальную активность, значительная часть новых монументов никак не связана с формированием значительных коммеморативных

традиций. Как обратила внимание М. Липман, работая, правда с претендующими на общефедеральный статус мемориалами: «Установка памятника тому или иному историческому персонажу не становится отправной точкой коммеморации – коммеморация неизменно ею и исчерпывается»¹. Скорее внутренний смысл этих действий заключается в разметке городских пространств.

В условиях социально-экономической стагнации, безусловно, вырастает роль акторов памяти – государства и РПЦ – имеющих самостоятельное финансирование или умеющих привлекать федеральные средства. Однако в крупных и промышленно развитых городах (Ярославль, Тула), а также в тех, что ориентируются на туристические потоки (Владимир, Суздаль, Кострома), мы видим куда более высокую роль частного бизнеса. Образы военной истории имеют значимость в ряде городов (Кострома, Рязань, Владимир, отчасти Тула), именно военно-исторические музеи позволяют одновременно визуализировать и преемственность между различными эпохами, и бесконфликтно вписать местные сюжеты в общефедеральный нарратив, но при этом параллельно существует немало других исторических проектов, государственных и частных, которые прорабатывают иные страницы истории.

Серьезные позиции РПЦ мы связываем не только с ее умением предложить собственные символические ресурсы для выражения особой идентичности, которая должна распознаваться как якобы соответствующая «глубинным», «исходным», «укорененным» традициям, но и с объективным наличием большого количества памятников архитектуры религиозного назначения, которые позволяют напрямую соприкоснуться с «исконной древностью» и имеют высокую туристическую привлекательность, в том числе и в международном измерении. Скорее обращает на себя внимание отсутствие творчески-критического отношения к этому наследию и излишне прямолинейные способы его актуализации. Намеренно актуализируемые «военно-православные мотивы», конечно, серьезным образом сказываются на формируемом образе «русской древности»: такого рода идентичность, как представляется, устраивает и федеральный центр, и региональные власти, и значительную часть населения (здесь мы берем во внимание этническую однородность), но собственно региональные пространства памяти этим далеко не

---

¹ Липман М.А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики. – С. 56.

ограничиваются, а сама «военно-православная русскость» однотонной и непротиворечивой является лишь при поверхностном взгляде.

Тот факт, что военно-исторические музеи и военно-исторические комплексы зачастую вынесены из историко-туристического центра, также показателен. Если благодаря усилиям местных властей и федерального центра Смоленск формирует себя через образ «западного щита России», подчиняя свою историю общедоказательному нарративу, то Тула сумела отчасти преодолеть эту зависимость: музейные пространства, созданные в последние пять лет, сюжеты XVI в. и обороны 1941 г. демонстрируют настойчивые попытки актуализировать образы городских сообществ. Этому содействуют и другие небольшие музеи, работающие как с XVII–XVIII веками (музей Демидовых), так и началом XX века (Музей старой аптеки).

В большинстве из рассмотренных региональных столиц «историческая субъектность», не сводимая к отражению общенациональных процессов, визуализируется через сюжеты эпохи Средневековья или раннего Нового время – тот самый миф о *золотой эпохе*. В некоторых случаях (Новгород, Псков, Тверь, Владимир и отчасти Рязань) он связан с политической независимостью, в других (Вологда, Кострома и Ярославль) – нет. Этот миф позволяет объединять научные нарративы, сохранившиеся древние объекты культурного наследия, удовлетворяет чаяниям тех, кто конструирует «русскость» через военные и православные образы. Вероятно, и местным властям, и федеральному центру выбор столь далеких эпох кажется удобным, поскольку позволяет деполитизировать историю и вписать регионы в общенациональный нарратив: здесь все же сложно ожидать широких дискуссий, имеющих массово-политический характер. Тут проявляется подмеченная зарубежными исследователями особенность российского нацистроительства: разделять демократические практики участия и то, что призвано формировать коллективную идентичность¹. Однако в случае и Пскова, и Новгорода, и Твери, и даже Рязани такие исторические образы могут подпитывать и антимосковские настроения. Тем не менее это не отменяет поиска других сюжетов из своего прошлого (обычно – период рубежа XIX–XX веков, в случае Тулы – еще и 1941 г.), способных продемонстрировать историю собственно городских сообществ, историю, не являющуюся отражением обще-

---

¹ См.: Клеман К. Патриотизм снизу. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 11.

федерального нарратива. В конечном счете в качестве такового можно классифицировать и ироническое прочтение провинциальности во Владимирском музее Водонапорной башни. При этом многочисленные отсылки к международной / транснациональной перспективе (причем в таких разных музеях, как федеральный Музей космонавтики в Калуге, ведомственный Музей войск ВДВ и частные Музей станка в Туле или Музей леденца в Рязани) указывают, что региональные нарративы не замыкаются только на истории конкретного места.

Другими словами, мы наблюдаем разворачивающийся процесс, посредством которого культурные элиты центрального мезорегиона все активнее рассказывают о прошлом своих регионов и учатся предъявлять его публично себе и всем желающим. Это процесс, который ускорился именно в последнее десятилетие и несмотря на все отмеченные противоречия носит с точки зрения региональных идентичностей фундаментальный характер.

ГЛАВА 2

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТОРЫ, ПРАКТИКИ, НАРРАТИВЫ

(А.Ю. Павловская)

Санкт-Петербург и Ленинградская область являются одним из самых примечательных регионов в России с точки зрения политики памяти¹. Исследование этого мезорегиона обращает нас к ряду теоретических проблем, прежде всего к проблеме статусов *центра и периферии* в политике памяти, их неоднородности и лабильности, а также соотношения регионального и федерального компонентов в политике памяти в регионе.

---

¹ Под *политикой памяти* в этой главе подразумевается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры и образовательной политики» (Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – Москва ; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – С. 33). Под *исторической политикой* понимается частный случай политики памяти, который подразумевает «использование государственных административных и финансовых ресурсов ... в интересах правящей элиты» (Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI в. / под ред. А.И. Миллера. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 19).

В этой главе также используется понятие *публичная история*, охватывающее всю сферу прикладной деятельности, направленную на создание репрезентаций прошлого. См.: Публичная история: между академическим исследованием и практикой / А.И. Завадский, Е.М. Исаев, А.В. Кравченко, В.М. Склез, Е.В. Суверина // Неприкосновенный запас. –2017. – № 112. – С. 23.

Это тем более важно, потому что даже в рамках рассматриваемого мезорегиона существуют свои центры и периферии. Ленинградская область и Санкт-Петербург, даже при большом количестве взаимных связей, являются самостоятельными субъектами Российской Федерации, имеют разную систему институтов памяти, неодинаковые информационные поля и даже ландшафты памяти. Основные задачи этой главы состоят в следующем: *во-первых*, представить обзор политики памяти в регионе за последние 5–10 лет, *во-вторых*, проследить соотношение регионального и федерального в политике памяти в мезорегионе, *в-третьих*, рассмотреть историческую политику в Петербурге и Ленинградской области в сравнении и взаимосвязи друг с другом. Обзор политики памяти предполагает рассмотрение ее ключевых составляющих – *институтов* и *мнемонических акторов*, исторических *нарративов* и сюжетов, включающих в себя «неиспользуемое прошлое». Одновременно с этим в главе предпринимается попытка обозначить ландшафт памяти региона и обнаружить точки «*оспариваемой памяти*» (contested memories).

Особое внимание в этой главе уделяется памяти о блокаде Ленинграда как одному из наиболее востребованных сюжетов политики памяти не только в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, но и в масштабе страны. Память о блокаде является удобным кейсом для рассмотрения «вблизи» важных для этого исследования проблем – взаимодействия мнемонических акторов, структуры мемориальных конфликтов, а также конкуренции нарративов памяти.

Источниковая база этого исследования неоднородна – используются различные тексты представителей региональной и федеральной власти, публикации в СМИ, музейные тексты и материалы экспозиций. Ключевым источником выступает корпус из пяти экспертных интервью с представителями поля публичной истории, действующими в Санкт-Петербурге и Ленинградской области¹. Интервью в этом исследовании выполняют две важные функции: они являются источниками фактической информации о политике памяти в субрегионе, однако не менее важно и то, что они помогают оценить значимость различных явлений и феноменов политики памяти.

---

¹ Интервью взяты автором в рамках проекта «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий» в 2020–2021 гг. Дополнительные беседы с экспертами были проведены автором в 2022 г.

Актеры, институты, практики

За реализацию политики памяти в Санкт-Петербурге отвечают несколько комитетов в составе Правительства города: Комитет по культуре, Архивный комитет, Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП)¹. Респонденты отмечают, что Комитет по культуре, который управляет в том числе всеми музеями и библиотеками регионального подчинения в Санкт-Петербурге, остается мало заметным актором политики памяти. Ситуация существенным образом отличается в Ленинградской области – всю историческую политику в регионе курирует Комитет по сохранению культурного наследия (до 2021 г. – Комитет по культуре) Ленинградской области². Глава комитета Владимир Цой – лицо исторической и культурной политики Ленинградской области, его имя и фотографии обязательно присутствуют во всех отчетах и публикациях Комитета. В отличие от петербургского Комитета по культуре, которому учреждения подчиняются напрямую, аналогичному комитету Ленинградской области подчинено Музейное агентство, одновременно являющееся и самостоятельной выставочной площадкой (выставочный зал «Смольный»), и управляющей организацией почти всех государственных музеев области.

Музеи принадлежат к числу самых заметных мнемонических акторов и в Санкт-Петербурге, и в Ленинградской области. Крупные исторические музеи регионального подчинения в Петербурге имеют долгую институциональную историю и большое количество филиалов. Так, Музей истории Санкт-Петербурга (ГМИСПб) является преемником открытого еще в 1907 г. Музея Старого Петербурга, в его подчинении находится девять филиалов, среди которых крепость Орешек, мемориальные музеи-квартиры А.А. Блока и С.М. Кирова, Музей печати и др.³ Музей политической истории России (ГМПИР) – также важный игрок на поле политики памяти – наследует основанному в 1919 г. Музею революции; он также имеет филиалы: Детский музейный центр исторического воспитания и

---

¹ Комитеты, управления, инспекции и службы // Администрация Санкт-Петербурга. – URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/>

² Комитет по сохранению культурного наследия Ленинградской области // Администрация Ленинградской области. – URL: <https://okn.lenobl.ru/ru/>

³ Музейный комплекс // Музей истории Петербурга. – URL: https://www.spbmuseum.ru/themuseum/museum_complex/

Музей политической полиции¹. Важным мнемоническим актором в Петербурге, с его богатой культурной историей XIX и XX веков, являются литературные и музыкальные музеи.

В системе государственных музеев Ленинградской области находится 29 учреждений, подчиненных Музейному агентству². Большая их часть – это историко-краеведческие музеи, располагающиеся в районных центрах Ленинградской области (например, Кингисеппский, Лужский, Новолодожский и др.). Такие музеи нередко являются единственными в районах области, поэтому они играют важную роль культурных центров, а также акторов и проводников политики памяти на местном уровне.

Как отмечают все респонденты, среди музеев в Петербурге и Ленинградской области наиболее активными мнемоническими акторами являются музеи, напрямую подчиняющиеся Министерству культуры РФ – Государственный Эрмитаж и государственные музеи-заповедники: Петергоф, Царское село, Павловск и Гатчина. Несмотря на то, что три из этих учреждений находятся в пригородах Санкт-Петербурга (в черте города) и лишь Гатчина – в Ленинградской области, они воспринимаются как неотъемлемая часть Петербурга. Один из респондентов, сотрудник ГМЗ «Петергоф», выразил это таким образом: «Пушкин, Павловск и Гатчину я не считаю пространством Ленинградской области, для меня это как часть Петербурга, хоть пригороды, но все-таки Петербург» [Э-41-04].

Музеи федерального подчинения в пригородах и Ленинградской области являются любопытным примером столкновения петербургского и областного, федерального и регионального, и, как следствие, локальных и общероссийских нарративов и практик. Так, в Гатчине, например, наряду с Музеем-заповедником существует Историко-краеведческий музей города Гатчины. Оба этих музея рассказывают об истории города, однако совершенно поразному: если первый рассказывает о Гатчине как императорской резиденции, то второй – о небольшом уездном городе Санкт-Петербургской губернии. Наиболее показателен пример работы с историей Великой Отечественной войны – ГМЗ рассказывает о

---

¹ Музей и филиалы // Музей политической истории России. – URL: <http://www.polithistory.ru/museum/>

² Это почти все музеи Ленинградской области, за исключением муниципальных музеев и Выборгского объединенного музея-заповедника, подчиненного непосредственно Комитету по сохранению культурного наследия // Музеи Ленинградской области. – URL: <http://lenoblmus.ru/museum/>

немецкой оккупации как о трагедии оскверненных культурных ценностей, о героизме сотрудников музея, готовивших предметы искусства к эвакуации, а затем, в послевоенный период, реставрировавших дворец и парк; нарратив краеведческого музея сфокусирован на героизме защитников города.

Аналогичная ситуация и в Пушкине, где наряду с федеральным ГМЗ «Царское село» существует филиал Всероссийского музея А.С. Пушкина «Мемориальный музей Лицей» и муниципальный Пушкинский Историко-литературный музей. Разница видна даже на уровне «литературного» нарратива – если «Лицей» ожидаемо рассказывает об истории пушкинского периода русской литературы, мало уделяя внимания локальному контексту за пределами Александровского парка, то Историко-литературный музей концентрируется на 1890–1930-х годах, времени, когда Царское село было «центром культуры Серебряного века», местом жизни и отдыха А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, И.Ф. Анненского, М.А. Кузмина, А.Н. Толстого и др.

Из крупных федеральных проектов наибольшее влияние на поле исторической политики в Петербурге оказал исторический парк «Россия – моя история», открытие которого состоялось в 2017 г. Сразу после открытия парк вызвал большой интерес общественности, в особенности историков и публицистов, выступивших с рядом публикаций, критикующих «региональную составляющую парка»¹, а также неадекватность суммы, выделенной из федерального бюджета на строительство парка (1,7 млрд руб.), полученному результату². Несмотря на такое неприятие парка сообществом экспертов, петербургский филиал продолжает сотрудничать с рядом федеральных музеев (например, ГМЗ «Царское село» – выставка «Восстановлению не подлежит. Царскосельские дворцы, возрожденные из пепла», 2020 г.³), а также принимает большое

---

¹ Например, *Селин А.А.* О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. – 2018. – № 1(14). – С. 59–77.

² Музей из Википедии: почему в Петербурге популярна вульгарная история // РБК. – 2017. – 19 декабря. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/19/12/2017/5a38de299a7947fbdda11bfa

³ Эта выставка была организована в виртуальном формате: Виртуальная выставка «Восстановлению не подлежит. Царскосельские дворцы, возрожденные из пепла» // Россия – Моя история. Санкт-Петербург. – URL: <https://myhistorypark.ru/news/vystavka-vosstanovleniyu-podlezhit-tsarskoselskie-dvortsy-vozhrozhennye-iz-pepla-3-noyabrya-12-dekab/?city=msk>

количество посетителей, в основном за счет работы с группами школьников. На поле публичной истории в Санкт-Петербурге исторический парк остается одним из проводников федеральной исторической политики¹, площадкой для проведения «типовых» выставок².

На музейной карте Санкт-Петербурга и Ленинградской области не последнюю роль занимают частные музеи. Директор историко-культурного центра «Патрия» Кирилл Королев отмечает, что «по всему Северо-Западу <...> наблюдается широкое разнообразие низовых инициатив музейного характера»³, приводя данные о 316 негосударственных музеях на Северо-Западе России⁴. «Негосударственные» в контексте Ленинградской области и Санкт-Петербурга отнюдь не значит «антигосударственные» – напротив, как будет показано далее в тексте, по большей части, музеи активно получают финансирование от государства, не вступают в конфронтацию с репрезентациями прошлого, предлагаемыми государственной исторической политикой.

Респонденты полагают, что, за исключением частных музеев, общественные организации и инициативы в Санкт-Петербурге и области не имеют большой аудитории и, соответственно, влияния. Традиционно важным мнемоническим актором для Санкт-Петербурга является градозащитное общественное движение. Сегодня в Петербурге, как утверждают респонденты, охрана памятников – плодородная почва для возникновения мемориального конфликта. Практически каждый месяц в Петербурге возникают такие столкновения. В основном группы градозащитников формируются ситуативно, иногда вокруг политического актора, напри-

---

¹ Казьмина В.П. Исторические парки «Россия – моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Издательство ЕУ Санкт-Петербург, 2020. – С. 172–187.

² Например, в 2020 г. в парке «Россия – моя история» экспонировалась выставка «Память поколений» – мультимедийная версия выставки советского искусства о Великой Отечественной войне, впервые выставленной в Московском ЦВЗ «Манеж» в 2019 г. [Э-65-05].

³ Королев К.М. «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Издательство ЕУ Санкт-Петербург, 2021. – С. 201.

⁴ Там же.

мер, часто рупором этих групп выступает депутат Б.Л. Вишневский, представитель партии «Яблоко». Эксперты утверждают, что в последние 20 лет в Петербурге заметно снизилась роль ВООПИК, на смену этой организации приходят стихийно образующиеся группы [Э-41-02].

За последние несколько лет в Петербурге и Ленинградской области начали действовать различные негосударственные фонды по защите наследия (например, фонд «Внимание» И.А. Варламова), а также движение «ГЭНГЪ», объединяющееся вокруг авторов нескольких популярных инстаграм-аккаунтов. Участники объединения утверждают, что принадлежат к направлению «новое краеведение», в основном они занимаются изучением отдельных домов в Санкт-Петербурге, а также организуют для молодых жителей города «субботники», участники которых занимаются уборкой парадных, восстановлением утраченных архитектурных элементов и т.п.

По сравнению с другими регионами, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области велико значение архивных учреждений как акторов политики памяти. В Санкт-Петербурге сегодня работают два федеральных архива (РГИА и РГА ВМФ), а также ряд учреждений, подведомственных Архивному комитету. Последняя организация выполняет не просто административную функцию, но создает большое число медиапродуктов, основанных на архивных данных. В этой деятельности Архивного комитета соединяется стремление к демократизации знания и популяризации архивных материалов, удовлетворению запроса на генеалогические знания, а также к работе с темой блокады Ленинграда. Так, в 2019 г. на портале «Архивы Санкт-Петербурга» была опубликована база данных «Блокада. Эвакуация»: для проекта было оцифровано более 838 тыс. карточек эвакуированных в 1941–1943 гг.¹ В 2021 г. автор этого проекта, известный специалист в области архивного дела М.В. Мишенкова, открыла на том же портале новый – «Медаль за оборону Ленинграда», в рамках которого впервые оказались опубликованы наградные листы и карточки более 212 тыс. людей, получивших эту награду в 1943–1945 гг.²

В Ленинградской области заметные публичные архивные проекты создает ЛОГАВ – областной архив в Выборге, в том числе в результате сотрудничества с федеральными акторами. Архив принимает активное участие в федеральном проекте «Без срока

---

¹ Блокада Ленинграда. Эвакуация. – URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/>

² Медаль за оборону Ленинграда. – URL: <https://medal.spbarchives.ru/>

давности», посвященном преступлениям нацистов на оккупированных территориях¹, а в 2022 г. при поддержке Российского исторического общества был запущен масштабный мультимедийный проект «Будни, опаленные войной», в котором архивные документы перемежаются видеороликами и методическими разработками для учителей².

Архивы Санкт-Петербурга и области в 2020–2022 гг. продвигали идеи «гражданской науки»³ или «общественной архивистики»⁴, то есть тех областей, которые подразумевают включение «публики» в работу с архивными документами. Один из проектов, успешно реализующих эту идею – проект «Прожито»⁵, который с 2019 г. является исследовательским и архивным центром в составе Европейского университета в Санкт-Петербурге. Центр работает в большинстве регионов России и даже в странах ближнего зарубежья, однако именно в Санкт-Петербурге его деятельность наиболее заметна: это связано с тем, что одно из ключевых направлений его работы – собирание, исследование и популяризация блокадных дневников⁶.

Не последнюю роль в поле публичных репрезентаций прошлого в Санкт-Петербурге играют отдельные публичные интеллектуалы. Наиболее заметным среди них является историк и журналист Л.Я. Лурье, известный своими книгами и телепередачами. Он является одним из ключевых акторов сохранения памяти о

---

¹ Без срока давности. Ленинградская область // Архивы Ленинградской области. – URL: <https://archiveslo.ru/news/341430026>

² Будни, опаленные войной. Архивные документы о Ленинградской области. – URL: <https://lo-archive.hkey.ru/>

³ Наука на службе архивов: Инструменты «гражданской науки» и новейшие методы и технологии в обработке и реставрации архивных документов // Правительство Санкт-Петербурга. – 2021. – 3 декабря. – URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/admin/knyagin-in-vn/news/227325/>

⁴ Павловская А.Ю., Мельниченко М.А., Павловский А.Ф. «Цифровая общественная архивистика»: «Прожито» как цифровой архив, сообщество интерпретации и волонтерское сообщество // Память в Сети: цифровой поворот в исследованиях memory studies / под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. – Санкт-Петербург: Издательство ЕУ Санкт-Петербург, 2023. – (В печати).

⁵ Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге // Прожито. – URL: <https://prozhitto.org/page/about>

⁶ О значимости Центра в Санкт-Петербурге говорит и то, что именно за эту работу, связанную с сохранением блокадного наследия, в 2022 г. команда Центра «Прожито» получила премию журнала «Собака.ру» «Самые знаменитые люди Санкт-Петербурга». См.: Собака.ру. – 2022. – № 6. – С. 188–189.

блокаде Ленинграда, возглавляя с 2018 г. Комитет 8 сентября (о комитете подробнее в разделе *Нарративы*). На волне обсуждения проектов музеев блокады в 2017–2018 гг. Лурье также предложил создать частный музей блокады на Левашовском хлебозаводе.

Единого мнения о том, какова роль академического историка в политике памяти в регионе, среди респондентов нет. Одни эксперты говорят о том, что роль историка в Петербурге очень незначительна, в отличие от Ленинградской области, где к историкам и археологам прислушиваются на уровне региональной власти. Другие респонденты полагают, что некоторые историки являются важными акторами коммеморации отдельных событий: так Н.А. Ломагин является одним из ключевых акторов коммеморации блокады, Е.В. Анисимов является одним из наиболее важных мнемонических акторов в области формирования нарративов памяти о XVIII в., а Б.И. Колоницкий – о революциях 1917 г. [Э-41-01, Э-41-03, Э-41-04].

Одна из важнейших особенностей региона – его приграничное положение. На севере область граничит с Финляндией, а на западе – с Эстонией. В современных границах область сложилась лишь после Второй мировой войны, когда, с одной стороны, от нее отделились Новгородская, Псковская и Мурманская области, с другой – были присоединены земли Карельского перешейка до Выборга и Приозерска, а из города Нарва был выделен Ивангород, который также вошел в состав области. Именно здесь в политике памяти до 2022 г. действовали иностранные организации – акторы политики памяти.

Одна из значительных частей основной экспозиции Выборгского объединенного музея-заповедника – постоянная выставка на втором этаже замка, посвященная истории Выборга в составе Великого княжества Финляндского и независимой Финляндии. Основная идея экспозиции – показать, что Выборг до 1939 г. был городом, активно развивающимся экономически и культурно. Это было, с точки зрения авторов текстов, место интернациональное и космополитичное, где в полной гармонии жили финны, русские, шведы и немцы. Внимательный посетитель экспозиции заметит расположенную в самом конце небольшую табличку, на которой указаны ее авторы: выставка была открыта в 2006 г. и стала результатом сотрудничества музея и общественной организации *Viipuri-Keskus*, которая до 2014 г. была проводником финской культурной политики в Выборге. Авторами концепции и текстов были приглашенные специалисты из Финляндии, на русский язык тексты были

только переведены. Экспозиция была создана на спонсорские деньги: было привлечено более 50 финских спонсоров, среди которых есть крупные компании, работавшие до недавнего времени в России – «Стокманн», «Нордеа», «Тиккурила» и т.п.

В Ивангороде с 2012 по 2022 г. осуществлялся проект приграничного сотрудничества «Развитие уникального приграничного ансамбля крепостей Нарвы и Ивангорода как единого культурного и туристического объекта»¹, осуществлявшийся за счет средств Европейского союза. В рамках этого проекта выполнялась реставрация Ивангородской крепости, а также были разработаны проекты музейных экспозиций об истории города в «Большом» и «Малом Амбаре». В этом случае само концептуальное решение и контент экспозиции полностью формировались Музейным агентством Ленинградской области.

Взаимодействие мнемонических акторов в Санкт-Петербурге: память о блокаде Ленинграда

Исследователи полагают, что сегодня память о блокаде Ленинграда является ключевым нарративом политики памяти в регионе. Высокий статус этой темы подчеркивается тем, что она является одним из немногих локальных сюжетов, значимых для общероссийской памяти². Кроме того, как будет показано ниже, в 2019–2021 гг. блокада Ленинграда была активно экспортируемым нарративом. Такая востребованность памяти о блокаде Ленинграда привлекает большое количество мнемонических акторов и делает это поле высококонкурентным. Исследование механизмов работы с памятью о блокаде Ленинграда дает возможность рассмотреть определенный структурный срез акторов, действующих на поле политики памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, показать формы их взаимодействия друг с другом – кооперацию и конфликты.

В январе 2020 г. произошел важный поворот в политике памяти о блокаде, связанный с выступлением Владимира Путина на открытии памятника «Свеча памяти» в Иерусалиме и Форуме памяти холокоста. Президент России в своих выступлениях не только

---

¹ Development of unique Narva-Ivangorod fortresses ensemble as a single cultural and tourist object // United by borders. – URL: <http://www.estlatrus.eu/eng/projects/1681>

² Речь идет здесь именно о сюжетах специфически локальной истории, а не о темах, актуальных для нарратива государственной истории России. Другими такими сюжетами можно считать Ополчение 1612 года или Сталинградскую битву.

характеризовал блокаду Ленинграда как трагедию, но и ставил ее в один ряд с трагедией холокоста¹. Спустя два с половиной года, 8 сентября 2022 г., Прокуратура Санкт-Петербурга по поручению Генерального прокурора РФ направила в суд иск о признании блокады Ленинграда геноцидом. Как заявила прокуратура, иск был направлен на основании выявленных фактов массовых военных преступлений в архивных документах². Этот факт демонстрирует не только потенциал блокады Ленинграда как «экспортного нарратива», но и особый статус этого сюжета в федеральной повестке.

Среди акторов федерального уровня, работающих с памятью о блокаде Ленинграда, выделяется Российское военно-историческое общество, один из проводников «военной» интерпретации блокады Ленинграда. Так, последние пять лет в годовщины прорыва и снятия блокады Ленинграда РВИО устраивает танковые пробеги, «марши памяти» (аналог экспедиций «красных следопытов»)³. Деятельность РВИО на поле коммеморации памяти о блокаде в отдельных случаях вызывает негативный отклик у местных жителей. Характерный пример – проведение парада на Дворцовой площади 27 января 2019 г. при участии общества. Ряд историков, журналистов, политиков высказались резко против проведения парада, считая, что военному параду нет места в день памяти и скорби⁴.

В чем-то похожую реакцию на действия акторов федерального уровня у жителей Санкт-Петербурга вызвало проведение другого мероприятия – всероссийской акции памяти «Блокадный

---

¹ Высказываясь подобным образом, он рассказывал о своей собственной семейной истории: «...ни одни документы, ни одни рассказы и дневники, ни одни кинохроники не могут передать, что тогда действительно вынесли люди... Я знаю это не понаслышке, а по рассказам своих родителей: потому что отец защищал свой родной город на фронте, а мама была в блокадном городе с ребенком, который умер зимой 42 года и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище <...> среди сотен тысяч других горожан» *Лахутина К.* Свеча памяти не гаснет // Российская газета. – 2020. – 23 января. – URL: <https://rg.ru/2020/01/23/vladimir-putin-vystupil-na-forume-pamiaty-holokosta.html>

² Генпрокуратура: блокада Ленинграда – геноцид и преступление // Российская газета. – 2022. – 8 сентября. – URL: <https://rg.ru/2022/09/08/hoteli-steret-s-lica-zemli.html>

³ Например, В Ленинградской области прошли торжественные мероприятия, посвященные окончанию битвы за Ленинград // Российское военно-историческое общество. – 2018. – 15 августа. – URL: <https://rvio.histrf.ru/soobshestvo/post-9717>

⁴ Нет торжественному военному маршу в день блокадной памяти и скорби // Change.org. – URL: <https://www.change.org/>

хлеб». Эта акция появилась в 2015 г. в Вологодской области и за пять лет стала всероссийской – в 2020 г. она впервые была проведена во всех регионах России и получила федеральную поддержку. Акция проводится 27 января, в годовщину снятия блокады Ленинграда; волонтеры, нередко одетые в форму или костюмы, имитирующие одежду 1940-х годов, предлагают участникам съесть кусок хлеба в память о жителях блокадного Ленинграда. В то время как в других регионах России эта акция встретила положительный отклик, в самом Петербурге она не получила распространения и, за исключением отдельных пунктов, не проводилась. Против проведения акции высказывались политики и представители петербургских обществ блокадников¹. Неприятие акции петербуржцами связано в первую очередь с сакральным отношением к блокадному хлебу, одному из устойчивых символов блокады Ленинграда, который в парадигме блокадника или потомка блокадников воспринимается как святыня, нечто не поддающееся тиражированию и профанному использованию. Одновременно некоторыми жителями она воспринимается как нечто чужеродное: «Сразу видно, что это не в Петербурге придумали <...> только человек, который родился не в Петербурге, не имеет родственников-блокадников может проводить это или участвовать в этом фарсе»².

Объединения жителей блокадного Ленинграда, как показывает Т.П. Воронина, начали формироваться в 1960-е годы и еще в 1980–1990-е стали пространством борьбы за официальное признание и социальные льготы³. В 2021 г. эти общества («Жители блокадного Ленинграда», Международная ассоциация общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда, Ленинградский Союз Дети блокады – 900, организация «Блокадных дней резервы трудовые») в основном состоят из жителей блокадного Ленинграда, родившихся после 1935 г. Различные акторы часто обращаются к ним как к важным символическим фигурам, при этом вряд ли их можно назвать реальным мнемоническим актором со своей повесткой. Участие представителей общественных организаций блокадников является обязательным атрибутом любого официального

---

¹ «Такие напоминания не нужны»: почему акции с раздачей хлеба блокадникам вызывают скандалы // М-24. – 2020. – 29 января. – URL: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/29012021/157662>

² Интервью А. Павловской с Н.С. 2021.

³ Воронина Т. Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 215–247.

мероприятия, связанного с коммеморацией блокады¹. Представители обществ блокадников принимают также участие в создании сборников воспоминаний, которые в большом количестве издаются в Санкт-Петербурге муниципальными округами². Такие сборники являются одной из немногих форм работы с памятью о блокаде, доступных муниципалитетам.

«Комитет 8 сентября», возглавляемый петербургским журналистом и публичным интеллектуалом Л.Я. Лурье, является сегодня одним из важных мнемонических акторов на поле памяти о блокаде Ленинграда. Созданный в 2018 г., комитет занимается организацией мемориальных акций³. Помимо участия в работе Комитета, Лурье был одним из сторонников идеи создания альтернативного музея блокады Ленинграда – на территории Левашовского хлебозавода⁴. Авторы концепции музея (проектируется за счет частного инвестора – девелоперской компании RBI) хотели продемонстрировать блокадную историю одного микрорайона Петроградской стороны Санкт-Петербурга. За художественную концепцию музея отвечает режиссер А.Н. Сокуров.

Участие публичных интеллектуалов в обсуждении истории блокады Ленинграда уходит корнями в 1970-е годы, когда Д.А. Гранин и А.А. Адамович опубликовали, преодолев активное сопротивление ленинградского партийного руководства, «Блокадную книгу». Благодаря этой книге, которая до сих пор остается одним из наиболее авторитетных текстов о блокаде Ленинграда, Даниил Гранин вплоть до своей смерти в 2017 г. занимал ключевое место в дискуссиях о блокаде Ленинграда. Наиболее яркими эпизодами, прозвучавшими и на федеральном уровне, стали выступления

---

¹ Елена Тихомирова, глава самого крупного из обществ блокадников «Жители блокадного Ленинграда», принимала участие и в работе экспертного совета при создании МВК «Оборона и блокада Ленинграда», и в церемонии закладки камня на месте будущего музея, затем – в сентябре 2019 г. – в церемонии открытия новой экспозиции ГММОБЛ.

² См.: Живая память. Жители муниципального округа № 21 о войне, блокаде, Победе. Т. 2 / под ред. М. Синьковой. – Санкт-Петербург, 2013; Память сердца: воспоминания жителей МО «Пискаревка» о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 4. – Санкт-Петербург, 2010.

³ Комитет 8 сентября. – URL: <https://www.leningrad1941.ru/>

⁴ Культурный центр и блокадная экспозиция в Левашовском хлебозаводе // Дом культуры Льва Лурье. – URL: <https://dklurie.ru/levashovskiy/>

писателя в Бундестаге в 2014 г. с речью о блокаде Ленинграда¹, а также конфликт Гранина с министром культуры В.Р. Мединским².

Респонденты отмечают, что история блокады Ленинграда – это одно из немногих полей публичной истории в Санкт-Петербурге, на котором сегодня активны историки. Историки еще с 1960-х годов принимали активное участие в обсуждении блокады – и теперь, спустя более 50 лет, вопрос о количестве жертв в блокадном Ленинграде (635 тыс. или более 1 млн), поднятый историками В.М. Ковальчуком и Г.Л. Соболевым, остается актуальным и широко используется в общественных обсуждениях блокады³. Сегодня Н.А. Ломагин, крупнейший историк блокады Ленинграда, участвует в большом количестве обсуждений и коммеморативных практик, посвященных блокаде. Так, он был одним из авторов концепции МВК «Оборона и блокада Ленинграда», а в 2020 г. на встрече с президентом В.В. Путиным заявил о необходимости создать Институт исследований блокады⁴. Институт был открыт в 2021 г. как подразделение в составе Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда и возглавляется Н.А. Ломагиным.

Характерным сюжетом, связанным с участием федеральных властей в политике памяти о блокаде Ленинграда, является проект создания музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда», который был одобрен в 2017 г. и заморожен в 2019 г. Поддержка федеральных властей в основном была связана с финансированием проекта: из 6 млрд рублей, выделенных на создание нового музея, лишь 1.7 млрд планировалось взять из городского бюджета. Несмотря на такой объем финансовой поддержки, проект практически не поддерживался символически на федеральном уровне и стал ареной борьбы региональных мнемонических акто-

---

¹ Кантор Ю. Переживший и победивший // Российская газета. – 2014. – 28 января. – URL: <https://rg.ru/2014/01/28/bundestag.html>

² Мединский проиграл журналистам суд о ромовых бабах // РБК. – 2014. – 26 июня. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/06/2014/57041eb69a794760d3d3f9a9>

³ Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. Ленинградский реквием (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады) // Вопросы истории. – 1965. – № 12. – С. 194.

⁴ Владимир Путин поддержал инициативу ЕУ по созданию Института обороны и блокады Ленинграда // Европейский университет в Санкт-Петербурге. – URL: <https://eusp.org/news/nikita-lomagin-poprosil-putina-podderzhat-sozdanie-instituta-istorii-oborony-i-blokady-v-sankt-peterburge>

ров – Правительства Санкт-Петербурга, депутатов петербургского ЗАКСа, общественных деятелей и публичных интеллектуалов¹.

Во многом, мемориальный конфликт сводился к вопросу: нужен ли вообще городу новый музей [Э-41-03, Э-41-01]. Этот конфликт показал, что память о блокаде Ленинграда можно сегодня считать «горячей»², способной мобилизовать жителей города и общественных деятелей на активное обсуждение. Одновременно он продемонстрировал готовность федеральных властей участвовать в финансировании проектов, связанных с историей блокады Ленинграда и при этом нежелание участвовать в содержательном и концептуальном обсуждении этой темы.

Ситуация с общественным обсуждением музейных проектов показала большой конфликтный потенциал, заложенный в теме блокады. Начиная с 2014 г., когда был проведен известный опрос зрителей телеканала «Дождь»³, в публичном поле почти каждый год возникает конфликт, связанный с обсуждением памяти о блокаде. Основная черта этих конфликтов (опрос «Дождя», конфликт между министром культуры В.Р. Мединским и Д.А. Граниным, фильмы «Праздник» А.В. Красовского и «Блокадный дневник» А.Е. Зайцева, публикация книги А. Пери «The War Within», обсуждение статьи Е.С. Чижовой) заключается в том, что они все звучали на федеральном уровне, но основное обсуждение проходило в Петербурге. При этом конфликты оказались односторонними: почти во всех этих скандалах участвовали лишь стороны «обвиняемых» и «обвинителей», а не «защитников» и «обвинителей». Это позволяет отдельным респондентам говорить, что несмотря на высокую степень скандализации памяти о блокаде, существенной поляризации общества не происходит [Э-41-02, Э-41-03].

Закрытие проекта МВК «Оборона и блокада Ленинграда» совпало с перестановками в правительстве Санкт-Петербурга: пришедший на смену Г.С. Полтавченко А.Д. Беглов заморозил проект, а новый вице-губернатор Л.П. Совершаева резко высказа-

---

¹ О роли символического в конфликте вокруг строительства МВК «Оборона и блокада Ленинграда» см.: Павловская А. Память о блокаде, символы и пространственные метафоры: архитектурный конкурс и дискуссия о создании Музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда» // Символические аспекты политики памяти / под ред. А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Издательство ЕУ Санкт-Петербург, 2021. – С. 189–198.

² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 68.

³ СМИ, выполняющее функции иноагента.

лась в адрес проекта и заявила, что «политические партии эту тему взяли как шест и начали ее разыгрывать»¹. Внимание жителей и региональных властей после закрытия проекта сосредоточилось на реконструкции и рэкспозиции Музея обороны и блокады в Соляном переулке. Несмотря на то, что презентация проекта и открытие музея спровоцировали обсуждение и вызвали неоднозначную оценку, существенного мемориального конфликта здесь не произошло, а ГММОБЛ с сентября 2019 г. является не столько актором на поле памяти о блокаде Ленинграда², сколько площадкой для проведения официальных мероприятий и высказываний власти о блокаде. Так, здесь в 2020 г. дважды состоялись встречи В.В. Путина с жителями блокадного Ленинграда³.

При поверхностном взгляде на конфликт может возникнуть ощущение, что это история победы низовых негосударственных мнемонических акторов над государством, навязывающим петербуржцам коммеморативные практики, однако такая точка зрения – большое упрощение. Напротив, эта ситуация показала, во-первых, что поле политики памяти может стать в Петербурге ареной политической борьбы различных группировок внутри городской власти, во-вторых, что общественное мнение и низовые инициативы могут служить в этой борьбе лишь дополнительными аргументами, легитимирующими позиции противоборствующих сторон.

Мемориальный конфликт вокруг музея стал своеобразной лакмусовой бумажкой для современных практик коммеморации блокады Ленинграда. Оказалось, во-первых, что нельзя говорить о каком-то единообразии предлагаемых властью нарративов памяти о блокаде и практик коммеморации. Музейно-выставочный комплекс изначально задумывался как «музей памяти» и предполагал апелляцию к тем формам работы с трудным прошлым, которые используются для коммеморации холокоста в Европе и США⁴. Совершенно иные ориентиры были у конкурирующего проекта.

---

¹ Сатановский С. С музеем выплеснули ребенка // Новая газета. – 2019. – 4 марта. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79766-s-muzeem-vyplesnuli-rebenka>

² «А собственно музея... в городе не осталось». Беседа Екатерины Мельниковой и Софьи Чуйкиной с Миленой Третьяковой // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 6. – С. 181–197.

³ Владимир Путин встретился с ветеранами в обновленном Мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда // Администрация Санкт-Петербурга. – 2020. – 18 января. – URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/181284/>

⁴ «А собственно музея... в городе не осталось» ... – С. 191.

Рассказывая о концепции реэкспозиции Музея в Соляном городке, его директор Е.В. Лезик говорила: «Музей не место скорби, музей – это место познания, возможности пропустить через себя, ощутить историю, если хочешь в нее глубоко погрузиться»¹. Одновременно Музей в Соляном переулке отсылает к советской мемориальной эстетике, знакомой посетителю по другим военным музеям (например, музей Победы на Поклонной горе в Москве). Так, в техническом задании на создание экспозиции указывалось: «Оформление должно соответствовать стилистике сталинского ампира. Оформление экспозиции: “Кремлёвские” ковровые дорожки. Необходимо оформить все пространства лестниц и холла с использованием латунных креплений и аксессуаров»².

Рис. 1. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда

Героическая и военизированная версия истории блокады Ленинграда прослеживается и в экспозиции крупного частного музея «Ленрезерв», который в качестве основного экспозиционного приема использует реконструкцию. После закрытия проекта нового музейно-выставочного комплекса «Ленрезерв» наряду с Музеем в Соляном городке, имеет потенциал стать ключевым среди музеев актором коммеморации блокады Ленинграда [Э-41-02]:

¹ Сатановский С. Место не для скорби // Новая газета. – 2019. – 31 мая. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/31/80722-mesto-ne-dlya-skorbi>

² Конкурсная документация на создание экспозиции в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда // Единая информационная система в сфере госзакупок. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok504/view/documents.html?regNumber=0172200002519000094>

в 2019 г., в 75-ю годовщину со дня снятия блокады Ленинграда В.В. Путин посетил именно этот частный музей, открытый лишь несколько дней в году, в памятные даты¹.

В противовес такой героической версии истории блокады Ленинграда на уровне низовых инициатив и общественных практик существует трагическая, которая апеллирует, скорее, к индивидуальным нарративам памяти и использует свидетельскую модель, характерную для способов мемориализации холокоста². В то же время источником для ряда практик является и опыт коммеморации жертв политических репрессий: в частности, Комитет 8 сентября заимствовал форму акции «Возвращение имен», организуемой обществом «Мемориал»³. Подобно тому, как 29 октября в городах России участники акции читают имена репрессированных, 8 сентября петербуржцы по всему городу в специально отведенных местах произносят вслух имена тех, кто погиб во время блокады.

История блокады Ленинграда сейчас является практически единственным сюжетом истории региона, вызывающим обсуждения и споры, затрагивающим абсолютно все уровни мнемонических акторов. Несмотря на то, что региональная и федеральная власть является одним из ключевых мнемонических акторов в коммеморировании блокады Ленинграда, в целом память о блокаде является конкурентным полем и предполагает, как это будет показано дальше, сосуществование различных нарративов.

Нарративы и сюжеты

Ландшафты памяти Санкт-Петербурга и Ленинградской области настолько разноплановы, что не образуют общего пространства исторических нарративов ни внутри самого субрегиона, ни внутри каждого отдельного субъекта. Причины этого связаны не

---

¹ «Сильное впечатление. Молодцы». Путин ознакомился с блокадной экспозицией в «Ленрезерве» // Фонтанка. – 2019. – 27 января. – URL: <https://www.fontanka.ru/2019/01/27/033/>

² Обзор существующих форм работы со свидетельской моделью см.: Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа // «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / сост. А. Павловская. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – С. 421–456.

³ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

столько с «объективными» различиями исторического опыта разных областей одного региона, сколько с процессом медиализации, то есть отсутствием общего информационного поля. В этом разделе рассматриваются те сюжеты истории России, которые сегодня составляют основу политики памяти и общественных дискуссий в Петербурге и Ленинградской области – они расположены в хронологическом порядке.

Рис. 2. Баннер военно-исторического фестиваля
«Старая Ладога – первая столица Руси».
Староладожский архитектурный и
археологический музей-заповедник

Донетровская эпоха. По «объективным» историческим причинам присутствие донетровского периода в публично-историческом поле региона ощущается гораздо сильнее в Ленинградской области, чем в Санкт-Петербурге. Адриан Селин, однако, утверждает, что оно используется очень фрагментарно и реализует лишь малую часть своего потенциала. Для исторической политики Ленинградской области, как полагает историк, особенно важно утверждение так называемого «староладожского мифа»¹: согласно этой концепции, до сих пор неоднозначно принимаемой в научном

¹ Об этом концепте см.: Селин А.А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. – 2012. – №1. – С. 117–126.

сообществе, Старая Ладога была первой столицей Древней Руси. Правительство Ленинградской области принимает эту версию как неоспоримую и отмечает с большим размахом 15 августа – День Старой Ладogi, который воспринимается как символическая дата истока того территориального образования, которое сейчас называется Ленинградской областью, и демонстрирует значимость региона для всей истории России.

Фрагментарность использования допетровского прошлого региона, о которой говорит Селин, выражается прежде всего в том, что существенная часть этого этапа истории региона практически выпадает из публичного поля и оказывается актуальной исключительно в качестве локального нарратива, не формируя какой-то общей концепции допетровской истории региона. Более того, само понятие «допетровского периода», из-за своей телеологичности являющееся абсолютной спекуляцией с точки зрения научного дискурса, в пространстве публичных репрезентаций прошлого выступает как легитимное.

Информанты отмечают, что этот период для публичного дискурса о прошлом в Санкт-Петербурге имеет небольшое значение. Тем не менее в январе 2020 г. вновь стал актуальным вопрос сохранения шведского прошлого в контексте обсуждения судьбы Охтинского мыса. Конфликт возник в 2006 г., когда Газпром начал строительство небоскреба, получившего название «Охта-Центр». Первоначально предметом спора был облик здания, который, как утверждали градозащитники, существенно изменил бы панораму города. В ходе подготовки участка к строительству выяснилось, что на Охтинском мысу сохранились стоянки эпохи неолита и раннего металла, мысовое городище древнерусского времени и фрагменты шведских крепостей Ландскрона и Ниеншанц¹. Предметом конфликта является судьба археологического наследия Охтинского мыса и имплицитно, как утверждает Селин, вопрос о роли истории шведского присутствия в регионе. Наиболее радикальная точка зрения заключается в тотальном включении истории Ландскроны и Ниеншанца в историю Петербурга: так, петербургский историк и журналист Даниил Коцюбинский в 2011 г. выступал с призывами

---

¹ *Беляева А.* Камни преткновения Охтинского мыса // Город 812. – 2020. – 23 марта. – URL: <https://gorod-812.ru/kamni-pretkoveniya-ohkinskogo-myisa/>

праздновать 400-летие Санкт-Петербурга, взяв в качестве точки отсчета начало строительства Ниеншанца¹.

По всей видимости, «шведский миф», призванный выстроить новую генеалогию Санкт-Петербурга, должен укрепить идею «европейскости» города и подчеркнуть его изначальный космополитизм: «И почему петербуржцы продолжают покорно жевать пропагандистскую жвачку, лишаящую их не только славного и безумно богатого и интересного балтийского прошлого, но и, по сути, достойного европейского будущего? Ведь только тогда петербуржцы смогут вернуться в Европу и стать полноценными европейцами, когда поймут, что их родной город – не каприз московского царя, не “бывшая столица бывшей империи”, а в первую очередь центр европейской коммуникации»². Эту позицию можно считать, скорее, маргинальной – большой поддержки она у жителей Петербурга не имеет.

Петровский период. Этот сюжет занимает одно из ключевых мест в культурной памяти региона. В новейшей истории два ключевых сюжета актуализировали память о Петре I, основании Петербурга, петровских войнах и преобразованиях в Санкт-Петербурге. Первый был связан с дискуссией о переименовании Ленинграда в 1989–1991 гг. Именно в это время происходит важный дискурсивный сдвиг, в результате которого «город Ленина» стал «городом Петра»³. Интересно, что в этом крупномасштабном обсуждении сталкивались два возможных «мифа-основания» ленинградской / петербургской идентичности – петровский миф и блокадный («Ленинград» в основном ассоциировался у участников дискуссии с блокадой, а не с революционным прошлым). В Ленинградской области, однако, такой масштабной дискуссии не было, и сегодня название региона все еще активно отсылает к советскому прошлому, особенно к периоду Великой Отечественной войны. Правительство Ленинградской области также активно вводит в публичное поле слово «ленинградец» для обозначения жителя области⁴. Эксперты отмечают, что этот топоним, с одной стороны,

---

¹ Коцюбинский Д. Городу на Неве – 400 лет // Фонтанка. – 2011. – 8 июня. – URL: <https://www.fontanka.ru/2011/06/08/176/>

² Там же.

³ Об этой и других «топонимических» дискуссиях см.: Терентьев Е.А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // ЖССА. – 2015. – № 2. – С. 72–86.

⁴ См. интервью губернатора Дрозденко: «...с названием “Ленинградская область” у жителей региона связаны личные воспоминания, то, что можно про-

порождает анахронизмы (например, «Петр I в Ленинградской области»), с другой – не формирует никакой региональной идентичности. В публичном поле, однако, звучат формы, апеллирующие к историческим и географическим особенностям региона – Приневские земли, Тихвинские земли (для востока области) и пр.

Победа «петровского мифа» в Санкт-Петербурге была закреплена объявленной еще в 1991 г. подготовкой празднования 300-летия со дня основания Санкт-Петербурга в 2003 г. Во время юбилейных торжеств были окончательно закреплены эстетика и дискурсивное наполнение мифа. Петр I и основанный им город были прочитаны через более поздние интерпретации – произведения А.С. Пушкина и образ Медного всадника. Петербург в этой концепции возвращал себе черты «европейского» и «имперского» города. Как отмечают респонденты, с тех пор память о петровской эпохе существует как некий обязательный фон, часть нарративного минимума. Память об этом периоде поддерживается благодаря существующей инфраструктуре: музеям – федеральным (Эрмитаж, Петергоф) и региональным – Музей истории Санкт-Петербурга, разрабатываемым туристическим маршрутам по Ленинградской области и т.п.

Мощный толчок актуализации памяти о Петре I дал юбилей 2022 г. – 350 лет со дня его рождения, который можно считать одним из наиболее крупных событий в политике памяти региона. К юбилею правительством города был выпущен памятный знак «350 лет Петру I», почти все музеи Санкт-Петербурга и некоторые музеи Ленинградской области сделали выставочные проекты к маю – июню 2022 г. Юбилей показал, как за последние годы трансформировался «петровский миф» – от образа Петра I (и соответственно его города) как человека широких взглядов, открытого всему миру, прежде всего Европе, до фигуры основателя Российской империи, ключевого государственного деятеля российской истории и выдающегося полководца, победителя в «Полтавской баталии». Юбилей также показал, насколько важно наследие Петра I сегодня для региональной идентичности жителей Ленинградской области. Ряд городов области во время юбилея позициониро-

---

чувствовать на примере истории своей семьи. У кого-то прадед воевал на Ленинградском фронте, у кого-то родители строили промышленные гиганты в Киришах, в Кингисеппе, возводили АЭС в Сосновом Бору... Все это происходило в Ленинградской области. Мы всегда говорим – у нас одна большая ленинградская семья».

вали себя как «петровские города» – Шлиссельбург, Выборг, Лодейное поле, Приозерск и др.

Петербург и Петербургская губерния в Российской империи. Респонденты отмечают, что после периода ностальгии по имперскому прошлому России в последние 10 – 15 лет интерес к истории России этого периода в Петербурге и Ленинградской области уверенно идет на спад. Одна из респонденток полагает, что это происходит из-за того, что большинство жителей Петербурга больше не может себя ассоциировать с привилегированными слоями Российской империи, а отождествлять себя с дореволюционными крестьянами и рабочими – означает «выйти из зоны комфорта» [Э-41-02] – это противоречит ностальгическому дискурсу. Все респонденты отмечают, что сегодня в регионе имперская история России редуцируется до истории русской культуры. В этом смысле литературные, музыкальные и научные музеи оказываются полноправными мнемоническими акторами, а нарративы истории русской культуры – историческими нарративами. Такой подход неизбежно приводит к фрагментации и персонализации нарративов об истории России XIX века.

Многие исследователи полагают, что несмотря на широко отмечавшийся в 2014 г. юбилей Первой мировой войны, ее история остается в коллективной памяти жителей России периферийным сюжетом¹. В наследство от юбилея жителям региона достался музей «Россия в Великой войне», являющийся сейчас практически единственным мнемоническим актором, работающим с этой темой. Музей располагается в Пушкине, пригороде Санкт-Петербурга, и в своих сопроводительных текстах авторы постарались провести связку между первым проектом музея 1914 г. и современным. По замыслу Николая II, в Ратной палате должна была располагаться галерея портретов георгиевских кавалеров и трофеи, доставленные с полей сражений. Первая экспозиция была создана только после Февральской революции, но уже в 1918 г. музей закрыли, и «особым местом памяти о войне» (как того хотел Николай II, с точки зрения музейных работников) Царское Село так и не стало.

Нарратив о Первой мировой войне, представленный в музее, сводится к тому, что война прервала естественный ход развития

---

¹ Чуйкина С. Конструирование памяти о забытом событии через музейные технологии: производство эмоций на выставках о Первой мировой войне в 2014 году // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – С. 157–180.

Российской империи, затормозила ее неизбежное процветание. Одновременно Первая мировая война оказывается войной неизбежной (в силу германского милитаризма) и священной (в силу необходимости защищать Родину). Музей описывает войну как выигранную до определенного момента, войну, которую не удалось выиграть из-за внутренних диверсий и предательства со стороны некоторых политических групп.

Революция и Гражданская война. В одном из обзоров столетней годовщины революций 1917 г. Б.И. Колоницкий отмечал, что потенциал этого юбилея была очень слабо реализован. Действительно, даже в Санкт-Петербурге, городе, в котором происходили основные события революций, юбилейные мероприятия были достаточно скромно представлены. Г. Бордюгов и Д. Андреев отметили, что петербургские власти в 2017 г. старательно избегали каких-либо упоминаний о событиях 100-летней давности. Так, губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко на первомайской демонстрации говорил о революции, но даже без прямого упоминания событий: «В этом году праздник особенный: исполняется сто лет со времени, когда этот праздник стал открытым и легальным»¹.

По словам респондентов, главным событием юбилея [Э-41-04, Э-41-02, Э-41-03] стала выставка Государственного Эрмитажа «Зимний дворец и Эрмитаж. 1917. История создавалась здесь». Само название выставки говорит о том, что основной её целью было заявить об Эрмитаже не только как о художественном музее или императорском дворце, но как о месте свершения ключевых исторических событий XX века. Как указывал директор музея М.Б. Пиотровский на открытии выставки: «Мы открываем выставку, посвящённую 100-летию Русской революции в день ее главного события – ареста Временного правительства. Эрмитаж – это больше, чем музей. Это памятник российской государственности. Здесь происходило все самое важное, и стены музея это помнят»². Респонденты полагают, что эта идея была реализована успешно, а сам Эрмитаж с ее помощью заявил о себе как о важном акторе политики памяти в Санкт-Петербурге. К юбилею революций откры-

---

¹ Андреев Д., Бордюгов Г. Узнаваемое и вполне ожидаемое лицо юбилейного года // Гефтер. – 2017. – 15 мая. – URL: <http://gefter.ru/archive/22189>

² Открытие выставки «Зимний дворец и Эрмитаж. – 1917. История создавалась здесь» // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2017/news_282_17/?lng=ru

лась выставка в Музее политической истории России – «Женщины и революция», рассказывающая о борьбе женщин за политические права накануне революции, и часть постоянной экспозиции музея, посвященная событиям 1917–1922 гг. Экспозиция слабо апеллирует к локальному контексту и скорее призвана продемонстрировать события революционного периода в масштабе всей страны. В сопроводительных текстах к экспозиции мало оценочных суждений, создатели выставки стремились показать разные способы интерпретации событий, представить позиции разных участников конфликта. Тем не менее на уровне рассказа об «обычных людях» в Гражданской войне (она в музейном нарративе – часть революции) в музейных текстах говорится о трагедии: «Бытовые вещи периода Гражданской войны <...> создают обобщенные образы простых людей – городских и сельских жителей, принявших на себя тяготы этого страшного времени. Аудиовизуальная программа “Дневники и воспоминания периода Гражданской войны” позволяет эмоционально прочувствовать разные стороны трагедии»¹.

Рис. 3. Буклет Комитета Ленинградской области по туризму
«Красный маршрут»

¹ Революция в России. 1917–1922 // Музей политической истории России. — URL: https://polihistory.ru/visit_us/event-revoluciia-v-rossii-1917-1922-h3q-393

Несмотря на то, что губернатор Ленинградской области А.Ю. Дрозденко также практически не принимал участия в мероприятиях по коммеморации событий революции, в 2017 г. на своем канале в YouTube он анонсировал так и не вышедший документальный фильм «Поезд в революцию». Судя по трейлеру фильма¹, Дрозденко должен был повторить на поезде путь В.И. Ленина в plombированном вагоне в Петроград через современную Ленинградскую область. Губернатор говорит в ролике: «Мы решили не отставать от тренда и рассказать свою историю, которая вершилась в Ленинградской области»².

Менее, чем через три года, в 2020 г., Комитет Ленинградской области по туризму среди других туристических маршрутов представил «Красный маршрут по Ленинградской области», который основан на «посещении мест, связанных с жизнью российского революционера, основателя Советского государства В.И. Ленина»³. Смысловым центром этого маршрута является Выборг: на карте России, изображенной на буклете маршрута, он выделен наряду с Санкт-Петербургом, Москвой, Казанью и Ульяновском и вписывается таким образом в широкий ряд общероссийских мест коммеморации В.И. Ленина. Создавая такой маршрут, сотрудники комитета, по всей видимости, хотели решить задачу реактуализации наследия советской мемориальной культуры и включить в поле современного культурного туризма ряд непопулярных объектов. Важно отметить, что при этом авторы маршрута не создают никаких новых интерпретационных рамок для наследия революции – напротив, авторы текстов используют очевидные формулы советского мемориального языка: «Уже в скором времени персоны обитателей дачи №12 [А.И. Ульяновой, М.Т. Елизарова и В.И. Ленина] и род их занятий привлекли внимание филеров сыскной полиции. Один из рабочих, с которыми Ленин проводил революционные собрания на берегу живописной Саблилки, сообщил ему о подозрительных личностях. Они крутились возле дачи Елизаровых. Собрав нехитрые пожитки, Ленин немедленно покинул дом и уехал в Петербург»⁴.

---

¹ Губернатор Александр Дрозденко стал ведущим документального фильма о революции // 47 channel. – 2017. – 3 ноября. – URL: https://47channel.ru/event/Gubernator_Aleksandr_Drozdenko_stal_veduschim_dokumental_nogo_fil_ma_o_Velikoj_Oktyabr_skoj_revolyucii/

² Там же.

³ Буклет «Красный маршрут. Ленинградская область».

⁴ Там же.

Есть, однако, примеры совершенно другого подхода к «революционному» наследию, более характерные для музейного дела. Начиная с 1990-х годов происходит процесс «переработки» существовавшей коммеморативной инфраструктуры и «переозначения» советских мемориальных пространств. Один из первых таких примеров – музей «Разночинный Петербург», который сегодня входит в состав Музея истории Санкт-Петербурга. Он был создан на основе музея-квартиры В.И. Ленина в Казачьем переулке, где революционер жил в 1894–1895 гг. В 1992 г. музей не лишили мемориального статуса, однако теперь он именовался «Музей истории революционно-демократического движения 1880–1890-х годов». В 2006 г. в том же доме была открыта новая краеведческая экспозиция об окрестностях Семеновского плаца и жизни петербургских разночинцев и мещан в XIX в. Таким образом, мемориальный интерьер квартиры Ленина оказывался помещен в совершенно новый контекст и фактически становился «типологическим» интерьером разночинца конца XIX в.

Рис. 4. Фрагмент экспозиции в музее «Невская застава»

Схожим образом поступили в музее «Невская застава»: до 1992 г. в деревянном доме в спальном районе около метро «Пролетарская» находился Музей революционной истории Невской заставы и мемориальная квартира революционера В.А. Шелгунова. В постсоветские годы музей стал историко-краеведческим, однако революционное наследие в нем активно используется и переосмысливается в новой эстетике: один из стендов в музее, например, рассказывает о Шелгунове как о «супергерое советской истории».

Несколько иным образом эта решается в Доме-музее Ленина в Выборге. В 1990-е годы музей не потерял своего названия, однако экспозиция музея далеко ушла от советского варианта. Сам Ленин, который скрывался в этом доме во время своего «последнего подполья» в 1917 г., находится на периферии экспозиции. Вместо этого она вся посвящена семье Хайконен-Латукка, «финским помощникам Ленина»¹, быту финнов в рабочем районе дореволюционного Выборга, революции и Гражданской войне в Финляндии. Особое звучание экспозиции придает последний зал музея, посвященный репрессиям «красных финнов» в Советском Союзе: в 1938 г. «финские помощники Ленина» были репрессированы, одна из его «спасительниц» – Лююли Латукка – расстреляна.

Политические репрессии в Советском Союзе. Одна из респонденток, И.А. Карпенко – научный секретарь ГМИСПб, участвовала в процессе изучения биографий жертв террора большевиков во время Гражданской войны, останки которых были найдены в Петропавловской крепости². Она полагает, что в современных реалиях представителям власти очень тяжело говорить о жертвах политических репрессий 1930-х и особенно 1920-х годов, потому что утрачен (или не сформирован) язык памяти, касающийся этой темы: «Это пространство, в котором никто не понимает, как действовать. С одной стороны, мы за имперскую Россию и за прекрасных белых офицеров, а с другой стороны, советская история для нас очень важна и красные, большевики – они для государственной политики очень важны, поэтому там люди отрицают конкретные словосочетания. Формулировка «красный террор», которую совершенно спокойно произносили сами большевики <...> кажется довольно многим людям, которые с ностальгией относятся к советскому периоду, что это придумал враг какой-то, что это нельзя произносить» [Э-41-02]. Именно с этим она связывает то, что даже несмотря на крупные информационные поводы, такие как юбилеи или обнаружение останков жертв, разговор о репрессиях почти отсутствует в мемориативном пространстве.

Тема политических репрессий, как утверждают другие респонденты, сейчас практически неактуальна для Санкт-Петербурга. Вероятно, это связано с тем, что все внимание потенциальной ауди-

---

¹ Финские помощники Ленина. Дом-музей Ленина в Выборге и семья Хайконен-Латукка. Альбом-каталог. – Выборг, 2018.

² Карпенко И.А. Расстрел в Петропавловке // Дилетант. – 2017. – № 18. – С. 50–55.

тории практик, связанных с коммеморацией репрессий, сегодня обращено к теме блокады Ленинграда: эксперты говорят о том, что на поле двух конкурирующих трагедий в Санкт-Петербурге сегодня «выигрывает» блокада Ленинграда [Э-41-01, Э-41-03]. С. Чуйкина высказывает предположение, что один из возможных сегодня нарративов о блокаде Ленинграда (он должен был быть реализован в МВК «Оборона и блокада Ленинграда») – это рассказ о том багаже, с которым житель Ленинграда пришел к 1940 году. В таком нарративе, включающем в себя разговор о трагедии политических репрессий, проблеме «бывших людей», миграции населения и пр., рассказ о межвоенном периоде истории СССР оказывается органично связан с трагедией Ленинградской блокады¹.

Борьба и сосуществование конкурирующих нарративов в регионе: Вторая мировая война

Респонденты отмечают, что история *Советско-финской войны 1939–1940 гг.* практически не используется в современной исторической политике. Об этом же говорит К.М. Королев, утверждая, что, хотя за последние 15 лет память о Зимней войне вернулась в публичное поле, она в основном реализуется общественными организациями и отдельными активистами². В музейном пространстве государственных музеев этот важный эпизод истории Карельского перешейка практически не представлен, основная коммеморация этих событий происходит в общественных (негосударственных) музеях).

Один из главных акторов этого процесса – частный Военный музей Карельского перешейка, созданный в 2013 г.³ в Выборге предпринимателем, историком-любителем Б.К. Иринчевым, авто-

---

¹ Чуйкина С. Блокада Ленинграда как трудное прошлое: скорбная «антигосударственная» память и музеи // Неприкосновенный запас. – 2019. – № 6. – С. 157.

² 80-летие заключения мирного договора между СССР и Финляндией: сохранение памяти о Зимней войне. Конференция в Санкт-Петербургском отделении ТАСС 11 марта 2019 года [Видеозапись]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xNyHRKPExMc>

³ Ножинская А. О Зимней войне «на уровне батальона» // Фонтанка.fi. – 2013. – 28 октября. – URL: <https://web.archive.org/web/20131216182624/http://fontanka.fi/articles/12247/>

ром работ о Зимней войне. Он же был инициатором придания линии Маннергейма статуса памятника регионального значения¹.

Рис. 5. Военный музей Карельского перешейка, стенд при входе на экспозицию. На стенде указано, что «диорама ... увековечит память советских воинов, сделает Выборг еще более привлекательным для туристов и послужит делу укрепления добрососедских отношений между Россией и Финляндией»

Собственно Зимней войне посвящена одна из экспозиций музея – созданная на средства президентского гранта трехмерная диорама «На той войне незначимой», являющаяся филиалом парка «Патриот» в Выборге. Диорама реконструирует с помощью военной техники и предметов быта несколько эпизодов штурма линии Маннергейма в 1939–1940 гг. – подвиги Героев Советского Союза. Кроме того, небольшой фрагмент экспозиции посвящен поэтам, писателям и военным корреспондентам на Советско-финской войне.

Музей стремится создать бесконфликтный нарратив о Зимней войне и фактически показать посетителям целесообразность ее проведения. Советско-финская война преподносится как один из

¹ Линия Маннергейма – объект наследия народов Российской Федерации // Хранители наследия. – 2019. – 23 апреля. – URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/iniatsiativ/liniya-mannergeyma-obekt-naslediya-narodov-rossiyskoy-federatsii/>

героических эпизодов военной истории Советского Союза, вопрос об агрессии по отношению к Финляндии не поднимается. Сама диорама без дополнительного комментария мало что сообщает посетителю, однако в ходе экскурсий сотрудники музея рассказывают посетителям, что война фактически была «репетицией» событий Великой Отечественной войны, без опыта которой потери Советской армии были бы гораздо больше. Одновременно с этим демонстрируется, что полученные по результатам войны территориальные приобретения помогли оттянуть полную блокаду Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

До недавнего времени нарратив о Великой Отечественной войне на территории Ленинградской области оставался ленинградоцентричным: военные музеи в области – «Прорыв блокады Ленинграда» (Кировск), «Кобона: Дорога жизни» и др. – сконцентрированы на Ленинграде и его обороне и мало рассказывают о защите местного населения или оккупации. Однако в 2021 г. ситуация начала меняться: 21 июня в Гатчинском районе Ленинградской области по инициативе РВИО был заложен мемориальный комплекс, посвященный мирным жителям Ленинградской области, погибшим во время Великой Отечественной войны¹. Присутствовавший на церемонии закладки камня Владимир Мединский фактически говорил о том, что блокада Ленинграда перетягивает на себя все внимание, вследствие чего трагедия мирного населения на оккупированных германскими войсками территориях остается неизвестной: «Мы не знаем точно, сколько погибло на территории Ленинградской области. Но мы точно с вами знаем про то, что здесь ситуация в общем-то мало отличалась [от ситуации в Ленинграде]. В Шлиссельбурге немцы просто отобрали все продовольствие, которое могли найти, поэтому там умер каждый второй»².

Характерно, что и Мединский, и губернатор Дрозденко в речах на церемонии использовали термин «геноцид». В сентябре 2022 г., через несколько дней после подачи иска о признании блокады Ленинграда геноцидом, прокуратура Ленинградской области потребовала также признать геноцидом действия оккупационных властей на территории области. В заявлении упоминается существование концентрационных лагерей Дулаг на территории Гатчины,

---

¹ В Ленинградской области заложили мемориал жертвам гитлеровского геноцида // РИА Новости. – 2021. – 21 июня. – URL: <https://ria.ru/20210621/memorial-1737872424.html>

² Там же.

расстрел 300 пациенток клиники в Тосно, а также многочисленные факты других военных преступлений¹.

Последние события – это признак того, что Ленинградская область приобретает все большую самостоятельность в области политики памяти – формируются новые нарративы, активно используется поддержка федеральных акторов. Потенциал для дальнейшего развития отдельного нарратива о Великой Отечественной велик, ведь Ленинградская область, вероятно, является единственным в России регионом с таким многогранным набором сюжетов истории Великой Отечественной войны. Среди них не только военная история – причем сражений как с германскими, так и с финляндскими войсками, но и оккупация (финляндская и германская) с практиками создания концлагерей и холокостом, коллаборационизмом и партизанским движением, и история помощи фронту в тылу. Не меньше потенциал исследовательский: такой набор сюжетов, вместе с памятью о блокаде Ленинграда в Санкт-Петербурге, дает возможность считать рассматриваемый регион моделью для исследования современной коллективной памяти и исторической политики о Великой Отечественной войне, поскольку в различных комбинациях и пропорциях эти сюжеты присутствуют в поле публичной истории мезорегиона.

Ландшафты памяти Ленинградской области и Санкт-Петербурга

В исследованиях культурной памяти понятие «ландшафты памяти» используется метафорически², очень часто различные нарративы и коммеморативные практики сосуществуют действительно в едином ландшафтном пространстве. Замечательно иллюстрирует это пример из Лодейного Поля – небольшого города на северо-востоке Ленинградской области. Почти все памятники города сконцентрированы в одном месте – на небольшом (450 метров) отрезке набережной реки Свирь. Здесь соседствуют памятни-

---

¹ Прокуратура Ленобласти требует признать геноцидом преступления фашистов в годы Великой Отечественной войны // ЛенТВ 24. – 2022. – 12 сентября. – URL: <https://lenty24.ru/index.php/prokuratura-lenoblasti-trebuets-priznat-genocidom-prestupleniya-soversennye-nemeckimi-zaxvatcikami-v-gody-velikoi-otecestvennoi-voiny.htm>

² Basu P. Memoryscapes and Multi-Sited Methods // Research Methods for Memory Studies. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. – P. 114–131.

ки Олонецкой судостроительной верфи, пушечному фрегату «Штандарт» – «первенцу Балтийского флота», памятный знак на месте домика Петра I, памятник 200-летию открытия Антарктиды (шлюп «Мирный» был построен в Лодейном Поле), памятник погибшим во время Великой Отечественной войны жителям Лодейного Поля, мемориал войскам Карельского фронта, где похоронены не только участники Великой отечественной, но и 1-й Чеченской войны, памятник защитникам Свири – уроженцам Казахстана, аллея бюстов Героев Советского Союза, памятник лодейнополяцам – участникам ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и мемориал воинам-интернационалистам. Это нагромождение памятников в одном месте вполне подходит под определение «ландшафтов памяти», предложенное О. Дуаером и Д. Олдерманом¹ и иллюстрирует скорее «мирное сосуществование» различных сюжетов памяти, нежели конкуренцию практик и нарративов.

Выше затрагивались сюжеты, связанные со шведским присутствием на территории современных Ленинградской области и Санкт-Петербурга, а также событиями Советско-финляндской войны, однако на карте памяти региона можно увидеть развивающуюся память о финском присутствии в регионе. Эта память присутствует на уровне практик и не получает какого-либо оформления в отдельный нарратив. Отдельный фрагмент этого возможного нарратива – этнографический – представлен в виде работы с нематериальным наследием ингерманландских финнов, коренных жителей региона. Так, в музее Ялкала, который изначально коммеморировал пребывание В.И. Ленина в доме партийного товарища Эйно Рахья, на протяжении последних 20 лет работают с обрядами и традициями местного финского населения. Коммеморация финского присутствия также происходила до недавнего времени при поддержке правительства Финляндии, финских негосударственных фондов, а также локальных общественных организаций. Так, в городе Приморск (Койвисто) в Выборгском районе Ленинградской области перед зданием кирхи (сейчас краеведческий музей) установлен памятник жителям города (финнам), погибшим в результате военных действий в 1939–1944 гг., а недалеко от него, на берегу бухты Желтой находится памятный знак на могиле Микаэля Агриколы, церковного деятеля XVI в., считающегося создателем финской письменности. В основном память о финском присутствии

---

¹ Dwyer O.J., Alderman D.H. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // *GeoJournal*. – 2008. – Vol. 73. – P. 165–178.

сохраняется на уровне практик сохранения культурного наследия¹, либо ностальгического потребления – прежде всего в Выборге. Экспозиции краеведческих музеев Карельского перешейка также фокусируются преимущественно на быте и экономике финских поселений до революции и в межвоенный период.

Рис. 6. Мемориал «Павшим в войне жителям Койвисто», г. Приморск

Другая важная точка потенциальной конкуренции памяти в самом Санкт-Петербурге – это локальные нарративы памяти в черте города. Деятельность краеведов 1990–2000-х годов, когда это движение было особенно заметным на поле публичной истории в Санкт-Петербурге, привела к тому, что у отдельных районов города появились свои нарративы, имеющие свою специфику и, вероятно, формирующие новые локальные идентичности². Одновременно с этим в состав Петербурга входят населенные пункты со своей большой историей и сложной идентичностью местных жителей – Пушкин, Павловск, Петергоф, Ломоносов и др. На школьных уроках краеведения жители пригородов получают знания об истории и культуре Санкт-Петербурга, в которые не вводится локальный

¹ Договор на снос железнодорожного вокзала в Токсово расторгнут // Градозащитный Петербург. – 2020. – 19 августа. – URL: <https://protect812.com/2020/08/19/toksovo-rastorgnyt-dogovor-o-snose/>

² Напр.: Глезеров С. Северные окраины Петербурга. Лесной. Гражданка. Ручьи. – Санкт-Петербург, 2009.

компонент. Таким образом, школьник в Ломоносове на уроках может узнать о блокаде Ленинграда, но не узнает о двойной блокаде Ораниенбаума, а школьник в Царском Селе, также получая знания о блокаде, ничего не узнает об оккупации Пушкина. Такая локальная память все же фиксируется в отдельных институциях. Так, история Царского Села как отдельного города в составе Санкт-Петербургской губернии и Ленинградской области рассказывается в литературно-краеведческом музее города Пушкина, а история Колпина в годы Великой Отечественной войны – в музее Ижорских заводов.

Одна из важных для Санкт-Петербурга точек конкуренции памятей – это память крупных культурных институций – музеев, архивов и библиотек [Э-41-04]. Так, сотрудники Российской национальной библиотеки склонны рассказывать скорее не о блокаде Ленинграда как таковой, а о работе Публичной библиотеки в военные годы, а музеи-заповедники – о создании музеев в царских резиденциях после революции, а не о революции как таковой. Такая работа институциональной памяти, являющаяся следствием идентичности сотрудников институции, приводит к тому, что крупные мнемонические акторы могут присваивать и «подменять» отдельные исторические нарративы.

Наконец, последняя точка иллюстрирует конкуренцию, но не между различными практиками и нарративами, а скорее между желанием коммеморировать и его отсутствием. Антрополог М. Херцфельд описал похожую ситуацию в своей книге о Ретимно, городе на острове Крит. В «Месте в истории» он выделяет два разных темпоральных режима: в то время как *социальное время* – это время повседневной жизни, *монументальное время* – это время истории и различных практик историзации и коммеморации. Конфликт, как утверждает Херцфельд, возникает в тот момент, когда эти два темпоральных режима сталкиваются друг с другом (например, когда ЮНЕСКО предложило внести дома жителей города в список наследия¹). Последние годы в Петербурге возникает все больше конфликтов на этой почве – так, в 2019–2021 гг. жители Дома Мурузи, в котором создается частный музей «Полторы комнаты Иосифа Бродского», вступали в открытое противостояние с

---

¹ Herzfeld M. A place in history: social and monumental time in a Cretan town. – Princeton, N.J : Princeton University Press, 1991.

руководством и сотрудниками музея¹, а в 2019 г. проходили открытые акции протеста жителей МО Владимирское против строительства нового здания музея Ф.М. Достоевского². Как кажется, каждый из этих случаев достоин проведения исследования на микроуровне, затрагивающего всех акторов процесса.

В коллективной памяти жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области существуют нарративы и практики, не получающие распространения за пределами населенного пункта, области или социальной группы. В этом параграфе мезорегион показан как поле *contested memories* («оспариваемой памяти») и намечены пути, пройдя которыми исследователь сможет увидеть отдельные точки конкуренции памятей, неяркие на уровне больших нарративов, но играющие важную роль на локальном уровне. Такие точки сейчас, как кажется, не влекут за собой появление мемориальных конфликтов – напротив, иногда они становятся плодотворной почвой для диалога.

Санкт-Петербург и Ленинградская область – регионы, в которых работа с прошлым оказывается как ареной политической борьбы, так и пространством взаимодействия мнемонических акторов различных уровней. Глава лишь намечает подходы к их исследованию: каждый заслуживает отдельного обстоятельного исследования, подробного анализа их деятельности и коммуникации с другими акторами и институтами, их интерпретации и продвижения различных нарративов истории мезорегиона. Перспективным направлением исследования политики памяти в Санкт-Петербурге и Ленинградской области может стать сравнение с другими областями Северо-Запада, а также с другими регионами Российской Федерации.

---

¹ Память о Бродском или бизнес-проект: как жители Дома Мурузи встретили открытие «музея» поэта // Мойка 78. – 2020. – 29 декабря. – URL: <https://moika78.ru/news/2020-12-29/532591-brodskij/>

² Митинг против строительства второго здания музея Достоевского признали «потрясающим» // Закс.ру. – 2019. – 7 апреля. – URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/187260>

ГЛАВА 3

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

(И.О. Дементьев)

Введение

Калининградская область традиционно считается особым российским регионом в силу специфики ее географического положения, переселенческого характера населения и историко-культурного ландшафта, а также политики центра (сначала общесоюзных, а после 1991 г. российских властей). Существует значительное количество работ, в которых обсуждаются эти вопросы. В литературе нередко можно встретить констатацию специфичности области, но столь же часто исследователи находят аргументы в пользу того, что представления об особости региона преувеличены. После распада СССР это действительно единственный эксклавный российский регион, но с точки зрения географической доступности с ним вполне могут поспорить регионы Севера или Дальнего Востока. Практически тотальная смена населения после Второй мировой войны произошла не только в северной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия, но и в Калининской области и в Выборгском районе Ленинградской области. При всей уникальности культурного ландшафта (Калининградская область – единственный в России регион, где сохранились памятники готической архитектуры европейского Средневековья, комплексы фортификационных сооружений Германии Нового времени и т.д.) надо признать, что любая российская территория, особенно в пограничье, где веками происходил интенсивный диалог культур,

обладает известным своеобразием. Калининградская область – самый западный регион страны, но европейская архитектура нагляднее представлена в Санкт-Петербурге. Наконец, и политика центральных органов власти по отношению к области после Второй мировой войны, похоже, строилась на тех же основаниях, что и политика на других присоединенных территориях¹.

Тем не менее нет сомнений в том, что среди российских регионов Калининградская область занимает особое место. До Первой мировой войны самая восточная германская провинция находилась в интенсивном контакте с соседними регионами Западной России. С 1861 г. через Кёнигсберг (современный Калининград) и Эйдткунен (современный пос. Чернышевское) было организовано железнодорожное сообщение – один из популярных маршрутов для перемещения россиян в Германию и другие страны Европы, а европейцев – в Россию. В Восточной Пруссии находили пристанище русские революционеры и мигранты из Российской империи – как трудовые, так и беженцы (от старообрядцев до евреев). В Кёнигсбергском университете с начала XVIII в. учились русские студенты, разнообразные академические и культурные контакты в XVIII – начале XX в. еще ждут своих исследователей². Интенсивность связей заметно снизилась после Первой мировой войны, когда Восточная Пруссия по стечению обстоятельств стала эксклавом, отделенным от основной части страны территорией Польши.

---

¹ Многочисленные работы последовательно снимают аргументы в пользу уникальности калининградского опыта. См.: *Sakson A.* Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kalinini-gradzki, Warmia i Mazury. – Poznań : Instytut Zachodni, 2011; *McIvor M.C.* Soviet policy towards the new territories of the RSFSR, circa 1939 to 1953 : diss. / King's College. – London, 2012 (о политике Центра); *Freitag S.* Ortsumbenennungen im sowjetischen Russland. Mit einem Schwerpunkt auf dem Kalininger Gebiet. – Frankfurt a/Main : Peter Lang, 2013 (о кампании по полному переименованию населенных пунктов). Об эксклавах см.: *Винокуров Е.Ю.* Теория анклавов. – Калининград : Терра Балтика, 2007.

² См.: *Дементьев И.О., Шепель Я.Г.* Русские революционеры в Восточной Пруссии: забытые «места памяти» // Калининградские архивы: материалы и исследования. – Калининград : Смартбукс, 2020. – Вып. 17. – С. 40–73 (о революционерах); *Иванец Э.* Из истории старообрядцев на польских землях. XVII–XX вв. – Москва : Языки славянских культур, 2019 (о старообрядцах); об академических связях: *Костяшов Ю.В., Кретицин Г.В.* Петровское начало. Кёнигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке. – Калининград : Янтарный сказ, 1999; *Лавринович К.К.* Альбертина. Очерки истории Кёнигсбергского университета. – Калининград : Книжное изд-во, 1995.

Тем не менее некоторые спорадические контакты сохранялись и в 1920-х – начале 1940-х годов.

Поскольку Восточная Пруссия была территорией, на которой русская императорская армия противостояла немецкой армии в первом глобальном конфликте, а РККА – вермахту во втором, здесь сформировался своеобразный мемориальный ландшафт. Захоронения русских воинов (а также смешанные русско-немецкие захоронения), оставшиеся преимущественно в восточных районах провинции, подлежали благоустройству в течение межвоенного периода¹. Памятные знаки, посвященные немецким солдатам, павшим на полях сражений как на Восточном, так и на Западном фронте, были важным элементом мемориального ландшафта многих населенных пунктов.

Вторая мировая война и передача Кёнигсберга с близлежащей территорией Советскому Союзу по решению антигитлеровской коалиции радикально изменила ситуацию. С самого начала деятельности военных, а потом гражданских органов управления в новом советском крае началось увековечение памяти красноармейцев, павших в боях в Восточной Пруссии. Один из первых в стране монументальных мемориалов – памяти 1200 гвардейцев – был открыт в Кёнигсберге уже 30 сентября 1945 г.² В течение всего советского периода коммеморативные практики фокусировались прежде всего на создании памятников, отражающих героизм соотечественников, участвовавших в Гумбинненской и Восточно-Прусской операциях в 1944–1945 гг.

Весь советский период Калининградская область была регионом, практически закрытым для доступа иностранных граждан. Редкие исключения составляли официальные делегации из социалистических стран, в позднесоветский период в калининградских вузах учились студенты из стран третьего мира. Визиты граждан капиталистических государств были практически исключены, но в принципе возможны – в отсутствие пограничного контроля на

---

¹ К сожалению, подавляющее большинство останков не было идентифицировано, поэтому надгробия содержали надписи с указанием количества неизвестных русских солдат. См. о захоронениях: *Dehnen M.* Die Kriegsgräber in Ostpreussen von 1914/15. Die Zuordnung der auf ostpreußischem Boden befindlichen Kriegsgräber aus den Jahren 1914/15 zu den Gefechtshandlungen. – Würzburg : Holzner, 1966.

² *Воробьева Ю.С., Быкова Н.И.* К вопросу о создании мемориала 1200 гвардейцам (на основе материалов из фондов КОИХМ) // *Время музея.* – Калининград : Страж Балтики, 2020. – Вып. 3. – С. 83–90.

административной границе с Литовской ССР некоторые иностранцы приезжали в область нелегально. Во второй половине 1980-х годов, с началом Перестройки, ситуация стала меняться, и описания Калининграда, сделанные первыми визитерами из ФРГ, вызывали живой интерес у бывших жителей Восточной Пруссии, поддерживавших коллективную память о своей родине в рамках многочисленных землячеств¹. Стереотипное представление о Калининградской области как одном из самых закрытых советских регионов в последние годы также опровергается исследователями, акцентирующими внимание на важности опыта калининградских моряков, импортировавших в регион из разных стран мира товары, паттерны поведения и языковые практики².

В 1991 г. по решению центральных органов власти, с энтузиазмом поддержанному на крайнем западе страны, Калининградская область, наконец, открылась для иностранцев. Первая половина 1990-х годов прошла под знаком нарастания сотрудничества России и соседних стран (ставшей независимой Литвы, Польши, Германии) на калининградском направлении. Приграничный статус область приобрела в 1991 г., и на протяжении всей декады в Москве, Калининграде и за рубежом постоянно обсуждались перспективы пилотного региона сотрудничества России и Запада.

В административном отношении Калининградская область на 1 июня 2022 г. включает 22 муниципальных образования – городских и муниципальных округа, включая областной центр³. Эта структура с незначительными изменениями воспроизводит ту, которая сложилась во второй половине 1940-х годов. Помимо Калининграда два крупных районных центра – Черняховск (бывший Инстербург) в центре области и Советск (бывший Тильзит) на северо-востоке; в Восточной Пруссии важным центром был Гумбиннен (современный Гусев), в советское время потерявший в статусе. Особое место в области – Балтийск (бывший Пиллау), где располагается база Балтийского флота. Традиционно у соотечественников и в советское, и тем более в постсоветское время по-

---

¹ См., напр.: Königsberg in alten und neuen Reisebeschreibungen. – Düsseldorf : Droste, 1989.

² Roqueplo O. La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique : thèse / Université Sorbonne Paris Cité. – Paris, 2017. – P. 125–131.

³ Муниципальные образования // Правительство Калининградской области. – URL: <https://gov39.ru/vlast/muni/>

пулярностью пользовались курорты Светлогорск (Раушен) и Зеленоградск (Кранц).

Население области формировалось за счет нескольких переселенческих волн. Первая большая волна пришлась на 1946–1948 гг., когда советские граждане (прежде всего из западных регионов РСФСР и Белоруссии) прибыли в Калининградскую область и заместили местное население, остатки которого тогда же были депортированы в Западную и Восточную Германию. В 1950–1980-х годах население области пополнялось за счет приезда специалистов. В поздне- и постсоветский период миграционные волны снова изменили демографическую карту региона: в регион стали прибывать беженцы и вынужденные переселенцы из охваченных конфликтами республик бывшего СССР, военнослужащие с семьями из стран Восточной Европы и республик Балтии и др. Миграционные потоки меняли состав населения вплоть до последнего времени, пока Калининград оставался привлекательным местом жительства в силу близости к Европе, особого историко-культурного и природного ландшафта.

Постоянные миграции ставили и ставят определенные задачи перед субъектами, участвующими в осуществлении политики памяти: необходимо на каждой стадии находить общий язык для групп людей с разным опытом, а также предотвращать и разрешать мемориальные конфликты, неизбежные в постоянно меняющейся среде. В этой главе будет рассмотрено, насколько местным игрокам удастся это делать, а также каковы факторы, помогающие и препятствующие этому.

Надо сказать, что политика памяти советского времени была ориентирована на область в целом, локальная специфика просматривалась мало. Одним из важнейших изменений постсоветского мемориального ландшафта стало то, что города Калининградской области выступают как площадки для коммеморативных экспериментов локального масштаба. Этот процесс отражает становление локального исторического самосознания, которое неизбежно сопряжено с актуализацией событий прошлых веков. В Советске одним из центральных событий был признан Тильзитский мир 1807 г.; другие места памяти о сражениях эпохи Наполеоновских войн (Правдинск / Фридланд и Багратионовск / Прейсиш-Эйлау) также стали обнаруживать своеобразную физиономию.

Локализация коллективной памяти уже в советское время затронула и некоторые сельские населенные пункты. Так, в 1979 г. был открыт мемориальный музей классика литовской литературы

Кристионаса Донелайтиса (1714–1780) в пос. Чистые Пруды Нестеровского района¹. В 1993 г. в загородном доме немецкого скульптора Германа Брахерта (1890–1972) в пос. Отрадном Светлогорского городского округа появился посвященный ему дом-музей. Эти события стали возможны благодаря некоторой флюидности политики памяти как в позднесоветское, так и в постсоветское время. Однако сельские коммеморативные доминанты все же остаются исключением из правила, основной массив коммеморативных действий затрагивает города, в первую очередь – Калининград. Поэтому в дальнейшем основным объектом внимания будет областной центр.

Акторы политики памяти

Ключевую роль в политике памяти советского времени играли партийные и, в меньшей степени, советские органы. Во всей полноте политика памяти второй половины 1940-х – начала 1980-х годов пока не изучена, но в ряде исследований показаны роль партийных инстанций в принятии судьбоносных решений (например, о сносе руин Кёнигсбергского замка для возведения поблизости Дома Советов), механизмы работы цензурного ведомства, противоречия между общесоюзными и республиканскими, областными и городскими инстанциями². Сравнение послевоенной политики памяти в Калининградской области и на других территориях бывшей Восточной Пруссии дало основание исследователям утверждать, что,

---

¹ Киткаускас Н., Киткаускене Л. Мемориал Кристионаса Донелайтиса в п. Чистые Пруды (Толльмингкемен, Толминкемис): история создания. – Калининград : Аксиос, 2013.

² Костяшов Ю.В., Маттес Э. Изгнание прусского духа; Запрещенное воспоминание. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. – Калининград : Терра Балтика, 2009; Дементьев И. «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е – 1980-е гг.) // *Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje*. – Klaipėda : Klaipėdos universiteto, 2012. – P. 92–118. – (Acta Historica Universitatis Klaipedensis ; т. 24.); Дементьев И.О. Цензура как институт политики памяти в Калининградской области советского периода // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – Вып. 13. – С. 98–110.

«несмотря на идентичность официальной идеологии коммунистических властей в СССР и ПНР, помимо схожести эмоционального отношения поляков и советских граждан к немцам как смертельным врагам, политика памяти в трех частях бывшей Восточной Пруссии в первые послевоенные годы различалась существенно и привела к различным результатам. Обустройство новоселов в Вармии и Мазурах и отчасти в Клайпедском крае проходило без тотального отвержения чужого опыта, который по своему содержанию был не только немецким, но и вбирал в себя многочисленные элементы культуры других этносов Восточной Пруссии, прежде всего поляков и литовцев»¹.

«Тотальное отвержение чужого опыта», характерное для официальной политики советского Калининграда, прекратилось с началом перестройки. В конце 1980-х – начале 1990-х годов область стала постепенно сближаться с соседними регионами, меняя политику в отношении наследия. Запреты были сняты, интенсивные контакты с немецкими, литовскими и польскими коллегами – историками, музейными работниками, архивистами – позволили довольно быстро продвинуться в освоении довоенного прошлого. Начался период тесного международного сотрудничества, которому калининградцы обязаны кардинальным обновлением музейных экспозиций, изданием многочисленных публикаций по истории края, появлением новых туристических объектов.

В ранний постсоветский период в силу перестроечной инерции активность различных сообществ и частных лиц сохранялась на высоком уровне, и роль региональных властей в политике памяти была относительно пассивной. В первые полтора десятилетия после распада СССР их роль скорее сводилась к невмешательству в спонтанно разворачивавшийся процесс освоения довоенного прошлого калининградцами в форме разнообразных культурных и просветительских инициатив. Однако по мере укрепления «вертикали власти» позиция региональной власти (администрации Калининградской области, а с 2005 г. – правительства во главе с губернатором) становилась все более заметной. Губернаторы стали играть ключевую роль, придавая правительству статус реального актора политики памяти.

---

¹ Костяшов Ю.В. Политика памяти в Калининградской области, Клайпедском крае, Вармии и Мазурах в послевоенные годы: опыт сравнения // Прибалтийские исследования в России : матер. Междунар. науч. конф. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 194.

Яркий пример этой активности – геральдическая новация. Герб области был принят 8 июня 2006 г.¹, во многом по инициативе губернатора Г.В. Бооса (2005–2010). Описание герба на сайте правительства гласит:

«В верхнем красном (червленом) поле находится изображение серебряной зубчатой крепостной стены с открытыми воротами и выходящими из стены двумя серебряными зубчатыми башнями. На поле щита между башнями расположен вензель императрицы Елизаветы Петровны середины XVIII века в период, когда Пруссия входила в состав Российской Империи. Нижняя волнообразная оконечность щита синего (лазоревого) цвета обременена пятью янтарными кругами. Герб увенчан янтарной короной и обрамлен лентой ордена Ленина.

Янтарная корона, являясь символом государственности, одновременно подчеркивает принадлежность Калининградской области к России.

Лента ордена Ленина, обвивающая герб, символизирует трудовые достижения Калининградской области, которая была награждена этим орденом в 1966 году. Высокой государственной наградой был отмечен трудовой вклад калининградцев в развитие страны.

Крепость с открытыми воротами олицетворяет уверенность, непоколебимость, готовность к обороне и, в то же время, открытые ворота свидетельствуют о гостеприимности, дружеских намерениях, для контактов с ближним и дальним зарубежьем.

Вензель императрицы Елизаветы Петровны – личный шифр главы государства. В данном случае он подчеркивает историческую связь принадлежности территории нынешней Калининградской области с Россией середины XVIII века.

Волнообразная оконечность щита лазоревого (синего) цвета – символ приморской территории, нахождения Калининградской области на Балтике. С Балтийским морем тесно связана не только история региона, но и его будущее»².

Соединение вензеля императрицы Елизаветы и ордена Ленина как символов дореволюционной принадлежности территории к России и трудовых свершений калининградцев в советское время

---

¹ Закон Калининградской области «О гербе и флаге Калининградской области» от 8 июня 2006 г. №16; подтвержден Уставным законом Калининградской области от 4 мая 2010 г. №440 «О гербе и флаге Калининградской области». Номер герба в Государственном геральдическом регистре РФ – 4595.

² Герб Калининградской области // Правительство Калининградской области. – URL: <https://gov39.ru/press/symbolics/gerb-i-flag/>

было сочтено оптимальным подходом к обрамлению коллективной памяти калининградцев. Немецкий период истории края не упоминается в описании, хотя образ крепости с воротами имплицитно отсылает к нему (если учесть сохранившийся пояс фортификационных сооружений в Калининграде – предмет гордости калининградцев).

Подчеркивание исторической связи принадлежности территории к России в середине XVIII в. – одна из излюбленных тем в официальной повестке. Конференц-зал правительства в 2008–2017 гг. украшала галерея, в которую входили портреты пяти русских губернаторов провинции периода Семилетней войны, а также руководителей области советского периода и постсоветских глав администрации (правительства)¹. Этот ряд символически воплощал традицию русского присутствия на этой земле, что в полной мере отвечало приоритетам политики, как ее видели в столице.

Политика памяти, ориентированная на акцентирование исторических связей Калининградской области со всей страной, не протекала без сложностей, прежде всего по той причине, что общественное мнение никогда не было однородным. Хотя перестроенные и первые постсоветские годы показали, что уважение к опыту предшественников не противоречит сохранению благодарной памяти о соотечественниках, тематика чужого прошлого нашей земли не утратила своей конфликтогенности.

Общественные организации (как правило, маргинальные) наряду с некоторыми региональными СМИ (нередко весьма влиятельными) стали во второй половине 2000-х – конце 2010-х годов инициаторами кампании по борьбе с пресловутой «германизацией»². По убеждению активистов этой кампании, в Калининградской

---

¹ *Юрьев С.* В правительстве повесили губернаторов // Комсомольская правда. – 2008. – 16.04. – URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/24082/316140/>; Из правительства Калининградской области убрали портреты бывших губернаторов // Новый Калининград. 28.04.2018. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/politics/18249305-iz-pravitelstva-ubrali-portrety-byvshikh-gubernatorov.html>

Одно время также обсуждалось включение в галерею портрета П.Г. Курлова, назначенного генерал-губернатором Восточной Пруссии во время военных успехов русской армии в 1914 г., но фактически так и не приступившего к исполнению обязанностей.

² Подробное изложение вопроса см.: *Зиборова Т.* «Облизывание немецкого»: как калининградские СМИ боролись с «германизацией» // Новый Калининград. – 2017. – 12.10. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/15280621-oblizyvanie-nemetskogo-kak-kaliningradskie-smi-borolis-s-germanizatsiey.html>

области сферы культуры и образования, а отчасти и властные структуры (в последние годы даже церковные инстанции) заняты влиятельными людьми, работающими в интересах других стран (прежде всего, Германии или Запада в целом). Задача состоит в том, чтобы очистить самые важные сегменты общественной жизни – прежде всего те, от которых зависит воспитание детей и молодежи, – от людей, которые продвигают чуждые нашей культуре ценности. Естественно, в свете такого упрощенного подхода любые проявления интереса к довоенному прошлому, любые действия в защиту памятников других культур, любые высказывания критического характера в отношении национальной истории трактуются однозначно. Такая система координат не только заметно обедняет понимание прошлого, включая собственную культуру, но и отражает установку на глубокое недоверие к субъектности тех, кого принято описывать исключительно как объектов «германизации», пассивных участников общественных процессов, жертв манипуляций со стороны коварных и консолидированных врагов.

Надо признать, что региональные власти долгое время игнорировали эту кампанию, оставшуюся уделом немногочисленной группы радикально настроенных общественных деятелей. Губернатор-москвич Г.В. Боос, обладавший значительным опытом в бизнесе, отдавал дань уважения туризму как одному из приоритетов регионального развития, что неминуемо предполагало заигрывание с многокультурным прошлым региона. Губернатор Н.Н. Цуканов (2010–2016), уроженец Калининградской области, прямо поддерживал обращение к немецкому прошлому города как один из главных проектов городского (и, следовательно, регионального) развития. В 2014–2015 гг. градостроительное бюро «Сердце города», созданное во многом по инициативе главы региона, провело два международных конкурса по проектированию развития исторического центра. В результате было спроектировано здание Правительственного историко-культурного комплекса «Пост-замок» на территории бывшего замка, в непосредственной близости к долгострою советского времени – Дому Советов. Предполагалось реализовать проект уже к чемпионату мира по футболу 2018 г., и губернатор открыто выступал как один из главных драйверов этой инициативы.

При обоих губернаторах неоднократно на заседаниях Совета по культуре обсуждалась тема восстановления Королевского замка, и, хотя окончательные решения никогда не принимались, само наличие вопроса в повестке было красноречивым. Оба губернатора,

соответственно, подвергались критике со стороны «антигерманизаторов» за то, что окружили себя непатриотично настроенными советниками.

Новый губернатор А.А. Алиханов, так же, как и Г.В. Боос, в прошлом федеральный чиновник (и.о. губернатора с 2016 г., избран в 2017 г.), повел себя иначе. Поначалу он вел себя осторожно, не допуская слишком радикальных высказываний на тему прошлого. Вследствие этого одни могли полагать, что в силу молодости (род. в 1986 г.) он достаточно прогрессивен, чтобы адекватно относиться к наследию и другим культурам, другие – что, будучи ставленником федерального центра, он будет твердо проводить государственную политику, направленную на укрепление общероссийской идентичности.

Реальность, однако, оказалась сложнее, и губернатору удалось озадачить и тех и других. С одной стороны, он довольно радикально, хотя и не сразу, в 2020 г., высказался против восстановления Кёнигсбергского замка: «Тема замка для города закрыта... Замка здесь не будет никогда»¹. В 2021 г. в Областной думе он выразился еще радикальнее в адрес оппонентов – по всей видимости, модельера А.В. Васильева, заявившего публично, что замок восстановить придется для развития туризма, и назвавшего противников восстановления «малообразованными кретинами». Губернатор сказал: «Мне хочется задать вопрос: а вы кто, простите, откуда приехали и какое имеете право так выражаться в отношении большой группы людей, которые являются противниками этого восстановления?»² Замок представлял собой «символ власти немецкого народа», поэтому в российском городе его восстанавливать бессмысленно.

С другой стороны, эта риторика не мешает реализации государственной политики, направленной на сохранение довоенного наследия (при всех сложностях и недостатках) и его использование в туристских целях при отсутствии пиетета перед советским градостроительным наследием. А.А. Алиханов добился большого прогресса в ситуации вокруг Дома Советов – выкупил здание в областную собственность, однако, если многие ждали от него

---

¹ Катеруша А. Антон Алиханов: Королевского замка в Калининграде не будет никогда // Комсомольская правда. – 2020. – 11.11. – URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/online/news/4078147/>

² Алиханов о критиках противников воссоздания Королевского замка: а вы кто, простите? // Новый Калининград. – 2021. – 19.05. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23929767-alikhanov-o-kritikakh-protivnikov-vossozdaniya-korolevskogo-zamka-a-vy-kto-prostitute.html>

завершения долгожданного проекта, они обманулись: губернатор заявил в 2021 г., что здание будет разобрано, а на его месте будет разбит парк¹. Идея сноса здания, символизирующего масштабность советского проекта, далеко не всем пришлась по вкусу: часть архитектурного сообщества, представители «патриотической общественности», интеллигенции выступили против идеи демонтажа здания, выполняющего роль доминанты рядом с руинами подвалов бывшего замка.

В целом в публичных выступлениях губернатор стремится выдерживать компромиссную стратегию в отношении наследия. «Не надо быть большими немцами, чем сами немцы, – сказал он в 2020 г. – Есть вещи, которые стоит сохранять, которые имеют статус, выявлены. Региональными властями делается очень много для сохранения объектов культурного наследия. Мы выделяем по полмиллиарда рублей в год на ремонт жилых домов, являющихся объектами культурного наследия»².

Такой подход выглядит достаточно взвешенным, насколько это возможно в современных условиях: не отказываясь от принципа уважения к наследию, региональная власть все же подходит прагматично к проектированию будущего. А.А. Алиханову не свойственна идиосинкразия по отношению к немецкому прошлому – так, он был одним из инициаторов комплексной программы благоустройства пос. Железнодорожного (бывшего Гердауэна), где был произведен капитальный ремонт множества домов в историческом центре³. В результате Железнодорожный стал напоминать немецкий городок, что, по замыслу властей, должно привлечь и инвесторов, и туристов. Еще более масштабным проектом станет музеефикация имущественного комплекса замка Тапиу в Гвардейске. Здание замка – памятник средневекового зодчества – десятилетиями использовалось в качестве исправительной колонии, а в 2021 г. было передано области с перспективой создания музея. Прагма-

---

¹ Алиханов: Дом Советов разберем и что-нибудь соберем на его месте, а возможно и нет // Новый Калининград. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/politics/23971337-alikhanov-dom-sovetov-razberem-i-chto-nibud-soberem-na-ego-meste-a-vozmozhno-i-net.html>

² Алиханов: «Не надо быть большими немцами, чем сами немцы» // Русский запад. – 2020. – 21.09. – URL: <https://ruwest.ru/news/105220/>

³ Власти региона оценивают первые результаты комплексной программы благоустройства поселка Железнодорожный // Правительство Калининградской области. – URL: <https://gov39.ru/press/250724/>

тичное отношение к наследию при всех издержках остается точкой пересечения политики памяти и регионального развития.

Роль федеральных властей также последовательно возрастала в первые десятилетия XXI в. – регион все активнее втягивался в общенациональную повестку. Неудивительно, что основное внимание было сфокусировано на военно-исторической тематике – слава русского оружия в общеевропейских войнах, затронувших эту землю, постепенно становилась ключевой темой, вокруг которой выстраивался приоритетный нарратив. Однако отношение к этим войнам было разным. Семилетняя война, по сути, так и осталась экзотическим сюжетом для федерального центра. Внимание к ее событиям обостряется, прежде всего, на фоне скандалов, как это случилось в 2020 г., когда общественники обратили внимание на застройку поля Гросс-Егерсдорфского сражения 1757 г.¹ После вмешательства губернатора и областной Службы госохраны объектов культурного наследия застройщика обязали вернуть территорию в исходное состояние. Однако задачи мемориализации поля сражения, определения его точных границ, музеефикации остаются насущными и пока не привлекли внимания на федеральном уровне. Тема Наполеоновских войн неизменно пользуется популярностью у аудитории – проводятся конференции и реконструкции сражений, обновляются музейные экспозиции, однако этот интерес также поддерживается в основном на региональном уровне.

Совсем другое дело – Первая мировая война. В 2014 г. в Калининградской области отмечалось столетие начала Первой мировой войны, был проведен ряд мероприятий федерального масштаба со значительным финансированием. Наряду с конференциями, которые все же в первую очередь важны для специалистов, а не для массовой аудитории, эта кампания включала установку новых памятников – героям Первой мировой войны в Калининграде, «Штыковая атака» в Гусеве и «Памяти забытой войны, изменившей ход истории» М. Шемякина в технополисе корпорации GS также в Гусеве. В мемориальных мероприятиях участвовали федеральные чиновники – так, памятник в Калининграде открывал 30 мая 2014 г. министр культуры.

Федеральные органы власти не всегда напрямую определяют содержание политики памяти на региональном уровне, проводни-

---

¹ Песоцкая С. В Калининградской области отстояли от застройки поле сражения 1757 года // Российская газета. – 2020. – 05.08. – URL: <https://rg.ru/2020/08/05/reg-szfo/pod-cherniahovskom-otstoi-ot-zastrojki-pole-srazheniia-1757-goda.html>

ками общенациональной политики нередко выступают региональные власти. Только один пример: в 2021 г. команда Калининградского областного историко-художественного музея в рамках одноименного федерального проекта подготовила сборник материалов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны»¹. В нем опубликованы архивные документы и источники личного происхождения, а также переводы немецких материалов.

Цель проекта – «сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР»², поэтому перед составителями стояла сложная задача: в любом другом российском регионе разработка темы преступлений нацистов – это прежде всего реконструкция повседневности оккупации. Однако Восточная Пруссия в годы войны была немецкой территорией и не могла быть оккупирована вермахтом. Поэтому границы тематики неизбежно были расширены: опубликованные материалы посвящены и угнанным на принудительные работы в Восточную Пруссию советским гражданам, и советским военнопленным, и даже несоветским гражданам – евреям, ставшим жертвами массового убийства в Пальмнике (совр. Янтарный) в январе 1945 г. Таким образом, участие Калининградской области в проекте «Без срока давности» также отразило особенность региональной политики памяти: реализация общенациональной повестки в регионе всегда сопровождается сложностями в выстраивании нарративов о прошлом.

Говоря о политике федерального центра, следует упомянуть и тренды в распределении ресурсов на поддержку инициатив НКО. Так, если посмотреть на состав грантополучателей Фонда президентских грантов, можно увидеть, что проекты по истории региона неизменно получают поддержку в номинации «Сохранение исторической памяти»³. За 2017–2022 гг. в области было выделено 38 грантов некоммерческим организациям и частным учреждениям на общую сумму 63,6 млн руб.

---

¹ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны : сб. док. – Калининград : Страж Балтики, 2021.

² Без срока давности. – URL: <https://безсрокадавности.рф/>

³ Общая информация о проектах размещена на сайте фонда. – URL: <https://президентскиегранты.рф/>

Причем это не только проекты по традиционной тематике увековечения памяти павших в 1945 г. (проект 2020 г., грант ок. 2,3 млн руб.) или сохранения памяти об узниках трудовых и военных лагерей в форме создания мультимедийной карты (2021 г., 2,5 млн руб.). Фонд также поддерживает проекты, направленные на консервацию и предотвращение разрушения памятников, хотя их доля явно невелика: в 2019 г. был поддержан проект по консервации замка Вальдау 1264 г. (0,5 млн руб.). В большей части случаев гранты даже по номинации «Сохранение исторической памяти» выделяются на проекты, в обосновании которых описываются перспективы использования объектов культурного наследия или создания творческих продуктов в целях развития туризма. Реже встречаются проекты, в которых реконструируемые объекты приспособляются под творческие пространства, однако и такие проекты есть – так, общественная организация «Светлая башня» получила в 2020 г. грант (ок. 0,5 млн руб.) на восстановление водонапорной башни 1890 г. в пос. Светлом под Калининградом для создания художественной студии-мастерской (проект был успешно реализован¹). В Полесске в 2019 г. частное учреждение культуры «Музей “Старая немецкая школа Вальдвинкель”» получил грант (1,9 млн руб.) на восстановление здания пивоварни Лабиау 1840 г. с целью создания там музея с тремя характерными экспозициями: «Январь 45-го», «История здания в людях», «Солод и традиции пивоварения» – акцент здесь перенесен на личные истории людей после 1945 г., хотя очевидно, что довоенное прошлое памятника нельзя будет проигнорировать. Тот же грантополучатель был поддержан в 2020 г. с проектом обустройства историко-культурного сквера «Аллея Памяти» (в память о боях 1945 г.) на территории бывшей пивоварни (1,4 млн руб.)².

Есть и еще одна категория проектов, в которых сохранение исторической памяти вписывается в задачи патриотического воспитания, – например, организация школы юного разведчика на базе форта №11 «Дёнхофф» в 2020 г. (4 млн руб.)³ или летнего лагеря «Юнги Балтики» на берегу реки Деймы в 2019 г. (0,5 млн руб.).

---

¹ Власть света // Kaliningrad.ru. – URL: <https://kgd.ru/spp/bashnya/>

² В 2021 г. музею был выделен еще один грант 1,8 млн руб. на разработку экспозиции, посвященной первым колхозам и первым школам в 1946 г. – редкий случай выхода проекта на тематику раннего советского периода.

³ В 2022 г. был выделен еще один грант размером 4,3 млн руб. на развитие музейного пространства форта №11.

К той же категории относятся реконструкции военно-исторических событий – штурма Кёнигсберга в 1945 г. (2020 г., 700 тыс. руб.).

Тематически бóльшая часть проектов относится к истории XX века. Предшествующая история вызывает мало интереса – к исключениям относится проект по созданию диорамы, изображающей принесение жителями Кёнигсберга присяги императрице Елизавете в 1758 г. (2021 г., 0,5 млн руб.). Единственный проект, посвященный древнейшей истории края, предполагал музеефикацию памятника археологии бронзового века «Курганный могильник» Георгенсвальде / Отрадное (2021 г., 2 млн руб.).

Разумеется, тематика поддержанных проектов отражает не только и не столько приоритеты, как их видят в федеральном центре, но прежде всего предпочтения самих калининградских заявителей. Тем не менее проекты, получившие финансирование, косвенно все же говорят о тематике, в которой запросы с мест совпадают с общенациональными задачами: общественное участие в создании условий для развития туризма, в охране объектов культурного наследия, в гражданско- и военно-патриотическом воспитании получает поддержку независимо от исторической эпохи, к которой обращаются грантополучатели.

Муниципальные власти редко выступают самостоятельными акторами (с учетом невысокого уровня реальной самостоятельности органов местного самоуправления), однако в некоторых случаях отдельные представители этих властей способны проявлять некоторую (подлинную или мнимую) автономность в принятии решений. Как правило, речь идет об удачных или неудачных попытках предугадать вектор развития региональной и федеральной политики памяти (как в случае с доской Видунасу, о которой речь пойдет ниже).

Институциональный ландшафт региональной политики памяти можно считать таким же пестрым, как и в любом другом регионе. Ключевую роль традиционно играют учреждения культуры – в первую очередь музеи, а среди них прежде всего государственные, потому что имеют наибольший объем финансирования. Между музеями неформально поделены зоны ответственности в деятельности по поддержке коллективной памяти калининградцев. Созданные в советское время областные музеи специализируются на разных аспектах истории: Историко-художественный музей фокусирует деятельность на истории и природе региона; Музей янтаря – на истории янтаря, его добычи и обработки, месте янтаря в культурной истории края; Музей изобразительных искусств – на истории регионального искусства (как немецкого, так и советского времени).

Музей Мирового океана (федерального подчинения, открылся в 1994 г.) уделяет свое внимание прежде всего морскому наследию, в том числе истории отечественной океанологии. В основе экспозиции муниципального музея «Фридландские ворота», действующего в памятнике фортификации XIX в. в областном центре, – предметы быта довоенного Кёнигсберга.

Муниципальные музеи действуют в большинстве городов области, и везде экспозиция включает темы как по довоенной истории, так и по послевоенной. Нарратив почти везде строится одинаково: история немецкого города на фоне крупных событий, затем Вторая мировая война и героизм воинов Красной армии в этом районе во время Восточно-Прусской операции, потом кампания по заселению (с предметами быта, привезенными из разных регионов РСФСР и Белоруссии), достижения советского времени. Естественно, в Советске, Багратионовске и Правдинске особое внимание уделяется Наполеоновским войнам, в Гусеве – Гумбинненскому сражению Первой мировой войны и т.д.

Формирование экспозиций в муниципальных музеях часто носит бессистемный характер, что стало предметом критики со стороны губернатора в 2021 г.:

«...есть определенный перекося в работе муниципальных музеев. Там много всякого копаного, разного, условно, немецкого. Очень мало чего-то более-менее современного, советского. Какой-нибудь первый быт переселенцев – люди приносят то, что им не нужно уже. Но [есть] достаточно большой период советской, российской [истории], 30 лет уже современной России. Можно что-то, я уверен, там представлять и из этой части истории»¹.

Наряду с муниципальными музеями существуют также частные и общественные музеи². К частным относится музей “Altes Haus” (нем. «Старый дом») в Калининграде – это реконструкция немецкой квартиры; его владелец Александр Быченко открыл в 2021 г. также музей советского быта 1960–1980-х годов «Дом кито-

---

¹ Алиханов: в муниципальных музеях много немецкого и мало российского // Новый Калининград. – 2021. – 21.12. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/afisha/other/news/23971064-alikhanov-v-munitsipalnykh-muzeyakh-mnogo-nemetskogo-i-malo-rossiyskogo.html>

² За рамками рассмотрения остаются ведомственные музеи, в том числе весьма крупные, как, например, музей Балтийского флота в Балтийске, в распоряжении которого находится «Шведская крепость» XVII в.

боя». В тех городах, где нет муниципальных музеев, их роль выполняют частные – в Светлогорске («Колесо истории», с 2014 г.) и в Черняховске (музей истории, открытый В.И. Яновским в 2008 г.).

В пос. Краснолесье Нестеровского муниципального округа действует единственный музей в статусе общественного учреждения – Виштынецкий эколого-исторический музей. Значительная часть его экспозиции посвящена истории Роминтской пуши, в которой располагались кайзеровские охотничьи угодья.

Разумеется, наряду с музеями задачи сохранения памяти (и, соответственно, трансляции установок политики памяти) выполняют и другие государственные и муниципальные учреждения культуры (прежде всего архивы и библиотеки) и образования (вузы¹, школы, учреждения дополнительного образования).

На фоне активности государственных организаций успехи некоммерческого сектора выглядят значительно более скромными. Общественные организации, созданные в 1990-е годы на волне оживления гражданских инициатив, практически все прекратили свою деятельность к концу 2010-х². Исключение, пожалуй, составляет региональная общественная организация защиты прав жертв политических репрессий (перерегистрирована в 2012 г.), деятельность которой, впрочем, мало освещается в средствах массовой информации. Крупнейшим ее достижением стало издание в 2009 г. «Книги памяти жертв политических репрессий», которая включила данные о репрессированных на территории края в 1945–1953 гг.³ Эта работа стала важным шагом в сохранении памяти о двух категориях репрессированных – советских гражданах и оставшихся после войны немцах.

В последние годы спад активности классических некоммерческих организаций совпал с ростом активности околোগосударственных НКО, прямо ориентированных на реализацию общенациональной политики памяти в области. К таковым относится прежде всего Российское военно-историческое общество – общественно-

---

¹ Крупнейший из них – Балтийский федеральный университет им. И. Канта. С 2020 г. в нем работает Центр исследований исторической памяти, реализующий различные проекты, в том числе мультимедийные. См. о нем: <https://kantiana.ru/news/bfu-im-i-kanta-realizuet-proekty-po-sohraneniu-istoricheskoy-pamjati-rossii-itogi-2020/>

² См.: От прошлого к будущему : справочник для тех, кто занимается краеведческой работой с детьми и молодежью. – Калининград : Изд-во КГУ, 2004.

³ Книга памяти жертв политических репрессий. Калининградская область / сост. Е.И. Смирнова, В.Н. Маслов. – Калининград : Терра Балтика, 2007.

государственная организация (создана в 2012 г.), региональное отделение которой до 2017 г. возглавлял экс-губернатор области В.Г. Егоров, а затем – министр культуры и туризма А.В. Ермак. Отделение РВАО выступает инициатором многочисленных мероприятий в сфере военной истории – это выставочные проекты, публикации, научные конференции, фестивали военно-патриотической песни, кинопоказы, установка памятников¹ и мемориальных табличек и т.д.² Отделение редко выступает единоличным организатором, обычно сотрудничая с государственными учреждениями даже в проведении не очень масштабных мероприятий.

В регионе действует несколько общественных организаций исторического профиля (от поисковых отрядов до добровольческого движения по защите памятников «Хранители руин»). Их ресурсные возможности ограничены, хотя они нередко пользуются поддержкой государства и муниципалитетов, бизнеса, частных лиц. С 2019 г. волонтерское движение «Хранители руин» проводит акции по благоустройству памятников, прежде всего средневековых кирх. Эта спонтанная активность молодежи была замечена госорганами: движение заключило договор со Службой государственной охраны объектов культурного наследия в 2022 г. По нему волонтерам выделено 500 тыс. руб. на продолжение работы по благоустройству ценных объектов, а также передан в пользование памятник XIX в. Железнодорожные ворота в Калининграде. Несмотря на то что в последние годы активность гражданских организаций, независимых от государства, заметно снизилась в контексте общей перестройки «третьего сектора» в стране, пример «Хранителей руин» примечателен. Деятельность добровольцев находит отклик в обществе, что не осталось незамеченным для руководителей государственных структур.

Помимо российских организаций в коммеморативных мероприятиях до последнего времени принимали участие представители зарубежных сообществ. Немецкие инициативы на протяжении 1990–2000-х годов обычно презентовались на площадке Немецко-Русского дома, открытого в 1993 г. за счет средств МВД Германии. Более двух десятилетий на его базе проводились различные мероприятия – лекции, выставки, концерты; в 2015–2016 гг. после ряда

---

¹ Самый известный – памятник героям Первой мировой войны в Калининграде (2014).

² Новостная лента регионального отделения на сайте РВАО: <https://rvio.histrf.ru/39>

проверок, осуществленных Министерством юстиции РФ, организация была ликвидирована. В здании был открыт Русско-Немецкий дом, учредителем которого стало региональное общество российских немцев. В настоящее время он функционирует как Культурно-деловой центр российских немцев, сконцентрированный прежде всего на этнокультурной и языковой проблематике.

Генеральные консульства Литвы и Польши, работающие в Калининграде, на протяжении десятилетий поддерживали культурные инициативы местных национальных общин. Основной вектор их деятельности – коммеморация выдающихся представителей национальных культур, оставивших след в истории края или просто значимых для их родины. Так, например, в 2005 г. подаренный литовской стороной памятник профессору Кёнигсбергского университета Л. Резе был установлен в Калининграде по случаю юбилея города; в 2010 г. в другом сквере был установлен дарованный польскими партнерами бюст композитора Ф. Шопена, который, впрочем, никогда в этом городе не был. По понятным причинам коммеморативная активность зарубежных партнеров в последние годы постепенно снижалась – едва ли стоит ожидать установки новых памятников польским или литовским деятелям в ближайшие годы.

Нарративы

В этом разделе главы мы хотели бы охарактеризовать лишь некоторые частные сюжеты, которые в совокупности отражают противоречивость политики памяти и ее отражения в общественном сознании.

Древнейшая история этой земли, первыми жителями которой были, по всей видимости, индоевропейцы¹, практически не вызывает дискуссий. Но уже вопрос о пруссах, восточнобалтских племенах, которые встретили здесь рыцарей Тевтонского ордена и потерпели поражение в противостоянии с ними, относится к числу тех, которые с первых лет советской власти в Калининграде вызывали дискуссии.

Тезис о том, что пруссы на самом деле были славянами, высказан был на высшем уровне И.В. Сталиным во время переговоров с союзниками в Тегеране 1 декабря 1943 г. в качестве одного

---

¹ Залыцман Э.Б. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. – Москва ; Тверь : Тверская обл. типогр., 2010.

из обоснований советских претензий на северную часть Восточной Пруссии: «...исторически – это исконно славянские земли»¹. В первые послевоенные годы этот тезис воспроизводился в массовой печати и в художественной литературе, но официальная археологическая наука (на рубеже 1940–1950-х годов здесь вела раскопки Ф.Д. Гуревич) не разделяла эти установки, так что академический дискурс оказался относительно свободным от идеологического давления².

Хотя в XXI веке на официальном уровне сталинский постулат не приобрел новой легитимности, в любительском краеведении он сохраняет живучесть. С этим связаны, например, попытки «народного этимологизирования» названия Пруссия – Порусье³. Любые находки археологов, подтверждающие давно известные историкам связи прусских земель и Древней Руси, вызывают живой интерес. В 2016 г. сотрудники Института археологии РАН обнаружили на селище Привольное-1 свинцовую актовую печать новгородского князя Всеволода Мстиславича (ум. 1138), а в 2022 г. – печать его деда, Владимира Мономаха⁴. Если для археологов эти, хоть и редкие, но предсказуемые находки означают лишь еще одно подтверждение устойчивых связей русских и прусских торговцев, то для многих патриотически настроенных любителей старины они приобрели статус неоспоримого доказательства юрисдикции русских князей над прусскими землями.

Еще один казус касается истории происхождения династии Романовых. Легендарные представления о том, что предок царского рода Гланда Камбила – выходец из прусских земель, широко

---

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 : сб. док-тов. – Москва, 1984. – Т. 6. – С. 68. Об истоках этого тезиса см.: «Древние славянские имена» Восточной Пруссии в российской пропаганде начала Первой мировой войны / публ. И.О. Дементьева // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – Вып. 13. – С. 34–41.

² См.: *Литвиненко И.В.* Историки и советская пропаганда: славянский мир на территории бывшей Восточной Пруссии // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – Вып. 13. – С. 74–86.

³ См.: *Бирюков Г.* Древняя Русь и Порусье. – Нестеров : [б. и.], 2005; есть многочисленные публикации в социальных сетях, развивающие этот тезис.

⁴ Публикации на сайте РАН: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=dd45fd60-eab4-4dd8-9cfa-8e7e09e7e379&print=1>

А также <https://www.archaeology.ru/ru/press/articles/srednevekovoe-selische-privolnoe-1-na-kaliningradskom-poluostrove-novye-dannye>

распространенные с XVII в., долгое время не имели надежных аргументов в свою пользу. В декабре 2021 г. студия «Чаплин Док фильм» по заказу Общественного телевидения России выпустила документальный фильм «Гланда Камбилла – родоначальник династии Романовых»¹. В фильме прямо утверждается, что найдено сенсационное доказательство прусских корней фамилии Романовых. Главным спичрайтером выступил краевед и священник Г.О. Бирюков, который сослался на статью русского генеалога В.С. Арсеньева, работавшего одно время в Кёнигсберге.

Арсеньев писал в полемической статье, направленной против скепсиса его коллеги, другого крупного генеалога и тоже эмигранта Л.М. Савёлова, по поводу прусских корней династии: «...в издании “Памятники истории Вармии” (Эрмланд), напечатанных в 1860 году в Майнце, имеется под № 86а ленная грамота от 23/VI.1290 года на имение Налабен около городка Мельзака в приходе Петервальде на имя Гландус Кабилло»². Страница «Памятников» с текстом этой грамоты была продемонстрирована в фильме. Одна проблема – в показанном зрителям тексте нет имени «Гландус Кабилло», есть только Кабило (Cabilo), он только и упоминается в грамоте. В других документах упоминается и имя Гландо в разных вариантах, но сочетания Гландуса и Кабилло, которое выдано за сенсационное доказательство, нигде нет. Причины, по которым В.С. Арсеньев искажил сведения источника, непонятны: правда легко устанавливается при обращении к изданию «Памятников...». Показательно, однако, стремление любителей истории любыми средствами, даже с помощью фальшивки, еще раз подтвердить историческую связь региона и страны. В то же время речь не о самостоятельности, а о пропаганде фальсификации на общенациональном уровне, что отражает невысокий уровень экспертного сопровождения производства научно-популярных передач.

История Тевтонского ордена, как ни странно, почти не выступает предметом споров. В 1990–2000-х годах существовало несколько клубов, которые занимались исторической реконструкцией ордена. Тогда же проводились фестивали и рыцарские турниры, в том числе в городах области – Черняховске и Советске. В 2010-х –

---

¹ «Гланда Камбилла – родоначальник династии Романовых» док. фильм. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=OKaW2UJx9H8&ab_channel=ChaplinStudio

² Арсеньев В.С. О прусском происхождении Романовых // Новик. – Вып. 2. – С. 7–10. Статья была напечатана в самиздатовском журнале «Новик», который издавал как раз Л.М. Савёлов.

начале 2020-х годов интерес к этой тематике заметно снизился. Тем не менее не следует считать, что в коллективной памяти воцарился консенсус по поводу отношения к крестоносцам. Стереотипный взгляд, вдохновленный великим фильмом С. Эйзенштейна, состоит в том, что рыцари всегда представляли собой угрозу русским землям, в этом смысле вся история сопротивления ордену – от восстаний пруссов до Грюнвальдской битвы 1410 г. – воспринимается как история объективных союзников русских княжеств в борьбе против *Drang nach Osten*. На этом фоне теряют свою значимость факты русско-орденского сотрудничества на поздних этапах истории этой рыцарской организации (в начале XVI в.).

И все же сюжеты из орденского прошлого также могут приобретать неожиданную интерпретацию в амальгаме местной истории. Так, например, в мае 2018 г. на заседании областной Общественной палаты обсуждался вопрос об увековечении памяти русинов (предков русских, белорусов и украинцев), сражавшихся в составе войска Великого княжества Литовского против ордена в битве при Рудау (совр. пос. Мельниково) в 1370 г. Представители регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выступили с инициативой установить памятный знак в соответствии с федеральным законом «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», однако встретили отказ со стороны Службы государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области¹. Аргументация сторонников увековечения памяти была простой: русины составляли бо́льшую часть войска ВКЛ, их погибло более пяти тысяч человек, и это единственное сражение русских против тевтонцев на территории нынешней российской области.

Во время обсуждения этой оппозиции в соцсетях один из местных краеведов и реконструкторов, член Общественной палаты А.А. Адылов, высказал противоположный взгляд. Российская Федерация не является правопреемницей ВКЛ, а литовское войско было не «защитником [нашего] Отечества», а скорее наоборот: Тевтонский орден обеспечивал «второй фронт», оттягивая силы ВКЛ на запад и тем самым объективно помогая Москве выстоять против литовской агрессии в 1368–1372 гг.: «...победить на двух

---

¹ Спор получил небольшой резонанс, но все же вышел на федеральный уровень. См.: Увековечить в Калининграде героев битвы при Рудау – «наш исторический долг» // REGNUM. – 2018. – 22.05. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2419082.html>

фронтах сил у Ольгерда тогда не хватило, и вассалом Литвы, с последующей полонизацией и окатоличиванием, Северо-Восточная Русь не стала»¹. В свете такого подхода битва при Рудау приобретает совсем иное значение. Как сказано на информационном стенде, установленном А.А. Адыловым в пос. Мельниково на месте битвы в рамках проекта «Дороги русского солдата» БФУ им. И. Канта, «события 1368–1372 гг. стали первым опытом осознания общности интересов перед лицом общего врага, которое через полтора столетия привело к оформлению военно-политического союза Московского государства и Тевтонского ордена при великом князе Василии III и верховном магистре Альбрехте Гогенцоллерне»².

Калининградская область, таким образом, оказывается регионам-палимпсестом, где каждому новому уровню памяти о прошлом свойственна антиномичность. Вопрос о том, чью память следует увековечивать калининградцам в XXI в. – рыцарей Тевтонского ордена или воинов Великого княжества Литовского, – не актуальна ни для какого другого российского региона.

В политике памяти важным инструментом мог бы стать образовательный курс по истории края. В Калининградской области его разработка началась в 2006 г., когда задачи по внедрению краеведения в школьные программы ставились перед всей страной. С самого начала было понятно, что эта задача в Калининграде приобретет необычную форму. Вопросы вызывало даже название территории – историю чего предлагалось изучать школьникам, если сначала (в период, охватываемый письменными источниками) это были прусские земли, потом орденское государство, немецкое курфюршество, провинция королевства, а затем рейха и только с 1945 г. – российский регион? Какое наименование могло бы стать общим для Янтарного края на всех этапах его истории?

Авторы учебного комплекса (включавшего учебные пособия для 6–11-го классов, атласы и методические материалы для учителей), преимущественно преподаватели университета, нашли название, которое сразу многими было встречено в штыки: «История Западной России»³. Это решение вызывало сомнения, ведь в оте-

---

¹ Альберт Адылов. – URL: https://vk.com/id15814981?w=wall15814981_15036; См. также: Альберт Адылов. – URL: https://vk.com/wall15814981_15808

² Установлен в годовщину сражения 17 февраля 2019 г.

³ Кретинин Г.В. История западной России. 6–7 классы : учебник. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. (Там же были изданы учебники для 8–9-х и 10–11-х классов; в авторские коллективы входили А.П. Клемешев, Ю.В. Костяшов, Г.В. Кретинин, Г.М. Федоров).

чественной истории название «Западная Россия» применялось к западным губерниям Российской империи, а под шапкой «Истории Западной России» первые пять лет обсуждалась история немецкой земли, в которую периодически вкраплялись сюжеты из прошлого русско-немецких отношений. Авторы постарались выдержать эту установку последовательно – представить основные факты по истории этой территории, сосредоточиваясь прежде всего на самых значимых событиях в этих отношениях – от первых дипломатических связей к Великому посольству Петра I, от Семилетней войны и Наполеоновских войн к двум мировым конфликтам. Последние два класса изучали уже советскую и постсоветскую историю Калининградской области. В оценках авторы постарались быть предельно корректными, чтобы немецкая история региона не противопоставлялась российской, а выступала как бы предысторией появления здесь советских переселенцев. В свете такой трактовки тотальная смена населения не влекла столь же радикальных изменений в культуре и повседневной жизни: калининградцы осваивались на новой земле, постепенно свыкаясь с природным и историческим наследием. Слишком острые темы не затрагивались, общий подход носил откровенно примирительный характер.

Стоит ли говорить, что такая концепция при всей ее умеренности не могла избежать критики. Парадоксальным образом авторы учебного комплекса подверглись нападкам с двух флангов. «Патриотическую общественность» возмутило распределение часов между изучением немецкой и российской истории края; авторов курса обвиняли в «прогерманской ориентации» и т.д.¹ С другой стороны, учебники настороженно встретили в соседней Литве: рецензенты отмечали, что учебный курс сочетает худшие российские традиции, пропагандируя одновременно самодержавный и просоветский взгляд на историю этой земли и ее соседей².

---

¹ Радиопередача 2007 г.: Такая вот история // Русская линия. – URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=111901> ; Ответ критикам в газете с публикацией мнений педагогов: *Ильина Я.* Плевки в прошлое // Дворник. – URL: <http://www.dvornik.ru/issue/579/11211/>

Авторы учебников редко публично комментировали свою концепцию, но иногда делали это по отдельным сюжетам. См.: *Кретинин Г.В.* Образ войны в исторической памяти калининградцев // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации : матер. междунар. конф. – Москва : ИСИ, 2010. – С. 412–421.

² *Jovaiša E., Vaškevičiūtė I.* Vakarų Rusijos istorijai atsiradus // Istorija. – 2008. – Т. 69. – Р. 3–7. Критичная, но более благожелательная рецензия: *Antanaitis K.* In-

Несмотря на дискуссии, учебники, разработанные преподавателями государственного университета, стали основой курса, который в течение нескольких лет оставался важным компонентом образовательной программы в школах Калининградской области. Во многом этому способствовала позиция регионального министерства образования, которое поддержало авторов учебника и саму идею полного охвата прошлого этого края.

К концу 2010-х годов в связи с внедрением новых образовательных стандартов ситуация стала меняться – курс «История Западной России» стал исчезать из расписаний, учебники чаще использовались как литература в краеведческих кружках или при подготовке творческих и исследовательских работ на конкурсы. Тем не менее критики не могли остановиться – вплоть до недавнего времени продолжали выходить материалы оппонентов, бичующих авторов давно уже не преподаваемого курса с помощью столь же устаревшей аргументации¹.

Среди многочисленных сюжетов из немецкого прошлого, которые периодически оказываются в фокусе общественного внимания, – персона Иммануила Канта, своеобразного патрона города. В новейший период расцвета российско-германских отношений Кант неоднократно удостоивался высоких оценок на уровне руководителей страны. Пиком этой рекламы философа стало переименование местного университета в 2005 г., когда решением главы государства вуз стал называться Российским государственным университетом им. И. Канта. При обсуждении этой инициативы звучали такие аргументы: «Кант был не только немецким просветителем, который жил и трудился на нашей земле. Его имя должно выражать идею преемственности мировой культуры, да и Калининград часто ассоциируется с этим философом»². В 2010 г. университет был переименован вновь – в Балтийский федеральный, но имя Канта сохранил.

Кантовская тема неоднократно поднималась на федеральном уровне и в других случаях – например, в 2014 г. было принято решение профинансировать из федерального бюджета сохранение и

---

venting new history for new people: creating the history of the Kaliningrad district after 1992 // *Darbai ir dienos/Deeds and Days*. – 2013. – № 60. – P. 281–304.

¹ Шульгин В.Н. Прогерманская тенденциозность школьного курса краеведения «История Западной России» // *Вопросы национализма*. – 2021. – № 1. – С. 210–221.

² Имя Канта присвоят к юбилею? // *Комсомольская правда*. – 2004. – 29.12. – URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/23433/264599/>

восстановление так называемого «домика Канта» в пос. Веселовка Черняховского городского округа. Хотя это не аутентичное строение (в регионе вообще не сохранилось ни одного здания, в котором жил Кант), а перестроенный дом пастора Андерша, его фундамент и подвалы, вероятно, остались как свидетели недолгого пребывания молодого Канта, который после окончания университета здесь работал домашним учителем. В конечном счете дом был восстановлен, в нем действует филиал музея Кафедрального собора (обновленная в рамках российско-литовского проекта экспозиция открылась в 2022 г.).

В свете такого внимания можно было бы считать Канта абсолютно легитимным представителем мемориального ландшафта в регионе – нет сомнения, что увековечение его памяти – один из основных векторов именно государственной политики памяти. И все же Кант оказался одной из фигур, раскалывающих общественное мнение хотя бы иногда. Уже в 2005 г. звучали голоса оппонентов, отрицавших правомерность переименования в честь иностранного деятеля науки. Обычный контраргумент, который использовался тогда, состоял в том, что Кант во время Семилетней войны вместе с другими жителями провинции присягнул императрице Елизавете и, таким образом, на некоторое время оказался русским подданным¹. Популярность в официальных публикациях приобрело знаменитое письмо Канта Елизавете с просьбой удостоить его звания профессора (осталось без ответа)². Периодически представители «патриотических кругов» публиковали в СМИ материалы, опровергавшие убежденность руководителей государства в значении Канта для истории философии. Подчеркивалось критическое отношение к Канту ряда ярких представителей русской религиозной философии (от В.Ф. Эрна до А.Ф. Loseва).

Маятник, похоже, качнулся в другую сторону, и этот тренд проявил себя во время странной кампании по экстремному переименованию аэропортов в разных городах страны в рамках общенационального конкурса «Великие имена России» осенью 2018 г.

---

¹ В КГУ проголосовали за переименование университета // Новый Калининград. – 2005. – 15.03. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/39037-.html>

² Гулыга А.В. Кант. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – С. 42–43. См. также об этом замечательную статью: Круглов А.Н. «Вашего Импер. Величества всеподданнейший раб Иммануил Кант»: о некоторых трудностях перевода письма Канта к царице Елизавете Петровне // Transfer – Kultur – Akteur. К 60-летию профессора Дирка Кемпера. – Москва : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 197–199.

Среди организаторов конкурса были Общественная палата РФ, РВИО, Российское историческое общество и другие организации федерального уровня. После нескольких туров отбора в списке кандидатов для калининградского аэропорта Храброво оказались императрица Елизавета Петровна и советские военачальники И.Д. Черняховский и А.М. Василевский. Этот состав был довольно неожиданным – с одной стороны, два командующих Третьим Белорусским фронтом были вынуждены конкурировать друг с другом, с другой – славное дореволюционное прошлое сталкивалось с советским, овеванным героизмом, прошлым. Еще более странным список кандидатов стал после того, как по рекомендации из федеральной Общественной палаты его дополнили именем Канта. Аргумент при этом использовался тот же самый: Кант – наш соотечественник, потому что присягал Елизавете.

Голосование растянулось на несколько недель, и Кант неожиданно вырвался в лидеры. Он возглавлял рейтинг до 22 ноября, лишь на следующий год императрице удалось догнать, а затем и обогнать его. Накал страстей обернулся несколькими актами вандализма, о которых написали многие федеральные и зарубежные информагентства. В ночь на 27 ноября 2018 г. злоумышленники облили розовой краской три мемориальных объекта – памятник Канту перед корпусом университета, доску на доме на месте родного дома философа и его могилу у стены Кафедрального собора. Вокруг памятника были разбросаны листовки с призывом отказаться от имени мыслителя в названии вуза¹. Провокацию осудили городские власти, сюжет об этом инциденте вышел даже в эфир центральных телеканалов (в частности, вандалы были высмеяны в передаче «Вечерний Ургант» уже 27 ноября). Комментарий дало руководство Института философии РАН – в нем было подчеркнуто возмущение столичных философов, которые напомнили, что Кант был избран почетным членом Академии наук в Санкт-Петербурге, а также, что «Кант, великий немецкий мыслитель, короткое время волей истории был русским подданным, преподавал русским студентам, одним из которых был герой войны 1812 года генерал Милорадович»².

---

¹ В Калининграде неизвестные облили краской памятник Иммануилу Канту // ТАСС. – 2018. – 27.11. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/5839299>

² Цит. по: В РАН прокомментировали инцидент с облитыми краской памятником и могилой Канта // Клопс. – 2018. – 28.11. – URL: <https://klops.ru/news/2018->

Нет сомнения, что акт вандализма был призван повлиять на результаты голосования за название аэропорта. Тем не менее Кант, который незначительно отставал к тому моменту от Елизаветы, только за 27–28 ноября 2018 г. набрал 2084 голоса, тогда как его венценосная конкурентка – 1727¹. В дело вмешался даже начальник штаба Балтийского флота вице-адмирал И.Т. Мухаметшин, который выступил перед подчиненными с речью о «небезызвестном каком-то там Иммануиле Канте».

«...Все говорят “Кант, Кант”... Это человек, который предал свою родину, который унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру, понимаете, в университете, чтобы он там преподавал. Писал какие-то непонятные книги, которые никто из здесь стоящих не читал никогда и читать не будет. А мы как люди военные... должны помнить, благодаря кому мы находимся вообще сейчас здесь, благодаря кому существует Балтийский флот. В Балтийске, в Калининграде наши суда и корабли стоят. Кто штурмовал вот этот город Балтийск под названием Пиллау и жизни свои здесь положил... Я призываю... все должны проголосовать за маршала Советского Союза Василевского, благодаря таланту которого воинскому, умелому руководству... мы здесь находимся, мы живем, мы существуем... мы, наши родные и близкие. Поэтому я прошу принять это как не только личную просьбу, а как обращение Военного совета флота и руководства. Негоже, понимаете, аэропорту области и города, где лилась кровь советских солдат и офицеров, носить имя чужестранца...»²

Нет сомнений, что Кант никогда еще не удостоивался такого внимания – даже во времена пребывания русской армии в Кёнигсберге. Несмотря на все эти страсти, Василевскому удалось обогнать Канта едва ли не в последний день голосования – 30 ноября.

11-28/184846-v-ran-prokommentirovali-intsident-s-oblitymi-kraskoy-pamyatnikom-i-mogiloy-kanta

¹ Кант сократил разрыв в голосовании после акций вандализма в его памятных местах в Калининграде // БезФормата. – 2018. – 28.11. – URL: <https://kaliningrad.bezformata.com/listnews/kant-sokratil-razriv-v-golosovanii/71250842/>

² Запись, сделанную анонимом на плацу, быстро перепостили разные ресурсы – от влогов до YouTube-каналов СМИ. В частности, запись доступна на канале портала «Новый Калининград» от 3 декабря 2018 г.: «Писал какие-то непонятные книги»: вице-адмирал Балтфлота рассказал морякам о Канте. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O8oiFAefytU> Точная дата выступления непонятна, но, видимо, это был ноябрь. Материал насчитывает свыше 195 тыс. просмотров на август 2022 г.

В результате Василевский оказался на втором месте (45 459 голосов, или 29%), Кант – на третьем (39 828 голосов, или 25%), Черняховский замыкал список (17 204 голоса, или 11%). Аэропорт был назван в честь Елизаветы Петровны, набравшей 33% (52 222 голоса)¹. Какие бы патриотические соображения ни двигали теми, кто добился включения Канта в список для голосования, тот факт, что он оказался значительно популярнее, чем погибший в феврале 1945 г. в Восточной Пруссии И.Д. Черняховский, не может не произвести весьма странного впечатления.

Не следует думать, что страсти возбуждают только сюжеты из немецкого прошлого. Советская история края, в свою очередь, становится полем общественных дебатов. До перестройки ее непредвзятое изучение было практически невозможным (как и исследование довоенной истории края). Архивы стали открываться, по сути, в 1990-е годы, и лишь в последние три десятилетия историкам удалось прояснить некоторые аспекты прошлого на высоком научном уровне.

Одно из самых популярных изданий в местной историографии – это сборник интервью первых переселенцев. Судьба этого издания была сложной. Интервью были собраны активистами регионального отделения Советской ассоциации молодых историков под руководством Ю.В. Костяшова еще в 1988–1991 гг. по заказу Областного историко-художественного музея. Книгу долго готовили к печати – наконец, в 1996 г. она, пройдя в государственном издательстве серьезное редактирование на грани с цензурой, была набрана, однако набор рассыпали после ряда негативных отзывов местных высокопоставленных чиновников. После этого потребовалось еще несколько лет, чтобы она вышла сначала в Германии, потом в Польше и лишь затем в России – в 2002 г. в Санкт-Петербурге².

В 2000-х – начале 2020-х годов многие школы, общественные организации, музеи и библиотеки продолжали работу по сбору интервью. Оказалось, что это одна из самых популярных форм

---

¹ Итоги голосования за имя для аэропорта Храброво (графика) // Русский запад. – 2018. – 04.12. – URL: <https://ruwest.ru/news/88951/>

² Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю.В. Костяшова. – Санкт-Петербург : Бельведер, 2002. Второе издание, с восстановленным полным текстом, увидело свет в издательстве Калининградского госуниверситета – Калининград, 2003. Третье издание появилось в 2018 г. в частном издательстве «Калининградская книга».

работы, отвечающая и трендам публичной истории, и запросам как властей, так и широких кругов общественности. То, что вызывало возмущение оппонентов в 1990-х, касалось описания тягот первых лет жизни в новом советском регионе, зигзагов государственной политики и противоречивости отношений с немцами. Обычно историков упрекали в том, что они тенденциозно отбирают материал или вовсе его искажают в интересах зарубежных кураторов. Вздорность этих обвинений очевидна, если непредвзято взглянуть на описание повседневной жизни советских людей, которое предлагается в этом сборнике. Оно противоречиво, потому что отражает противоречивое время. Но главное, что тексты представляют собой свидетельства людей, которые уже умерли. Книга стала своеобразным памятником их жизни, их трудовому подвигу.

В завершение краткого обзора разных коммеморативных стратегий я хотел бы дополнить общую картину еще несколькими случаями, которые оказывались в фокусе дебатов, высветивших несовместимость этих стратегий¹. Как показывает анализ, мемориальные конфликты, как правило, разворачиваются по поводу двух категорий персоналий – немецких деятелей нацистского периода либо представителей национальных меньшинств.

В первом случае конфликт неизбежен, потому что пока не найден внятный язык, на котором можно было бы описывать жизненный опыт персон, оказавшихся дискредитированными если не соучастием в нацистских преступлениях, то по крайней мере самим фактом своей спокойной жизни в годы Третьего рейха. Ясно, что в публичном пространстве нет людей, которые открыто одобряли бы деятельность преступников. Осуждение нацистских преступлений – общее место для приверженцев разных идеологий, и публичное пространство свободно от нарративов, которые бы ставили под сомнение решения Нюрнбергского трибунала, не только по причине риска уголовного преследования. Однако среди деятелей культуры нацистского периода были весьма заметные персонажи, избежавшие преследования после войны. Отношение к ним

---

¹ За рамками рассмотрения останутся мемориальные конфликты вокруг войн на территории Восточной Пруссии – не только потому, что они заслуживают отдельного рассмотрения, но и по той причине, что, как ни удивительно, в публичном пространстве острота дискуссий по поводу войн не так заметна. Это касается не только Второй мировой войны, свобода высказываний по поводу которой несколько ограничена законодательно, но и Семилетней, Наполеоновских, Первой мировой войн.

более противоречиво, хотя в последние годы в этом пространстве государство проявляет себя все активнее.

Немецкая поэтесса Агнес Мигель (1879–1964), уроженка Кёнигсберга, имела репутацию «народной поэтессы». Она занимала однозначную позицию при нацистах – в 1933 г. наряду с другими деятелями культуры подписала «Клятву верности» фюреру, в 1939 г. вступила в НСДАП. В феврале 1945 г. она бежала из Восточной Пруссии и поселилась в Западной Германии, где в своем творчестве продолжала воспевать родную провинцию. В годы перестройки, когда были сняты запреты на изучение и популяризацию творчества кёнигсбергских поэтов и писателей, Агнес Мигель оказалась среди первых возвращенных имен. Местные литераторы начали переводить ее стихи, посвященные родной земле, на русский язык. В 1992 г. на доме Мигель (ныне ул. Сержанта Колоскова в Калининграде) была установлена мемориальная доска (еще одна доска украсила фасад детского дома в Правдинске – бывшей школы им. Агнес Мигель)¹. На ней под барельефом поэтессы была размещена строчка из ее стихов: “...und dass du Königsberg nicht sterblich bist” («и ты, Кёнигсберг, бессмертен»), которая также смотрелась двусмысленно в контексте бурной истории калининградских дебатов о Кёнигсберге. Инициаторами установки были областное отделение Советского (Российского) фонда культуры и Германское общество памяти Агнес Мигель.

Долгое время доска не привлекала внимание официальных органов, но в 2013 г. в Калининграде разразился скандал вокруг увековечения памяти русского философа-эмигранта Н.С. Арсеньева (1888–1977), который был профессором Кёнигсбергского университета в 1920–1944 гг. После долгого согласования дизайна мемориальной доски на доме, где он жил в последние годы перед бегством из Восточной Пруссии, выяснилось, что в 1941–1942 гг. Арсеньев служил военным переводчиком (зондерфюрером) в частях вермахта под Ленинградом². Аргументы, которые предъявляли сторонники установки доски даже после вновь вскрывшихся фактов, сводились к очевидному парадоксу: фасад

---

¹ Мемориальная доска Агнес Мигель. – URL: <https://www.prussia39.ru/sight/index.php?sid=1520>

² Решения об установке доски на доме Арсеньева были отменены. См. об этом подробнее: Дементьев И.О. «Свой Хайдеггер»: Николай Арсеньев и мемориальная культура постсоветского Калининграда // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 357–374.

дома на улице советского сержанта А.А. Колоскова (1924–1944), погибшего под Гумбинненом, украшает доска, увековечивающая память немки, состоявшей в нацистской партии, а русский философ, оказавшийся, возможно, в плену иллюзий (была и версия о его миссии советского разведчика, но она, разумеется, не выдерживает критики), такого почета не заслужил.

В декабре 2015 г. вопросы были сняты решением комитета городского хозяйства, получившего предписание прокуратуры. Доска памяти А. Мигель была демонтирована (в Правдинске это произошло месяцем ранее). Надо констатировать, что в Западной Германии после смерти А. Мигель ее именем были названы улицы и школы, но в первом десятилетии XXI в. местные власти в большинстве случаев провели переименования. Это было связано с признанием фактов компрометирующего поведения поэтессы в период Третьего рейха. Насколько можно судить, обычно инициаторами «отмены Мигель» выступали депутаты левого толка. Таким образом, на первый взгляд, калининградский кейс оказался созвучен этому тренду. Но только на первый взгляд. Решение демонтировать доску в Калининграде было формально мотивировано не политической позицией, которая никого бы не удивила, а тем, что доска не стоит на балансе муниципалитета, а устанавливавшее ее отделение Фонда культуры в 1996 г. потеряло статус юридического лица¹.

Немецкие деятели культуры, занимавшие откровенно антинацистскую позицию в годы Третьего рейха, также в ряде случаев увековечены на территории Калининградской области, но по поводу тех, кто не запятнал себя сотрудничеством с нацистами, дискуссий обычно не возникает². Впрочем, установлены были эти знаки в 1990–2000-е годы, в последнее десятилетие таких примеров нет.

Вторая категория персонажей, вызывающих дискуссии, – представители национальных культур. В советское время их имена были легализованы в публичном мемориальном ландшафте, особенно в тех случаях, когда они подкрепляли антинемецкие

---

¹ В Калининградской области демонтировали две мемориальные доски немецкой поэтессе, поддерживавшей Гитлера // Клопс. – 2015. – 24.12. – URL: <https://klops.ru/news/obschestvo/123190-v-kaliningradskoy-oblasti-demontirovali-dve-memorialnye-doski-nemetskoj-poetesse-podderzhivavshey-gitlera>

² Это памятные знаки, посвященные поэту Эрнсту Вихерту (Калининград, 1995), Томасу Манну (Светлогорск, 2003) и др.

установки официальной пропаганды. Скажем, вышеупомянутый литовский поэт Кристионас Донелайтис представлялся как один из литовцев, страдавших от германизации и только в силу таланта преодолевших давление среды. Донелайтис становился своеобразным символом братства народов Советского Союза и их противостояния агрессору. В 1990-е годы, когда Литва вновь стала независимым государством, память о деятелях литовской культуры приобрела противоречивый характер. Судьба мемориальной доски Видунасу в этом смысле особенно характерна.

Литовский философ и писатель Видунас (1868–1953) долгое время жил в Тильзите, подвергался репрессиям при нацистах, в 1944 г. эмигрировал, умер в ФРГ. В 1989 г. на доме, где жил философ, была установлена мемориальная доска с его барельефом. Долгое время она не вызывала особых споров, но неожиданно 27 июня 2022 г. была демонтирована решением местной администрации. Власти сослались на отсутствие законного решения об установке доски. Глава администрации выложил видеозапись демонстража на своей странице в соцсети, инцидент вызвал резонанс. Областные власти были вынуждены реагировать. Министр культуры и туризма А.В. Ермак сказал средствам массовой информации, что решение было принято окружным Советом депутатов, и демонтаж досок входит в муниципальные полномочия, хотя сам он хотел бы «понять логику»¹.

Не было сомнений, что решение снять доску (речь также шла о намерении установить доску Денису Давыдову) было связано с изменившимися внешними обстоятельствами – радикальным обострением отношений России и Евросоюза и, в частности, Литовской Республики. Думать, что это событие стало частью более общей кампании, заставляет и то, что вскоре (в июле 2022 г.) неподалеку от Советска произошел еще один инцидент – мемориальную доску, установленную в 1998 г. в честь литовского первопечатника Мартинаса Мажвидаса (1520–1563) на стене бывшей кирхи в городе Немане (бывшем Рагните, где типограф жил и умер), завесили покрывалом неизвестные лица². После резонанса в

---

¹ Ермак: решение о снятии памятной доски Видунасу в Советске приняли муниципальные депутаты // Новый Калининград. – 2022. – 29.06. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24000471-ermak-reshenie-о-snyatii-pamyatnoy-doski-vidunasu-v-sovetske-prinyali-munitsipalnye-deputaty.html>

² Будников П. В Немане неизвестные завесили памятную табличку литовскому первопечатнику Мажвидасу // Клопс. – 2022. – 14.07. – URL: <https://klops.ru/>

соцсетях и СМИ покрывало убрали, доску не демонтировали, местные власти случившееся не комментировали.

Упомянутые инциденты характерны для постсоветской политики памяти: объектами нападок частных лиц или групп становятся деятели чужих культур; областные власти дистанцируются от резонансных решений; в качестве оснований «демонстрализации» выбираются формально-правовые предлоги. После «казуса Видунаса» в интернет-обсуждениях зазвучала тревога по поводу других деятелей – литовцев К. Донелайтиса и Л. Резы, поляков Ф. Шопена и А. Мицкевича (памятник открыт в 2015 г. в Зеленоградске), однако нет повода считать, что решения о демонтаже памятников отвечают региональной культурной политике. Областные власти обычно артикулируют уважение к деятелям мировой культуры, увековеченным на территории области, и в этом они продолжают традиции советской власти. Руководители обкома КПСС в советском Калининграде в центральной прессе давали отповедь западногерманским реваншистам, упрекавшим новые власти бывшего Кёнигсберга в пренебрежении нуждами культуры и особенно в забвении памяти о немецких предшественниках. Напротив, писал первый секретарь обкома Н.С. Коновалов в «Литературной газете», «мы глубоко чтим истинно великих представителей немецкой нации. Лучшие улицы наших городов названы именами выдающихся сынов немецкого народа: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Эрнста Тельмана, Карла Либкнехта, Фридриха Шиллера, Рихарда Вагнера и других»¹. Любопытно, что в этот ряд попал любимый композитор фюрера; рационального объяснения тому, почему имя Вагнера не исчезло с карты Калининграда после войны (как это случилось с именами Баха, Бетховена или Моцарта), пока нет.

Характерно, что подавляющее большинство случаев, когда в общественной дискуссии возбуждаются страсти по поводу представителей той или иной национальной культуры, относятся к деятелям далекого прошлого. Герои коммемораций советского периода почти не вызывают бурных дебатов. Впрочем, и в этом правиле не обошлось без исключений.

В 2018 г. в Калининграде была торжественно открыта синагога, построенная на месте, где располагалась Новая синагога

---

news/2022-07-14/255096-v-nemane-neizvestnye-zavesili-pamyatnuyu-tablichku-litovskomu-pervopechatniku-mazhvidasu

¹ Коновалов Н.С. Молодой край Советской России // Литературная газета. – 1967. – №19. – С. 13.

Кёнигсберга, сожженная нацистами в Хрустальную ночь в ноябре 1938 г. Наряду с представителями российских властей в церемонии участвовали дипломаты из Германии, Израиля, Литвы и Польши. В молельном зале организаторы решили повесить портреты видных евреев, которые участвовали в Восточно-Прусской операции, а потом внесли вклад в послевоенное становление Калининграда, — врачей, строителей, журналистов¹. Один из портретов в этой галерее вызвал оживленное обсуждение в соцсетях — Меер Вейсман (1898–1971), один из организаторов строительства в Калининграде, ветеран Великой Отечественной войны. Первый из пяти орденов — Красного Знамени — Вейсман получил за участие в подавлении Антоновского восстания в Тамбовской губернии. Некоторым пользователям соцсетей показалось, что увековечение памяти человека, расправлявшегося с русскими крестьянами на Тамбовщине, — кощунство. Мнения за и против широко распространились по сети, попали и в федеральные СМИ². В оценках разошлись даже представители Федерации еврейских общин России.

Несколько ранее еще один сюжет из истории восточнопрусского еврейства приобрел оттенок еще большей скандальности. В 2016 г. общественная организация «Русская община Калининградской области» обратилась в прокуратуру с требованием признать экстремистским материалом русский перевод книги немецкого музыканта Михаэля Вика (1928–2021) «Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея»³. Вик был евреем по матери, в силу этого обстоятельства ему удалось уцелеть в восточнопрусской среде при нацистах. Среди статей Уголовного кодекса, которые, как полагали заявители, были нарушены мемуаристом, фигурировала ст. 354.1 ч. 1 «Реабилитация нацизма»⁴. Обвинение в уголов-

---

¹ *Шатицко В.* «Бессмертный миньян» в калининградской синагоге // STMEGI. — 2022. — 09.05. — URL: <https://stmegi.com/posts/98278/bessmertnyy-minyan-v-kaliningradskoy-sinagoge/>

² *Инсарова А.* Вокруг синагоги в Калининграде произошел скандал из-за участника подавления Антоновского мятежа // Взгляд. — 2018. — 09.11. — URL: <https://vz.ru/news/2018/11/9/949886.html>

³ Оригинальное издание 1989 г.; издания на русском языке: *Вик М.* Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. — Санкт-Петербург : Гиперион, 2004. (Второе издание вышло в Калининграде в частном издательстве «Пикторика» в 2015 г.)

⁴ Русская община Калининграда просит признать экстремистской книгу «Закат Кёнигсберга» // НьюсБалт. — 2016. — 04.10. — URL: <https://newsbalt.ru/news/2016/10/04/extremist-book-sunset-konigsberg/>

ном преступлении сопровождалось несколькими цитатами из книги. В них пребывание Красной армии в городе с 1945 г. описывалось в таких выражениях, как «русская оккупация»; кроме того, Вик неоднократно упоминал случаи насилия по отношению к местным жителям (иногда пересказывая слухи, иногда свидетельствуя лично). Под пером мемуариста проявлялась трагическая картина — немногочисленные оставшиеся в живых при нацистах евреи ждали Красную армию как освободительницу, но реальность оказалась неоднозначной.

Попытка обвинить еврея в реабилитации нацизма была, по всей видимости, пробным шаром. Прокуратура не дала делу хода, и книга Вика осталась на полках библиотек. Нельзя сказать, чтобы в прессе был большой резонанс, но некоторые сочувственные в отношении музыканта публикации все же появились¹. Разумеется, Вик прекрасно отдавал себе отчет в разнице между немцами и русскими, так что заподозрить его в желании реабилитировать нацизм было бы совершенным абсурдом. В книге он пишет так о наших соотечественниках: «Следовало бы, однако, почаще вспоминать о том, что их объявили недочеловеками, что на них вероломно напали и что их страну разорили. Каждый русский нес в своем сердце боль за миллионы павших в бою, умерших от голода, за убитых родственников или знакомых»². Этих слов, возможно, и хватило прокуратуре, чтобы отказать в обращении.

Заключение

Калининградская область — типичный российский регион, тенденции политического, экономического, социального развития которого во многом совпадают с общенациональными. Не исключение и политика памяти: приоритеты федерального центра реализуются в области прежде всего благодаря региональным властям и ориентирующимся на них (во многом в силу ресурсной зависимости) институциям в сфере культуры и образования, некоммерческого сектора. В последние полтора десятилетия региональная ситуация в этом смысле приобрела очевидную типичность.

Казалось бы, факторы, которые влияют на повестку, могут быть направлены в разные стороны. Вектор политики, идущий из

---

¹ Щеголев А. «Смерть Кёнигсберга» // Дворник. — URL: <http://www.dvornik.ru/issue/1056/31309/>

² Вик М. Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. — С. 228.

федерального центра, должен быть нацелен на укрепление общероссийской идентичности, а значит смягчение межнациональных противоречий, усиление патриотического воспитания в рамках повышенного внимания к военной истории, содействие органичному освоению территории через коммеморацию выдающихся соотечественников. Отчасти так и происходит – если проследить за движением средств из федерального бюджета по линии как государственных, так и негосударственных получателей, а также проанализировать риторику официальных лиц в регионе, можно увидеть последовательное наращивание усилий в этой сфере.

В то же время вектор политики, обусловленный капиталистической логикой повышения инвестиционной привлекательности территории, ориентирован на приоритетное развитие туризма, что предполагает особое внимание как к природному, так и к историческому наследию. В последнем случае это означает стимулирование интереса к следам чужих культур, в первую очередь немецкой (но также еврейской, литовской, нидерландской, польской, французской и др.). И какая бы риторика ни сопровождала публичные выступления официальных лиц, этот вектор находит значительную поддержку и во властных кругах, и в обществе. Средства регионального и муниципальных бюджетов выделяются на реализацию инициатив, в конечном счете создающих условия для развития туристской инфраструктуры, повышения разнообразия предложений на этом рынке, в том числе за счет создания новых или ревитализации старых объектов. После матчей чемпионата мира по футболу (2018) и особенно в период пандемии Калининградская область пережила туристический бум, который не завершился даже в условиях нарастания международной напряженности и экономических трудностей. Этот бум во многом предопределен объективными обстоятельствами, но по крайней мере отчасти – усилиями региональных игроков по созданию привлекательного образа самого европейского российского региона.

Нет сомнений, что наличие двух векторов обуславливает возможность разных интерпретаций политики памяти. В обществе находятся те, кто предпочитает один вектор другому и готов инспирировать конфликты на противопоставлении разных стратегий. Чаше это относится, конечно, к «патриотической общественности», которая по традиции ведет себя агрессивнее. Однако интернет-дискуссии показывают, что в условиях относительной свободы высказываний все стороны склонны проявлять нетерпимость к чужим мнениям.

Долгое время власти дистанцировались от мемориальных конфликтов и занимали достаточно взвешенную позицию. В последние годы в контексте роста международной напряженности тема прошлого стала лакмусовой бумажкой для зрелости руководителей региона. И, надо признать, на сегодня при всех «экссцессах исполнителей» эта стратегия сохраняется. Какими бы риторическими конструкциями ни сопровождались действия чиновников и какие бы объективные провалы ни наблюдались в той или иной сфере, власти в большей части случаев работают на поддержку туристской отрасли, исполнение государственных обязательств по охране наследия и по обеспечению возможностей для удовлетворения культурных запросов национальных меньшинств. Во всех этих случаях приходится иметь дело с тематикой сложного и противоречивого прошлого, поэтому политика памяти постоянно остается в фокусе внимания властей и общества.

Калининградская область – типичный российский регион, но с уникальной проблематикой коллективной памяти. Здесь сохраняют актуальность вопросы средневековой истории, здесь понятие «земляк» и уже и шире понятия «соотечественник», здесь постоянно проходит проверку на прочность готовность разных субъектов к конструктивному восприятию чужого опыта и чужих ценностей. Строго говоря, частный случай политики памяти и коммеморативных практик в регионе доказывает, что между задачами укрепления общероссийской идентичности и сохранения имеющего туристский потенциал наследия других культур нет неразрешимого противоречия. И в этом, возможно, главная ценность опыта калининградцев для их соотечественников на очередном витке развития политики памяти в нашей стране.

ГЛАВА 4

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РЕГИОНАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ, РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ, ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ)

(Д.В. Ефременко)

Специфика регионов

Каждый из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока отличается большим своеобразием с точки зрения региональной идентичности, этноконфессионального состава, особенностей исторического прошлого, физической и экономической географии. Даже в нашей выборке – Иркутская область, Бурятия, Хабаровский край – различия лежат на поверхности. В то же время рассмотрение проблематики политики памяти в этих субъектах федерации позволяет сделать ряд значимых выводов в отношении общих особенностей и динамики мнемонических взаимодействий в азиатской части России, которые, в свою очередь, в дальнейшем должны получить развитие в рамках исследования, охватывающего весь макрорегион.

Одной из значимых общих особенностей является то, что в разные эпохи каждый из этих регионов был, а отчасти и остается пограничным. При этом речь идет не только о линии прохождения государственной границы (хотя этот фактор тоже важен), но – в более широком смысле – о феномене блуждающего социокультурного фронта. Известный географ В.Л. Каганский следующим образом описывает этот феномен:

«Доминантой развития культурного ландшафта России многие века был прирост территории, постоянное раздвижение внешних рубежей. В иные времена каждое новое поколение жило в территориально иной стране: новая столица, новая резиденция или новая граница, только что присоединили (чаще) или потеряли (реже) крупный край. Почти все территории побывали приграничными в том или ином смысле – как покоряемая заграница или возвращаемая родина, как осваиваемая «пустая» земля, как удерживаемые внутренние рубежи, как обустраиваемая или охраняемая государственная граница. Можно сказать, границы прокатились по всему пространству России. Вследствие такой подвижности в физическом и статусном пространстве России они играли формирующую роль в устройстве культурного ландшафта, породили особые зоны с особым образом жизни. И смена систем административных ячеек, и их застойность, когда все стягивалось к центру, превратила почти все пространство во внутреннее приграничье»¹.

Эти характеристики в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке выглядят наиболее рельефно, они в меньшей степени «сглаживаются» действием других социокультурных факторов. Вместе с тем и здесь очень важна позиция конкретного актора: одно дело – восприятие этих реалий представителями автохтонных этнических групп, другое – «пришлым» из европейской части России большинством населения.

Иркутск как административный центр видится в этой оптике в качестве ключевого опорного пункта освоения Восточной Сибири, города с давней по региональным меркам историей, «вписанностью» и в общероссийский, и в сибирский контексты. Опираясь на материалы интервью с экспертами и значительный массив историко-краеведческой литературы, можно говорить об устоявшемся восприятии своеобразной «великодержавности» Иркутска, особенно если принимать во внимание обширный ареал его «историко-политического следа», распространявшегося вплоть до Аляски и Калифорнии. Соответственно, идентичность, связанная прежде всего с этим городом, проецируется и на подотчетные ему территории, несмотря на то, что с момента основания Иркутска их состав и размер неоднократно менялся. Строго говоря, на фоне многочисленных административно-территориальных изменений именно Иркутск выступает основной константой. При этом в области есть

---

¹ Каганский В.Л. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта. – Москва : Стрелка пресс, 2013. – С.9. – URL: <https://pub.wikireading.ru/22403>

крупные города помимо Иркутска – Братск, Ангарск, Усть-Илимск, история и современное значение которых служат основой для создания вполне самостоятельных нарративов. Разумеется, следует принимать во внимание и то, что в состав современной Иркутской области в 2005 г. был интегрирован Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Это событие преломляется как новый аспект многовекового взаимодействия русских и бурят, которое в Иркутской области¹ не несет в себе значимого конфликтного потенциала (скорее, большее внимание уделяется проявлениям общности и различий между бурятами Усть-Орды и бурятами Забайкалья).

Республика Бурятия в значительно меньшей степени ассоциируется с ключевой ролью ее административного центра, несмотря на то, что именно он является главным источником производства смыслов и нарративов, а в пределах республики пять других городов регионального значения, вместе взятых, по численности населения в пять раз уступают Улан-Удэ. Здесь очевидно большое значение статуса республики как автономного образования, конституирующего политическую субъектность бурятского этноса². Республиканская идентичность, как правило, более важна для бурят, тогда как местные русские чаще заявляют, что для них приоритетна идентичность, связанная с городом (в большинстве случаев – идентичность жителя Улан-Удэ) или макрорегионом (Сибирь, иногда – Внутренняя Азия). В случае самого республиканского центра более уместно говорить не о континууме, а о своеобразной исторической двуслойности, которую лишь подчеркивают топонимические изменения: Удинский острог, Верхнеудинск – по преимуществу важный форпост русской колонизации Восточной Сибири, Улан-Удэ – столица Бурят-Монгольской АССР, затем – Бурятии.

Такая двуслойность проявляется и в случае пары Хабаровск / Хабаровский край, хотя и без этнополитической составляющей. С одной стороны, Хабаровск исторически значим как опорный пункт продвижения России к Тихому океану и ее закрепления в Приамурье. С другой стороны, современный Хабаровск – город по преимуществу советский и постсоветский. Он является центром обширного, но произвольно ограниченного в административно-

---

¹ В отличие от дискуссий по данной проблематике в Республике Бурятия.

² Здесь и далее мы следуем определению бурят как одного из «этносов, исторически входящих в монгольскую языковую и историко-культурную общность» (Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 2004. – С. 5).

территориальном плане региона, созданного с целью военно-индустриального освоения этих пространств, обеспечения по преимуществу силового контроля над ними, а также проекции силы вовне, в Маньчжурию / Северо-Восточный Китай. В Хабаровске и Хабаровском крае более сильно ощущаются пространственно-временные разрывы: оторванность или ограниченная связь с «большой землей», слабая – в отличие от Иркутска и Иркутской области – укорененность местного населения, которое по преимуществу представляет собой второе-третье поколения переселенцев¹ и ссыльных 1930–1950-х годов, тогда как традиция, связанная с переселенцами конца XIX – начала XX в., в ходе Гражданской войны, крестьянских восстаний 1925–1927 гг. и массовой эмиграции в Китай практически оборвана. Это ощущение оторванности от основной России является важной составляющей краевой идентичности и питательной почвой протестных настроений. Следует принимать во внимание и такой аспект развития крупных городских центров макрорегиона (в максимальной степени она дает о себе знать в Хабаровске) как их рост за счет массовых переселений извне, при весьма незначительной связи с окружавшей их сельской периферией². При этом локальная идентичность, связанная в первую очередь с проживанием в крупных городах – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре – превалирует над краевой идентичностью.

Диспозиция мнемонических акторов

Как и в большинстве субъектов федерации, региональные власти являются ключевыми акторами политики памяти, имеющими качественный ресурсный перевес над другими акторами. Решение наиболее значимых вопросов (если оно не переходит на федеральный уровень) остается за чиновником, находящимся на вершине соответствующего сегмента вертикали власти – губернатор, глава республики, мэр города, глава района. Но и здесь, помимо

---

¹ Следует принимать во внимание и новейшую переселенческую волну, связанную с реализуемой с конца 1990-х годов программой переезда жителей Крайнего Севера в другие регионы страны (Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.). – Иркутск, 2013).

² Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов Востока России. На примере Хабаровска // Политика. – 2021. – № 1(100). – С. 78.

индивидуальных особенностей управленческого стиля каждого чиновника, необходимо принимать во внимание меняющийся исторический и политико-институциональный контекст. Степень влияния руководителей регионов периода «парада суверенитетов» существенно отличается от их возможностей в рамках жестко контролируемой федеральным центром вертикали власти. Соответственно, уровень самостоятельности и готовность принимать сопряженные с риском решения таких руководителей периода 1990-х годов, как В.И. Ишаев, Ю.А. Ножиков, Л.В. Потапов заметно отличается от региональных лидеров, чья карьерная траектория в решающей степени зависит от их оценок Администрацией Президента РФ. Для последней когорты основным критерием принятия решений является то, в какой степени эти решения повлияют на позиции регионального лидера внутри вертикали и – в последнее время – как они скажутся на его показателях KPI. Вместе с тем в силу достаточно высокого протестного потенциала избиратели рассматриваемых нами регионов несколько раз преподносили федеральному центру электоральные сюрпризы, их реакция на кадровые решения, принимаемые в Москве, отнюдь не всегда была дифференцированной, а серия уличных демонстраций 2020 г., вызванных арестом и отстранением с поста губернатора Хабаровского края С.И. Фургала, стала политическим потрясением, имевшим сильный резонанс далеко за пределами региона.

По вопросам политики памяти региональным лидерам приходится в большей степени учитывать федеральную повестку, воздерживаясь от достаточно резких шагов и предпочитая в ряде случаев отдать инициативу другим региональным или локальным мнемоническим акторам. Для последних такая стандартная линия поведения (на деле, от нее вполне возможны отклонения) открывает более широкое окно возможностей. В случае Бурятии, где дискуссионные проблемы исторического прошлого, как правило, рассматриваются в контексте межэтнических отношений, региональные власти обычно действуют с большой осмотрительностью, стараясь уходить от прямой вовлеченности в конфликт и – во многих случаях – затягивая решение спорного вопроса. В то же время необходимо принимать во внимание, что региональные власти, наряду с федеральными структурами, выступают в качестве грантодателей, тем самым получая возможность оказывать критическое или существенное влияние на деятельность большого количества местных НКО и реализацию многих общественных инициатив [Э-81-01].

В Бурятии и – в значительно меньшей степени – в Иркутской области важную роль в формировании политики памяти играют этнополитические организации и общественные объединения. Подъем первой волны этнической мобилизации бурят в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов происходил благодаря активности таких акторов, как национально-культурное и просветительское объединение «Гэсэр», Союз бурятской интеллигенции, Бурят-Монгольская народная партия, движение «Нэгэдэл», Всебурятская ассоциация развития культуры, Конгресс бурятского народа. Вторая волна этнической мобилизации середины 2000-х, спровоцированная инициативами по укрупнению субъектов федерации, поддерживалась частью сохранившихся со времен первой волны этнополитических организаций, а также вновь образованными – «Региональным объединением молодых ученых» (РОМУ) и правозащитным движением «Эрхэ». Как отмечают авторы коллективной монографии «Буряты: социокультурные практики переходного периода», основные требования этих акторов состояли в следующем: «...реабилитация попранных коммунистическим режимом прав бурятского народа, восстановление его национально-территориального единства, укрепление суверенитета и политического веса республики, всемерная интеграция с родственными народами и странами, прежде всего с Монголией, восстановление русско-бурятского паритета в парламенте и правительстве республики, возвращение прежнего наименования “Бурят-Монголия”, защита бурятских национальных образований»¹.

Влиятельными и нередко достаточно активными мнемоническими акторами являются представители различных конфессий, прежде всего иерархи Русской православной церкви, а в Бурятии – Пандито Хамбо-лама и другие представители буддистского духовенства. Общей особенностью их подхода является то, что они не стремятся к тотальному вмешательству в решение проблем исторической памяти по всему «дискуссионному фронту», но фокусируют свое внимание на тех проблемах, которые связаны с историей в регионе соответствующей конфессии. Они нередко высказываются и по другим вопросам, когда их мнение воспринимается как значимое, а принимаемое светскими властями решение может «сработать» на укрепление авторитета соответствующей конфес-

---

¹ Буряты: социокультурные практики переходного периода (коллективная монография) / Амоглонова Д.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К., Кукина В.В., Мисюркеева Ю.С., Содномпилова М.М. – Иркутск, 2008. – С. 82.

сии или конкретного иерарха. В некоторых случаях мнение церковных иерархов (например, позиция архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима в дискуссиях иркутской общественности по поводу установки в 2004 г. памятника А.В. Колчаку) сыграло роль своеобразного вердикта в рамках неформального арбитража, позволив преодолеть возникшую напряженность.

Следует учитывать, что буддизм в Бурятии отличают конкуренция представителей различных направлений и школ, а также неоднозначные отношения с республиканскими и федеральными властями. Наиболее сильные и институционально защищенные позиции имеет Буддистская традиционная сангха России (БТСР), возглавляемая Пандито Хамбо-ламой. БТСР придерживается консервативных подходов в рамках буддистской традиции Гелуг, при этом действуя весьма активно на поле исторической памяти, связанной с историей буддизма, Бурятии и Внутренней Азии в целом. Традиционная сангха выступает оплотом патриархальных ценностей, исторически сложившихся видов хозяйственной деятельности, сохранения диалектных особенностей бурятского языка. С этих позиций БТСР оказывает поддержку историко-просветительским проектам, включая кинодокументалистику и публикацию исторических трудов. Для БТСР и особенно XXIV Пандито Хамбо-ламы Д.Б. Аюшеева характерна подчеркнутая лояльность федеральному центру, особенностью которой, однако, является стремление обращаться к его представителям напрямую, во многих случаях обходя опосредующее звено в лице республиканского руководства. Насколько можно судить, даже озвученная в 2009 г. инициатива провозгласить тогдашнего президента России Д.А. Медведева воплощением почитаемой буддистами семиглазой богини Белой Тары¹ была проявлением творческого подхода Д.Б. Аюшеева, а не оригинальным ходом, просчитанным в администрации президента Бурятии. Стремление к прямому взаимодействию с ключевыми фигурами в Москве формировало структурные и психологические основания для конкурентных отношений между БТСР и светской властью Бурятии. Лидеры последней (даже несмотря на их двукратную смену после 1991 г.), избегая прямого противостояния с традиционной сангхой, стремятся блокировать претензии Пандито Хамбо-ламы на статус автономной духовной власти. В связи с этим определенной поддержкой с их стороны пользуются адепты

---

¹ Медведев стал Белой Тарой // Газета.RU. – 2009. – 24.08. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml

других течений буддизма, в частности, напрямую представляющих тибетскую традицию Гелуг и далай-ламу. Эти течения менее консервативны, благодаря чему они достаточно привлекательны для молодежи. Растет популярность и таких течений, как Дзогчен и Карма Кагью, вполне открытых модернистским тенденциям и акцентирующих космополитический характер буддизма. Правда, ресурсные возможности их представителей недостаточны для того, чтобы конкурировать с БТСР в качестве значимых мнемонических акторов. В основном они проявляют активность при обсуждении тибетского вопроса¹.

Свой вклад в дискуссии по проблемам исторической памяти вносят региональные отделения и лидеры общедеревенных политических сил. Следует учитывать, что в Иркутской области, а также в Бурятии сильны позиции КПРФ; в Хабаровском крае – ЛДПР. Правда, везде речь идет о комбинации факторов, связанных с уровнем протестных настроений в регионе, способностью региональных подразделений и лидеров использовать их как в электоральной борьбе, так и в аппаратных взаимодействиях с Администрацией Президента РФ и другими федеральными властными структурами. Нередко соображения тактического маневрирования оказываются более значимыми, чем идеологическая идентичность соответствующей политической силы. В результате региональные отделения и лидеры в своей деятельности сочетают трансляцию общероссийской повестки своей партии с преимущественным продвижением позиций, значимых именно для данного региона.

Деятельность таких акторов, как Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО) и Русское географическое общество (РГО) имеет свои особенности в каждом из регионов, но в целом эти структуры далеки от решающего вклада в формирование мнемонического ландшафта в Бурятии, Иркутской области и Хабаровском крае. Ни один из рассматриваемых нами регионов пока не охвачен сетью исторических парков «Россия – моя история». РВИО проявляет заметную активность в увековечивании памяти участников боев на р. Халхин-Гол. РГО, весьма активное в Хабаровском крае, делает упор на возрождение мощной традиции географических исследований приамурского региона, фокусируя внимание на наиболее значимых

---

¹ Варнавский П. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. – 2011, № 14. – С. 201.

экспедициях или фигурах исследователей, например, В.К. Арсеньева, который в рамках соответствующего нарратива выступает в качестве культурного героя, не только внесшего весомый вклад в познание физической географии, животного мира и этнографии края, но и олицетворяющего паттерн взаимодействия русских с автохтонным населением Приамурья. Впрочем, еще до разворачивания текущей активности РГО, стимулированной участием в его работе ключевых политиков федерального уровня, фигура Арсеньева была центральной для нескольких научных и культурно-просветительских программ и мероприятий в масштабе всего Дальнего Востока (в частности, ежегодных Арсеньевских и Гродековских чтений, проектов Общества изучения Амурского края, имеющего автономный статус в составе РГО)¹. В преддверии 150-летия со дня рождения Арсеньева губернатор Приморского края О.Н. Кожемяко обратился к Президенту РФ с предложением придать юбилею общероссийский масштаб, включая финансирование нового биографического фильма, создание памятника и сквера в г. Арсеньеве, а также решение проблемы газификации этого города².

В ознаменование 175-летия РГО в сентябре 2020 г. в Бурятии была открыта триумфальная арка с барельефами путешественников, внесших значительный вклад в изучение Центральной Азии. Арка возведена в г. Кяхта примерно в 1 км от границы с Монголией, подчеркивая стратегическое значение города как отправного пункта многих географических экспедиций³.

Из числа мнемонических акторов, действующих в масштабе всей России, но не пользующихся поддержкой со стороны властей, большинство наших экспертов называют историко-

---

¹ Следует отметить, что в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке в целом прослеживается тенденция отстаивания образа В.К. Арсеньева как регионального культурного героя, в рамках которой довольно негативно оцениваются усилия ряда столичных авторов-арсеньеведов, якобы пользующихся недостоверной информацией. См.: *Егорчев И.Н.* В.К. Арсеньев, известное и неизвестное // История и культура Приамурья. – Хабаровск, 2012. – Т. 11, №1. – С. 101.

² Кожемяко попросил Путина издать указ о праздновании 150-летия путешественника Арсеньева // ТАСС. – 2021. – 01.09. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12273537>

³ *Елков И.* В Бурятии открыли монумент первооткрывателям Центральной Азии // Российская газета. – 2020. – 26.09. – URL: <https://rg.ru/2020/09/26/reg-dfo/v-respublike-buriatii-otkryli-monument-pervootkryvateliam-centralnoj-azii.html>

просветительское и правозащитное объединение «Мемориал»¹. Периодом расцвета деятельности «Мемориала» считаются 1990-е годы, когда существовали наиболее благоприятные возможности реализации задач объединения с точки зрения поддержки гражданского общества, взаимодействия с федеральными, региональными и муниципальными органами власти, привлечения финансирования. После признания правозащитного центра «Мемориал» в 2013 г. решением суда иностранным агентом, условия функционирования всех структур, использующих в своем названии бренд «Мемориал», заметно ухудшились как в России в целом, так и в регионах. Достаточно остро начала проявляться проблема смены поколений активистов региональных организаций «Мемориала», поскольку участие в его деятельности уже не гарантировало благоприятную позицию в региональном сегменте гражданского общества (по контрасту с периодом 2000-х – начала 2010-х годов, когда, например, заместитель руководителя хабаровского «Мемориала» возглавляла совет при губернаторе Хабаровского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека²). Несмотря на это, историко-просветительское объединение «Мемориал» продолжало реализовывать традиционные для него проекты и поддерживало новые инициативы, в частности, «Последний адрес». Для активистов «Последнего адреса» он предоставлял свою информационную базу данных, а также юридическую поддержку. Однако в рассматриваемых в настоящей главе регионах эта активность ограничена: таблички устанавливались лишь на зданиях в Иркутске, и далеко не все начинания такого рода были доведены до конца. В декабре 2021 г. решением российских судебных органов деятельность «Мемориала»³ как юридического лица была прекращена.

Весьма влиятельной организацией в сфере политики памяти является межрегиональная Ассоциация жертв политических репрессий, подразделения которой выпустили в 1990-е – 2000-е годы

---

¹ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

² Об утверждении состава совета при губернаторе Хабаровского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Распоряжение от 13 июля 2009 года N 475-п. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/995127620>

³ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

Книги памяти в каждом из рассматриваемых регионов¹. Тематика политических репрессий советской эпохи находит отражение и в деятельности региональных акторов, многие из которых выражают интересы этнических, конфессиональных и иных групп. Эти интересы проявляются в специфических нарративах, сфокусированных на истории и современном положении соответствующей группы в региональном социуме или макрорегионе в целом. Наши эксперты отмечают активность в недавнем прошлом или настоящем групп, представляющих немцев, поляков, староверов. Семейские – ветвь старообрядчества, представители которой в Забайкалье составили особую этноконфессиональную группу, – несмотря на свою сегодняшнюю немногочисленность оказывают существенное влияние на общественную жизнь Бурятии и способствуют расширению тематического репертуара политики памяти, иницилируя проекты, значимые для старообрядцев по всей России и за ее пределами². Заметным мнемоническим актором является казачество, современные представители которого всячески стремятся подчеркнуть свою преемственную связь с утверждавшими российскую государственность в Сибири казаками-землепроходцами. В ряде случаев исходящие из среды казачества инициативы способствовали изменению характера взаимодействий между основными мнемоническими акторами.

История «до России»

Первый очевидный рубеж, демонстрирующий различия в дискурсивном пространстве политики памяти в рассматриваемых нами регионах, проходит через описание и восприятие истории этих территорий периода, предшествовавшего появлению там русских землепроходцев и установлению систематического контроля Москвы (в дальнейшем – Санкт-Петербурга). И в Иркутской области, и в Хабаровском крае внимание фокусируется на археологических памятниках доисторической эпохи и этнографически значимых артефактах, позволяющих получить более полное представление о материальной и духовной культуре автохтонного населения. Контекст политической истории практически отсутствует.

---

¹ Книги памяти жертв политических репрессий в СССР. Аннотированный указатель. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2004.

² В Бурятии прошла встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума» // БГТРК. – 2015. – 12.08. – URL: <https://bgtrk.ru/news/society/115647/>

Даже памятники XIII – начала XV в. у пос. Тыр в 100 км от устья Амура рассматриваются преимущественно в археологической оптике, как свидетельства иррегулярных попыток династий Юань и Мин распространить свое влияние на исконные территории проживания нивхов (в китайской традиции их относили к диким чжурчжэням)¹. Тот же подход проявляется и в Иркутской области, большая часть территории которой занимала положение внутренней периферии в империи Чингисхана и монгольских государствах, существовавших после ее распада. За исключением части бурятского населения (прежде всего, в Усть-Ордынском округе), этот период не вызывает сколько-нибудь значительного интереса региональных мнемонических акторов. Фактически в дискурсивном поле находится лишь история вхождения и пребывания этих земель в составе российского государства.

Совершенно иная картина наблюдается в Бурятии. Обращение к «дороссийской» истории здесь очень популярно. Центральное положение в этом нарративе занимает фигура Чингисхана, но общественный интерес связан не только с монгольской эпохой, но и с более ранним периодом присутствия хунну (сюнну) на территории современной Бурятии. Наибольшее внимание привлекает хуннское городище в Иволгинском районе, впервые описанное в 1927 г. «Гуннский фонд», возглавляемый предпринимателем О.И. Булутовым, на протяжении почти двух десятилетий ведет активную деятельность по пропаганде и исследованиям хуннских археологических памятников, продвигая экстравагантный тезис о хунну как предках современных бурят. Весьма показательно, что «Гуннский фонд» получает поддержку на разных уровнях исполнительной власти, а также пользуется вниманием региональных медиа. Мэрия Улан-Удэ планировала расширение территории города, позволяющее включить в его состав Иволгинское городище. В сентябре 2011 г. власти Улан-Удэ организовали весьма помпезный День древнего города, в программу которого входили представление под открытым небом оперы Дж. Верди «Аттила», а также показ гуннской коллекции местных дизайнеров этнической одежды. Предполагалось, что за счет инкорпорирования Иволгинского городища Улан-Удэ сможет претендовать на статус древнейшего города России, обойдя тем самым дагестанский Дербент в

---

¹ Как «царь китайский ходил по морю на Амур» // Хабаровский край сегодня. – 2017. – 26.07. – URL: <https://todaykhv.ru/news/society/6840/>

этом неформальном соревновании¹. Помимо соображений престижа, столь радикальное «удревнение» истории Улан-Удэ позволило бы уйти и от конфликтности, связанной с коммеморациями основания города, «привязанными» к строительству в 1666 г. баргузинскими казаками Г. Ловцовым и О. Васильевым ясачного зимовья в устье р. Уды при ее слиянии с Селенгой. Хотя этот план до сих пор не реализован, разработка хуннской тематики продолжает пользоваться благосклонностью властей. При их финансовой поддержке «Гуннский фонд» быстрыми темпами реализует проект воссоздания деревянной крепости в Иволгинском городище, а также строительства сценической площадки для показа костюмированных представлений. Предполагается, что тем самым повысится туристическая привлекательность Иволгинского района и республики в целом². Нельзя исключать, однако, что переключение внимания на хунну и поощрение гуннской мифологии позволяет несколько ослабить и панмонголистский дискурс.

Особое внимание к фигуре Чингисхана и его наследию не является исключительной особенностью Бурятии – в большей или меньшей степени эта тенденция прослеживается и в других тюркских и монголоязычных регионах. Объективными основаниями такой популярности является то, что территория Бурятии вошла в состав империи Чингисхана на раннем этапе ее формирования и именно здесь происходил ряд важных событий жизни завоевателя, его близких, части наследников и ближайших соратников. С империей Чингисхана и государствами, возникшими после ее распада, связан важнейший этап этногенеза бурят и формирования их идентичности. Но есть и субъективные основания стремления к сопричастности мифу о Чингисхане. В их числе – сама репутация Чингисхана как одного из крупнейших в мировой истории завоевателей и основателя империи, охватившей большую часть евразийского континента. В контексте России такая сопричастность подчеркивает некую «инаковость», прямую связь с другой государственной и имперской традицией, которая, правда, оказала существенное

---

¹ Иволгинское городище // Визит Бурятия. – URL: <http://www.visitburiatia.ru/places/section-146/item-340/>

² В Бурятии строится «крепость гуннов» // ИА Regnum. – 2019. – 16.12. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2808362.html> ; Как должно выглядеть гуннское городище // Информационное агентство БМК. – 2019. – 17.12. – URL: <https://m.baikal-media.ru/news/society/363188/>

влияние и на институциональный дизайн российской государственности. Эксперт Э-81-03 так комментирует ситуацию:

«Это [отношение к Чингисхану. – Д.Е.] позволяет им [бурятам. – Д.Е.] поднимать свой статус от колонизированного, небольшого и, может быть, не столь значимого в масштабах федерации народа до какого-то более высокого значения. Потому что вся дальнейшая история так или иначе связана в большей степени с подчинением России, а затем и службой России. Эпоха монгольских завоеваний не только, конечно, для бурят, но и для тюрко-монгольских народов, является страницей, поднимающей их собственное значение в своих глазах. И в этом плане, как бы карикатурно это не звучало, тюркско-монгольские народы до сих пор в затяжном периоде переживают постимперский синдром после падения Монгольской империи и последующих государственных формирований. До сих пор эта память очень значима, она влияет на идентичность бурят, в частности, и особенно в среде бурятской интеллигенции во многом является вдохновляющим мотивом для творчества. Если вы проанализируете литературные или поэтические работы последних лет, то эта романтизация монгольских завоеваний, фигуры Чингисхана, Темучжина, кочевого прошлого, очень прочно сидит, как некий въевшийся стереотип, и его просто невозможно выкорчевать, несмотря на то, что буряты не являются кочевниками уже очень много лет. Они до сих пор в своем внутреннем мире ощущают себя именно так: “Мы кочевники, мы свободны, мы дети Степи, в этом плане мы отличаемся от многих других народов России”. Хотя если задать вопрос, который, наверное, многие стараются себе не задавать: “Где же вся эта кочевая культура, где весь этот кочевой быт, куда он исчез?” – тут люди не хотят признаваться себе, что этого давно уже нет, и по сути все эти романтические, вдохновленные дискурсы вращаются вокруг несуществующего, вокруг того, что давно уже исчезло» [Э-81-03].

Следует отметить, что пиетет к Чингисхану отражает определенный сдвиг в бурятской идентичности, общий подъем этнического самосознания. В основном миф о Чингисхане находит отражение в литературе, музыкальных произведениях, театральных постановках, публицистике, шире – в сфере public history [Э-81-02]. Первый фильм на бурятском языке, снятый в 2006 г., рассказывал о событиях периода юности Темучжина (режиссеры С. Жамбалов, Э. Жалцанов, кинокомпания «Урга», арт-студия «Хуннуфильм»)¹.

---

¹ Первый нукер Чингисхана (2006) // Кино-Театр.ру. – URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/105879/forum/> После выхода фильма по иску

Во многом здесь сказалось влияние процессов в политике памяти в соседней Монголии, где фигура Чингисхана после 1991 г. обрела статус национального героя, а его глорификация призвана подчеркнуть достижение Монголией всей полноты политического суверенитета¹. Фигура Чингисхана, безусловно, символизирует принадлежность бурят к ареалу монгольской цивилизации, но в то же время в публичном дискурсе не наблюдается столь же высокой готовности ассоциировать государственность Бурятии с монгольскими государственными образованиями, существовавшими после распада империи Чингисхана. На этом фоне позицию официальных структур в отношении нарратива о Чингисхане и монгольской имперской традиции, скорее, можно охарактеризовать как невнятную. В сфере символической политики делались определенные шаги навстречу почитателям воинских доблестей, ассоциируемых с Чингисханом и его войском. Так, в 2005 г. в Улан-Удэ был открыт новый мост через Селенгу, на котором установлены фигуры богатырей-баторов, маркирующих связь бурятской истории с историей всей внутренней Азии в эпоху Чингисхана². Подобные смысловые коннотации, очевидно, имеет и памятник Гэсэру – эпическому небесному всаднику и покровителю воинов. Критики установки этого памятника, в частности представители ветеранских организаций, подчеркивали, что фактически за этим актом стоит все та же глорификация Чингисхана³. Разумеется, данные шаги следует рассматривать в контексте непростого маневрирования тогдашнего руководства республики во главе с президентом Л.В. Потаповым, вызванного ростом недовольства бурятской общественности проектами укрупнения регионов, в результате осуществления которых Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Агинский Бурятский автономный округ утратили статус самостоятельных субъектов федерации⁴. Тем не менее такая символическая

вдовы писателя И. Калашникова против его создателей было возбуждено уголовное дело в связи с нарушением авторских прав.

¹ *Kaplonsky Ch.* Truth, History and Politics in Mongolia. Memory of Heroes. – London ; New York, 2004.

² *Бреславский А.С.* Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 60.

³ *Кусера Д.* В Китае и России переосмысливают наследие Чингисхана // Eurasianet. – 2009. – 12.11. – URL: <https://russian.eurasianet.org/node/57921>

⁴ Леонид Потапов выступил за реабилитацию Бурятского народа // Информационное агентство БМК. – 2006. – 27.07. – URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/23691/>

политика явно способствовала прочтению изменяющегося облика постсоветского Улан-Удэ как одного из центров *Rax Mongolica* и социокультурного пространства Внутренней Азии.

От землепроходцев до гибели империи

Отношение к периоду вхождения рассматриваемых нами территорий в состав российского государства, к действиям землепроходцев является еще одним показателем существенных различий в мнемонических ландшафтах Иркутской области, Бурятии и Хабаровского края. В Иркутской области и Хабаровском крае появление землепроходцев фактически признается первой вехой исторического бытия этих регионов, но сколь-нибудь активных дискуссий по этой теме не ведется. Принципиальный вопрос – было ли проникновение русских в Восточную Сибирь и на Дальний Восток преимущественно мирным освоением «незанятого» пространства или колонизацией – в основном остается за пределами дискурсивного поля. Нет большого интереса и к спорным моментам в жизнеописаниях землепроходцев, в частности Ерофея Хабарова, чья деятельность может по-разному оцениваться и с точки зрения взаимоотношений с приамурскими племенами, и в плане безупречного отстаивания интересов «Белого царя». Можно сказать, что продвижение русских в Сибирь и на Дальний Восток остается важным, но в ракурсе публичного восприятия – отчасти формальным местом памяти.

В отличие от Иркутской области и Хабаровского края, в Бурятии роль первых русских поселенцев, в частности основателей Удинского зимовья (чуть позднее – острога), оказалась предметом весьма острого конфликта памяти¹. Наиболее напряженная фаза конфликта восходит к 2011 г., когда в рамках празднования 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства намечалась установка памятника казакам Г. Ловцову и О. Васильеву, которые возвели острог на Батарейной горе. Впрочем, сама идея увековечения памяти основателей Улан-Удэ начала обсуждаться еще в 1991 г., когда группа казаков во главе с атаманом Ю. Касьяновым водрузила на Батарейной горе деревянный поклонный

---

¹ Подробнее об этом конфликте: *Михаев А.В.* Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 322–335.

крест (впоследствии заменен на каменный). Коммеморативные мероприятия и в особенности планы по установке памятника послужили триггером интенсивной протестной кампании со стороны ряда бурятских общественных организаций, групп и отдельных активистов, через интернет и СМИ пытавшихся запустить процесс этнической мобилизации. Основной тезис состоял в том, что включение территорий проживания бурят в состав России не было добровольным, сопровождалось насилием, применявшимся по отношению к местному населению и основателями Удинского острога. Функциональное назначение зимовья и острога было прежде всего связано с решением фискальных задач при опоре на казачью вооруженную силу. Соответственно, инициаторы протестной кампании подчеркивали, что установкой памятника прославляется репрессивная сторона деятельности землепроходцев. Публичные дискуссии, выступления в средствах массовой информации и интернете довольно быстро достигли высокого эмоционального накала, причем их участники в основном разделились по принципу этнической принадлежности. Стоит отметить, что помимо русских и бурят, высказывались и представители общины эвенков, имеющих наибольшие основания претендовать на статус автохтонного этноса в этой части Сибири. Эвенки выступали в поддержку установки памятника казакам – основателям Улан-Удэ, но с поправкой на необходимость включить в состав скульптурной композиции фигуры, символизирующие эвенков и бурят. Они отмечали мультиэтнический состав казачества в Сибири и, в частности, то, что в 1667 г. эвенкийский князь Гантимур перешел из цинского в российское подданство и стал основателем Тунгусского пятисотенного казачьего полка.

Одним из идеологов протестной активности был научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН В.А. Хамутаев, опубликовавший в 2011 г. брошюру «Вхождение Бурятии в состав России»¹, представлявшую собой целенаправленную попытку опровержения официального нарратива о добровольном присоединении к России бурятских территорий. Хамутаев возглавлял Конгресс бурятского народа и был вице-президентом Всебурятской ассоциации развития культуры. Вскоре после пуб-

---

¹ *Хамутаев В.А.* Вхождение Бурятии в состав России: история, право, политика. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2011.

ликации книги он был уволен из БНЦ (формально – по дисциплинарным основаниям) и эмигрировал в США.

Тактика точечного давления на активистов и идеологов различных групп, выступающих под этнонационалистическими лозунгами, очевидно, является двойственной. Она ведет к определенной дезорганизации конкретных объединений, деятельность которых имеет или может приобрести политизированный характер. Сами же этнонационалистические установки и нарративы демонстрируют куда большую степень устойчивости, закрепляясь в коммуникационной среде (особенно в социальных сетях), зачастую в довольно редуцированной форме.

В случае с установкой памятника казакам – основателям будущей столицы Бурятии эта амбивалентная ситуация проявилась как в оказании давления на конкретных активистов, так и в последовательном отказе городских (и стоящих за ними республиканских) властей принять окончательное решение. Можно сказать, что опасения, связанные с нарративом насильственной колонизации, оказались сильнее опасений локальных скандалов, связанных с давлением на его отдельных протагонистов. Ни разу не заявляя об отказе от намерений установить памятник, городские власти блокировали начало работ на Батарейной горе вплоть до проведения полномасштабных археологических раскопок, ссылаясь на опасность разрушения культурного слоя. В середине 2010-х годов стала обсуждаться возможность установки памятника не на историческом месте, а в районе новостроек, причем предполагалось посвятить его всем казакам Бурятии, а не только Г. Ловцову и О. Васильеву. Правда, и этот компромисс натолкнулся на сопротивление тех, кто считал, что «в памяти бурятского народа казаки, пришедшие в Восточную Сибирь и в Забайкалье, оставили страшный след»¹. В результате вопрос вновь «завис», а столица Бурятии остается, по образному выражению одного из сторонников установки памятника, городом «непорочного зачатия»².

Одним из важных следствий многолетнего затягивания установки памятника основателям Улан-Удэ и связанной с этим поляризации общественных сил стала существенная активизация на

---

¹ Алексея Цыденова просят «заморозить» памятник казакам // Новая Бурятия. – 2017. – 06.06. – URL: <https://newbur.ru/n/17207/>.

² Щеглов М. Памятник, который не поставлен // Агентство политических новостей – Нижний Новгород. – 2015. – 09.12. – URL: <https://apn-nn.com/analytic/pamyatnik-kotoryy-ne-postavlenn/>

поле символической политики казачества и других групп, выступающих за увековечение памяти о значимых событиях и деятелях дореволюционной эпохи. В их числе выделяется деятельность «Общества русской культуры РБ», во второй половине 2010-х годов добившегося установки мемориальных досок казакам Г. Ловцову и О. Васильеву, воеводе и дипломату Ф. Головину, императору Николаю II, известным горожанам Верхнеудинска Н. Бурлакову и М. Танскому, в Селенгинском районе – мемориала ссыльному гетману левобережной Украины Демьяну Многогрешному, разгромившему монголов в сражении в Убиенной пади (1688). Насколько можно судить, нынешнее республиканское руководство во главе с А.С. Цыденовым пытается, хотя и весьма осторожно, нащупать новый баланс во взаимодействии с различными акторами, выступающими за или против глорификации деятелей и событий дореволюционной эпохи. В эту тактику вполне укладывается участие республиканского руководства в ряде мероприятий, поддерживаемых теми, кто отстаивает преимущественно позитивную смысловую нагруженность истории республики в составе Московского царства и Российской империи. В частности, открытие в Кяхте памятника дипломату Петровской эпохи и основателю этого города Савве Рагузинскому (2018) проходило на высшем уровне представительства республиканских властей. По крайней мере, по оценке известного бурятского интернет-журналиста В. Тараруева, все эти сдвиги в символической политике указывают на завершение периода, когда «имперская» история края была «словно под негласным запретом»¹.

Одним из наиболее ярких эпизодов истории продвижения русских к Тихому океану является оборона Албазинского острога в 1685 г. и в 1686 г. Несмотря на неудачный военный исход и негативные политико-дипломатические последствия (Нерчинский договор 1689 г. почти на два столетия отсрочил установление российского контроля над Приамурьем), в символическом отношении оборона Албазина имеет большое значение для всего дальневосточного региона. Однако, как отмечают опрошенные нами эксперты, эффективность использования этого потенциала очень низка из-за формально-бюрократического подхода и милитаристского уклона, в результате чего «из героического символа этот эпизод

---

¹ Тараруев В. Савва Рагузинский – «ледокол» культурных перемен в Бурятии // Сайт Василия Тараруева. – 2018. – 26.06. – URL: <http://tararuev.ru/2018/06/26/raguzinskiy-ledokol-rus-kulture/>

превратился в еще один официальный, не очень интересный жителям региона» [Э-08-01]. Сказывается и фактор административно-территориального деления: албазинская тематика рассматривается как «подведомственная» Амурской области, в составе которой находится с. Албазино [Э-08-02]. Здесь важно учитывать по крайней мере два аспекта. Один связан с тем, что основным спонсором археологических раскопок на месте Албазинской крепости, создания посвященных ее обороне документальных фильмов, научных и популярных изданий с 2011 г. выступает фонд «Петропавловск», учрежденный одноименной группой золото- и горнодобывающих компаний, контролируемых бизнесменом П.А. Масловским (в 2011–2014 гг. – членом Совета Федерации от Амурской области). Ее основные активы находятся в Амурской области, в том числе одно из крупных предприятий – в с. Албазино.

Соответственно, фонд «Петропавловск» наиболее плотно взаимодействует с областной администрацией, которая поддерживает ряд его инициатив, включая возможное включение изданий, посвященных Албазину, в программу школьного курса «Краеведение», а также реализует проект реконструкции строений острога в парке «Патриот», расположенном на полигоне Дальневосточного высшего общевойскового командного училища¹. Однако в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока история Албазинской обороны остается периферийной темой, почти не находящей отражения в программах школьного обучения:

«Пока мы даже в федеральную, общероссийскую повестку не очень вписываемся. Взять, к примеру, ЕГЭ. Это общегосударственный экзамен, который предусматривает знание истории Отечества. Но какого-то отдельного экзамена по истории региона как части ЕГЭ, такого нет. Эти знания стоит прививать, тогда, может, и интерес [к событиям, подобным Албазинской обороне] появится» [Э-08-03].

Второй аспект, существенно сдерживающий активность региональных властей, связан с международно-политическими коннотациями темы Албазина. На фоне усилий по развитию российско-китайского стратегического партнерства контекст, связанный с периодом военного противостояния и территориальных споров

---

¹ Василий Орлов: «Албазинский острог будет центром притяжения» // Фонд «Петропавловск». – 2020. – 09.10. – URL: <http://ppfond.ru/vasilij-orlov-albazinskij-ostrog-budet-czentrom-prityazheniya/8967/>

между двумя державами, представляется не совсем «удобным». Невнятность позиции и отсутствие скоординированного подхода на уровне Дальневосточного федерального округа контрастируют с куда более решительной позицией властей китайской провинции Хэйлунцзян, в соответствии с решением которых в 2015 г. в центре г. Хэйхэ, расположенного по другую сторону Амура, напротив Благовещенска, был установлен памятник маньчжурскому полководцу Лантаню¹, осаждавшему Албазинскую крепость.

Характерной особенностью постсоветской политики памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока является поиск опорных точек (мест памяти), позволяющих подчеркнуть значение региона в истории и современности, акцентировать как его своеобразие, так и связь с «большой Россией», избегая при этом перехода публичных дискуссий о прошлом в конфликтную плоскость. На уровне персоналий интерес фокусируется на выдающихся государственных деятелях, оставивших заметный след в истории Сибири и Дальнего Востока. Большое внимание уделяется деятельности М.М. Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора и роли Н.Н. Муравьева-Амурского в окончательном закреплении России на Тихом океане. При этом в Хабаровске (особенно последовательно в период руководства краем В.И. Ишаевым) велась работа по увековечению памяти сподвижников Н.Н. Муравьева-Амурского (в частности, открытие в 2008 г. памятника первостроителю Хабаровска капитану Я.В. Дьяченко) и его преемников. В целом мемориальная политика в Хабаровском крае (равно как и в Амурской области) направлена на закрепление сюжетов исторической памяти, связанных с установлением российско-цинской границы на основе Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров².

Память о монарших особах также имеет региональный контекст. Воссоздание в Иркутске памятника Александру III в 2003 г. (установлен в 1908 г., демонтирован – в 1920 г.) было приурочено к столетнему юбилею открытия Транссибирской магистрали и фи-

---

¹ В связи с этим стоит обратить внимание на некоторую неоднозначность глорификации Лантаня уже с точки зрения политики памяти в Северо-Восточном Китае. Исполняя волю императора Канси по вытеснению русских из Приамурья, Лантань действовал в династических интересах маньчжуров, которые строжайшим образом препятствовали даже временному посещению ханьцами северной части Маньчжурии.

² *Михалев А.В.* Часовые фронтира: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 333.

нансировалось РЖД. Волна восстановления триумфальных арок в городах Дальнего Востока и Сибири, которые возводились в 1891 г. в честь наследника престола Николая Александровича, возвращавшегося сухопутным путем через Владивосток в Санкт-Петербург после завершения плавания на корабле «Память Азова», очевидно, имеет сходные символические коннотации. Во Владивостоке будущий Николай II заложил первый камень в основание Транссиба, а само его путешествие – беспрецедентное для Дальнего Востока и Сибири – подчеркивало новое стратегическое значение макрорегиона для развития России. Сегодня, хотя визиты в Сибирь и на Дальний Восток первых лиц государства перестали быть экстраординарным событием, стремление символически акцентировать связь с «большой землей» и возможности, которые открывает перед центральной властью внимание к восточным территориям, сохраняют свою актуальность.

Историческая роль купеческого сословия в политике памяти рассматриваемых регионов находит отражение в нескольких ракурсах. Во-первых, в историко-культурном и краеведческом, что поддерживается усиливающимся вниманием общественности, а вслед за ней и местных органов власти, к сохранению и реконструкции отдельных памятников и архитектурных ансамблей в городских районах с купеческой застройкой (особенно в Иркутске, а также в Улан-Удэ и некоторых малых городах). Помимо архитектурных объектов, обсуждаются и проблемы топонимической реставрации в исторических центрах (речь, разумеется, идет не только о топонимах, связанных с купечеством), причем дискуссии о возвращении прежних названий улиц зачастую оказываются более оживленными и эмоциональными, чем споры о сохранении / реставрации отдельных зданий. В этих дискуссиях более рельефно проявляются традиционные политико-идеологические размежевания, поскольку в ходе топонимической реставрации приходится отказываться от названий советской эпохи. Так, в Иркутске возвращение исторических названий центральной площади и одной из улиц сопровождалось столь мощной кампанией протеста со стороны регионального отделения КПРФ, а также представителей возглавляемого С.Е. Кургиняном движения «Суть времени», что мэр города принял решение фактически свернуть дальнейшую работу по топонимической реставрации [Э-25-01].

Во-вторых, внимание, по крайней мере в Иркутске, сфокусировано на особом положении купечества в городском социуме, его мощном влиянии на политическую культуру, традиции взаи-

модействия власти и общества в Восточной Сибири. По сути дела, с влиятельностью и сплоченностью купечества связывается представление о более высокой степени автономии локального гражданского общества¹, его способности противостоять чиновничьему произволу [Э-25-02].

В-третьих, растущий общественный интерес связан с вкладом сибирского купечества в географические открытия, расширение территориальных пределов России вплоть до американского континента, развитие контактов со странами Внутренней и Восточной Азии. Для Иркутска память о деятельности «Росского Колумба» Г.И. Шелихова, о Северо-Восточной и Российско-Американской компаниях является важной составляющей городской и региональной идентичности, аргументом в пользу признания его международной роли как центра торгово-экономической экспансии вглубь Евразии и в направлении Тихого океана. При этом инспирируемая движением Black Lives Matter «культура отмены» в отношении памяти о путешественниках, государственных деятелях и предпринимателях, осуществлявших освоение американского континента с использованием насилия в отношении коренного населения, скорее, стимулирует в Сибири (да и в России в целом) позитивное внимание к их деятельности. В частности, осуществленный в 2020 г. властями г. Ситка демонтаж памятника Главному правителю русских поселений в Северной Америке А.А. Баранову был встречен с осуждением, а власти Иркутска, Архангельска и Магадана сделали заявления о готовности выкупить и переместить памятник в Россию².

С начала 2000-х годов происходит возрождение интереса к истории Великого чайного пути, дополнительным стимулом которого стало обсуждение проекта железнодорожного туристического маршрута «Великий чайный путь» на встрече президента России В.В. Путина с председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем на полях саммита БРИКС в Уфе в июле 2015 г.³ Судя по имеющейся информации, практическая реализация

---

¹ *Шахеров В.П.* Иркутское купечество и его роль в развитии социокультурной среды города во второй половине XIX в. // Сукачевские чтения. – 2019. – № 16. – С. 146–150.

² Посол РФ в США огорчен решением о демонтаже памятника Александру Баранову // Интерфакс. – 2020. – 16.07. – URL: <https://www.interfax.ru/world/717566>

³ Встреча Владимира Путина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем //

проекта была ориентирована на китайский туристический рынок: российская часть проекта предполагала запуск спецпоездов по маршруту погранпереход Маньчжурия – Забайкальск – Чита – Улан-Удэ – Иркутск – Маньчжурия, а также возможность формирования групп прицепных вагонов к поездам регулярного следования с расширением географии вплоть до Санкт-Петербурга¹. По всей видимости, на российском туристическом рынке такой продукт мог бы столкнуться с дефицитом спроса. К тому же, если этот тур-продукт был бы сфокусирован строго на тематике истории русско-китайской чаоторговли в XIX – начале XX в., то потребовалась бы серьезная коррекция и удлинение маршрута (с Кяхтой в качестве начальной или конечной точки на территории России и с Уханем в качестве старта или финиша для всего маршрута). Тем не менее внимание высшего руководства страны к теме Великого чайного пути стимулировало благожелательное отношение региональных властей к различным инициативам и научно-просветительским проектам, ориентированным на формирование места памяти во-круг роли купечества в развитии российско-китайского торгового сотрудничества².

История духовенства как социальной группы в контексте политики памяти в рассматриваемых нами регионах оказывается практически совпадающей с историей соответствующих конфессий. Лишь отдельные события, персоналии и духовные центры могут претендовать на статус самостоятельного места памяти. Так, для старообрядческих общин Восточной Сибири и Дальнего Востока своеобразным «общим знаменателем» может служить сибирская ссылка протопопа Аввакума; с 2007 г. ежегодно проводятся международные встречи старообрядцев «Путь Аввакума». В Бурятии особое внимание уделяется историко-культурному наследию семейских, первый съезд представителей которых был проведен в 1993 г. С начала 2000-х годов в республике реализуется программа

BRICS2015.ru. – 2015. – 09.07. – URL: <http://brics2015.ru/transcripts/20150709/391218.html>

¹ «Великий чайный путь» становится длиннее за счет городов Сибири и Урала // Gudok.ru. – 2016. – 01.07, вып. 25. – URL: <https://gudok.ru/zdr/172/?ID=1342061>

² Балдано М.Н. Великий чайный путь: история формирования и перспективы возрождения // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2018. – № 4(34). – С. 93–99 ; Цыбик чайных историй. Очерки русско-китайской чаоторговли : сб. науч. трудов / под ред. В.Г. Шароновой. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017.

по изучению и сохранению культуры семейских; в 2007 г. культура забайкальских старообрядцев была включена ЮНЕСКО в перечень шедевров устного и нематериального наследия человечества¹.

В случае РПЦ особое значение имеют миссионерские форпосты (например, существующие с конца XVII в. Свято-Троицкий Селенгинский монастырь и Посольский Спасо-Преображенский монастырь), история которых тесно переплетается с историей русского освоения региона, а также монастыри с историческим некрополем, где захоронены выдающиеся деятели истории и культуры (Знаменский женский монастырь в Иркутске).

Буддистские монастыри, возникшие в эпоху Российской империи (Гусиноозерский Тамчинский, Анинский, Аларский и др. дацаны), имеют большое значение и для исторической памяти бурят, и для репрезентации истории буддизма в Сибири. Однако здесь нередко приходится иметь дело с различными смысловыми коннотациями. Так, в частности, Анинский дацан и окружающие его субурганы можно рассматривать как хранилище родовой памяти хоринского бурятского субэтноса. Кроме того, в качестве места памяти этот дацан может служить символом бурятско-буддистского лоялизма, поскольку именно в нем (до закрытия в 1930-е годы) хранились родовые знамена хоринских бурят, врученные их делегации Петром I в 1703 г. С момента основания Анинского дацана в 1795 г. там был создан прецедент почитания скульптурного изображения российского монарха (Екатерины II) как живого воплощения Белой Тары².

В то же время есть понимание важнейшей роли буддизма в консолидации бурятской идентичности:

«В отличие от монгольского наследия, от Монгольской империи, буддизм жив, буддизм – это не прошлое, это настоящее, переживающее сегодня бурное возрождение и, соответственно, усиливающее свое влияние на бурятскую идентичность явление. Но для бурят исторически буддизм был важной частью их идентичности, потому что религиозная инаковость позволяла бурятам выделять себя из среды других подданных России и довольно эффективно сопротивляться политике русификации

---

¹ *Петрова Е.В.* Старообрядцы Забайкалья: особенности формирования этноконфессиональной группы и основные направления развития в современных условиях // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 19. – С. 70–76.

² Само решение бурятского буддистского духовенства о почитании Екатерины II в качестве воплощения Белой Тары было принято в 1764 г.

или христианизации, которая в других местах активно велась, но здесь в связи с буддизмом и в связи с осторожной политикой Российской империи по отношению к буддизму эти процессы были замедлены» [Э-81-03].

На уровне персоналий особое внимание в Бурятии уделяется фигуре хамбо-ламы А. Доржиева, его выдающейся роли в духовной и политической жизни Тибета, Монголии, регионов Сибири, где высока доля населения, исповедующего буддизм, а также его вкладу в строительство буддистского храма Калачакры в Санкт-Петербурге и создание духовных образовательных заведений в Калмыкии. Большой интерес вызывают его взгляды на возможность расширения политического влияния России во внутренней Азии, включая «культурно-экономическое завоевание» Тибета и Монголии¹, его сотрудничество с П.А. Бадмаевым, предлагавшим еще более радикальные идеи относительно перспектив российской экспансии в этой части Евразии², его роль в российской-британской «Большой игре». Манифестацией его признания на официальном уровне стало учреждение в 2003 г. медали Агвана Доржиева, присуждаемой «за выдающиеся заслуги перед Республикой Бурятия по укреплению мира и дружественных отношений между народами, активную общественную и благотворительную деятельность»³.

Обретение в 2002 г. нетленного тела Пандито Хамбо-ламы XII Д.-Д. Итигэлова, умершего в 1927 г., вызвало подъем интереса к истории буддизма в начале XX в. не только среди его адептов или тех, для кого значима его культурно-цивилизационная компонента, но и в более широкой обывательской среде. Перенос тела Итигэлова в Иволгинский дацан и активная роль в этом нынешнего Пандито Хамбо-Ламы Д.Б. Аюшеева способствовали укреплению позиций БТСР в отношениях с обществом, властью, а также

---

¹ Секретная записка Агвана Доржиева в Министерство иностранных дел России о более тесном сближении России с Монголией и Тибетом. 20 ноября 1907 г. // Россия и Тибет : сб. рус. арх. док., 1900–1914 / Ин-т востоковедения, Ин-т Дал. Востока. – Москва : Вост.лит., 2005. – С. 117–120.

² Бадмаев П.А. Записка Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке // Бадмаев П.А. За кулисами царизма : сборник произведений: мемуары, геополитика, тибетская медицина [электронная книга]. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – С. 95–130.

³ Закон Республики Бурятия от 13 июля 2009 г. № 910-IV «О государственных наградах Республики Бурятия» (Принят Народным Хуралом Республики Бурятия 30 июня 2009 года) (с изменениями и дополнениями). Статья 9. – URL: <http://base.garant.ru/29533000/daf75cc17d0d1b8b796480bc59f740b8/#ixzz6ye0y6NYC>

другими течениями буддизма. На этом фоне начинают появляться и весьма амбициозные попытки осмысления феномена Итигэлова, предполагающие десекуляризацию «общественного сознания жителей Бурятии, бурят и не-бурят», укрепление «чувства национальной исключительности», конструирование бурятского мы-образа и идентичности, возможность вдохнуть «в бурятскую национальную идею новую жизнь, поскольку это чудо подтверждает нерядовую роль бурятского сообщества в России»¹. По оценке религиоведа Д.А. Узланера, почитание Хамбо-ламы Итигэлова является стержнем проводимой БТСР политики памяти, направленной на усиление позиций Иволгинского дацана как национального религиозного центра в противостоянии с Лхасой и / или Дхарамсалой² как транснациональными центрами тибетского буддизма³.

Наконец, еще одно место памяти общероссийского значения – сибирская каторга и ссылка дореволюционной эпохи. Здесь наблюдается мощный перевес декабристской тематики, точнее, романтизированного образа декабристов, сформированного прежде всего кинофильмом «Звезда пленительного счастья» (1975)⁴. При этом происходит своеобразная апроприация данной тематики: дискуссии о реальных целях и действиях участников восстания 14 декабря 1825 г., а также его последствиях проходят в довольно узком кругу специалистов и любителей истории, тогда как сосланные в Сибирь декабристы воспринимаются в первую очередь в качестве местных культурных героев.

Декабристы практически вытеснили на периферию общественного внимания другие когорты политкаторжан и ссылных. Так, память о сосланных в Сибирь участниках польского восстания 1863 г. поддерживается главным образом представителями польской культурной автономии «Огниво», литовского и белорусского культурных обществ в Иркутской области. Однако сам исторический нарратив, связанный с сосланными в Сибирь участниками

---

¹ Амоглонова Д.Д. Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 65–70.

² С 1959 г. – место пребывания в изгнании Далай-ламы XIV.

³ Узланер Д.А. Идеология традиционных ценностей: социально-философский анализ подъема морального консерватизма в XXI веке. – Москва : РАНХиГС, 2018. – С. 9. – URL: <ftp://w82.ranepa.ru/ftp/wpaper/061831.pdf>

⁴ Впрочем, начало формирования романтического декабристского мифа можно отнести еще к 1840 г., когда был опубликован роман А. Дюма-отца «Учитель фехтования».

восстания, весьма амбивалентен, по крайней мере с точки зрения властей. Как и в случае с декабристами, приветствуется популяризация культуртрегерской миссии ссыльных поляков, сохранение и воспроизводство национальных традиций, тогда как тема противостояния российскому имперскому гнету не входит в число желательных. Этим во многом определяется характер отношений национальных культурных объединений с региональными властями.

Польская культурная автономия, возрожденная в 1990-х годах, может считаться одним из наиболее активных мнемонических акторов, представляющих гражданское общество. Разумеется, здесь важен и фактор лидерства. Профессор Иркутского государственного университета Б.С. Шостакович (1945–2015) фактически был лицом польской автономии, при этом его деятельность не ограничивалась рамками Иркутской области. Он основал издательскую серию «Польско-сибирская библиотека», выступил автором многочисленных публикаций об истории поляков в Сибири, в том числе и фундаментальных трудов¹. Помимо поддержания исторической памяти о ссыльных поляках, активисты «Огнива» уделяют значительное внимание истории добровольного переселения в Сибирь во время столыпинской аграрной реформы. В частности, живым памятником этой переселенческой волны служит деревня Вершина в Боханском районе Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области, большинство жителей которой являются этническими поляками.

Культурная автономия «Огниво» выступала реципиентом или оператором грантовых программ правительства Польши, польских и других зарубежных благотворительных фондов, активно взаимодействовала с дипломатическими представителями Варшавы². Однако общая деградация российско-польских отношений и особенно конфронтационный характер исторической политики Варшавы в период пребывания у власти партии «Право и справедливость» постепенно делали все более проблематичным трехстороннее взаимодействие между региональными властями, активистами польской культурной автономии и польскими дипло-

---

¹ Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.). – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1995; Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. – Москва : МИК, 2015.

² Генеральное консульство Польши в Иркутске функционирует с 2004 г.

матическими представителями, даже если речь шла о проектах с минимальной политической составляющей¹.

Положение сибирского областничества в тематическом репертуаре политики памяти рассматриваемых нами регионов также отличается рядом отмеченных выше особенностей. В связанных с областничеством дискуссиях чаще всего акцентируется научно-просветительская составляющая деятельности Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова и др. либо общий вклад их идей в понимание особенностей сибирской идентичности, тогда как конкретная деятельность и политическая программа «Общества независимости Сибири» обсуждаются намного менее охотно. Помимо естественной настороженности федеральных и региональных властей в отношении различных вариаций сепаратизма, проекция программы областников на современную ситуацию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке не выглядит перспективной. И хотя возрождение интереса к сибирскому областничеству происходило в 1990-е годы, т.е. в период усиления в России центробежных тенденций, даже тогда политический спрос на рецепцию его идей был весьма ограниченным. Представители созданной еще до распада СССР Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение», задачей которой было налаживание кооперационных связей между регионами в условиях коллапса советской плановой экономики и обеспечения выживания в период гайдаровских реформ, обычно ограничивались общими отсылками к отдельным идеям областников о единстве и особенностях Сибири, нередко без упоминания их авторства. Областнический дискурс колониального угнетения с наибольшей охотой подхватывают представители групп, стоящих на позициях этнического национализма (в частности, в Бурятии), но они же проявляют куда меньше энтузиазма, когда речь заходит о возможности субординации собственной этнической идентичности по отношению к общесибирской территориальной идентичности как результату цивилизационного синтеза². Обыгрывание тех или иных установок сибирского областничества может привлекать к себе общественное внимание, как, например, новосибирская монстрация 2014 г., подготовкой которой занимался художник-акционист

---

¹ Аналогичная ситуация воспроизводится и в отношении историко-культурной активности, поддерживаемой странами Балтии.

² *Бороноев А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // *Общество, среда, развитие.* – 2010. – №3. – С. 81–85.

А.А. Лоскутов¹, но в качестве основы консолидации сколь угодно влиятельных движений или групп эти идеи малофункциональны. О том, что областничество является предметом систематического интереса для немногочисленных групп интеллектуалов и энтузиастов сибирской истории говорят как эксперты, которых интервьюировали участники нашего исследования, так и эксперты из Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай, интервью с которыми в начале 2010-х годов проводил А.Э. Зайнутдинов².

Советская эпоха

Революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, занимают важное место в тематическом репертуаре политики памяти в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. С одной стороны, в этих регионах воспроизводятся общероссийские тенденции, проявляющиеся при обращении к рубежным событиям отечественной истории XX столетия. Прежде всего, это отсутствие четко артикулированной позиции федеральных властей в отношении Февральской и Октябрьской революций, подтверждением чему стали коммеморации столетия свержения самодержавия и прихода к власти большевиков.

«...Для властвующей элиты, – констатирует О.Ю. Малинова, – это “неудобный” юбилей. В логике современного официального исторического нарратива, опирающегося на принцип преемственности “тысячелетнего” великого Российского государства, революция(и) 1917 г. – скорее досадный срыв, нежели повод для национальной гордости. Для политического режима, который главным своим достижением считает “стабильность”, память о революции – символический ресурс, который можно использовать разве что по контрасту. Однако критика едва ли может быть основной идеей юбилейной коммеморации – не только потому, что это противоречит жанру, но и поскольку миф об Октябрьской революции,

---

¹ Движение за федерализацию Сибири // BBC News. Русская служба. – 2014. – 02.08. – URL: https://www.bbc.com/russian/multimedia/2014/07/140731_siberia_federalisation

² Зайнутдинов А.Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, №2. – С. 81–97.

будучи одной из главных опор советской идентичности, остается значимым для немалой части граждан»¹.

Фактически властвующая элита предпочла подход мнемонического плюрализма, допускающий полифонию нарративов о революции(ях) 1917 г., но регулирующий остроту дискуссий и ориентирующий их участников на достижение примирения и согласия. В этих условиях представители регионального сегмента вертикали власти, как правило, предпочитали воспроизводить шаблон действий федеральных властей. Попытка занять более определенную позицию могла бы создать впечатление о несогласии с линией московского руководства, но при этом также усложнить отношения с теми или иными местными мнемоническими акторами.

С другой стороны, следует принимать во внимание специфические особенности восприятия событий 1917 г. и гражданской войны в рассматриваемых нами регионах. Ни одна из этих территорий не была в конце 1910-х – начале 1920-х годов зоной благоприятствования большевистскому проекту социально-политических преобразований. Напротив, в рассматриваемых регионах в этот период предпринимались попытки реализации самых разнообразных проектов организации политической власти, часть из которых не укладывается в «красно-белую» парадигму описания Гражданской войны и революции. Насыщенная фактология и множественность противоборствовавших друг с другом сил затрудняют формирование целостной рамки восприятия этих событий на обывательском уровне. Это, в свою очередь, благоприятствует сохранению мнемонического плюрализма в Бурятии, Иркутской области и Хабаровском крае в отношении событий, завершившихся установлением советской власти.

Свою уже сравнительно давнюю историю продвижения установок на примирение и согласие имеет Иркутская область. Причем происходило это задолго до того, как соответствующие установки были сформулированы в контексте коммеморации столетия революционных потрясений 1917 г. Символическим воплощением этой линии стала установка в Иркутске в 2004 г. памятника адмиралу А.В. Колчаку работы известного скульптора В.М. Клыкова. Однако для городских и региональных властей конфликтная ситуация

---

¹ *Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 10.

вокруг установки памятника стала своеобразным стресс-тестом¹. Дело в том, что риторика примирения и согласия в данном случае изначально использовалась не властью, а инициаторами установки памятника – руководителем общественного фонда по увековечению памяти героев гражданских войн «Патриот», бизнесменом и предполагаемым криминальным авторитетом С.В. Андреевым и самим скульптором Клыковым, но предложенный ими формат примирения был сориентирован на признание равноправия памяти о Колчаке и воинах-белогвардейцах и памяти о солдатах и вождях Красной армии. Как памятник, так и эта трактовка исторического примирения вызвали активное сопротивление оппонентов (в первую очередь коммунистов, ветеранов войны и труда, а также анархистских групп). Хотя на пике противостояния дело доходило до вмешательства правоохранительных органов, городские власти предпочли задействовать переговорные механизмы с участием основных сторон конфликта. В результате памятник было решено возвести, но на другой площадке – поблизости от Знаменского монастыря, на месте расстрела А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева. Такой исход стал возможен благодаря привлечению к переговорам архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима (Лазебного) и писателя В.Г. Распутина. Хотя в 2004 г. ситуация казалась неопределенной, и бизнесмен С.В. Андреев даже заявлял о возможности нанять сотрудников частного охранного агентства для защиты памятника Колчаку от возможных посягательств, памятник стоит до сих пор, став органичной частью городской исторической мифологии и символического пространства. Даже в период, когда один из основных противников установки памятника, лидер иркутских коммунистов С.Г. Левченко занимал пост губернатора области, попытки демонстрации скульптуры не предпринимались.

Тем не менее едва ли можно говорить, что после установки памятника Колчаку историческое примирение стало реальностью в Иркутской области. Согласие заключается в том, что уже установленный памятник лучше не трогать, но на оценки деятельности адмирала Колчака оно по-прежнему не распространяется:

«... На уровне мелодрамы, на уровне культурного героя Колчака, на уровне полярника Колчака, – тут коммунисты с трудом могут что-то с этим сделать или опровергнуть. У людей, которые далеки от идеологических

---

¹ Памятнику Колчаку в Иркутске – 15 лет // Глагол. Иркутское обозрение. – 2019. – 04.11. – URL: <https://glagol38.ru/text/04-11-2019/kolchak>

споров, Колчак – объект культуры, объект туристический, можно сказать, но достаточно странный объект. Поэтому коммунистическая идея сохраняется: Колчак как изверг, как злодей, как человек, который замораживал крестьян. Но ей противостоит не менее жесткая белогвардейская идеология, где говорится о Колчаке как о герое, принесшем на алтарь свою жизнь» [Э-25-02].

Памятники большевистским деятелям революции и героям Гражданской войны в Иркутской области сохраняются и восстанавливаются, как правило, усилиями ветеранских организаций и активистов КПРФ. С дискурсом исторического примирения эта деятельность никак не связана. Бурные споры об отказе от советских революционных топонимов в Иркутске, давшие весьма скромные практические результаты, также показали слабую готовность участников мнемонических взаимодействий к достижению согласия и примирения.

В соседней Бурятии режим памяти о революции и Гражданской войне также не благоприятствует достижению цели примирения и согласия. Тот факт, что бурятская государственность восходит к эпохе Гражданской войны и первых лет советской власти, неизбежно дает проекцию на современность и проблемы статуса титульной этнической группы, отчасти затеняя политико-идеологические размежевания столетней давности. Вклад того или иного деятеля, политической и военной силы в становление бурятской государственности становится одним из основных критериев оценки, тогда как позиция в общероссийском гражданском и военно-политическом противостоянии, скорее, рассматривается в этой оптике как фоновый фактор. При сохранении пиетета к большевистским деятелям, входившим в советский пантеон памяти (в частности, к М.Н. Ербанову – «тогдашнему признанному лидеру нации»¹), в республике происходит расширение ареала позитивной исторической памяти за счет включения в него институциональных структур (прежде всего Бурнацкома – Центрального национального комитета бурят-монголов Восточной Сибири) и исторических фигур (Э.-Д.Р. Ринчино, Ц.Ж. Жамцарано, М.Н. Богданова и др., при-

---

¹ Чимитдоржиев Ш. Бурят-монгольский этнос и монгольский мир // Проблемы традиционной культуры Байкальского региона. Материалы международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1999. – С. 12.

надлежавших к партии эсеров¹), сыгравших значительную роль в создании бурятской автономии и в то же время внесших крупный вклад в развитие идеологии и реализацию политических установок панмонголизма². Эта тенденция частично распространяется и на события / персоналии, фактически табуированные в советское время, например, на попытку создания в 1919 г. на территории Кижингинского района Бурятии теократического государства Кодунай эрхидж балгасан во главе с ламой Л.-С. Цыденовым³. Правда, по оценке одного из опрошенных экспертов [Э-81-01], фигура Л.-С. Цыденова имеет приоритетное значение для исторической памяти населения местности, где располагалось его теократическое государство (в основном там живут буряты-хоринцы). Попутно стоит отметить, что в июле 1921 г., уже находясь в тюремном заключении, Л.-С. Цыденов заочно назначил своим преемником в качестве дхармараджи восьмилетнего Б.Д. Дандарона, который в 1960-е годы создал нелегальную буддистскую общину и оригинальное учение, синтезирующее буддизм Дзогчен и элементы европейской философии. Разгром государства Кодунай отрядами атамана Г.М. Семенова, преследования и тюремное заключение Цыденова как семеновцами, так и властями ДВР / РСФСР, пребывание Дандарона в сталинских лагерях, его арест и судебный процесс в 1972 г., наконец, его смерть (через уход в самадхи) в исправительно-трудовом лагере на берегу Байкала⁴ могут служить фактологической основой виктимизации тех течений в бурятском буддизме, которые характеризуются независимой позицией по отношению к светской власти.

Бурятоцентричный взгляд на события Гражданской войны, скорее, формирует дополнительные препятствия для изменения доминирующего в исторической памяти негативного отношения к семеновцам – основным противникам Красной армии в Забайкалье. Несмотря на панмонголистские устремления атамана

---

¹ *Медведева Н.Н.* Эсеры и Бурятский национальный комитет в 1917 г. // Современная научная мысль. – 2019. – №2. – С. 53–58.

² *Балдано М.Н., Варнаровский П.К.* «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 99–108.

³ *Цыремпилов Н.В.* Конституционная теократия Лубсан-Самдан Цыденова: попытка создания буддийского государства в Забайкалье (1918–1922) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – Т. 33, № 4. – С. 318–346.

⁴ *Пятигорский А.М.* Уход Дандарона. Реминисценция // Континент. – 1975. – № 3. – С. 151–159.

Г.М. Семенова и барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга, а также важнейший вклад последнего в обеспечение независимости современной Монголии, их геополитические проекты воспринимаются как чуждые бурятским интересам, рассчитанные на эксплуатацию человеческих¹ и экономических ресурсов Бурятии. В рамках этого дискурса особое внимание уделяется жестоким расправам со стороны семеновцев и унгерновцев, в том числе расстрелу председателя Бурнацкова М.Н. Богданова. Соответственно, призывы к историческому примирению, будучи спроецированы на современные размежевания в Бурятии, воспринимаются особенно болезненно [Э-81-02].

Вместе с тем довольно интенсивные, хотя и локализованные конфликты исторической памяти возникают и за рамками бурятцентричного взгляда на революцию и Гражданскую войну. В числе таких конфликтов – неожиданно вспыхнувшее «противостояние» мемориальных объектов, посвященных маршалу К.К. Рокоссовскому, участвовавшему в разгроме формирований барона Унгерна, и одному из унгерновских командиров, казачьему атаману П.П. Сухареву. Инициатива установки памятника Рокоссовскому исходила от РВИО; проект был отобран по результатам голосования жителей Бурятии, а сам памятник торжественно открыт в Улан-Удэ в декабре 2019 г.² Мемориальная доска антагонисту Рокоссовского – атаману Сухареву была установлена на месте дома последнего в селе (ранее – казачьей станице) Желтура на частные средства. В самой Желтуре функционирует и музей Рокоссовского, поскольку там располагался штаб 35-го кавалерийского полка, которым командовал будущий маршал. Сильная поляризация мнений по поводу этой коллизии нашла отражение в социальных сетях (группа «Желтура»), причем «сторонники» Сухарева заявляли о возможности неучастия в голосовании 1 июля 2020 г. о поправках в Конституцию РФ в связи с наличием в пакете поправок положений о защите исторической памяти³. В целом именно представители казачества выступают в качестве мнемонического актора, поддержи-

---

¹ Основным побудительным мотивом создания государства Кодунай было предотвращение насильственной мобилизации бурят в отряды атамана Семенова.

² В Бурятии открыли памятник маршалу Рокоссовскому // ИА REGNUM. – 2019. – 23.12. – URL: <https://regnum.ru/news/society/2814736.html>

³ Памятник атаману, воевавшему под командой барона Унгерна, разделит жителей села в Бурятии // МК.RU Улан-Удэ. – 2020. – 08.06. – URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/06/08/pamyatnik-atamanu-voevavshemu-pod-komandoy-barona-ungerna-razdelil-zhiteley-sela-v-buryatii.html>

вающего реабилитацию в исторической памяти Белого движения и иных противников большевиков. При этом внутри Бурятии казачество недостаточно консолидировано, кроме того, имеют место достаточно напряженные отношения с живущими в Австралии потомками казаков из отрядов атамана Семенова и барона Унгерна.

Наряду со старыми и новыми мнемоническими конфликтами, появлением новых мест памяти примечательным является сохранение лакун либо недоговоренностей в дискуссиях об историческом прошлом. В частности, тема истории Дальневосточной республики лишь незначительно присутствует в таких дискуссиях, несмотря на очевидный трансрегиональный потенциал данного нарратива. Достаточно сказать, что географические контуры ДВР и Дальневосточного федерального округа (после включения в его состав Бурятии и Забайкальского края) на западе, юге и востоке в основном совпадают. Однако апелляция к опыту ДВР в рамках политической полемики чревата обвинениями в сепаратистских устремлениях. Показательным примером может служить позитивное высказывание о ДВР в интервью «Известиям» (29.11.1995) хабаровского губернатора В.И. Ишаева. Но здесь необходимо принимать во внимание контекст жесткого торга за ресурсы и влияние между субъектами федерации и федеральным центром в преддверии президентских выборов 1996 г. Никаких практических действий по реинкарнации ДВР Ишаевым и другими лидерами дальневосточных регионов не предпринималось. Вместе с тем в результате такой политической стигматизации тема ДВР занимает весьма скромное место в ландшафте исторической памяти Хабаровского края и ряда других регионов, входящих в состав ДФО. В основном о ДВР вспоминают в связи с Волочаевской операцией и окончанием гражданской войны, а также непростыми обстоятельствами завершения японской интервенции (Николаевский инцидент). Пожалуй, наиболее открыты к обсуждению темы истории ДВР власти и общественность Бурятии (провозглашение ДВР состоялось 6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске; здание, где было объявлено о создании ДВР, имеет статус объекта культурного наследия федерального значения).

Своеобразным мнемоническим *alter ego* Хабаровска и других крупных центров Дальнего Востока и Восточной Сибири является русский Харбин. Сам Харбин с момента основания в 1898 г., КВЖД и ЮМЖД выступали манифестациями геополитических амбиций Российской империи в эпоху Николая II, а Порт-Артур остается одним из первостепенных мест памяти российской военной

истории. Однако применительно к послереволюционному периоду русский Харбин остается в исторической памяти не просто как один из важнейших центров белой эмиграции, но как воплощение той линии развития, которая могла реализоваться в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Верхнеудинске, Иркутске и т.д., но вследствие прихода к власти большевиков не была реализована. Из этих городов в Харбин шел мощный переток человеческого капитала – предпринимателей, интеллигенции, военных, духовенства, казачества. Хотя тема наследия русской эмигрантской культуры может рассматриваться в том же Хабаровске как элитарная, интенсификация российско-китайского экономического и культурного приграничного взаимодействия с начала 1990-х годов привносит в связанную с этим взаимодействием мнемоническую сферу новые коннотации. Инициированное властями провинции Хэйлунцзян в 1990-е годы восстановление исторического центра Харбина осуществлялось с привлечением хабаровских архитекторов; тогда же начал реализовываться ряд совместных (на уровне приграничных регионов) проектов музейно-выставочной деятельности, посвященных историко-культурным аспектам трансграничного взаимодействия русских и китайцев [Э-08-01]. Русское культурное наследие стало туристическим брендом современного Харбина, в значительной степени ориентированным на интерес современных россиян, правда, на весьма поверхностном уровне¹. Тема белой эмиграции в Харбине и в целом в Северо-Восточном Китае также отражена в постоянной экспозиции Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова [Э-08-02].

В Бурятии весьма неожиданным развитием темы судьбы соотечественников, покинувших Россию в результате революции и Гражданской войны, стала постановка в Бурятском театре драмы в 2014 г. пьесы В. Басаа «Ветер минувших времен» (реж. Э. и С. Жамбаловы), главным героем которой был У.Г. Гармаев. Гармаев – офицер в войсках атамана Семенова, который впоследствии был принят на военную службу в государстве Маньчжоу-го, где дослужился до звания генерал-лейтенанта (также имел звание ге-

---

¹ Экспозиции китайских исторических и краеведческих музеев, рассказывающие о тех или иных аспектах двусторонних отношений, иллюстрируют официальный исторический нарратив КНР и, соответственно, ориентированы на внутреннюю аудиторию, вплоть до ограничения доступа граждан России к некоторым историческим экспозициям (*Поправка Е.А. Образ России (СССР) в экспозициях китайских музеев // Журнал фронтирных исследований. – 2019. – Вып. 4(2). – С. 346–362.*)

нерала японской императорской армии), участвовал в боях на Халхин-голе, в конце августа 1945 г. добровольно сдался в плен советским войскам и расстрелян в 1947 г. по приговору Верховного суда СССР. Постановка вызвала скандал, поскольку речь в ней шла не просто о судьбе эмигранта, но о человеке, который активно участвовал в боевых действиях против Красной армии. Весьма резко о постановке пьесы высказалась журналистка газеты «МК в Бурятии» Т. Никитина, особо отметившая неуместность этой художественной акции в год 70-летия Победы над фашизмом и японским милитаризмом¹. Ответная реакция на статью Никитиной была бурной вплоть до обращений в суд: оппоненты делали упор на то, что в 1992 г. Гармаев был реабилитирован, а нападки на постановку означают неуважение к памяти всех незаконно репрессированных². Стоит отметить, что 30 октября 2015 г., в День памяти жертв политических репрессий, показ этого спектакля действительно стал кульминацией мероприятий, включавших в себя также возложение цветов к памятнику жертвам репрессий и проведение акции «Возвращение имен» с зачитыванием имен репрессированных по политическим мотивам в Бурятии. Покупку билетов на спектакль для участников митинга взяло на себя республиканское министерство социальной защиты. В дальнейшем, однако, официальные структуры предпочли дистанцироваться от развернувшейся вокруг постановки дискуссии. В конечном счете острота дискуссии сошла на нет, но никакого компромисса между заявленными позициями ее участников достигнуто не было³.

Политические и социально-экономические преобразования, развернувшиеся в рассматриваемых нами регионах после окончательного утверждения там советской власти, весьма неравномерно отражаются в современных исторических нарративах. В Бурятии доминируют комплементарные оценки опыта национально-государственного строительства в 1920-е – 1930-е годы, когда происходило формирование и укрепление институтов бурят-монгольской государственности в составе РСФСР и СССР. Следует

---

¹ Никитина Т. Долой уржингармаевщину с театральных подмостков // МК в Бурятии. – 2015. – 27.05. – URL: <https://ulan.mk.ru/articles/2015/05/27/doloy-urzhingarmaevshinu-s-teatralnykh-podmostkov.html>

² Басаев С. В Бурдраме выявили неофашизм. Ч. I–II // ARD: портал деловой информации. – 2015. – 03.11. – URL: <https://asiarussia.ru/persons/9735/>

³ Характерной иллюстрацией к этому казусу является то, что японский комикс-манга, посвященный У. Гармаеву, продолжает пользоваться популярностью у части бурятской молодежи [Э-81-02].

отметить, что отсутствие до самого последнего времени в историческом нарративе федеральных властей внятных оценок политики «коренизации»¹ благоприятствовало тому, что в Бурятии, как и во многих других республиках в составе РФ, этот период рассматривался едва ли не как золотой век. Негативно, как навязанное Москвой решение, в основном оценивается переход в 1930-е годы со старомонгольской письменности сначала на латиницу, а затем и на кириллицу, а также объявление нормативным хоринского диалекта бурятского языка². Вместе с тем в оценках этого периода в самой Бурятии присутствуют внутренние противоречия и несостыковки, поскольку одновременно приветствуются и бурятское политико-институциональное строительство на советской идеологической основе, и перспектива восстановления единства разрозненных частей монгольского этноса (включая и близкородственные этнические группы). Многие в данном случае связано с используемым историографическим ракурсом. Очевидно, что рассмотрение истории Бурятии в 1920–1930-е годы главным образом в контексте истории национальной политики советского коммунистического режима или его региональной политики к востоку от Урала не позволяет выстроить целостную и эффективную объяснительную модель. Историю Бурятии, как, впрочем, Тывы и ряда других фронтирных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока целесообразно рассматривать также в контексте истории политико-идеологической экспансии Кремля и Коминтерна во всей Внутренней и Восточной Азии. Если же последнюю интерпретировать через призму геополитики³, то появляются основания для выявления генетической связи этой экспансии с геополитикой эпохи царизма. Линии прохождения государственной границы в данном ракурсе не столь важны, поскольку их подвижность определяется успешностью / неуспешностью соответствующей геополитической стратегии,

---

¹ По всей видимости, конец неопределенности положила публикация статьи президента РФ В.В. Путина (Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Kremlin.RU. – 2021. – 12.07. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>), в которой политика «коренизации» оценивается преимущественно негативно.

² Чимитдоржиев Ш. Бурят-монгольский этнос и монгольский мир // Проблемы традиционной культуры Байкальского региона. Материалы международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1999. – С. 12–13.

³ Znamenski A. Red Shambhala: Magic, Prophecy, and Geopolitics in the Heart of Asia. – Wheaton, IL : Quest books, 2012.

в которой судьба большого или малого этноса (в том числе монголов и бурят) становится одной из ставок в «большой игре».

Но если геополитика важна для понимания исторической динамики в рассматриваемых регионах России, то апелляция к ней в политике памяти создает и дополнительные трудности. То, что находит сугубо инструментальное применение в геополитической игре, в мнемонической политике может трансформироваться в место памяти, стать основой значимого для той или иной группы нарратива, даже если он и расходится с современными международными реалиями. Созданная в 1923 г. государственность Бурято-Монгольской АССР¹ сама по себе является местом памяти для бурят, но при этом в качестве опорной зоны великомонгольского ирредентизма населенные бурятами территории могли выступать лишь на протяжении непродолжительного периода времени (1910-е – 1920-е годы), когда международное соотношение сил и устремления крупных региональных игроков были относительно благоприятными для сторонников панмонголизма. Да и в самом движении панмонголизма этого периода слишком сильно сталкивались друг с другом родовые, региональные и личностные интересы², причем монгольские (халхасские) элиты с немалым подозрением относились к лидерским амбициям бурятских деятелей³. Отголоском тех противоречий выступают существенно отличающиеся друг от друга оценки деятельности Э.-Д. Ринчино в бурятском и монгольском исторических нарративах.

Возрождение панмонголистских устремлений, наблюдаемое у части бурятской интеллектуальной элиты, уже не может претендовать на ирредентистский проект. Помимо самой Монголии, ни в одном регионе Китая или России (за исключением расположенной за пределами Азии Калмыкии) монголы или близкородственные этносы уже не составляют большинства. Монгольское государство (в прошлом – Внешняя Монголия), «зажатое» между Китаем и Россией, не может себе позволить поддерживать ирредентистскую программу, хотя неофициальные настроения в пользу Великой Монголии там достаточно распространены. При этом, однако,

---

¹ Написание 1923 г.

² Юзефович Л.А. Начало панмонгольского движения и атаман Семенов // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. – Москва, 1996. – С. 179–182.

³ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 годах. – Москва : ИДВ РАН, 2000. – С. 71.

новый бурятский панмонголизм способствует закреплению представлений о единстве монгольского мира, а также ареала тибетского буддизма. Соответственно, в исторической памяти связь с монгольским миром обретает особую значимость, а попытки ее ослабить рассматриваются как показатели виктимизации бурятского этноса. Сталинские репрессии занимают в этой оптике особое место, поскольку уничтожение значительной части политико-административной и интеллектуальной элиты Бурят-Монголии, а также буддистского духовенства в конце 1930-х годов осуществлялось под предлогом разоблачения и разгрома «панмонгольской диверсионно-шпионской организации». Явная связь волны репрессий в отношении бурят-монгольской элиты и решения о выводе из состава БМАССР Усть-Ордынского и Агинского автономных округов (26.09.1937) дает сегодня основания ряду активистов, стоящих на этнонационалистических позициях, не только требовать поминовения и восстановления справедливости в отношении незаконно репрессированных лиц, но и рассматривать в качестве репрессированного весь бурятский народ. При этом используется термин «территориальная реабилитация», под которым подразумевается восстановление административно-территориального единства Бурятии, Усть-Ордынского и Агинского округов¹. В то же время очевидно, что акцентирование этнической составляющей может приводить к затушевыванию тех репрессий, которые были направлены против представителей других этноконфессиональных групп. Так, в Хоринском (1929) и особенно Малетинском (1930) восстаниях против коллективизации важную роль играли семейские, и, соответственно, представители этой когорты старообрядчества попали под удар репрессий точно так же, как и буряты².

Индустриальное освоение территорий Хабаровского края и развитие системы ГУЛАГа теснейшим образом переплетены друг с другом. Историческая мифология советской эпохи основана на замалчивании того факта, что большинство переселенцев и строителей объектов промышленности и инфраструктуры на Дальнем Востоке делали это недобровольно. Происходившая после распада

---

¹ *Васильев Б.* Как реабилитировать республику? // Buryatia.org. – 2012. – 23.12. – URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=23093&postdays=0&postorder=asc&start=105&sid=24d239add16245db2c93c5052b7fad19>

² *Доржиев Д.Л.* Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Иркутск : ИГУ, 1995; *Жеребцов Г.А.* Крестьянские восстания в Забайкалье: конец 20-х – начало 30-х гг. XX столетия. – Чита : [б.и.], 2005.

СССР эрозия советской исторической мифологии на Дальнем Востоке не получала практически никакой адекватной замены. Характерный пример приводится в экспертном интервью:

«Возьмем, к примеру, Комсомольск – город, который назван вроде бы в честь тех комсомольцев, которые его строили. А сколько было этих комсомольцев? Это ведь были осужденные. Я неоднократно спрашивал студентов, помнят ли они кто такая Валентина Хетагурова и хетагуровское движение? Это как раз история Дальнего Востока. По ее призыву девушки ехали на Дальний Восток. Из 100 человек студентов об этой истории не знает ни один» [Э-08-03].

Вместе с тем для региональной политики памяти остаются значимыми даты и памятные дни, связанные с вехами индустриального строительства – день города Комсомольска-на-Амуре, даты основания градообразующих предприятий, которые для исторической памяти конкретного населенного пункта или района оказываются более важными, чем даты, «привязанные» к Хабаровскому краю как субъекту федерации.

Опрошенные нами эксперты обращают внимание на парадокс: при всей тотальной значимости для Дальнего Востока темы репрессий и ГУЛАГа, она явно далека от того, чтобы стать стержнем региональной исторической памяти, хотя несомненно ее мощное воздействие на региональную идентичность:

«Население хранит на уровне бытовой, народной памяти то, что связано с блатной культурой. Этот регион ведь во многом осваивали уголовные элементы. Поэтому здесь культура очень специфическая, в том числе по отношению к центральной власти. Здесь бытует отношение «Москва далеко, а здесь тайга прокормит»» [Э-08-03].

«Удивительным образом, совсем не присутствует тема репрессий, для меня это – странно, поскольку здесь большая часть людей, так или иначе, – это сосланные и раскулаченные [Э-08-01].

«...тема репрессий – она была актуальна в 1990-е гг., еще в начале 2000-х, но сейчас эта тема, на мой взгляд, вне повестки вообще» [Э-08-02].

Непосредственно проблематикой памяти жертв сталинских репрессий занимается местный «Мемориал»¹, в деятельности которого в 2010-х годах наблюдается явный спад. Тем не менее в числе заметных акций хабаровского «Мемориала» необходимо отметить установку в 2013 г. в порту Ванино мемориальной доски легендарному подводнику, герою Советского Союза А.И. Маринеско, который в 1950–1951 гг. отбывал наказание по сфабрикованному обвинению в Ванинском ИТЛ, присвоение имени А.И. Солженицына в 2012 г. одной из новых улиц в Индустриальном районе Хабаровска, а также издание в 2018 г. сборника «Сталинский транзит: узники Хабаровской пересылки»².

В качестве набирающей силы контртенденции увековечению памяти жертв репрессий выступают усилия близких к КППРФ активистов и представителей ветеранских организаций по «монументальной реабилитации» И.В. Сталина. В 2018 г. бюст Сталина был установлен в Комсомольске-на-Амуре на аллее кавалеров ордена Победы. Инициатором создания аллеи и установки бюстов кавалеров ордена Победы выступило краевое государственное бюджетное учреждение «Комсомольская-на-Амуре набережная р. Амура»; проект пользовался поддержкой РВИО³. В 2019 г. еще один бюст Сталина был открыт в с. Сосновка на окраине Хабаровска, на территории садового участка, принадлежащего местному коммунисту⁴. В Иркутске в 2008 г. общественный музей Сталина был открыт в одном из помещений школы спортивных единоборств А.В. Романова; создателем музея был профессор кафедры философии и социологии Байкальского государственного университета экономики и права В.А. Туев, возглавляющий историко-культурное общество «Наш Сталин»⁵. В 2020 г. было объявлено о планах перенести на территорию историко-этнографического музея «Тальцы» под Ир-

---

¹ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

² Краткий отчет о деятельности Хабаровского краевого движения «Мемориал» за 2015–2018 гг. – URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&scid=bWVtbzI3cmVnLm9yZ3x3d3d8Z3g6NTQzYzBhNmJiYmRjY2E3>

³ В Комсомольске-на-Амуре открыли Аллею с бюстами кавалеров ордена Победы, среди которых Сталин // НАКАНУНЕ.RU. – 2018. – 03.12. – URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/12/03/22526390/>

⁴ Под Хабаровском открыли второй в Хабкрае памятник Сталину / Информгентство ХКС. – 2019. – 09.10. – URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/22760/>

⁵ Музей И.В. Сталина в Иркутске // Иркипедия.RU. – URL: http://irkipedia.ru/content/muzej_iv_stalina_v_irkutske

кутском дом из с. Новая Уда, в котором Сталин около двух месяцев жил в качестве ссылки в 1903–1904 гг. Предполагается, что дом станет частью экспозиции, посвященной политической ссылке конца XIX – начала XX в.¹

Стержневым элементом инфраструктуры памяти о жертвах сталинских репрессий в Иркутской области является мемориальный комплекс в урочище Пивовариха близ Иркутска. В конце 1930-х годов в Пивоварихе располагалась спецзона НКВД, где осуществлялись массовые расстрелы арестованных и их захоронение в братских могилах. Создание мемориального комплекса в Пивоварихе началось еще на пике горбачевской гласности в 1989 г.; значительный вклад в установление истинных масштабов сталинского террора в Пивоварихе внесли как активисты «Мемориала»², так и представители областного управления КГБ и прокуратуры, обеспечившие доступ к архивным документам. Возможно, благодаря обстоятельствам исторического момента Пивовариха стала местом памяти, отношение к которому общественности региона является почти консенсусным:

«...“Узел”, связанный с местом захоронения жертв политических репрессий в пригороде Иркутска – Пивоварихе, так и не «развязан» до конца. Не существует организованных оппонентов этой темы. Более того, на протяжении 4-х лет, первый секретарь обкома КПРФ, будучи в должности губернатора области [речь идет о С.Г. Левченко, занимавшем пост губернатора Иркутской области в 2015–2019 гг. – Д.Е.], предпринимал даже некоторые усилия и попытки, связанные с увековечиванием памяти. При этом такая активность совершенно не совпадала с его основной идеологией, т.к. он был не более антисталинист, чем представители нынешней партии власти, т.е. – латентный сталинист. Я думаю, что подобная активность, скорее, согласовывалась с присутствием общественного консенсуса относительно случившегося в Пивоварихе и безусловной оценкой ситуации как трагической и несправедливой. Также, так как мемориал на том месте все время находился под теми или иными угрозами, как ни парадоксально, в свою избирательную кампанию пятилетней давности Левченко включил тему защиты того мемориала от возможного территориального захвата алчными предпринимателями, что,

---

¹ Дом, где в ссылке жил Сталин, переместят за 350 км под Иркутск // Интерфакс. – 2020. – 16.12. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/741540>.

² Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

в свою очередь, связано с предыдущей областной администрацией. На самом деле ситуация несколько отличается от такой постановки вопроса, но так было заявлено. Эта тема существует, она “работает” и более или менее организованные иркутские группы этим мало-мальски занимаются. <...> К этому мемориалу приходят в день памяти жертв политических репрессий, власти выделяют автобусы, определенная активность есть. Этот мемориал находится относительно близко от города, туда ходят и штатные автобусы. Кроме непосредственно мемориала и стелы, там появилось и действует до сих пор народное проявление памяти – на организованном пространстве и в хаотичном порядке – огромное количество фотографий и табличек, фактически кладбищенских. Эти фото и таблички посвящены людям, по которым нет точных сведений, что они погибли именно на том месте, но это касается тех, кто был доставлен в иркутское управление НКВД, но следов гибели не было обнаружено в лагерях. Соответственно, довольно большая вероятность, что те люди захоронены именно там. ... Тем, кому эта тема не очень симпатична, им сложно проявлять открыто неприятие данной тематики, так как последняя “цепляет” довольно большое количество людей» [Э-25-01].

В настоящее время основные проблемы мемориального комплекса в Пивоварихе связаны с тем, что часть территории бывшей спецзоны НКВД была застроена и предпринимаются попытки коммерческого использования этой застройки.

Память о Великой Отечественной войне в макрорегионе тесным образом переплетена с событиями Второй мировой войны в Восточной Азии, предшествовавшими гитлеровскому вторжению и последовавшими после разгрома нацистской Германии. В исторической памяти Дальнего Востока и Восточной Сибири военное противостояние с Японией на оз. Хасан в 1938 г. (особенно значимое для Приморского края) и на р. Халхин-Гол в 1939 г. выступают как первые вехи, знаменующие вклад макрорегиона в будущую победу. Комmemорации боев на Халхин-Голе являются значимыми для официального руководства Бурятии и Иркутской области, поскольку дают возможность подчеркнуть историческое значение боевого содружества с Монголией и в целом способствуют укреплению добрососедских связей. РВИО выступает организатором международной поисковой экспедиции в местах наиболее интенсивных боев на Халхин-Голе.

То обстоятельство, что режим памяти и нарративы о Великой Отечественной войне в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке почти не отличаются от восприятия войны в европейской части

России, где разворачивались боевые действия, служит еще одним подтверждением того, что война и победа над нацистской Германией выполняют роль смыслового каркаса всей российской политики памяти, причем ощущение их экзистенциальной значимости сохраняется у всех поколенческих когорт во всех частях страны. Местные особенности проявляются прежде всего в понятном интересе сибиряков и дальневосточников к боевому пути сформировавшихся к востоку от Урала воинских подразделений. Молодежные поисковые отряды (например, сформированный в 2006 г. в Бурятии отряд «Рысь») ежегодно организуют экспедиции по местам сражений, занимаясь поиском и захоронением останков красноармейцев, а также выявлением среди павших уроженцев своего региона; эпизоды из сражений Великой Отечественной войны часто разыгрываются сибирскими и дальневосточными реконструкторами. Даже интенсивность народного мифотворчества, связанного с историей Великой Отечественной войны¹, служит индикатором значимости военной тематики на площадках коммуникации, находящихся вне контроля основных мнемонических акторов.

Роль тыла, эвакуации в рассматриваемые регионы населения и промышленных предприятий из европейской части СССР, создание новых производств и инфраструктуры, критически значимых для Победы, занимают достойное место в символической политике и региональных нарративах о Великой отечественной войне. Так, в Улан-Удэ памятник труженикам тыла и детям войны был открыт в канун 80-летия Победы; в Хабаровске в 2020 г. проведен открытый конкурс на лучший проект аналогичного памятника. Учреждение в 2020 г. почетного звания РФ «Город трудовой доблести» способствовало разворачиванию негласного соревнования между властями регионов и городов, имеющих основания претендовать на его присвоение. Претенденты, помимо подготовки необходимого пакета документов, включающего и архивные материалы, инициировали информационные кампании в местных и даже федеральных СМИ. В 2020 г. звание «Город трудовой доблести» было присвоено Иркутску, в 2021 г. – Комсомольску-на-Амуре.

В бурятском нарративе о подвиге тыла присутствуют отсылки и к особенностям традиционной культуры. На них, в частности, обращал внимание бывший президент Всебурятской ассоциации развития культуры Б.Д. Баяртуев: «Известен исторический факт о

---

¹ Например, повествование о бурятских ламах, которые якобы помогли остановить немецкое наступление под Москвой осенью 1941 г. [Э-81-02].

том, как украшения бурятских женщин помогли в битве с фашизмом. ... Когда девушку выдавали замуж, родители делали все, чтобы у нее был полный набор всех полагающихся драгоценных украшений. Они накапливались и передавались поколениями. Во время войны к женщинам обратилось правительство с просьбой помочь в борьбе с фашизмом, и наши женщины понесли сдавать свои украшения. На них была построена большая танковая колонна»¹.

Маньчжурская и Южно-Сахалинская наступательные операции, военный разгром Японии и победоносное завершение Второй мировой войны поддерживаются в качестве важной вехи региональной исторической памяти как гражданскими, так и военными властями. В ведении последних находится ряд мемориальных объектов, военных музеев и других элементов инфраструктуры памяти. Следует принимать во внимание, что военные действия последнего месяца Второй мировой войны являются частью боевого пути многих подразделений Вооруженных сил РФ, дислоцированных в Сибири и на Дальнем Востоке. В свою очередь, гражданские власти некоторых регионов предпринимали шаги, направленные на изменение формата коммеморации победы над Японией на федеральном уровне. В частности, в конце 2000-х годов хабаровский губернатор В.И. Ишаев, наряду с представителями органов власти Сахалинской области, выступал за перенос отмечания Дня победы во Второй мировой войне со 2 на 3 сентября, предлагая тем самым усилить акцент на военном разгроме Японии и восстановить преемственность в отношении соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР [Э-08-02]. И если в Сахалинской области данное предложение продвигалось прежде всего с учетом необходимости усилить историческую аргументацию принадлежности России южных Курильских островов, то в случае Хабаровского края, насколько можно судить, происходила отсылка и к связанной с Японией негативной исторической памяти, относящейся к событиям первой половины XX в. Очевидно, здесь имеет место важное в своих возможных последствиях расхождение между региональными и федеральными нарративами об отношениях с Японией:

«Общаясь с жителями регионов Центральной России, я убеждаюсь, что они, к сожалению, не знают многих событий, многих имен, которые для нас, сибиряков и дальневосточников, являются важными. Поэтому,

---

¹ Матвеева А. Национальная одежда – это красиво и полезно // Номер один. – 2005. 16.02. – URL: <https://m.gazeta-n1.ru/archive/2005/7/2017/>

может быть, они не воспринимают так болезненно события вокруг возможной передачи Японии четырех островов – Шикотан, Хабомаи, Кунашир и Итуруп. Они не понимают болезненности этого вопроса, в то время как жители Дальнего Востока видели своими глазами те вещи, которые творила, например, японская армия в 1920–1926 гг. До сих пор живы люди, которые знают эти события, видели и переживали, когда были маленькими» [Э-81-01].

Сходные коннотации обнаруживают себя и при обсуждении такой темы как Хабаровский процесс 1949 г. над группой военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и испытании бактериологического оружия. Важное значение Хабаровского процесса в политике памяти вновь было подчеркнуто в сентябре 2021 г., когда с приветствиями к участникам Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: исторические уроки и современные вызовы» обратились президент России В.В. Путин¹ и министр иностранных дел С.В. Лавров². Высокий статус этого мероприятия был призван подчеркнуть, что Хабаровский процесс рассматривается как продолжение и логическое завершение Нюрнбергского и Токийского процессов.

Как известно, в период президентства Д.А. Медведева инициатива об отмечании Дня окончания Второй мировой войны 3 сентября поддержана не была, что отчасти объяснялось опасениями Москвы осложнить переговоры с Японией по территориальному вопросу. Изменения, внесенные в 2010 г. в Федеральный закон «О днях воинской славы», фиксировали в качестве Дня окончания Второй мировой войны 2 сентября. В 2020 г., в существенно ином политическом контексте, новые изменения в Федеральном законе привели к формальному переносу Дня окончания Второй мировой войны на 3 сентября, что тем не менее отличалось от формулировки Указа 1945 г., в котором речь шла о Дне победы над Японией. При этом произошло сближение с исторической политикой Китая, где окончание Второй мировой войны отмечается именно 3 сентября.

Большое количество мемориальных объектов и захоронений советских солдат, погибших в ходе Маньчжурской наступательной

---

¹ Путин: обсуждение Хабаровского процесса важно для противодействия искажению истории // ТАСС. – 2021. – 06.09. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308417>

² Лавров назвал Хабаровский процесс важнейшим дополнением Токийского процесса // ТАСС. – 2021. – 06.09. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308489>

операции, находятся на территории Северо-Восточного Китая. Однако поддержание этих объектов в надлежащем состоянии и проведение памятных мероприятий оказываются обусловлены как самой динамикой российско-китайских отношений, так и – в большей степени – директивными установками КПК в отношении интерпретации исторического прошлого. Несмотря на поступательное укрепление отношений между Москвой и Пекином с начала 2000-х годов и их сближение в трактовках истории Второй мировой войны, кульминационным пунктом которого стала коммеморация 70-летия ее окончания в столице КНР, доминирует установка на то, что решающую роль в освобождении от японских захватчиков сыграло именно сопротивление китайского народа. Вклад Советского Союза в победу над Японией признается значимым и воспринимается с благодарностью, но по определению он не должен затмевать боевые и революционные заслуги НОАК.

Еще более зависимым от актуального состояния российско-китайских отношений является участие официальных структур в мероприятиях, связанных с памятью о пограничном конфликте на о. Даманский (1969). Мемориальный комплекс защитникам Даманского, включающий надгробие на братской могиле погибших советских военнослужащих, ряд отдельных надгробий, памятник и музей Славы, был торжественно открыт в г. Дальнереченск Приморского края в 2008 г. по инициативе ветеранов, участвовавших в боевых действиях 1969 г. В соседнем г. Лучегорск разбит парк Героев Даманских событий с мемориальной стелой; памятный знак также установлен на одном из зданий в центре Хабаровска. Общая тенденция, однако, состоит в ограничении масштабов официальных коммеморативных мероприятий (в особенности – 50-летия конфликта) пределами Приморского края, несмотря на то, что для всего Дальнего Востока как сами события на Даманском, так и в целом российско-китайское пограничное размежевание по рекам Амур и Уссури остаются значимой и болезненной темой репертуара исторической памяти:

«Эти вопросы и проблемы больше гасятся, причем с обеих сторон.

В этом году все события, связанные с Даманским были нивелированы, все прошло тихо, чтобы не раздражать соседа, который становится великой державой. Здесь с китайцами всегда были свои отношения по принципу “как на границе” – с отдельными китайцами можно дружить, но в целом эта страна – чужая, это чужая культура и это страна, которая хотела бы

поднять под себя ряд наших территорий. Всегда присутствовала здесь эта напряженность, и она до сих пор здесь присутствует» [Э-08-03].

«Китайцы, пожалуй, из всех наших ближних соседей ... самые тактичные. И когда шло размежевание, они были вежливы как учителя танцев. Когда один из предшествующих губернаторов [В.И. Ишаев. – Д.Е.] поставил на острове Большой Уссурийский, между Россией и Китаем, как символ нашей земли, церковь, китайцы решили – пусть этот кусочек остается России. Они максимально тактичны. Хотя, в общем и целом, есть вещи, которым я бы позавидовал, потому что во всех прилегающих к границе городах есть достаточно хорошие музеи, посвященные русско-китайским взаимоотношениям, в том числе не самым дружественным» [Э-08-01].

Историческая память о периоде между окончанием Второй мировой войны и распадом СССР в рассматриваемых регионах в значительной степени носит ностальгический характер. Период 1950-х – 1970-х годов многими воспринимается как своеобразная *belle époque* Сибири и Дальнего Востока, когда макрорегион купался в лучах внимания центрального партийного руководства, делавшего ставку на индустриальное и инфраструктурное развитие и уделявшего при этом особое внимание транспортной связанности огромных территорий «от Байкала до Амура»:

«... в СССР Дальний Восток был “любимым животным”, которого “хорошо кормили”. Здесь было много заводов, заводы хорошо снабжались» [Э-08-01].

Промышленное и транспортное освоение макрорегиона в хрущевскую и брежневскую эпохи осуществлялось уже в меньшей степени силами ссыльных и узников ГУЛАГа, но в значительной мере – силами вольнонаемных рабочих, рассчитывавших на более высокий, чем в европейской части СССР, уровень оплаты труда. Важнейшие объекты индустриального, гидротехнического и инфраструктурного строительства превратились и в места памяти, чему немало способствовала их героизация (иногда не только позитивная) в произведениях ведущих советских писателей, поэтов, кинематографистов. Некоторые из них сами обретали статус региональных культурных героев (например, в Иркутской области – В.Г. Распутин и Е.А. Евтушенко, представлявшие при этом диаметрально противоположные направления в русской / советской словесности):

«... волна советской модернизации, освоение Сибири, у нас Евтушенко это все воспевают, Твардовский. Это все, что связано с ГЭС, тема, связанная с приездом молодых людей, которые хотят реализоваться и реализуются именно в Сибири. ... С другой стороны, она показана у Валентина Григорьевича Распутина в тексте «Прощание с Матёрой». Эта модернизация – как резать по живому, потому что в результате – затопленный культурный гумус в деревне с огромным историческим багажом. Но на самом деле это исторически достоверно, это Илимская пашня в Иркутском регионе. Почва, которая подобна украинскому чернозему до революции. Все это сельское хозяйство в советское время было утеряно, это цена модернизации. Иркутская область уже перестала сама себя обеспечивать сельскохозяйственными товарами, в отличие от Новосибирска» [Э-25-02].

Возможно, своеобразным эксцессом ностальгии по позднесоветским временам стали увековечение памяти и торжественная установка в центре Улан-Удэ бюста А.У. Модогоеву, возглавлявшему Бурятский обком КПСС в 1962–1983 гг. Более вероятно, однако, что в данном случае проявились специфические особенности мнемонического ландшафта Бурятии, поскольку, например, в Иркутской области попыток увековечить память многолетнего руководителя Иркутского обкома Н.В. Банникова не предпринималось, несмотря на сопоставимый политический вес в советской партийно-государственной иерархии и несомненные заслуги перед регионом¹. Многие представители бурятской политической элиты, включая первого президента Бурятии Л.В. Потапова, были обязаны Модогоеву стартом своей управленческой карьеры. Не менее важную роль играют семейные и родоплеменные традиции, стремление увековечить память выдающегося земляка и подчеркнуть тем самым влияние клана на ход дел в республике². Как ни парадоксально, почитание Модогоева в современной Бурятии вполне

---

¹ О степени его влияния на дела в регионе говорит шуточное название Иркутской области в 1970-е годы – «Земля Банникова» (*Пронин Ю.* Земля Санникова? Нет, Земля Банникова! // Байкальские вести. – 2014. – 19.08. – URL: https://baikvesti.ru/new/important/zemlya_sannikova_net_zemlya_bannikova

² А.У. Модогоев принадлежал к эхиритским бурятам, большинство которых проживает в Иркутской области, но при этом образует влиятельную когорту и в управленческой элите Бурятии (*Шулунов Д.* Кому принадлежит Бурятия: Эхириты у власти. Часть 4 // Информ Полис. – 2017. – 25.04. – URL: <https://www.infpol.ru/100190-komu-prinadlezhit-buryatiya-ekhiritiy-u-vlasti-chast-4/>).

сочетается с чествованием Б.Д. Дандарона¹, чье преследование и разгром созданной им буддистской общины осуществлялись именно в модогоевский период. В данном случае можно говорить об эклектизме культуры памяти, который, правда, характерен далеко не только для Бурятии.

Здесь также нельзя не отметить интересную визуальную особенность, наблюдаемую в центральной части столицы Бурятии. Фасады (в некоторых случаях – даже торцевые стороны) ряда зданий, в советское время относившихся к жилищному фонду партийной номенклатуры, буквально испещрены мемориальными досками. Фактически эта сверхвысокая концентрация настенных памятных знаков отражает своеобразную конкуренцию между родами и землячествами, каждый из которых стремится увековечить память о как можно большем количестве своих представителей в рядах политической и управленческой элиты. Ныне действующее Положение об установке мемориальных досок на территории Улан-Удэ (его последняя редакция принята в 2016 г.²) вполне благоприятствует этой практике.

В целом ностальгическое восприятие хрущевской и брежневской эпохи в историческом сознании жителей макрорегиона более тесно связано с местной идентичностью, чем об этом можно говорить применительно к россиянам, живущим к западу от Урала. Общая социальная травма, связанная с распадом СССР и реформами 1990-х годов³, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке еще более усилена фрустрацией, связанной с утратой экономических преимуществ позднесоветского времени и ощущения особой миссии макрорегиона для настоящего и будущего России. В репертуаре исторической памяти Иркутской области, Бурятии, Хабаровского края пока более востребованными оказываются те эпизоды, которые подпитывают недоверие и разочарование политикой

---

¹ Так, в 2014 г. в Улан-Удэ в культурно-театральном центре «Феникс» был проведен благотворительный марафон, посвященный памяти Дандарона (*Мальцева А.* Благотворительный марафон, посвященный памяти буддийского йогина Бидии Дандарона, провели в Улан-Удэ // ГТРК Бурятия. – 2014. – 02.12. – URL: <https://bgtrk.ru/news/society/109543/>).

² Положение об установке мемориальных досок на территории городского округа «город Улан-Удэ». Приложение к Постановлению Администрации г. Улан-Удэ от 27.12.2016 № 383. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/445043374>

³ *Ефременко Д.В.* Посттравматическая Россия. Социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015.

федерального центра. Масштаб разочарования слишком велик, чтобы его можно было быстро преодолеть новой риторикой «поворота на Восток» и не очень последовательными практическими действиями, призванными обеспечить опережающее развитие макрорегиона. Вместе с тем предпринимаются новые попытки переломить эту тенденцию, связанные как раз с «поворотом на Восток». К ним, в частности, относятся подготовка к 50-летию юбилею (2024) начала строительства БАМа как коммеморации общероссийского масштаба¹ и такие шаги на региональном уровне, как объявление в Амурской области 14 сентября Днем бамовца².

Заключение

С учетом проведенного анализа политики памяти в Иркутской области, Республике Бурятия и Хабаровском крае хотелось бы коротко остановиться на нескольких проблемах, значимых в контексте задач настоящей коллективной монографии. Прежде всего, это особый, чаще всего, более напряженный режим исторической памяти в регионах, где этничность имеет территориальное измерение. В Бурятии титульный этнос не является доминирующим в общей численности населения республики, но тем не менее мнемонические акторы, претендующие на право говорить от лица этнических бурят, нередко выступают в роли вето-игроков в решении значимых вопросов политики памяти. При этом руководители и структуры государственной власти республики, несмотря на их ресурсное доминирование, в конфликтных ситуациях чаще выступают в качестве медиаторов. В обстоятельствах, способных привести к мобилизации титульного этноса, они предпочитают максимально оттягивать решение проблемы или идут на символические уступки той части общественного мнения, которая наиболее громко заявляет о борьбе за интересы бурятского народа. При этом власти не могут не демонстрировать лояльность и общегосударственному историческому нарративу.

Конкретно в случае Бурятии можно говорить о периодах этнической мобилизации в эпоху перестройки и «парада суверените-

---

¹ Владимир Путин: «Мы обязательно достойно отметим 50-летие БАМа» // Информационное агентство БМК. – 2021. – 04.09. – URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/375603/>

² Бамовцев удостоили памятной даты // Победа РФ. – 2021. – 26.08. – URL: <https://pobedarf.ru/2021/08/26/bamovcsev-udostoili-pamyatnoj-daty>

тов» в начале 1990-х годов, во время кампании укрупнения субъектов федерации во второй половине 2000-х годов, когда этого статуса лишились Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Агинский Бурятский автономный округ, и в середине 2010-х годов, когда замена бурята на русского на посту ректора Бурятского государственного университета вызвала конфликт, вышедший далеко за пределы сферы высшего образования в республике. На начальных этапах этнической мобилизации весьма важной оказывается роль научной интеллигенции, особенно при обсуждении вопросов исторического прошлого, но затем соответствующий дискурс мультиплицируется и редуцируется этническими активистами и деятелями интернет-пространства, не имеющими достаточной профессиональной квалификации. Но в целом проявления этнической мобилизации пока остаются ситуативными, она активно используется в период электоральных кампаний или в обстоятельствах, благоприятствующих перераспределению различных ресурсов между землячествами (кланами) и группами влияния¹. Вместе с тем мнемонические конфликты, отражающие или усиливающие мобилизацию одной этнической группы, предполагают активные действия в сфере исторической памяти и представителей другого этноса (чаще всего, русских), причем эти действия также способствуют этнической мобилизации или провоцируют ее.

В литературе высказываются мнения, что общая стратегия структур власти Бурятии, включающая и политику памяти, состоит в деполитизации этничности, в ее своеобразной перекодировке и конструировании региональной (республиканской) идентичности, основными особенностями которой являются «толерантность к культурной инаковости и достаточно выраженная аполитичность по отношению к “классическим” этнополитическим проблемам (национальное самоопределение народов, соотношение политического статуса “коренного” и “некоренного” населения)»². На это, в частности, направлены меры приоритетной поддержки властями различных фестивалей и иных деполитизированных по своей направленности культурных мероприятий. Однако в сфере политики

---

¹ Дашибалова И.Н. Этносоциальная стабильность и политизация этничности в регионе (на примере Республики Бурятия) // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 11. – С. 51–53.

² Варнавский П.К. Конструирование социокультурных границ в дискурсе бурятской этничности (начало XXI в.) // *Debaty Artes Liberales: пограничье культур – культуры пограничья*. – Warszawa, 2012. – Т. 6. – С. 244–267.

памяти такая стратегия ограничивает возможности проактивных действий. Появление новых мнемонических конфликтов сразу будет ставить вопрос об эффективности подобной стратегии. Конфликты памяти в регионах, где этничность сопряжена с территориальностью, как правило, могут служить индикаторами новой этнической мобилизации.

Три рассмотренных кейса при всем их своеобразии демонстрируют, что в данных регионах общегосударственный исторический нарратив не сталкивается с систематическим оспариванием. Правда, неопределенность этого нарратива в отношении ряда важных исторических событий, в том числе революций 1917 г. и Гражданской войны, оставляет значительный вариативный простор для различных региональных повествований о значимых событиях. В некоторых аспектах отдельные регионы даже идут «вперед» федерального центра, апробируя вполне функциональные модели работы с прошлым применительно к конкретным событиям. Так, несмотря на контингентность обстоятельств установки памятника А.В. Колчаку в Иркутске, данный подход к памяти о Гражданской войне все-таки работоспособен и с рядом корректив может быть мультиплицирован, особенно если федеральный центр, следуя установке на историческое примирение, согласится с принципом равноценности памяти о красных и белых.

Динамика исторической памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока может существенно дополнить репертуар общероссийской политики памяти (и не только ее) в том, что касается образов историко-культурного пространства в конкретных регионах. Здесь, разумеется, есть опасность возникновения сильного диссонанса с привычным «москвоцентричным» образом историко-культурного пространства. Так, в случае Бурятии «москвоцентричная» оптика дополняется или даже оспаривается видением республики как части Внутренней Азии, включающей в себя и Рах Mongolica, и ареал распространения тибетского буддизма. Для Хабаровского края характерно обостренное ощущение миссии изолированного форпоста фронтирной модернизации, о котором центр, чьи интересы он отстаивает и защищает на другом конце континента, позволил себе забыть на несколько десятилетий. Нет сомнений, что образы пространства, историко-географический хронотоп относятся к еще одному направлению политики памяти, значение которого пока недооценено, но которое рано или поздно окажется в центре внимания.

ГЛАВА 5

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ, СВЕРДЛОВСКОЙ, ТОМСКОЙ, НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

(О.Ю. Малинова)

Настоящая глава посвящена политике памяти в группе субъектов Российской Федерации, которые географически¹ принято относить к Уралу и Западной Сибири. Это огромные территории, по площади сопоставимые со средней величины государствами. Неудивительно, что между ними есть немало различий с точки зрения природных условий, экономического развития, этнокультурного состава, конструирования региональных идентичностей и интерпретации локального исторического прошлого. Вместе с тем логика сопряжения этого прошлого с национальным нарративом имеет немало общего: основной упор делается на истории интеграции в Российское государство («присоединении», «покорении», «завоевании», «колонизации») и местных особенностях исторических процессов и событий, выступающих основными вехами общероссийской истории. Крайность как принадлежность к раздвигающейся периферии, сочетание центростремительных и центробежных тенденций составляют характерную особенность

---

¹ Воображаемая география не всегда совпадает с административной: в 2000 г. Пермский край был включен в Приволжский федеральный округ. По утверждению региональных экспертов, это вносит диссонанс в региональную идентичность, которая чаще воспринимается как «уральская».

конструирования здешних территориальных (региональных и локальных) идентичностей.

Будучи первой попыткой такого рода, настоящее сравнительное исследование политик памяти в Пермском крае, Свердловской, Томской, Новосибирской областях и Алтайском крае не претендует на полноту наблюдений и выводов. Мы видим свою задачу в том, чтобы на основе интервью местных экспертов, изучения литературы и отчасти собственных полевых наблюдений выделить ключевые особенности использования исторического прошлого для конструирования региональных идентичностей, туристического брендинга и выстраивания отношений «центр – регионы» в этой части России. Используя сравнительный подход, мы заведомо отказываемся от погружения в детали каждого кейса, но получаем возможность увидеть общие и специфические тенденции, что, в свою очередь, помогает лучше понять многослойность политики памяти в таком большом государстве, как Российская Федерация.

Отбор кейсов для анализа осуществлялся по нескольким принципам. В выборку вошли регионы, относящиеся к Уралу и Западной Сибири, что позволило увидеть, как общие исторические процессы, по-разному протекая на обширных территориях, некогда составлявших восточные окраины Российской империи, отражались в локальной исторической памяти. Мы стремились учесть особенности конструирования региональных идентичностей, в ряде случаев опирающихся на устойчивую традицию сопоставления с соседями (Пермь – Екатеринбург, Томск – Новосибирск). Выбранные для изучения регионы политологи относят к кластерам конкурентных (Пермский край, Свердловская область, Алтайский край) или умеренно-конкурентных (Новосибирская и Томская области) – разумеется, по российским меркам, – что указывает на наличие активных и полицентричных региональных элит¹. Данное обстоятельство предположительно должно стимулировать конкуренцию в области политики памяти. Наконец, поскольку настоящее исследование проводилось в период ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, предпочтение было отдано регионам, при изучении политики памяти в которых автор мог опереться на наблюдения и материалы, собранные им в предыдущие годы. Такая

---

¹ Korgunyuk Yu. Electoral Cleavage Map of Russia: Based on an Analysis of the 2011 State Duma Election and the Regional Elections of 2012–14 // *European Politics and Society*. – 2015. – Vol. 16, N 4. – P. 467–487.

выборка дает возможность выделить некоторые общие тенденции и особенности, однако полученные наблюдения нельзя распространять на другие регионы Урала и Западной Сибири – их политики памяти требуют самостоятельного изучения.

Мы начнем с анализа репертуаров региональных политик памяти, сосредоточившись на актуализации в них событий различных исторических периодов, затем перейдем к характеристике ключевых акторов и в заключение попытаемся выделить некоторые общие тенденции.

Точки отсчета региональных исторических нарративов

Политика памяти опирается на историю, но в действительности оперирует ограниченным набором событий и фигур, которые являются «узнаваемыми». Репертуары актуализированного прошлого формируются постепенно. Они зависят от того, как история региона вписывалась в доминировавшие в разное время нарративы, от сохранившегося материального наследия, но также и от акторов, которые отстаивают различные интерпретации прошлого и поддерживают (или замалчивают) определенную «память» о нем. Это особенно очевидно при сравнении. Пять регионов, рассматриваемых в настоящей главе, демонстрируют примечательные особенности репертуаров актуализированного прошлого.

Анализ таковых, в частности, демонстрирует условность тропа «тысячелетняя история России»: начальные эпизоды общенационального нарратива о становлении российской государственности не имеют непосредственных проекций на Урале и за Уралом. Как выразился один из наших экспертов, «повестка о Владимире, о Херсонесе и т.п. нам не близка» [Э-57-01]. Другой эксперт отметил, что не все общегосударственные праздники в местном контексте «работают»: «Возьмем, например, 4 ноября – что можно на Урале сказать об этом празднике?» [Э-65-03]. Вопрос о точке отсчета для локальных исторических нарративов решается по-разному. Это особенно очевидно при анализе региональных компонентов выставок «Рюриковичи» и «Романовы» в парках «Россия – моя история»¹, но также подкрепляется и нашими экспертными интервью.

---

¹ Исторические парки есть в трех из пяти столиц рассматриваемых в этой главе регионов – в Новосибирске, Перми и Екатеринбурге. В екатеринбургском парке базовые выставки – «Рюриковичи» и «Романовы» – недавно были закрыты

С одной стороны, везде есть археологическое древнее наследие. В некоторых случаях оно представлено уникальными артефактами. Например, в Свердловском областном краеведческом музее демонстрируется древнейшая в мире сохранившаяся деревянная скульптура – Шигирский идол (датируется XI тыс. до н.э.). В некоторых случаях речь идет не просто об археологических, но о палеонтологических находках. Так, на Алтае были обнаружены останки вымершего подвида людей, названного «денисовским» по имени пещеры, где происходили раскопки [Э-84-01]. С другой стороны, материальные следы прошлого рассматриваемых территорий сложно актуализировать и вписать в продолжающийся нарратив. По словам нашего екатеринбургского эксперта, хотя «в регионе присутствует археологическая наука, изучающая каменный век, но большого нарратива памяти, связанного с этим, нет. Как нет и большого нарратива, который был бы сравним с историей о кочевниках Южного Урала, о Волжской Булгарии» [Э-65-03]. В Томске, где давно сложилась сильная этнографическая школа, «интерес к укладу жизни традиционных народов... является частью томской идентичности»; это подкрепляет интерес к наследию сибирских татар, населявших Притомье ещё до прихода русских, к фрагментам старой архитектуры, которые сохранились в татарских районах города [Э-69-01]. По мнению нашего эксперта, иначе обстоит дело с историческими «корнями» в Алтайском крае: «У нас разорванная история. Люди, которые жили здесь в XVI веке просто как бы исчезли. Пришли другие люди, и они считают себя автохтонными... Многие считают, что эта территория всегда была русской» [Э-84-01]. В Новосибирске локальный исторический нарратив принято начинать с XVII в., с «покорения» Сибири русскими казаками [Э-50-01].

Древнее прошлое отчетливо актуализировано лишь в случае Пермского края. «Память» о Перми Великой, средневековом княжестве, располагавшемся на территории Верхнего Прикамья и на

на реконструкцию. На момент проведения полевого исследования, в октябре 2021 г., работали выставки, посвященные Александру Невскому и советскому разведчику Николаю Кузнецову, в которых нет регионального компонента. Помимо собственных полевых наблюдений в пермском парке, мы опираемся на обстоятельный анализ региональных компонентов трех сибирских парков – Якутского, Омского и Новосибирского – в статье: *Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С.* Исторический парк «Россия – моя история»: региональный компонент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 3, ч. 2. – С. 219–238.

каких-то этапах находившемся в зависимости от Великого княжества Московского и, возможно, также от Новгородской республики, выступает в качестве одного из основополагающих мифов региональной идентичности [Э-57-02]. Название исторической области позже распространилось на Пермское наместничество, Пермскую губернию и ее центральный город – Пермь (в 1940–1957 гг. – Молотов). Случай Перми дает возможность увидеть в действии некоторые механизмы актуализации прошлого.

Один из них – туристическое брендинг региона, в котором активно используются два самобытных элемента древнего культурного наследия – пермский звериный стиль и деревянная храмовая скульптура. Пермский звериный стиль отличает найденные в археологических раскопках предметы из бронзы, украшенные фигурками животных и птиц. Находки датируются примерно VI–IX вв. н.э. и, по мнению исследователей, имеют местное происхождение. Древние образы в настоящее время активно используются в оформлении городских объектов и в сувенирной продукции. Уникальная деревянная скульптура, сохранившаяся в православных храмах на территории современного Чердынского района – одна из главных туристических достопримечательностей Перми. Как известно, в начале XVIII в. Русская православная церковь запретила объёмные изображения святых. Однако на окраине к совмещению языческих и православных традиций отнеслись более терпимо. Большая коллекция деревянной скульптуры была собрана в 1920-х годах искусствоведом Н.Н. Серебрянниковым в ходе экспедиций по изысканию церковных ценностей. Значительная ее часть ныне представлена в Пермской государственной художественной галерее.

Второй механизм актуализации древнего прошлого в Перми – художественные образы. Современные мифы о «Перми Великой» как исполненной мистических смыслов дохристианской земле обязаны своим происхождением романам А.В. Иванова, по одному из которых снят фильм «Сердце Пармы»¹. По словам нашего эксперта, образы Пармы ассоциируются с Коми-Пермяцким автономным округом. Слово «парма» образовано от финно-угорского корня и обозначает поросший лесом холм. Будучи использовано в заглавии романа Алексея Иванова, оно в дальнейшем стало названием местного баскетбольного клуба [Э-57-02], команды КВН, базы отдыха и т.д. Таким образом, современный нейминг подхватывает популярные литературные образы.

---

¹ Этот миф актуален и для Республики Коми.

Художественное воображение древнего прошлого – один из способов связать локальный исторический нарратив с доминирующей версией общероссийского. Еще одним примером такого подхода может служить самостоятельный «Первый музей славянской мифологии», существующий в Томске с 2007 г.¹ Примечательно, что создатели музея видят его задачу в том, чтобы «воскресить в памяти исконные образы»². Экспозиция музея включает не только археологическую и этнографическую коллекцию, но и произведения искусства, воссоздающие образы «славянской древности». На базе музея ведется разнообразная общественно-культурная и коммерческая деятельность: организуются образовательные программы, призванные «раскрыть все краски и глубину русской культуры»³, проводятся выставки и мастер-классы, устраиваются свадьбы, девичники, корпоративные вечера и многое другое. Хотя из экспозиции музея можно почерпнуть информацию об этнографическом многообразии региона, основной упор делается на «вспоминание» древнеславянских традиций, укорененных в мифологии. Здесь, как и в случае романов Алексея Иванова, художественное воображение реконструирует дохристианское прошлое, достраивая локальные исторические нарративы мифическими образами. Однако это прошлое не места, а преобладающей этнической группы, древняя история которой связана с регионами Центральной России.

Есть и другой подход к нарративному осмыслению древнейшего исторического прошлого: в Свердловском областном краеведческом музее частью экспозиции, демонстрирующей результаты археологических исследований, является лента времени, помещающая местные находки в глобальную хронологию, от Древней Индии и Египта до образования первых государств в Европе и Киевской Руси. Есть в музее и небольшая экспозиция, посвященная Уралу в IX–XIV вв. и этнографическому многообразию региона.

Древнейшее прошлое региона, как правило, не является частью связанных исторических нарративов, на которые опираются региональные идентичности. Пожалуй, исключением является Пермь, где элементы древнего культурного наследия не только используются в брендировании региона, но и закрепляются в популярных

---

¹ На основании фотоархива автора, ноябрь 2016 г.

² Сайт «Первый музей славянской мифологии». – URL: <http://slav-museum.ru/>

³ Там же.

художественных текстах. Более типичными отправными точками выступают события, связанные с историей колонизации и промышленного освоения территории. Как выразился наш екатеринбургский эксперт, «по большому счету, история для большинства начинается с Татищева и де Геннина, то есть с начала XVIII века» [Э-65-01].

Досоветское прошлое как предмет региональных политик памяти

Данное обстоятельство отчасти обусловлено наличием письменных и визуальных источников, на основе которых можно формировать узнаваемые образы прошлого, а отчасти – потребностью в сопряжении региональных исторических нарративов с общенациональными. Последние не обязательно являются собственно государственными. Так, в экспозициях уральских краеведческих музеев заметным эпизодом «вспоминаемого» прошлого является деятельность «первого епископа и просветителя Пермских земель» в XIV в. Стефана Пермского – эта тема, значимая для истории церкви, представлена не только в Перми, но и в Екатеринбурге. «Памятны» и события, связанные с «присоединением» / «завоеванием» / «покорением» / «колонизацией» Сибири казаками, в частности – с походами Ермака Тимофеевича. Они также визуализированы в экспозициях региональных музеев и исторических парков.

Однако наиболее заметным компонентом досоветского репертуара на Урале являются события, связанные с промышленным освоением региона в XVIII в. – строительство заводов, основание городов, «история горнозаводской цивилизации» [Э-65-01; Э-65-03; Э-57-02]. Они отражены не только в музейных экспозициях, но и в памятниках, топонимии, городских праздниках и т.д. Так, наши екатеринбургские эксперты единодушно называли самой значимой исторической датой города 18 ноября 1723 г. – день запуска железоделательного завода. И хотя день города по сложившейся традиции отмечается в августе, 18 ноября стремятся выделять; в частности, «в этот день городские музеи работают бесплатно, символизируя, что это значимая дата» [Э-65-06].

В Перми дата, от которой следует вести отсчет основанию города, – предмет дискуссий. По воспоминаниям нашего эксперта, в позднесоветский период были споры между академической общественностью, сотрудниками партийных архивов, музеев и журнали-

стами о том, когда следует проводить юбилей города: чествовать ли «Пермь купеческую», ведя отсчет от начала строительства в 1723 г. Егошихинского (Ягошихинского) медеплавильного завода, вокруг которого сформировался преимущественно купеческий центр нынешней Перми, или «Пермь рабочую», подчеркивая дату основания Мотовилихинского медеплавильного завода в 1736 г., на базе которого позже сформировался серийный завод полного цикла по выпуску артиллерии и реактивных систем залпового огня [Э-57-01]. В настоящее время эта дилемма разрешилась в пользу более ранней даты: 300-летие Перми будут праздновать в 2023 г.¹

Вместе с тем есть и основания для другого подхода, поскольку поселения при заводах еще не были городами в строгом смысле слова. К примеру, в экспозиции Пермского краеведческого музея «открытие города Перми» связывается с административной реформой Екатерины II, по которой земли Прикамья вошли в состав Пермско-Тобольского наместничества, состоявшего из двух губерний. С целью выбора столицы Пермской губернии были посланы две комиссии, которые и остановили свой выбор на Егошихинской слободе. Торжественное открытие наместничества и города Перми с богослужением, крестным ходом и фейерверком состоялось в установленный императрицей срок, 18 октября 1781 г. Музейная экспозиция начинает освещение административной истории Пермской губернии именно с этого события.

Аналогичным образом экспозиция Музея истории Екатеринбурга (филиал Свердловского областного краеведческого музея) включает не только рассказ о «горнозаводской столице» XVIII в., но и зал, названный «От завода к городу», в котором освещается экономическая, социальная, культурная история Екатеринбурга в 1781–1917 гг. Таким образом, и здесь история города не сводится к истории завода. Тем не менее в Екатеринбурге 300-летие города предполагают праздновать в августе 2023 г., в день города².

Историю Томска ведут от построенного в 1604 г. по указу царя Бориса Годунова острога. Возведение русской крепости на данной территории знаменовало переход эуштинских татар под власть московских государей и включение их земель в состав Рос-

---

¹ Юбилей Перми. 300 лет в 2023 году // Сайт «Федерал-пресс». – URL: <https://fedpress.ru/story/2187929>

² Шевалдин Д. Город с особым статусом. Екатеринбург готовится к 300-летнему юбилею // АиФ Урал. – 2018. – 16 мая. – URL: https://ural.aif.ru/society/situation/gorod_s_osobym_statusom_ekaterinburg_gotovitsya_k_300-letnemu_yubileyu

сийского государства. В XVII в. сторожевой город послужил опорной базой для дальнейшего освоения русскими Сибири, основания новых городов и острогов. Позже, с продвижением русской колонизации на восток и прекращением набегов кочевников, Томск потерял свое военно-стратегическое значение, и крепость стала постепенно разрушаться¹. В 1960-х годах на месте предполагаемого основания города был установлен памятный камень, а позже по сохранившимся эскизам была реконструирована крепость, которая стала музеем.

Как уже упоминалось, в Новосибирской области региональный нарратив также принято начинать с истории острогов [Э-50-01]. Именно с освоения Западной Сибири русскими казаками в XVII–XVIII вв. начинается региональный компонент исторического парка «Россия – моя история». Таким образом, результаты археологических и этнографических исследований на территории современного региона в экспозиции не отражены, и история Сибирского ханства, частью которого он некогда являлся, опускается². Фокус на историю острогов позволяет удревить связи регионального нарратива с общероссийским. Однако основание региональной столицы – Новосибирска (до 1926 г. Новониколаевска) – произошло лишь в конце XIX в. и было связано со строительством Транссибирской магистрали. По словам нашего эксперта, «имперский период из-за работы краеведов, которые начали изучать судьбы инженеров-строителей транссибирской магистрали, стал в последнее время главным трендом в отношении коммеморации городской истории» [Э-50-01].

Тема железных дорог вообще значима для мнемонических ландшафтов Урала и Западной Сибири. К примеру, решение о строительстве Транссиба в обход Томска – неисчерпаемый источник городских мифов. Как говорил наш эксперт, «и в самом томском мировоззрении это важно – вот Трансиб мимо нас, мы на отшибе, Новосибирск был никто, а стал... Зависть к более успешному богатому соседу» [Э-69-01]. Тем более подчеркивается тот факт, что Томск стал первым университетским городом за Уралом – Императорский Томский университет был основан в 1878 г. Тема железных дорог важна и на Урале. Она присутствует в экспозициях

---

¹ Томский острог // Краеведческий портал «Земля Томская». – URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/70/>

² Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк «Россия – моя история» ... – С. 231–232.

краеведческих музеев и региональных компонентах исторических парков и имеет не только практическое, но и символическое измерение. Один из наших экспертов интерпретировал решение о демонтаже отрезка Уральской горнозаводской железной дороги, проходящего в центре Перми по берегу Камы, принятое при губернаторе М.Г. Решетникове, как «удар по уральскому нарративу», лишаящий Пермь «уральского символического ряда» [Э-57-02]. Первая на Урале железная дорога, соединяющая Пермь и Екатеринбург, была открыта в 1878 г. Изначально она была автономной, и лишь позднее была соединена с основной железнодорожной сетью страны.

Важное значение для актуализации в региональной идентичности событий XVII–XIX вв. имеет сохранность материального наследия. То обстоятельство, что в Томске (как и в некоторых других сибирских городах) сохранились целые кварталы деревянных домов, построенных в досоветские времена и представляющих очевидную архитектурную ценность, несомненно способствует восприятию преемственности эпох в истории города. Напротив, наш эксперт из Алтайского края сокрушался о плачевном состоянии старинного горнозаводского кластера: «Он находится в центре Барнаула, но уже давно огорожен забором, и там здания еще со времен Ползунова, изобретателя парового двигателя. Там можно было бы великолепное туристическое место сделать, раскрутить этот бренд. Но не могут никак решить вопрос с собственностью этого участка, ничего нельзя строить, все зарастает. Недавно там произошел пожар, который уничтожил всё деревянное, что было». По его словам, период, когда на Алтае развивалось горнозаводское производство, «приезжали инженеры из Петербурга, из Германии» и в городе была «достаточно культурная жизнь» – это «какая-то Атлантида, которая утонула: потом рентабельность потерялась, производства закрыли. С тех пор Алтай – большей частью аграрный регион» [Э-84-01]. Энтузиасты пытаются поддерживать территорию горнозаводского кластера – организуют субботники, убирают мусор, вырезают кустарники, наладили выпуск кирпичей по технологии XVIII в. Но у них нет ресурсов для полноценной реконструкции (там же).

В экспозициях краеведческих музеев и региональных компонентах исторических парков событиям XVIII–XIX вв. отведено заметное место: помимо истории освоения территории и основания городов, много внимания уделяется местным производствам и их роли в экономике страны, а также развитию торговли, созданию

инфраструктуры Русской православной церкви. Представлены документы и фотографии, свидетельствующие о развитии в регионе образования и науки, рассказывается об известных земляках, а также местных деятелях культуры и меценатах. В пермском и екатеринбургском музеях есть небольшие экспозиции, посвященные Отечественной войне 1812 г. и участию в ней земляков. Выделяя общие тенденции, можно сказать, что наиболее «актуальными» в изученных регионах оказываются те фигуры и факты истории имперского периода, которые позволяют продемонстрировать связь с событиями, известными по общероссийским нарративам, и вместе с тем подчеркивают местную особость. В силу этого история регионов до их включения в состав Российской империи выпадает из фокуса; в лучшем случае о ней напоминают этнографические залы краеведческих музеев.

Советское прошлое как предмет региональных политик памяти

Разумеется, наиболее актуальными для региональных политик памяти являются события и фигуры советского периода – в этом отношении Урал и Западная Сибирь похожи на другие регионы. Вместе с тем есть и определенная специфика: поскольку облик многих уральских и сибирских городов радикально изменился благодаря советской индустриализации, имеет место то, что наш эксперт назвал «заводской, индустриальной памятью, проистекающей из инфраструктуры» [Э-65-03]. Эта тема возникала во многих интервью. Разумеется, она важна не только для Урала и Сибири, но здесь имеет особое звучание.

Так, Новосибирск, по утверждению нашего эксперта, «черпает свою идентичность в событиях советской истории. С одной стороны, индустриализация – когда город получил свое развитие как промышленный центр и центр Сибирского края, с другой стороны, оттепель, с которой связано развитие Академгородка: кроме того, это Великая Отечественная война, когда город был центром тылового производства» [Э-50-01]. По свидетельству другого эксперта, Новосибирск воспринимается как «молодой город» [Э-50-02]. В 1925–1930 гг. Новосибирск являлся административным центром Сибирского края¹. По объективным причинам символический

---

¹ Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк «Россия – моя история» ... – С. 231.

ряд советского периода оказывается более насыщенным по сравнению с дореволюционным.

Наследие советской индустриализации может выступать не только в качестве сохраняющегося социального и экономического основания городской жизни, но и культурной ценности. В Екатеринбурге участники нашей исследовательской группы имели возможность посетить экскурсии по городку чекистов и Уралмашу. Первый представляет собой комплекс зданий в стиле конструктивизма, построенных в 1929–1936 гг. в городской черте Свердловска. Комплекс является памятником культуры федерального значения. Второй – это жилой район, построенный для рабочих Уралмашзавода в 1926–1932 гг. Спроектированный талантливыми инженерами и архитекторами, «соцгород» воплотил немало передовых идей, связанных с представлениями о коммунистическом будущем. Следует отметить, что жилье и социальная инфраструктура, включая фабрики-кухни как дань утопическим иллюзиям, строились параллельно с заводом. Правда, на Уралмаше фабрика-кухня проработала недолго, поскольку затея оказалась неудобной. Впоследствии здание фабрики-кухни было превращено в дом культуры. К сожалению, Уралмаш не имеет статуса охраняемого памятника и, вероятно, в ближайшее время утратит первоначальный облик в результате современной застройки. Наследие советского конструктивизма пользуется туристическим спросом. В Екатеринбурге развито самостоятельное экскурсоводческое движение, которое в значительной мере сосредоточено на истории города в советский период.

Аналогично дело обстоит и в Томске. По словам нашего эксперта, «достаточно много людей водят экскурсии по разным местам городской памяти. В том числе по осколкам советской архитектуры, которые сохранились в Томске, начиная с конструктивизма 30-х годов. Интерес к советскому есть. Одно время к позднесоветской архитектуре 70-х годов было пренебрежительное отношение, а сейчас кем-то это воспринимается как часть стиля, часть истории, на которую стоит посмотреть и оценить ее как часть истории» [Э-69-01].

Однако память о советской индустриализации связана не только с приобретениями, но и с потерями. В одном из наших пермских интервью зашла речь о символических последствиях строительства Камской ГЭС и серии гидроэлектростанций, кардинально изменившего ландшафт, занятия многих людей и их место жительства. «У нас нет ландшафта крестов, виднеющихся из воды после целенаправленного затопления деревень, как в случае Ры-

бинского водохранилища, – рассказывал наш эксперт, – но у нас в зону затопления попало много исторических построек. Например, в селе Ильинском – центральном для строгановского имения – первые две-три улицы полностью ушли под воду. Это травма, которая не проговорена, а людям, которые эту травму пережили, сейчас около семидесяти или восьмидесяти лет». Вместе с тем сейчас активно конструируется тема Перми как «города на воде» и всего, что связано с малыми реками края [Э-57-01], в том числе с прицелом на развитие туризма.

С точки зрения репертуара актуальных событий советского прошлого Урал и Западная Сибирь не отличаются от других регионов России: центральным пунктом коммеморативной повестки выступает Великая Отечественная война, наиболее дискуссионными темами остаются Гражданская война и сталинские репрессии. Основные вехи советского строительства – индустриализация, коллективизация, послевоенное восстановление хозяйства, оттепель и т.д. в большей или меньшей степени находят опору в местном материале и отражены в экспозициях музеев и топонимии. Локальная память о некоторых из этих событий имеет примечательную специфику.

Прежде всего это касается *Гражданской войны*, поскольку Западная Сибирь и особенно Урал были важными театрами военных действий. На Урале Гражданская война – важная узловая точка для конструирования региональных идентичностей. По словам нашего эксперта, «эти события можно рассматривать как точку исторического разлома, когда динамика между городами-соперниками Екатеринбург и Пермью сместилась. Екатеринбург «поднялся» за счет того, что они приняли красных с распростертыми объятьями, с этим связан их индустриальный бум. А раньше губернским центром и, соответственно, столицей Урала была Пермь. Столичный статус Перми был утрачен в связи этими событиями» [Э-57-02]. Некогда дата освобождения Екатеринбурга от колчаковских войск – 15 июля – отмечалась как важный праздник по всему Большому Уралу. По мнению нашего эксперта, «до войны это был базовый день, вокруг которого строилась современная традиция Екатеринбургско-Уральская» [Э-65-01]. Память о Гражданской войне основательно закреплена в памятниках и названиях улиц и площадей. В Екатеринбурге, в конце проспекта Ленина стоит монумент, «о значении которого мало кто помнит – Вечный огонь. Это один из немногих Вечных огней, не связанных с Великой Отечественной войной. Его зажгли в честь уральских коммунаров,

пострадавших от колчаковцев... В 1930-е годы история об уральских коммунарах была одной из центральных тем коммеморации Гражданской войны, именами коммунаров называли улицы». Теперь же о значении памятника уже не все помнят, полагая, что «он посвящен погибшим в Великой Отечественной» [Э-65-03]. Большой памятник красным героям Гражданской войны есть и в Перми, в парке на набережной Камы. Он был установлен в 1980-х годах. В советское время монументальной коммеморации Гражданской войны придавалось большое значение. По свидетельству нашего эксперта, в городах и селах сохранилось множество типовых обелисков 1920-х годов, изображавших каслинских рабочих с винтовками, «такие памятники тиражировались по всему Уралу» [Э-65-03]. В Новосибирске также есть большой мемориальный комплекс жертвам колчаковщины, построенный в советское время. По свидетельству нашего эксперта, «в каждом селе, где проходили события Гражданской войны, есть советский памятник, посвященный этим событиям, в то же время белое движение никак не коммеморируется» [Э-50-01].

Это общая тенденция: символическая инфраструктура памяти о Гражданской войне была создана в советский период и сфокусирована на коммеморации красных героев и жертв, павших от рук белых. Трансформировать эту инфраструктуру оказывается непросто. Хотя в некоторых регионах эта тема продвигается. Так, по инициативе чешского консульства на Михайловском кладбище Екатеринбурга был установлен памятный знак погибшим воинам Чехословацкого корпуса. На нескольких зданиях были установлены памятные знаки, посвященные чехословакам и белогвардейцам, в том числе – А.В. Колчаку [Э-65-06; Э-65-03]. Предметом борьбы является переименование улиц. По словам нашего пермского эксперта, топонимы, увековечивающие красных героев Гражданской войны, «в подавляющем большинстве не были изменены. Как здесь ни ломались копыя, отменить это никак не удастся. У нас есть улица и сквер Розалии Землячки, которая прославилась своим палачеством в годы Гражданской войны. У нас есть улица Хохрякова, тоже из числа кровавых большевиков, которые у нас были. И еще целый ряд других красных командиров, которые гуманизмом не отличались» [Э-57-03]. Безуспешная борьба за переименование улиц идет и в Екатеринбурге: «Люди выходят и клеят небольшие стикеры, например, на улице Хохрякова, где рассказывают о том, каким тот был подонком. На улице Вайнера инициативная группа расклеивает небольшие стикеры, где пишут о том, какой злодей

был этот господин Вайнер. Церковь выступает за то, чтобы переименовать Свердловскую область, так как Свердлов был связан с известными событиями и, следовательно, следует переименовать область каким-то образом, чтобы было более нейтрально, чтобы название области не было так идеологически нагружено» [Э-65-04]. Однако поскольку у переименования улиц есть и противники, городские власти предпочитают поддерживать мнемонический конфликт в состоянии статус-кво. Некоторый баланс памяти о красном и белом терроре проще поддерживать в музейных экспозициях: в Пермском краеведческом музее Гражданская война представлена как трагическая история. И хотя рассказывается она преимущественно с точки зрения победителей-красных, другая сторона и, что немаловажно, оказавшееся между двух огней мирное население представлены тоже. Например, обращают на себя внимание красноречивые фотографии пермских красногвардейцев – участников подавления крестьянского восстания в июле 1918 г. – и арестованных ими повстанцев. Можно предположить, что в советское время эта часть экспозиции могла бы служить подтверждением трудной борьбы за правое дело, однако в современном контексте она воспринимается как иллюстрация трагедии гражданского конфликта¹. Впрочем, нельзя сказать, что это – общая тенденция. В Екатеринбурге ни в основной экспозиции краеведческого музея, ни в музее истории города тема Гражданской войны не затрагивается. По свидетельству наших экспертов, несмотря на былую значимость для региональных идентичностей, в настоящее время «тема красного и белого террора изрядно вытеснена темой, с одной стороны, сталинского террора 1937 г., а с другой стороны – историей о Великой Отечественной войне» [Э-65-03].

Вместе с тем на Урале важным элементом официальной мнемонической повестки является тема, непосредственно связанная с Гражданской войной – гибель членов царской семьи. В Екатеринбурге на месте разрушенного в 1978 г. дома Ипатьева, в котором содержались под арестом и в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. были расстреляны Николай II и члены его семьи, в начале 2000-х годов был построен Храм-на-Крови. Это не только действующий православный храм, но и центр паломнического и мемориального комплекса: рядом построено здание Патриаршего подворья, в котором есть музей Святой царской семьи, концертный зал с «царским» роялем, личные покои патриарха и прочие помещения.

---

¹ На основании фотоархива автора, март 2021 г.

Коммеморация царской семьи – важная часть региональной повестки политики памяти: в так называемые «царские дни» в Екатеринбург стекаются паломники из разных частей России и из-за рубежа, устраивается крестный ход, проводятся памятные мероприятия на месте захоронения царских останков на Ганиной Яме [Э-65-03; Э-65-04; Э-65-06]. По словам нашего эксперта, место расстрела царской семьи стало «самым раскрученным в историческом и туристическом плане, своеобразным центром притяжения» [Э-65-01]. В Перми в 2018 г. при поддержке местной администрации и федерального центра проходили мероприятия, посвященные столетию гибели великого князя Михаила Романова, который отбыл в Перми ссылку и был убит сотрудниками ЧК и милиции в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. [Э-57-02; Э-57-03]. Однако тема трагедии царской семьи, столь значимая для региональных политик памяти, скорее оказывается частью нарратива о Российском государстве и его властителях, нежели частью истории Гражданской войны.

Как уже отмечалось, для Урала и Западной Сибири чрезвычайно значимым элементом советского прошлого является *индустриализация*. Эта тема представлена в краеведческих музеях и исторических парках, причем не только с парадной стороны. Так, стенд, посвященный индустриализации Прикамья в годы первых пятилеток, включенный в региональный компонент пермского исторического парка, сообщает не только о стахановском движении, но и о нехватке продуктов питания, одежды и обуви из-за слабого развития на Урале легкой промышленности, об использовании на стройках труда спецпоселенцев, об усилении эксплуатации труда рабочих. Авторы экспозиции, с одной стороны, подчеркивают достижения индустриализации – создание новых отраслей промышленности и развитие ранее существовавших, а с другой – констатируют, что «принятие решений без учета реальных исторических условий вело к срывам планов, авариям, поискам “врагов”» и обращают внимание на перекося в развитии промышленности, в результате которого предприятия тяжелой отрасли стали составлять 76% всех заводов, а также на ухудшение экологического состояния территории¹. Будучи существенным компонентом региональных идентичностей на Урале и в Западной Сибири, локальная память о советской индустриализации опирается на насыщенный символический ряд и отличается многообразием сюжетов.

---

¹ На основании фотоархива автора, март 2021 г.

Тема *коллективизации* также имеет региональную специфику. По мнению нашего екатеринбургского эксперта, «память о коллективизации у нас не то чтобы маргинальная, но она не определяющая...» [Э-65-03], она оказывается в тени индустриализации. Вместе с тем именно на территории Свердловской области находится одно из главных в стране мест памяти о коллективизации – музей Павлика Морозова. По свидетельству эксперта, «его смогли очень эффективно превратить из советского музея в музей, рассказывающий драматическую историю семьи Павлика Морозова, о семейной драме. Этот музей очень популярен...» [Э-65-03].

Память о коллективизации связана не только с созданием колхозов на территориях современных регионов, но и с «кулацкой» ссылкой: с 1930 г. Урал стал основной территорией размещения раскулаченных крестьян из других регионов страны. Эта тема не отражена в краеведческих музеях, которые автору удалось посетить, но она звучит в региональном компоненте пермского исторического парка: на выставке представлены материалы о коллективизации и раскулачивании в крае, а также стенды, описывающие быт спецпереселенцев и условия их труда. Авторы экспозиции отмечают, что «принудительный труд спецпоселенцев стал одним из средств форсированного индустриального строительства на Урале...». Раскулачивание и ссылка интерпретируются как «форма массовых репрессий в отношении крестьянства»¹.

Тема коллективизации представлена и в региональном компоненте новосибирского исторического парка: в нее включены материалы, рассказывающие о продразверстке, Колыванском восстании, коллективизации. Подчеркивается, что массовые репрессии против крестьян в стране начались после поездки И.В. Сталина в Сибирь и конкретно в Новосибирск в 1928 г. Отмечено и антисоветское Чаинское восстание на спецпоселении в Нарыме².

Есть и попытки музеификации памяти о жертвах коллективизации: в 2020 г. по инициативе двух местных жительниц в деревне Палочка Томской области на средства президентского гранта открыт Центр памяти раскулаченных спецпереселенцев [Э-69-01].

---

¹ На основании фотоархива автора, март 2021 г.

² Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк «Россия – моя история» ... – С. 232.

Открытию центра предшествовала кропотливая работа по сбору документов о захороненных на местном кладбище ссыльных¹.

Будучи, как и везде, остро дискуссионной, тема *массовых политических репрессий* занимает важное место в повестках политик памяти на Урале и в Западной Сибири. Здесь она имеет двойное звучание: с одной стороны, это вопрос реабилитации и увековечивания памяти земляков, павших жертвами репрессий, с другой – это память о ГУЛАГе. Последняя тема – проблематичный, но неотъемлемый компонент региональных идентичностей, ведь и в царское, и в советское время Урал и Сибирь были местами заключения и ссылки [Э-65-02; Э-69-02]. Труд заключенных, ссыльных, а также военнопленных играл значимую роль в развитии экономики и культуры этого макрорегиона. Инфраструктура памяти о репрессиях здесь начала формироваться уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Первым музеем истории политических репрессий в СССР стал Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», учрежденный в 1989 г. Музей размещен в помещениях бывшей следственной тюрьмы Томского горотдела ОГПУ – НКВД, существовавшей здесь в 1920–1940 гг. Долгое время музей был автономным, затем стал филиалом краеведческого. Бессменным руководителем музея является один из его инициаторов и учредитель В.А. Ханевич. Расположенный в центре города, музей «Следственная тюрьма НКВД» стал важным местом памяти. Рядом с музеем, на предположительном месте захоронения заключенных в 1920–1930-е гг., разбит Сквер памяти, в котором установлен памятник жертвам политических репрессий на Томской земле – Камень скорби, а также памятные знаки репрессированным народам: калмыкам, полякам, эстонцам, латышам, литовцам. Сквер памяти – место проведения акции «Возвращение имен» в День жертв политических репрессий 30 октября, а также вахт памяти в дни депортаций репрессированных народов. Музей ведет большую исследовательскую и поисковую работу, выступая в качестве своеобразного центра общественных инициатив по увековечиванию памяти жертв репрессий на территории области. Один из его проектов – «Томский мартиролог», электронная база данных почти на 200 тысяч человек, прошедших за годы правления

---

¹ Газизов М. Центр памяти раскулаченных спецпереселенцев открылся в деревне Палочка // Vtomske.ru. – 2020. – 31.08. – URL: <https://news.vtomske.ru/news/177041-centr-pamyati-raskulachennyh-specpereselencev-otkrylsya-v-derevne-palochka>

советской власти на территории Томской области через горнило «чрезвычайек», «троек», раскулачиваний и массовых депортаций народов¹. Музей пользуется популярностью у горожан и гостей Томска. По воспоминаниям нашего эксперта, «в День города, когда все музеи работают бесплатно, музей НКВД побил все рекорды посещений, и они не могли даже закрыть музей, потому что люди стояли в очереди» [Э-69-02]. Для горожан музей – «специфическое место памяти, такое не везде есть» [Э-69-01]. Действительно, расположенные в самом центре города музей «Следственная тюрьма НКВД» и Сквер памяти – это скорее исключение, чем правило.

Иначе дело с коммеморацией жертв репрессий сложилось в Екатеринбурге, где борьба за установку мемориала шла 27 лет. Проект памятника, который первоначально планировалось установить в центре, у Дворца молодежи, был в 1990 г. заказан Эрнсту Неизвестному, уроженцу Свердловска, заслужившему к тому времени мировую славу. Однако лишь в 2017 г., после многочисленных переделок, в сильно измененном по сравнению с первоначальным проектом виде «Маски скорби» были установлены за чертой города, став дополнением мемориального комплекса «Двенадцатый километр», который начал формироваться еще в 1990-х годах на месте массовых захоронений приговоренных к высшей мере наказания со всей Свердловской области. Мемориал на 12-м километре является основным местом памяти о жертвах массовых репрессий в регионе². Здесь установлены плиты с фамилиями и именами расстрелянных и создан музей, который является филиалом Музея истории Екатеринбурга. В День памяти жертв политических репрессий организуются автобусы, которые доставляют желающих к месту памятных мероприятий, в которых, по свидетельству наших экспертов, участвуют и представители региональной власти [Э-65-03; Э-65-04; Э-65-02]. На 12-м километре проводятся также памятные мероприятия национально-культурных автономий и общественных объединений «этнических групп, которые были подвергнуты депортациям и репрессиям» [Э-65-02]. Таким образом, нельзя сказать, что память о массовых репрессиях не увековечена и не поддерживается публичными ритуалами, однако основное

---

¹ Сайт «Мемориальный музей “Следственная тюрьма НКВД”». – URL: <https://nkvd.tomsk.ru/>

² И даже на Урале в целом: в региональном компоненте пермского исторического парка есть стенд, рассказывающий о 46 пермяках, погибших на 12-м километре (на основании фотоархива автора, март 2021 г.).

место коммеморации вынесено на окраину города. Примечательно, что тема репрессий отсутствует в основных экспозициях Свердловского краеведческого музея и Музея истории Екатеринбурга. В последнем она всплывает лишь на выставке, посвященной почетным гражданам Екатеринбурга: наряду с портретами недавних руководителей там демонстрируются стенды, рассказывающие о представителях старой интеллигенции, попавших в 1930-х годах под репрессии¹. По-видимому, считается, что при наличии филиала на 12-м километре возвращаться к теме репрессий на других площадках краеведческого музея нецелесообразно. О сложностях, с которыми сталкиваются усилия по коммеморации памяти жертв репрессий свидетельствуют и рассказы наших респондентов о безуспешных попытках установить памятную табличку на здании, в котором происходили расстрелы, а ныне располагаются современные силовые структуры [Э-65-04; Э-65-06]. Вместе с тем в 2018 г. в Екатеринбурге была заложена новая традиция коммеморации – акция «Колокол памяти». До пандемии ее проводили в День памяти жертв политических репрессий, 30 октября: в центре города, в бульварной части проспекта Ленина, устанавливали висящий на цепи рельс, подобный тем, которые в ту пору были в лагерях. Все желающие могли почтить память жертв политических репрессий ударом в «Колокол Памяти»². Как обобщил ситуацию с коммеморацией жертв репрессий наш эксперт, «память о репрессиях “звучит” довольно громко, но она “застряла” в своей нише, ей трудно быть магистральной – по понятным причинам» [Э-65-03].

В Пермской области (с 2005 г. – крае) коммеморация жертв репрессий также является заметным элементом региональной мнемонической повестки. В Перми сложилось сильное отделение «Мемориала»³ (по воспоминаниям нашего эксперта, в какие-то моменты «в пермском “Мемориале” было больше 20 тысяч членов» [Э-57-03]. В 1996 г. на Егошихинском кладбище, напротив следственного изолятора, где в 1930–1940-е годы находилась тюрьма НКВД №1, был установлен памятник жертвам политиче-

---

¹ На основании фотоархива автора, октябрь 2021 г.

² Акция «Колокол Памяти» в День памяти жертв политических репрессий // Сайт «Уполномоченный по правам человека в Свердловской области». – 2018. – 30.10. – URL: https://ombudsman.midural.ru/news/show/id/3341/news_category/61

³ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

ских репрессий¹. Именно там проводятся общественные мероприятия в дни памяти, обычно приуроченные к 30 октября [Э-57-03; Э-57-01]. Инициативы по увековечению памяти жертв пользуются определенной поддержкой со стороны региональной администрации. Краевой бюджет выделяет средства на издание Книг памяти [Э-57-03]. По инициативе краевой Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в школах с конца 1990-х годов проводятся уроки памяти. Принятие в 2012 г. Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий способствовало закреплению этой практики: по словам нашего эксперта, «и для Комиссии, и для всех органов это были отчетные вещи; когда надо отчитываться, они понимают, что надо что-то делать» [Э-57-03]. Увековечиванием памяти жертв репрессий активно занимается Русская православная церковь: по числу представителей духовенства, пострадавших во время красного террора и в последующие десятилетия Пермь занимает одно из первых мест в России². Таким образом, в столице края сложилась достаточно сильная коалиция мнемонических акторов, развивающих данную тему.

Вместе с тем из-за скандала, связанного с Мемориальным музеем истории политических репрессий «Пермь-36», Пермский край иногда представляют как показательный пример противодействия коммеморации политических репрессий со стороны властей³. Музей на месте бывшей «Исправительно-трудовой колонии ВС-389/36» у деревни Кучино был создан по инициативе общественности в начале 1990-х годов. Колония функционировала с 1942 до 1988 г.; обвиненные по различным политическим статьям составляли значительную часть ее контингента. Создатели музея видели

---

¹ Памятник жертвам политических репрессий // Сайт Пермского краевого отделения общества «Мемориал». – URL: <http://www.pmem.ru/index.php?id=5454>

² Новомученики XX века. Церковное почитание и историческая наука. Интервью М.И. Дегтяревой радио «Град Петров». – URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/novomucheniki-xx-veka-tserkovnoe-pochitanie-i-istoricheskaya-nauka/>

³ Например, Т. Шерлок представляет эту историю как «консервативное наступление» на критиков сталинизма: *Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin* // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2016. – Vol. 49, N 1. – P. 47. Более основательный анализ конфликта, связанного с музеем «Пермь-36» см.: *Goode J.P. Patriotism without Patriots? Perm'-36 and Patriotic Legitimation in Russia* // *Slavic Review*. – 2020. – Vol. 79, N 2. – P. 390–411.

цель в увековечении памяти жертв политических репрессий сталинского и брежневского периодов. Музей существовал на частные пожертвования и иностранные гранты, но получал средства и из регионального бюджета. Популяризации «Перми-36» способствовал гражданский форум «Пилорама», который с 2005 г. проводился вблизи от музейного комплекса, в палаточном городке на берегу реки Чусовая. Оппозиционная направленность форума, равно как и просветительская деятельность музея не раз вызывали нападки в прессе¹. Однако действительно серьезные проблемы начались, когда руководство «Перми-36» согласилось на изменение общественного статуса музея. Это было сделано в расчете в дальнейшем получить статус федерального музея, дабы обеспечить надежное финансирование в условиях, когда больше нельзя было рассчитывать на иностранные гранты [Э-57-03; Э-57-01]. Но в 2013 г. администрация нового губернатора края В. Басаргина заменила прежнее руководство музея. Это привело к публичному конфликту, череде обвинений и судебных исков и в конечном счете – юридической ликвидации АНО «Пермь-36», некогда созданной для управления музеем. Музей стал государственным бюджетным учреждением культуры. Высказывались опасения, что он будет превращен в музей советской пенитенциарной системы², однако, судя по экспертным интервью и информации сайта, он по-прежнему позиционируется как музей истории политических репрессий.

В конфликте вокруг «Перми-36» основные роли играли региональные акторы. Федеральные акторы в лице Совета по правам человека при президенте и президентской администрации скорее

---

¹ Гизен А. Расколота память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 3. – С. 363–376.

² Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. – P. 47; Гизен А. Расколота память ... – С. 368; Goode J.P. Patriotism without Patriots? – P. 405–406. Основанием для таких опасений послужили устроенные музеем интерьерные выставки, знакомившие с условиями жизни заключенных брежневского периода и оборудованием помещения, где нес службу дежурный оператор технических средств охраны. Однако музей проводил и другие выставки, в частности, посвященные судьбам конкретных заключенных, работе ученых, которые во время Великой Отечественной войны находились в заключении и работали в тюремных конструкторских и технических бюро, вещдокам, изъятым во время Большого террора и т.п. (Сайт «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». – URL: <https://perm36.com/>

пытались смягчить рвение региональных властей¹. В этом смысле было бы упрощением интерпретировать историю «Перми-36» как индикатор изменения общегосударственной политики памяти. Однако эта история продемонстрировала наличие сильной коалиции мнемонических акторов, противодействующих увековечиванию памяти о политических репрессиях, которая объединяет широкий спектр общественных сил, от коммунистов и ветеранов силовых структур до сторонников консервативного «официального патриотизма». Вместе с тем, получив печальную известность, скандал вокруг «Перми-36» стал восприниматься как знак общей тенденции, подкрепленной и другими примерами.

В отличие от Томска и Екатеринбурга, в Перми нет специального музея или филиала, посвященного массовым репрессиям. Однако вывод о том, что Пермский краеведческий музей «является примером полного игнорирования и отрицания присутствия ГУЛАГа на территории» края, сделанный в недавней статье С. Гавриловой², безоснователен. В музее есть витрина, посвященная репрессиям. Она сообщает об учреждениях ГУЛАГа на территории региона, о масштабах репрессий и раскулачивания и о роли труда заключенных в экономике края. В ней представлены документы, фотографии, личные вещи. История ГУЛАГа и репрессий в экспозиции очевидно не центральная, однако об «игнорировании и отрицании присутствия» говорить некорректно. Более основательно эта тема отражена в региональном компоненте исторического парка «Россия – моя история»: в его экспозиции есть стенды, рассказывающие и о массовых репрессиях земляков, и об учреждениях ГУЛАГа на территории нынешнего Пермского края, в том числе – 3D-модель территории и строения лагеря «Пермь-36»³.

В Новосибирской области и Алтайском крае тема репрессий, по мнению наших экспертов, не является центральной, однако свои места памяти есть и там. В Новосибирске памятник жертвам политических репрессий был открыт по инициативе «Мемориала»⁴ 30 октября 2003 г. в Нарымском сквере. В Барнауле монумент «Прощание. Жертвам политических репрессий посвящается» был

---

¹ *Goode J.P.* Patriotism without Patriots? – P. 411.

² *Gavrilova S.* Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums // *Problems of Post-Communism*. Published online. – 2021. – 29 Mar. – DOI:10.1080/10758216.2021.1885981

³ На основании фотоархива автора, март 2021 г.

⁴ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

установлен на бывшей Соборной площади в 2010 г. по инициативе политика В.А. Рыжкова, банкира А.Е. Лебедева и художника А.П. Щетинина, изваявшего памятник по проекту своего отца¹. Таким образом, во всех изученных регионах тема памяти жертв репрессий так или иначе актуализирована, но ее продвижение очевидно затруднено.

По единодушной оценке всех экспертов, главной темой мнемонических повесток на Урале и в Западной Сибири является *Великая Отечественная война*. Память о ней имеет очевидную региональную специфику. Один из экспертов описал ее так: «У нас нет бывших полей сражений, потому нет необходимости воздвигать памятник, подобный тому, что воздвигли подо Ржевом... В Перми больше акцент на тыловой труд» [Э-57-01]. По словам другого эксперта, на Урале «нарратив о войне тесно связан с историей науки и техники, научно-технического превосходства, трудовой доблести, советского атомного проекта и т.д.» [Э-65-03]. Можно предположить, что именно здесь недавняя инициатива по учреждению почетного звания «Город трудовой доблести», закрепленная федеральным законом в марте 2020 г., должна получить резонанс. Однако наши интервью показывают, что все не так однозначно. С одной стороны, эта инициатива соответствует сложившемуся паттерну вписывания Урала и Западной Сибири в общенациональный нарратив о войне («для Перми идея трудовой славы – это само собой разумеющееся» [Э-57-01]; «в Уралмаше меньше всего кого-то надо убеждать, что Уралмаш причастен к войне и победе» [Э-65-06]; «для Среднего Урала история о Победе – это история о великом трудовом подвиге; все предприятия региона ... имеют в составе музеи боевой и трудовой славы» [Э-65-03]. С другой стороны, присвоение звания «Город трудовой доблести» воспринимается как «официозная затея», которая плохо «вяжется с народной памятью о войне» [Э-69-01]; как «какой-то отзвук чего-то глубоко советского» [Э-65-06]. Иллюстрацией избыточного бюрократического рвения, вызванного номинацией «городов трудовой доблести», может служить общественная реакция на план установки памятника труженикам тыла на въезде в микрорайон Уралмаш: «Когда был предложен макет памятника труженикам тыла, кото-

---

¹ Соколов М. В Барнауле открыт памятник репрессированным // Сайт Радио «Свобода». – 2010. – 4.11. – URL: <https://www.svoboda.org/a/2210512.html> (запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции ино-агента).

рых тут же привязали к этому званию города трудовой славы (этот термин ошибочно использовали некоторые эксперты. – *О.М.*), и одновременно сказали, что там будет музей, посвященный тылу – все это выглядело как стела с двумя танками по бокам, это вызвало волну негодования. Высказались многие, включая директоров музеев, и сказали, что совершенно недопустимо делать такие памятники в 2020-х годах» [Э-65-06]. По-видимому, в регионах, где во время войны был глубокий тыл, особенно чувствуется «запрос на более современные формы проговаривания темы войны и победы» [Э-65-06]. Здесь более остро ощущается потребность в новых практиках коммеморации, особенно для более молодых поколений, у которых старые советские форматы не вызывают глубинного эмоционального отклика. Не случайно идея «Бессмертного полка» родилась в Томске: идея шествия с портретами воевавших родственников возникла из потребности найти способ празднования Дня Победы, создающий эмоциональную вовлеченность в условиях поколенческого сдвига [Э-69-01].

Как и везде, память о войне на Урале и в Западной Сибири сосредоточена на героизме советских воинов, одержавших трудную победу над врагом. На Урале важным военным символом является Уральский добровольческий танковый корпус (ДТК), сформированный в феврале – мае 1943 г. и оснащённый оружием и техникой, изготовленными трудящимися Свердловской, Челябинской и Молотовской областей, в том числе сверхурочно и на добровольные взносы. Личный состав также был набран на Урале. Монументы в честь Уральского танкового корпуса занимают почетные места в Екатеринбурге, Перми и Челябинске. Память о нем – элемент уральской идентичности [Э-57-01; Э-65-01].

На Урале и в Западной Сибири нет братских могил. Устанавливаемые здесь памятники символизируют скорбь по погибшим где-то вдали от дома. Архетипическим примером может служить Монумент славы, установленный в Новосибирске в 1967 г. в честь подвига сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Композицию обрамляют пилоны с именами павших на фронтах новосибирцев. В Томске подобный мемориал был создан в 1979 г. в Лагерном саду, но его художественное исполнение считается менее удачным [Э-50-01; Э-69-01]. Образ скорбящей / провожающей сына матери – типичный элемент военных памятников в этом макрорегионе. Вместе с тем на некоторых местных кладбищах есть могилы раненых, погибших в тыловых госпиталях. В Томске «всегда была и сейчас сохраняется традиция – люди ходят на Южное

кладбище, где похоронены люди с госпиталей. Существовала стихийная традиция убирать на кладбище и приносить туда цветы» [Э-69-01].

На Урале и в Западной Сибири память о войне связана еще и с эвакуацией. В этой теме основной акцент делается на развертывании крупных заводов, переброшенных из европейской России, и налаживании военного производства на новом месте. Тема эвакуации ассоциируется в первую очередь с трудовым подвигом. Второй сюжет, связанный с эвакуацией – деятели культуры и культурные ценности, оказавшиеся в регионе в годы войны. Так, в краеведческом музее и региональном компоненте исторического парка рассказывается о пребывании в Молотове труппы ленинградского Кировского театра и Вагановского хореографического училища, сыгравшем решающую роль в рождении ныне знаменитой пермской балетной школы. В Новосибирске в 2019 г. была организована выставка, рассказывающая об эвакуации в город экспонатов ведущих музеев Москвы и Ленинграда, а также Смоленска, Горького, Севастополя, которые были временно размещены в незавершенном на момент начала войны здании Новосибирского театра оперы и балета¹. В Новосибирске сохранилась память о ленинградских блокадниках, многие из которых остались в городе и после войны: в 2010-х годах здесь появилась аллея памяти блокадников с памятником обороне Ленинграда. Реже тема эвакуации рассматривается с точки зрения «обычных» современников. Посвоему уникальной попыткой такого рода была выставка «Эвакуация. Навсегда...», подготовленная Музеем истории Екатеринбурга к 70-летию Победы: она рассказывала личные и семейные истории эвакуированных, многие из которых так и остались на Урале².

Несмотря на эти особенности памяти о Великой Отечественной войне, с точки зрения коммеморативных практик Урал и Западная Сибирь не особенно отличаются от других российских регионов. Главными днями памяти являются 9 мая и 22 июня, форматы публичных ритуалов для этих дат традиционны. Как и везде, имеют место попытки расширить репертуар памяти о войне. Напри-

---

¹ Как сохраняли произведения искусства в Новосибирске в годы Великой Отечественной войны // Официальный сайт города Новосибирска. – 2019. – 25.06. – URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/218668/>

² Ехали «на месяц», оказалось – навсегда // Сайт ya66.ru. – 2015. – 3.03. – URL: <https://ya66.ru/news/newsekab/kino-music/20807-ehali-na-mesjac-okazalos-navsegda.html>

мер, к 75-летию Победы в екатеринбургском историческом парке «Россия – моя история» открылась выставка «Николай Кузнецов. Человек-легенда», посвященная советскому разведчику, уроженцу Свердловской области [Э-65-05]. Этот факт примечателен с точки зрения развития концепции региональных парков. Вместе с тем тиражируются и типовые культурно-массовые продукты. Так, в 2021 г. в учреждениях образования и культуры Новосибирской области демонстрировалась всероссийская передвижная выставка «Без срока давности», рассказывающая о зверствах нацистов на оккупированных советских территориях. Мероприятию был придан высокий статус – в открытии выставки в Новосибирске участвовали губернатор и мэр города. Очевидно, однако, что организаторы выставки, представлявшей собой планшеты с фотографиями [Э-50-02], не слишком заботились о том, как она будет резонировать с локальной памятью о войне.

Позднесоветское и постсоветское прошлое как предмет региональных политик памяти

События позднесоветского периода не играют существенной роли в политике памяти рассматриваемых регионов. Исключение составляет *война в Афганистане*, которая увязывается в общий коммеморативный ряд с военными операциями в Чечне и других «горячих точках»: во многих городах есть места памяти об этих событиях. Как правило, они создаются усилиями ветеранских организаций. Например, в Екатеринбурге есть целых два музея, рассказывающих об Афганской войне – музей Шурави, созданный по инициативе членов «афганского» военно-патриотического клуба «Авангард» УрГПУ в 1991 г. и музей воздушно-десантных войск «Крылатая гвардия», открытый в 1994 г. Его основателем и первым директором была Надежда Ивановна Михайлова-Гагарина, член совета ветеранов Великой Отечественной войны Свердловской области (в музее есть витрина, посвященная ее боевому прошлому – она была фронтовой медсестрой). Музей Шурави рассказывает истории екатеринбуржцев, воевавших в Афганистане. Музей «Крылатая гвардия» информирует о службе в воздушно-десантных войсках и подвигах уральских десантников, причем значительная часть экспозиции посвящена войнам в Афганистане, Чечне и другим современным конфликтам. Оба музея нацелены на военно-патриотическое воспитание молодежи.

По примеру коммеморации Великой Отечественной войны, во многих городах есть памятники землякам, погибшим в Афганистане, Чечне и иных постсоветских вооруженных конфликтах. В их ряду особое место занимает мемориал «Черный тюльпан», установленный в Екатеринбурге в 1990-х годах на Площади Советской армии, напротив областного Дома офицеров. Это место известно как «локус памяти военных; все мероприятия, связанные с коммеморацией военных дат, всегда проводятся там», включая и митинги 9 мая [Э-65-03]. Помимо «Черного тюльпана», на площади появились также памятники командующему ВДВ В.Ф. Маргелову (2016) и 100-летию образования органов военной контрразведки (2018). Мемориал уральским воинам-интернационалистам, открытый в 1995 г., представлял собой фигуру сидящего солдата, вокруг которой были установлены металлические пилоны с именами уральцев, погибших во время боевых действий в Афганистане. Пилоны имитировали пространство военно-транспортного самолета АН-12 («черного тюльпана»), на котором вывозили на родину тела погибших. В 2002–2003 гг. композиция была дополнена стелой с колоколом и надписью «Чечня» и пилонами с именами земляков, погибших в Чечне и Дагестане, а также в других постсоветских конфликтах, по годам. А в 2013 г. была проведена еще одна реконструкция, в результате которой на гранитной плите, служащей постаментом скульптурной композиции, появились надписи, напоминающие о советских «интернациональных» военных операциях в Испании, у озера Хасан, в Финляндии, на Ближнем Востоке и др. Мы имели случай убедиться, что это место памяти популярно у ветеранов не только недавних военных операций, разговаривавшись с пожилым мужчиной, которому довелось быть в Сирии во время Шестидневной войны 1967 г.¹ Образ «черного тюльпана» и идея мемориала, соединяющего в одном комплексе память погибших в Афганистане и Чечне (а также других постсоветских горячих точках) оказались популярны – подобные памятники есть в Краснодаре, Хабаровске, Белгороде, Норильске, Пятигорске и др. Но екатеринбургский был одним из первых.

В Перми также есть мемориальный комплекс, подобный екатеринбургскому, на улице Сибирской. Она представляет собой широкий бульвар, в центре которого, также напротив Дома офицеров, стоит памятник Уральскому добровольческому танковому корпусу. В 1994 г. неподалеку от него был установлен памятник

---

¹ Наблюдения были сделаны в октябре 2021 г.

«Разорванное братство» в честь воинов-интернационалистов, погибших и пропавших без вести при исполнении долга в Афганистане в 1979–1989 гг. А в 2020 г. на другом конце бульвара был воздвигнут мемориал «Солдат России», посвященный военным служащим, погибшим в ходе военных операций, имевших место после Великой Отечественной войны: в гранитном кубе высечена фигура солдата и перечислены операции, в которых участвовали пермяки. Надпись на монументе гласит: «Тем, кто погиб. Тем, кто вернулся. Тем, кто ждал». И в Екатеринбурге, и в Перми мемориалы, соединяющие память о Великой Отечественной с более поздними войнами, расположены в центральной черте города.

В Новосибирске и Томске памятники погибшим в горячих точках находятся в спальных районах. В Новосибирске какое-то время памятником служил БМП, приобретенный и установленный «афганцами»; в 2020 г. его отреставрировали и дополнили скульптурами солдат. В Томске памятник выполнен в виде двух стел с именами погибших, объединенных колоколом. В обоих случаях ветеранские организации боролись за установку памятников, собирали средства, участвовали в подготовке проектов. В Барнауле задача коммеморации ветеранов недавних войн решена иначе: в 2019 г. там открыли Аллею памяти воинов-десантников 6-й парашютно-десантной роты 104-го гвардейского парашютно-десантного полка, отличившихся героизмом во время Второй чеченской войны. По словам нашего эксперта, это решение «барнаульцы эстетически не очень воспринимают. Это было место гуляния граждан с детьми, а там поставили большое количество щитов вдоль аллеи с портретами солдат, которые погибли во время чеченской кампании. В основном не отсюда родом» [Э-84-01].

Обобщая опыт коммеморации недавних военных операций, можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, типичной тенденцией является связывание памяти о войне в Афганистане с чеченскими войнами и другими постсоветскими конфликтами, а иногда – еще и с Великой Отечественной войной. Последнее способствует локализации нового места памяти в символическом центре. Во-вторых, стоит обратить внимание на то, когда были установлены памятники: там, где ветеранским организациям удалось добиться поддержки, это произошло в середине 1990-х, до Первой чеченской войны или в самом ее начале. Новое окно возможностей открылось в 2010–2020-е годы, когда государство стало уделять больше внимания военно-патриотическому воспитанию. В-третьих, почти всегда объектами коммеморации являются погибшие в не-

давних войнах земляки (барнаульская Аллея памяти – очевидное исключение из правила). Увековечивается память о воевавших; память о самих войнах, как сложных и неоднозначных политических событиях, выносятся за скобки.

В целом память о постсоветском прошлом редко находит закрепление в символических практиках, хотя многие наши эксперты называли события, которые они считают значимыми для региональных идентичностей – «открытие» Перми, долгое время остававшейся «закрытым» городом особого оборонного значения [Э-57-01], провозглашение Уральской республики в 1993 г. [Э-65-04], объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в 2005 г. и др. Кое-где, как в Перми, перестройка и реформы 1990-х отражены в краеведческом музее. Однако чаще это не так, а региональные компоненты исторических парков в части новейшего периода выглядят весьма сухо и скупо.

Очевидным исключением из этого правила является Екатеринбург, где в 2015 г. был открыт Ельцин Центр. Он создан под эгидой фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» (Ельцин Центр) – государственной некоммерческой организации. Основным источником финансирования музея является федеральный бюджет, однако к ведению Министерства культуры РФ он не относится. Музей Б.Н. Ельцина является ядром Центра, однако помимо него имеются и другие площадки для выставок и просветительской деятельности, кафе, ресторан, книжный магазин и т.п. По словам нашего эксперта, «эта ситуация для города – уникальная. До этого все площадки, так или иначе связанные с коммеморацией, отвечали сугубо этой функции» [Э-65-03]. Благодаря Ельцин Центру тема перестройки и реформ 1990-х годов является заметной частью екатеринбургской политики памяти. Репутации города как места памяти о 90-х способствуют и скандалы, которые периодически возникают вокруг деятельности Ельцин Центра. Так, в 2016 г., вскоре после его открытия, кинорежиссер Н.С. Михалков весьма критически высказался о музее Ельцина на парламентских слушаниях в Совете Федерации. По его словам, «в Екатеринбурге существует центр, в котором осуществляют ежедневные инъекции разрушения самосознания людей. Реализуется мощнейшая программа, которая практически разрушает реальное представление людей о том, что такое история России»¹. Вызванная этим выска-

---

¹ Никита Михалков против «Ельцин Центра»: как развивался конфликт // Сайт ТАСС. – 2016. – 12.12. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3863882>

званием полемика способствовала популяризации Ельцин Центра за пределами региона. Любопытно, что в экспозиции музея имеется плакат, подготовленный во время избирательной кампании 1996 г., с фото Н.С. Михалкова и цитатой: «За Ельциным нет партий. За ним Россия. Я за Россию, а значит, за Ельцина»¹. Этот экспонат иронично напоминает об эволюции политических взглядов автора филиппик против музея. Будучи важным культурным местом для Екатеринбурга, Ельцин Центр стал ключевым актором, формирующим позитивную память о «девяностых», на общероссийской арене.

Акторы политики памяти в рассматриваемых регионах

В восприятии всех экспертов государство в лице федеральной и региональной «власти» является ключевым, хотя и не единственным актором политики памяти. Из собранных интервью вырисовывается сложная картина взаимодействий между федеральным и региональным уровнями применительно, с одной стороны, к государственной вертикали, а с другой – к различным общественным или квазиобщественным структурам. При этом очевидна проблема масштабирования, описанная во введении: в качестве федеральной инициативы могут интерпретироваться и случаи, когда в регион спускают какой-то всероссийский проект (см. пример передвижной выставки «Без срока давности» [Э-50-02]), и проекты коммеморации, реализуемые местными акторами при финансовой поддержке центра [Э-57-02]. С одной стороны, по оценке экспертов, большинство негосударственных акторов «каким-то образом... получают поддержку государства в форме грантов явных или каких-то субсидий на проведение мероприятий» [Э-50-02]. И в конечном счете «все, что касается каких-то фиксированных дат – это государственный заказ» [Э-69-02]. С другой стороны, для получения подобного финансирования местные акторы должны проявить инициативу, тем самым включаясь в формирование региональной коммеморативной повестки. Это не отменяет возможности идеологического контроля проектов со стороны грантодателей, однако вопрос о том, насколько этот контроль влияет на тематический репертуар региональной политики памяти, нуждается в отдельном

---

¹ На основании фотоархива автора, октябрь 2021 г.

исследовании. Вместе с тем в качестве федеральных акторов могут восприниматься и негосударственные институты – например, РВАО [Э-50-01], фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина» [Э-65-06] или РПЦ [Э-65-03, Э-57-01].

Так или иначе, местная бюрократия является важным актором данного поля. В осуществлении политики памяти участвуют и региональные министерства (культуры, образования, региональной политики), и специальные комиссии, в которые наряду с чиновниками входят представители бизнеса и общественности. Таковые создаются для организации мероприятий по случаям юбилейных исторических дат. Особое место в этом ряду занимает постоянно действующий комитет «Победа», занимающийся подготовкой к празднованию очередной годовщины Победы над нацистской Германией. По словам нашего эксперта, план мероприятий начинается формироваться с лета путем сбора инициатив подведомственных учреждений и утверждается к Новому году; некоторые мероприятия включаются в федеральный план, особенно в юбилейные годы [Э-50-02]. Иные комиссии носят временный характер, они создаются, чтобы отметить годовщину определенного события (например, столетие революции в 2017 г.). В некоторых регионах есть постоянные или временные комиссии по присвоению названий, занимающиеся городской топонимией [Э-57-02]. Один из наших экспертов рассказывал о работе краевой комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, которая занималась организацией социальной поддержки для реабилитированных, а также координировала просветительскую работу, в частности – осуществляла методическую помощь учителям для проведения уроков памяти в школах. По словам эксперта, принятие в 2015 г. Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий оказалось хорошей поддержкой для работы комиссии, облегчив организацию мероприятий: «И для Комиссии, и для всех органов это были отчетные вещи, когда надо отчитываться, они понимают, что надо что-то делать». В силу этого, например, министерство образования не противилось проведению уроков памяти, распространяло информационные письма и т.п. [Э-57-03]. Таким образом, на уровне региона обнаруживается сложная сеть взаимодействий между государственными и негосударственными акторами по разным аспектам описанного выше репертуара актуализированного прошлого.

Из наших интервью вырисовываются разные модели организации взаимодействия региональной власти, подведомственных

бюджетных учреждений, общественности и экспертов для организации коммеморативных мероприятий. В Перми роль координатора такого рода деятельности в последние годы выполняет ГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории. По свидетельствам экспертов, архив поддерживает сотрудничество с «московскими фондами» по вопросам, связанным с коммеморацией исторических событий общероссийского значения, участвует в работе комиссии по городской топонимии [Э-57-02], организует экспертные мероприятия (в одном из которых автору довелось участвовать), оказывает содействие организаторам выставок (в частности, при формировании регионального компонента исторического парка «Россия – моя история»). Можно предположить, что превращение архива в одного из ключевых акторов региональной политики памяти оказалось возможным благодаря фигуре его руководителя, С.В. Неганова – выпускника истфака Пермского государственного университета, имеющего большой опыт работы в городской, а затем краевой администрации. Наши данные не позволяют судить о том, насколько подобная модель аутсорсинга распространена. Однако в таком регионе, как Пермский край, где в политику памяти активно вовлечены различные группы общественников и уровень внутриэлитной конкуренции относительно высок, она, несомненно, имеет определенные преимущества. Иная модель организации официальных коммемораций вырисовывается из интервью, взятых в Свердловской области. Там комиссия по проведению памятных дат создана при областном правительстве и возглавляется одним из вице-губернаторов. В комиссию входят «все действующие министры», региональный центр патриотического воспитания и другие «заинтересованные лица» [Э-65-01]. Она выполняет роль координационного совета, который согласует федеральную повестку и действия местных акторов. В Новосибирской области подобной комиссии нет, и координацию коммеморативных мероприятий осуществляют сотрудники профильных министерств, военной же тематикой занимается комитет «Победа» [Э-50-02]. Вероятно, наши интервью не исчерпывают весь спектр вариаций институциональных взаимодействий. Очевидно, однако, что при всех различиях моделей структуры, осуществляющие координацию местных инициатив, играют важную роль во встраивании региональных мнемонических акторов в общероссийскую повестку. Впрочем, это не исключает наличия акторов, выступающих с собственными повестками.

Одним из таких акторов является Русская православная церковь. По мнению наших экспертов, во всех рассмотренных регионах церковь – заметный участник политики памяти. При этом порой непросто определить, выступает ли она в качестве федерального или регионального актора. Например, церковь, несомненно, сыграла важную роль в продвижении идеи коммеморации гибели царской семьи на общероссийском уровне. Вместе с тем, по словам нашего екатеринбургского эксперта, «инфраструктура, возникшая вокруг коммеморации данного события, включая цикл коммеморативных мероприятий – отмечание актуальных дат, фестиваль, работа «Музея святости и исповедничества», создание вполне материальных памятников... – это, безусловно, тема для екатеринбургской епархии» [Э-65-03]. По некоторым вопросам своей коммеморативной повестки – например, в мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне или гибели царской семьи – РПЦ охотно взаимодействует с другими акторами, как государственными, так и негосударственными. По другим же предпочитает действовать самостоятельно. Так, РПЦ чтит память жертв советских репрессий и, по словам нашего пермского эксперта, обычно 30 «октября они служат молебны во всех храмах», однако в городских митингах, посвященных памяти жертв репрессий, не участвуют [Э-57-03].

Вместе с тем участие церкви в региональной политике памяти нередко ассоциируется с конфликтами, обусловленными ее стремлением восстановить разрушенные храмы и вернуть утраченное в советский период имущество. Наиболее яркий пример – план строительства нового храма св. Екатерины в Екатеринбурге взамен разрушенного в 1930 г. В 1990-х годах на месте разрушенного собора был сначала установлен памятный крест, а затем возведена часовня. В 2010-х годах Екатеринбургская епархия при поддержке губернатора Свердловской области А.С. Мишарина объявила о намерении восстановить Екатерининский собор на площади Труда. Этот план вызвал большие споры, поскольку он предполагал значительную трансформацию ставшего привычным для горожан места, к тому же проект храма отличался от исторического. Позже храм было решено строить на Октябрьской площади у театра драмы, что вызвало волну публичных протестных акций. В результате был проведен общегородской опрос о выборе места строительства храма, по итогам которого решено строить

его на месте бывшего Приборостроительного завода¹. Менее драматически, но тоже напряженно складывается ситуация со Спасо-Преображенским собором в Перми. В советское время собор был перестроен, и в нем была размещена Государственная художественная галерея. В силу этого передача здания церкви в рамках реституции отложена до момента, когда будет подготовлено новое помещение для галереи. Поскольку выбор нового места, разработка проекта и строительство нового здания растянулись на годы, эта тема долгое время остается предметом городских дискуссий. В обоих случаях городские власти были озабочены поисками компромиссных решений.

Хотя государство в лице федеральных и региональных структур играет определяющую роль в осуществлении политики памяти, на этом поле оно взаимодействует с множеством других акторов – экспертами, НКО, местными медиа, движениями реконструкторов, сообществами краеведов и экскурсоводов, бизнесом и т.п. В наших интервью есть немало примеров самостоятельных инициатив негосударственных акторов. В Свердловской области в г. Верхняя Пышма есть частный музейный комплекс военной и гражданской техники, созданный Уральской горно-металлургической компанией [Э-65-01, Э-65-04]. Проект «Бессмертный полк» в Томске стартовал при поддержке телекомпании и агентства новостей TV-2² [Э-69-01]. Локальная память поддерживается усилиями многих людей, инвестирующих свои силы в книги, выставки, музейные экспозиции, установку памятников, организацию экскурсий и др. Собранные и проанализированные нами материалы рисуют политику памяти как многослойный процесс, в который вовлечены разные акторы. Хотя ресурсы, которыми они располагают, безусловно, неравны.

---

¹ Строительство храма Святой Екатерины // Сайт «Облгазета.ру». – URL: <https://www.oblgazeta.ru/subject233/>

² В 2015 г. телеканал прекратил вещание по причине отказа в продлении лицензии. Его сайт продолжил работу как Агентство новостей «ТВ2» (2015–2022). В марте 2022 г. сайт бывшей телекомпании заблокирован по решению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в связи с чем было принято решение о временной приостановке работы.

Заключение

Наш сравнительный анализ позволяет выделить и общие, и особенные тенденции политики памяти в изученных регионах Урала и Западной Сибири. С одной стороны, региональные коммеморативные повестки увязаны с общероссийской, что подкрепляется формированием бюрократических структур, обеспечивающих координацию мероприятий, которым придается особое значение, а также системой государственной грантовой поддержки. В силу этого структура актуализированного прошлого имеет немало общего с регионами Центральной России: ее ядро составляют события советского периода (с акцентом на Великую Отечественную войну). Прошрое, предшествовавшее интеграции Урала и Западной Сибири в Российскую империю, актуализировано слабо (Свердловская, Томская область, Алтайский край) или фрагментарно (Пермский край). Региональные нарративы, как правило, начинаются с истории «присоединения» / «покорения» / «завоевания» / «колонизации» и фокусируются на местных особенностях общероссийских процессов и событий. С другой стороны, эти особенности порой весьма существенны, что ярко проявляется в описанных выше практиках коммеморации Гражданской войны, советских массовых репрессий или Великой Отечественной войны на Урале и в Западной Сибири. Нельзя сказать, что локальная память в этих случаях явно противоречит общероссийской. Скорее, в местном контексте более заметными оказываются аспекты прошлого, которые в общероссийском нарративе опускаются или уходят на второй план. Вместе с тем эти особенности являются важными составляющими региональных идентичностей, которые нередко соединяют в себе центростремительные и центробежные тенденции.

ГЛАВА 6

ПАМЯТЬ НА ВОЛГЕ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПОВОЛЖЬЕ

(А.А. Воронович)

Поволжье – важнейший регион России с политической, экономической, символической, культурной, а также исторической точек зрения. Значительна в этом смысле и ключевая символическая и историческая роль самой Волги¹. Исторически этот регион конструируется как часть ядра полиэтничной и поликонфессиональной Российской империи, место встречи Востока и Запада, важнейший культурный и сельскохозяйственный центр. При этом Поволжье – разносторонний и разнообразный регион, что связано как с культурной гетерогенностью, так и с особенностями политических констелляций.

В рамках этой главы будут рассмотрены четыре административных региона Волго-Камского бассейна: Нижегородская область, Республика Татарстан, Удмуртская Республика и Самарская область. Выбор именно этих регионов обусловлен несколькими соображениями. В такой выборке мы работаем с двумя национальными республиками и двумя условно «русскими» регионами. Впрочем, Татарстан и Удмуртия – это весьма разные национальные республики. Это относится как к демографии (в Татарстане татары составляют большинство, а в Удмуртии большинство – русские), так и к степени политической мобилизованности титульной

---

¹ Hartley J.M. The Volga: A History of Russia's Greatest River. – New Haven ; London : Yale University Press, 2022.

группы. В Самарской области, в свою очередь, русские составляют 85% населения, то есть в области есть значительные группы нерусского населения, которые могут формировать свою историческую память. Нижегородская область в этом смысле по статистике самый однородный регион. Однако необходимо отметить, что и в данном случае присутствует определенная культурная гетерогенность. Это связано, в частности, с присутствием значительной группы староверов, которые сыграли большую роль в истории Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Настоящая глава не ставит цели раскрыть все аспекты политики памяти в Поволжье. Скорее, предпринимается попытка выделить несколько общих тем, в рамках которых выбранные регионы можно сопоставить. При этом мы покажем общие тенденции актуализации прошлого в последние годы, а также отдельные трансрегиональные феномены в использовании истории. В фокусе нашего внимания будут вопрос региональной столичности и регионального лидерства, тема Поволжья как исторического пограничья и точки напряжения в современной политике памяти региона, а также механизмы их нейтрализации. Необходимо подчеркнуть, что в этой обзорной главе вопрос гетерогенности местных элит часто остается за скобками, хотя при анализе отдельных эпизодов иногда вкратце упоминаются различные мнения и мотивы затронутых акторов. Этот вопрос необходимо будет рассмотреть в более узконаправленных публикациях.

Региональная столичность

В рассматриваемых регионах с различными оттенками выделяется тема региональной «столичности». В той или иной мере историческая столичность часто обыгрывается и / или конструируется в региональной исторической политике. Города или регионы конструируют локальную идентичность или образ (в частности, в туристических целях) вокруг исторических и современных традиций столичности. Это может подразумевать как столичный статус в прошлом, так и историческое лидерство в какой-то сфере, отрасли («культурная столица», «танковая столица» и т.д.). Продвижение исторических мотивов и личностей федерального значения также подчеркивает статус региона и расширяет возможности привлечения федеральных инвестиций и ресурсов.

Тема столичности не является исключительной для Поволжья¹, но в рассматриваемом регионе она раскрывается в нескольких любопытных измерениях. В Поволжье этот феномен приобретает черты соревновательной столичности. Это связано с наличием в регионе нескольких крупных городов с богатой историей, каждый из которых может претендовать на статус столицы Поволжья. Символическая, историческая и культурная значимость Волги также повышает статус столицы Поволжья, которая также может претендовать на неофициальное звание «третьей столицы России» (или как минимум на статус третьего города в Европейской части России после Москвы и Санкт-Петербурга)². В особенности это касается «соперничества» Нижнего Новгорода и Казани, которое конструируется в местных СМИ и в современном, и в историческом разрезах³.

Для Нижнего Новгорода, ставшего столицей Приволжского федерального округа⁴, несколько исторических мотивов играют значительную роль в притязаниях на ключевое место в регионе и в целом в истории России. Отсылка к статусу столицы Нижегородско-Суздальского княжества служит одним из precedентов столичности. Несомненно, история народного ополчения под руководством Минина и Пожарского конструируется как один из героических вкладов в историческую судьбу России. В целом память о народном ополчении в Нижнем Новгороде носит достаточно оформленную и официализированную форму [Э-22-04].

Мотив «запасного аэродрома» проявляется как в прямом смысле (посадки самолетов, которые не смогли приземлиться в Москве), так и в переносном с историческими отсылками. В этом контексте вспоминается переезд в Нижний Новгород и в Нижегородскую область многих культурных деятелей после вторжения Наполеона [Э-22-03]. В последние годы уделяется больше внимания

---

¹ Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Столичные амбиции как отражение регионализации современной России // Антиномии. – 2009. – № 9(2009). – С. 290–302.

² Впрочем, даже в статусе «третьей столицы» местные могли увидеть определенную степень унижения [Э-22-03].

³ Скрыбин И., Катаргин Д. Казань «сделала» Нижний в демографической гонке. Не пора ли переносить столицу ПФО? // Бизнесonline. – 2020. – 29.06. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/473180> ; Казань и Нижний Новгород: многовековое соперничество // Inkazan.ru. – URL: <https://inkazan.ru/article/tilda/17-01-2018/kazan-i-nizhniy-novgorod-mnogovekovoe-sopernichestvo>

⁴ Несмотря на то, что крупнейшим по численности городом округа является Казань.

судьбе расположенных в области усадеб известных дворянских родов. Планы декабристов перенести в Нижний Новгород столицу в случае успеха восстания также вписываются в этот нарратив столичности¹.

Особую роль в конструировании региональной идентичности и исторического обоснования регионального лидерства Нижнего Новгорода и Нижегородской области в последнее время все больше играет история Нижегородской ярмарки. Крупнейшая ярмарка в России, которая изначально располагалась рядом с монастырем в Макарьеве, была переведена в Нижний Новгород в 1816 г. В 1896 г. на ее территории прошла Всероссийская промышленная и художественная выставка.

Мотив Нижегородской ярмарки актуализируется в последние годы в нескольких измерениях. История ярмарки переплетается с темой нижегородского купечества. Тема местного купечества стала одним из мотивов местной актуализации прошлого, не связанного с советской эпохой². В последние годы прежние экономические успехи Нижнего Новгорода и его окружения и в особенности проведение Всероссийской выставки местные элиты представляют в качестве прецедента и актуальной традиции для нынешних амбиций Нижнего Новгорода и Нижегородской области как важнейшего и динамично развивающегося экономического и IT центра. В частности, эта отсылка всплывала в рамках празднования 800-летия Нижнего Новгорода и сопутствовавших юбилею масштабных проектов по реконструкции и развитию исторических территорий ярмарки³. В этом контексте также стоит рассматривать мотив Нижнего Новгорода как «кармана России», в частности, подчеркнутый в недавно вышедшем документальном фильме Л.Г. Парфенова.

В то же время важно, что многие известные нижегородские купцы, которые внесли решающий вклад в экономическое и инфраструктурное развитие города и области в дореволюционную

---

¹ Николаев А. Тигр, диктатор и Мишель. Как декабристы связаны с Нижегородской областью // Аргументы и факты. – 2020. – 14.12. – URL: https://nn.aif.ru/society/details/tigr_diktator_i_mishel_kak_zhizn_dekabristov_svyazana_s_nizhegorodskoy_obl

² Этот мотив также хорошо вписывался в попытки губернатора Б.Е. Немцова и его окружения сделать Нижегородскую область полигоном рыночных реформ.

³ Селезнев Ф. Нижегородская ярмарка – центр притяжения людей и их передовых идей // Нижний 800. – 2022. – 24.03. – URL: <https://nizhny800.ru/vfokuse/articles/nizhegorodskaya-yarmarka-centr-prityazheniya-ludej-i-ih-peredovyh-idej>

эпоху, были старообрядцами. Более того, они проживали за городом в скитах, а Нижний Новгород воспринимали как центр экономической деятельности. В постсоветские десятилетия память о нижегородских купцах и промышленниках старообрядцах актуализируется. В особенности в центре внимания оказываются фигуры Н.А. Бугрова – купца, хлебопромышленника и мецената, которому открыли памятник в Нижнем Новгороде в 2014 г., и Д.В. Сироткина – судостроителя и городского головы Нижнего Новгорода (1913–1917). Их староверческая культура и этика являются частью исторического нарратива о купеческом Нижнем Новгороде, для некоторых местных – «России, которую мы потеряли».

При этом РПЦ не вступает в конфликт с этой тенденцией, предпочитая продвигать своих «героев», в первую очередь Александра Невского¹ [Э-22-04]. Исторические нарративы РПЦ и старообрядцев существуют параллельно, хотя тема раскола – это в какой-то мере скрытая травма в Нижегородской области [Э-22-03]. Ключевые фигуры раскола (Никон, протопоп Аввакум, Григорий Неронов) родом из Нижегородской области. Фигура П.И. Мельникова-Печерского подчеркивает эту проблему. Уроженец Нижнего Новгорода Мельников-Печерский был одновременно известным писателем, этнографом и чиновником, который описывал быт старообрядцев и в то же время внес вклад в уничтожение местных скитов. Хотя в местном обществе есть широкий запрос на увековечивание его памяти посредством установки памятника (улица и памятная доска уже существуют), власть предпочла не реализовывать эту идею, опасаясь конфликта со старообрядцами [Э-22-03].

Казань и Республика Татарстан – второй регион Поволжья, претендующий на региональное лидерство и, в случае города, на статус «третьей столицы России». Более того, в 2009 г. Казань даже зарегистрировала в Роспатенте товарные знаки «Третья столица», «Третья столица России», «Третий город», «Третий город России» и “Russia’s third capital”². Нижний Новгород «ответил» на это регистрацией бренда «Столица Поволжья»³. После разрешения

---

¹ Фигура Невского активно используется местными властями как часть общефедеральной повестки, нередко за счет недостаточного внимания к фигурам местной истории, например, основателя Нижнего Новгорода князя Юрия Всеволодовича [Э-22-04].

² Казань стала третьей столицей России // Lenta.ru. – 2009. – 03.04. – URL: <https://lenta.ru/news/2009/04/03/kazan/>

³ Лайд М. Бренд «Столица Поволжья» для Нижнего Новгорода более выигрышный, чем «Третья столица», так как в нем есть географическая привязка.

вопроса отношений Татарстана с федеральным центром в середине 1990-х годов актуальность конфронтационной повестки в исторической политике снизилась. В значительной степени она осталась уделом татарских националистических организаций.

Для местных элит встал вопрос формирования такой повестки работы с прошлым, которая позволит подчеркнуть важность Республики для федеральной и мезорегиональной повестки, таким образом, предоставив возможности конвертировать их в политические и экономические преференции. В то же время было необходимо предотвратить перехват национальной повестки местными националистическими организациями, не провоцируя открытый конфликт с центральной властью, особенно в контексте «укрепления вертикали» в течение последних десятилетий.

Для Казани и Татарстана тема исторической столичности и регионального лидерства разворачивается в двух основных измерениях. Местные власти и элиты разрабатывают нарратив центральной роли региона в истории многонациональной и многоконфессиональной России, подчеркивая важность Казани и Татарстана для федеральной повестки исторической политики. В то же время политические и культурные элиты Татарстана позиционируют себя как лидеров и защитников интересов всех татар в России и даже за рубежом.

Историческая роль Татарстана как одного из экономических, культурных и религиозных центров России используется для обоснования современных амбиций и статуса региона в Поволжье и на общероссийском уровне. В особенности в этом контексте актуализируются Вторая мировая война и роль Татарстана в поддержке фронта, советская индустриализация, а также экономическое и культурное развитие Казани в Российской империи.

Важной частью эволюции исторической политики политических элит Татарстана стала реинтерпретация периодов Волжской Булгарии и Золотой Орды в истории региона и России. Академические дебаты о связях татар и татарской государственности с этими историческими образованияами продолжаются. В то же время в политической и культурной сфере происходит конструирование нарратива об их современной актуальности. В этом контексте история Волжской Булгарии всё больше выходит из тени в местной политике памяти. В частности, это связано с тем, что акцент

на Волжской Булгарии позволяет сместить фокус с более конфликтогенных периодов Золотой Орды и Казанского ханства. В результате Волжская Булгария конструируется как толерантное полиэтническое и многоконфессиональное образование, история которого служит прецедентом для мультикультурной гармонии и толерантного сожительства татар¹ и русских, православных и мусульман в современном Татарстане². Также отсылки к преемственности с Волжской Булгарией «удревляют» историю Татарстана³.

Для актуализации булгарского прошлого большую роль играет республиканский фонд «Янарыш – Возрождение», в котором одним из попечителей выступает первый президент Татарстана М.Ш. Шаймиев⁴. Под его эгидой происходит масштабная реконструкция древнего Болгара и острова-града Свияжска. Важно подчеркнуть, что идет параллельная работа над этими двумя культурными и туристическими объектами, один из которых прежде всего выступает как место памяти для татар, а второй – в большей степени для русских [Э-92-04]. При этом Свияжск позиционируется как культурный и религиозный центр. Часть истории града, связанная с взятием Казани войсками Ивана Грозного, маргинализируется. Интерпретация Волжской Булгарии как примера толерантного общества позволяет элитам Татарстана конструировать исторический образ региона как лидера в преодолении национальных и религиозных противоречий в рамках многонациональной и многоконфессиональной федерации.

Реинтерпретация истории Золотой Орды – еще один элемент усилий республиканских элит по выдвижению Татарстана на ведущие позиции в рамках общероссийской истории. В этом подходе

---

¹ При этом апроприация темы Волжской Булгарии элитами Татарстана вызывает недоумение у соседних регионов, в особенности у чувашских элит, которые также отстаивают нарратив преемственности с булгарами.

² Подробнее о роли Волжской Булгарии в политике памяти в Республике Татарстан см.: *Озерова К.А.* Политика памяти как механизм формирования этнической идентичности (на примере конструирования памяти о Волжской Булгарии в Республике Татарстан). – URL: <https://dissercat.com/content/politika-pamyati-kak-mekhanizm-formirovaniya-etnicheskoi-identichnosti-na-primere-konstruiro>

³ В данном контексте также можно вспомнить празднование 1000-летнего юбилея Казани, которая таким образом становилась старше Москвы. Подробнее о юбилее: *Сагитова Л.В.* Динамика этнического фактора в политике идентичности современного Татарстана // Вестник Российской нации. – 2018. – № 4(62). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36507548>

⁴ Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. – URL: <https://yanarysh.tatarstan.ru/>

можно выделить два направления. В рамках первого происходит «деварваризация» образа Золотой Орды. Вместо «страшной силы варварской армии кочевников, которая опустошала все вокруг» продвигается образ «сильного, цивилизованного, организованного государства с развитой культурой, искусством ремесленных и крупных торговых центров и городов»¹. Такая интерпретация периода Золотой Орды позволяет некоторым представителям местных элит сформулировать тезис: «...есть устойчивый стереотип: татары – сепаратисты, но вся история показывает, что татары – государственники», в рамках которого Улус Джучи служит доказательством. Кроме того, амнистия истории Золотой Орды открывает двери для интерпретации Российского государства как преемника Золотой Орды², а Ивана Грозного как собирателя земель бывшей Золотой Орды³. Такие интерпретации на данный момент – прерогатива отдельных представителей академических и культурных элит. Однако они могут быть инструментализированы для повышения регионального и федерального статуса Татарстана.

Другое проявление лидерских амбиций республики и ее элит – позиционирование Татарстана как защитника интересов всех татар. В этом смысле важна роль Всемирного конгресса татар (ВКТ), съезды которого проходят в Казани. В руководстве ВКТ находятся политические и культурные руководители Татарстана (на момент написания председателем ВКТ был заместитель премьер-министра РТ). Одной из последних ярких формулировок трансрегиональных амбиций Татарстана среди татар стала статья президента Р.Н. Минниханова, которая вышла в рамках предвыборной кампании в РТ⁴. В этой статье президент подчеркивает, что татары «в течение столетий не растворились среди других народов,

---

¹ Рахматуллин Т. Достояние Евразии: как татары, казахи и крымчане делили наследие Золотой Орды // Реальное время. – 2019. – 27.06. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/143547-v-kazani-proshel-zolotoordynskiy-forum>

² Рафаэль Хакимов: «Золотая Орда – это наша родина, а Россия ее наследница» // Новые известия. – 2019. – 07.01. – URL: <https://newizv.ru/article/general/07-01-2019/rafael-hakimov-zolotaya-orda-eto-nasha-rodina-a-rossiya-ee-naslednitsa>

³ Рахматуллин Т. «Для чего это делается? Это контрпродуктивно»: сегодня первый День памяти защитников Казани // Реальное время. – 2020. – 15.10. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/190737-provodit-den-pamyati-zaschitnikov-kazani-kontrproduktivno>

⁴ Минниханов Р. Татары. Верность традициям, уверенность в будущем // Республика Татарстан. – 2020. – 25.07. – URL: <https://rt-online.ru/tatary-vernost-traditsiyam-uverennost-v-budushhem/>

сохранили свою культуру и самобытность». Он также делает акцент на задачах элит Татарстана за пределами Республики: «исторически сложилось так, что ответственность за единение татар лежит на современном Татарстане». Важно также, что Минниханов отмечает историческую роль татар в рамках «многонациональной России»: «Высокую способность к адаптации и взаимодействию продемонстрировала татарская культура в период, когда значительная территория Северной Евразии вошла в состав Российского государства. Сегодня очевидно, что очень многие обычаи и культурные практики в России, как и традиции государственности, имеют евразийские корни». Таким образом, Рустам Минниханов формулирует вклад татар в историческое развитие России и ведущую роль Татарстана и его элит среди татар. Трансрегиональные амбиции были проверены вскоре после публикации статьи, когда Минниханова попросили вмешаться в дело об установке памятника Ивану Грозному в Астрахани¹.

В другой национальной республике – Удмуртии – вопрос регионального лидерства и «столичности» столь остро не стоит. В частности, это связано с небольшой по сравнению с другими субъектами РФ в Поволжье численностью населения Удмуртской Республики (примерно 1.5 млн жителей по сравнению с 3–4 млн в других анализируемых субъектах), как и ее столицы Ижевска в сравнении с другими региональными столицами, освещенными в этой главе (примерно 650 тысяч; в других субъектах – города-миллионники). Кроме того, удмурты не являются самым многочисленным народом в рамках Республики, уступая русским более чем вдвое. Удмуртское население также исторически (и в какой-то мере сегодня) проживало преимущественно в сельской местности, поэтому в городах другие национальности (прежде всего русские) преобладали.

История и исторический образ Ижевска затрудняют возможное конструирование города как исторического центра удмуртов. Исторически Ижевск был городом, «выросшим» из завода. В значительной степени у Ижевска сложился образ «русского» города, который стал административным центром Удмуртской АССР (изначально Вотской / Удмуртской автономной области) достаточно

---

¹ Нагаева Д. Президента Татарстана Рустама Минниханова просят вмешаться в ситуацию вокруг памятника Ивану Грозному в Астрахани // Idel.Реалии. – 2020. – 26.06. – URL: <https://www.idelreal.org/a/30747669.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

поздно. Другие города Удмуртской Республики также нередко конструируют свой исторический образ на основании мотивов, в малой степени связанных с национальным колоритом. Например, образ Сарапула прежде всего выстраивается вокруг периода, когда он был уездным городом Российской империи. Богатое архитектурное наследие подкрепляет этот нарратив. В какой-то мере представители элит Сарапула воспринимают присоединение к Удмуртии в советские годы как нежелательное развитие событий [Э-94-02].

Конструируемый местными властями и элитами образ Ижевска не привязывается к его роли как политического и / или культурного центра удмуртов. Основное ядро исторического нарратива Ижевска – его роль как заводского центра, центра промышленности (прежде всего оружейной) [Э-94-01; Э-94-05]. Собственно, именно в таком отраслевом измерении и проявляется основной мотив «столичности» в Удмуртии. Нарратив «Ижевск – оружейная столица» является важной составляющей туристического бренда, а также региональной идентичности Республики и ее административного центра¹. При этом местные элиты всячески стараются подчеркнуть, что история оружейной промышленности не сводится только к советскому периоду, а также к личности М.Т. Калашникова и его всемирно известному автомату (хотя коммеморация Калашникова остается важной составляющей на региональном и федеральном уровнях) – обращают также внимание на дореволюционный период в промышленном развитии города.

Важным культурным центром в Удмуртии в последние десятилетия становится средневековое городище Иднакар². Это место стало центром государственного музея-заповедника³ и местом проведения различных культурных мероприятий. В частности, необходимо отметить различные фестивали, в том числе и реконструкторов⁴. Для части удмуртских элит важно, что местная чепецкая археологическая культура соотносится с североудмуртским

---

¹ Иванова Е., Красильников М. Оружейная столица // Коммерсантъ. – 2020. – 18.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4617598>

² Городище Иднакар – археологический памятник IX–XIII веков // Иднакар. – URL: <https://иднакар.рф/o-muzej/gorodishe/>

³ Иднакар не единственный проект, выстроенный вокруг средневековых мотивов, в истории местного финно-угорского населения. См.: Константинова О. Средневековое финно-угорское городище «ДондыДор» откроют в Удмуртии в 2018 году // ИА Удмуртия. – 2016. – 09.08. – URL: <https://udmurt.media/news/kultura-i-turizm/9229/>

⁴ Батырские игры // Иднакар. – URL: <https://иднакар.рф/batyrskie-igry/>

населением [Э-94-03]. В 1990-х годах на волне «национального возрождения» были также попытки представить Иднакар как «средневековую столицу древних удмуртов». Вопрос «столицы» удмуртов «опрокидывается» таким образом в прошлое.

В последнем рассматриваемом регионе, Самарской области, тема столичности также проявляется в нескольких аспектах. Важный мотив, который активно продвигается местными властями и СМИ, связан с Самарой (Куйбышевым) как «запасной столицей» в годы Великой Отечественной войны¹. При этом остается открытым вопрос, в какой мере удачная формулировка «запасная столица» действительно использовалась в годы войны или же это ретроспективная оценка местных журналистов [Э-36-02]. В то же время неудивительно, что бренд «запасная столица» приобрел популярность и активно используется местными элитами. Он предоставляет возможность создавать относительно беспроблемные места памяти, посвященные различным административным и культурным институтам, переведенным в город в годы войны, знаменитым личностям, которые в это время проживали в «запасной столице» и т.д. Более того, перевод дипломатических миссий в Самару выводит историю на международный уровень. Даже «Бункер Сталина» не вызывает значительных возражений в местном сообществе. В какой-то мере тот факт, что сам Сталин там не был, депроблематизирует привязку этого места памяти к противоречивой фигуре руководителя СССР [Э-36-02].

Нарратив «запасной столицы» позволяет вывести тему вклада в победу в Великой Отечественной войне на новый уровень. Если учитывать доминирование этого периода в федеральной повестке исторической политики, особое место региона в годы войны открывает перед местными элитами как имиджевые (туризм и брендинг), экономические (привлечение федеральных инвестиций), так и политические возможности². Важно также, что историю «запасной столицы» можно вывести в неполитическое, невоенное русло. В этом контексте особую роль играет личность Д.Д. Шостаковича, который в первые годы войны находился в

---

¹ Например, Самара. Запасная столица. 80 лет // Правительство Самарской области. – 2021. – 09.09. – URL: https://www.samregion.ru/press_center/anonses/samara-zapasnaya-stolicza-80-let-2/

² Самаре присвоено почетное звание «Город трудовой и боевой славы» // Правительство Самарской области. – 2016. – 11.09. – URL: https://www.samregion.ru/press_center/events/samare-prisvoeno-pochetnoe-zvanie-gorod-trudovoj-i-boevoy-slavy/

эвакуации в Куйбышеве. Депутат Государственной думы от Самарской области А.Е. Хинштейн, ссылаясь на эту историю, выдвигал идею, что Самара имеет право претендовать на роль «культурной столицы Поволжья»¹.

Столь же бесппроблемными для актуализации прошлого в Самарской области являются темы «космической столицы» Самары и «автомобильной столицы» Тольятти. История космической промышленности особенно активно используется местными властями. Исторические традиции и заявленное лидерство в высокотехнологичной и престижной отрасли призваны повысить статус области и подчеркнуть важные измерения местной идентичности.

Говоря об историческом нарративе отраслевой «столичности», необходимо также упомянуть набирающую популярность идею Самары «как столицы пива» в России [Э-36-01]. В немалой степени это является «низовой» инициативой, которую подхватили и местные бизнесмены [Э-36-02]. В данном контексте актуализирована история Жигулевского пивоваренного завода и знаменитого сорта пива «Жигулевское». Кроме того, историческое здание завода является важной архитектурной достопримечательностью. В этом сюжете на первый план выходит фигура создателя завода, австрийского дворянина Альфреда фон Вакано. В частности, это выразилось в выпуске новых сортов пива под торговой маркой «фон Вакано». Впрочем, возрождение имени австрийского дворянина и российского подданного, в годы Первой мировой войны отправленного в ссылку по подозрению в шпионаже, вызывает поддержку не у всех представителей местной общественности. Некоторые посчитали, что имя «австрийского шпиона» и его вклад в развитие города и области не должны становиться частью исторического нарратива и мнемонической карты города [Э-36-02]. Однако значимость этой отрасли и ее продукции преодолели подобное сопротивление.

При историческом обосновании регионального лидерства и «столичности» в Поволжье можно выделить несколько стратегий. В целом для национальных республик «дорусская» история играет значительно бóльшую роль в публичной сфере по сравнению с условно «русскими» регионами. Для «русских» областей в обосновании и брендинге «лидерства» в большей степени характерна

---

¹ Назарова А. «Статус забрендируют»: Самару планируют сделать культурной столицей Поволжья // 63.RU. – 2018. – 10.09. – URL: <https://63.ru/text/gorod/2018/09/10/65372281/>

привязка к общероссийскому нарративу. «Центральность» часто конструируется через вклад в общую российскую историю. В национальных республиках ситуация усложняется национальным компонентом. Для Татарстана роль локальных (и «татарских») мотивов истории является важным компонентом позиционирования. Отраслевая столичность, в свою очередь, конструируется как в общероссийском, так и в региональном контекстах.

Проблемное (конфликтное) прошлое и стратегии обезвреживания

Как в «русских», так и в национальных регионах существует немало исторических тем, которые обладают конфликтогенным потенциалом. Ряд из них упомянуты в других разделах главы. В этом разделе будет предпринята попытка выделить наиболее показательные или характерные аспекты конфликтного прошлого, а также способы работы с ними различных локальных и общегосударственных акторов. Важно также подчеркнуть, что проблемное прошлое может иметь как локальные истоки, так и быть проявлением более масштабных дискуссий и политических размежеваний на общегосударственном уровне.

Несмотря на относительную этническую однородность, в Нижегородской и Самарской областях есть ряд исторических мотивов, которые создают точки напряжения в региональной политике памяти. Как уже отмечалось выше, для Нижегородской области одним из таких мотивов является история раскола. Однако региональная власть пытается избегать этой потенциально взрывоопасной темы, в частности, отказываясь от установки памятника Мельникову-Печерскому, несмотря на существующий запрос среди части нижегородцев.

Одной из сложных тем для Нижнего Новгорода стали безуспешные попытки получения звания «Города воинской славы». Эта кампания имеет уже достаточно продолжительную историю. Что любопытно, это в какой-то мере даже создавало напряжение в отношениях между местными активистами, политиками, населением и федеральными властями. После учреждения этого звания в России в 2006 г. в Нижнем Новгороде прошел ряд кампаний с участием местных депутатов, активистов и населения в попытке получить почетный титул для города. Так, в 2010 г. местные активисты «Единой России» собрали более 100 тысяч подписей нижегородцев

в поддержку присвоения Нижнему Новгороду звания «Город воинской славы», которые были направлены в Администрацию Президента РФ¹. Позже местные власти не раз поднимали этот вопрос на локальном и федеральном уровнях. Например, в 2016 г. Гордума в очередной раз выступила с предложением о присвоении этого звания. В связи с этим представитель Гордумы в Заксобрании Владимир Панов отметил, что «одно из оснований предыдущих отказов федерального правительства в присвоении Нижнему Новгороду звания “Город воинской славы” – то, что в городе во времена Великой Отечественной войны не было военных действий». Однако он добавил, что «ранее данный статус был присвоен г. Ковров, в котором бои также не проводились»². Среди аргументов сторонников этой инициативы были вклад Нижнего Новгорода в работу тыла, снабжение фронта, большая доля нижегородцев в армии, а также масштабные бомбардировки, которым подвергался город.

Так или иначе, попытки местных властей и активистов добиться от федерального центра присвоения престижного статуса не увенчались успехом. В итоге своеобразной заменой для Нижнего Новгорода стало звание «Город трудовой доблести», полученное городом в 2020 г.³ Важно подчеркнуть, что эта общегосударственная кампания развивалась на фоне большего интереса к «тыловикам» на федеральном уровне в условиях значительного сокращения числа оставшихся в живых ветеранов. Несмотря на достижение хотя бы такого признания вклада и статуса Нижнего Новгорода на общегосударственном уровне, далеко не всех удовлетворил этот «размен». Губернатор Нижегородской области Г.С. Никитин в сети Instagram⁴ заявил, что «заслуженно и справедливо» после этого добиваться уже звания города воинской славы⁵. Впрочем, судя по

---

¹ Кулагина М. Более 100 тысяч подписей нижегородцев в поддержку присвоения Нижнему Новгороду звания «Город воинской славы» отправлены в администрацию Президента РФ // НИА «Нижний Новгород». – 2010. – 06.05. – URL: <https://www.niann.ru/?id=370181>

² Асташкина Ю. Гордума предлагает присвоить Нижнему Новгороду звание «Город воинской славы» // НИА «Нижний Новгород». – 2016. – 20.04. – URL: <https://www.niann.ru/?id=492326>

³ Нижний Новгород – «Город трудовой доблести и славы» // Стратегия развития Нижегородской области. – 2020. – 03.07. – URL: <https://2035.government-nnov.ru/ru-RU/longread/citywar>

⁴ Запрещенная на территории РФ организация.

⁵ Костикова И. Нижний Новгород будет претендовать на звание города воинской славы // GiperNN.ru. – 2020. – 09.05. – URL: <https://www.gipernn.ru/zhurnal/>

всему, после этого ничего не последовало. В свою очередь, одной из отклоненных общественных инициатив на праздновании 800-летия города было предложение подготовить новую срочную заявку на почетное звание. Любопытно, что краткое описание заявки включает аргументы, не только относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, но и, например, упоминание роли ополчения в 1612 г. и Волжской военной флотилии в Гражданской войне¹.

Сталинский период оказывается в центре другого мотива, вызвавшего недавно немалый резонанс. Это связано с инициативой создания музея «Сталин-Центр» в городе Бор. История началась с установки в 2020 г. предпринимателем и руководителем местного отделения КПРФ памятника Сталину на частной территории². Из-за сопротивления местных властей памятник пришлось провести по документам как садовую фигуру. Однако история получила продолжение, и ее обсуждение вышло далеко за пределы области. В результате местные коммунисты выступили с инициативой создания полноценного музея «Сталин-центр» и 8 мая 2021 г. заложили первый камень. Сопротивление местных властей, а также публичных противников проекта было преодолено опять же постройкой музея на частной территории. Местные власти пытались избежать публичного резонанса, связанного с противоречивой фигурой Иосифа Сталина.

При этом основные публичные инициаторы проекта, региональные лидеры КПРФ, не скрывали, что и название музея, и будущее содержание экспозиции выбраны не случайно. Первый секретарь комитета нижегородского регионального отделения КПРФ В.И. Егоров сразу же противопоставил будущий музей Ельцин Центру в Екатеринбурге: «Сталин-центр – музей созидательной эпохи нашего государства, а Ельцин-центр – музей, демонстрирующий разрушение того, что было создано в советский период истории»³. Инициаторы не отрицали и туристических целей. Однако при этом они контекстуализировали свой проект в рамках

---

razvitie-regiona/novosti/nizhniy-novgorod-budet-pretendovat-na-zvanie-goroda-voinskoy-slavy

¹ Масальский М.Ю. Нижний Новгород достоин звания – Город воинской славы! // Нижний 800. – URL: <https://nizhny800.ru/5d31736f27c29a0ff84a1cbf>

² В российском регионе установили памятник Сталину // Lenta.ru. – 2020. – 25.06. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/25/stalin/>

³ Под Нижним Новгородом заложили первый камень на стройке Сталин-центра // РБК. – 2021. – 08.05. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6096bd2c9a79474f6f994c607>

конфликтующих оценок сталинской и ельцинской эпох. Амбиции, выходящие за границы области, скорее всего, как раз и вызывали опасения местных властей, которые пытались удержать местную политику памяти в относительно «безопасных» для себя рамках.

Еще одним мотивом, который можно отнести к потенциально конфликтотенным в Нижегородской области – это память о 90-х годах, которая в данном случае напрямую связана с фигурой Б.Е. Немцова, первого губернатора региона. Оппозиционные правые партии и движения стали использовать фигуру известного политика для проведения памятных шествий. Местные власти воспринимают такие шествия как политические акции с мобилизационным потенциалом для оппозиционных сил. Поэтому ищут предлоги, чтобы их не согласовывать. Например, в 2021 г. обоснованием отказа в проведении шествия стали коронавирусные ограничения. Власти также квалифицировали шествие не как памятную акцию, а как митинг¹. Последнее вызвало недовольство председателя местного отделения «Яблока»: «Администрация города прямым текстом говорит, что убийство Бориса Немцова – неважное событие в жизни государства и общества. Администрация без оснований берет на себя функцию комитета памяти и решает, какое мероприятие памятное, а какое – нет. Мы будем обжаловать этот ответ и требовать извинений от администрации за умаление роли Бориса Немцова в жизни государства, общества и Нижнего Новгорода в частности»². В целом обе стороны понимают мобилизационный потенциал памяти о Борисе Немцове и пытаются использовать его в своих интересах (или же пресекать возможности его использования оппонентами).

Следует подчеркнуть, что региональные власти используют не только запретительные меры при работе с памятью о Борисе Немцове. Например, в 2020 г. губернатор Глеб Никитин на заседании областного Законодательного Собрания почтил память одного из своих предшественников, подчеркнув: «Никто не поспорит с тем, что в те годы его (Бориса Немцова. – *А.В.*) усилиями Нижний Новгород боролся с потенциальной участью города-аутсайдера и становился по-настоящему значимым центром проведения реформ, яркой столицей движения вперед, движения к новой Рос-

---

¹ Ванди Р. Митинга не будет: нижегородские власти запретили акцию памяти Бориса Немцова // NN.ru. – 2021. – 24.02. – URL: <https://www.nn.ru/text/politics/2021/02/24/69781625/>

² <https://www.nn.ru/text/politics/2021/02/24/69781625/>

сии»¹. Таким образом губернатор пытался в какой-то мере «обезвредить» память о Борисе Немцове, сдвинув фокус с его оппозиционной деятельности на период нахождения у власти и проведение реформ в области. Реформистская деятельность Немцова, поданная в таких общих формулировках, как раз хорошо вписывалась в деятельность самого Никитина, который пытается создать образ продвинутого, реформистски настроенного руководителя, стремящегося сделать из Нижнего Новгорода и области передовой экономический и технологический центр, третий в стране после Москвы и Санкт-Петербурга.

Как отмечалось выше, в Самарской области память о Великой Отечественной войне носит относительно беспроблемный характер. Более того, мотив «запасной столицы» активно используется для повышения статуса региона в рамках приоритетного на федеральном уровне направления исторической политики. В этом контексте, в частности, уходит на второй план тема репрессий и использования труда заключенных в годы войны. История Безымянлага присутствует в публичной сфере незначительно, хотя еще в 2008 г. на Безымянской ТЭЦ была установлена мемориальная доска, посвященная репрессированным энергетикам и заключенным, участвовавшим в строительстве энергетических объектов².

Говоря о сложном и конфликтном прошлом в Самарской области, стоит выделить историю Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) и связанную с ним тему Чехословацкого корпуса³. Собственно, в какой-то мере потенциальная конфликтность, а в какой-то – сложности интеграции темы в региональную и общегосударственную повестку политики памяти привели к тому, что этот мотив «столичности» оказался не востребовавшимся и неиспользованным. Если говорить о Комуче, то ряд соображений привел к тому, что эта тема слабо разработана в публичной сфере области. Определенную роль в данном случае играет относительно короткий период существования этого института власти, а также его слабое влияние на исход Гражданской войны. Впрочем, далеко

---

¹ Нестерова О. «Так будет правильно»: Глеб Никитин почтил память Немцова и предложил депутатам ОЗС сделать так же // NN.ru. – 2020. – 27.02. – URL: <https://www.nn.ru/text/politics/2020/02/27/68988385/>

² В губернии увековечили память заключенных ГУЛАГа // TLNews.ru. – 2008. – 08.08. – URL: <http://www.tltnews.ru/topnews/fullnews.php?id=1884>

³ Голубинов Я. Неопределенное прошлое: Комуч и Чехословацкий легион в памяти российских регионов // Scando-Slavica. – 2018. – Vol. 64, N 1. – P. 47–63. – URL: <https://doi.org/10.1080/00806765.2018.1447817>

не всегда для использования того или иного исторического события или актора значим его масштаб и важность в годы существования. Часто важнее наличие современных акторов, заинтересованных в инструментализации мотива и придании ему значимости в существующем политическом контексте. В случае с Комучем как раз заметно отсутствие заинтересованных в инструментализации наследия этого органа власти [Э-36-02]. У ряда сил периода Гражданской войны в России есть современные политические акторы и интеллектуальные движения, которые позиционируют себя как их наследники. Наследие эсеров, составивших ядро Комуча, в небольшой степени остается невостребованным.

В свою очередь, попытки мемориализации и закрепления в публичном пространстве Самары памяти о Чехословацком корпусе носили значительно более выраженный и предметный характер. Это связано с интересом со стороны властей Чешской Республики. Для местных властей память о Чехословацком корпусе открывала возможности установления и расширения международных контактов, и потенциально – создания мостиков для туристических и культурных контактов. Однако попытки публичной коммеморации Чехословацкого корпуса в Самаре и Самарской области наткнулись на сопротивление местных левых сил. Последние выступали против подобных инициатив из-за антибольшевистской роли Чехословацкого корпуса в Гражданской войне, что спровоцировало широкую общественную дискуссию между сторонниками и противниками инициативы¹. Не желая излишне провоцировать левые силы в регионе, местные власти предпочли «спустить на тормозах» инициативы по увековечиванию памяти о Чехословацком корпусе.

Другой важной инициативой, родившейся в Самаре, стал «Том Сойер Фест» – фестиваль восстановления исторической среды силами волонтеров и спонсоров. В центре внимания – здания, которые не имеют особого статуса и, соответственно, не защищены в полной мере властями. Начавшись в Самаре в 2015 г., проект быстро распространился по стране и нашел сторонников во многих городах России. В 2021 г. в Нижнем Новгороде прошел всероссийский съезд «Том Сойер Фест». Хотя в какой-то мере заявленной целью является забота о зданиях, на которые у властей не

---

¹ *Леонтьева О.Б.* Прошедшее незавершенное: историческая память о Гражданской войне в Самаре // Сибирский архив. – 2020. – № 1(3). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42958175>

хватает собственного ресурса, и в этом смысле предполагается, что деятельность участников дополняет работу городских структур, тем не менее результаты фестивалей нередко оказываются в центре конфликта между властями, коммерческими агентами и активистами.

Само появление фестиваля и его популярность подчеркнули, что, по мнению активистов, власти не справляются с задачей сохранения исторической среды в российских городах. Кроме того, фокус на восстановлении и уходе за зданиями, не имеющими официального статуса, создал дополнительный потенциал для конфликтов. Без официальной защиты даже приведенные в порядок здания могли оказаться под угрозой сноса¹. Такие ситуации придавали новый импульс дискуссиям и спорам, касающимся заботы о городской среде и ответственности властей за нее.

В случае с Удмуртией и Татарстаном основной конфликтный потенциал в политике памяти сконцентрирован в национальной и религиозной гетерогенности регионов. Местные власти сталкиваются с необходимостью выступать с позиций защиты интересов титульной группы (соответственно, татар и удмуртов) в то же время пытаясь нейтрализовать проблемные темы, которые могут вызвать конфликт внутри региона и / или с федеральной властью.

В Татарстане в местной политике памяти есть ряд мотивов со значительным конфликтным потенциалом. Это можно заметить, обращаясь к постсоветской истории региона, в частности в период 1990-х годов, когда темы суверенитета Татарстана и татарского национализма стояли особенно остро². В этом контексте важную политическую роль сыграла инструментализация конфликтных сторон и периодов взаимоотношений Казанского ханства и Русского государства, к примеру, эпизод взятия Казани, который мог

---

¹ ОГО! – В Саратове хотят снести еще один восстановленный волонтерами «Том Сойер Феста» дом // FreeNews-Volga. – 2020. – 24.12. – URL: <https://fin-volga.ru/news/view/id/156588>

² *Giuliano E.* Who Determines the Self in the Politics of Self-Determination? Identity and Preference Formation in Tatarstan's Nationalist Mobilization // *Comparative Politics*. – 2000. – Vol. 32, N 3. – P. 295–316. – URL: <https://doi.org/10.2307/422368> ; *Rorlich A.-A.* History, Collective Memory and Identity: The Tatars of Sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. – 1999. – Vol. 32, N 4. – P. 379–96. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(99\)00020-3](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(99)00020-3) ; *Faller H.M.* Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. – Central European University Press, 2011; *Burbank J.* Eurasian Sovereignty: The Case of Kazan // *Problems of Post-Communism*. – 2015. – Vol. 62, N 1. – P. 1–25. – URL: <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1002326>

быть преподнесен как столкновение русских и татар, ислама и православия, сочетая в таком виде мотивы виктимности татар и потерянной государственности.

Начиная с 1989 г., в Татарстане неофициально отмечался день памяти павших при взятии Казани как «День памяти и скорби татарского народа» (*Хәтер көне*). Несколько попыток придать дню памяти официальный статус не увенчались успехом. Постепенно, когда вопрос борьбы региональных элит с федеральным центром за суверенитет и ресурсы отошел на задний план, привлекательность использования этой темы в публичной сфере снизилась. Это связано как со стремлением властей республики избегать провокационной и конфронтационной повестки, так и с маргинализацией в публичной сфере многих татарских националистических организаций и активистов. Тем не менее проблема памяти о взятии Казани остается актуальной для татарских националистов и части татарских интеллектуалов (а также тех, кто противостоит таким попыткам)¹.

Ключевую роль в публичных коммеморациях «Дня памяти и скорби» каждое 15 октября играл Всетатарский общественный центр (ВТОЦ). Хотя в последние годы численность участников организованных акций была небольшой, местные власти все же создавали преграды для их проведения. В июне 2022 г. прокуратура Республики Татарстан признала ВТОЦ экстремистской организацией и приняла решение о его ликвидации. Показательно, что одним из основных материалов обвинения служили записи и фотографии с акции, посвященной Дню памяти в 2019 г.²

Тем не менее запрос на коммеморацию взятия Казани исходит не только от татарских националистических общественных организаций. Так, в сентябре 2021 г. ряд видных и авторитетных представителей интеллектуальной элиты обратились к президенту РТ Рустаму Минниханову с просьбой придать официальный статус 15 октября: «Если мы его забудем, исключим из страниц нашей священной национальной истории, то станем манкуртами, войдем в число народов, которые погибли, исчезли», предлагая превратить «историческое, волнующее событие в новое зрелище, прекрасный

---

¹ Карбаинов Н.И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. – 2018. – № 5. – URL: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.8>

² Фархутдинов Л. Как князят ВТОЦ: в суде прокуратура пять часов показывала кино с «Хәтер көне» // БизнесOnline. – 2021. – 25.02. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/500391>

исторический спектакль, в форме гимна неугасимому, бессмертному татарскому духу»¹. Местные власти не отреагировали на инициативу, скорее всего опасаясь спровоцировать обострение по чувствительному вопросу.

Тем более что незадолго до этого, в мае 2021 г., Духовное управление мусульман Татарстана утвердило решение поминать дату падения Казани и ее защитников по лунному календарю². Таким образом, коммеморативные мероприятия проходили бы каждый год в разные даты, а не 15 октября. Оценки этого решения были различными: от попыток «релятивизировать» столь важное для татар событие³ или перехватить инициативу у татарских националистов и деполитизировать его⁴ до обвинений в стремлении «стравить русских и татар»⁵. Впрочем, совпадение этой инициативы с рассмотрением иска прокуратуры Татарстана о признании ВТОЦ в качестве экстремистской организации скорее подтверждает попытки властей взять под контроль потенциально взрывоопасную тему и перенаправить ее в религиозное, а не политическое русло.

В целом для удержания ситуации во взаимоотношениях русских и татар под контролем местные власти стараются соблюдать в культурных и коммеморативных процессах принцип паритета [Э-92-04]. Открытие новой мечети сопровождается открытием нового православного храма. Масштабная реконструкция древнего Болгара совпадает с подобными же проектами по острову-граду Свяяжску. Как отмечалось выше, оба проекта реализуются фондом «Янарыш – Возрождение», тесно связанным с Минтимером Шаймиевым. Впрочем, исследователи также отмечают, что ситуация развития татарской культуры и языка может вызывать беспокойство

---

¹ Мухаметрахимов А., Ваганова В., Гавриленко А. «10 миллионов татар не простят!»: интеллигенция призвала Минниханова защитить Хәтер көне // БизнесOnline. – 2021. – 09.09. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/521584#>

² Антонов К. Взятие Казани отметят по лунному календарю // Коммерсантъ. – 2021. – 27.05. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4828205>

³ Саримова Л. День памяти всех павших при взятии Казани сделали «плавающим». Что это значит для татар? // Снег. – 2021. – 26.05. – URL: <https://sntat.ru/news/den-pamyati-zaschitnikov-kazani-sdelali-plavayuschim-chto-eto-znachit-i-chem-mozhet-ne-ponravitsya-tataram-5824659>

⁴ Антонов К. Взятие Казани отметят по лунному календарю // Коммерсантъ. – 2021. – 27.05. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4828205>

⁵ Хомяков В. В Казани захотели взять реванш у Ивана Грозного // Царьград. – 2021. – 05.06. – URL: https://tsargrad.tv/articles/v-kazani-zahoteli-vzjat-revansh-u-ivana-groznogo_362485

у ряда татарских активистов. Так, несколько лет назад руководители Всемирного конгресса татарской молодежи высказывали опасения, что «татарское» излишне ассоциируется с прошлым, и предпринимали попытки связать отсылки к прошлому с современностью и будущим татар. В частности, это выражалось в организации фестиваля, в рамках которого предпринималась попытка воссоздать атмосферу Казани конца XIX – начала XX в.¹ Впрочем, один из инициаторов вскоре покинул пост руководителя конгресса татарской молодежи². В целом конгресс молодежи – часть Всемирного конгресса татар, который стал в какой-то мере «мейнстримовой» санкционированной площадкой для выражения интересов татар по мере маргинализации националистических татарских организаций [Э-92-01].

В то же время трансрегиональные амбиции руководства Татарстана иногда сталкивают их с другими регионами РФ или же даже с коммеморативными инициативами на федеральном уровне. Ярким примером такой ситуации стала борьба властей Татарстана против увековечения на общедоказательном уровне Великого стояния на Угре 1480 г. Эта инициатива не раз появлялась в российской политике памяти. Основным публичным инициатором были власти Калужской области. При первой попытке в 2017 г. было предложено признать на общедоказательном уровне 11 ноября «Днем победного окончания Великого стояния на реке Угре 1480 года»³. Тем не менее инициатива вызвала сопротивление властей Татарстана, которые увидели в этом попытки подчеркнуть конфликтные и разъединяющие эпизоды в истории взаимоотношений русских и татар и опасались негативной реакции татарской общественности.

В 2019 г. инициатива вновь вышла на первый план. Однако и президент РТ Р.Н. Минниханов, и депутаты Госсовета Татарстана публично выступили против. В пресс-службе президента РТ заявили: *«Мы исходим из того, что памятными датами в России*

---

¹ Wilmers L. The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg // Nationalities Papers. – 2022. – P. 1–22. – URL: <https://doi.org/10.1017/nps.2022.13>

² Табрис Яруллин оставил пост председателя Всемирного форума татарской молодежи // Inkazan.ru. – 2019. – 12.06. – URL: <https://inkazan.ru/news/2019-06-12/tabris-yarullin-ostavil-post-predsedatelya-vsemirnogo-foruma-tatarskoy-molodezhi-1469647>

³ Министерство культуры РФ предложило сделать 11 ноября памятной датой в честь Победного окончания Великого стояния на Угре 1480 года // Организатор.ru. – 2017. – 21.09. – URL: <https://www.orgsmi.ru/news/prezident/?item=3562>

должны быть исключительно такие даты и события, которые, без сомнения, являются общеобъединяющими для всего многонационального народа» и предложили сделать памятной датой переход Суворова через Альпы¹. В случае со Стоянием на Угре власти Татарстана на данный момент смогли отстоять свою точку зрения. Однако подобное сопротивление в случае с коммеморацией Куликовской битвы имело успех только ограниченное количество времени. В 2021 г. В. Путин поручил подготовиться к празднованию 650-летия битвы в 2030 г.² При этом важно подчеркнуть, что стремление властей Татарстана защищать интересы татар на общегосударственном уровне или в других регионах может быть связано как с представлениями о важности подобного политического ресурса, так и с опасениями упустить ситуацию и дать возможность перехватить повестку другим, особенно внесистемным силам.

Вкратце можно упомянуть еще два мотива, проявивших себя в политике памяти в Татарстане последних лет. Память о «казанском феномене» оказалась актуализирована после публикации книги Р.Н. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х»³. Автор, бывший член одной из ОПГ, опирался в своей публикации на собственный опыт и интервью с другими участниками. Реакция в Казани была неоднозначной. Многие раскритиковали автора за то, что он разворошил «трудное прошлое» [Э-92-03]. В немалой степени этот феномен, который затронул судьбы многих семей в Татарстане, замалчивался. Публикация книги сначала онлайн, а потом в печатном виде вынудила многих вновь вернуться к этой закрытой теме. Публичное обсуждение онлайн-версии книги даже спровоцировало реакцию прокуратуры РТ, которая заявила о необходимости проверки содержания⁴. Однако никаких запретов и санкций не последовало.

---

¹ Акопов П. Чем опасна борьба с праздником в честь стояния на Угре // Взгляд. – 2019. – 30.09. – URL: <https://vz.ru/society/2019/8/30/995065.html>

² Путин поручил подготовить план празднования 650-летия Куликовской битвы в 2030 году // ТАСС. – 2021. – 08.04. – URL: https://tass.ru/obschestvo/11098807?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

³ Гараев Р. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х. – Москва : Individuum, 2020.

⁴ Шемелов С., Лучников А., Кузнецов А. Спросили за «Слово пацана»: прокуратура заподозрила «летопись» казанских ОПГ в пропаганде АУЕ // БизнесOnline. – 2020. – 23.11. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/489450>

Другой публичный скандал также спровоцировала публикация книги. Роман Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза...» был опубликован в 2015 г. В 2019 г. состоялся показ сериала, снятого по книге, с Ч.Н. Хаматовой в главной роли. История о татарской женщине, жене кулака, в годы раскулачивания привлекла значительное внимание на общегосударственном и региональном уровне. Не углубляясь в детали, стоит отметить, что оценки значительно отличались. Сторонники Г. Яхиной подчеркивали, что писательница умело и честно описала сложные страницы истории СССР и татар в эти годы. Однако было немало критиков. Писательницу критиковали как за неверный образ СССР, переданный в книге, так и за искаженную картину татарского народа [Э-92-04]. Некоторые даже поставили под вопрос ее статус «татарской писательницы», добавляя, что книга написана на русском, а описание татарского быта и традиций не соответствует, по их мнению, действительности¹. В то же время существует мнение, что особенно критические оценки стали публичными не после публикации книги, а скорее после выхода на Первом канале сериала по книге [Э-92-04], то есть после выхода истории в полной мере на общефедеральный уровень.

В удмуртском кейсе большинство точек напряжения в современной политике памяти также связано с национальными мотивами. Ранее в какой-то мере в схожем с татарским ключе обострялись вопросы суверенитета и взаимоотношений удмуртов / Удмуртии с русскими / Россией, в том числе и посредством инструментализации прошлого представителями местных политических и культурных элит. При этом в случае Удмуртии отсутствовали такие исторически значимые политии как Золотая Орда, Казанское ханство и Волжская Булгария, к истории которых можно было апеллировать в рамках региональной политики памяти. Однако в местных научных кругах существуют попытки обсудить добровольный или насильственный характер присоединения удмуртов / Удмуртии к России, но в целом такие дискуссии играют незначительную роль в публичной сфере [Э-94-06]. В какой-то мере эта тема обезоруживается отсутствием собственной государственности, к которой можно апеллировать, у удмуртов или на территории современной Удмуртии в момент присоединения, в отличие от Татарстана. Напротив, это позволяет местным властям эксплуатировать тему «добровольного присоединения» к Российскому государству, укрепляя

---

¹ Айсин Р. Какой образ Зулейхи подсовывает нам Яхина? // Поистине. – 2019. – URL: <https://www.poistine.org/istoriya-odnogo-predatelstva/>

лояльность населения республики и посылая конструктивные сигналы центральной власти¹.

В то же время эксперты отмечают, что в последние годы конфронтационные аспекты использования прошлого в немалой степени ушли на задний план. Происходит определенная фольклоризация удмуртской тематики. Национальные особенности в публичной сфере прежде всего актуализируются в рамках апелляции к национальным традициям (яркий пример – «Бурановские бабушки»), обычаям и язычеству удмуртов. В этом контексте развивается и актуализируется туризм, в сельской местности создаются центры, направленные на демонстрацию прошлого и настоящего удмуртских традиций. Впрочем, и в таком, в значительной степени деполитизированном (во всяком случае, на поверхности) ключе использование темы национальных особенностей удмуртов вызывает подозрение у отдельных консервативно настроенных представителей русских элит [Э-94-02].

Говоря об удмуртских активистах, которые в той или иной мере инструментализируют удмуртскую тематику, необходимо подчеркнуть условное разделение на два поколения. «Старое» поколение уходит корнями в политическую борьбу за суверенитет и автономию Удмуртии и удмуртов конца 1980-х и 1990-х годов. Прежде всего именно представители этого поколения иногда заостряют «горячие» темы прошлого и настоящего в конфронтационном ключе. Одним из последних ярких проявлений такого подхода стало самосожжение в 2019 г. Альберта Разина, известного общественного и религиозного деятеля неоязыческого толка, в качестве протеста против принятия закона о добровольном изучении национальных языков.

«Молодое» поколение в этом смысле отходит от «горячих» исторических тем, предпочитая культууроориентированный подход, в рамках которого в центре внимания оказывается развитие музыки, литературы, фестивалей и т.д. на удмуртском языке, и в целом широкое распространение языка не только в деревнях, но и в городе. В какой-то мере это «молодое» поколение оценивает скептически конфронтационный подход, считая его непродуктив-

---

¹ Сегодня в Ижевске празднуют 450-летие добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства // Башинформ. – 2008. – 17.09. – URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2008-09-17/segodnya-v-izhevske-prazdnuyut-450-letie-dobrovolnogo-vhozheniya-udmurtii-v-sostav-rossiyskogo-gosudarstva-2070141>

ным и скорее даже мешающим целям развития и распространения удмуртской культуры и языка [Э-94-04].

Отдельно необходимо выделить мотив строительства железной дороги Ижевск – Балезино в годы Второй мировой войны. Строительство стратегически важной железной дороги в рекордные сроки является частью актуализируемого властями местного вклада в общую победу. В частности, ссылка на строительство этого участка дороги является одним из обоснований получения Ижевском титула «Город трудовой доблести»¹. С 2020 г. 9 февраля отмечается как официальная памятная дата в Удмуртской Республике, посвященная окончанию строительства и сдаче в эксплуатацию железной дороги Ижевск – Балезино². Однако другим измерением этого исторического мотива являются тяжелейшие условия, в которых работали в основном женщины, дети и старики. Для ряда местных активистов это становится поводом для обсуждения «темных» сторон сталинского руководства, тем насилия и принуждения [Э-94-06]. В то же время в целом в Удмуртии, как и в других рассматриваемых регионах, тема сталинских репрессий в незначительной степени маргинализирована в публичной сфере.

Историческое пограничье и мост между Западом и Востоком

Другим важным общим мотивом для рассматриваемых регионов становится тема исторического и культурного пограничья. Это большая тема, заслуживающая отдельного подробного рассмотрения. В рамках этого раздела будет предпринята попытка обозначить этот мотив только очень общими и краткими штрихами.

В целом подобный мотив можно найти во многих других регионах России. В особенности это, конечно, касается тех областей, которые и сегодня находятся у границ современной России. Однако любопытно, что тема исторического пограничья и культурного перекрестка прорабатывается в регионе, который географически расположен далеко от современной государственной границы. Тем

---

¹ Ижевск – город трудовой доблести // Вести. – 2020. – 21.06. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2423037>

² 9 февраля отмечается памятная дата Удмуртской Республики – день окончания строительства и сдачи в эксплуатацию железной дороги Ижевск – Балезино // Государственный совет Удмуртской Республики. – 2022. – 09.02. – URL: <http://www.udmgossovet.ru/press/news/31206/>

не менее для мнемонических акторов в Поволжье этот мотив позволяет заострить внимание на значимости их административных субъектов в истории формирования и расширения российской государственности, а также развития поликультурности, многонациональности и поликонфессиональности России. В этом смысле заметно разделение рассматриваемых субъектов. Если в «русских» областях на первый план прежде всего выходит тема защиты и расширения границ «Русского государства», то в национальных республиках доминирующий мотив – поликультурность, а также встреча «Запада» и «Востока». В зависимости от целей акторов актуализируются разные стороны, нередко замалчиваются неоднозначные и конфликтогенные мотивы.

Для Самарской и Нижегородской областей в центре внимания оказывается мотив формирования и защиты «ядра русского государства». Так, в случае Самары и Самарской области важную роль играет коммеморация князя Георгия Засекина как основателя и первого воеводы нескольких ключевых городов-крепостей на Волге – Самары, Переволока (Волгограда) и Саратова. В результате в 2014 г. в Самаре был установлен конный памятник Засекину. В связи с личностью Засекина выделяются несколько мотивов для региональной политики памяти. Так, Самара становится одним из опорных пунктов русского государства на Волге, фактически закрепляя принадлежность этих территорий и Волги к России, и выступает как один из исторических охраняемых рубежей русского государства на границе со степью. Однако стоит отметить, что мотив взаимодействия с Востоком и степью не принимает исключительно конфронтационного характера. Основание Самары Засекиным также раскрывается в контексте расширения торговли и культурного взаимодействия с Востоком.

Мотив исторического рубежа и форпоста можно наблюдать и в нижегородском кейсе [Э-22-05]. В частности, он ярко проявился при установке памятника «Пограничникам всех поколений посвящается» в Нижнем Новгороде в 2019 г. Важную роль в реализации проекта сыграла общественная организация ветеранов «Нижегородский пограничник», что в целом подчеркивает значение различных ветеранских организаций как мнемонических акторов. На церемонии открытия бывший депутат Госдумы и руководитель нижегородского отделения «Единой России» Д.П. Москвин сформулировал этот мотив в локальном контексте следующим образом: «Это знак памяти, знак благодарности и признания всем тем, кто служил, защищал государственную границу и продолжает это

делать. Несколько сотен тысяч нижегородцев в разные годы отдавали свой самый священный долг Родине, охраняя ее рубежи. Место это тоже, как вы, наверно, знаете выбрано не случайно. Именно здесь в XIV веке проходил рубеж обороны Нижнего Новгорода, и стоял пограничный знак. Нижегородский каменный Кремль ни разу не был завоеван и покорен, что тоже очень символично. Замечательно, что именно таким большим и важным событием мы начинаем встречать День Победы в Нижнем Новгороде»¹.

Таким образом, историческая и современная охрана государственных границ переплетаются в единый многовековой нарратив. Сюда же встраивается тема победы и непокоренности. В этой истории на второй план уходит тема раздробленности, и нижегородская история до присоединения к Московскому княжеству представляется как единая судьба «русских земель». Нижний Новгород и окружающий регион выступают как часть ядра, которое несколько веков находилось на границе Руси и других народов и политических образований.

В Татарстане мотив исторического пограничья и места встречи Востока и Запада представлен в публичной сфере намного более объемно. Несомненно, важную роль играет религиозная гетерогенность. Местные власти активно эксплуатируют эту тему. В этом нарративе Татарстан становится местом встречи и успешного симбиоза Запада и Востока, ислама и православия, в какой-то мере микрокосмосом многонациональной и поликонфессиональной России. В условиях обострения отношений России и Запада в последние годы «восточность» Татарстана и татар становится символическим ресурсом, который руководство республики может использовать в своих целях. Помимо апелляций к мотиву пограничья заметна также попытка использовать евразийский поворот в политике России последних лет и закрепить за Татарстаном ключевую роль в этих процессах.

Впрочем, мотив пограничья может использоваться не только в политических целях, но и в экономических. Это, в частности, заметно в активной инструментализации прошлого в туристических целях. Примером такой монетизации средневековой истории

---

¹ Памятник пограничникам открыли в Нижнем Новгороде // Информационное агентство «Время Н». – 2019. – 06.05. – URL: https://www.vremyan.ru/news/pamyatnik_pogranichnikom_otkryli_v_nizhnem_novgorode.html

может служить проект «Великий Волжский путь»¹, центром разработки которого стала Казань.

В Удмуртии подобные темы разворачиваются на основе инструментализации мотивов финно-угорских связей². В этом контексте актуализируются общее финно-угорское наследие и история. Так, в 2021 г. в Ижевске прошел Всероссийский форум финно-угорских народов. Во время выступления Председатель Государственного Совета Удмуртии В.П. Невоструев отметил: «Удмуртия и ее столица город Ижевск являются местом рождения финно-угорского движения. Здесь в 1992 г. прошел первый всероссийский съезд финно-угорских народов, заложивший основы для совместной работы над актуальными вопросами развития наших этносов. Впоследствии многие важные мероприятия проводились именно в Ижевске».

Важно, что разработка темы финно-угорских связей проходила как во внутрироссийском масштабе, так и в международном измерении. Контакты с «финно-угорским миром» являются одной из заявленных целей Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация “Удмурт Кенеш”»³. Ранее существовали каналы для весьма интенсивного культурного обмена Удмуртии с Финляндией и в меньшей степени Венгрией и Эстонией. Проведение научных и научно-популярных мероприятий, посвященных прошлому финно-угорских народов было одним из важных направлений таких контактов. Однако в последние годы подобные возможности становятся все более ограниченными. Тем не менее актуализация финно-угорских мотивов остается важным ресурсом на внутреннем российском направлении как во взаимодействии с другими финно-угорскими народами, так и с удмуртами, проживающими за пределами республики.

---

¹ Межрегиональный туристский маршрут «Великий Волжский путь» // Государственный комитет Республики Татарстан по туризму. – 2022. – 06.05. – URL: <https://tourism.tatarstan.ru/mezhregionalniy-turistskiy-marshrut-velikiy.htm>

² Kowalev V. Power and Ethnicity in the Finno-Ugric Republics of the Russian Federation // International Journal of Political Economy. – 2000. – Vol. 30, N 3. – P. 81–100. – URL: <https://doi.org/10.1080/08911916.2000.11644017>

³ Удмурт Кенеш. – URL: <http://udmurtkenesh.ru/about/>

Заключение

В этой главе была предпринята попытка сделать краткий и выборочный обзор использования прошлого в Поволжье на примере четырех субъектов РФ. Как рассмотренные в главе мотивы, так и те, которые не были затронуты, заслуживают более детального анализа в дальнейших исследованиях. Тем не менее уже на основе предпринятого анализа можно сделать ряд общих наблюдений.

Поволжье выделяется наличием целого ряда регионов и городов, претендующих на региональное лидерство и высокий статус на общегосударственном уровне. В этой главе были рассмотрены далеко не все регионы и города Поволжья с лидерскими амбициями. Важно, что анализ на мезоуровне позволяет уделить внимание трансрегиональным амбициям и взаимоотношениям между регионами. Политика памяти является частью репертуара для реализации подобных задач. В частности, особенно выделяются попытки властей Татарстана выступать в роли защитника интересов всех татар, а также подкрепленное историческими отсылками стремление Нижнего Новгорода и Нижегородской области выступить в роли ведущего политического и экономического центра на общегосударственном уровне, «третьей столицы» России. В определенных условиях это даже позволяет местному руководству осторожно выступать против общегосударственной повестки.

Анализ политики памяти в Поволжье также позволяет сопоставить и сравнить использование прошлого в условно «национальных» и «русских» субъектах РФ. При этом важно подчеркнуть, что гетерогенность, которая нередко реализуется и в политике памяти, необязательно сводится только к национальному признаку. В главе подчеркивалось, например, значение староверческого мотива для Нижегородской области. Тем не менее важной особенностью «национальных» республик становится борьба за представление интересов титульной группы. Политически активные этнонационалисты в обеих республиках в немалой степени маргинализированы. Однако это не означает, что конфликтогенные мотивы прошлого полностью обезврежены. Одной из задач руководства республик становится защита интересов титульных групп, которая при этом не приводит к конфликтам с федеральной повесткой или же дестабилизации в их субъектах.

Выбор других субъектов Поволжья позволит также рассмотреть и заострить другие вопросы. В частности, включение в анализ Башкортостана позволило бы углубиться в использование прошлого при построении взаимоотношений между этим регионом и Татарстаном. Добавление Саратова позволило бы раскрыть роль истории поволжских немцев в региональной политике памяти. В целом представляется, что трансрегиональность политики памяти субъектов РФ (а также акторов, активных в каждом регионе) является одним из перспективных направлений дальнейших исследований использования прошлого в России. Поволжье в этом смысле представляет собой уникальную констелляцию интересов, амбиций и акторов.

ГЛАВА 7

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ (РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, КРАСНОДАРСКИЙ И СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЯ)

(А.И. Миллер)

Три выбранных нами для анализа региона России – Краснодарский и Ставропольский края, а также Ростовская область – были сформированы в 1937 г. и территориально отличаются от существовавших прежде областей, которые, в свою очередь, не совпадали с территориальным делением царской России. Три региона имеют как ряд общих черт, так и существенные отличия. Это соседствующие между собой территориально крупные южные регионы с многочисленным населением – около 10% от всего населения России. Краснодарский край (более 5,5 млн человек) занимает третье место по численности населения среди всех регионов страны, Ростовская область с более чем 4 млн. – шестое, а Ставрополье, имеющее почти 3 млн., 14-е место. Население этих регионов этнически довольно разнородно, но при этом по данным переписи 2010 г., во всех трех регионах русские составляют более 80%.

Все эти регионы, помимо краевых и областных центров, включают целый ряд других городов со специфическим местным репертуаром политики памяти. Мы рассмотрим этот феномен многоуровневости¹ на примере Ростовской области, где города Таган-

---

¹ Речь здесь идет именно о многоуровневости, а не простых отличиях в размерах, поскольку эти локации обладают качественно иными административными и финансовыми ресурсами, находятся на ином уровне административной пирамиды по сравнению с центрами регионов. При этом сами центры регионов

рог, Новочеркасск, Азов, станицы Старочеркасская, Еланская, Вёшенская и другие выступают как важные локализации политики памяти с разной степенью автономии и разным репертуаром. Разнородность Краснодарского края, включающего протяженное Черноморское побережье, весьма велика, тем более что автономная республика Адыгея расположена как анклав внутри Краснодарского края, и поэтому мы коснемся также политики памяти в этой республике в рамках данной главы¹. Весьма велика неоднородность и в Ставропольском крае, в том числе существенно разнятся доля русского населения и демографические тенденции в разных районах.

Сегодня Краснодарский и Ставропольский края – важнейшие направления рекреационного туризма, что оказывает значительное влияние на политику памяти в регионах. Во всех рассматриваемых регионах политика памяти сочетает задачи и темы политики идентичности и задачи повышения туристической привлекательности. Ставропольский край – единственный субъект федерации, в котором расположены два парка «Россия – моя история» (далее – РМИ), в Ставрополе и в Пятигорске. В Ростове и Краснодаре также есть парки РМИ. Это говорит о том, что, принимая решение о локализации парков РМИ, в Москве видели политику памяти во всех выбранных нами регионах как важную и проблемную.

Для всех трех регионов важен их пограничный характер, причем значимость этого фактора после распада СССР существенно возросла. Ростовская область прилегает к государственной границе с Украиной, причем к той части, где после 2014 г. образовались непризнанные (до 2022 г.) республики ДНР и ЛНР. У Краснодарского края есть граница с Абхазией, а недавно построенный мост связывает его с Крымом. Однако пограничный характер трех регионов определяется не только этими обстоятельствами. Впервые, эти земли завоевывались империей в XVIII и XIX веках и

могут существенно отличаться по размерам – в Ростове население превышает 1 млн человек, а в Ставрополе населения менее 500 тыс., что делает его сопоставимым по размеру с областным центром Центральной России. В то же время размеры Ставропольского края существенно больше средней российской области, то есть в распоряжении Ставрополя находится больше финансовых ресурсов, а в крае есть центры, конкурирующие со столицей края.

¹ Адыгейская автономная область была включена в состав Краснодарского края в 1937 г. В 1936 г. к ней был присоединен Майкоп, ставший столицей области. Границы области были существенно расширены в 1962 г., а статус самостоятельной автономной республики она получила в 1991 г.

их пограничный характер в то время определял присутствие здесь ряда казачьих войск — Донского, Кубанского, Терского¹. Вторых, Краснодарский и Ставропольский края непосредственно прилегают к своеобразной внутренней границе с кластером автономных республик Кавказа, в которых за время после распада СССР численность русского населения сократилась в четыре раза². В настоящее время рассматриваемые нами регионы, особенно Ставрополье, испытывают более или менее интенсивное демографическое давление со стороны кавказских республик с их высокой рождаемостью.

Собственно исторические территории расселения кубанских и терских казаков отнюдь не совпадают с современными границами регионов. Значительная часть земель, находившихся во владении терских казаков³, была конфискована вскоре после революции и входит в территорию ряда кавказских автономных республик. Краснодарский край далеко не совпадает с исторической Кубанью. На территории Черноморья (Новороссийск, Анапа, Сочи, Туапсе) казаков почти не было, поэтому приравнивание Краснодарского края и Кубани представляет собой упражнение в воображаемой географии, приготавливающее «натягивание» понятия «казачий край» на весь субъект федерации. Область Войска Донского также не совпадает территориально с Ростовской областью. Сам город Ростов только в 1888 г. стал частью Области Войска Донского, которая включала еще некоторые территории современных Волгоградской и Астраханской областей.

Все это имеет прямое отношение к политике памяти в мезорегионе, где она теснейшим образом связана с «земельным вопросом» в его самых разнообразных проявлениях. В перспективе в рамках проекта мы рассмотрим политику памяти в Ставропольском и Краснодарском краях в их взаимодействии с политикой памяти в республиках российского Кавказа, что даст возможность

---

¹ О памятнике защитникам границ России разных эпох в Краснодаре см. главу В.В. Лапина и А.Б. Матисовой. См. также: Память защитников рубежей Отечества увековечили в Краснодаре // ИА Regnum. — 2015. — 07.12. — URL: <https://news.rambler.ru/community/32155640-pamyat-zaschitnikov-rubezhzey-otechestva-uevekovechili-v-krasnodare/>

² Суций С. Русские в республиках Северного Кавказа — рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. — 2017. — Т. 4, № 3. — С. 115–140.

³ Имеется в виду широкое значение, включающее терских, гребенских, сунженских, моздокских и других казаков Северного Кавказа.

более подробно описать темы памяти о Кавказской войне, о периоде Гражданской войны и расказачивания, об истории многообразного взаимодействия казаков и кавказских народов. Эти темы, конечно, рассматриваются и в этой главе, но с ограничениями, обусловленными как избранным для данной главы фокусом на трех регионах, так и необходимостью дополнительных исследований. Также продуктивным будет в перспективе рассмотрение Ростовской области вместе с Волгоградской областью, поскольку соседство с республиками российского Кавказа для Ростовской области менее значимо, а с Волгоградской ее объединяет тема казачьего Войска Донского. Иначе говоря, вариативность построения кластеров регионов позволяет исследователю менять набор и иерархию тем, вокруг которых строится политика памяти, выдвигает на первый план иные взаимосвязи и сравнения.

Другая важная общая черта – все эти регионы были ареной боев в Великой Отечественной войне, и все они были под продолжительной немецкой оккупацией. В условиях, когда память о преступлениях оккупантов в ходе войны становится одной из ключевых тем в государственной политике памяти, значение этой темы в региональной повестке также резко возрастает¹.

Выбор нами для этой главы именно такого кластера регионов дает некоторые важные преимущества. Во всех рассматриваемых в этой главе регионах тема казачества в политике идентичности вообще и в политике памяти в особенности играет важную роль. Однако в рамках казачьей тематики между этими регионами существует также ряд важных различий и в истории (это были территории разных казачьих войск), и в использовании темы казачества в политике памяти. Также по-разному в регионах подходят к коммеморации некоторых важных аспектов истории Второй мировой войны, что мы покажем на примере коммеморации холокоста. Сравнительный подход в этих случаях будет весьма полезен.

---

¹ См. Без срока давности. – URL: <https://безсрокадавности.рф/>; Методические рекомендации по организации и проведению Всероссийского конкурса исследовательских проектов «Без срока давности» // Министерство просвещения РФ. – 2022. – 25.02. – URL: <https://ec.memory45.su/blog/newshead/metodicheskie-rekomendaczii-po-organizaczii-i-provedeniyu-vserossijskogo-konkursa-issledovatelских-proektov-bez-sroka-davnosti/>; Информационные материалы к выступлениям на августовских педагогических совещаниях в субъектах Российской Федерации по теме проекта «Без срока давности». – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/93a3a05bdfa5b6d63d00e1e522c91cef/download/3078/>

Глава написана по результатам полевых исследований и интервью. В общей сложности в регионе было взято более 20 интервью, среди экспертов были историки, социологи, политологи, преподающие в вузах региона или в школах, музейные работники, сотрудники парков «Россия – моя история», активисты казачьего движения, сотрудники местных администраций. Также использован широкий круг литературы о мезорегионе.

В этой главе мы не ставим задачу дать цельную картину политики памяти в трех регионах юга России. Вместо этого мы подробнее рассмотрим несколько аспектов этой темы, в том числе такие, которые в силу разных обстоятельств остаются в тени в других главах. В частности, на примере Краснодарского края мы обсудим роль и содержание учебников, которые используются в рамках «регионального компонента».

Казачество Юга России

В период перестройки и в 1990-е годы происходила политическая мобилизация различных групп, которая во многом опиралась на память о прошлых несправедливостях, угнетении и репрессиях. Это верно и в отношении казаков. В центре нарратива о страданиях казачества стояла память о репрессиях советской власти. Он начинался с так называемой политики расказачивания, инициированной директивой Оргбюро ВКП(б) от 24 января 1919 г. и направленной на уничтожение казачества как особой сословной или этносоциальной группы. 24 января является с тех пор памятной датой в казачьей среде.

Эта политика описывалась активистами казачьего движения, видевшими казаков как отдельный народ, с помощью понятия «геноцид». Иногда понятие «геноцид» использовалось и / или применительно к концу 1920-х – началу 1930-х годов, когда коллективизация, высылка раскулаченных и голод начала 30-х привели к огромным потерям в казачьей среде, особенно на Кубани. Один из опрошенных нами экспертов заметил, что расказачивание в меньшей степени заслуживает названия «геноцид», чем события конца 1920-х – начала 1930-х, и подчеркнул кумулятивный эффект нескольких факторов:

«Нет, мне кажется, что геноцида белого казачества в Гражданскую войну не было. Геноцид – это явление более позднее, уже после Гражданской войны. На Кубани это имело опосредованное значение. Я считаю,

что самый серьезный этап уничтожения казачества – я не сторонник использования термина геноцид такого тотального – серьезный удар по кубанскому казачеству, это эмиграция, второе, это высылка людей на север, на Дальний Восток, в Сибирь и так далее. Третье – это голодомор. На Кубани голодомор 32–33 гг. это семейная история. Я это очень хорошо знаю, и знаю эти места массовых захоронений, знаю эти станицы, и знаю потомков – это очень для многих людей тема живая до сих пор. Это, кстати, и молодые помнят» [Э-03-02]¹.

Можно сказать, что этот виктимный нарратив, во-первых, решал положительно вопрос о том, являются ли казаки особым народом, и, во-вторых, служил для казаков основанием претендовать на применение к ним закона о репрессированных народах, принятого РСФСР 26 апреля 1991 г. Этот закон среди прочего предполагал возвращение пострадавшим группам утраченных ими в ходе репрессий земель. Особо важными для всех этносоциальных групп и потенциально опасными по своим политическим последствиям были статьи 6 и 7, в которых речь шла о территориальной реабилитации. Они продолжали советскую практику признания «этнической» собственности на землю. Нарративы о прошлом, подтверждающие право той или иной группы на ту или иную территорию в этом мезорегионе России, воспринимаются необычайно остро, потому что прямо связаны с современными конфликтами и интересами. Территориальный вопрос был и остается наиболее болезненным в отношениях между различными этническими группами российского Кавказа. Казаки как сословие утратили после революции право собственности на землю в пользу государства, а существенные территории, принадлежавшие казакам, были заселены другими этническими группами.

Постановление Верховного совета Российской Федерации о реабилитации казачества было принято 16 июля 1992 г., уже после распада СССР. Оно распространяло на казаков многие положения закона о реабилитации репрессированных народов от 1991 г. В пункте 3 оно касалось вопросов о реабилитации, но носило в основном декларативный характер и вводило такие ограничения при обсуждении вопроса о земельной собственности, которые исключали возвращение казакам утраченных земель.

---

¹ Понятие «голодомор», используемое экспертом, свидетельствует о влиянии украинской политики памяти в отношении голода 1932–1933 гг. Разные аспекты и механизмы этого влияния заслуживают специального изучения.

Первая половина 1990-х годов была временем низового казачьего активизма, который не раз приводил к конфликтам с властями и правоохранительными органами. К этому времени относится первая волна интереса исследователей к теме казачьего «возрождения»¹. Истории возрождения казачества, трансформации отношений казаков с властями, создания реестрового казачества или, как некоторые исследователи предпочитали писать, – «неоказачества», посвящена довольно обширная литература, принадлежащая перу как отечественных², так и зарубежных³ авторов. Одной из важнейших ее составляющих была и остается тема идентичности и, как следствие, политики памяти, однако именно этот аспект пока не получил развернутого анализа. Наиболее свежая книга, посвященная этому вопросу, принадлежит авторитетному волгоградскому исследователю О.В. Рвачевой⁴. В ней, как и в других упомя-

---

¹ Весьма показательно использование понятия «возрождение» для описания процессов в казачьей среде. Оно широко использовалось как активистами «национальных возрождений» в Восточной Европе XIX в., так и историками, изучавшими этот феномен в последние десятилетия XX века.

² Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1995. – 238 с. ; Таболина Т.В. Казаки: драма возрождения: 1980–1990-е годы. – Москва : [б.и.], 1999. – 252 с. ; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России. – Ростов-на-Дону : ООО «Ростиздат», 2004. – 304 с. ; Маркедонов С.М. Феномен российского неоказачества // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – Москва : [б.и.], 2001. – С. 107–119 ; Маркедонов С.М. Неоказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 5. – С. 25–56 ; Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – С. 521–528 ; Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. – 2006. – № 1(32). – С. 167–176 ; Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 гг. – Краснодар : ООО фирма «Пульс-Софт», 2009. – 320 с. ; Водолацкий В.П. Возрождение: первый круг казаков Дона. – Ростов-на-Дону : ИИЦ «Дончак», 2006. – 96 с.

³ Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // Europe-Asia Studies. – 1994. – N 6. – P. 1017–1037 ; Derluigián G., Cipko S. The Politics of Identity in a Russian Borderland Province: The Kuban Neo-Cossack Movement, 1989–1996 // Europe-Asia Studies. – 1997. – N 8. – P. 1485–1500 ; Toje H. Cossack Identity in the New Russia: Kuban Cossack Revival and Local Politics // Europe-Asia Studies. – 2006. – N 7. – P. 1057–1077.

⁴ Рвачева О.В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2021. – 390 с. Отметим, что политике памяти в этой монографии посвящен один скромный по объему раздел. Впрочем, Рвачева обращалась к теме памяти в некоторых статьях – см.: Рвачева О.В. Воз-

нутых нами работах, политике памяти в казачьей среде и вокруг казаков уделено немного места.

Задача по «нейтрализации» опасных тенденций в казачьей политике памяти была в основном решена уже в 1990-е годы. Во второй половине 90-х властям удалось выдвинуть на первый план в исторических нарративах казачества тему «службы» и защиты Отечества, чему способствовало, в том числе, начало Первой чеченской войны, резко изменившей линии разделов и этнических противостояний на юге России. Нарративы казачьей доблести в служении Отечеству были успешно утверждены как доминирующие над нарративом виктимности к концу 1990-х. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.08.1995 № 835 был создан Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. Постепенно в реестр вошло большинство казаков, хотя не вступившие в реестр казаки довольно многочисленны и порой смотрят на «реестровых» с отчуждением, как на «ряженных».

Тем казачьим активистам, которые хотели и были способны сотрудничать, власти предложили карьерные возможности, различные материальные и символические ресурсы. Особо авторитетные казачьи лидеры в 2000-е годы были оттеснены с руководящих постов. (Все эксперты, говоря об этом, ссылаются на пример атамана Кубанского казачьего войска В.П. Громова. Своеобразной антитезой судьбе В.П. Громова может служить карьера В.П. Водолацкого, который был с 1999 по 2013 г. атаманом Всевеликого войска Донского, и неоднократно избирался депутатом Государственной Думы, где продолжает заседать до сих пор, будучи членом фракции «Единой России».) Постепенно реестровое казачество превратилось в группу, которая в большинстве своем характеризуется не столько потомственной сильной казачьей идентичностью, сколько вовлеченностью в системное взаимодействие с властью. В центре исторического нарратива для этой части казачества стоит тема воинской доблести и служения государству в качестве защитников.

родить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачье-го возрождения на Юге России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, Институты, Нарративы. – С. 304–321 ; *Рвачева О.В.* «Национальность – казак!» Казачьи сетевые сообщества как инструменты памяти при проведении Всероссийской переписи населения 2021 г. // *Память в Сети* : сб. ст. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – (в печати).

Эксперты по-разному формулируют приемлемые с официальной точки зрения рамки политики идентичности в среде реестрового казачества. Максимально «правильная» позиция была изложена одним экспертом так:

«Кзаков у нас нет. Все граждане Российской Федерации, кто-то может участвовать, это никто не запрещает, но позиционировать себя как некую этничность – у нас таких не присутствует. Кто-то может говорить, что у него родители, дедушки казаки, но то, что вот идентичность на уровне «Я»... Я, во всяком случае, ярко выраженного не встречал. Может быть, дедушка-бабушка» [Э-03-04].

Конечно, в реальности такая позиция встречается редко. Большинство формулирует подход по этому вопросу в амбивалентной форме:

«... находят такую золотую середину в плане разделения казак как, скажем так, по-разному можно говорить, представитель субэтноса и т.д., и казак как член казачьего общества. И мне кажется, сейчас власть пытается как раз уже не уповать ни на первое, ни на второе, а попытаться проводить уже две эти линии» [Э-03-03].

Власти обсуждаемых нами регионов придают большое значение казакам и казачьей теме в политике памяти, при этом в каждом регионе есть своя специфика, о которой мы поговорим ниже. В Краснодарском крае власти продвигают образ казаков как своеобразного ядра «коренного населения», обладающего особой ответственностью за благополучие края. По сути, реестровое казачество рассматривается властями как главный союзник или даже инструмент. Там, где это необходимо, казачество отстаивает край как часть России. Но оно же помогает властям продвигать представление о крае, конечно, гостеприимном и для отдыхающих, и для внутрироссийских мигрантов, но имеющем особого «хозяина». «Вы въезжаете в казачий край...» – эти билборды встречают путешественника на границах Кубани. Краснодарский край устойчиво входит в шестерку российских регионов с наиболее высоким уровнем миграционного прироста. (Следует учитывать, что в эту группу входит и Адыгея, являющаяся анклавом в Краснодарском крае¹.)

---

¹ Кубань вошла в десятку регионов РФ с наибольшим миграционным приростом // РБК. – 2021. – 25.08. – URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/612621709a794732672e72f6>

Несколько иные механизмы включаются в Ставрополье, где миграционное давление со стороны автономных республик российского Кавказа создает ощущение угрозы русскому характеру края, а вкупе с разным уровнем рождаемости у русских и у других групп порождает тенденцию к сокращению русского населения¹. Здесь казаки рассматриваются как группа, которая может помочь справиться с вызовами, возникающими в этой ситуации. В Ставрополье тема особой казачьей этничности менее заметна, что связано с разнородностью местного казачества, с большой долей казаков-староверов. В Ростовской области есть множество мест, связанных с историей Донского казачества, здесь тематический репертуар политики памяти весьма разнообразен. Власти Ростовской области целенаправленно делают казачество брендом региона, также акцентируя тему служения и воинского подвига².

Краснодарский край – учебники регионального компонента

Краснодарский край – единственный из рассматриваемых нами регионов, в котором существуют две полные (от 1 до 11 класса) линейки учебников для регионального компонента. Основная линейка называется «Кубановедение», она посвящена истории края и предназначена для всех школ региона³. Для казачьих

---

¹ Русское будущее. – 2017. – 20.06. – URL: <https://acer120.livejournal.com/80179.html>

² По сути дела, стремление властей Ростовской области представить ее как «казачью» сходно с политикой властей Краснодарского края представлять его как Кубань, при том что в состав края входит Черноморье, никогда не бывшее в составе Кубанского войска и вообще не являвшееся территорией традиционного расселения казаков.

³ Еременко Е.Н., Матвеева Ю.А. Кубановедение : практикум для 1 кл. общеобразоват. организаций. – Краснодар : Перспективы образования, 2021. – 40 с. ; Еременко Е.Н., Зыгина Н.М., Шевченко Г.В. Кубановедение : практикум для 2 кл. общеобразоват. организаций. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 64 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 3 класса общеобразоват. организаций / Е.Н. Еременко, М.В. Мирук, Т.А. Науменко, Н.Я. Паскевич. – Краснодар : Перспективы образования, 2021. – 96 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 4 кл. общеобразоват. организаций / Е.Н. Еременко, М.В. Мирук, Т.А. Науменко, Н.Я. Паскевич. – Краснодар: Перспективы образования, 2020. – 112 с. ; Трехбатов Б.А., Хачатурова Е.А., Науменко Т.А. Кубановедение: археология, мифология, культура : учебное пособие для 5 кл. общеобразоват. организаций. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 128 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 6 кл. общеобразоват. организаций / Б.А. Трехбатов [и др.]. – Краснодар : Пер-

классов, которые организованы во многих школах, предназначена особая линейка учебников, посвященных истории и культуре казачества¹. Точнее, так называются учебники для первых четырех классов – «История и культура кубанского казачества»². Учебники для более старших классов называются «История кубанского казачества»³. Линейка была разработана в 2004–2008 гг. [Э-03-03]. Администрация края оказывает изданию этих учебников и деятельности казачьих классов финансовую поддержку. Законодательное собрание Краснодарского края в 2020 г. выделило на госпрограмму «Казачество Кубани» 1,12 млрд рублей⁴. В соседнем

спективы образования, 2019. – 132 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 7 кл. общеобразоват. организаций / Б.А. Трехбатов, Ю.М. Бодяев, В.В. Бондарь [и др.]. – Краснодар : Перспективы образования, 2019. – 136 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 8 кл. общеобразоват. организаций / Б.А. Трехбатов, Ю.М. Бодяев, И.А. Терская [и др.]. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 136 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 9 кл. общеобразоват. организаций / В.Н. Ратушняк [и др.]. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 152 с. ; Кубановедение : учебное пособие для 10 кл. общеобразоват. организаций / А.А. Зайцев, С.А. Лукьянов, А.Н. Еремеева, И.А. Терская, В.В. Золоторева. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 152 с. ; Кубановедение: Краснодарский край сегодня : учебное пособие для 11 кл. общеобразоват. организаций / А.А. Зайцев, Е.В. Морозова [и др.]. – Краснодар : Перспективы образования, 2020. – 160 с.

¹ В Ростовской области есть одна книга учебника по истории казачества, в Ставропольском крае – два тома, один для 6–7, другой для 8–9 классов. Отметим, что в Ростове издан учебник по истории донского казачества для высшей школы: История донского казачества : учебник для студентов высших учебных заведений. – Ростов на Дону : Изд-во ЮФУ, 2008. – 464 с.

² *Еременко Е.Н.* История и культура кубанского казачества. 1 класс. – Краснодар : Традиция, 2020. – 68 с. ; *Еременко Е.Н.* История и культура кубанского казачества. 2 класс. – Краснодар : Традиция, 2020 ; *Еременко Е.Н.* История и культура кубанского казачества. 3 класс. – Краснодар : Традиция, 2020. – 128 с.

³ *Матвеев О.В.* История кубанского казачества. 5 класс. – Краснодар : Традиция, 2016. – 160 с. ; *Ратушняк В.Н., Фролов Б.Е.* История кубанского казачества. 6 класс. – Краснодар, 2016. – 176 с. ; *Ратушняк В.Н., Ратушняк О.В.* История кубанского казачества. 7 класс. – Краснодар, 2018. – 224 с. ; *Матвеев О.В.* История кубанского казачества. 8 класс. – Краснодар : Традиция, 2019. – 256 с. ; *Матющенко П.П., Черный В.И.* История кубанского казачества. 9 класс. – Краснодар : Традиция, 2020. – 240 с.

⁴ Постановление «О выполнении государственной программы Краснодарского края “Казачество Кубани” в 2020 году» // Законодательное Собрание Краснодарского края. – 2021. – 10.03. – URL: <https://lp.kubzsk.ru/Users/PdfViewer/Index/549d44dd-00f9-41cb-bf55-af461e64a43f/c91fece2-20fd-4b62-a08c-e57dd62f9a04/CONTENT/https>

Ставропольском крае комплект состоит всего из трех книг¹. В 2020 г. Ресурсный центр терского казачества при поддержке Фонда президентских грантов начал издавать пособие для казачьих классов по образцу краснодарских².

В обоих учебниках казаки выступают как оплот стабильности в крае. При этом вопрос о соотношении казаков и русских нигде не обсуждается. Молчаливо предполагается, что казаки – часть русских, причем наиболее «ответственная» за «казачий край». Русские, которые не являются казаками, практически обойдены вниманием в обоих учебниках. Только однажды учебник для казачьих классов оговаривает, что предками кубанских казаков были не только казаки, но и крестьяне. В учебниках говорится о численности кубанских казаков в миллион человек до революции, которая сократилась вдвое после Гражданской войны и репрессий. Сегодня, если учитывать только реестровых казаков, то их на Кубани около 56 тыс., то есть с семьями никак не более 250 тыс. человек. Они составляют не более 5% от всех русских, проживающих в крае.

Учебник «Кубановедение», обращенный ко всем школьникам, говорит о «старожильческом населении края» (к которому относит и казаков, и адыгов, и ряд других групп) как о «гаранте стабильности», но главную роль в обеспечении стабильности отводит казакам³. В «казачьем» учебнике рассказано, как Екатерина II «подарила казакам земли от реки Кубань до Азовского моря» за военные заслуги⁴. Учебник формирует отношение к краю как к землям, принадлежащим казакам, и говорит о том, что «благодаря казакам, их ратным подвигам стало возможным для всех жить в мире и согласии на этой земле»⁵.

На дополнительное образование детей в том же году было выделено 955 млн рублей, а на массовый спорт – 154 млн рублей.

¹ История Ставрополя : в 3 ч. Ч. 1. 5–6 классы : учебник / М.Е. Колесникова, Т.Н. Плохотнюк, Н.Д. Судавцов, Н.Г. Масюкова, В.А. Бабенко, С.Н. Котов [и др.]. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. – 112 с. ; История Ставрополя : в 3 ч. Ч. 2. 7–9 классы : учебник. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. – 208 с. ; История Ставрополя : в 3 ч. Ч. 3. 10 класс : учебник. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. – 206 с.

² История и культура казачества на Ставрополье. 1 часть. Учебное пособие для преподавания в казачьих классах / ред. Невская Т.А. – Ставрополь, 2020.

³ Кубановедение: Краснодарский край сегодня : учеб. пособие для 11 кл. общеобразоват. организаций... – С. 55–56.

⁴ Еременко Е.Н. История и культура кубанского казачества. 1 класс. – С. 14.

⁵ Еременко Е.Н. История и культура кубанского казачества. 3 класс. – С. 7.

О.В. Рвачева отмечает, что в постах казачьих интернет-сообществ нередко встречается понятие «присуд». Так, например, в посте от 11 ноября сообщества «Внуки Платова – потомки Ермака» это понятие употребляется в следующем контексте: «ПРИСУД КАЗАЧИЙ – по понятиям наших предков, земля, назначенная Богом (присужденная) в вечное казачье владение»¹. Такая трактовка была взята из казачьего словаря-справочника, впервые выпущенного в 1968 г. казаками-эмигрантами. В том же словаре есть еще пояснение, что такое «присуд»: «Русская история трактует П.К. (Присуд Казачий), как область, подвластную казачьему войсковому суду; территорию, на которую распространялась власть казачьих Кругов»². В учебниках нет понятия «присуд», но идеи, отраженные в этом понятии, в них найти нетрудно. Отметим, что в деле возвращения регалий Кубанского войска, вывезенных в эмиграцию и сохранных там В.Г. Науменко, особое значение придавалось возвращению грамот, выданных Екатериной II, в которых говорилось о дарении казакам Тамани и правобережья Кубани [Э-03-02].

Учебники для младших классов «казачьей» линейки сфокусированы на задаче формирования у детей казачьей идентичности. Это не рассказ о казаках и их культуре «для всех», но обращение к тем, кто должен осознать себя казаком. Важнейшие составляющие этой формируемой казачьей идентичности авторы видят в православии и «памяти о предках казаках и их подвигах». Разительное отличие двух линеек – место, уделяемое в учебниках православной церкви: оно довольно скромное в «Кубановедении» и центральное в «Истории и культуре кубанского казачества».

Процитируем одного из наших экспертов:

«У нас есть проблема коренных и понаехавших. Это затмило все остальное. Я как кубанец ... помню эпизод, когда в одной археологической экспедиции тут на побережье возле Архипо-Осиповки сидели. Моя подруга детства там была, и кто-то из питерцев спросил: «ну вообще кто такие кубанские казаки?». Она сразу знаменательную фразу произнесла: «Кубанские казаки – это такие люди, которым черкес гораздо ближе

---

¹ Рвачева О.В. «Национальность – казак!» Казачьи сетевые сообщества как инструменты памяти при проведении Всероссийской переписи населения 2021 г. – (В печати).

² Казачий словарь-справочник : в 3 т. – Сан-Ансельмо (Калифорния, США), 1968. – Т. 2. – С. 328.

москаля». И это правда. В плане нашего жития здесь мне черкес гораздо ближе москаля» [Э-03-02].

В этих и многочисленных схожих рассуждениях смешаны несколько важных мотивов. Во-первых, типичная для регионов оппозиция Москве. Во-вторых, напряженные отношения с «понаехавшими». Причем эта категория включает прежде всего свежих мигрантов в край, но, кажется, иногда включает и туристов. И, наконец, среди казаков-черноморцев сохраняется память о малорусских корнях, что в современных сложных обстоятельствах порождает самые разные идентификации и исторические нарративы.

Кавказская война в учебниках и политике памяти

На вопрос, какие темы важны для исторической памяти адыгов, один из экспертов ответил так:

«Если речь о реперных точках исторической памяти местного населения, то первое – Кавказская война, второе – Кавказская война, третье – Кавказская война, четвертое – Кавказская война. Мухаджирство это следствие, процессы связанные с репатриацией, это тоже следствие. Поэтому главной коммеморацией является все то, что сопряжено с Днем памяти жертв Кавказской войны 21 мая» [Э-79-02].

Это верно для адыгов, черкесов и кабардинцев. В других этнических группах на первый план могут выходить депортации 1940-х или войны 1990-х годов.

Весьма интересные соображения о значимости темы Кавказской войны в памяти горцев высказал наш эксперт Ю.Ю. Клычников:

«До появления России в регионе эти народы были дописьменными, они фактически не имели значимых персоналий, которые являлись бы символами, маркерами эпохи. Пришла Россия с ее восприятием истории, которое она стала передавать, в том числе и горцам. В результате произошла этническая консолидация. Если еще в XVIII в. здесь перечисляют многочисленные племена, пусть родственные, но с сильным трайбалистским началом, то уже к концу XIX в. мы имеем достаточно консолидированные крупные этнические сообщества. У них историческая записанная память начинает отображаться именно с началом российского присутствия. Отсюда и такой повышенный интерес к этому периоду.

Плюс к этому, здесь играет роль определенная «престижная» история, мол, мы были такими удалцами, что огромная Россия не могла нас долгое время покорить»¹.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что в восприятии русских и горцев «глубина памяти» разная. Для русских история начинается с момента их прихода в регион, а горцы через легенды, предания и устную традицию создают образ многовекового, «исконного» присутствия.

Кавказская война – одна из ключевых исторических тем для Краснодарского края. В учебнике «Кубановедение» для 9 класса ей посвящено 8 страниц (с. 20–27). Война, согласно учебнику, стала прежде всего результатом происков враждебных России держав. В оценке причин и итогов войны «Кубановедение» совпадает с «Историей казачества». Почти одними и теми же словами оба учебника кратко говорят о «трагедии вынужденного переселения» полумиллиона горцев в Османскую империю. «Кубановедение» подробнее излагает ход войны, но «История казачества» более развернуто проговаривает оценочные суждения о войне. Главное из них – «кровопролитная война принесла обеим сторонам десятилетия страданий. В ней погибли тысячи казаков и русских солдат ... не меньшими были и потери горцев. Трагическим финалом войны стало вынужденное переселение около полумиллиона горцев в Турцию... “Мирные черкесы”, признавшие русскую власть... сохранили свой язык, религию, культуру»².

В парке РМИ в Краснодаре, как сказал наш эксперт, о Кавказской войне «упоминаем, рассказываем, но стараясь придерживаться нейтрального, то есть хронологической некой последовательности, ...стараясь обходить определенные подводные камни. ... Да, нет правых или виноватых» [Э-03-04]. Иначе говоря, нарратива покаяния за войну ни в учебниках, ни в музеях и парках РМИ нет, как нет этого мотива и в федеральных учебниках. В Адыгее 1 августа отмечается день репатрианта. В постсоветские годы в республику вернулось несколько тысяч человек из черкесской диаспоры, что было вызвано, как правило, обострением ситуации

---

¹ См. также его книгу *Клычников Ю.Ю.* Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-сеveroкавказских отношений // *Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы* В.Б. Виноградова. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – Вып. 9. – 108 с.

² *Матющенко П.П., Черный В.И.* История кубанского казачества. 9 класс. – С. 30.

в местах их проживания, в частности, в Сирии. Фактически в этот день не происходит никаких организованных мероприятий, но желающие собираются в городском саду Майкопа, об этом дне пишет местная пресса. При этом в 2017 г. в Сочи молебен в память о мухаджирах привел к конфликту [Э-79-02].

В учебниках заметна тенденциозность как в оценке числа жертв, так и в оценке причин и характера войны. Нарративы горцев, разумеется, очень сильно отличаются от нарратива учебников, будучи тенденциозны по-своему¹. Память о Кавказской войне – одна из ключевых, порождающих напряжение, тем «актуального прошлого».

«21 мая у нас просто молчаливое шествие. По центральным улицам города во главе колонны всадники, дети в национальных костюмах. Как правило, они идут по Пролетарской, потом к зданию филармонии. Меня всегда потрясает эта звенящая тишина. Даже если ты совершенно далек от всего этого, когда ты оказываешься внутри этого пространства, это на нервы действует», – так описывает шествие в Майкопе местный эксперт [Э-79-02].

---

¹ Реакцию адыгов на кубанские учебники эксперт описывает так: «Общество понимает прекрасно, что история, касающаяся периода завоевания Кавказа и дальнейшей колонизации, отсутствует практически напрочь, либо присутствует под влиянием нашего большого соседнего брата Краснодарского края, где проводится курс кубановедения. Многие недовольны проведением этого курса» [Э-79-01]. Кавказская война является как предметом изучения историков, так и «горячей» темой общественной памяти горцев. Как отмечает эксперт, «адыгов можно привести в пример – у них историческая память передается до мельчайших подробностей, она очень эмоциональна, в этом смысле они, мне кажется, превосходили остальные народы Северного Кавказа и научные школы кавказоведческие. Они накопили огромный материал. Я состою в нескольких сообществах в интернете и наблюдаю, как они изучают очень подробно, чего не скажешь, к сожалению, о многих наших современных историках, которые просто любят обобщать. Коллеги мои, историки адыгские и абхазы – они очень внимательно изучают всю источниковую базу, и это политика памяти как бы неорганизованная, но есть живой интерес, есть заказ социальный на это на все... Самое важное, что у адыгов есть – это сохраненное национальное самосознание и историческая память, и ежедневные практики памятования. ... Я вижу отношение у молодых. У нас основная масса населения, условно говоря, славянская, они не так активны в этом смысле и нет такой традиции передачи исторической памяти» [Э-03-02]. Подробнее о памяти горцев о войне см.: *Урушадзе А.Т.* Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 250–278.

Показательно, что в зависимости от остроты ее восприятия в разных субъектах РФ меняются и формы отмечания Дня памяти жертв Кавказской войны – 21 мая. Если в Адыгее, тесно связанной с Краснодарским краем, в этот день проходит конное шествие, в котором помимо горцев участвуют и казаки [Э-79-01]¹, то в Карачаево-Черкесии в этот день в шествии участвуют только горцы, а в Дагестане шествие вообще не проводится.

Острая конфликтность темы Кавказской войны, которая была характерна для конца 1980-х и большей части 1990-х, сейчас сглажена. Сдержанную политику в вопросах памяти проводит наиболее крупная общественная организация «Адыгэ Хасэ». Но, по словам эксперта, «если вдруг кто-то невзначай, нецеленаправленно зажжет какую-нибудь спичку, пожар может запросто вспыхнуть» [Э-79-02].

Учебники не раз возвращаются к теме взаимоотношений казаков и горцев. Основная линия – это были противники, достойные друг друга:

«...горцы были опытными и храбрыми воинами... Чтобы противостоять горцам, надо быть им равными в бою. Не случайно на Кавказе говорили – линеец тот же черкес, только русской национальности»². Как отмечает эксперт, «казаки меньше запечатлелись в памяти горцев как враги, нежели регулярные части» [Э-03-02].

Эта тема получила воплощение в установленном в Краснодаре в 2016 г. при участии первых лиц края и республики Адыгея памятнике казакам и горцам – героям Первой мировой войны.

---

¹ Наш эксперт так описывает отношение адыгов к участию казаков в шествии 21 мая: «...в целом люди относятся к этому лояльно, особенно старшее поколение, оно понимает, что определенное время ушло, и обстоятельства изменились. Они не воспринимают участие казачества как некий конфликт или вызов. А молодежь как раз воспринимает участие казаков в шествиях как нечто негативное, потому что считает, что есть много недосказанного, что многое не договаривается. Если бы то же самое казачество, какие-то ответственные лица, руководящие лица выступали бы на подобных мероприятиях с речами, которые удовлетворяли бы массы, исходя из каких-то эпизодов прошлого, было бы лучше. Таких удовлетворяющих речей не произносится, а произносятся речи вполне мирные, дружелюбные. А людям, наверное, хочется услышать что-то другое, услышать, скажем так, детализацию произошедшего и какие-то выводы, вынесенные сторонами этих конфликтов» [Э-79-01]. Это еще одно свидетельство того, что официальный «примиренческий» нарратив Кавказской войны многих горцев не удовлетворяет.

² Ратушняк В.Н., Фролов Б.Е. История кубанского казачества. – С. 22–23.

Идея этого памятника принадлежала атаману Громову [Э-03-02]. Стоящие рядом горец и казак изображены настолько схожими, что только приглядевшись можно понять, где – кто¹. Есть схожий памятник и в Майкопе.

«У нас было проведено мероприятие, если я не ошибаюсь, в 2008 году, памятное, крупное, где со всего Северного Кавказа были собраны потомки участников Первой мировой войны, туземной дивизии, чтобы как раз показать, что можно и Кавказ вспоминать, и войну, высылку чеченцев и т.д. Но вот и пример, когда вместе» – так описывает этот акцент в политике памяти наш эксперт [Э-03-03]².

Вообще нужно отметить, что активная разработка памяти о Первой мировой войне началась в казачьих регионах раньше, чем на эту тему обратили внимание в других частях страны. В 2016 г. власти Адыгеи попытались усилить эту тему, учредив особый день памяти братства по оружию между казаками и горцами, который отмечается 5 сентября, но, похоже, пока инициатива плохо приживается [Э-79-03]³.

Однако в «Истории казачества» есть и образы «горцев-хищников», которые так характерны для имперского нарратива XIX в.: «18 января 1810 года Ольгинский кордон подвергся нападению 4-тысячной толпы черкесов. Толпы горцев бросились грабить казачьи станицы и уводят в плен стариков, женщин и детей... В неравном бою погибли 147 героев-казakov»⁴.

---

¹ В Краснодаре открыли памятник «Казакам и горцам – героям Первой мировой войны» // Кубанские новости. – 2016. – 28.08. – URL: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2016/07/28/v-krasnodare-otkryli-pamyatnik-kazakam-i-gortsam-geroyam-pervoy-mirovoy-voyny/>

² Рассказывая об этой встрече, эксперт подчеркивает интенсивность памяти горцев: «...это приезжали действительно люди, которые рассказывали о дедах, прадедах и т.д., причем в мельчайших деталях, то есть, это у них традиционно в семье устная история сохраняется, семейная история, и вот это у них тоже часть истории, которой они очень дорожат и были просто потрясены, что мы тоже об этом вспомнили и сделали такое мероприятие» [Э-03-03].

³ *Затолокин В.* 5 сентября – День памяти боевого братства горцев Адыгеи и казаков Кубани... Казаки и адыги на страже Родины // Красное знамя онлайн. – 2016. – 03.09, № 68(10300). – URL: https://redflag.ucoz.ru/news/5_sentjabrja_den_pamjati_boevogo_bratstva_gorcev_adygei_i_kazakov_kubani_kazaki_i_adygi_na_strazhe_rodiny_3_09_2016_g_68_10300/2016-09-02-5840

⁴ *Еременко Е.Н.* История и культура кубанского казачества. 3 класс. – Краснодар : Традиция, 2020. – С. 95.

Ставропольский край

Как и Краснодарский край, Ставропольский весьма неоднороден. Он был «слеплен» из частей иных территориальных образований. В край входят частично территории Кубанской и Ставропольской губерний, а также часть земель Терской казачьей области. В состав края входила Карачаево-Черкесская автономная область, которая в 1992 г. выделилась в самостоятельную республику.

В составе края находится «субъект в субъекте» (распространенное местное выражение) – Кавказские Минеральные Воды, курорт союзного, а теперь общероссийского значения, патронаж над развитием которого осуществляет Москва, и персонально председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко. Существенные ресурсы, инвестируемые в КМВ из центра, частично финансируют и политику памяти. Она сосредоточена на культурном наследии, на выдающихся деятелях, бывавших в регионе – А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, декабристах. Конечно, важное место принадлежит убитому здесь на дуэли М.Ю. Лермонтову. Есть памятники, в том числе на месте его гибели, есть дом-музей в статусе памятника федерального значения, ведущий активную экскурсионную деятельность [Э-07-02]. Из деятелей культуры XX в. памятника удостоен уроженец Кисловодска А.И. Солженицын.

Из рассматриваемых нами субъектов федерации в Ставрополье наиболее остро чувствуется алармизм, связанный с демографической ситуацией и миграцией из кавказских республик¹. Это особенно ощущается в восточных районах края, где доля русского населения снижается. Эти районы непосредственно примыкали к зоне боевых действий в ходе Чеченской войны. В крае было много беженцев с Северного Кавказа. Здесь, в Буденновске, разворачивались события одного из самых трагических террористиче-

---

¹ *Blakkisrud H., Kolsto P.* Stavropol as “Russia’s Kosovo”? Nationalist mobilization and public response in a Russian region // *Post-Soviet Affairs*. – 2017. – N 33:5. – P. 370–388. Норвежские исследователи делают вывод, что Ставрополью судьба Косово, то есть потеря демографического преобладания русских в регионе, не грозит. Однако в субъективном восприятии местных жителей эта угроза присутствует, поскольку в некоторых регионах края доля русских существенно ниже. Кроме того, Ставропольский край и Астраханская область входят в группу субъектов федерации, где процент русских среди новорожденных существенно уступает проценту русских в общей численности населения. Все остальные субъекты федерации, входящие в эту группу – национальные автономии. См. Русское будущее. – 2017. – 20.06. – URL: <https://acer120.livejournal.com/80179.html>

ских актов Ш. Басаева. Свежая память о Чеченской войне здесь более значима, чем память о Кавказской войне, главные очаги которой были либо на территории современного Краснодарского края, либо в Чечне и Дагестане.

Заметную роль в крае играют ветеранские организации участников Афганской и Чеченских войн. Это важные мнемонические акторы. Памятники погибшим участникам войн есть во многих населенных пунктах, они являются местом официальных и неофициальных мемориальных мероприятий. Некоторые темы, связанные с недавней войной, в публичном пространстве, как правило, не проговариваются. Это характерный пример живой, но «приглушенной» памяти, о которой избегают говорить из-за ее болезненности и конфликтности.

После войны в Ставрополе стали популярны памятники генералам Кавказской войны. В Ставрополе, Пятигорске, Минводах поставлено как минимум пять памятников А.П. Ермолову. Памятники «покорителю Кавказа» вызывали протесты, становились мишенью актов вандализма¹. «Насколько я понимаю, контекст возведения этих памятников таков, что Ермолов интерпретируется как некий “гарант безопасности”, как защитник» – считает один из экспертов [Э-07-01].

Другому генералу времен Кавказской войны, начальнику Кубанской области Николаю Ивановичу Евдокимову, до революции был посвящен целый мемориальный комплекс, включавший часовню на месте его захоронения. Стараниями церкви теперь этот комплекс частично воссоздан². Церковь выступает как важный мнемонический актор в крае. На его территории расположены три епархии. На прихрамовых территориях установлено много памятных знаков, в особенности жертвам Гражданской войны. Собственные церковные общины важны в жизни армян и греков, которые проживают в крае, – так частью мемориального ландшафта становится память об османских жестокостях.

---

¹ Урушадзе А.Т. А.П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 164–176.

² Вообще, воссоздание памятников, уничтоженных при советской власти, является важной составляющей политики памяти и в Ставропольском, и в Краснодарском крае.

Генерал Ермолов считается вечным шефом Терского казачьего войска [Э-07-03]. Казачество в жизни края и в политике памяти играет заметную роль, хотя она намного скромнее роли казачества в политике памяти и идентичности Краснодарского края. Фонд «Терское общество любителей казачьей старины» под руководством атамана минераловодского городского казачьего общества О.В. Губенко и попечительством епископа Феофилакта год за годом переиздает материалы дореволюционного «Терского сборника». Работают курсы подготовки преподавателей казачьей истории и культуры, в каждом из трех выпусков было 20 человек. Молодые казаки создали проект виртуального казачьего музея, который они представляют в различных казачьих классах по всему краю. Этот проект финансируется за счет президентского гранта [Э-07-03].

Деятельность казачьих обществ юга России вообще получает щедрую поддержку в виде президентских грантов. В 2022 г. от всех казачьих обществ на конкурс Фонда культурных инициатив было подано 118 заявок. Тройка казачьих обществ, подавших больше всех заявок, это Кубанское войсковое казачье общество с 34 заявками, Терское войсковое казачье общество с 24 заявками и казачье общество «Всевеликое войско Донское», подавшее 17 заявок. Около половины всех заявок и полученных грантов касаются тех или иных аспектов политики памяти [Э-07-03].

Особое место в памяти терских казаков занимает тема «терского геноцида», то есть событий 1918–1921 гг. В наказание за борьбу с советами и в надежде привлечь на свою сторону народы Северного Кавказа советская власть выселила в общей сложности около 25 тыс. казаков, передавая кавказским народам станичные земли. Память об этих событиях в сочетании с памятью о Кавказской войне и о Чеченских войнах представляет собой сложный комплекс виктимных нарративов разных сообществ (с прямой привязкой к проблеме земельной собственности). События в Пригородном районе Северной Осетии в 1992 г. показывают, какими трагическими последствиями чреваты подобные ситуации при ослаблении центральной власти.

Ростовская область

В мемориальном ландшафте Ростовской области казачья тема также играет большую роль. Власти стараются сделать казачество и атамана М.И. Платова как его главного представителя брен-

дом региона [Э-60-01, Э-60-02]. В Ростове, который, повторимся, поздно стал частью Области Войска Донского, поставлен памятник Платову, а новый аэропорт Ростова получил имя атамана. Фигура Платова весьма удобна для официального нарратива, поскольку подчеркивает воинское служение казаков.

Яркой иллюстрацией стремления областных властей утвердить именно этот аспект казачьего прошлого как основной может служить история реконструкции взятия Азова, регулярно проводившейся в городе. Предметом реконструкции в течение ряда лет было взятие Азова казаками в 1637 г., за которым последовало знаменитое Азовское сидение 1641–1642 гг. Мероприятие, проводившееся в день города, пользовалось колоссальным успехом¹.

Рис. 1. Памятник казакам и горцам – героям
Первой мировой войны, г. Краснодар

---

¹ Как подчеркивает наш эксперт, в Азов в День города приезжает до 80 000 человек, что превышает население города Азова. Причем основная часть приезжает именно на реконструкцию [Э-60-03].

В 2020 г., накануне эпидемии, от губернатора пришло распоряжение впредь проводить реконструкцию взятия Азова войсками Петра I в 1696 г. [Э-60-02, Э-60-06]. Сопротивление реконструкторов привело к тому, что губернатор предложил провести две реконструкции. Как этот вопрос будет решен после ковида – неясно.

В конструировании фрейма храброго боевого служения казаков важную роль играет память о Первой мировой войне¹. Памятники, посвященные участникам Первой мировой войны, поставлены в Азове, Батайске, Ростове, Новочеркасске, и в большинстве случаев это именно фигуры казаков. В Ростове же это фигура солдата, как бы в признание неказацкой истории города.

Рис. 2. Памятник Прими́рения и Согла́сия, г. Новочеркасск

Наряду с такими «свежими» коммеморативными проектами область имеет целый ряд городов и станиц, чья история прочно связана с казаками. Среди них выделяется Новочеркасск, который был основан как столица Войска Донского в 1805 г. атаманом Платовым. Центр города представляет собой ансамбль разнообразных объектов, несущих большую символическую нагрузку в области политики памяти и отсылающих к важнейшим темам казачьей памяти. В основном эти объекты сгруппированы вокруг Вознесен-

---

¹ Помимо рассказов о подвигах казаков неизменно подчеркивается то обстоятельство, что казаки почти никогда не попадали в плен.

ского собора. Здесь находятся воздвигнутый в 1904 г. памятник Ермаку, отсылающий к роли казаков в освоении Сибири, и дореволюционный памятник атаману Якову Бакланову, напоминающий об участии донцов в Кавказской войне. За алтарем собора расположен возведенный в 2005 г. памятник «примирения и согласия». Элемент его художественного решения – лежащие рядом на плите буденовка Красной армии и папаха белых казаков – воспроизводится в других подобных памятниках на юге России¹.

Памятник окружают гранитные тумбы, на которых написаны названия всех казачьих войск, при этом Донское выделяется как «старшее», что можно трактовать как элемент символического соревнования с кубанцами за первенство в иерархии. На Платовском проспекте (аллее, ведущей к храму), расположены два (!) памятника Платову – один пеший, поставленный в середине XIX в., другой конный – 2003 г.

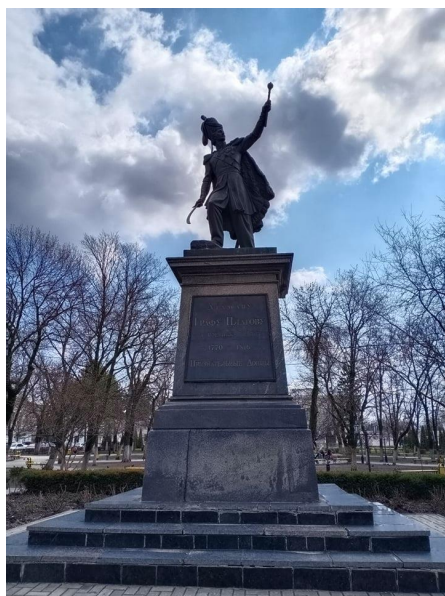

Рис.3. Памятник атаману М. Платову, г. Новочеркасск

---

¹ Очень похожая композиция у памятника жертвам Гражданской войны в Краснодаре.

В городе также имеется музей Донского казачества, основанный в конце XIX в. и превратившийся в большой музейный комплекс к сегодняшнему дню. В части музея, расположенной в Атаманском дворце, выставлена коллекция знамен, бунчуков и других регалий Донского казачества, служащая символическим воплощением традиции войска. Важной частью экспозиции является зал, посвященный расстрелу в Новочеркасске в 1962 г., который произошел на площади перед дворцом. На площади есть мемориальная доска, посвященная этим событиям. Этот трагический эпизод советской истории нашел отражение в недавнем фильме А.С. Кончаловского «Дорогие товарищи», в котором подчеркнуто восприятие советскими властями казачества как нелояльной и опасной группы вплоть до 1960-х годов¹. Экспозиция музея показывает не только трагедию расстрела, но и репрессии после подавления протеста, смертные приговоры его активистам и многолетний «террор замалчивания» этой трагедии. Тема репрессий против казаков в ходе Гражданской войны и проведения политики расказачивания отражена на огромной иконе в храме Вознесения, где в клеймах показаны сцены казней казаков красными солдатами и чекистами.

В станице Старочеркасской, которая была столицей войска до начала XIX в., исторические объекты и их музеефикация, начатая по инициативе М.А. Шолохова в 1970-е годы, акцентируют тему казачьей вольницы. Здесь расположен дом, в котором погиб в 1709 г. предводитель восстания Кондратий Булавин. В музее есть выставка о казаках-некрасовцах, эмигрировавших из империи после подавления восстания.

Еще одна важная точка на мемориальной карте казачьей истории Ростовской области – станица Еланская, где предприниматель, казак В.П. Мелихов создал музейный комплекс, который находится в резком противоречии с официальным нарративом казачьей истории. Девиз Мелихова, как он сформулирован на сайте музея – «Предлагаем изменить доминирующую в нашем сознании повестку: с обсуждений о том, что из себя представляет нынешняя власть – на то, что из себя представляем мы, и то, каким образом

---

¹ В фильме потенциальную опасность казаков власти видят в том, что среди них есть вернувшиеся из ссылки раскулаченные и из лагерей – посаженные туда за коллаборационизм во время Великой Отечественной войны. Отметим, что в той версии нарратива о расстреле, которая распространена за пределами региона, «казачий» аспект почти исчезает, остается просто недовольство рабочих.

мы можем эту власть изменить»¹. Фокус экспозиции – преступление советской власти и сопротивление казачества. Власти оказывали на Мелихова сильное давление, вплоть до открытия уголовного дела. Но музей, расположенный на частной земле, работает. Частью музея является памятник атаману П.Н. Краснову, который был лидером антибольшевистского казачьего сопротивления, создателем Донской Казачьей Республики в 1918 г., затем эмигрировал, в ходе Второй мировой войны сотрудничал с немцами, возглавлял Отдел по делам Казачества в составе Вермахта, и был казнен в Лефортовской тюрьме в 1947 г. В результате давления властей атрибуция памятника была изменена, и теперь он называется памятником казаку, но портретное сходство с Красновым очевидно. Мелихов и его музей – наиболее яркий пример сочетания в мемориальной политике автономного актора антисоветского и оппозиционного современной власти нарратива.

Историю памятника П.Н. Краснову интересно сравнить с историей памятника одному из лидеров Добровольческого движения генералу С.Л. Маркову, который был поставлен в г. Сальске Ростовской области в 2003 г. стараниями бизнесмена А.Н. Алекаева, и стал первым памятником лидеру белого движения в России. Инициатива поставить памятник Маркову получила широкую поддержку как местной власти, так и столичных структур, в том числе Администрации Президента. Сопротивление установке памятника и даже акты вандализма против него имели место со стороны тех, кто отождествлял себя с красными периода Гражданской. Но постепенно это сошло на нет. Маркову «повезло» погибнуть в бою с красными в 1918 г., таким образом, в отличие от Краснова, на нем нет греха сотрудничества с нацистами, что служит непреодолимым препятствием к официальной реабилитации Краснова.

Особого внимания при анализе локальных вариантов политики памяти в Ростовской области заслуживает Таганрог. Город всегда находился в определенной оппозиции к областной власти и не голосовал за губернатора из «Единой России». Казачья тема для Таганрога важна, но не центральна. Здесь есть сообщества как реестровых, так и нереестровых казаков, но их активность остается довольно ограниченной. У города свой богатый репертуар «полезного» прошлого. Основанный Петром, памятник которому стоит на набережной, город отметил в истории империи еще и как место

---

¹ Центр изучения белого движения. – URL: <https://elan-kazak.org/> Музей-двойник создан им в подмосковном Подольске.

смерти Александра I. В городе родился и провел детство А.П. Чехов. Есть два посвященных ему и семье музея. В городе много небольших городских скульптур по мотивам рассказов Чехова.

В доковидном Таганроге разворачивалась успешная частная реконструкторская инициатива¹, связанная с неудачной попыткой британско-французского десанта 1855 г. в ходе Крымской войны. Город выдержал несколько обстрелов корабельной артиллерии и храбро защищался против высаженного десанта. Три года реконструкторы проводили соответствующие мероприятия при поддержке местной предпринимательницы Е.В. Сироты. Затем Сирота была избрана в Городскую думу, сюжет о реконструкции показали по Первому каналу. Идея с реконструкцией Крымской войны очень понравилась РПЦ. В Крымскую войну бомбардировали церковь, ядро осталось в стене – есть что и сейчас показать. Вскоре реконструкция получила поддержку администрации города, а затем и президентский грант на проект «Русские не сдают своих городов»². В рамках гранта местный вуз подготовил учебное пособие «Оборона Таганрога в 1855 году»³, а студенты как волонтеры встречали многочисленных гостей. В 2019 г. в реконструкции уже участвовали энтузиасты из Шотландии, мероприятие вышло на международный уровень. Ковид и последующие события поставили большой знак вопроса в планах привлечения зарубежных участников и зрителей. Однако само мероприятие почти наверняка сохранится, тем более что тема «агрессии Запада против России» будет востребована. Для *memory studies* это почти «идеальная» история, в которой при конструктивном участии целого ряда раз-

---

¹ Реконструкторы постепенно становятся важными игроками в политике памяти, и заслуживают большего, чем до сих пор, внимания исследователей. Иногда реконструкции становятся важными массовыми мероприятиями, как в Азове и Таганроге. В других случаях реконструкторы «наполняют содержанием» какие-то мероприятия официальных властей. И, разумеется, среда реконструкторов находится в интенсивном взаимодействии с прошлым как объектом «воплощения». См., например, *Колосков Е.А.* «(Военно-)историческая реконструкция» в России как символ прошлого в политике памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – С. 213–233.

² Так ответили представители Таганрога на ультиматум командира британско-французского десанта.

³ Элективный курс «Оборона Таганрога в 1855 году» / авторы-составители: В.А. Агеева, А.А. Волвенко, И.В. Наливайченко, Е.В. Сирота. – Таганрог, 2018. – 162 с.

новеликих мнемонических акторов, решающих разные задачи, частная инициатива превратилась в важный местный бренд.

Другая интересная для исследователя частная инициатива в Таганроге – «Таганрогский военно-исторический музей», созданный в 2010 г. предпринимателями братьями Александром и Игорем Гаркушами. Музей открылся 6 мая 2010 г., а в 2012 г. получил официальный статус. Братья-предприниматели собрали богатую коллекцию техники времен войны. Трехэтажное здание предприятия, где располагался и музей, было полностью уничтожено пожаром осенью 2014 г. Хозяева музея настаивают на версии поджога как мести за поддержку ДНР и ЛНР. В помощь восстановлению музея в Таганроге проводились благотворительные акции. Экспозиция воссозданного музея носит отчетливый «советско-ностальгический» характер. Это классический музей артефактов – братья энергично коллекционируют и экспонируют предметы, связанные с историей XX века.

В Ростове действует Фонд имени священника Илии Попова, основанный в 2013 г. его внуком, ученым и предпринимателем А.Г. Сухаревым¹. Илия Попов был расстрелян в 1937 г. Главное направление деятельности фонда – издательская деятельность. Фонд опубликовал около 50 книг. Фонд также поддерживает конференции и различные памятные мероприятия, в том числе День памяти геноцида казаков 24 января². (Напомним, что в этот день в 1919 г. была принята директива Оргбюро ЦК РКП(б) «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах».) Фонд имеет тесные связи с научными структурами Ростова. Его отношения с администрацией области не всегда гладкие, но репрессий против фонда не было.

При всех различиях идейной ориентации и организационных форм музей В. Мелихова, музей братьев Гаркуш, деятельность Е. Сироты по организации реконструкции осады Таганрога и Фонд священника Илии Попова объединяет то, что это частные инициативы предпринимателей. Сталкиваясь с разнообразными вызовами, они демонстрируют жизнестойкость и значительные возмож-

---

¹ Фонд имени священника Илии Попова. – URL: <https://popovfoundation.org/>
Фирма Сухарева «Аурига», занимающаяся компьютерными технологиями, зарегистрирована в США.

² День памяти геноцида казаков // Фонд имени священника Илии Попова. – 2022. – 24.01. – URL: <https://popovfoundation.org/2022/01/24/день-памяти-геноцида-казачков/>

ности частных акторов в сфере политики памяти. Тенденция существенного роста числа частных музеев заметна в различных регионах страны.

Таганрог и Новочеркасск – яркие примеры богатой и разнообразной политики памяти в провинциальных городах. Во многих более мелких населенных пунктах, в том числе в казачьих станицах юга России, есть свои особые памятные даты и мемориальные традиции. Рассмотренные нами учебники для казачьих классов в Краснодарском крае содержат много отсылок к таким локальным традициям и датам в разных станицах. В Ростовской области, помимо Старочеркасской и Еланской с музеем Мелехова, важными местами памяти являются Вёшенская, с ее огромным музеем-заповедником, в штате которого сотни сотрудников, и Раздорская, считающаяся первой столицей Войска Донского, тоже с музеем-заповедником.

Специфика Ростовской области по сравнению с Краснодарским и Ставропольским краями видна в организации музейного дела. В краях существует один краеведческий музей с различными филиалами. В области в каждом крупном городе был создан самостоятельный музей.

«В нашем случае сразу же пошли по пути того, что в каждом крупном городе был образован областной музей, который – в этом есть плюсы и минусы, финансирование дробим между ними – но в каждом из них формируется довольно-таки хорошая и научная база, и хороший штат работников. В результате мы получили довольно-таки достойный Азовский музей, Новочеркасский музей, Таганрогский музей, Ростовский» [Э-60-03].

Великая Отечественная война в регионе

Великая Отечественная война занимает очень важное место в мемориальной политике Юга России. Эта территория была под оккупацией. Во всех городах региона даты освобождения от оккупации – важные дни мемориального цикла. 9 мая – важнейший праздник календаря во всех регионах.

По всему Югу России происходили ожесточенные бои и в 1941–1943 гг. Особенно это относится к Ростовской области и соседним регионам Донбасса, где и в 1942-м, и в 1943 г. разворачивались ожесточенные бои по прорыву Миус-фронта, укрепленной линии, созданной немцами в 1941 г. В боях за прорыв Миус-фронта погибло более 800 тыс. человек. В регионе бои на Миус-фронте

рассматриваются как событие, равное по значимости Сталинградскому сражению и Курской битве. Место прорыва фронта летом 1943 г. обозначено мемориалом Саур-могила, находящимся в ДНР. Под Таганрогом в советское время был создан мемориал «Самбекские высоты». В период с 2014 по 2020 г. велись масштабные работы по его трансформации в огромный мемориальный комплекс. Народный военно-исторический музейный комплекс¹ включает в себя музейную экспозицию «Дон в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», разработанную Комбинатом музейно-выставочного искусства г. Санкт-Петербурга (КМВИ)². Экспозиция производит весьма сильное впечатление как новаторскими подходами к ее техническому решению, так и мощными своеобразными символами, вокруг которых она построена.

В мезорегионе стоит множество памятников на местах боев. Память о войне и коммеморация Победы играет объединяющую роль для всех этнических групп³. Тот же эксперт, который говорил об исключительном значении Кавказской войны в памяти адыгов, подчеркивает, что «столько, сколько со времен Бессмертного полка участвует в городе Майкопе в коммеморации, посвященной Дню Победы, ни в какое сравнение не идет с количеством народа, участвующих в тех же акциях памяти о Кавказской войне», имея в виду, что 9 мая число участников намного больше [Э-79-02]. Ему вторит другой эксперт, тоже из адыгской среды:

«Праздничные мероприятия в честь 9-го мая имеют место, это и семейный праздник вне зависимости от того, адыгская это семья или русская... Знаю это по себе, это был наш самый большой праздник, особенно, когда был жив дед, участник Великой Отечественной войны. Он распи-

---

¹ Слово «народный» в названии подчеркивает, что в ходе строительства была развернута широкая кампания по сбору частных пожертвований.

² Важной задачей является изучение российского рынка услуг по проектированию музейных экспозиций. КМВИ представляет небольшую группу лидеров этого рынка, куда также входят: «Красный квадрат» (продакшн Первого канала). – URL: <https://www.red-red.ru/>; Lorem Ipsum (разработчик Ельцин Центра). – URL: <https://loremipsumcorp.com/>; Аскрин (поставщики коммуникационного оборудования). – URL: <https://ascreeen.ru/>; Планета 9 (подрядчик Третьяковской галереи, Еврейского музея). – URL: <https://planet9.ru/projects/>; Андрей Рымарь и бюро «АРКФ» (музей Гулага). – URL: <http://www.artplay.today/andreyrymar>.

³ Выходя за принятые нами географические рамки исследования, отметим, что замечание об объединяющей роли памяти о Победе верно и в отношении тех народов Кавказа, которые подверглись депортации в 1944 г. В их памяти сегодня акцентируется героизм представителей народа в ходе войны.

сался на Рейхстаге... Бессмертный полк проводится массово, с размахом. Эти мероприятия намного более масштабные, чем 21 мая» [Э-79-01].

В последние годы в России обозначилась тенденция к усилению внимания к расследованию преступлений оккупантов и коммеморации жертв среди гражданского населения и военнопленных¹, что вносит важные новые элементы в мемориальный репертуар и ландшафт. Тема памяти о Войне активно исследуется местными учеными².

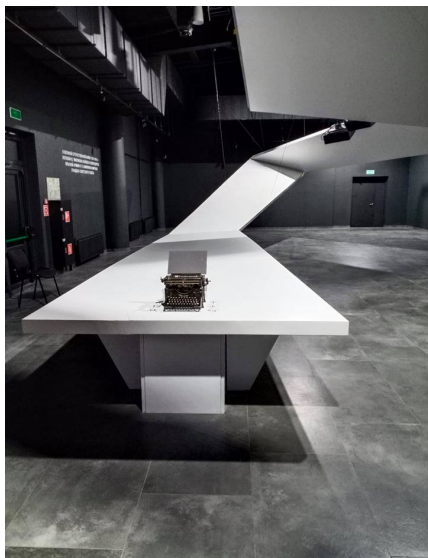

Рис. 4. Мультимедийный комплекс «Дон в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Самбек (предпоследний зал экспозиции)

В этой главе мы затронем один важный аспект памяти о войне – память о холокосте на Юге России. Нас будет интересовать вопрос о разном уровне внимания к теме, и разных подходах к ее коммеморации в регионе.

---

¹ Без срока давности. – URL: <https://безсрокадавности.рф/>

² Великая Отечественная война в истории и памяти народов юга России: события, участники, символы. – Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2020. См. также публикации проекта «Войны и население Юга России: история, демография, антропология (XVIII – начало XXI в.)», осуществлявшегося под руководством Е.Ф. Кринко при поддержке РНФ.

В Ростове расположено место самого массового убийства евреев на территории современной РФ – Змиевская балка. Здесь расстреливали также военнопленных, подпольщиков и заложников. Здесь сооружен самый большой мемориал в память о массовых расстрелах. Первый памятник, поставленный в советское время, изображал военнопленного перед расстрелом. Позднее создан мемориал, показывающий расстрел также мирного населения. Памятная доска на входе в мемориал менялась три раза, в том числе и по решению суда. Если на первой не было ни слова об убитых в балке евреях, то на второй было сказано о 27 тыс. убитых евреев, при том что это считается общей цифрой расстрелянных здесь. Третья доска упоминает евреев как категорию жертв наряду с другими. Во время нашего посещения мемориала зритель крайне раздраженно говорил о сионистах, навязывающих свою неверную интерпретацию произошедшей здесь трагедии. Все перипетии скандалов вокруг мемориального комплекса уже описаны в литературе¹.

В Петрушинской балке на окраине Таганрога, где расстреливали местных евреев и подпольщиков, коммеморация построена по иному принципу и не вызывает конфликтов. Здесь отдельные мемориальные доски поставлены для каждой группы убитых здесь людей – евреев, подпольщиков, военнопленных. Также здесь находится памятник, на котором выбиты имена убитых здесь детей, указан их возраст. Памятник дает индивидуальное измерение трагедии. Балка является важным местом памяти для Таганрога, ее организованно посещают школьники и студенты [Э-60-05].

Мы провели специальное исследование того, как тема холокоста отражена в региональных интеграциях в парках «Россия – моя история» в Ростове, Краснодаре, Пятигорске и Ставрополе. В каждом зале парков наряду с общей для всех экспозиций предусмотрена местная интеграция. Она отражена на большом баннере, который любой посетитель видит сразу, входя в зал. (Как вариант, это может быть графика, нанесенная на поверхность стен.) Кроме того, в каждом зале располагается сенсорный компьютер, тачскрин, подключенный к экрану. Здесь можно посмотреть «меню», состоящее из нескольких рубрик (каждая из которых содержит, в свою очередь, до 10 подрубрик) и затем пролистать материал, состоящий из картинок и текста. Таким образом, та или иная тема может иметь несколько уровней «заметности». Баннер не увидеть

---

¹ Чевеля Я. Змиевская балка: вопреки. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2013. –

сложно. Существенно меньший процент посетителей обращается к тачскрину. Если же посетитель обратился к тачскрину, то он видит четыре-пять основных тем. Перейдя к той или иной теме, он уже читает текст и видит фото.

Холокост вынесен на баннер в РМИ в Пятигорске, то есть здесь мы можем говорить о максимальной «заметности» темы. В Краснодаре и Ставрополе тема Холокоста есть в меню тачскрина. Иначе говоря, посетитель, решивший воспользоваться тачскрином, ее заметит. В Ростове, то есть в городе, где произошли самые массовые расстрелы еврейского населения на территории РФ, холокост в меню тачскрина отсутствует, он упоминается только в разделе, посвященном оккупации. Можно предположить, что местные сотрудники из-за скандалов, связанных с темой холокоста в Ростове, решили «спрятать» ее поглубже.

Уверенно можно констатировать два обстоятельства. Во-первых, этот пример, как и многие другие, показывает, что местные эксперты и музейщики играют в создании региональных интеграций в парках РМИ ведущую роль. Во-вторых, в России до сих пор не сложился единый подход к статусу темы холокоста в истории Второй мировой войны и отсутствуют общие формы коммеморации холокоста.

Заключение

Избранные нами для анализа регионы имеют много сходных черт. Во-первых, они весьма разнородны, скомпонованы из территорий с разной историей и населением, принадлежавших в прошлом к разным административным единицам. Во-вторых, для всех регионов весьма важен их пограничный характер, игравший важную роль в историческом развитии этих земель и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. Теперь мы видим, что пограничная специфика этих регионов становится все более важной и для XXI века.

Именно с пограничным характером земель связано присутствие на многих из них казачества. Мы видим тенденцию властей акцентировать казачью тему в политике идентичности. Местные администрации, да и центральные власти смотрят на казаков как на мобилизованную группу, которая является инструментом реагирования на различные, в том числе этнические, факторы напряженности. Мотивы такого подхода властей понятны. Нерусские этнические группы в мезорегионе и у его границ демонстрируют,

как правило, намного более высокий уровень мобилизации и сплоченности по сравнению с русским населением. Попытка сбалансировать это обстоятельство путем этнической мобилизации русских была бы по целому ряду причин весьма опасной политикой. Казаки в этой ситуации становятся субститутом, своеобразной подгруппой русских, на которую региональные власти стараются опереться¹.

Начав с создания реестра, центральные власти все более настойчиво стремятся установить надежный контроль над казачеством как одним из силовых инструментов государства. В Федеральный закон о службе российского казачества от 2005 г. в 2014 г. введено дополнение в статью 4: «Члены казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, принявшие на себя обязательства по несению государственной или иной службы, обязаны приостановить свое членство в политических партиях, иных общественных объединениях, преследующих политические цели, не вправе вступать в них и принимать участие в их деятельности. Деятельность политических партий, иных общественных объединений, преследующих политические цели, в казачьих обществах, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, не допускается»².

На практике казацкие представители избираются в местные заксоборания и в Государственную Думу при поддержке «Единой России» как беспартийные. Символом государственного патроната над политикой памяти в отношении казаков должен стать Центральный музей российского казачества, поручение о создании которого дал президент В.В. Путин³.

---

¹ Александр Гриб, анализируя роль казаков в конфликте на Донбассе, предлагает концепцию «общественной безопасности», которая призвана объяснить факторы, влияющие на безопасность не в национальном, но в региональном масштабе. См. *Hryb O. Understanding Contemporary Ukrainian and Russian Nationalism: The Post-Soviet Cossack Revival and Ukraine's National Security* // *Ukrainian Voices Series*. – Stuttgart : ibidem Verlag, 2020. – P. 95.

² ФЗ о государственной службе российского казачества. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102103268>

³ Музей российского казачества объединит историю и современность // РИА новости. – 2021. – 15.04. – URL: <https://ria.ru/20210415/muzey-1728450957.html> ; Исторический музей представит на Культурном форуме проект создания Центрального музея российского казачества // Министерство культуры РФ. – 2017. – 15.11. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/gosudarstvennyy_istoricheskiy_muzey_predstavit_v_ramkakh_vi_sankt_peterburgskogo_kulturnogo_foruma_p/?sphrase_id=348315

Политика памяти и политика идентичности властей в рассмотренных нами регионах соответствует этому подходу. Во-первых, стремление «натянуть» казачью идентичность на весь регион просматривается во всех трех субъектах федерации, хотя и с разной интенсивностью – сильнее всего в Краснодарском крае, слабее всего – в Ставропольском. В Краснодаре практически все ключевые мемориальные объекты города связаны с казачеством. В центре города в 2006 г. был воссоздан колоссальный памятник Екатерине II, пьедестал которого окружают фигуры Г.А. Потемкина и казачьих атаманов. На памятнике выгравирован текст жалованной грамоты Екатерины. Перед зданием краевой администрации, на месте, где прежде положено было стоять памятнику В.И. Ленину (кое-где по России они до сих пор стоят), расположена конная статуя казака. При входе в городской парк – памятник жертвам Гражданской войны с отсылками к казачьей символике. В Краснодарском государственном историко-археологическом музее им. Е.Д. Фелицына центральный зал занимает колоссальная экспозиция регалий Кубанского казачьего войска. Такая концентрация на казачьей теме в Ростовской области есть только в столице Донской области Новочеркасске, в Ростове казачья тема в символической политике отчетливо проявляется в последние годы. Ставрополь заметно более эклектичен. Самый узнаваемый символ города, расположенный на Крепостной горке, в историческом центре города, советский памятник красноармейцу Гражданской войны. Рядом на Горке расположен комплекс объектов, отражающих историю создания Ставрополя как укрепленного пункта в XVIII в., с памятником А.В. Суворову. В краеведческом музее ключевое место принадлежит экспонатам, которые подтверждают истинность известного изречения «Россия – родина слонов». Музей хранит два уникальных скелета ископаемых слонов, водившихся на территории края. Важное место в экспозиции занимает зал этнографии, отражающий этническое разнообразие края. В зале истории ключевое место занимает витрина, посвященная Гражданской войне, а в ней чудом сохранившийся от сапог до фуражки красный кожаный костюм бойца бронепоезда Л.Д. Троцкого.

Тот вариант казачьей идентичности, который рассматривает казаков как отдельный народ, в официальном нарративе, конечно, приглушается. Некоторые большие темы памяти, связанные с казачьим прошлым, постепенно, со сменой поколений, теряют свою остроту. Все наши эксперты согласны, что это относится к теме противостояния белых и красных в казачьей среде, и вообще в

истории России. Другие острые темы в публичном пространстве замалчиваются. Это прежде всего касается темы сотрудничества казаков-эмигрантов с немцами во время Второй мировой войны. В неформальной коммуникации в казачьей среде есть отчетливое стремление «не винить» этих людей, подчеркивать трагизм их судьбы¹, акцентировать другие периоды их жизни и деятельности. В сообществе совсем нет желания обсуждать возможные военные преступления этих казаков. Официальный же дискурс считает их коллаборантами, хотя они советской власти не присягали, и пресекает любые попытки их реабилитации.

Другая «горячая» тема – трактовка репрессий советской власти против казаков в межвоенный период как геноцида. В официальном дискурсе этот термин табуирован. Если репрессии Гражданской войны обсуждаются достаточно подробно, то голод и раскулачивание периода коллективизации остаются темой, которой предпочитают не касаться. Отчасти это можно объяснить тем, что на Кубани эта тема резонирует с темой голодомора на Украине и обладает большим потенциалом политизации.

Тема Кавказской войны вообще и участия в ней казаков в частности обсуждается достаточно свободно. Она отражена в учебниках, в музейных экспозициях. Колониальный нарратив XIX в. в основном ушел в прошлое, однако официальный дискурс предлагает смотреть на эти события сквозь призму формулы «нет правых и виноватых».

Важную роль в мезорегионе играет память о Великой Отечественной войне. Она переживает существенное переформатирование в последние годы. Это касается как истории боевых действий (дебаты о значимости Миус-фронта в истории войны), так и судьбы гражданского населения.

Особое измерение в регионе приобретает тема памяти о 1990-х годах, что связано с остротой этнических конфликтов на Северном Кавказе и их влиянием на ситуацию в мезорегионе, прежде всего в Ставропольском и Краснодарском краях. Эти сюжеты требуют специального изучения в рамках исследования, охватывающего весь мезорегион, включая северокавказские автономии.

В целом можно заключить, что политика памяти в мезорегионе весьма разнообразна как по темам и формам, так и по набору мнемонических акторов. Ведущая роль принадлежит краевой и

---

¹ Главный трагический символ – события в Лиенце, где британцы выдали советским властям от 40 до 60 тыс. этих казаков.

областной администрации, однако во всех регионах, особенно в Ростовской области, есть самостоятельные локальные акторы. Федеральные мнемонические акторы ведущей роли не играют. В силу того, что прошлое, в том числе недавнее прошлое мезорегиона и более широко взятого Юга России полно вооруженных конфликтов, сопровождавшихся изменением государственных и административных границ, перераспределением земельной собственности, резким изменением этнического состава населения территорий, коллективная память в этой части страны имеет существенный конфликтный потенциал.

ГЛАВА 8

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В «БОЯХ ЗА ИСТОРИЮ»

(Е.Ф. Кринко)

Школьный учебник – особый жанр литературы, создаваемой и издаваемой в образовательных целях. Он должен содержать систематизированную информацию по определенной области знания и излагать ее с учетом возрастных особенностей школьников. По степени воздействия на общество учебная литература существенно превосходит другие виды печатной и электронной продукции.

Особое место в системе образования занимает школьный курс истории, в значительной степени способствующий выработке представлений о себе и *других*, предопределяющих взаимоотношения отдельных народов и свое место в мире¹. Играя немаловажную роль в формировании идентичности и общественного сознания, школьный учебник истории закономерно становится объектом пристального внимания со стороны различных политических сил, навязывающих собственные подходы к описанию прошлого, превращаясь в одно из главных средств реализации политики памяти. В результате учебник истории, предназначенный по своей сущности быть фактором социальной консолидации, становится, напротив, источником политических конфликтов².

---

¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – Москва : Высшая школа, 1992. – С. 8.

² Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – Москва : АИРО-XX, 1999 ; Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии:

Распад Советского государства сопровождался неизбежной фрагментацией прежнего единого образовательного пространства и закреплением новых версий прошлого в учебной литературе. Достаточно остро эта проблема сказывается в полиэтнических регионах России, к которым относится и Северный Кавказ. Цель данной главы – проанализировать комплекс учебников и учебных пособий по региональной истории, изданных в республиках Северного Кавказа в постсоветский период, выявить их роль в конструировании идентичности.

Национально-региональный компонент в школьном историческом образовании: истоки, расцвет, закат?

Эффективное соотношение общего, универсального и частного, локального материала в рамках школьного курса истории всегда представляло собой сложную задачу. Опыт советского и современного российского образования показывает, что соединить в рамках одной дисциплины обобщающие сведения по истории и культуре России, а тем более по всемирной истории с информацией о том или ином локальном населенном пункте или конкретном регионе крайне непросто. Сложности обусловлены и ограниченным объемом учебного времени, и сочетанием общеобязательных программных требований с разнообразием предметов изучения, и отсутствием необходимых учебных и учебно-методических материалов. На решение указанных задач влияют методологические и методические подходы авторов, а также цели и задачи, возлагаемые на тот или иной школьный курс.

По вполне объяснимым причинам вопросы истории отдельных регионов и народов многонациональной России редко находят отражение в общих учебниках истории уже в силу ограниченности

старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2002 ; Историки читают учебники истории: традиционные и новые концепции учебной литературы / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – Москва : АИРО-XX, 2002 ; Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. – Москва : [Б.и.], 2009 ; Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации (Москва. 8–9 апреля 2010 г.) : материалы междунар. конф. / под ред. Т.С. Гузенковой, В.Н. Филяновой. – Москва : РИСИ, 2010 и др.

количества выделяемого учебного времени. Поэтому особую значимость в формировании представлений о них приобретает региональное образование.

В советское время были изданы учебные пособия по истории союзных и автономных республик, а также отдельных краев и областей. В их издании прямо отражались различия в статусе и возможностях национально-государственных образований различного уровня (в том числе в наличии соответствующих кадров историков, научных и образовательных центров, выделяемых средств и т.д.). Учебники по истории союзных республик были изданы заметно раньше (например, первый учебник по истории Грузии вышел еще в 1941 г.), значительно большим объемом, несколько раз переиздавались, поскольку данные курсы нашли свое место в учебных планах средней и старшей школы¹. Учебные пособия по истории автономных республик издавались позже и заметно уступали первым в объеме, хотя сами решения по данному вопросу могли приниматься почти одновременно для тех и других. Так, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» указывалось на необходимость изучения истории союзных республик в школах, включая издание соответствующих учебников². В целях реализации данного постановления 4 ноября 1959 г. был принят приказ

---

¹ История Грузии : учебник для VIII–X кл. / под ред. Н.А. Бердзенишвили. – Тбилиси : Цодна, 1960; История Грузии. С древнейших времен до 60-х годов XIX века : учеб. пособие / под ред. Н.А. Бердзенишвили. – Тбилиси : Изд-во учеб.-пед. литературы, 1960; История Грузии : учебник для IX–XI кл. / под ред. Н.А. Бердзенишвили. – Тбилиси : Цодна, 1963; *Дядиченко В., Лось Ф., Стицкий В.* История Украинской ССР : учебник для 7–8 кл. : [пер. с укр.] / под ред. Ф. Лося. – 4-е изд. – Киев : Рад. школа, 1965; *Мусаев М.М., Урманова Р.К.* История Узбекской ССР : учеб. пособие для 9–10 кл. ср. шк. УзССР. – Ташкент : Учитель, 1966; *Абещедарский Л.С., Баранова М.П., Павлова Н.Г.* История БССР : учеб. пособие для уч-ся ср. шк. / под ред. Л.С. Абещедарского. – 10-е изд. – Минск : Нар. света, 1971; История Молдавской ССР : учеб. пособие для 9–10 кл. / под ред. Д.Е. Шемякова. – Кишинев : Лумина, 1972; *Лось Ф., Стицкий В.* История Украинской ССР : пособие для 9–10 кл. ср. шк. – 5-е изд. – Киев : Рад. школа, 1972; *Бекмаханов Е., Бекмаханова Н.* История Казахской ССР : учеб. пособие для 9–10 кл. / под ред. П.В. Волобуева. – 18-е изд. – Алма-Ата : Мектеп, 1980; *Драгнев Д.М., Советов П.В.* История Молдавской ССР : учебник для 7–8 кл. – 3-е изд. – Кишинев : Лумина, 1986 и др.

² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8.10.1959 г. «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/765713643>

министра просвещения РСФСР, в котором говорилось о необходимости изучения в школах истории автономных республик. Однако первое такое учебное пособие в Северо-Осетинской АССР, предназначенное учителям и учащимся старших классов, было создано только в 1968 г.¹ на основе фундаментального двухтомного труда по истории автономной республики² и почти тем же самым авторским коллективом.

Позже вышли специальные учебные пособия для школьников во всех автономных республиках Северного Кавказа³. Специальных учебных пособий по истории автономных областей в рассматриваемый период не удалось выявить. Посвященный им материал обычно приводился в учебных пособиях по истории краев, в состав которых входили автономные области⁴. Учебный материал структурировался в соответствии с программой курса истории СССР и состоял из двух частей: первая, предназначенная для школьников 7–8 классов, содержала сведения с древнейших времен до конца XIX века, вторая, предназначенная для учащихся 9–10 классов, – события XX века. В отдельных регионах были изданы пособия по истории родного края (республики) и для учащихся 4 класса, которые изучали пропедевтический курс «Рассказы по истории СССР».

---

¹ История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие для учителей истории и уч-ся ст. кл. школ Северо-Осетинской АССР / под ред. М.С. Тотоева // Ученые записки Т. XXVIII, вып. 1. – Орджоникидзе : Северо-Осетинский гос. пед. ин-т им. К.Л. Хетагурова, 1968.

² История Северо-Осетинской АССР / под ред. С.К. Бушуева. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959–1966.

³ Моя Чечено-Ингушетия : краеведческое пособие по истории для уч-ся ср. шк. Чечено-Ингуш. АССР / под ред. Н.А. Тавакаляна. – Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1970 ; *Блиев М.М., Тургиев Т.Б.* История Северной Осетии : учеб. пособие для 7–8 кл. – Орджоникидзе : [Б.и.], 1976 ; *Гаджиев А.-Г.С.* История Дагестана. Ч. 2 : учеб. пособие по истории родного края для 9–10 кл. школ Дагестана. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1978 ; *Тедтоев А.А., Цгоев З.А.* История Северной Осетии : учеб. пособие. Ч. 2. Для 9–10 кл. – Орджоникидзе : Ир, 1978 ; *Магомедов Р.М.* История Дагестана : учеб. пособие по истории родного края для 7–8 кл. ср. шк. Ч. 1. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1980 и др.

⁴ Так, материал по истории Адыгеи приводился в учебных пособиях по истории Краснодарского края, в состав которого в 1937–1991 гг. входила Адыгейская автономная область. См.: *Анфимов Н.В., Юркин Н.Ф., Кусый В.А.* История родного края : учеб. пособие для 7–8 кл. – Краснодар : Кн. изд-во, 1976 ; *Юркин Н.Ф.* Край мой любимый : учеб. пособие для 4 кл. – Краснодар : Кн. изд-во, 1977 ; *Юркин Н.Ф., Бринь М.Ф.* Старшеклассникам о родном крае : учеб. пособие по истории для уч-ся 9–10 кл. школ Краснодарского края. – Краснодар : Кн. изд-во, 1978.

Указанные пособия были призваны дополнить местными материалами курс истории СССР. Их авторы подчеркивали дружбу, добрососедские отношения, боевой союз различных народов на протяжении всей истории их взаимоотношений. Данные оценки отвечали общим представлениям советской историографии и политики памяти, а сами учебники, выдержанные в духе определенной идеологии, должны были способствовать воспитанию интернационализма и советского патриотизма у школьников.

Принятый в 1992 г. закон Российской Федерации «Об образовании» закрепил за каждым субъектом Федерации право на построение содержания образования с учетом национальных и региональных особенностей. В качестве основных принципов государственной политики в области образования закон провозгласил единство культурного и образовательного пространства страны, защиту и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей¹.

Утвержденный в 1990-е годы Государственный образовательный стандарт общего образования включал в качестве обязательных составных частей федеральный и национально-региональный компоненты, а также компонент образовательного учреждения. Федеральные компоненты государственных образовательных стандартов устанавливались федеральными органами государственной власти и управления, а национально-региональные компоненты – субъектами России. Федеральный компонент был призван обеспечить общегражданскую российскую идентичность личности на базе общечеловеческих ценностей, единство образовательного пространства России и интеграцию личности в систему мировой культуры. Переданный в ведение субъектов Федерации национально-региональный компонент был призван удовлетворить потребности регионов страны и определить национальные и региональные проявления тех сущностей, которые раскрывались в федеральном компоненте.

В федеральном базисном учебном плане национально-региональный компонент должен был составлять от 10 до 15% общего времени, отводимого на освоение образовательных программ общего образования. Он практически сразу же занял устойчивое место в системе российского школьного образования, получив соответствующее нормативно-правовое закрепление и учебно-

---

¹ Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003751>

методическое обеспечение. Считалось, что предложенная структура содержания образования закрепляла баланс интересов и компетенции государства, региона, школы. Введение регионального компонента отвечало новым идеологическим и политическим реалиям и новым целям образования, которое ориентировалось на воспитание в учащихся чувства сопричастности к родной истории и самобытной культуре российских народов. Однако предложенная структура создала возможности для дезинтеграции единого образовательного и культурного пространства России. В некоторых субъектах Российской Федерации в содержании образования закреплялись приоритеты национально-регионального компонента над федеральным.

С целью устранить противоречия между федеральным и национально-региональным компонентами в августе 2006 г. была принята Концепция национальной образовательной политики России. В ней отмечалась необходимость, с одной стороны, «организации в структуре всеобщей единой и целостной системы образования учреждений, реализующих общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением в том или ином объеме на родном (нерусском) и русском (неродном) языках, с содержанием гуманитарного образования, выстроенным на иной, нерусской культуре». С другой стороны, «включения в число главных приоритетов образования (наряду с собственно образовательными целями) также и цели духовной консолидации многонационального народа России в единую политическую нацию». Образование рассматривалось в концепции «как инструмент реализации этнонациональной политики в процессах модернизации – социокультурной трансформации многомерно-сложного полиэтничного российского социума в полиэтничное, но внутренне гомогенное гражданское общество»¹.

Принятый 1 декабря 2007 г. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» отменил три обязательных компонента в содержании образования². Введенные по данному закону

---

¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. – URL: <https://edu.ru/documents/view/29467/>

² Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

федеральные государственные образовательные стандарты (далее – ФГОС) должны обеспечивать единство образовательного пространства Российской Федерации.

Тем не менее национально-региональный или региональный компонент еще несколько лет сохранялся в учебных планах образовательных учреждений многих субъектов Российской Федерации, включая и северокавказские республики. Например, Министерство образования и науки Республики Дагестан поясняло, что в связи с введением ФГОС для основной школы (5–8 классы) на 2018/2019 учебный год «в обязательную (инвариантную) часть примерного учебного плана входит учебный предмет “история”, в рамки которого обязательно включение регионального аспекта (истории Дагестана)». В региональном базисном учебном плане общеобразовательных организаций Республики Дагестан для 9–11 классов на 2018/2019 учебный год имелся учебный предмет «История Дагестана», изучавшийся как обязательная дисциплина¹.

Только в 2019/2020 учебном году региональный компонент (предметы: «История Дагестана», «Культура и традиции народов Дагестана», «География Дагестана») был выведен из учебных планов образовательных учреждений (ОУ) республики. В этой связи возникла необходимость обновления методики преподавания данных дисциплин в контексте ФГОС. Управления образования предлагали для этого следующие способы: интеграцию указанных предметов в виде частей уроков либо отдельных уроков в курсы предметов обязательной части учебного плана; включение в учебные планы ОУ данных предметов в часть, формируемую участниками образовательного процесса; реализацию курса в рамках внеурочной деятельности².

В методических рекомендациях «О преподавании регионального курса “История Дагестана” в 2020/2021 учебном году», разработанных кафедрой социогуманитарного образования Даге-

---

рации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // Российская газета. – 2007. – 05.12.

¹ Точка в истории Дагестана. Кто виноват в том, что школы Дагестана спустили нагрузку на предмет История Дагестана? // Обзор СМИ. – 2018. – 20.10. – URL: <http://www.obzor-smi.ru/dagestan/22794-tochka-v-istorii-dagestana-kto-vinovat-v-tom-chto-shkoly-dagestana-spustili-nagruzku-na-predmet-istoriya-dagestana.html>

² Данилюк М.Ю. Интегративный курс «История и культура Дагестана»: к вопросу о значении в образовательном процессе Республики Дагестан // АСТА HISTORICA : труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 47–48.

станского института развития образования, предлагалось рассмотреть три варианта изучения истории региона: 1) «рассредоточенное» изучение содержательного компонента «Истории Дагестана» в соответствии со структурой, логикой и последовательностью тематического плана изучения базового курса «История отечества» в 6–10 классах; 2) «концентрированное» изучение содержательного компонента «История Дагестана» за счет включения в содержание учебного предмета «История» соответствующих учебных модулей в 6–10 классах; 3) введение самостоятельного регионального курса «История Дагестана» (за счет части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений). Подчеркивалось, что выбор варианта изучения истории Дагестана «определяется общеобразовательной организацией самостоятельно»¹. Сокращение количества часов на изучение предметов национально-регионального компонента вызвало недовольство части общественности в Дагестане².

В школах Карачаево-Черкесской Республики часы национально-регионального компонента в 1–9 классах использовались для изучения родного языка (абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского) и родной литературы. В 6, 8 и 9 классах преподавались интегрированный учебный предмет «Краеведение» или краеведческие модули в рамках учебных предметов федерального компонента «География», «Биология», «Искусство», «Технология» и «История». В 10–11 классах изучались родная литература и «История и культура народов Карачаево-Черкесии»³. При этом предусматривалось синхронное изучение всеобщей, отечественной и региональной истории: в 6–9 классах материал по истории Карачаево-Черкесии включался в общий курс истории (10 часов ежегодно), а в 10–11 классах изучался специальный курс (34 часа в год). С 2004 г. в его рамках также изучался курс «История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесии» (по 12

---

¹ О преподавании регионального курса «История Дагестана» в 2020–2021 учебном году. Методические рекомендации. – Махачкала, 2020. – С. 3. – URL: <http://диро.рф/wp-content/uploads/2020/11/Методические-рекомендации-по-истории-Дагестана.pdf>

² Точка в истории Дагестана ... // Обзор СМИ. – 2018. – 20.10. – URL: <http://www.obzor-smi.ru/dagestan/22794-tochka-v-istorii-dagestana-kto-vinovat-v-tom-chto-shkoly-dagestana-spustili-nagruzku-na-predmet-istoriya-dagestana.html>

³ Базисный учебный план для общеобразовательных учреждений КЧР. – URL: <http://www.prikrmk.sfedor.ru/bases/base07.html>

учебных часов в 10–11 классах), для которого вышло специальное учебно-методическое пособие¹.

В сентябре 2008 г. прокурор Карачаево-Черкесии В.М. Кузнецов опротестовал изучение в школах республики родных языков в качестве обязательных предметов, считая, что они могут изучаться только факультативно, и потребовал приведения республиканского закона «Об образовании» в соответствие с федеральным законодательством. Депутаты Народного собрания Карачаево-Черкесской Республики не согласились с таким решением, подчеркивая, что «обязательное изучение родных языков не может квалифицироваться как ущемление и ограничение прав граждан по их языковой и национальной принадлежности, когда речь идет о родных языках». Верховный Суд Карачаево-Черкесской Республики 11 февраля 2009 г. поддержал иск прокуратуры и признал недействительной соответствующую правовую норму, мотивируя это тем, что «субъект Российской Федерации утратил полномочия по установлению обязательных требований к основным образовательным программам, в данном случае по введению обязательных предметов». Однако депутаты направили кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на нормы действующей Конституции России, федерального и республиканского законов о языках. 15 апреля 2009 г. судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение об отмене решения Верховного Суда Карачаево-Черкесии и приняла решение отказать в удовлетворении требований прокуратуры².

Через пять лет, в сентябре 2014 г. Министерство образования и науки Карачаево-Черкесской Республики все-таки приняло решение об отмене в общеобразовательных школах предмета «История и культура народов Карачаево-Черкесии», что вызвало критику общественности. Инициативная группа граждан обратилась к министру образования и науки республики с коллективным обращением, в котором потребовала восстановления в средних образовательных учреждениях курса «История и культура народов Карачаево-Черкесии». В обращении говорилось, что принятое «решение является непродуманным и наносит вред воспитанию подрастающего поколения <...>, создает предпосылки для вне-

---

¹ История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесии. Кн. для учителя. – Черкесск : [Б.и.], 2005.

² Родной язык изучать обязательно // День республики. – 2009. – 06.06.

дрения в сознание подрастающего поколения радикальных националистических и религиозных взглядов». Интересно отметить, что на сайте Федеральной лезгинской национально-культурной автономии данная новость появилась под заголовком: «Общественность КЧР против отмены преподавания в школах истории и культуры народов Северного Кавказа». Расширение содержательных рамок курса до Северного Кавказа, возможно, имело целью заинтересовать читателей, проживающих в других субъектах России, но придало иную направленность самому решению властей и их критикам¹.

В результате через два года Министерство образования и науки Карачаево-Черкесской Республики под общественным давлением и по инициативе руководства региона изменило решение. В марте 2016 г. СМИ сообщили: «По многочисленным обращениям общественных организаций дисциплина “История и культура народов КЧР” будет снова внесена в список обязательных предметов в учебный план для 10–11 классов во всех школах Карачаево-Черкессии с нового 2016–2017 учебного года»².

В национально-региональный компонент учебного плана ОУ в Республике Адыгея с русским языком обучения были включены учебные предметы: «Адыгейский язык», «Адыгейская литература», «Культура народов Республики Адыгея», «История Адыгеи». Изучение всех указанных предметов, за исключением общеобязательной «Истории Адыгеи», осуществлялось по выбору учащихся. В национально-региональный компонент учебного плана образовательного учреждения с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения были включены учебные предметы: «Адыгейский язык», «Адыгейская литература», «Адыгэ хабзэ (адыгский этикет)», «История Адыгеи». «География Республики Адыгея» изучалась в 8–9 классах общеобразовательных учреждений в составе предмета «География» федерального компонента³.

---

¹ Общественность КЧР против отмены преподавания в школах истории и культуры народов Северного Кавказа // ФЛНКА. – 2014. – 25.12. – URL: <https://flnka.ru/digest-analytics/8042-obschestvennost-kchr-protiv-otmeny-prepodavaniya-v-shkolah-istorii-i-kultury-narodov-severnogo-kavkaza.html>

² Изучение истории и культуры народов КЧР снова станет обязательным для школ республики // РИА КЧР. – 2016. – 30.03. – URL: <https://www.riakchr.ru/izuchenie-istorii-i-kulturyi-narodov-kchr-snova-stanet-obyazatelnyim-dlya-izucheniya-starsheklassnikov/>

³ См.: Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 360.

Курс истории Адыгеи первоначально изучался учащимися 8–11 классов: в 8–9 классах материал с древнейших времен до конца XIX века, в 10–11 классах – XX век (по 1 часу в неделю). С переходом к двухступенчатой системе школьного исторического образования преподавание истории Адыгеи было перенесено в первый концентр, в 5–9 классы (также по 1 часу в неделю). Однако затем количество часов, выделяемых на изучение «Истории Адыгеи», сократилось. При сохранении принципа синхронности изучения в 5–7 классах данный материал включается в общий курс истории (8–10 часов в год), а в 8–9 классах изучается как самостоятельный предмет (по 1 часу в неделю).

Региональный компонент учебного плана ОУ в Республике Северной Осетии – Алании включал следующие учебные предметы: «Осетинский язык и Осетинская литература» (в 1–11 классах), «История Осетии», «География Осетии», «Традиционная культура осетин». «История Осетии» с начала 1990-х годов изучалась в 5-м классе (в последней четверти 1 час в неделю). В настоящее время курс истории Осетии ведется в старших, классах в количестве 70 часов, из расчета 1 час в неделю, в 10 и 11 классах¹.

В Кабардино-Балкарской Республике в качестве предметов национально-регионального компонента изучаются «Кабардинский язык и литература» и «Балкарский язык и литературе» в 1–11 классах, «История Кабардино-Балкарии» и «География Кабардино-Балкарии» в 8–9 классах, «Традиционная культура народов Кабардино-Балкарии» в 10–11 классах. В настоящее время «История Кабардино-Балкарии» изучается в 8–9 классах 1 час в неделю.

В ОУ Чеченской Республики в соответствии с учебными планами как предметы национально-регионального компонента изучались: «Чеченский язык», «Чеченская литература», «Чеченская традиционная культура и этика», «История религий». «История Чеченской Республики» и «География Чеченской Республики» в настоящее время не выделяются как самостоятельные предметы, а изучаются в рамках курсов федерального компонента «История России» и «География».

В Республике Ингушетии в качестве предметов национально-регионального компонента были введены «Ингушский язык и литература», «История Ингушетии», «Экология и география Ингушетии». Но 31 октября 2011 г. был принят Закон Республики

---

¹ См.: Рабочая программа по истории Осетии. – Владикавказ, 2019. – URL: <https://s44.amsvlad.ru/doc/Рабочая%20программа%20по%20истории%20Осетии.pdf>

Ингушетия «О поправке к Конституции Республики Ингушетия». Из конституции была исключена норма, в соответствии с которой Республика Ингушетия устанавливала национально-региональные компоненты государственных образовательных стандартов¹. Это вызвало общественное недовольство, не вышедшее, впрочем, за рамки социальных сетей: «Наши власти все сделали как обычно: тихо, без огласки. А в других субъектах, где была сделана аналогичная поправка (например, в Башкортостане, Чувашии), прошли митинги и акции протеста»².

Учебники истории в северокавказских республиках

Повышение государственно-правового статуса субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе в начале 1990-х годов, сопровождавшееся процессами этнизации власти, не могло не отразиться на учебном процессе. Во всех республиках Северного Кавказа, имевших ранее разный статус, в 1990-х было узаконено создание учебников и учебных пособий по предметам национально-регионального компонента. Перечни учебников утверждались законами республик, а сами учебники и учебные программы – республиканскими министерствами образования³.

В Республике Дагестан первые полноценные учебники региональной истории издавались с начала 1990-х годов⁴. Уже в первом десятилетии XXI в. встал вопрос о необходимости их замены, и в 2009 г. был издан новый комплект учебников. Положительную оценку специалистов⁵ заслужил учебник для 6 класса, подготов-

---

¹ Закон Республики Ингушетия «О поправке к Конституции Республики Ингушетия». 31.10. 2011 г. № 3-РЗП. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/453116091>

² В Ингушетии отменены национально-региональные компоненты образовательных стандартов. – URL: <http://niysa.livejournal.com/10752.html>

³ См. например: Закон Кабардино-Балкарской Республики «О республиканском комплекте учебников». 18.07.2011 г. № 67-РЗ // Официальная Кабардино-Балкария. – 2011. – 22 июля и др.

⁴ *Гаджиев В.Г., Шибгаудинов М.Ш.* История Дагестана. 9 кл. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1993 ; *Исмаилов А.Р.* Новейшая история Дагестана, XX в. [Для ст. кл. общеобразоват. шк.]. – Махачкала : [Б.и.], 1997 ; *Исмаилов А.Р.* История и культура Дагестана с середины 40-х – 90-е годы. Материалы к урокам истории Дагестана в 11-х кл. – Махачкала : [Б.и.], 1999 ; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. 8 класс. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2002 и др.

⁵ *Гасанов М., Хъяева М.* Новый учебник по истории Дагестана // Вестник института истории, археологии и этнографии. – 2010. – № 1. – С. 90–93 ; *Манышев С.Б.* Национально-региональный компонент исторического образования:

ленный известными дагестанскими историками, вышедший крупным тиражом в одном из ведущих специализированных столичных издательств¹. В то же время учебники для старших классов доводили изложение событий только до 1960 г.² Был также издан комплект учебников по курсу «Культура и традиции народов Дагестана»³. Ряд пособий был рекомендован одновременно преподавателям, студентам вузов и учащимся средней школы⁴, вызвав закономерные вопросы и замечания рецензентов⁵. Необходимо отметить и издание в Дербенте для учащихся местных школ самостоятельного пособия⁶, позволившее реализовать в учебном процессе представления об особом статусе города в символическом пространстве республики.

Проведенное сотрудниками Дагестанского НИИ педагогики им. А.А. Тахо-Годи обследование выявило серьезные трудности в преподавании истории Дагестана в общеобразовательных организациях. Поэтому были разработаны электронные пособия по истории Дагестана (8–11 классы) для оказания учебно-методической помощи учителям-историкам и краоведам по данному курсу⁷. Они

основные тенденции и проблемы преподавания в Республике Дагестан // Преподавание истории в школе. – 2019. – № 7, Т. 1. – С. 16.

¹ Гаджиев М.С., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до XVI в. 6 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений Республики Дагестан. – Москва : Дрофа, 2009 и др.

² Гасанов М.Р. История Дагестана 1917–1960 гг. : учеб. пособие для 10–11 кл. – Махачкала, 2009 ; История Дагестана : учебник для 10 кл. общеобразоват. учреждений (1917–1960 гг.) / Егоров В.П., Разаков М.-Г.А., Бабаев А.-М.Б., Магомедов М.А. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2009.

³ Магомедсалихов Х.Г. Культура и традиции народов Дагестана : учебник для 8 кл. – Махачкала : Лотос, 2009 ; Магомедсалихов Х.Г. Культура и традиции народов Дагестана : учебник для 9 кл. – Махачкала : Эпоха, 2009 ; Саидов Т.Г., Саидова А.Г. Культура и традиции народов Дагестана : учебник для 10 класса / под ред. Г.И. Магомедова. – 2-е изд., доп., перераб. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2010.

⁴ История Дагестана : учеб. пособие для преподавателей и обучающихся в высших и средних учеб. заведениях. – Москва : Парнас, 2018. и др.

⁵ Далгат Э.М. [рец.] // История, археология и этнография Кавказа. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 537–544. – Рецензия на кн.: История Дагестана : учеб. пособие для преподавателей и обучающихся в высших и средних учебных заведениях. – Москва : Парнас, 2018. – 389 с.

⁶ Гусейнов Г.-Б.Я., Пашабекова С.Б. Дербентоведение : учеб. пособие. – Дербент : [Б.и.], 2005.

⁷ Исалабдулаев М.А. История Дагестана : электронное учеб.-метод. пособие для учителей. 8 кл. – Махачкала : [Б.и.], 2016 ; Исалабдулаев М.А. История

носят очерковый характер и представляют компиляцию статей из Википедии, материал которых нередко не соответствует в содержательном отношении уровню научных знаний начала XXI в. Многие вопросы истории Дагестана освещаются через призму марксистской теории и классового подхода, пособия содержат массу фактических и орфографических ошибок, неточностей и перекриваний.

По заказу Министерства образования и науки Республики Дагестан издательство «Просвещение» планировало издать серию новых учебников, рассчитанных на 4 года (с 8 по 11 класс включительно), по 35 учебных часов в год (всего 140 часов за 4 года). Необходимость этого решения обосновывалась «полным отсутствием качественных книг по истории Дагестана, по которым школьники могли бы заниматься полноценно и изучать историю с учетом новейших событий». Однако сокращение учебного времени на историю Дагестана поставило под вопрос необходимость издания новых учебников¹.

В Республике Северной Осетии – Алании учебники для 5 и 10 класса были написаны по заказу и утверждены республиканским министерством образования². Учебник В.Д. Кучиева по истории XX в. имеет только гриф допущенного, но не рекомендованного Министерством образования и науки Республики Северной Осетии-Алании³. В результате в 11 классе при изучении курса истории Северной Осетии в XX в. использовался коллективный труд, подготовленный осетинскими историками под редакцией А.С. Дзасохова⁴. В 2006 г. Р.С. Бзаров разработал программу по истории Осетии для 5 и 9–10 классов общеобразовательных учреждений. Позже он издал учебник, который остается в настоящее время основным для учащихся 5–9 классов общеобразовательных

Дагестана : электронное учеб.-метод. пособие для учителей. 9 кл. – Махачкала : [Б.и.], 2016 ; *Исалабдулаев М.А.* История Дагестана : электронное учеб.-метод. пособие для учителей. 10 кл. – Махачкала : [Б.и.], 2016 ; *Исалабдулаев М.А.* История Дагестана : электронное учеб.-метод. пособие для учителей. 11 кл. – Махачкала : [Б.и.], 2016.

¹ Точка в истории Дагестана. Кто виноват в том, что школы Дагестана спустили нагрузку на предмет История Дагестана?

² *Бзаров Р.С.* Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. – Владикавказ : Ир, 1994; *Блиев М.М., Бзаров Р.С.* История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. – Владикавказ : Ир, 2000.

³ *Кучиев В.Д.* История Осетии. XX в. – Владикавказ : Ир, 2011.

⁴ История Северной Осетии: XX век. – Москва : Наука, 2003.

школ республики¹, и соответствующее методическое пособие для учителей². Этот курс рассчитан на 20 учебных часов (по 4 часа во всех классах, с 5-го по 9-й).

В 1991–1992 гг. были изданы первые учебные пособия по истории Адыгеи. При этом первое из них, посвященное периоду с древнейших времен до конца XIX века, вышло в качестве пособия для учителей, работавших в 8–9 классах, а второе, охватывающее события XX века, уже имело статус учебника для учащихся 10–11 классов³. В условиях практически полного отсутствия литературы по предмету, адаптированной для младших школьников, Э.А. Шеуджен издала прекрасно иллюстрированный курс рассказов по истории Адыгеи в двух частях⁴. По заказу республиканского министерства с переходом к концентрической системе в 2002 г. вышел комплект из пяти учебников⁵, но часть из них получила неоднозначную оценку специалистов⁶. В течение последующих двух десятилетий, несмотря на значительные изменения в системе образования, новых учебников по истории Адыгеи больше не издавалось.

В школьном образовании Кабардино-Балкарской Республики монопольное положение занял учебник истории, написанный М.Д. Бекалдиевым с использованием материалов Х.-М.А. Сабан-

---

¹ Бзаров Р.С. История Алании – Осетии : учеб. пособие для 5–9 кл. общеобразоват. организаций. – Владикавказ : Ир, 2020.

² Бзаров Р.С. Методические указания к учебнику «История Осетии – Алании». 5-9 кл. – Владикавказ : [Б.и.], 2020.

³ Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи : учеб. пособие для учителей 8–9 кл. – Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1991 ; История Адыгеи : учебник для 10–11 кл. – Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1992.

⁴ Шеуджен Э.А. История Адыгеи : рассказы для детей. Ч. 1. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 1995 ; Шеуджен Э.А. История Адыгеи : рассказы для детей. Ч. 2. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 1997.

⁵ История Адыгеи : учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений / Ачмиз К.Г., Мальцев В.Н., Чеучев Н.Ш., Шебзухова Ф.Х. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2000 ; Булгаков С.Ю., Каракаев З.Х. История Адыгеи, XVI–XVII вв. : учебник для 7 кл. общеобразоват. учреждений. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2002 ; Ловлаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П. История Адыгеи : учебник для 6 кл. общеобразоват. учреждений. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2002 ; Шеуджен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи : учебник для 5 кл. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2002 ; Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.) : учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2002.

⁶ Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против» / под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир : [Б.и.], 2003.

чиева, а затем А.Н. Таковой¹. Несмотря на критические замечания, порой достаточно жесткие, он успешно выдержал ряд переизданий и продолжает использоваться в школах республики.

В Карачаево-Черкесии уже с 1993 г. во всех школах учащиеся 8–11 классов изучали курс «История и культура народов Карачаево-Черкесии». Но первоначально программы и учебника не было, что заметно осложняло проведение занятий. Учебное пособие было издано только через пять лет, и с тех пор больше не переиздавалось, что превратило его в настоящий раритет². К тому же, по мнению исследователей, разделы, посвященные карачаевцам, отчасти казакам и абазинам «были написаны на основе ревизионистско-этноцентристского подхода. Из-за противоречивости концептуальной основы учебника учителя с первого года преподавания стали отказываться от него». Создание нового учебника коллективом историков, «представлявшим все субъектообразующие народы КЧР», вызвало острые разногласия, противостояние не только историков, но и части карачаевской общественности³.

В Чечне первый учебник вышел уже в 1992 г.⁴ Последовавшие затем трагические события заставили надолго отодвинуть создание учебной литературы в республике. Только через полтора десятилетия появились новые учебные пособия⁵.

В Ингушетии первые региональные учебники истории вышли в 2000-х годах⁶. В 2015–2017 гг. был разработан комплект учебных пособий для 5, 6, 7–9 и 10 классов⁷, как сообщалось в

---

¹ Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии : учебник для 8-9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – Нальчик : Эльбрус, 2003.

² Народы Карачаево-Черкесии: история и культура : учеб. пособие для 10–11 классов общеобразовательных учреждений / под ред. В.Ш. Нахушева. – Черкесск : [Б.и.], 1998.

³ Озова Ф.А. Историческая тематика в научном, учебном и общественном дискурсе Карачаево-Черкесии // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа. – Москва : ИЭА РАН, 2021. – С. 242.

⁴ История Чечено-Ингушетии XVI – середина XIX века : учеб. пособие для уч-ся 9 кл. / Ахмадов Я.З., Ахмадов Ш.Б., Асталов В.А., Исаев Э.А. – Грозный : Книга, 1992.

⁵ История Чечни (XIX век) : учебник / Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Я.З., Асталов В.А., Хасбулатов А.И. – Грозный : ГУП Кн. изд-во, 2007.

⁶ Кодзоев Н.Д. История ингушского народа: с древнейших времен до конца XIX в. : учеб. пособие для 7–9 кл. общеобразоват. школ. – Магас : Сердало, 2002.

⁷ Кодзоев Н.Д. История Ингушетии. 6 кл. : учеб. пособие для общеобразоват. организаций. – Москва : Просвещение, 2017 ; Долгиева М.Б., Дзуматова З.Р.,

СМИ, в соответствии с требованиями Министерства образования и науки Российской Федерации. Учебники были выпущены издательством «Просвещение» и поступили в школы республики в середине августа 2017 г. Но уже в сентябре весь тираж книг был конфискован, согласно заявлению председателя правительства Республики Ингушетии Р.М. Гагиева, «в связи с выявлением в них орфографических и стилистических ошибок». Возмущение качеством учебных пособий и отсутствием контроля над их подготовкой со стороны редакционной коллегии выразил глава республики Ю.-Б. Евкуров: «Я сам прочитал данные пособия и увидел отсутствие конкретики по ряду исторических событий и их участников». Он потребовал до нового года доработать учебники с учетом замечаний и рекомендаций и выпустить новые¹. Это получило негативную оценку в общественном мнении, высказывались не получившие документального подтверждения предположения о том, что учебники попали под цензуру: «...в них хотят поменять параграф 31, рассказывающий о геноциде ингушей осенью 1992 года. Северную Осетию – Аланию в новой версии планируют назвать агрессором. Также есть мнение, что кому-то могли не понравиться приведенные данные об аланском наследии ингушей»².

По мнению специалистов, введение курсов истории в рамках национально-регионального компонента имело несомненный положительный результат: «Ребенок живет в каком-то определенном населенном пункте, в какой-то определенной местности. Если он не будет знать то, где он находится, то у него будет уже отрыв, отчуждение [от прошлого]. История превратится в некий абстрактный материал <...> А здесь уже что-то свое, что-то родное. Т.е. он может это даже просто-напросто потрогать, прийти и увидеть какое-то старое здание, памятник. В музее увидеть, что здесь было раньше. Уже возникает чувство сопричастности <...> И на-

---

Агиева Л.Т. История Ингушетии. 7–9 кл. : учеб. пособие для общеобразоват. организаций : в 2 ч. – Москва : Просвещение, 2017 ; История Ингушетии. 10 кл. : учеб. пособие для общеобразоват. организаций : в 2 ч. / под ред. М.Б. Долгиевой. – Москва : Просвещение, 2017 и др.

¹ Школы Ингушетии вернули в Минобр учебники по истории края из-за многочисленных ошибок // Интерфакс. – 2017. – 05.09. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/shkoly-ingushetii-vernuli-v-minobr-uchebniki-po-istorii-kрая-iz-za-mnogochislennyh-oshibok>

² *Андреев И.* История под прицелом. Из ингушских школ конфискуют учебники по истории республики // Версия на Кавказе. – 2017. – 04.09. – URL: <https://kavkaz.versia.ru/iz-ingushskix-shkol-konfiskuyut-uchebniki-po-istorii-respubliki>

ционально-региональный компонент – он чем хорош? Он во многом пробуждает в детях любовь к истории»¹. Обращение к проблемам региональной истории и культуры способствует преодолению отчуждения школьников от прошлого, формированию у них уважения к местной истории, удовлетворяя определенные образовательные потребности части общества.

Однако практическая реализация национально-регионального компонента на Северном Кавказе не только сопровождалась многочисленными противоречиями, но и создавала возможности для дезинтеграции образовательного и культурного пространства России. Региональная проблематика в региональных учебниках нередко подменялась этнической, а в ходе ее изучения часто складывались негативные стереотипы восприятия тех или иных народов. Большинство изданных учебных пособий страдали этноцентризмом в разных его проявлениях. Исторические судьбы региона и опыт взаимоотношений различных народов Северного Кавказа рассматриваются сквозь призму ценностей определенной этнической общности. Особую актуальность приобрели сюжеты, связанные с прославлением и героизацией прошлого отдельных народов, их противопоставление России, что создало питательную почву для появления новых исторических мифов.

В свою очередь, отмена национально-регионального компонента отрицательно воспринимается представителями органов власти и национальной интеллигенции как подрыв самих возможностей дальнейшего существования этносов: «Как без традиционной культуры? У нас все связано. Даже вот в учебнике – там материал из устного народного творчества – это основа всего нашего. Мы вообще, как считаем? Если у нас не будет своих традиций, обычаев, то вообще, как народ, мы исчезнем»². Показательно, что согласно результатам опросов, дисциплины национально-регионального компонента наибольший интерес вызывают именно у учащихся «титульных» национальностей, у которых сильнее вы-

---

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с С.Ю. Булгаковым, старшим методистом кабинета общественных дисциплин Адыгейского республиканского института повышения квалификации. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Запись 09.08.2012. Продолжительность 52 мин. Место проведения г. Майкоп.

² Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с Р.Р. Шанаевой, начальником отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Северная Осетия – Алания. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 11.07.2013. Продолжительность 42 мин. Место проведения г. Владикавказ.

ражена национальная и этническая идентичность. Например, в Адыгее 60,8% русских отдали приоритет идентификации с гражданами России, а 26,1% ощущали себя «людьми своей национальности». В то же время у адыгейцев названные предпочтения распределились как 24% и 28,2% соответственно¹.

Анализ комплекта из пяти учебников по истории Адыгеи позволяет утверждать, что только в одном из них данный школьный курс «вписывается» в контекст истории страны, а вместе с ней и во всемирную историю². В другом учебнике упоминается лишь о том, что Адыгея прошла свой исторический путь «со всеми народами страны» и является «неотъемлемой частью России»³. Напротив, авторы третьего учебника прямо говорят, что их книга рассказывает «о том, какой была земля адыгов», тут же отмечая: «Здесь дружной семьей живут теперь много народов: адыгейцы, кабардинцы, русские, татары, армяне, греки, украинцы и другие»⁴.

Особые сложности в создании учебной литературы существуют в республиках с двумя и более титульными этносами. Они связаны с необходимостью закрепить в образовательных формах их непростые современные взаимоотношения, не нарушив хрупкого межнационального согласия. Так, в учебном пособии по истории и культуре народов Карачаево-Черкесии абазинам отведена 81 страница, карачаевцам – 118, казакам – 95, ногайцам – 94 и черкесам – 108 страниц. Объем материала выступает своеобразным отражением современной этнополитической ситуации в республике. Однако в тематическом планировании этот паритет не всегда удается соблюсти вследствие особенностей распределения учебного времени по отдельным учебным периодам – четвертям и полугодиям. Отдельные сведения, содержащиеся в пособии, плохо согласованы между собой. В частности, приводятся различные версии происхождения карачаевцев и адыгов, каждая из которых претендует на закрепление за «своим» этносом права на самое древнее происхождение⁵.

---

¹ Российская идентичность на Северном Кавказе. – Москва ; Майкоп : Социально-гуманитарные знания : ООО «Качество», 2010. – С. 52.

² Шеуджен Э.А. Рассказы по истории Адыгеи : учебник для 5 кл. – С. 3.

³ История Адыгеи : учеб. пособие для 9 кл. / Ачмиз К.Г., Мальцев В.Н., Чеучев Н.Ш., Шебзухова Ф.Х. – С. 3.

⁴ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.) : учебник для 8 кл. – С. 3.

⁵ Народы Карачаево-Черкесии: история и культура.

Учебник по истории Кабардино-Балкарии также отличает стремление соблюсти паритет в изложении судеб двух титульных этносов республики на протяжении различных периодов ее истории. За это он подвергается критике со стороны специалистов, считающих, что подобный подход не соответствует исторической действительности. Учебник укоряют в «перегруженности фактами элементарной безграмотности», подчеркивая «некомпетентность автора и фигурирующих в учебнике рецензентов»¹.

В ходе переизданий в учебник не раз вносились коррективы и дополнения, в том числе о современном развитии Кабардино-Балкарии. В связи с произошедшими изменениями в законодательстве автор отказался от фразы, с которой начинались первые издания: «Кабардино-Балкарская Республика – суверенное демократическое правовое государство в составе Российской Федерации». Последующий текст сохранен в неизменном виде: «Кабардино-Балкария – многонациональная республика в составе Российской Федерации. На ее территории <...> проживают представители более 100 национальностей: кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, осетины и др. <...> На протяжении веков кабардинцы, балкарцы, русские и другие народы жили и живут на территории Кабардино-Балкарии в дружбе и согласии»².

Особенно подчеркивается: «Отношения между кабардинцами и балкарцами были всегда мирными, дружественными. Примечательно, что за всю историю взаимоотношений кабардинцев и балкарцев между ними не было ни одного серьезного случая столкновения, а тем более войны на межнациональной почве»³.

Однако в тексте учебника скудно представлены сведения о представителях нетитульных национальностей, проживающих в республике.

Учебники по истории Осетии решают иную проблему – соединения под одной обложкой истории разделенного государствен-

---

¹ См., например: *Алоев Т.Х.* Повторение ошибок // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик, 2011. – Вып. 18. – С. 155. – Рецензия на кн.: *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик : Эльбрус, 2011.

² *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик : Эльбрус, 2005. – С. 3 ; *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик : Эльбрус, 2011. – С. 3.

³ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик : Эльбрус, 2011. – С. 106.

ными границами этноса. Обращает на себя внимание само название курса и изданных учебников – «История Осетии», без ее разделения на Северную и Южную. Действительно, многие вопросы социально-экономического и политического развития Северной и Южной Осетии в них излагаются совместно. При характеристике образования двух автономий подчеркивается: «Северо-Осетинская автономная республика по желанию ее народа вошла в состав РСФСР, **Южная Осетия, вопреки желанию народа, вновь** (выделено автором учебника. – *Е.К.*) оказалась в составе Грузии»¹.

Но и в первом учебнике для 5 класса, в названии которого еще указывается Северная Осетия, существует специальный параграф «Беженцы с юга», посвященный восстанию 1920 г. и его жестокому подавлению грузинскими войсками².

В обоих учебниках, рассказывающих о событиях XX века, для 5 и 11 классов, серьезное внимание уделяется трагическим событиям из жизни Северной и Южной Осетии конца 1980-х – начала 1990-х годов. В учебнике для 11 класса предпоследний параграф называется «Попытки профашистского руководства Грузии ликвидировать Южную Осетию. Грузино-юго-осетинская война (1989–1991)». События вооруженного конфликта излагаются подробно, с показом их причин и предпосылок, в качестве которых выступают проводившаяся в Грузии политика и ответные действия Южной Осетии, которая «не выдержала и выступила против продолжающейся не одно десятилетие дискриминации негрузин в Грузии»³. Следующий параграф носит название «Вторжение ингушских бандформирований на территорию Северной Осетии»⁴. Ответственность за происшедшее возлагается только на одну, ингушскую сторону конфликта.

В учебнике для 5 класса эти события рассматриваются в параграфе «Через новые испытания». Но оценки в нем еще более резки: «С 1989 года банды грузинских фашистов нападали на Южную Осетию. Осетин преследовали по всей Грузии, выгоняли из домов, грабили и убивали. Когда фашисты пришли к власти, они отменили автономию Южной Осетии <...>. Фашисты издевались над женщинами и стариками, разгромили театр, школы и библио-

---

¹ Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. – С. 141.

² Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. – С. 79–81.

³ Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. – С. 248, 249.

⁴ Там же. – С. 250–252.

теки <...> Война, которую защитники отечества ведут против захватчиков, называется Отечественной войной».

Столь же однозначно излагаются события осетино-ингушского конфликта: «Ночью 31 октября 1992 года отряды преступников вторглись на землю Северной Осетии. Они пришли из Ингушетии, чтобы захватить часть Пригородного района»¹.

Обращает внимание, что в обобщающей работе осетинских историков, рекомендуемой для использования в 11 классе, при характеристике грузино-южноосетинского конфликта не применяется такой термин, как «фашисты», связанный с другими историческими событиями и имеющий негативную коннотацию. Более выдержанный характер в нем носит и изложение событий в Пригородном районе, в частности отмечаются их негативные последствия для представителей разных национальностей: «Десятки тысяч жителей Северной Осетии: ингушей, осетин, русских – стали вынужденными переселенцами»². Использование в учебной литературе указанной терминологии, а также четкое определение конкретных «врагов» позволяют не только максимально раскрыть глубину постигшей народ трагедии, но и выполняют функции этнической мобилизации, способствуя формированию этнического самосознания нации даже сильнее, чем восхваление его достоинств и побед.

Тема войн и вооруженных конфликтов, насилия в целом является преобладающей в учебной литературе, выходящей на Северном Кавказе, как, впрочем, и во многих других регионах страны. Например, из 360 избранных основных дат по истории ингушского народа 100 фиксируют акты притеснений, оскорблений, унижений, изгнания³. Как отмечает Т.С. Гузенкова, учебники, написанные в зонах конфликтах, способны не только сформировать комплекс жертвы, но и спровоцировать в дальнейшем усиление ответной агрессивности⁴.

---

¹ Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. – С. 107.

² История Северной Осетии: XX век. – С. 548.

³ Хамчаев С. Хронология истории ингушского народа [для сред. и ст. шк. возраста]. – Саратов : Детская книга, 1996.

⁴ Гузенкова Т.С. Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 264–265.

В связи с этим следует отметить появление учебников, в которых предпринимаются попытки познакомить учащихся не только с историей своих народов, но и с их традиционной культурой. Они дают представление о хозяйственной практике, материальных и духовных особенностях быта, общественно-политическом укладе населяющих регион народов¹. Полезность таких курсов видится и в том, что учащиеся получают возможность соприкоснуться с живыми носителями традиций, ощутив тем самым непрерывность и изменчивость истории. В то же время выбор объектов изучения, как правило, ограничен культурами титульных этносов. Практически не уделяется внимания вопросам истории и культуры этнических меньшинств и диаспор, даже относительно крупных и проживающих в республиках на протяжении достаточно длительного времени.

Так, в Адыгее первый учебник по национальной культуре носил отчетливо выраженный этнический характер. Показательно, что его предлагалось использовать «по преподаванию адыгской культуры на разных уровнях – от старших классов средних школ до студентов вузов Адыгеи, Кабарды и Черкесии»² – проживающим в различных республиках представителям адыгского этноса. Через несколько лет была сделана попытка создать курс «Культура народов Адыгеи» для 1–11 классов, начата подготовка учебных пособий трех уровней – пропедевтического, курс для младших школьников, основного – для среднего звена, обобщающего – для старшеклассников. Особенность курса заключалась и в том, что «воспитание уважения к национальным традициям своего и других этносов, населяющих Адыгею» предполагалось решить «через раскрытие культурного своеобразия народов Адыгеи (адыгов, славян, армян, евреев, греков, курдов и др.)»³. Но разработка курса так и не завершилась, была издана только программа, одобренная республиканским министерством образования.

---

¹ Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев : учеб. пособие для учителей и учащихся ср. школ, ПТУ и техникумов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Нальчик, 2008. – С. 7.

² Hanco M. Адыгская художественная культура. – Майкоп : Адыгея, 2000. – С. 6.

³ Культура народов Адыгеи (1–11 классы). Программа курса. Проект. – Майкоп, 2007. – С. 4–5.

Проблемы этногенеза и древней истории

Широкое распространение в учебных текстах получили тенденции к удревлению истории «своих» этносов, завышению уровня их общественно-политического, социально-экономического и культурного развития, другие формы культурного самоутверждения.

Так, авторы учебника по истории Адыгеи для 6 класса утверждают, что на ее территории «во все времена был культурный центр Западного Кавказа, а часто политический и религиозный». В подтверждение этого они уже во введении сообщают школьникам о том, что именно здесь существовала «самая высокоразвитая в России Майкопская культура», найдена Майкопская плита «с самой древней надписью на территории России», наконец, только на Западном Кавказе имеются дольмены¹. В дальнейшем, приводя легенду «о семитысячелетнем пребывании адыгов в Западной Черкесии», авторы полагают, что подобные факты «вовсе не фантастичны». Более того, в указанных преданиях, по их мнению, вполне мог отразиться и «процесс первичного освоения северных склонов Кавказа» питекантропами 400 тыс. лет назад².

В первых изданиях учебника по истории Кабардино-Балкарии при характеристике Майкопской культуры указывалось, что ее носители «были предшественниками адыгов, балкарцев и других народов Северного Кавказа»³. Это положение вызывало критику рецензентов⁴. В последующем издании носителями Майкопской культуры выступают уже «предшественники абхазо-адыгов»⁵.

Учебники в данном случае следуют за тенденциями в развитии региональной историографии. Современные исследователи отмечают: «Наукообразное мифотворчество, проявляющееся в идеализации далекого прошлого, получило довольно широкое распространение и в историографии абхазо-адыгских народов. Эти коренные народы Северного Кавказа, подобно тюркам имеют богатое и яркое прошлое, не нуждающееся в красивых дополнительных декорациях и в столь модных в наше время преувеличениях и

---

¹ *Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б.П.* История Адыгеи : учебник для 6 кл. – С. 3.

² Там же. – С. 28–30.

³ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик, 2005. – С. 11.

⁴ *Алоев Т.Х.* Повторение ошибок... – С. 154.

⁵ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии. 8–9 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений. – Нальчик, 2011. – С. 9.

гиперболизмах. И тем не менее главные тенденции параистории – “кто древнее”, поиск “великих предков”, “родных” цивилизаций – пронизывают современную паранаучную историографию абхазо-адыгов¹.

Однако подобные тенденции характерны и для выходящих в других регионах Северного Кавказа исторических трудов и учебных пособий. Так, в учебнике по истории ингушского народа Н.Д. Кодзоева первая глава носила название «Протоингушские племена (с древнейших времен до начала нашей эры)». К культурам «протоингушской» этнической общности автор отнес неолитическое поселение Чатал-Хююк (VII–VI тыс. лет до н.э.) в Малой Азии и доиндоевропейскую культуру Балкан V–IV тыс. лет до н.э. Следующая глава называлась «Древненахские цивилизации передней Азии и Апеннинского полуострова». В ней рассматривались цивилизации хурритов, урартов, этрусков, а также «нахский мир Передней Азии и Закавказья после крушения Урарту (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.)». При этом доказывались ингушские корни «древнегрузинского этноса»². Рецензенты отмечают, что основанием «для отнесения всех этих стран и народов к миру древних вайнахов являются случайные языковые, мифологические и этнографические совпадения, рассматриваемые в полном отрыве от исторического контекста»³.

В другом учебнике по истории Ингушетии для 6 класса, подготовленном тем же автором, первая глава носит уже нейтральное название без конкретной этнической привязки «Древнейшие племена Центрального Кавказа». Но при характеристике жизни древних людей эпохи неолита отмечается: «Отрывочные сведения о переходе далеких предков ингушей от охоты и собирательства к животноводству и земледелию сохранились в ингушском нартском сказании»⁴.

---

¹ Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современно этноцентристской историографии Северного Кавказа. – Москва : ИЭА РАН, 2006. – С. 101–102.

² См.: Кодзоев Н.Д. История ингушского народа ...

³ Перевалов С.М. [Рец.]. – URL: <https://www.academia.edu/16200477> – Рецензия на кн.: Кодзоев Н.Д. История ингушского народа: с древнейших времен до конца XIX века : учебное пособие для 7–9 классов общеобразовательных школ. – Магас : Сердало, 2002. – 256 с.

⁴ Кодзоев Н.Д. История Ингушетии. 6 кл. – С. 84.

Аланское наследие в региональных учебниках истории

Споры за «аланское наследие» активно ведутся представителями интеллектуальной и политической элиты ряда северокавказских республик. На него претендуют современные осетины, карачаевцы, балкарцы, ингуши и, в меньшей степени, чеченцы. Борьба за «аланское наследие» приобрела очевидный политический характер, в научных и псевдонаучных дискуссиях широко применяется мифотворчество¹. Элементы мифологизации можно встретить и на страницах учебных пособий.

Так, в учебном пособии для 5–9 классов «История Алании – Осетии» Р.С. Бзарова аланы считаются не просто предками осетин – это и есть осетины, получившие новое название. Один из параграфов так и называется «Присоединение Алании – Осетии к России». Слова «Осетия» и «осетины» в нем рассматриваются как «русское изобретение XVIII в.»²

Интересно отметить, что в одном из предыдущих учебников по истории Осетии, подготовленном Р.С. Бзаровым совместно с ведущим осетинским историком М.М. Блиевым, понятие «Алания» исторически обоснованно используется только до XIV в., применительно к древнему и средневековому периоду истории региона. Для последующего периода истории, начиная с XV в., используется понятие «Осетия»³. Соединением понятий «Осетия» и «Алания» автор учебника фактически закрепляет не просто преемственность, но и полное совпадение осетин и алан, нашедшее отражение в названии республики.

Напротив, Н.Д. Кодзоев поставил своей задачей доказать идентичность аланов и ингушей, утверждая, что первые «никакого отношения к иранцам не имеют», а языковые и исторические данные свидетельствуют об их «нахожычности»⁴. Аланская тема занимает в его учебнике особое место, выступая «связующим звеном между историей прото- (точнее – псевдо-) ингушских цивилизаций

---

¹ См.: Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006.

² Бзаров Р.С. Методические указания к учебнику «История Алании – Осетии». – С. 77.

³ История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. : учебник для ст. кл. ср. шк. – Владикавказ : Ир, 2000.

⁴ Кодзоев Н.Д. История ингушского народа ... – С. 96.

и собственно ингушской достоверной историей»¹. Очевидно, что присвоение прошлого может быть широко использовано для обоснования политических претензий и реализации современных политических проектов.

В учебнике по истории Кабардино-Балкарии также уделяется немало внимания аланскому культурному наследию, в частности указывается на то, что «аланы стали вторым крупным слагаемым в формировании балкаро-карачаевской народности»². В течение семи веков аланы были соседями местных кавказских племен, имели различные связи, что, как полагает М.Д. Бекалдиев, стало основой их сближения³. Автор проводит мысль о том, что и караево-балкарский разговорный язык формировался под влиянием кавказского и аланского субстратов⁴.

Отдельное внимание М.Д. Бекалдиев уделяет многовековым балкаро-осетинским отношениям, их этническому родству, общим элементам хозяйственной и культурной практики, что полагает подтверждением вывода об аланах в качестве общих предков балкарцев и осетин. Разности языковых семей, к которым относятся балкарский и осетинский языки, автор противопоставляет «многие общие слова»⁵. В данном учебном пособии иллюстрируется тезис о полиэтнических основах формирования современных этносов, обогащавших их культуры и влиявших на язык.

Присоединение, вхождение, завоевание?

Во многих учебниках переосмысливаются вопросы присоединения северокавказских народов к России. В учебниках по истории Адыгеи договоры черкесских князей с Россией середины XVI в. характеризуются как установление союзнических отношений, подчеркивается их недолговечность⁶. В том же духе трактует сближение России с народами Северного Кавказа в XVI–XVII вв. учебник по истории Кабардино-Балкарии. В нем подчеркивается обоюдная

---

¹ *Перевалов С.М.* [Рец.]. – Рецензия на кн. : Кодзоев Н.Д. История ингушского народа... – С. 3.

² *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии : учеб. пособие для общеобразовательных учреждений. 8–9 кл. – 8-е изд. – Нальчик : Эльбрус, 2020. – С. 36.

³ Там же. – С. 37.

⁴ Там же. – С. 55.

⁵ Там же. – С. 100.

⁶ *Булгаков С.Ю., Каракаев З.Х.* История Адыгеи, XVI–XVII вв. : учебник для 7 кл. и др.

заинтересованность русского правительства и адыгских князей в установлении добрососедских отношений: «В условиях постоянной борьбы с захватчиками и непрекращающихся междоусобиц адыги, как и другие народы Северного Кавказа, вынуждены были искать покровительства и поддержку извне. Таковую помощь им могла оказать Россия. Это и привело к сближению адыгов с Россией <...> Русское правительство, в свою очередь, стремилось расширить свое влияние на Кавказе. Поэтому оно всячески поддерживало русскую ориентацию среди народов Кавказа»¹.

Немало места в учебнике уделено русско-кабардинскому боевому сотрудничеству в XVI–XVIII вв., выходцам из Кабарды князьям Черкасским, занимавшим «видное положение при царском дворе и в русском правительстве»².

От идеи добровольности вхождения народов региона в состав России отказался и ряд других авторов учебников, приведя факты их «антиколониальных выступлений». Лишь в учебниках по истории Осетии подчеркивается добровольность ее присоединения к России в соответствии с советской историографической традицией. Но и здесь указывается: «Вместе со всеми народами России осетины вступали в борьбу против несправедливости и угнетения <...> В начале XIX века осетины не раз восставали против начальников, которых назначал им царь»³.

Тема Кавказской войны

Одной из наиболее болезненных тем, острые споры о которой из профессиональной историографии перенесены в учебную литературу, является Кавказская война. Память о войне как одном из главных исторических и мемориальных событий в регионе нередко превращается в действенный фактор этнической мобилизации. Она может способствовать сплочению членов одних этнических общностей и разделять их с носителями других культурных традиций.

---

¹ *Бекалдиев М.Д.* История Кабардино-Балкарии : учебник для 8–9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – Нальчик, 2011. – С. 73.

² Там же. – С. 76–86.

³ *Блиев М.М., Бзаров Р.С.* История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. : учебник для старших классов средних школ. – Владикавказ, 2000. – С. 218 ; *Бзаров Р.С.* Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. – С. 44.

В первом учебнике по истории Адыгеи с древнейших времен до конца XIX в. роль адыгов в международных отношениях в XVIII–XIX вв. и собственно Кавказская война рассматривались в восьми параграфах из 38, занимая не менее пятой части всего учебного текста¹. В учебнике по истории Адыгеи для 8 класса данным вопросам посвящены уже две главы из пяти (восемь параграфов из 33, более четверти учебного текста)². В учебнике по истории Чечни они занимают две главы из пяти (13 из 32 параграфов, более 45% общего текста)³. В электронном учебно-методическом пособии по истории Дагестана «Антиколониальная и антифеодальная борьба народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX в.» занимает девять из 29 параграфов (31%)⁴.

В указанных учебниках достаточно подробно рассматриваются дипломатическая борьба России, Турции, Англии за господство в регионе, активизация действий царских войск, ход и формы военных действий на Северном Кавказе в 1817–1864 гг., возникновение и развитие освободительного движения горцев, его этапы, создание имамата Шамиля, а также Сочинского меджлиса, тяжелые последствия Кавказской войны для горцев, их вынужденное переселение в Османскую империю и положение на чужбине. При этом, если в советское время было принято подчеркивать, что не все горские народы участвовали в Кавказской войне, а некоторые, например ингуши, даже помогали русским войскам, то современные учебники стремятся создать представление о чуть ли не едином фронте борьбы северокавказских народов с Россией. Так, одним из важнейших событий Кавказской войны изображается Назрановское восстание ингушей в 1858 г.⁵ Только в учебнике по истории Северной Осетии ничего не говорится о Кавказской войне. Но и в нем отмечается, что осетины не раз поднимали восстания «против царского произвола»⁶.

---

¹ Керашев А.Т., Чирг А.Ю. История Адыгеи : учеб. пособие для учителей 8–9 кл.

² Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.) : учебник для 8 кл.

³ История Чечни (XIX век) / Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Я.З., Асталов В.А., Хасбулатов А.И.

⁴ Ислабдулаев М.А. История Дагестана : электронное учеб.-метод. пособие для учителей. 9 кл.

⁵ Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX века : учеб. пособие для 7–9 кл. общеобразоват. школ. – С. 162–165.

⁶ Бзаров Р.С. Рассказы по истории Северной Осетии, 5 кл. – С. 44.

В объяснении причин войны в большинстве региональных учебников господствует подход, сложившийся в советской историографии и возлагающий ответственность за то, что «изначально дружественные отношения между казаками и западными адыгами» были нарушены, на «своекорыстную политику царизма». Некоторые авторы указывают в соответствии с традицией, что «адыги вели войну не против русского народа, а против царского самодержавия. И в те суровые годы не прерывалось дружеское общение между русскими и адыгами. Многие из простых русских солдат, которых царь гнал на Кавказ, сочувствовали горцам»¹.

Великая Отечественная война и принудительные выселения части народов Кавказа

Достаточно традиционно освещаются в региональной учебной литературе Северного Кавказа события Великой Отечественной войны. Современные оценки оккупационной политики, партизанского движения, сотрудничества с противником жителей региона пока не находят своего места на страницах региональных учебников истории, поскольку мало вписываются в создаваемые учебниками представления о северокавказских народах. Как и прежде, характеристика данных вопросов сводится к показу совместного участия в войне представителей разных национальностей Северного Кавказа в борьбе за победу.

К новым сюжетам в учебниках истории, изданных в Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Дагестан, Чеченской Республике и Республике Ингушетии, по сравнению с учебной литературой, выходившей в советское время, следует отнести вопросы принудительного переселения части народов Северного Кавказа. Авторы всех учебников сходятся в осуждении сталинского руководства за необоснованные жестокие репрессии в отношении целых народов, представители которых совершали подвиги на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Обращает на себя внимание то, что данные материалы представлены в учебных пособиях, изданных в регионах, народы которых подвергались принудительным переселениям. В современных учебниках по истории Северной Осетии – Алании

---

¹ Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х. История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). – С. 76.

никаких упоминаний об этнических депортациях и связанных с ними территориальных изменениях нет¹.

* * *

На протяжении трех с лишним десятилетий в 1990–2000-х годах был издан ряд учебных пособий по истории всех субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Проведенный анализ позволяет считать, что их создание происходило по-разному в различных регионах, но везде потребовало немалых организационных, материальных и финансовых затрат, усилий целых авторских коллективов. В разработке региональных учебников принимали участие преподаватели и научные сотрудники местных вузов, школ и научно-исследовательских институтов.

Национально-региональный компонент был призван закрепить баланс интересов различных субъектов образовательного процесса, предоставив им новые возможности для реализации. Однако его институционализация дала неожиданный результат: национально-региональный компонент оказался средством для реализации собственной политики северокавказских республик в сфере образования, наделив их возможностями участия в формировании региональной идентичности. Немало вопросов вызывает содержание учебников и учебных программ по региональной истории, в которых преобладает материал о титульных этносах, и в значительно меньшей степени представлены вопросы истории регионального и локального уровня, а также сведения о других этнических общностях.

Степень воздействия учебника истории намного выше, чем у профессиональных исторических трудов, предназначенных для узкого круга специалистов. Поэтому от его авторов требуется особая осторожность в оценках и суждениях, адресованных непрофессиональному читателю. Складывающиеся у школьников воззрения могут стать основой для формирования массовых представлений о собственной национальной исключительности, обеспечивая воспроизводство существующих и порождая новые конфликты. Очевидно, что наше общее «непредсказуемое прошлое» и его отражение в школьном историческом образовании должно перестать быть дестабилизирующим фактором развития региона и страны в целом.

---

¹ Кучиев В.Д. История Осетии. XX в. ; Бзаров Р.С. История Алании – Осетии.

ГЛАВА 9

ПАМЯТИ О РЕПРЕССИЯХ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ЧЕТЫРЕ ТЕНДЕНЦИИ

(Д.О. Хлевнюк)

Память о советских и в первую очередь сталинских репрессиях – несомненно один из главных сюжетов в российской коллективной памяти. Множество мнемонических акторов в разных российских регионах, как показывают статьи в данном сборнике, считают советские репрессии актуальным прошлым (*usable past*)¹. В данной главе мы остановимся на основных тенденциях развития этой памяти в регионах до 2022 г. Основным материалом для данной главы стали полевые исследования на Соловецких островах, в Сегеже, Медвежьегорске, Повенце, Магадане, Сусумане, Дебине, Нальчике, Назрани и Перми, проведенные в 2016–2018 гг. В фокусе полевых исследований были музейные экспозиции, в которых освещалась тема репрессий. Помимо видеофиксации экспозиций, проводились интервью с кураторами и сотрудниками музеев. Однако мы рассматриваем музеи шире, чем просто экспозиционный материал; на основе интервью и материалов СМИ мы изучаем музеи как одну из форм инфраструктуры памяти в регионах. Хотя музеи кажутся ограниченной и слишком традиционной формой, представленные в данной главе случаи показывают, что активисты, занимающиеся разными проектами, связанными с памятью о репрессиях, считают важным собрать музейную коллекцию (например, частную), и, наоборот, музейные сотрудники, работающие в краеведческих музеях,

---

¹ См. главу 5 настоящей монографии, написанную О.Ю. Малиновой.

зачастую оказываются активистами, занимающимися темой репрессий в более широком контексте. Более того, музейная экспозиция требует от мнемонических акторов формулирования основных позиций, выделение важного и неважного и в этом смысле является удобным объектом для изучения нарративов памяти. Для соблюдения анонимности респондентов все интервью маркированы лишь датой и местом проведения интервью.

У выбранного метода есть определенные ограничения. Во-первых, полевые исследования проводились в определенное время. Возможно, часть наблюдаемых нами явлений уже становятся исключительно историческими фактами, не имеющими отношения к нынешнему положению дел. Во-вторых, данный метод в меньшей степени отражает политику памяти региональных и локальных властей, а в большей – работу локальных мнемонических акторов. В-третьих, несмотря на значимость музеев в региональной политике памяти, это не единственная форма работы с прошлым. Прежде чем мы перейдем к полученным результатам и описанию тенденций работы с историей репрессий в российских регионах, вкратце опишем федеральный контекст.

Государственная позиция по этому вопросу неоднозначна. Если ранее можно было говорить о неопределенности государственной политики в отношении советских репрессий, то в последний год мы видим, что эта память для государства является скорее нежелательной. Наиболее символически значимое НКО, занимавшееся памятью о репрессиях, – общество «Мемориал»¹, прекратило свое юридическое существование. Исчезают и региональные отделения, которые были отдельными юридическими лицами, к примеру, в апреле 2022 г. начался процесс ликвидации Пермского отделения Мемориала. Резонансное дело карельского историка Ю.А. Дмитриева, обнаружившего в 1990-е годы место массового захоронения жертв репрессий Сандармох, в 2018 г. было закрыто, затем вновь открыто, а в декабре 2021 г. Дмитриев был приговорен к 15 годам колонии строгого режима². Означают ли все эти сигналы полную маргинализацию темы репрессий, пока судить рано. До 2022 г. государственные структуры поддерживали хрупкий баланс.

---

¹ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

² Стоит ли говорить, что отбывать тюремный срок он должен в колонии рядом с Беломорско-Балтийским каналом. Перед арестом он занимался поиском захоронений каналармейцев.

К примеру, В.В. Путин посещал в 2007 г. Бутовский полигон, Д.А. Медведев выступал в поддержку необходимости увековечения памяти о жертвах репрессии и создал федеральную программу, был установлен памятник жертвам репрессий в Москве (впрочем, «живым» местом он так и не стал, гражданские ритуалы поминовения по-прежнему проводятся около Соловецкого камня), московский музей истории ГУЛАГа переехал в новое здание и успешно развивался последние 10 лет.

Во время сбора полевого материала многие из тревожных сигналов последнего времени еще не поступили, местные акторы работали в ситуации неопределенного отношения к теме со стороны федеральных властей. Поэтому региональная составляющая, несомненно, являлась одним из ключевых факторов развития политики памяти о репрессиях. Как показывают интервью с экспертами, собранные в рамках данного проекта, работа мнемонических акторов периодически сталкивается с открытым или скрытым сопротивлением региональных властей или других акторов.

Помимо политического аспекта, о котором мы будем писать ниже, важны и география, и локальная история репрессий. В данной главе мы обратимся к памятям о репрессиях, формируемым в разных российских регионах. Географические различия в памяти о репрессиях неудивительны. Репрессии повлияли на регионы по-разному: в каких-то расположили множество лагерей, откуда-то сослали целые народы, где-то жизнь региона практически поддерживалась заключенными. С другой стороны, и жизнь после репрессий была неодинаковой. Поздний советский и постсоветский периоды сформировали разные представления о прошлом в связи с новыми проблемами и политическими вызовами.

Хотя исследований отдельных кейсов региональной памяти о репрессиях не так мало¹, сравнительных исследований регионов практически не существует. Фактически это означает, что существуют только исследования национальной (зачастую госу-

---

¹ См., например, *Дорман В.* От Соловков до Бутово: Русская Православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium. Журнал социальных исследований.* – 2010. – № 2. – С. 327–347; *Bogumil Z. Stone, cross and mask: Searching for language of commemoration of the Gulag in the Russian Federation* // *Polish Sociological Review.* – 2012. – Vol. 177(1). – P. 71–90; *Смаф В.* Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // *Вестник Томского государственного университета.* – 2018. – № 428. – С. 183–187; *Barenberg A.* Gulag town, company town: Forced labor and its legacy in Vorkuta. – New Haven : Yale University Press, 2014.

дарственной, федеральной политики памяти) и разрозненные описания локальных акторов. Данная книга, таким образом, в первом приближении заполняет сформировавшуюся лакуну сравнительных исследований региональных политик памяти. Отчасти схожую проблему решает недавно вышедшая на английском языке книга З. Богумил¹, однако, и она охватывает лишь несколько регионов, а также сфокусирована, скорее, на позднесоветском и раннем постсоветском этапе становления этой памяти – «карнавале памяти», как исследовательница называет этот период в книге. Данная глава не может претендовать на полноценное сравнение всех российских регионов. Мы сфокусируем внимание на одном из типов инфраструктуры памяти² – региональных музеях и мнемонических акторах, работающих в этих музеях и с ними. Более того, ни существующие исследования, ни эта глава не могут претендовать на описание памяти о всех видах репрессий, применявшихся в СССР. Под репрессиями в широком смысле следует понимать и политические преследования, и классовые и национальные чистки, и депортации.

Сетевая память

Часть мнемонических акторов в России выстраивают межрегиональные сети. Стоит отметить исторические общества (Российское военно-историческое общество и Российское историческое общество)³, Русскую православную церковь⁴, а также сеть исторических парков «Россия – моя история»⁵. Эти сети занимаются раз-

---

¹ Bogumil Z. *Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past*. – New York : Berghahn Books, 2018.

² Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. – New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994.

³ Лапин В.В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 74–95.

⁴ Аникин Д.А. Конфессиональный музей как институт политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 162–171.

⁵ Казьмина В.П. Исторические парки «Россия – моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 172–187.

ными историческими темами, в том числе и историей репрессий¹, однако она не является для них центральной. Существуют и сети мнемонических акторов, чье внимание сфокусировано на памяти о советском государственном терроре.

Первой такой сетью, конечно, была сеть уже упомянутого общества «Мемориал»². Общество было создано бывшими политзаключенными и их наследниками (в том числе символическими). Увековечение памяти именно политических заключенных было основной целью деятельности общества, соответственно, репрессии трактовались преимущественно как политические преследования. Однако со временем эта сеть постепенно распалась. Заметные региональные отделения Мемориала зачастую работают благодаря одному-двум людям – к примеру, В.А. Ханевичу в Томске (также директор музея «Следственная тюрьма НКВД») или А.А. Бабию в Красноярске. В центральных отделениях в Москве и Санкт-Петербурге больше сотрудников – там работают не только основатели общества, но и немало представителей молодого поколения.

Музей истории ГУЛАГа в Москве сформировал вокруг себя Ассоциацию музеев памяти³. Отчасти целью создания этой сети была необходимость «арендовать» экспонаты для экспозиции московского музея. Когда музей только открылся в новом здании в 2015 г., в его коллекции практически не было подлинных предметов. Однако деятельность ассоциации гораздо шире, чем просто обмен экспонатами. Начиная с 2017 г. музей проводит семинары для членов ассоциации. На них собирается порядка 20 кураторов и сотрудников музеев из разных регионов: Магаданская область, Якутия, Архангельская область, Карелия, Ингушетия и т.д. На семинаре участники рассказывают про свои музеи и проекты, а также слушают приглашенных лекторов, в том числе по истории, музейному делу, музейной педагогике, использованию интерактивных технологий. Сложно сказать, формируется ли на встречах ассоциации какой-то единый нарратив о репрессиях. Однако обмен информацией и обучение сотрудников служат значительной поддержкой для региональных музеев.

---

¹ Например, она появляется в парках «Россия – моя история», см.: *Klimenko E.V. Politically Useful Tragedies: The Soviet Atrocities in the Historical Park(s) "Russia–My History" // Problems of Post-Communism. – 2021. – P. 1–13.*

² Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

³ Сайт Ассоциации музеев памяти. – URL: <http://memorymuseums.ru/>

На региональном уровне существуют неформальные сети. К примеру, в Карелии центром памяти о репрессиях многие считают Сандармох – массовое захоронение расстрелянных жителей Карелии, заключенных Белбалтлага и Соловецкой тюрьмы. Ю.А. Дмитриева, историка, нашедшего захоронение в Сандармохе, и автора книг памяти, в регионе считают одним из ведущих специалистов по репрессиям. До того, как было возбуждено против него уголовное дело¹, он поддерживал связь с разными музеями в регионе. Аналогично, И.А. Паникаров, активист в Магаданской области и создатель одного из самых известных частных музеев о репрессиях в России, поддерживает музеи в Сусумане и Дебине: делится информацией, помогает с артефактами. Таким же узлом в региональной сети был музей «Пермь-36» до передачи его под контроль региональной администрации. История музея, как и его перехода в ведение регионального правительства, со всеми сопутствующими проблемами хорошо описана как журналистами, так и исследователями². Мы упоминаем ее здесь лишь вкратце, поскольку в данной главе мы обсуждаем один аспект деятельности музея – сеть вокруг него.

Музей «Пермь-36» создали историки из Перми, В.А. Шмыров и Т.Г. Курсина. Хотя «Пермь-36» обычно называют музеем, в каком-то смысле это скорее заповедник. Наиболее ценный экспонат в музее – лагерные здания, в особенности бараки, сохранившиеся со сталинского времени. Музей вел активную деятельность, организовал не только программы по исторической тематике, но и гражданский форум «Пилорама». Однако в 2013 г. пермский министр культуры принял решение сделать музей государственным (до этого краевая администрация выделяла половину финансирования музея, но не претендовала на управление). Сначала директором музея назначили Т.Г. Курсину, но позже ее уволили. С тех пор

---

¹ Дело Дмитриева в СМИ // Общество Мемориал. – URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/delo-dmitrieva-v-smi/> (запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента).

² См. например: *Анке Г.* Расколота память: отражение конфликта вокруг «Мемориального центра Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13(3) – С. 363–376 ; *Williams P.* Treading Difficult Ground: The Effort to Establish Russia's First National Gulag Museum // National Museums and the Negotiation of Difficult Pasts: Conference Proceedings from EuNaMus; European National Museums: Identity Politics; the Uses of the Past and the European Citizen. Brussels 26–27 January 2012: EuNaMus Report No 8. – Linköping University Electronic Press, 2012. – P. 111–121.

создатели музея не имеют к нему никакого отношения. О причинах можно лишь гадать: смена губернатора, давление гражданских движений (движение «Суть времени» С.Е. Кургиняна активно выступало против музея), слухи о возможном щедром финансировании музея из центра¹.

Основная работа с самого начала заключалась в том, чтобы отреставрировать эти здания. В ней активно участвовали волонтеры, в том числе учителя, студенты и школьники. Так как оба создателя музея работали в Пермском педагогическом университете, у них были обширные связи среди учителей области (впоследствии – Пермского края). Отчасти благодаря этому получилось наладить постоянный поток экскурсионных групп из всего региона. С учетом расположения лагеря это было важным фактором его выживания.

Помимо непосредственной экспозиционной деятельности и работы с посетителями, в «Перми-36» организовывали просветительские проекты для сотрудников музеев и учителей.

«С учителями мы придумали проект – конкурс. «Лучший урок истории». Давайте на эту эпоху посмотрим под другим... другой оптикой посмотрим. И эти мысли были высказаны при Даниэле – на наших сборищах, при Самодурове – он тогда руководил центром Сахарова. И очень удачно, на третий или четвертый год нашего конкурса «Лучший урок истории»... А это были семинары. Лучшие преподаватели края были членами комиссии. Учителей мы собирали с территории края и их четыре раза по два дня – жили все в Кузино – они, все эти учителя, встречались с членами комиссии, и члены комиссии учили их тому, как посмотреть на этот пласт истории. Какова новая литература, где и какие проблемы, как строить их версии того, как нужно интерпретировать, что значит осознать эту историю. А к концу четвертой встречи двухдневной учителя уже предлагали свои варианты уроков. И эта комиссия, которую прекрасно все знали, она оценивала, аргументировала, награждала и так далее» (интервью, Пермь, октябрь 2016).

Постоянно действующий музей, который взял на себя функции образовательного центра не только для школьников и студентов, но и для преподавателей, позволил значительно расширить общественную дискуссию о репрессиях в регионе. Учителя, включенные в сеть, готовили свои проекты с учениками, ученики участ-

---

¹ Рачева Е. Реванш кума // Новая газета. – 2014. – 07.07. – URL: <https://content.novayagazeta.ru/posts/2014/07/07/60235-revansh-kuma?amp=true>

вовали в творческих конкурсах. Тема репрессий активно изучалась и обсуждалась. Учительница истории в одной из школ Перми вспоминала этот период так:

«И вот это меня все время вдохновляло на какие-то идеи, на уроках мы часто работали с документами по той эпохе, плюс участвовали в конкурсе «Сопrotивление несвободе в СССР» и так далее. Там уже с Фондом Сахарова работа была связана, даже в Москву ездили с коллегой как победители. Кроме того, что было интересно: она на все семинары собирала ... таких людей, преподаватели и из Москвы съезжались. Она даже наладила контакты с немцами, они приезжали, и нам было очень интересно: а как они преподают болевые точки своей истории. Как преподавать время Гитлера, чтобы комплекс неполноценности не сформировать. И было очень интересно их слушать. Я очень жалею, что всего этого нет сейчас. ... Потом я на все эти фестивали типа «Пилорамы» ездила. Проект, когда они оперу там ставили. Ну, это вообще уникальные просто проекты. Я восхищаюсь тем, как они работали. А потом пошла волна «Хватит говорить про негатив, заткнитесь же вы, наконец». Вот она пошла такая волна, и, видимо, она нас стала подминать, мы стали реже об этом говорить. Потом вдруг стали из учебников убирать слово «тоталитаризм». Если мы возьмем историко-культурный стандарт, там этого слова нет. А историко-культурный стандарт – это перечень терминов, которые мы должны знать» (интервью, Пермь, октябрь 2018).

После смены власти в музее сеть, раньше связывавшая музеи и школы региона, порвалась. Тема репрессий начала восприниматься как опасная, у учителей стало меньше ресурсов, позволявших работать с учениками по этой теме. Репрессии почти перестали быть объектом школьных исследовательских работ.

Без привлечения федеральных ресурсов на поддержку памяти о репрессиях и инфраструктуры этой памяти региональные акторы располагают очень ограниченными возможностями для своей работы. Это касается в первую очередь материальных ресурсов, но также и информации, доступа к аудитории; знаний и навыков работы с аудиторией и с памятью тоже часто недостаточно. Федеральные и региональные сети отчасти позволяют решить эту проблему. Акторы могут обмениваться информацией, узнавать о происходящем в других регионах или в соседних городах, перенимать опыт, организовывать совместные проекты. Исчезновение сети может привести к ослаблению памяти о репрессиях в регионе, как случилось в Пермском крае после смены руководства в музее Пермь-36.

Противостояние памяти: Соловки

Соловецкие острова в ландшафте российской политики памяти уникальны. Географически они находятся на периферии, но символически – одно из центральных мест памяти о советских репрессиях. История репрессий на островах одна из самых давних в России. Лагерь на Соловках, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), – один из первых лагерей советской системы, из СЛОНа во многом выросла система ГУЛАГа. Впрочем, тюремная история на Соловках гораздо старше Советской власти. Как и многие монастыри, Соловецкий монастырь использовался в царской России в качестве политической тюрьмы. Традиция продолжилась и в первые годы после революции, когда на острова ссылали преимущественно политических противников, представителей бывшей элиты и священнослужителей разных конфессий. Лагерь был закрыт уже в 1930-е годы. Во время войны на Соловках работала школа юнг. Позже, еще в советское время, Соловки стали музеем-заповедником, а в 1989 г. здесь открылась первая экспозиция, посвященная лагерю. Соловки стали символом первых лет советских репрессий, в том числе благодаря романам Захара Прилепина «Обитель» и Евгения Водолазкина «Авиатор». Первыми главными памятниками жертвам репрессий в Москве и Санкт-Петербурге стали валуны, привезенные активистами с Соловецких островов – те самые Соловецкие камни. В Москве основной ритуал поминовения жертв репрессий – «Возвращение имен» – проходит у Соловецкого камня.

На протяжении последнего десятилетия на Соловецких островах разворачивается противостояние *памятей*: монастырь, постепенно захватывающий все больше пространства, как материального, так и символического, против «гражданских»¹. Для памяти о репрессированных православных Соловки – одно из главных «мест силы». Другим таким местом является Бутовский полигон в Московской области². В числе новейших значимых локаций из этого ряда – Храм Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на крови в Москве, построенный не так давно в Сретенском

---

¹ Шторн Е., Бутейко Д. Борьба за ограниченное пространство памяти на Соловках // Неприкосновенный запас. – 2016. – № 4. – С. 232–248.

² Махотина Е. Религиозный язык памяти: Россия в европейском контексте // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – С. 144–161.

монастыре. В этой триаде Соловки, несомненно, являются ключевым элементом. Неудивительно, что Соловецкий крест, установленный в Бутове, везли с Соловков крестным ходом – для укрепления символической связи между двумя пространствами¹.

«Православной» трактовкой репрессий мы называем культ новомучеников. Новомученики, то есть православные (священнослужители и верующие) представлены основными жертвами репрессий. Согласно нарративу РПЦ, их страдания и мученичество спасли Россию и позволили православию возродиться в постсоветское время. Культ новомучеников стал активно формироваться уже с 1989 г., когда была создана Синодальная комиссия по канонизации святых. До 2011 г. ее возглавлял митрополит Ювеналий. За это время к лику святых были причислены 1866 человек, среди которых 1776 новомучеников и исповедников Российских². Похожие процессы происходили и в других религиях и церквях, однако среди своих восточноевропейских соседей РПЦ стала несомненным лидером³. Представители комиссии, в том числе митрополит Ювеналий, подчеркивали, что за основу критериев канонизации были взяты критерии канонизации мучеников в Древней Церкви. Однако они были доработаны с учетом специфики советских репрессий.

В культе новомученников нет места для нерелигиозных жертв и даже жертв других религий. Прописанный по лекалам культа христианских мучеников, он переформулирует память о репрессиях в терминах мученичества и геройства. Идеальным примером репрезентации этого культа является так называемая «монастырская» экспозиция на Соловках. Соловецкий музей – очень большой, фактически он охватывает несколько Соловецких островов, а на Большом Соловецком острове – несколько мест, включая Секирную гору и, конечно, сам Соловецкий монастырь. В монастыре установлены стенды (или планшеты, как их называют музейные сотрудники) с фотоматериалом. Эту выставку подготовила 10 лет назад Антонина Сошина, одна из первых сотрудниц музея. Эти стенды целиком и полностью посвящены православным на Соловках.

---

¹ Bogumil Z., Moran D., Harrowell E. Sacred or Secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // *Europe-Asia Studies*. – 2015. – Vol. 67(9). – P. 1416–1444.

² Синодальная комиссия по канонизации святых // Официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/65980.html>

³ Christensen K. *The Making of the New Martyrs of Russia: Soviet Repression in Orthodox Memory*. – New York : Routledge, 2017.

Фотографии на стендах показывают угнетение и разорение церкви: расстрел монахов, конфискацию церковных ценностей, вывоз колоколов и икон, сожжение храмов или их перестройку под другие нужды. В этом контексте повсеместного разрушения рассказывается история Соловецкого монастыря.

«К 1920 году Соловецкий монастырь был одним из самых известных и почитаемых в России, велик был его духовный авторитет. В монастыре было 9 скитов и пустыней, 20 храмов и 32 часовни, одна из богатейших монастырских сокровищниц, прекрасно налаженное хозяйство и проживало более 570 насельников. Ежегодно на остров приезжали тысячи паломников, чтобы поклониться глубоко чтимым в России Соловецком Святым. 20 апреля 1920 года на Соловки прибыла в сопровождении отряда красноармейцев советская комиссия во главе с М.С. Кедровым, пробывшая на островах три дня и оставившая трагический след в истории монастыря» (Экспозиция, Соловки).

В результате этого приезда все имущество монастыря было конфисковано, а на территории монастыря были образованы лагерь принудительных работ и совхоз «Соловки». Экспозиция сообщает, что большая часть насельников монастыря остались на островах: «Оставшиеся работали вольнонаемными и при лагере, считая, что по-прежнему состоят в послушании у монастыря и глубоко веря, что придет время, когда их Святая обитель воскреснет» (экспозиция, Соловки). Мы видим здесь типичный нарратив мученичества. Хотя власть была чужда, необходимо было сохранить святое место, поэтому насельники остались: выполнять свой православный долг.

В экспозиции упоминается, что состав заключенных был пестрым: «...представители дворянства, старой интеллигенции, священнослужители всех конфессий, участники Белого движения, уголовники» (экспозиция, Соловки). Однако акцент делается именно на православных заключенных. «Соловки стали местом ссылки многих иерархов Русской Православной Церкви. Уже к концу 1925 года в лагере было около 140 представителей православного духовенства» (экспозиция, Соловки). Отдельно отмечается, что авторитет именно заключенного на Соловках духовенства был очень высок, в том числе благодаря составленной ими «Памятной записке Соловецких епископов, представленной на усмотрение правительства». Экспозиция интерпретирует и этот текст в рамках общей идеи мученичества и спасения церкви: «Документ преисполнен непоколебимой твердостью во всем, что касается собственно

церковной жизни, чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в своем мнении, “обращение” отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному назначению» (экспозиция, Соловки). Мотив безбоязненности и твердости продолжается и применительно к другим священнослужителям, отбывавшим срок на Соловках. Экспозиция повествует о том, как они пытались сохранять церковную жизнь, несмотря на тяжелые условия, а с какого-то момента и полный запрет не только на службы, но и на церковную символику. Свой мученический долг, согласно текстам в экспозиции, исполняли не только священнослужители, но и миряне: «В горячем порыве веры взяли они свой крест и, страдая, последовали за Спасителем» (экспозиция, Соловки).

Инфраструктура памяти о новомучениках на Соловках значительна. Помимо описанной экспозиции, с участием монастыря и музея в 2010 г. была подготовлена передвижная выставка о соловецких новомучениках. Ее показывали в Архангельске, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Севастополе (осенью 2014 г.), в Нижнем Новгороде, Туле, Орле и других городах. Сотрудники музея готовили отдельную экспозицию, посвященную биографиям новомучеников, и собирались разместить ее в центральном комплексе монастыря, в ризнице. Музей сотрудничает с паломнической службой монастыря: предоставляет информацию, методические материалы. По словам одного из сотрудников музея, маршруты музейных и паломнических экскурсий по островам практически не отличаются. Но в паломнических экскурсиях больше внимания уделяется религиозному аспекту, участники проводят молебны. Такое единение двух экскурсионных бюро по-своему уникально для острова. Экскурсоводов из бюро «Независимые гиды», которое создал соловецкий бизнесмен О.Е. Кодола, на лекции и встречи в музее не зовут.

Число экскурсий, сфокусированных на ГУЛАГе, сокращено, предпочтение отдается экскурсоводам, которые придерживаются «православных» трактовок. На территории острова можно встретить, к примеру, два креста в память о погибших на Соловках рядом друг с другом: один – в память о новомучениках, второй – обо всех погибших вообще. На Секирной горе, в храме, где находился штрафной изолятор – самое страшное место на острове, в связи с реставрацией уничтожили почти все надписи заключенных (судя по всему, остались лишь те, которые не мешали восстановлению функций храма). Именно в этом храме Марина Голдовская, режиссер фильма «Власть Соловецкая», первого документального фильма

о лагере на Соловках, нашла письма заключенных, которые она зачитывает в начале своей ленты. Некоторые надписи заключенных, судя по всему, сфотографировали, но в храме они не сохранились. Храм отреставрирован, чтобы в нем можно было вести службы, и теперь его украшают иконы новомучеников. Реставрация храма очень символична: храм несет память о жертвах репрессий, но только о новомучениках.

Против монастырской трактовки истории репрессий выступают несколько акторов, в том числе О.Е. Кодола¹, владелец туристической базы и бюро экскурсоводов на островах. В экскурсиях его бюро представляется несколько иная картина взаимодействия монастыря и советской репрессивной машины. Эта версия памяти имеет несколько опорных аргументов. Во-первых, Соловецкий монастырь значительную часть своей истории исполнял и тюремную функцию. «Сюда направляли по решению церковного суда злостных сектантов, с точки зрения суда, естественно, еретиков, расстриг. Позже – старообрядцев и раскольников, когда реформа Никона прошла. Кроме этого, отправляли сюда политических заключенных по специальным указам правящей фамилии» (Экскурсия, Соловки, июль 2017). Этот факт наталкивает на сопоставление СЛОНа и монастырской тюрьмы, и не всегда в пользу последней – к примеру, смертность, по мнению одного из гидов, в монастырской тюрьме была выше (вопрос о возможности таких сравнений оставим за скобками). Во-вторых, уже в монастырской тюрьме практиковалось использование заключенных на хозяйственных работах. В-третьих, сами «тюремщики» не отличались добротой к заключенным. В-четвертых, оставшиеся на островах после прихода советской власти монахи сотрудничали с лагерным руководством, работали на него и получали за это вознаграждение, вплоть до 1930-х годов. То есть отношения между новой властью и монахами были хорошие. Наконец, благодаря хорошим отношениям с администрацией, монахи могли помогать православным священникам, в том числе устраивать их на более легкие и «хлебные» работы.

Эти идеи отчасти связаны с теорией Соловков как отражения истории всей России, которую последовательно выстраивает Ю.А. Бродский, фотограф, соавтор первой экспозиции о СЛОНе на

---

¹ Погиб в автомобильной катастрофе 23.09.2022 г.

Соловках и автор книг про острова¹. В его книге веки развития монастыря неразрывно связаны с эпизодами насилия: грабежи местного населения, уже упомянутая монастырская тюрьма, жестокое обращение с самими монахами. Такая трактовка явно противостоит нарративу о «новомучениках». Соловецкие мученики в ней предстают соучастниками репрессий, продолжающими многовековую традицию насилия в монастыре.

Второй сюжет, который Бродский развивает в своей книге, – это экономическая сторона монастырской жизни. В его описании жизни монастыря явно прослеживается постоянный мотив наживы. Монастырь жил богато и мог принимать бандитов, если они приносили прибыль. Довольно рано монастырь наладил паломнические «туры» и получал прибыль с них. Совершенно очевидны здесь отсылки к современному состоянию, когда монастырь также – ключевой экономический игрок на островах, конкуренцию с которым довольно тяжело выигрывать.

Рост значения монастыря, судя по сообщениям некоторых СМИ, беспокоит местных жителей. Тот же Кодола, главный критик проводимой на островах политики, в интервью журналистам отмечал, что восстановление деятельности в скитах фактически приводит к ограничению доступа для туристов – если такая же ситуация будет и в самом монастыре, это серьезно ударит по бизнесу². В результате оппозиционно настроенные акторы памяти конструируют альтернативные нарративы, в которых монастырская история перестает выглядеть героической.

Конфликт на Соловецких островах связан с категоризацией жертв репрессий³. Практически ни в одном из регионов России не говорят обо всех жертвах репрессий. Обычно акторы памяти выделяют категорию жертв, память о которых они будут увековечивать. Другие жертвы осознанно или неосознанно оказываются за рамками работы памяти. Так, православное сообщество вокруг монастыря и РПЦ считают себя наследниками православных жертв Советского режима. Соответственно, и сама история репрессии трактуется ими как история преследования верующих. Такая трак-

---

¹ Бродский Ю. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. – Москва : РОССПЭН, 2002 ; Бродский Ю. Соловки. Лабиринт преображений. – Москва : Новая газета, 2017.

² Перцев А. Архипелаг недоверия // Коммерсант. – 2017. – 29.11. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3474494>

³ Khlevnyuk D. Victims' Categorizations: Making Sense of Purges in Karelia and on Solovki // Laboratorium. – 2018. – № 10(2). – P. 122–133.

товка позволяет укреплять веру, показывая, что за веру люди были готовы идти в лагерь и отстаивали эту веру в повседневной жизни в заключении. В этом смысле данный нарратив работает так же, как работали и истории о древнехристианских мучениках.

Отделение Мемориала¹ в Санкт-Петербурге, активно работающее на Соловках, напротив, интересуется преимущественно политическими жертвами. Не зря оба Соловецких камня, вывезенных обществом «Мемориал» и установленных в Санкт-Петербурге и в Москве, – памятники жертвам политических репрессий.

Теоретически память о разных категориях жертв может мирно сосуществовать в одном пространстве, как она сосуществует на Аллее памяти на Соловках – небольшой площади на территории бывшего монастырского кладбища (ныне улица Павла Флоренского), на которой стоят памятники разным жертвам, в том числе представителям разных национальностей. Или, до недавнего времени², в Сандармохе, в Норильске или на Левашовском кладбище, где так же установлены разные памятники и религиозные знаки разных конфессий. Однако на Соловках постоянное увеличение пространства памяти о новомучениках вытесняет память о других жертвах. Увеличение числа экспозиций и выставок о новомучениках и одновременное увольнение сотрудницы, занимавшейся историей лагеря (в результате этой темой в музее никто не занимается), рост числа экскурсий, посвященных новомученикам, назначение наместника монастыря директором музея, закрытие скитов для посетителей – все это приводит к появлению альтернативных нарративов об истории островов. Эти трактовки деконструируют героический, мученический образ монастыря и православного сообщества и разными способами – в том числе обращаясь к православной этике – критикуют его деятельность на протяжении всей истории и в особенности во время репрессий.

---

¹ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

² В последние годы Российское военно-историческое общество ведет раскопки в урочище, чтобы доказать, что в нем захоронены советские солдаты, жертвы финской армии. См.: *Тумакова И.* Незванные кости // Новая газета. – 2019. – 15.08. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/15/81609-nezvanye-kosti>

Наследие лагерной индустрии. Беломорканал и Колыма

В 1930-е годы система лагерей росла: увеличивалось количество заключенных, расширялся функционал. Беломорско-Балтийский канал был одним из первых экономических мега-проектов, которые должны были исполнить заключенные. В отличие от Соловецких лагерей, работы на канале были значительно тяжелее. Вдоль канала заключенными же были созданы предприятия. Некоторые из них продолжают работать и теперь, в том числе, к примеру, Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат. Среди крупных проектов, в которых активно использовался труд заключенных, выделяется фактическая колонизация Колымы заключенными Севвостлага под управлением Дальстроя. Освоение Колымы было необходимо для разработки месторождений полезных ископаемых, в первую очередь золота и олова. Но тяжелые климатические условия и неприспособленность региона сделали Колыму именем нарицательным, описывающим ужасы лагерной системы.

Память о репрессиях в таких регионах тесно связана с памятью об индустриальном развитии. Заметим, впрочем, что даже с учетом того, что лагерная история оказывается связана с историей освоения или развития региона, она необязательно становится осевой в его политике памяти. Об этом свидетельствуют и интервью с экспертами по регионам Дальнего Востока¹, аналогичная ситуация и в Норильске. Карелия, а именно города вдоль Беломорканала – яркий пример связи памяти о репрессиях и истории экономического развития. В поселке Повенец, в одном из административных зданий нынешнего управления канала был устроен небольшой музей истории канала. Его создатели – беломорканальская семья. В окружающих музеях считают, что коллекция в ведомственном музее интересная, ведь кураторам был доступен архив канала. Впрочем, на обычного посетителя музей вряд ли произведет сильное впечатление. Он занимает всего одну не очень большую вытянутую комнату; множество материалов, фотографий и документов, представленных в ней, – копии. Обычно в музей можно попасть с экскурсией, которую ведет его хранительница. Основной акцент в экскурсии поставлен на необходимости строительства канала. Хранительница объясняет, что у строительства канала было три

---

¹ См. гл. 4 настоящей монографии, написанную Д.В. Ефременко.

задачи. Во-первых, технико-экономическая (разгрузка железной дороги). Во-вторых, военно-политическая:

«И вы знаете, что нам нанесли наши “друзья”, американцы, французы, англичане, норвежцы, ну и наши белогвардейцы? Весь флот наш ушел туда. И знаете, что делали наши друзья? Увозили все, что только можно. Убивали всех, кого можно. Грабили, разрушали. ... И мы оставили Север незащищенным. Ну осталось несколько каких-то кораблей. После гражданской войны мы голодные, разутые, раздетые, безграмотные, даже читать-писать не умеем. А уже 1920 год, что делают норвежцы с англичанами? Выходят в Белое море и грабят, никаких законов. ... И мы себя защитить не могли. Норвежцы с Англией заключают договор. Нас не признают, нашу молодую советскую державу. ... И когда мы сделали маломальскую военную защиту на севере, норвежцы уже в 1933 году заключают с нами договор и признают нас как молодую советскую державу». (Экскурсия, Повенец, июль 2017).

И, наконец, социально-политическая:

«Знаете, что он [Сталин] сказал? Если мы не построим канал, сказал Сталин, нас отбросят на 50–100 лет, а слабых всегда бьют. Мы покажем. Пусть мы такие вот бедные, но мы канал будем строить». (Экскурсия, Повенец, июль 2017).

В некоторых других музеях региона необходимость строительства канала тоже не ставится под сомнение. В Медвежьегорском музее на экскурсиях рассказывали про канал как экономический толчок развития региона, индустриализации («а не сидели мы хуторским образом жизни»), как решение важной стратегической проблемы соединения двух морей. Однако обсуждалась и цена строительства канала: могут ли все «плюсы» канала перекрыть «минусы»? В музее в Повенце ответ однозначен – да, могут. Меньшинство пожертвовало собой ради большинства, ради «молодого советского государства».

Историки скептически относятся к «эффективности» Беломорканала. Хотя во время войны финское руководство считало канал одним из стратегических объектов¹, в мирное время его использование давало сравнительно скромные результаты. Он нико-

---

¹ *Morukov M. The White Sea-Baltic Canal // The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / ed. Gregory P.R., Lazarev V. – Stanford : Hoover Institution Press, 2003. – P. 159.*

гда не использовался на полную мощность: в 1940-е – на 44%, в 1950-е – на 20%¹. Уже через несколько лет после окончания строительства специалисты обсуждали возможность создания параллельного канала для крупных судов². Однако в музее в Повенце успешность строительства не ставится под сомнения. Хранительница музея в курсе критики канала, однако считает все это мифами, которые в музее необходимо опровергать.

В своей классификации музейных экспозиций, посвященных лагерям ГУЛАГа, И.А. Флиге и А.Ю. Даниэль выделяют тип «Ура, построили!»³. Эти экспозиции следуют классическому советскому канону, прославляющему «великие стройки социализма». Труд заключенных в таких экспозициях героизируется⁴. Экспозиция в Повенце идеально вписывается в эту категорию: прославление труда и жертвы ради Родины, особое внимание инженерным решениям и даже примитивным инструментам (подчеркивающим подвиг трудившихся). Использование труда заключенных, их неправомерное заключение здесь не замалчивается, а скорее оправдывается. Все средства хороши ради защиты Родины против внешнего врага. Такая интерпретация не уникальна, о чем свидетельствуют и типология Флиге и Даниэля, и анализ предыдущей экспозиции московского музея ГУЛАГа и парков «Россия – моя история»⁵.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в Магаданской области. Города и поселки созданы лагерной системой в регионе. В результате отношение к ней сложное: жители одновременно понимают ужасы репрессий, но и восхищаются результатами, достигнутыми в это время в регионе. Активисты и кураторы предпочитают не называть Колымские лагеря ГУЛАГом.

---

¹ *Khlevniuk O.* The Economy of the OGPU, NKVD and MVD of the USSR, 1930–1953 // *The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag* / Ed. by P Gregory, V. Lazarev. – Stanford : Hoover Institution Press, 2003. – P. 159.

² *Joyce C.* The Gulag in Karelia. – Stanford : Hoover Institute Press, 2003. – P. 167.

³ Даниэль А., Флиге И. Тачка, кирка, лопата: концепции музейной подачи принудительного труда // *История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память* / отв. ред. Л. Бородкин, С. Красильников, О. Хлевнюк. – Москва : РОССПЭН, 2013. – С. 384–396.

⁴ *Flige I.* Visualizations of Soviet Repression and the Gulag in Russian Museums: Common Exhibition Models // *Problems of Post-Communism*. – 2021. – P. 1–14.

⁵ Гизен А., Завадский А., Кравченко А. Между рабским трудом и социалистическим строительством. Заметки о том, как в экспозициях некоторых российских музеев репрезентирован труд заключенных Гулага // *Новое литературное обозрение*. – 2016. – № 6. – С. 26–44.

«Разные вещи, потому что ГУЛАГ... Дальстрой был намного выше по своей значимости и по весу в НКВД, чем ГУЛАГ. И получал финансирование на порядок больше, чем ГУЛАГ. Особая статья у них была у Дальстроя, Севвосталаг. ГУЛАГ тоже заявки выполнял Дальстроевские по заключенным, все» (интервью, Магадан, июнь 2017).

Формально Дальстрой и ГУЛАГ были разными структурами. Дальстрой, экономический трест, фактически руководил системой исправительно-трудовых лагерей в регионе (Севвостлаг)¹. Отчасти это ощущение «отдельности» связано и в целом с ощущением уникальности истории, и с все той же отдаленностью Магаданской области от «материка» как сейчас, так и тогда, и с тем, что Дальстроевские начальники отчасти действительно были царями в регионе. Некоторые магаданцы до сих пор хорошо относятся к первому директору Дальстроя Э.П. Берзину. Его бюст так и стоит перед зданием городской администрации с тех пор, как его установили в 1989 г., на пике эпохи гласности и новой мемориальной политики. Отчасти, видимо, положительное отношение к нему связано с тем, что он и сам был репрессирован (после реабилитации и был установлен его бюст). Другая причина заключается в том, что Берзин воспринимается как первый колонизатор Колымы, человек, который все построил и который пытался сделать жизнь лучше. Действительно, при нем заключенные лагерей получали премиальные вознаграждения на 60% выше, чем в других лагерях страны². Даже В.Т. Шаламов положительно отзывается о Берзине³.

Хорошее отношение к Берзину распространено и теперь. К примеру, в его память устраиваются вечера, иногда приезжают родственники бывшего начальника – они уже давно живут не в Магадане⁴. Оппозиционно настроенный магаданский портал «Весьма»

---

¹ Широков А. Дальстрой как институт колонизации Северо-Востока России в 1930–1950-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 90–93.

² Гребенюк П. Дальстрой и производительность труда в золотодобывающей отрасли СССР: опыт сравнительного анализа // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1. – С. 78–89.

³ Шаламов В. Берзин // Варлам Шаламов. – URL: <https://shalamov.ru/library/26/6.html>

⁴ Потомки первого начальника Колымы Эдуарда Берзина в Магадане // Вести Магадан. – 2019. – 16.10. – URL: <https://vesti-magadan.ru/istoriya/potomki-pervogo-nachalnika-kolymy-eduarda-berzina-v-magadane>

критически отнестся к одному из последних вечеров памяти¹. Авторы портала в принципе негативно отзываются на попытки выделить историю Дальстроя в отдельную категорию, как бы не связанную с историей лагерей. Однако эта практика разделения двух историй отточена в Магадане почти до совершенства.

Первая экспозиция Магаданского краеведческого музея, посвященная лагерному периоду в истории Колымы, появилась в 1992 г. Она до сих пор открыта и так и называется – «Колыма». Именно на ней представлены многочисленные артефакты, собранные сотрудниками в экспедициях по местам лагерей, документы о заключенных, личные вещи жертв, информация о «Маске скорби» – главном памятнике жертвам. Экспозиция выполнена в темных тонах, преимущественно с использованием черного, в конце зала выставлена лагерная вышка. Почти через 10 лет после ее открытия была открыта другая экспозиция по тому же периоду, экспозиция про Дальстрой². По словам куратора музея, вторая экспозиция была нужна, чтобы показать жизнь вольнонаемных, в то время как первая посвящена исключительно заключенным (интервью, Магадан).

Экспозиция похожа на экспозицию в Повенце, лучше всего ее описывает характеристика «ведомственная». Это экспозиция про Дальстрой, про его достижения, продукцию, сотрудников и руководителей. Первое, что посетитель видит при входе, – переходящее Красное знамя Магаданского обкома профсоюза Главного управления Дальстроя Министерства цветной металлургии СССР «Победителю во Вседальстроевском социалистическом соревновании», а также доклад министру металлургической промышленности Союза ССР И.Ф. Тевосяну «О состоянии и деятельности Дальстроя» и таблицу с результатами деятельности Дальстроя за весь период существования, 1932–1956 гг. (экспозиция, Магадан). Таблица показывает действительно впечатляющие цифры, особенно если знать об общем упадке золотодобычи в регионе³. Дальстрой за

---

¹ Страхов П. Воспевая рабский труд эзков: в Магадане прошел «вечер памяти» основателя колымского ГУЛАГа // Весьма. – 2019. – 13.10. – URL: <http://vesma.today/news/post/10839-pro-berzina>

² На момент написания статьи экспозиция была закрыта на ремонт, однако, по словам одного из сотрудников, над ее новой версией уже работали. Будет ли новая экспозиция сильно отличаться от старой, сказать сложно, но ее созданием занят автор первой экспозиции.

³ Один из крупнейших золотодобытчиков в современной Магаданской области признает, что выйти на уровень золотодобычи времен войны сейчас невоз-

все время существования добыл 1193 тонны драгоценного металла. Посетитель, пришедший на экспозицию без экскурсии, не узнает, что эти впечатляющие цифры были достигнуты только благодаря «хищнической» добыче золота и использованию труда заключенных. Как только простое увеличение числа работников перестало давать прирост добычи, когда понадобились механизация труда и использование более сложных технологий, чудо колымской выработки закончилось¹.

Конечно, в таких регионах присутствуют и акторы, которые подчеркивают трагическую сторону репрессий. В Карелии, в Сегеже, другом городе, фактически созданном Беломорканалом, а точнее Беломорско-Балтийским комбинатом, серией индустрий, созданных вдоль канала, интерпретация строительства канала несколько иная. В длинной темной комнате развернута инсталляция «Осударева дорога», Петровская дорога, цель которой была примерно та же, что и Беломорканала – соединение двух морей. Зал поделен пополам, слева – Осударева дорога, справа – Беломорканал. Слева – портрет Петра. Справа – Сталина. На полу валуны, мох, ветви, элементы стройки, орудия труда. На стенах – изобразительный материал, показывающий ход строительства обоих проектов. В центре карты-схемы Осударевой дороги (264 км) и Беломорканала (227 км). Экспозиция показывает: оба проекта были построены за счет рабской силы – подневольных крестьян в одном случае и заключенных – в другом.

И в Сегеже, и в Медвежьегорске в экспозициях сделан упор на рабском труде, в особенности на том, что использование труда заключенных было связано с желанием сэкономить на другом, в первую очередь на материальных затратах. К тому же, руководство требовало быстрого выполнения работ, которое опять же можно было обеспечить либо дополнительными затратами, либо жизнями заключенных.

«ОГПУ должно было обеспечить строительство канала без лишних материальных издержек. Люди в счет не шли. Эшелоны заключенных непрерывно поступали на великую стройку». (Экспозиция, Медвежьегорск).

можно. См.: Нет предела совершенству // EastRussia. – 2018. – 16.07. – URL: <https://www.eastrussia.ru/material/net-predela-sovershenstvu/>

¹ Гребенюк П.С. Дальстрой и производительность труда в золотодобывающей отрасли СССР: опыт сравнительного анализа.

«По указанию И.В. Сталина канал длиной в 227 км был построен за двадцать месяцев – с сентября 1931 г по апрель 1933 г – “без лишних материальных издержек” силами заключенных. Каждый подневольный строитель назывался “заключенный – каналаармеец”, сокращенно “з/к” (отсюда произошло жаргонное слово “зек”)). (Экспозиция, Сегежа).

В экспозиции подчеркивается, что использование труда заключенных означало экономию и на технологиях, и на обучении.

«При постройке канала было совершено 4,5 миллионов взрывов... Сила всех взрывов, вместе взятых, составляет 2 триллиона 550 миллионов лошадиных сил. Но кто были эти взрывники? Где их готовили в таком массовом порядке и знали ли они хоть что-нибудь о правилах безопасности? Много раз от местных жителей приходилось слышать, что одной из причин гибели заключенных во время строительства были именно взрывные работы». (Экспозиция, Медвежьегорск, цитата из книги К. Гнетнева «Канал»).

Однозначную трактовку репрессий значительно осложняет присутствие в регионе реальных результатов ГУЛАГовской экономики. Трагический нарратив о рабском труде сталкивается с вопросами об эффективности строительства или производства, о необходимости тех или иных проектов. Как отмечает С. Гаврилова, отсутствие языка, который бы позволял говорить и о трагедии, и о развитии, приводит к тому, что в музейных экспозициях часто используются неловкие формулировки, вызывающие много вопросов и у историков, и у посетителей¹. В результате вместо четкого и непротиворечивого повествования о временах репрессий, получается рассказ с множеством оговорок. Вопрос, с которым активисты и кураторы в таких регионах постоянно сталкиваются, – это, грубо говоря, вопрос: «Оправдывают ли цели средства?». Две экспозиции в Магаданском музее отражают ситуацию с памятью о репрессиях в регионах, где репрессии стали толчком для индустриального развития². Здесь две стороны репрессий разнесены по разным залам как истории о разном. Есть наследие заключенных, лагерей, смотровых вышек, тяжелых судеб, а есть наследие вольных людей, геологов, инженеров, добычи ископаемых, производства и достижений. Свести эти истории в одну не получается, поэтому пока в

---

¹ Gavrilova S. Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums // Problems of Post-Communism. – 2021. – P. 1–15.

² Вопрос эффективности этого развития мы оставляем за скобками.

регионе они так и существуют, как будто в параллельных реальностях. Разговор исключительно о заключенных воспринимается кураторами и активистами как ущемление прав на память вольнонаемных, которые также внесли свой вклад в развитие региона. Конечно, такая трактовка возможна только за счет того, что и самих заключенных в регионе воспринимают не только как жертв, которые невинно пострадали, но и как героев, страдания которых не помешали их трудовому подвигу. Иными словами, в двух экспозициях представлены два типа героев: герои вольнонаемные и герои-жертвы – заключенные¹.

Память о репрессиях в национальных республиках – Ингушетия и Кабардино-Балкария

Особенность советских репрессий заключалась в их разнообразии. Помимо арестов, власть практиковала высылки целых народов. Во время Великой Отечественной войны, по обвинению в сотрудничестве с нацистами с Северного Кавказа было выслано несколько народов. Это были так называемые депортации «возмездия». В отличие от приграничных депортаций представителей других национальностей конца 1930-х годов, носивших превентивный характер, они проводились за уже якобы совершенную измену Родине². После смерти И.В. Сталина и частичной смены политического курса в стране большинству депортированных народов было позволено вернуться на родину. Однако за годы отсутствия родина поменялась: многие земли, которые люди считали своими, уже обжили их соседи. В 1991 г. были приняты государственные акты о реабилитации, в том числе Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (от 26 апреля 1991 г.), устанавливавший право депортированных народов на восстановление территориальной целостности и возмещение ущерба. Однако территориальные конфликты в Кавказских республиках эти документы не решали. Это бы потребовало изменения административных границ регионов, на которое федеральная власть не пошла.

Как остроумно назвал свою статью П.М. Полян, «увековечение памяти о депортированных – дело рук самих депортирован-

---

¹ *Khlevnyuk D.* Victim-Heroes in Collective Memory: Surviving Soviet Repressions Heroically // *Memory Studies*, 0(0). – 2021. – <https://doi.org/10.1177/1750698021995992>

² *Полян П.* Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. – Москва : ОГИ, 2001.

ных»¹. Памятные даты депортаций (к примеру, 23 февраля для чеченцев и ингушей или 8 марта для балкарцев) никак не отмечены в «общефедеральном» календаре. Официальные лица из федерального центра не посещают мероприятия, проходящие в республиках в эти дни. Даже на вечере памяти в честь 75-летия годовщины депортации ингушского народа в московском музее истории ГУЛАГа в 2019 г. не было российских официальных лиц (зато были представители посольства Казахстана)². В результате память о депортациях формируется преимущественно в регионах, откуда народы были депортированы, а жертвы определяются через их этническую принадлежность. Как мы упоминали выше, категоризация жертв в принципе является краеугольным камнем формирования локальных нарративов, а национальная категоризация присутствует даже в многонациональных регионах. В рассматриваемых в данном разделе регионах этот способ определения жертв преобладает.

Каждый год 23 февраля в республике Ингушетия проходит памятный митинг у Мемориального комплекса жертвам репрессий (Мемориал памяти и славы) на федеральной трассе около Назрани и Магаса. Совпадение дат – начала депортации ингушей и чеченцев и дня защитника Отечества – становится темой множества обсуждений в республике. В 2018 г., когда главой Ингушетии все еще был Юнус-Бек Евкуров, на митинге 23 февраля он заявил, что депортацию специально решили начать 23 февраля, чтобы сделать ингушей изгоями, которые не отмечают общий праздник, а отмечают годовщину депортации. Его идея была в том, что ингуши должны преодолеть это и отмечать и печальную дату, и общий праздник. Подобные или похожие идеи возникали в республике с некоторой периодичностью. Появляются, к примеру, предложения перенести день памяти жертв депортации на другой день³.

Строго говоря, такой интерес к 23 февраля может вызвать удивление, к примеру, у обычного москвича. «Мужской» день вряд ли является таким уж важным праздником. Однако в Ингу-

---

¹ Полян П. Увековечение памяти о депортированных – дело рук самих депортированных // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 3(71). – С. 30.

² В музее прошел вечер памяти 75-й годовщины депортации ингушского народа // Сайт Музея истории ГУЛАГа. – 2019. – 24.02. – URL: https://gmig.ru/museum/news/proshel_vecher_pamyati_75_y_godovshchiny_deportatsii_ingushskogo_naroda/

³ Ингушетия забывает о депортации вслед за Чечней? // Кавказ.Реалии. – 2017. – 25.02. – URL: <https://www.kavkazr.com/a/ingushetia-zabyvaet-o-deportacii-vsled-za-chechney/28331975.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

шети 23 февраля воспринимается как еще один военный праздник, практически продолжение Дня Победы. Если постараться, таких военных праздников можно найти много. В юбилейном 2020 г. Ингушетия стала одним из регионов, в которых было проведено больше всего мероприятий в честь Года памяти и славы¹. Судя по Инстаграм-аккаунту² Мемориального комплекса, в республике отмечали и другие даты, в том числе День героев Отечества (9 декабря) и День Неизвестного солдата (3 декабря). Интерес к войне в республике в принципе поощряется: в этом же году была издана Книга памяти ингушей – участников войны³. Аналогичной книги по жертвам депортаций не существует. Более того, один из сотрудников музея, описывая ситуацию с исследованием депортаций, признает, что она плачевна:

«У наших чиновников заранее уже страх как бы что ни сказали. Несмотря на то, что такая экспозиция есть, когда визит какого-то чиновника крупного, министров федеральных, они уже начинают переживать, чтобы не допустить их в этот музей, как-то нивелировать, что-то острое убрать. Они думают, что тема депортации не нравится в центре. Может быть, и не нравится, я не знаю даже, что там между ними в кулуарах происходит. Такое отношение чувствуется. То есть шаг вперед, два назад получается. И говорить о депортации так, как нужно, раскрывать всю эту тему до конца, тоже нет такой возможности. Нет открытых архивов. До сих пор. То, что у нас было, оно уничтожилось во время чеченской войны. Архив же был общий, чечено-ингушский, даже то, что может быть. Период был в девяностых годах, когда открылись архивы, помните? Люди что-то успели накопать. А в это время Ингушетия только сформировалась как отдельная. Тысячи беженцев с Северной Осетии после конфликтов в Пригородном районе. Десятки тысяч из Осетии, из Чечни. Я думаю, нам было не до этого. Чтобы ринуться в архивы, все что можно оттуда собрать. Если честно, у нас даже нет таких ученых. Именно ученых. Если исследователи, которые ползанимаются этой темой» (интервью, Магас, февраль 2018).

---

¹ Ингушетия вошла в число регионов, успешно проводивших мероприятия Года памяти и славы // Сайт Правительства республики Ингушетия. – 2020. – 10.12. – URL: <http://www.pravitelstvori.ru/news/detail.php?ID=36168>

² Инстаграм-аккаунт Мемориальный комплекс. – URL: https://www.instagram.com/memorial_ing/?hl=en (запрещенная на территории РФ организация).

³ В Ингушетии издан первый том Книги Памяти // Интернет-газета Ингушетия. – 2020. – 12.10. – URL: <https://gazetaingush.ru/news/v-ingushetii-izdan-pervyy-tom-knigi-pamyati>

Сам Мемориал памяти и славы – это гибрид памяти о депортированных и памяти об ингушских подвигах. Он начался с Мемориала памяти жертв репрессий, или «Девяти башен» – высокого здания, которое выглядит как девять традиционных ингушских башен (символизирующих девять депортированных народов), опоясанных колючей проволокой. Внутри башен – музей. Хотя сами башни выглядят впечатляюще, внутреннее пространство очень небольшое, хватает всего на три небольших зала и несколько служебных комнат. В 2012 г. был открыт новый, расширенный вариант мемориала. Перед башнями развернулся мемориальный парк. Справа и слева «Девяти башен» выстроили две полукруглые колоннады с мемориальными плитами ингушей, получивших государственные награды в период службы в Российской императорской армии, и с именами видных ингушских деятелей и людей, внесших вклад в развитие Ингушетии (к примеру, патриарх Алексий II и Серго Орджоникидзе). Между и вокруг колоннад установлены крупные памятники: Ингушскому конному полку «Дикой Дивизии», последнему защитнику Брестской крепости (ингушу Уматгирею Барханову), ингушским ликвидаторам Чернобыльской трагедии. На торцах колоннады – барельефы «Вхождение Ингушетии в состав России» (на мемориальной доске рядом выгравирован текст присяги представителей ингушского народа на верность России) и «Ингушетия», изображающий современную республику. С левой стороны стоит военная техника. Справа – второй на всей территории объект, напоминающий об изначальной цели мемориала, поезд времен депортации (паровоз и «теплушка»).

Во всем происходящем сотрудники музея видели отзвуки федеральной исторической политики:

«Основная тема, которая является объединяющей сейчас для всей российской нации, будем так говорить, как общности Российской, как нации – это все-таки объединяющая сейчас взята тема патриотическая, Великая Отечественная война и так далее, Победы в Великой Отечественной, вклад советского народа в победу над фашизмом. Это тема является приоритетной в государстве в целом. Этот приоритет переносится и на республику. По крайней мере, на нашу республику. Поэтому, наверное, все-таки, а не потому чтобы объяснить или оправдаться перед центром» (интервью, Магас, февраль 2018).

Однако, как всем новым построенным памятникам не удается затмить «Девять башен», так и попытки сместить фокус памяти в регионе с депортации на войну пока, скорее, терпят неудачу¹. 23 февраля остается днем памяти. Сотрудники музейного комплекса, несмотря на обилие военных праздников, продолжают говорить и писать о репрессиях. Отчасти это, видимо, связано с тем, что депортации для ингушей – это во многом семейная история, поддерживаемая не просто учебниками или музеями. В одном из интервью особенность ингушской памяти была сформулирована так:

«Потом я так думаю, что все-таки мы не ассимилировались до конца, дух свободы, он не позволял влиться в эту тоталитарную систему. Наверное, все-таки это отчуждение чувствовалось, поэтому понимали, что не будем лояльны этой власти никогда. Потому что тоталитаризм подавляет все, горцы и ингуши, в частности, мы – такой феномен. Мы до сих пор общинным строем живем, у нас тейповые, клановые связи очень сильны, но при том мы индивидуалисты очень сильные. Если пытаться подавить нашу личность, это не вызывало такого отклика, скажем так. И таких массовых стукачеств, доносов, как нужно было, в таком масштабе не было» (интервью, Магас, февраль 2018).

Депортации для ингушей – не единичный эпизод и даже, в какой-то степени, не уникальное событие в их истории. Сотрудники музея говорили о том, что их цель – показать трагическую историю ингушского народа, начиная с XIX в. Пока музейная экспозиция начинается с депортации 1944 г. года. Посетителю представлены документы, предметы быта того времени, фотографии. Большую часть пространства занимают картины ингушских художников, изображающие разные этапы депортации: приход солдат в дома ингушей, путешествие в теплушках, погибшие по дороге и оставленные умирать у железнодорожных путей, жизнь в Казахстане. Как уже упоминалось, данных о депортации не так много, как и аутентичных предметов, связанных с ней. Картины помогают передать эмоциональную составляющую памяти о депортации.

Второй зал музея посвящен уже не депортации, а событиям 1992 г. Так называемый конфликт 1992 г. произошел между ингу-

---

¹ К сожалению, мы не можем с уверенностью говорить о происходящем в регионе сейчас. Исследование проводилось в 2018 г. С тех пор в музее сменилась команда. Если судить по социальным сетям и сайту музея, радикальных изменений в музее не произошло.

шами и осетинами по поводу Пригородного района. Пригородный район был ингушским до депортации 1944 г. Во время депортации на этой территории поселились осетины. После возвращения ингушей им так и не отдали эту территорию, она осталась в составе Северной Осетии, однако некоторые ингуши все же там поселились, считая эту территорию своей землей. В результате конфликта погибло и пропало несколько сотен людей. Экспозиция в музее рассказывает историю о немотивированной агрессии против ингушей. Очевидно, что аналогичная экспозиция в Северной Осетии представила бы эти события иначе.

Примечательна терминология, используемая в экспозиции. Хотя конфликт представлен как насилие против ингушей, его подчеркнуто называют конфликтом. Термин «геноцид» возникает периодически, но не используется постоянно. Еще реже этот термин в экспозиции используется применительно к депортациям. В двух газетных вырезках, посвященных событиям 1992 г. упоминается, что «ингуши и чеченцы переживают национальную катастрофу, подвергшись тотальному физическому, культурному и морально-психологическому геноциду сталинского режима» и «сталинско-бериевский геноцид» (экспозиция, Магас).

«Геноцид у нас чаще использовался в ингушском конфликте, потому что он действительно был геноцидом в одностороннем порядке. Все-таки армия была на той стороне, это были вооруженные. А здесь что было? Ну максимум автомат у кого-нибудь в доме где-то запрятанный, и винтовка какая-то. Ну уж точно против БТР и танка они бы не справились. Вот это был геноцид. Там в одно время мы как-то активно это употребляли, использовали. Сейчас мы меньше стали» (интервью, Магас, февраль 2018).

В отличие от зала, посвященного депортации, в зале событий 1992 г. гораздо больше информации и артефактов. Это, конечно, неудивительно, учитывая хотя бы разницу в давности обоих событий. Трагедия 1992 г. показана как продолжение трагедии депортации, заключавшейся в первую очередь в потере земель и дома. В экспозиции подчеркивается роль ингушского национального движения, попытки ингушского общества самостоятельно решить проблему.

«Ингушское национальное движение, созревшее и вышедшее на политическую арену в общем русле процесса демократизации страны, сыграло важную роль в признании на государственном уровне преступным

актом депортации народов СССР, что подтверждено принятым законом “О полной в том числе территориальной реабилитации репрессированных народов”. Вместе с тем трагические события осени 1992 г. в пригородном районе и гор. Владикавказ, ставшие реакцией на активную деятельность ингушского национального движения и достигнутые успехи в решении “ингушского вопроса” политическими цивилизованными методами, показали всю глубину проблемы так называемых “спорных” территорий, решение которых отодвинуто на долгую “туманную” перспективу, далекую от демократических иллюзий начала 1990-х годов» (экспозиция, Магас).

Среди прочего в экспозиции упоминаются попытки ингушского общества вынести дискуссию о спорных территориях на международную арену. К примеру, приведены вырезки из газет, описывающих встречи ингушей с представителями Совета Европы. В качестве основного выступающего в Страсбург приезжал С.Б. Арсамаков (экспозиция, Магас). Истории о нем часто встречаются в экспозиции: его судьба связывает все основные события ингушской истории. Он ветеран войны, вернувшийся домой из-за ранения и депортированный вместе со всеми, пережив депортацию, вернулся в Ингушетию, но его дом оказался на территории Пригородного района, потом он снова был выселен в результате событий 1992 г.

Память о депортации вплетена, таким образом, в серию трагических событий. Более того, несмотря на принятие реабилитационных законов в начале 1990-х годов, реальные проблемы спорных территорий так и не были разрешены. Оба сообщества, по видимому, ожидают от центра принятия решений, однако с учетом того, что любое решение оставит какое-то из сообществ недовольным, центр не спешит. Наследие депортации присутствует в современной жизни. В октябре 2018 г., когда главы Ингушетии и Чечни решили поменяться частями территории, в Ингушетии вспыхнули протесты. Среди плакатов на протестах можно было наблюдать и те, в которых предлагаемый обмен сравнивался с судьбой Пригородного района. На митингах выступали старейшины общины с рассказами про опыт депортации. Журналисты и эксперты, освещавшие протесты, считали, что протест связан не столько с предлагавшимся обменом, сколько с нерешенной проблемой спорных территорий в принципе¹. Несмотря на наступление феде-

---

¹ Moscow-backed land swap opens old wounds in volatile Caucasus // France 24. – 2018. – 13.10. – URL: <https://www.france24.com/en/20181012-moscow-backed->

ральной исторической повестки, выражающееся в растущей значимости истории Великой Отечественной войны, актуальность памяти о депортациях и осторожная историческая политика местных властей приводит к тому, что эта память так и остается одной из ключевых для ингушского сообщества.

В Кабардино-Балкарии День памяти жертв депортации отмечается 8 марта – в этот день балкарцев отправили из республики в Казахстан и Киргизию. Как и в Ингушетии, в этот день у мемориала памяти жертв репрессий проходит официальный митинг. На нем выступают официальные лица (к примеру, министр культуры), ансамбли народного танца, зачитываются балкарские стихи. В отличие от Ингушетии, после официального митинга в Нальчике проходит второй, неофициальный митинг, организуемый Советом старейшин балкарского народа. В 2018 г. на нем присутствовало несколько десятков человек, в 2017 г., по информации организаторов, – около двухсот¹. Настроение на втором митинге значительно отличается от первого. Это не просто акция памяти, это обсуждение насущных проблем балкарского населения в республике. В первую очередь обсуждается реализация законов о реабилитации. Глава совета старейшин говорит о том, что многие статьи законов так и остаются невыполненными. В том числе так и не восстановлены в своих границах балкарские районы, не возвращены исторические балкарские территории и исторические названия поселений². Существенная разница между двумя этими событиями связана прежде всего с тем, что в Ингушетии память о депортациях объединяет все население республики. В Кабардино-Балкарии же память о депортациях – память меньшинства, отчасти разделяющая два народа, ведь кабардинцы не были депортированы.

В музее, расположенном внутри мемориала, к неофициальному митингу относятся скептически. Музейная экспозиция, хотя и показывает трудности депортации, в целом рассказывает, что депортация – дело прошлое, и реабилитация полностью состоялась.

---

land-swap-opens-old-wounds-volatile-caucasus ; *Wesolowsky T.* Land Grab? Why The Ingush Are Furious With Chechnya // Radio FreeEurope/RadioLiberty. – 2018. – 10.10. – URL: <https://www.rferl.org/a/explainer-ingush-chechen-land-swap/29536507.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

¹ Участники митинга в Нальчике потребовали полной реабилитации балкарцев // Кавказский Узел. – 2017. – 08.03. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/298883/> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

² Участники митинга в Нальчике потребовали полной реабилитации балкарцев // Кавказский Узел. – 2017. – 08.03.

Цитаты из реабилитационного закона и из речи Бориса Ельцина о невиновности висят на самом видном месте в экспозиции музея.

«Из обращения Президента Российской Федерации к балкарскому народу. 5 марта 1994 г.

...В скорбный день 50-летия насильственного переселения балкарцев, низко склоняю голову перед памятью безвременно погибших в ссылке, выражаю искреннее сочувствие и соболезнование их родным и близким.

Как президент Российской Федерации приношу вам извинения за допущенную несправедливость.

Б. Ельцин» (экспозиция, Нальчик).

Под ними – интерактивная карта КБР. Хотя, судя по всему, планировалось, что она будет свидетельством успеха процесса реабилитации, в реальности она, скорее, показывает, насколько медленно идет этот процесс. Исторические балкарские поселения на карте отмечены лампочками. Восстановленные после возвращения балкарцев поселения горят одним цветом, невосстановленные – другим. Идея была в том, что постепенно восстановленных поселений будет становиться все больше, и лампочки будут менять цвет. Однако процесс затянулся, и лампочки так и не меняют цвет.

Как и мемориал в Ингушетии, мемориал в КБР напоминает о традиционной архитектуре: он выстроен в виде кешене, усыпальницы. Но внутренние помещения мемориала гораздо просторнее. На двух этажах музея помещается история балкарского народа, начиная с вхождения в Российскую империю. К примеру, выставлена копия прошения о вхождении в Российскую империю, которая подписана «К вопросу о русско-балкарских отношениях» (экспозиция, Нальчик). Хотя в музее много говорится о депортации и, в отличие от Ингушетии, здесь много материалов, основная идея музея заключается скорее в том, что балкарский народ всегда активно участвовал в жизни России (СССР, а теперь снова России), и многие балкарцы отличились особыми заслугами. Термин «геноцид» в музее не используется. Его можно встретить лишь на закладном камне на территории рядом с мемориалом. Надпись на нем гласит: «Здесь будет сооружен памятник жертвам насильственного геноцида балкарского народа 1944–1956».

Экспозиция музея, хоть и описывает трагедию переселения, последовательно отходит от образа балкарцев как жертв. Балкарцы представлены героями. Герои труда во время ссылки и герои войны. В экспозиции подчеркивается, что балкарцы участвовали в

Великой Отечественной войне. По-видимому, этот факт должен также свидетельствовать о беспочвенности обвинений в предательстве, выдвинутых против всего народа и послуживших формальной причиной для высылки.

«Из 367 тыс. человек довоенного населения КБАССР (по состоянию на 01.01.1941 года) 56 тыс. человек были балкарцами. Это свидетельствует о том, что именно балкарцы, фактически составлявшие к тому моменту всего лишь 15% населения Кабардино-Балкарии, дали 27% всех призывников, направленных на фронт из этой республики, т.е. мобилизационная нагрузка на всю небалкарскую часть республики фактически составляла лишь 14,1%. ... только из одного балкарского селения Кенделен погибло на фронтах Великой Отечественной войны 800 человек. Одна из улиц этого села так и называется ныне: “Улица 800 героев”» (экспозиция, Нальчик).

Депортация описывается не только как трагедия народа, через судьбы конкретных балкарцев и через судьбу балкарского поэта Кязима Мечиева, погибшего в депортации, но и как определенный период, во время которого балкарское сообщество активно трудилось. К примеру, среди экспонатов музея посетитель видит много фотографий из ссылки, на которых изображены балкарцы за работой. Поясняющий текст расставляет такие акценты:

«мы не обладаем полными данными о количестве балкарцев, чей труд до 1957 года был отмечен в республиках Средней Азии официальными наградами. Но и та частица информации, собранная в мемориале – чрезвычайно, как факт, свидетельствующий о таком трудовом героизме, который просто невозможно не отметить. Если даже такое признание нарушает ненарушаемые правила тотальной диктатуры. А сколько было незафиксированных трудовых подвигов, рекордов... И за ними стояло не только общественное трудолюбие балкарцев. Результатами своего труда тысячи простых людей выражали протест против клеветы на свой народ. Работа была единственной формой вызова на ложь, единственной возможностью реабилитировать свой народ. И люди, которых вы видите на этих стендах, эту миссию выполнили» (экспозиция, Нальчик).

Множество биографий балкарцев, представляющих, наверное, основу экспозиции, также упоминают депортацию. Однако в них она представлена как один из фактов биографии:

«В 1944 году был выслан со своим народом в Северный Казахстан, г. Степняк. В том же году поступил учеником токаря на ремонтно-механический завод. Проработал токарем 12 лет. План перевыполнял на 180 процентов. Имеет удостоверение Ветерана Великой Отечественной войны. По возвращении на родину Аслан проработал в колхозе им. Калмыкова токарем 25 лет.

Ветеран труда, награжден многими государственными наградами» (экспозиция, Нальчик).

В целом же в интервью сотрудник музея видит цель экспозиции в том, чтобы пропагандировать дружбу народов, поддерживать мир в республике.

«В этом информационном мире войны-невидимки уберечь детей от беды, сохранить народы, сохранить мир, и ни за что не отдавать Кавказ, не отрывать от России. Такой план и сегодня, он действует. Создавая музей памяти, мы исходили из этого. Что если первый президент Российской Федерации, Борис Ельцин, Вы видели сами на первом этаже, принес персональные извинения, это моральная реабилитация» (интервью, Нальчик, март 2018).

Эта трактовка и тональность, выбранные в музее, по-видимому, связаны с историей его создания, а точнее – с событиями, происходившими в республике во время и после распада Советского Союза. Мы не будем подробно останавливаться на этом сюжете, отметим лишь некоторые аспекты происходившего, непосредственно связанные с музеем. Мемориал был создан благодаря генералу С.У. Беппаеву, возглавившему в 1990-е годы комиссию по реабилитации. В это время ситуация в республике была не вполне стабильной. Балкарское население пыталось получить отдельную республику и, хотя в 1991 г. Верховный суд республики поддержал создание отдельной Балкарской республики, в 1994 г. республиканский парламент это решение отменил. В то время генерал Беппаев был лидером балкарских националистов, однако в 1997 г. он отказался от притязаний на создание балкарской республики, поддержал решение выплатить денежные компенсации жертвам депортации и признал невозможность вернуть балкарцам часть территории, принадлежавшей им в 1944 г.¹ После этого бал-

---

¹ Скаков А. Кабардино-Балкария: угрозы стабильности // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 1. – С. 165–173.

карское национальное движение подверглось преследованиям, а Беппаев вошел в правительство КБР и создал вокруг себя коалицию лояльных балкарцев, целью которых было поддержание общности республики¹. Музейная экспозиция, похоже, следует этой логике. Реабилитация и выплаченные денежные средства представлены в ней как точка в обсуждении депортаций, а сами депортации – как трагическая, но уже давняя история. Политический потенциал памяти о депортациях старательно смягчается.

Заключение

Региональная память о репрессиях может серьезно отличаться: даже ограниченный ряд кейсов, представленный в данной главе, свидетельствует об этом. Естественно, что и внутри регионов существуют различия. Нельзя представить, что сообщество внутри одного региона абсолютно однородно. Однако внутри каждого региона можно выделить ключевые вопросы, сюжеты, проблемы, даже если разные сообщества или мнемонические акторы дают на них разные ответы или находят разные решения.

Несомненно, на развитие памяти в регионе влияет локальная историческая политика. Во время Великой Отечественной войны из регионов Северного Кавказа были высланы целые народы. Хотя в этих регионах похожи и истории депортаций, и последствия депортаций, память о них отличается. К примеру, ингушей и чеченцев выселяли вместе. В то время как в Ингушетии отмечают день депортаций 23 февраля, а любые попытки сгладить эту память встречают сопротивление сообщества, в Чечне о депортациях практически перестали говорить. С 2011 г. в Чечне не отмечается День памяти и скорби 23 февраля², вместо этого о жертвах депортации вспоминают 10 мая, в день смерти первого президента Чечни Ахмата Кадырова³. Таким образом, память о депортациях становится для чеченцев одной из трагедий, отмечаемых в один день.

---

¹ Шнирельман В. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

² В Чечне и Ингушетии вспоминают жертв сталинской депортации // Радио Свобода. – 2019. – 23.02. – URL: <https://www.svoboda.org/a/29786521.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

³ В Чечне почтили память жертв депортации // Национальный акцент. – 2020. – 10.05. – URL: <https://nazaccent.ru/content/33062-v-chechne-pochtili-pamyat-zhertv-deportacii.html>

В Калмыкии же, напротив, память о депортациях очень сильна. 28 декабря, в День памяти жертв депортаций, проходит много мероприятий. В 2019 г., к примеру, прошли митинг-реквием, молебен и показ фильма, посвященного депортации калмыков¹. В Кабардино-Балкарии, как говорилось выше, память о депортации считают политически опасной и всячески ее сглаживают.

Однако не во всех регионах существует четкая и последовательная историческая политика применительно к памяти о репрессиях. В этих случаях роль локальных мнемонических акторов памяти становится особенно важной. Очень часто память о репрессиях в регионе формируют один-два ключевых актора, а остальные акторы лишь следуют за ними. Так, к примеру, происходит, когда в регионе формируется сеть акторов (как было в Пермском крае, когда в музее Пермь-36 еще работали его создатели). В некоторых регионах такими ключевыми акторами-экспертами оставались представители общества «Мемориал»². На Соловках таким актором постепенно становится монастырь.

Трактовки репрессий также связаны и с местом репрессий в истории регионов. Не везде репрессии воспринимаются как исключительно трагические события. В некоторых регионах к ним амбивалентное отношение – в первую очередь в тех регионах, где лагерная система стала основой современной инфраструктуры. Так, для акторов Карелии и Магаданской области тема трагической судьбы жертв переплетается с темой их достижений, условной эффективности лагерной системы в освоении региона. Попытки «не красить все черным цветом» приводят к раздвоению нарративов, как это происходит в магаданском музее. Жертвы перестают быть только жертвами, они становятся еще и героями.

В большинстве случаев мы наблюдаем формирование региональных памятей о репрессиях: конфликты между акторами, формирование и распад сетей, поиск нового языка, описывающего амбивалентность репрессий в истории региона.

---

¹ Садовская А. Жители Элисты почтили память жертв депортации калмыков // Кавказский узел. – 2019. – 28.12. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/344089/>

² Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

ГЛАВА 10

ПАМЯТНИКИ РОССИИ КАК ИНДИКАТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: 1991–2021 гг. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

(*В.В. Лапин, А.Б. Матисова*)

В течение трех последних десятилетий в Российской Федерации отмечался взрывной рост числа монументальных символических объектов, различающихся по размерам, тематике и по смыслам, в них заложенным. Неопределенность статуса ряда мемориальных сооружений, отсутствие стройной системы регистрации затрудняют их учет. В настоящее время Центр изучения исторической памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге разрабатывает уникальную структуру базы данных с возможностью автоматического пополнения для широкого круга исследовательских задач, в нее внесено более 5 000 мемориальных сооружений и памятных знаков, установленных в 1991–2021 гг.

Активизация такой формы семиотического поведения была спровоцирована обостренной актуализацией событий прошлого, характерной для политической жизни на территории бывшего СССР¹. Поскольку создание нового государства сопровождалось процессом декоммунизации, в архив сдали последний стратегический план развития страны. Речь идет о принятой в 1986 г. новой программе КПСС, в основе которой была доктрина «развитого

---

¹ Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158.

социализма». В этом документе давались оценка прошлому, характеристика настоящего и намечалось будущее, где конечной точкой оставалось построение коммунизма¹.

В Российской Федерации все «взгляды за горизонт» ограничиваются общими формулами о неизбежности изменения существующего миропорядка и укрепления в нем ведущей роли России. Представители всех политических направлений гораздо охотнее говорят о давней и недавней истории, чем о ближнем и дальнем будущем². Тексты национальных программ, принимавшихся в 2000-е годы, также не грешат футуризмом. Более того, в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», принятой в 2000 г., ощущается «дух ретроспективности». Первой ее задачей называется «историческая преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России»³. Очевидное стремление найти опору в «великом прошлом» проявляется в выступлениях президента РФ В.В. Путина⁴. Во внутренней и внешней политике России «войны памяти» становятся все заметнее и все острее⁵. В этих сражениях на символическом пространстве монументы играют роль крепостей, занимают в нем узловые точки. Это достигается во многом за счет их локации (располагаются на центральных площадях и улицах, на господствующих высотах, на важнейших транспортных магистралях и т.д.), а также экспрессии заключенных в них политических взглядов. Последние с большей или меньшей ясностью просматриваются в большинстве монументов. Можно даже ска-

---

¹ Новая редакция программы КПСС. 1986 г. // Музей истории Российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/14030>

² Волков Д., Колесников А., Левинсон А. Альтернативы для России: каким видят будущее России противники и сторонники перемен // Московский центр Карнеги. – 2020. – URL: <https://carnegiemoscow.org/2020/11/09/ru-pub-83153>

³ Постановление от 4 октября 2000 года № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771684?marker=64U0IK>

⁴ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // kremlin.ru. – 2020. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>

⁵ Ломакин Н.А. Борьба с фантомом: «миф о войне» во внешней и внутренней политике России. Российская историческая политика в ноябре 2011 г. Аналитический отчет // Уроки истории. – 2012. – URL: <https://urokiistorii.ru/articles/borba-s-fantomom-mif-o-vojne-vo-vneshn>

зять, что отсутствие идеологической нагрузки само по себе является позицией в условиях ожесточенной «борьбы за прошлое».

Монументальному буму истекшего тридцатилетия в немалой степени способствовал технический прогресс в области камне- и металлообработки, в изготовлении фигур из различных сплавов и композитных материалов. Ныне создатели памятников могут уложиться в довольно скромные бюджетные рамки. Современные строительные и транспортные системы позволяют в сжатые сроки воздвигать даже циклопические конструкции.

Анализ репертуара мемориальных сооружений, динамики их создания, а также содержащихся в них смыслов дает ценный материал для характеристики изменений политического ландшафта, произошедших в 1991–2021 гг. С какой определенностью можно говорить об акторах «монументостроения» в России в целом и в ее различных регионах? Что говорят об исторической политике и состоянии общества динамика и репертуар отечественного памятникоостроения в 1990–2020 гг.? Насколько разнообразен историко-политический ландшафт РФ при фокусировке внимания на памятных знаках?

Реальной руководящей силой в последние два десятилетия является Администрация Президента Российской Федерации, а все партии, представленные в парламенте РФ и местных органах управления, не обладают должным уровнем самостоятельности. Поэтому бесперспективно рассматривать региональные особенности политики памяти через призму партийной окраски губернаторов, среди которых только в 1990-е годы были так называемые «тяжеловесы», с чьим мнением приходилось считаться правительству.

Памятники жертвам репрессий

Государство уступило роль самого важного актора только при установке памятников жертвам политических репрессий. Знаки, звучащие как проклятие тоталитаризму, без всяких оговорок следует признать видимым результатом активности общества. Их наиболее полный список помещен на сайте Сахаровского центра¹. В нем 893 позиции². Географическая карта расположения знаков в

---

¹ СМИ, выполняющее функции иноагента.

² Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР // Сахаровский центр. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=list&c=all> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

целом совпадает с картой плотности населения, что свидетельствует о том, что на территории РФ практически все жители находятся в «зоне действия» такого памятника. Другими словами, всем, кто 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, пожелает посетить ближайший мемориал, не придется совершать длительное путешествие. По своему характеру знаки разделялись на те, которые устанавливались в местах, непосредственно связанных с репрессиями (места заключения, расстрелов, захоронения казненных и т.д.), и те, которые служили напоминаниями о преступлениях сталинской эпохи. Важным обстоятельством являлось то, что в 1990-е годы того же вектора придерживалось и правительство, поскольку использовало осуждение сталинизма в борьбе со своими политическими оппонентами из стана КПРФ. В подавляющем большинстве случаев в создании памятника принимали непосредственное участие местные власти всех уровней, опять вне зависимости от политических взглядов регионального руководства. Кроме того, строительство мемориальных сооружений финансировали различные государственные предприятия и бизнесмены. Подобная деятельность до 2000-х годов либо поощрялась, либо не компрометировала спонсоров в глазах правительства. Уже упоминавшаяся зависимость отечественных предпринимателей от власти в истекшие десятилетия затрудняет понимание ситуации в вопросе расхождения взглядов государства и общества на память о репрессиях. При этом необходимо сделать две важные оговорки. Во-первых, власти на местах в большинстве случаев гораздо более консервативны, чем в федеральном центре, но при этом они не смели активно противодействовать импульсам, которые шли из Москвы. Во-вторых, установка таких памятников оказывалась едва ли не единственным шагом на пути десталинизации страны, когда символический акт подменял глубокие перемены в политической и социокультурной сфере, подобно тому, как на рубеже 1950–1960-х годов сталинисты «откупились» статуями своего вождя.

На рубеже XX–XXI вв. коммунисты перестали быть серьезной политической угрозой, тогда как памятники жертвам репрессий от монументальной «Маски скорби» в Магадане до небольших табличек проекта «Последний адрес»¹ включают в число обвиняемых

---

¹ Таблички «Последнего адреса» не учитываются в списке Сахаровского центра (СМИ, выполняющее функции иноагента). В 2016–2021 гг. было установлено около тысячи таких знаков в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске,

само советское государство, прямым наследником которого считает себя Российская Федерация. Жесткая внутренняя политика провоцирует компрометирующие сравнения нынешней деятельности правоохранительных органов с практикой ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ в печально памятные эпохи. В последние полтора десятилетия «бытование» монументов такого рода выглядит все более и более протестным¹.

В 1990-е годы консерваторы-коммунисты всех степеней латентности и их союзники всех мастей были обескуражены, дезориентированы и дезорганизованы, что не позволяло им с должной активностью бороться за позиции в символическом пространстве. Их противники, наоборот, находились в стадии подъема, пользовались массовой поддержкой, располагали значительными финансовыми и административными ресурсами, а также, что особенно важно в борьбе за символическое пространство, доминировали в СМИ. В 2010-е годы наметилось значительное ослабление внимания общества к памяти о репрессиях, а также усиление позиций тех кругов, которые по разным причинам стремятся к вытеснению этой темы из сферы публичных дискуссий. Такие тенденции с очевидностью проявляются в динамике и характере мемориальных сооружений.

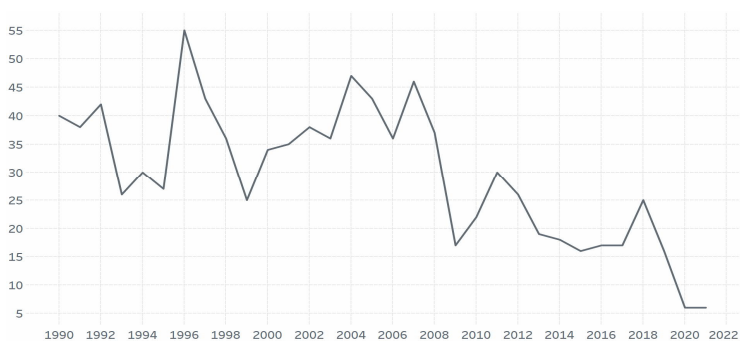

Рис. 1. *Количество мемориалов жертвам политических репрессий по годам*²

Екатеринбурге, Перми, Ростове-на-Дону, Томске, Таганроге, Туле, Орле, Барнауле (всего в 48 населенных пунктах).

¹ Члены «Яблока» почтили память жертв политических репрессий // yabloko.ru. – 2021. – 29.10. – URL: <https://www.yabloko.ru/cat-news/2021/10/29>

² По данным компьютерной базы данных «Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР», составленной

Эта ситуация отчетливо видна в Санкт-Петербурге, где насчитывается около 25 памятников¹ жертвам репрессий, но только четыре из них (Соловецкий камень, памятники А.Д. Сахарову и А.А. Ахматовой, «Сфинксы» М.М. Шемякина) претендуют на роль «бастионов памяти»² в борьбе против забвения тех, кто был осужден в 1920–1950-е годы по политическим статьям. Слово «претендуют» вместо «являются» применено сознательно, поскольку публичность этих памятников вызывает вопросы. Все они находятся в историческом центре Санкт-Петербурга (Троицкая площадь, стрелка Васильевского острова, Воскресенская набережная), но в таких точках, где людской поток (туристов и горожан) никак нельзя назвать бурлящим. Влияние многих памятников жертвам политических репрессий на разум и чувства современников ослабляется тем, что места, непосредственно с ними связанные, находятся вдалеке от густонаселенных регионов, а некоторые труднодоступны в транспортном отношении (Колыма, Магадан, Воркута, Норильск и др.).

Названные четыре петербургских памятника установлены в 1990–2006 гг. На этот же период приходится сооружение еще одиннадцати мемориальных объектов. Они, вместе с десятком памятников, появившихся в 2006–2021 гг., заслуживают сравнения с домашними алтарями из-за своего укромного расположения. Кроме того, эти обелиски и памятные доски посвящены отдельным лицам и определенным группам жертв тоталитаризма (О.Э. Мандельштаму, репрессированным астрономам, арестован-

---

Сахаровским центром. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/> (СМИ, выполняющее функции иноагента). В названии или описании некоторых памятников есть слова «репрессия / гонения / террор» и т.д., а есть такие памятники, как памятник А.А. Ахматовой или мемориальная доска И.А. Бродскому, где написаны только фамилии или годы проживания по адресу. Сахаровский центр причисляет такие мемориалы к памятникам жертвам репрессий.

¹ Если не считать нескольких десятков памятных знаков в Левашовской пустоши. Ни один из петербургских памятников жертвам политических репрессий не является объектом культурного наследия и отсутствует в ЕГР Министерства культуры.

² Эту удачную метафору предложил Пьер Нора. Монумент играет особую роль в организации символического пространства, закрепляет его за теми, чьи идеи и политические лозунги он олицетворяет. Подобно тому, как фортификационные сооружения строились в точках, важных с военной точки зрения, памятник должен господствовать над окружающей местностью в прямом и переносном смысле слова. Его публичность во многом определялась количеством людей, способных его увидеть без целенаправленного посещения мемориала.

ным университетским профессорам, сосланным священнослужителям различных конфессий, сгинувшим в лагерях учителям и врачам, расстрелянным членам Общества политкаторжан)¹.

Такая динамика объясняется двумя факторами. В 1990-е годы особую активность проявляли сами жертвы сталинского террора (выжившие узники, их дети и дети казненных), пользовавшиеся высоким общественным статусом в период перестройки. К началу 2010-х годов по естественным причинам число прошедших через ГУЛАГ резко снизилось. Кроме того, сработал принцип «достаточности»: установка новых и новых монументов могла привести лишь к обратному результату. Важный показатель всех этих изменений – множество закладных камней «несостоявшихся» памятников жертвам репрессий. Отказ от возведения памятника или «заморозка вопроса» на десятилетия – не уникальное явление, но в данном случае очевидное падение внимания к памяти о жертвах политических репрессий – неоспоримый показатель изменений политической атмосферы². В публицистике нереализованные мемориальные проекты нередко объясняют кризисом 1998 г. Действительно, финансовые потрясения сказались на действиях спонсоров. Но, во-первых, это не так заметно проявилось в строительстве других символических объектов, во-вторых, требуется объяснение: почему о закладных камнях не вспомнили в так называемые «тучные годы» начала XXI столетия³.

Сказывалось и неуклонное снижение поддержки деятельности просветительского и правозащитного объединения «Мемориал»⁴. В 1990-е годы эта организация и сочувствующие ей структуры и лица сделали очень многое для того, чтобы проекты памятников жертвам политических репрессий были реализованы. Затем взаи-

---

¹ Увековечение памяти жертв политических репрессий в Санкт-Петербурге: перечень памятников и мемориальных досок // Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге. – URL: https://ombudsmanspb.ru/upload/files/002018/23_08_2018_SPb_Polit_Repress/Perechen_pamyatnikov.pdf

² См.: *Богумил З.* Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // *Неприкосновенный запас*. – 2010. – № 3. – С. 11–29.

³ В Санкт-Петербурге и Ленинградской области насчитывается около 50 закладных камней, последний из которых открыт 8 сентября 2022 г. на месте установки скульптурной композиции «Памяти медицинских работников блокадного Ленинграда» возле Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

⁴ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

модействие с органами власти всех уровней ослабло. Более того, в 2013 г. «Мемориал» по решению суда признали иностранным агентом, а в 2021 г. деятельность этой НКО была запрещена на территории РФ. О том, что тема политических репрессий явно не в фаворе в последние два десятилетия, свидетельствует заметное вытеснение ее из кинематографа, публицистики, художественной литературы. Власти Магаданской области, которая традиционно ассоциируется с репрессиями, в своей исторической политике стараются избавиться от традиционного мрачного имиджа¹.

Силовые структуры в граните и бронзе

Если динамику создания памятных знаков жертвам политических репрессий в 1991–2021 гг. можно уподобить отбегавшей волне, то монументальные символы повышения роли силовых структур рожают образ волны поднимающейся. В настоящее время Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Министерство по чрезвычайным ситуациям, и даже Федеральная служба исполнения наказаний включились в общую «монументальную гонку», стремясь разместить в городских пространствах всей России свои «профильные» знаки.

В повсеместном появлении памятников сотрудникам МВД просматривается не только символическое отражение их значимости в современной России, но и знак безусловной победы над организованной преступностью, которая была одним из маркеров «лихих девяностых». Следует учитывать, что криминальный бум этого времени противники либерального курса активно используют для компрометации своих оппонентов в глазах населения. В 2010-е годы полицейские чаще всего были представлены в телерепортажах об акциях политического и социального протеста. В массовом сознании это не могло не усилить и без того довольно прочную связь аббревиатуры НКВД с репрессиями 1930-х годов. В целях ослабления этой связи в массовой культуре и пропаганде начала XXI в. стало очень заметным стремление сдвинуть фокус на участие чекистов в борьбе с нацизмом. После 2000 г. было снято более трех десятков отдельных фильмов и телевизионных сериалов, посвященных «невидимым фронтам» в годы Великой Отечествен-

---

¹ Бояркин Г. Колыма меняет имидж // Колыма.ru. – 2014. – 31.07. – URL: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=45166>

ной войны¹. В 2016–2021 гг. вышло в свет более 40 романов серии «СМЕРШ – спецназ Сталина»².

Несмотря на то, что НКВД долгое время совмещал борьбу с криминалом и преследование политических противников режима, представители Министерства внутренних дел предпочитают разделять общее наследие и делать акцент на охране правопорядка, тогда как Федеральная служба безопасности согласна считать себя преемницей дела чекистов.

При этом обе ныне существующие структуры пытаются показать, что сотрудники НКВД активно действовали не только в своем и вражеском тылу, но и сражались на фронте плечом к плечу с прочими воинами Красной армии. В этой связи вполне органично выглядят памятники фронтовым заслугам сотрудников НКВД. В Подмоскowie на Ленинградском шоссе у деревни Черная Грязь в июне 2020 г. поставили большой трехгранный камень, на котором укреплен знакомый значок с «карающим мечом». Этот знак напоминает о милиционерах-добровольцах, погибших там при обороне столицы осенью – зимой 1941 г.³ Автор аналогичного, но более масштабного монумента в Санкт-Петербурге скульптор В.И. Трояновский заявил на церемонии открытия: «Мотив и повод к памятнику – это героические подвиги милиционеров, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, и после войны. Годы блокадного Ленинграда наложили серьезный отпечаток на людей и на преемственность поколений правоохранителей»⁴. Заметны усилия показать, что «сотрудники органов» не только формировали заградительные отряды, предупреждавшие отступление без приказа командования. Эти опасения не напрасны. В интернет-откликах без долгих поисков обнаруживаются суждения такого рода: «Герои заслуживают памяти и памятников. Но у НКВД сложился очень определенный имидж. А дизайн памятника, с гербом этой неодно-

---

¹ Сериалы про НКВД // Timeout. – URL: https://www.timeout.ru/allserials/best/mp_pro_nkvd

² Серия книг «СМЕРШ – спецназ Сталина» // Эксмо. – URL: <https://eksmo.ru/series/smersh-spetsnaz-stalina-ITD3123/>

³ На Ленинградском шоссе установили памятник сотрудникам НКВД // Инфоportal Зеленограда. – 2020. – 17.06. – URL: <https://www.netall.ru/society/news/1154823.html>

⁴ Свиридов А. В Петербурге два года не могут установить памятник сотрудникам МВД // Профсоюз полиции. – 2021. – 15.04. – URL: <https://www.facebook.com/policemagazine.ru/photos/a.641528195886347/4048209341884865/> (запрещенная на территории РФ организация)

значной организации выглядит провокационно»¹. Эту задачу «исправления имиджа» решала в 2020 г. и музейная экспозиция в Москве, рассказывавшая о фронтовых буднях советской милиции в 1941–1945 гг. В репортаже об ее открытии говорилось: «Актуальность такой выставки как нельзя высока. Не секрет, что в последнее время в обществе сформировался несколько превратный образ сотрудника НКВД. В сознании обывателя зачастую работа органов внутренних дел сводится к выполнению исключительно карательных функций, причем не всегда справедливых и адекватных. Многие даже не подозревают о том, насколько многогранной была деятельность солдат правопорядка в годы Великой Отечественной войны, и о том, какой бесценный вклад в победу над фашизмом внесли сотрудники органов внутренних дел и военнослужащие внутренних войск»².

Очень распространенным стало исключение из названий памятников самих слов «милиционер», «милиция», «полиция», не вызывающих у населения позитивных ассоциаций³, и замена их патетическим посвящением «солдатам правопорядка». Такой тон был задан еще в 1994 г., когда именно так называли мемориал в Москве, в одном из центральных мест столицы (Трубная площадь). Это сооружение своим силуэтом, композицией и даже рядом деталей фактически копирует Александровскую колонну в Санкт-Петербурге – памятник победы над наполеоновской Францией в 1812–1814 гг. На массивном четырехугольном постаменте стоит круглая гранитная колонна, увенчанная фигурой св. Георгия Победоносца, причем поза святого фактически повторяет движение ангела Александрийского столпа. Дополнительное сходство придают барельефы, капитель колонны и пропорции сооружения. Перекликаются и посвящения: в первом случае «Александру I благодарная Россия», во втором – «Благодарная Россия солдатам правопорядка,

---

¹ Инфоportal Зеленограда // Официальная группа Вконтакте. – URL: https://vk.com/wall-25209487_512733

² Холодов С. О солдатах правопорядка в Великой Отечественной войне рассказали в Москве // Ветеранские вести. – 2020. – 26.07. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/595b6117e86a9e3f7efbbebd/o-soldatah-pravoporiadka-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-rasskazali-v-moskve-5f1d917512130c35df922a43>

³ От дяди Степы до «ментов позорных». – 2016. – 02.02. – URL: <https://sozero.livejournal.com/749275.html>

погибшим при исполнении служебного долга»¹. Такое копирование замечают многие авторы комментариев в интернете, причем немалая доля воспринимает подражание по меньшей мере с недоумением. Памятники «солдатам правопорядка», установленные в различных регионах, нагружены военной символикой (орел с мечом в когтях – Петрозаводск; летящий витязь с мечом – Липецк, шпиль в виде штыка – Саратов и т.д.), в результате чего они неотличимы от посвященных воинам Советской армии, погибшим в боях с внешними врагами.

Другая характерная черта памятников сотрудникам НКВД и МВД – эксплуатация религиозных символов. Бронзовая скульптура архангела Михаила (покровителя всех воинов) со щитом в виде значка Московского уголовного розыска установлена на территории церкви недалеко от главного здания на Петровке, 38. В настоящее время в Москве насчитывается 12 фигурных памятников и десятков памятных досок, посвященных большей частью сотрудникам столичной милиции (полиции), убитым при исполнении обязанностей². Для памятника в Санкт-Петербурге на рубеже 1990–2000 гг. была изготовлена модель, изображавшая конную фигуру св. Георгия Победоносца, фактически копирующая иконописный образ этого святого. Руководству местного УВД такой вариант не понравился, и установка монумента, посвященного питерским полицейским, по-прежнему ждет своего часа³.

Один из очевидных трендов современной отечественной монументалистики получил название «Тысячелетняя Россия». Его основа – акцент на «глубокие исторические корни». Проявлением этого стала демонстрация прочных исторических связей ныне живущих с далекими и близкими предками.

В 1993 г. на горе Соколик под Псковом был открыт памятник Александру Невскому. Монумент попал в список объектов, которые создавались согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета

---

¹ Семушкин А. Памятник солдатам правопорядка // Памятники в России. – 2018. – 07.09. – URL: <https://pamyatniki-v-rossii.ru/stely/pamyatnik-soldatam-pravoporjadka-pogibshim-pri-ispolnenii/>

² Карта памяти // ГУ МВД России по г. Москве. – URL: <https://yandex.ru/maps/?um=constructor:Se5TfqIMxEV6fMShfaU0pJ4zbyr-aZYH&source=constructorStatic>

³ Памятник сотрудникам Министерства внутренних дел России в Петербурге // PITERBU.RU. – 2019. – 22.04. – URL: <https://piterbu.ru/pamyatniki-peterburga/pamyatnik-sotrudnikam-ministerstva-vnutrennix-del-rossii-v-peterburge.html>

Министров СССР от 21.01.1967 г., № 58 «О плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение». В 1969 г. проект был готов и одобрен на различных уровнях, но затем процесс его установки затормозился и был завершен уже в постсоветской России. 18 сентября 2015 г. в Старой Ладоге открыли памятник легендарному Рюрику и еще более легендарному Вещему Олегу. На берегу Чудского озера 11 сентября 2021 г. встал бронзовый князь Александр Невский со своей дружиной. Оба монумента посетил В.В. Путин¹.

В русле этого тренда в Москве в 2015 г. установили памятник, посвященный «российским сыщикам всех поколений» от Петра Великого до наших дней². В мае 2018 г. в Звенигородском сквере северной столицы был открыт бюст соратнику Петра Великого первому генерал-полицимейстеру Санкт-Петербурга А.М. Девиеру в рамках празднования 300-летия российской полиции. «Представители Министерства внутренних дел многократно подчеркивали необходимость обращения к истокам. Ведь если история советской милиции знакома многим, то более давние события, когда служба правопорядка только была основана, долгое время были в забвении. Мы должны восстановить право на память и благодарность со стороны потомков целого ряда полицейских деятелей России», – заявил на церемонии открытия генерал-лейтенант внутренней службы Владимир Кубышко³. В Нижнем Новгороде на установленную полукругом бронзовую скамью усадили бронзовые фигуры охранявших правопорядок в различные эпохи – дореволюционного городского, советского милиционера и современного полицейского.

Первый памятник «царскому» стражу порядка был поставлен в 1998 г. в Санкт-Петербурге, но тогда он воспринимался как средство «оживления» города за счет городских скульптур, не имевших особой символической нагрузки. В 2000-е годы такие же изваяния появились еще в 16 городах (Владикавказ, Елабуга, Ка-

---

¹ Святой князь: в Псковской области открыли памятник Александру Невскому // Мир-24. – 2021. – 12.09. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=w_IiS4ZE44

² По инициативе ветеранов уголовного розыска в Москве впервые открыт памятник сыщикам // ГУ МВД России по г. Москве. – 2015. – 28.10. – URL: <https://77.мвд.рф/news/item/6682502>

³ В честь 300-летия полиции в Санкт-Петербурге появился памятник первому генерал-полицимейстеру // Комсомольская правда. – 2018. – 24.05. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26833/3873522/>

луга, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Плёс, Ржев, Саратов, Ульяновск, Серпухов, Тула, Ярославль). Нельзя было не заметить симпатию к ним местного населения и приезжих.

О значении корпоративных памятников для силовиков со всей откровенностью сказано в первых строках статьи о двухлетних проволочках с установкой памятника милиционерам в Санкт-Петербурге: «В Северной столице, в отличие от Москвы, люди не могут почтить память сотрудников милиции и полиции, которые погибли при исполнении служебного долга»¹. Это утверждение вызывает недоумение, поскольку в Санкт-Петербурге и области более 20 знаков в память о милиционерах, большая часть которых появилась в 2020-е годы. В то же время фото- и видеорепортажи о памятных знаках «солдатам правопорядка» создают впечатление того, что сбор их сослуживцев носит в большей степени официальный характер, чего нельзя сказать о монументах в честь другой знаковой группы отечественных силовиков, образ которых в общественном сознании россиян, в отличие от полицейских (милиционеров), чрезвычайно романтизирован и героизирован.

Речь идет о пограничниках. В России, кроме общего для всех военнослужащих Дня защитника отчества 23 февраля, существуют праздники для всех родов войск и многих военных специальностей. Создано 64 повода для торжественных мероприятий, т.е. более чем по пять в каждый из 12 месяцев². Почти все эти празднества проходят незаметно для жителей РФ, но в День воздушно-десантных войск (2 августа) и в День пограничника (28 мая) на улицах российских городов можно увидеть немало людей соответственно в голубых беретах или в зеленых фуражках. Для них «корпоративные» мемориальные сооружения действительно служат местом ежегодных сборов: почти на всех фотографиях памятников, размещенных в интернете, присутствуют группы ветеранов, для которых служба по охране государства – счастливое время молодости, а для немалого числа – период высшей востребованности и престижного положения в обществе. Один из видеорепортажей об открытии памятного знака в Туле был так и назван:

---

¹ Свиридов А. В Петербурге два года не могут установить памятник сотрудникам МВД // Профсоюз полиции. – 2021. – 15.04. – URL: <https://www.facebook.com/policemagazine.ru/photos/a.641528195886347/4048209341884865/> (запрещенная на территории РФ организация).

² Армейские праздники – памятные даты для Российских военных // Протвое право: все о правах военнослужащего. – URL: <https://protvoepravo.ru/voennye-prazdniki/>

«Тульские пограничники получили место для ежегодных встреч»¹. О памятниках, где собираются десантники, речь пойдет далее.

В 1920–1930-е годы все рубежи СССР были местом соприкосновения с капиталистическим окружением, но самой беспокойной границей была дальневосточная, где постоянно происходили инциденты, переросшие в районе озера Хасан в крупномасштабный конфликт. Неслучайно в культовой советской песне «Три танкиста», ставшей неофициальным гимном не только танкистов, но и пограничников, поется о том, что «часовые Родины» стоят именно у «берегов Амура». Во Владивостоке можно выделить три скульптурных изображения, отсылающих к пограничной теме. Это памятник Илье Муромцу, считающемуся первым стражем отечественных рубежей, «Катюша»², а также Мемориальный комплекс пограничникам, погибшим при защите Отечества, в который входят «три фигуры – русский витязь, красноармеец и современный пограничник со сторожевой собакой, стоящие на постаменте у пограничного столба символизируют связь поколений, охранявших границы государства от его зарождения до наших дней»³. Два памятника «зеленым фуражкам» стоят в Чите. Бронзового стража границы можно увидеть и в Благовещенске, Хабаровске, Черемхове (Иркутская область).

В Москве памятники пограничникам находятся там, где стояли стены Белого города (obelisk) и в Терлецком лесопарке (бронзовый легендарный страж границы старшина Карацупа с верным Ингусом).

Распад СССР привел к тому, что многие области, находившиеся внутри страны, в одночасье стали пограничными. Повсеместное появление монументальных символов признания заслуг пограничников полностью соответствовало веяниям 2000–2010-х годов (атмосфера «осажденного лагеря»). Интернет-публикация «Памятник пограничникам» (899 фотографий), создает впечатление, что территория Российской Федерации от Калининграда до

---

¹ Тульские пограничники получили место для ежегодных встреч. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/13493386668269812552>

² В Приморском крае популярен миф, что ее образ связан с женой дальневосточного пограничника, жительницей Владивостока Екатериной Алексеевой, которой композитор М.И. Блантер посвятил ставшую популярной песню.

³ Кожевников О. К 100-летию пограничных войск. Памятники пограничникам. – 2016. – 10.08. – URL: <https://berni777.livejournal.com/541837.html>

Владивостока – одна сплошная застава¹. Практически все субъекты РФ имеют на своей земле монументальную композицию с характерным столбом, выкрашенным красно-зелеными полосами. При этом никого не удивляет появление памятника за сотни и даже тысячи километров от ближайшего иностранного государства. «Уже мало кто помнит, но Нижний Новгород исторически создавался как пограничная крепость, охраняющая восточные рубежи России. В течение долгих пяти веков именно от нижегородцев зависела безопасность государственных границ страны. Так что всех жителей нашего города можно в некоторой степени считать потомками пограничников. Однако все это время в областном центре Нижегородской области не было ни единого памятника прославленным воинам, охраняющим рубежи Отечества. И вот, наконец, 5 мая историческая справедливость была восстановлена», – читаем в публикации «Комсомольской Правды» об открытии мемориала в этом поволжском городе². В 2011 г. в центральном сквере Воткинска (Удмуртия) был тожественно открыт монумент «Пограничникам Воткинска и Воткинского района»³. А в 2020 г. морской порт Дудинка в нижнем течении реки Енисей украсила композиция «Пограничникам Крайнего Севера»⁴. В 2021 г. в Удмуртии появился еще один памятник «стражам рубежей» в поселке Ува⁵. Значительная часть сооружений в честь «зеленых фуражек» заслуживает определения «бюджетные», а их облик решительно отвергает мысль об участии профессиональных архитекторов и скульпторов в их создании. Памятный знак «Пограничникам всех поколений», открытый 12 октября 2020 г. в г. Новозыбкове на границе Украины

---

¹ Блог М. Гудзеря. – URL: https://my.mail.ru/mail/goudzera_mikhail/photo/1322/4586.html

² Кротов В. В Нижнем Новгороде открыли памятник героям-пограничникам // Комсомольская правда. – 2018. – 08.05. – URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26974/4032591/>

³ Пограничный столб между СССР и Россией // Уроки истории. – 2011. – 28.05. – URL: <https://urokiistorii.ru/articles/pogranichnyj-stolb-mezhdu-sssr-i-rossie>

⁴ До ближайшей государственной границы (с Норвегией) от Дудинки по прямой – около 2300 км.

⁵ В поселке Ува открыли памятник пограничникам // Боевое братство. – 2022. – 21.05. – URL: <https://bbratstvo.com/2018/05/21/v-poselke-uva-otkryli-pamyatnik-pogranichnikam>

и Брянской области, вообще может претендовать на звание самого уродливого монумента России¹.

Когда южная и восточная административные границы Челябинской области после распада СССР превратились в «священный рубеж России», в областном центре этот рубежный синдром стал столь заметным, что не обошлось без установки памятного знака «Пограничникам Южного Урала». Аналогичная ситуация возникла в Новосибирской области, в административном центре которой в 2018 г. поставили сооружение «Граница России священна и неприкосновенна», на которое не пожалели полированного гранита разных цветов². Более скромное сооружение поставили в районном центре этой области городе Бердске. В Арзамасе «вспомнили», что в XVI в. город был составной частью оборонительной линии, отделявшей Русь от враждебной «степи». В 2015 г. там была поставлена гранитная вертикальная плита, разделенная на две половины пограничным столбом. На одной – выдержка из безымянного указа Ивана Грозного 1552 г. о том, чтобы Арзамасу «велено быти на государственной службе». На другой – «Защитникам рубежей Государства Российского – пограничникам – уроженцам земли Арзамасской сей памятный знак...»³ Пограничными в 1991 г. стали Курская, Ростовская и Тюменская области России, где в административных центрах появились соответствующие изваяния солдат и собак⁴. При этом на открытии монумента в Курске «все без исключения отметили актуальность охраны границ в условиях возрастающей в мире террористической угрозы и нестабильной ситуации в соседней Украине»⁵. В статьях об открытии этого монумента мелькают упоминания о том, что Курск вновь

---

¹ Скандал разгорается в Новозыбкове из-за установки в сквере странного памятника пограничникам // Брянский вестник. – 2020. – 31.08. – URL: <https://avchernov.ru/news/skandal-razgoraetsya-v-novozybkove-iz-za-ustanovki-v-skvere-strannogo-pamyatnika-pogranichnikam/>

² Соломина Д. В День пограничника в Новосибирске открыли новый памятник // Комсомольская правда. – 2018. – 28.05. – URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/3127990/>

³ Памятник пограничникам Арзамаса и Арзамасского района // Арзамасский историко-художественный музей. – URL: <http://museum-arzamas.ru/city/monument/45>

⁴ Косенчук А. В Тюмени открыли памятник герою-пограничнику Никите Карацуле // Аргументы и факты. – 2016. – 30.05. – URL: https://tmn.aif.ru/society/v_tyumeni_otkryli_pamyatnik_geroyu-pogranichniku_nikite_karacupe

⁵ В Курске открыли памятник пограничникам России // Курск 46. – 2016. – 28.05. – URL: <https://kursk46.com/news/5884-v-kurske-otkryli-pamyatnik-pogranichnikam-rossii.html>

стал «пограничным форпостом на западных (!) рубежах России»¹. «Появление монумента связано с тем, что по территории региона проходит большой участок государственной границы, где в настоящее время делается все для того, чтобы рубежи Родины были под надежной защитой». Многофигурный бронзовый памятник пограничникам в 2021 г. появился в районном центре этой области городе Поньри². В Мурманске в 2013 г. поставили памятник «Пограничникам Заполярья». Эта повсеместная установка множества символов охраны рубежей была порождена прежде всего появившимся ощущением напряженности в связи с новым очертанием государственных границ – очертанием реальным и воображаемым³.

Как всякая кампания, волна установки памятников пограничникам не могла обойтись без курьезов. В башкирском городе Ишимбае фигура воина с собакой украшала двор местного детского сада с 1940-х годов наравне с гипсовыми вазами, гипсовыми пионерами и гипсовыми физкультурниками. В 2018 г. ее реставрировали, «повысили в статусе» и переместили в центр благоустроенного по такому случаю пустыря, получившего название «Сквер пограничников».

Так же, как и в случае с памятниками полицейским, в мемориалах пограничникам отчетливо видна претензия на то, что «зеленые фуражки» не менее других заслуживают своей весомой доли символического пространства в «тысячелетней России». Памятник, открытый в декабре 2015 г. в Краснодаре, представляет собой 15-метровый гранитный обелиск, грани которого разделены пятью скульптурными фигурами (древнерусский витязь, солдат суворовской эпохи, казак, моряк и пограничник в советской униформе), «которые олицетворяют собой те силы, которые в разные периоды истории российского государства стояли на страже его границ»⁴. 28 мая 2019 г. появился памятник «Стражам границы» в Пскове. В центре композиции крепостная башня, окруженная шестью бронзовыми фигурами, которые символизируют шесть эпох: витязь с копьем – Русь Древнюю, стрелец с бердышом и мушкетер –

---

¹ В Курске открыли памятник пограничникам России // vKurske.com. – 2016. – 30.05. – URL: <https://vkurske.com/society/121085/>

² На северном фесе Курской дуги открыли памятник пограничникам // РИА Курск. – 2021. – 22.06. – URL: <https://riakursk.ru/na-severnom-fase-kurskoj-dugi-otkryli-pamyatnik-pogranichnikam/>

³ См. гл. 7, написанную А.И. Миллером.

⁴ Память защитников рубежей Отечества увековечили в Краснодаре // Regnum. – 2015. – 07.12. – URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2029696.html>

Русь Московскую, солдат с винтовкой Мосина – Россию дореволюционную, красноармеец в буденовке с карабином – СССР предвоенный, спецназовец с автоматом Калашникова – наши дни. Центральное место занимает пограничник классического «советского вида» – в фуражке, в плаще наотлет, с биноклем на груди и верным псом у левой ноги¹.

«Памятник пограничникам Карелии», установленный в Петрозаводске 8 июня 2010 г., включает в себя бронзовые барельефные доски, отражающие различные периоды в истории пограничной службы². 28 мая 2020 г. памятник пограничникам открыли в Смоленске. На сайте администрации области по этому поводу появилось информационное сообщение, где были такие слова: «Для страны с такой протяженностью государственной границы (она составляет почти 61 тысячу километров) День пограничника – особая дата, демонстрирующая боевую мощь наших Вооруженных Сил. Во все времена именно безопасность в пограничной сфере во многом определяла политическую стабильность государства, обеспечение его национальных интересов. Нынешнее поколение пограничников с честью приумножает авторитет и боевую славу своих предшественников, создавая надежный заслон трансграничной преступности и наркотрафику, международному терроризму и экстремизму, нелегальным мигрантам и нарушению территориального суверенитета страны»³. 28 мая 2018 г. в Великом Новгороде открыли памятный знак, по любопытному совпадению место ему определили в сквере у гостиницы «Интурист». Большое число памятников было приурочено к празднованию столетия пограничной службы России.

Это увеличение числа памятников пограничникам нельзя не связать со стремлением продемонстрировать огромную роль органов государственной безопасности (НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ) в обеспечении благополучия России, что наблюдается в различных

---

¹ Памятник, посвященный защитникам государственной границы. – URL: <http://www.pleskov60.ru/pamiatnik-pogranichnikam.html>

² Памятник пограничникам Карелии // ГКУРК Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия. – URL: <http://monuments.karelia.ru/ob-ekty-kul-turnogo-nasledija/kniga-velikaja-otechestvennaja-vojna-v-karelii-pamjatniki-i-pamjatnye-mesta/stat-i-ob-ob-ektah-voenno-istoricheskogo-nasledija/petrozavodsk/pamjatnik-pogranichnikam-karelii/>

³ В Смоленске открыли памятник воинам-пограничникам // Администрация Смоленской области. – 2018. – 28.05. – URL: https://admin-smolensk.ru/novosti/news/news_20539.html/

сферах. В 12-томной истории Великой Отечественной войны один из томов целиком посвящен вкладу секретных служб в победу над нацизмом, в состав отечественного ВМФ входят корабли, названные именами российских разведчиков. Тому же способствует нагнетание атмосферы «осажденного лагеря», где на передовом рубеже обороны всегда были пограничники. Наконец, для советского времени была характерна романтизация службы на границе, не изжитая до сей поры. Новые границы государства породили новое ощущение напряженности.

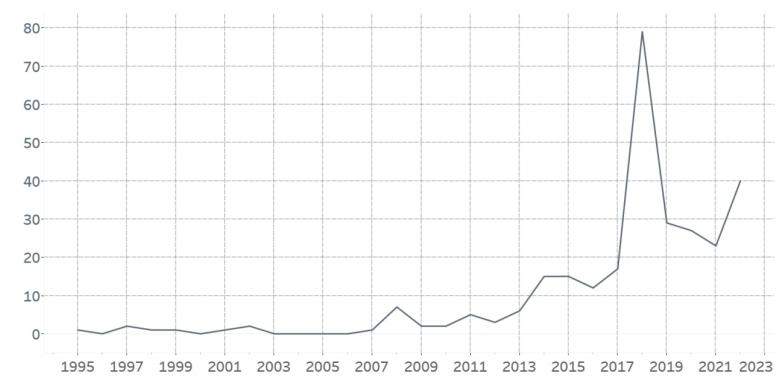

Рис. 2. Количество памятников пограничникам¹

Таким образом, 2000-е и особенно 2010-е годы – время активного выдвижения в символическое пространство знаков «особого достоинства» различных силовых структур. При этом очень заметно стремление эксплуатировать идею защиты отечества, которому грозит реальная опасность со стороны внутренних и внешних врагов. Поскольку безусловной ценностью обладает все, что связано с победой в Великой Отечественной войне, в мемориалах как милиционерам, так и пограничникам (входили в систему НКВД – КГБ), по мере возможности звучат ноты, отсылающие к участию в битве с нацизмом. Так, летом 1942 г. в боях за перевалы, ведущие в район Сочи, на пути немецких егерей встали бойцы 20-й горнострелковой дивизии, на помощь которым подошли 23-й и 33-й пограничные полки НКВД. Но на мраморной доске, установленной в память о защитниках Кавказа, говорится только о за-

¹ По данным Центра изучения культурной памяти и символической политики.

слугах пограничников. Во Владикавказе восстановили памятник солдатам и офицерам 12-й дивизии НКВД после публикации на официальном республиканском портале Северной Осетии в 2009 г. статьи «НКВД рождал и палачей, и настоящих героев». Завершалась статья следующими словами: «А хотелось бы чтобы у молодого поколения аббревиатура “НКВД” ассоциировалось не только с тюрьмами и лагерями, но и с мужественными защитниками, отстоявшими столицу Северной Осетии в грозном 1942 году»¹.

В Волгограде возвышается 17-метровый обелиск, посвященный воинам 10-й дивизии НКВД, оборонявшим Сталинград. Венчает сооружение бронзовая фигура чекиста с мечом в поднятой руке². В 2005 г. в Краснодаре был установлен обелиск «Чекистам Кубани». То, что его открытие было приурочено к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, и что сама церемония стала важной частью юбилейных воинских торжеств, свидетельствует о стремлении придать памяти о сотрудниках госбезопасности «фронтовой оттенок»³.

В конце 1990-х – 2000-х годах во многих городах России были установлены памятники воинам-интернационалистам (которые часто именуют мемориалами воинам-афганцам). Инициаторами и спонсорами в основном выступали организации ветеранов – участников этого многолетнего конфликта. Памятники «афганцам» появились в Перми (1994), Белгороде (1995), Иркутске (1999), Краснодаре (1999), Кирове (2002) и других городах. Даже если монумент официально был посвящен воинам, сложившим головы в различных точках земного шара после 1945 г., в обиходе его всегда называют памятником Афганцам. Особый характер боевых действий в Афганистане, связанный с горной местностью и разрозненностью групп противника, привел к тому, что проведение значительного числа боевых операций было возможно лишь силами воздушно-десантных войск. Они же сформировали после войны одно из наиболее заметных и активных ветеранских сообществ, имеющих собственных героев (прежде всего В.Ф. Маргелов) и регулярные дни памяти (кроме начала августа, еще и 2 мая как день

---

¹ Киреев Ф. НКВД рождал и палачей, и настоящих героев // 15-й регион. – 2009. – 23.08. – URL: <https://region15.ru/article/nkvd-rozhdal-i-palachey-i-nastoyaschih-geroev/>

² 30 самых известных памятников Волгограда // must-see.top. – 2021. – 12.05. – URL: <https://must-see.top/pamyatniki-volgograda/>

³ Памятник чекистам Кубани в Краснодаре // RusTeam.media. – URL: <https://rus.team/landmarks/pamyatnik-chekistam-kubani-ot-krasnodartsev>

парашютистов). «Объединяющим горем» для россиян стала катастрофа в Чернобыле. Первый памятник «ликвидаторам» установили в 1999 г. Сегодня такие знаки имеются практически в каждом регионе¹.

Одним из политических явлений второй половины XX в. было соревнование в космосе, до конца 1960-х годов часто имеющее «лунной гонкой», поскольку главной целью было первенство за высадку на Луне. До середины 1960-х годов СССР успешно конкурировал с США, даже занимая лидирующие позиции на заре космической эры. Полет первого человека в космос (советского человека, русского человека) был и остается колоссальным символическим успехом для россиян. Нынешнее состояние отечественной космонавтики заставляет вспоминать период побед на околоземной орбите и в солнечной системе по уже опробованной схеме эксплуатации былой славы. В значительной степени этим объясняется крайне скудный репертуар знаков, посвященных российскому космосу. Из шести десятков монументальных знаков, говорящих о выходе в околоземное пространство, 49 – фигуры Ю.А. Гагарина (1934–1968) и С.П. Королева (1906–1966). География этих символов – откровенно всероссийская (всесоюзная) – Москва, Ташкент, Коломна, Смоленск, Южно-Сахалинск, Саратов, Златоуст, Калининград, Тирасполь, Йошкар-Ола и др.

Интенсивная эксплуатация памяти о победе в Великой Отечественной войне в истекшее тридцатилетие имела своим следствием появление множества мемориалов, в которых заметно стремление выделить боевые и трудовые заслуги уроженцев тех регионов, где они установлены, а также акцент на подвиги представителей отдельных родов войск. В 2005 г. в Тюмени появился памятник «Прощание» в память о местных жителях, не вернувшихся с войны. В Кирове в 2007 г. установили монумент «Кировским журналистам-фронтовикам»; в 2011 г. – Памятник ветерану в Калуге, в 2015 г. – Памятник полку «Нормандия-Неман» в Иванове; в 2016 г. – Памятник труженикам тыла (Киров). Такой же монумент в 2010 г. воздвигли в Тюмени и в Омске. В Волгограде с открытием навигации появляется плавучий памятник «Погибшим речникам. 1942–1943», в Иркутске поставили Памятник работникам завода им. Куйбышева, павшим в Великой Отечественной войне.

---

¹ Только в Москве и Московской области – около 50 памятников, памятных знаков, табличек и крестов.

Настойчивое упоминание того, что разгром германского фашизма был оплачен миллионами жизней советских людей, не могло не отразиться в форме закрепления представлений о «цене победы» в монументальных формах, семантика которых в большей степени трагична, нежели героична. Препятствием актуализации памяти о битве под Ржевом в 1942–1943 гг. долгое время были колоссальные потери советских войск и провальные действия военачальников всех уровней (включая Г.К. Жукова). Только в 2007 г. Ржев стал «Городом воинской славы». В 2020 г. битва в местных лесах и болотах, которую сразу окрестили «мясорубкой», была символически «уравнена» с другими местами главных сражений Великой Отечественной войны сооружением величественного мемориала и участием в его открытии главы государства. Появились памятники там, где находились лагеря военнопленных. Самый монументальный и «многострадальный» – Дулаг-100 под Порховом. Его строительство началось в 1983 г. и завершилось в 2016-м¹. Кроме того, созданы мемориалы Дулаг-184 – Вязьма, 2014 г.; Дулаг-320 – Ленинградская область, 2020 г.²

Усиление позиций Русской православной церкви в политическом пространстве России проявилось и в ее заметно возросшем присутствии в пространстве символическом. Возрождение разрушенных и строительство новых культовых сооружений, всегда воздвигаемых в топовых точках, являются бесспорным тому подтверждением. Но традиционные фундаментальные знаки торжества «греческой веры» – соборы и часовни – не всегда могут служить удобным инструментом для закрепления присутствия церкви в символическом пространстве из-за своей высокой стоимости, размеров, сложностей «вписания» в городской ландшафт, необходимости нести эксплуатационные расходы и т.д.

Установка памятника святому в его традиционном «светском» виде решала все эти проблемы или по крайней мере их минимизировала. Крайне важно то, что таким образом можно было прославлять церковных деятелей, не причисленных к рангу святых

---

¹ Семенов А. Фабрика смерти // Псковская правда. – 2011. – 27.07. – URL: <https://pravdapskov.ru/rubric/33/7770/?print> ; Смирнов К. Сколько Голгоф на Руси? История одного мемориала в контексте истории одного уездного города // Новая газета. – 2021. – 21.01. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/21/71240-kim-smimov-skolko-golgof-na-rusi-istoriya-odnogo-memoriala-v-kontekste-istorii-odnogo-uezdnogo-goroda>

² Дулаг – сокращенный вариант немецкого «Durchgangslager» – пересыльный лагерь для военнопленных.

или мучеников, в честь которых не полагалось освящать храмы. Новизну такой глорификации святых и церковных деятелей отметили даже журналисты, с благоговением пишущие о деятельности РПЦ: «Традиция скульптурного изображения приживается в современной православной практике, в том числе через создание монументального образа этого святого»¹. Верующие настороженно встретили новшество, поскольку воспринимали объемные фигуры как «идолы»².

Особого внимания заслуживают изваяния Иоанна Кронштадтского (1829–1908), активного церковно-общественного деятеля, популярного проповедника, придерживавшегося консервативных взглядов, «духовного вдохновителя» черносотенной монархической организации «Союз русского народа». При жизни за ним тянулся шлейф разного рода скандалов, либералы-соотечественники откровенно и не без оснований называли его мракобесом. В 1990 г. он был канонизирован, на территории России и за ее пределами ему посвящены более 30 храмов. Памятники Иоанну Кронштадтскому в 2008–2021 гг. были открыты в Кронштадте, Воронеже, Москве, Иркутске, в Вышнем Волочке, в с. Суре Архангельской области, в Абхазии. Еще три «типовых» памятника отправились в США, в Абхазию и в Австралию как дар тамошним православным общинам³.

11 августа 2004 г. в Анадыре появился памятник св. Николаю, самый большой в мире – высота вместе с постаментом – 25 м., при этом впечатление усиливает установка его на высоком морском берегу. «По замыслу инициаторов основная цель такого монумента – охрана духовного и географического достояния нашей Родины от внешних угроз»⁴.

После канонизации в 2004 г. адмирала русского флота Ф.Ф. Ушакова (1745–1817) (святой праведный Феодор Ушаков), в России и за ее пределами появилось более десятка бронзовых и

---

¹ Памятники святому Иоанну Кронштадтскому разъедутся по всему миру // Эксперт. – 2020. – 31.10. – URL: <https://expert.ru/2020/10/31/pamyatniki-ioannu-kronshtadtskomu-razedutsya-po-vsemu-miru/>

² Памятники святым нужны православию? – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/608b0cad3d0dd41952d596ab/pamiatniki-sviatym-nujny-pravoslaviiu--60a035978bcfa40dc3a52245>

³ Памятники св. Иоанну Кронштадтскому передадут общинам нескольких стран // Regnum. – 2020. – 30.10. – URL: <https://regnum.ru/news/3103507.html>

⁴ Берсенева А. Памятник Николаю Чудотворцу в Анадыре // Russian mystery. – 2018. – 14.11. – URL: <https://rusmystery.ru/pamyatnik-nikolayu-chudotvorcu-anadyr/>

каменных фигур этого святого покровителя российского военно-морского флота (с 2000 г.) и отечественных стратегических военно-воздушных сил (с 2005 г.)¹. Неопределенность в подсчете изваяний этого флотоводца объясняется тем, что некоторые из них изготовлены в рамках программы «Аллея славы», и их статус требует уточнения. Святому Владимиру поставили четыре памятника, 15 – св. Сергию Радонежскому, 10 – Николаю Чудотворцу. Абсолютными чемпионами являются св. Петр и Феврония – в городах России с 2008 г. уже появилось более 35 изваяний тех, кого считают небесными покровителями брака и семьи².

Скульптуры животных и киногероев – знаки фронды?

Рубеж XX–XXI вв. – начало массового появления в городских скверах, на оживленных улицах и даже на важных площадях скульптур, для которых характерны «демонстративный отказ от монументальности и демократизм». Закавыченные слова – консолидированное мнение авторов о статуях, исчисляемых уже сотнями и во многих случаях успешно конкурирующих с «традиционными» памятниками³.

Зачастую жители России не могут объяснить почему скульптура того или иного деятеля занимает видное место в публичном пространстве. Для огромного числа людей известность как таковая – синоним признания заслуг перед Отечеством, и даже перед всем человечеством по формуле: «знаменит тем, что знаменит». Во многих городах России можно увидеть бронзовых литературных героев и особенно героев кинолент.

Кроме того, городские скульптуры почти всегда улучшают имидж города, способствуют его известности и привлекательности для туристов. Ошеломившая своим видом «Аленка», установленная в Нововоронеже, сделала этот городок Воронежской области известным всей России⁴. Путешественники, несомненно, пред-

---

¹ Латин В.В. Два адмирала. Ф.Ф. Ушаков и П.С. Нахимов в исторической памяти. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 78–80.

² С 2002 г. в России было установлено более 110 памятников русским православным святым.

³ Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект городского визуального пространства // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 95–99.

⁴ Солнцева А. Горожане выступили против установки постапокалиптической «Аленки в Воронеже» // Вести Воронеж. – 2021. – 21.01. – URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/01/21/gorozhane-vystupili-protiv-ustanovki-postapokaliptichnoi-alyonki-v->

почтут сделать селфи с улыбкой на фоне смешной фигуры, а не перед «официальным» памятником, наведя на лицо соответствующее выражение. При всем искреннем уважении к светилам отечественной науки и культуры их изваяния давно лишились такого важного качества для монументов как уникальность: памятников А.С. Пушкину в России около 300, Л.Н. Толстому – 17, Н.В. Гоголю – 8, М.В. Ломоносову – 18, М.Ю. Лермонтову – 26, П.И. Чайковскому – 10. А вот бронзовых Бременских музыкантов можно увидеть только в Красноярске, Хабаровске и Липецке. Повсеместность и популярность подобных городских скульптур можно расценить как наступление «постгероического» времени, как проявление усталости от официозного поклонения «героям», активного и пассивного навязывания моральных ценностей. В Красноярске фигуру бронзового трубадура с товарищами перенесли на другое место в связи с установкой знака в честь присвоения городу звания «Герой трудовой доблести». Это вызвало недовольство немалого числа горожан¹.

Нельзя не обратить внимания на то, что городские скульптуры (совершенно деполитизированные) во многих случаях вызывают полемику не менее острую, чем «монументы-лозунги». Важная причина тому заключается в стойкой традиции воспринимать «долговременные» сооружения в важных точках публичного пространства как нечто очень серьезное, несущее большую идеологическую нагрузку. Поэтому фигуры, не представляющие «героев-ученых-поэтов-мыслителей», для людей, неспособных оторваться от такого шаблона, становятся сильными раздражителями. Кроме того, бронзовые дворники и водопроводчики, а также бронзовые собаки, утки (и даже клизма, такой памятник стоимостью 1 млн рублей установлен в Железноводске)² могут рассматриваться как отвлечение внимания на «простое и непафосное», что не вполне

---

voronezhe ; *Трещикова Е.* Нововоронежская «Аленка» посетит рок-фестиваль «Чернозем» // Вести Воронеж. – 2021. – 16.02. – URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/02/16/novovoronezhskaya-alyonka-posetit-rok-festival-chnozhom/> ; *Бобенко М., Анисимова Н.* Памятник Аленке купил девелопер из Воронежа // РБК. – 2021. – 15.02. – URL: <https://www.rbc.ru/society/15/02/2021/602aaecc9a7947db0cfe1020>

¹ «Безнадёга какая-то»: красноярцы раскритиковали решение о демонтаже «Бременских музыкантов» с площади перед ДК 1 Мая // Newslab. – 2021. – 16.08. – URL: <https://newslab.ru/news/1052661>

² *Минаков В.* Памятник клизме в Железноводске вошел в рейтинг самых необычных скульптур мира // Комсомольская правда. – 2015. – 01.07. – URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26400/3276927/>

соответствует канонам пропаганды. В то же время в этих бронзовых фигурах нет и намека на какой-либо протест, из-за чего в ряде городов власти не только идут навстречу инициаторам их создания, но и оказывают всяческое содействие. Разумеется, в ряде случаев мы имеем дело с удачным использованием литературных образов для конструирования героической истории. В 1995 г. на площади Победы в Смоленске открыли памятник Александру Твардовскому и Василию Теркину, чьи имена в литературе о Великой Отечественной войне неразделимы. Фигуры знаменитого литератора – уроженца смоленской земли и рожденного им литературного героя изображены равными по размеру и равнозначными в композиции¹.

Есть основания считать такие сооружения демонстрацией региональной идентичности. В одних случаях это – указание на характерный для региона акцент (Вологда), в других – на известную присказку, свидетельствующую о «древности» (Пермь), в-третьих – на специфику места (Железноводск). Огромное число городских скульптур, «начиненных разными смыслами», даже не всегда понятными без объяснения экскурсовода, также можно расценить как манифестацию своей «особости», хотя и без историко-политического подтекста. Можно ли в этих «кошках-собаках» усмотреть протест против заполнения символического пространства назойливо внедряемыми в сознание знаками былого и настоящего величия – вопрос открытый. В данной статье сюжет о скульптурах такого рода (при осознании всей спорности причисления их к памятникам) важен для формирования главного тезиса о складывании схожего монументального ландшафта.

Крым. Символическое закрепление

Тенденция к созданию однородного по репертуару и «одноликого» по стилистике монументального ландшафта на территории России особо заметна в Крыму. За семь лет, прошедших после появления в феврале 2014 г. на полуострове «вежливых людей», там осуществили несколько масштабных инфраструктурных проектов (мост через Керченский пролив, автострада «Таврида», реконструкция аэропорта в Симферополе, модернизация электро- и

---

¹ Памятник А. Твардовскому и В. Теркину // Администрация города Смоленска. – URL: <https://www.smoladmin.ru/o-smolenske/turizm/dostoprimechatelnosti/pamyatniki/pamyatnik-a-tvardovskomu-i-v-terkinu/>

газоснабжения). В этот же период административная, правовая, банковская, торгово-промышленная системы были перестроены по российским стандартам. Все это сопровождалось разнообразными действиями, нацеленными на символическое оформление «возвращения Крыма». Важную роль здесь сыграла активная монументальная пропаганда, ключевым пунктом которой был тезис о том, что Крым – «исконно русская земля».

В 1996 г. в Севастополе появился памятник воинам-афганцам, в 2000 г. – адмиралу Н.Г. Кузнецову, в 2011 г. – «чернобыльцам». В 2005 г. была открыта «Аллея городов-героев», имена которых были выбиты на стилизованных противотанковых надолбах. Наличие аналогичных мемориалов в Москве, Смоленске, Бресте, Санкт-Петербурге и других городах Российской Федерации формировало символический мостик между ними и Севастополем. Все эти знаки – символы общего прошлого Украины и России.

До перехода Крыма под юрисдикцию России, допуск различных акторов к монументальной пропаганде проявился в появлении памятников, которые трудно представить в условиях монолитности политики памяти. В 2005 г. в селе Черемисовке (бывш. Копырликой) был установлен памятник крымско-татарскому легендарному герою Алим Азамат-оглу Айдамаку (1816–1849), местному Робин Гуду, грабившему богачей и раздававшему добычу беднякам¹. 14 сентября 2007 г. в Симферополе был открыт памятник «Выстрел в спину»: женщина пытается удержать смертельно раненого мужчину. У основания этой композиции надпись: «В память о жертвах советского народа, павших от рук пособников фашистов – воjak ОУН-УПА и других коллаборационистов». Во время церемонии открытия памятника произошла стычка между членами Коммунистической партии Украины (инициаторами и спонсорами установки такого мемориала) и членами Прогрессивной социалистической партии Украины, пытавшимися всеми способами не допустить появления такого сооружения. Уже через десять дней монумент был залит красной краской, проукраинские политические

---

¹ Семена Н. Благородный герой, воспетый в крымскотатарских легендах и литературе // Крым. Реалии. – 2020. – 06.07. – URL: <https://ru.krymr.com/a/blagorodniy-krymskotatarskiy-geroy-vospetiy-v-legendah-i-literature/30705833.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента) ; Ибраимова Д. «Темная» история с памятником Алим Аймаку // Crimean tatars. – 2017. – 23.08. – URL: <https://www.crimeantatars.club/life/society/tyomnaya-istoriya-s-pamyatnikom-alimu-ajdamaku>

силы считают его установку провокацией коммунистов¹. Этот памятник многими рассматривался как ответ крымчан на то, что президент Украины В.А. Ющенко в том же 2007 г. присвоил звание героев Украины С. Бандере и Р. Шухевичу, имена которых служат символами сотрудничества с нацистами.

Юридическим основанием для изменения международного статуса Крыма являются не «исторические права» России на него, а результаты референдума 16 марта 2014 г., решения местного парламента и т.д., но идеологической подоплекой установления монументов является как раз утверждение вышеуказанных «древних прав». В связи с этим на первом плане оказались исторические деятели, чьи образы ассоциируются с «завоеванием Тавриды». Уже 12 апреля 2014 г., т.е. менее чем через месяц после референдума о присоединении этой территории к России, при въезде в Севастополь были поставлены бюсты Екатерины II и князя Г.А. Потемкина. В сентябре 2014 г. в Керчи была установлена памятная доска в честь 240-летия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, который подвел итоги Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Крымское ханство тогда было объявлено независимым от Османской империи, что предопределило его присоединение к России. Организаторы мемориальной акции старательно проводили параллели между договором 1774 г. и Московским договором 2014 г.²

Коммеморативные практики не оставляют сомнений, что отмечание так называемых круглых дат (кратных векам и их половинам) зачастую провоцирует магия нумерологии, особенно если это касается не события, а личности. Здесь сказываются почтение к столетию как к солидному отрезку времени, часто соотносимому с возможной продолжительностью жизни человека, а также синонимичность понятий «век» и «эпоха». Прочие цифры в названиях юбилеев без оговорок указывают на высокий уровень актуальности. Потерпеть до 2024 г. (т.е. до 250-летия юридического оформления результатов победной войны) организаторам акции не представлялось возможным.

Примечательно, что доска в Керчи – первый в истории знак в память об этом дипломатическом акте. Два монумента, построенные еще в XVIII в. и до XXI в. не сохранившиеся, на которых

---

¹ В Крыму открыт монумент жертвам бандеровцев // Lenta.ru. – 2007. – 14.09. – URL: <https://lenta.ru/news/2007/09/14/monument/>

² В Керчи открыт памятный знак в честь присоединения Крыма к России. – 2014. – 12.09. – URL: <https://khodakovsky.livejournal.com/46196.html>

было выбито «Кучук-Кайнарджи», посвящались екатерининскому полководцу П.А. Румянцеву¹.

5 мая 2014 г. в Севастополе уже существовавшие в нем монументальные знаки российской морской славы дополнили памятником адмиралу Д.Н. Сенявину. Бронзовая статуя этого флотоводца – дар Министерства обороны РФ городу-герою. На торжественной церемонии присутствовали соответствующие высокие персоны – статс-секретарь – заместитель министра обороны РФ Н.А. Панков, командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Витко, исполняющий обязанности губернатора Севастополя С.И. Меняйло.

16 марта 2016 г. в Екатерининском саду в Симферополе был открыт памятник императрице, представлявший собой копию монумента, уничтоженного в годы Гражданской войны. В публикациях по поводу церемонии содержалось немало замечаний относительно актуальности события: «Вот только воспринимают такие достопримечательности крымчане ныне по-другому. Екатерининские времена ушли в глубину прошлого, а вот 2014 г. – понятен и близок. Так что бронзовая царица ныне – что-то вроде символа России, частью которой ныне является Крым»². До 2014 г. украинские власти и националистические организации отрицательно относились к идее восстановления монумента. Даже закладной камень, установленный в 2006 г., приходилось оберегать от вандалов.

По бокам постамента возрожденного памятника Екатерине II стоят четыре статуи ее сподвижников. Автоматически расширился список тех, кого еще в советской России вернули в ранг национальных героев. До перестройки «исторически реабилитированными» были два военачальника, отличившихся при завоевании Крыма, – Г.А. Потемкин и А.В. Суворов. Генерал В.М. Долгоруков-Крымский (1722–1782), командовавший армией на полуострове во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в советском историческом нарративе появлялся крайне редко, когда его замалчивание оказывалось более заметным, чем упоминание о нем. О дипломате Я.И. Булгакове (1743–1809), который был послом в Турции и сыграл важную роль в присоединении Крыма к России, говорилось только в научной литературе.

---

¹ Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. – Москва, 2021. – С. 232–235.

² Памятник Екатерине II в Симферополе: восставший как феникс из пепла. – URL: <https://krymania.ru/pamyatnik-ekaterine-ii-v-simferopole/>

На тыльной стороне постамента надпись: «Памятник возрожден в честь воссоединения Крыма с Россией в 2014 году навсегда». На его открытии глава региона Сергей Аксенов заявил, что так же, как при Екатерине II, Крым был мирно присоединен к России в 2014 г. Неизвестно, что заставило чиновника такого уровня сказать эти слова – лукавство или невежество, но в обоих случаях аналогия получилась более чем сомнительная. В XVIII столетии Крым лишился независимости, когда русские войска занимали ключевые позиции на полуострове, пророссийские представители местной элиты пользовались неограниченной и всесторонней поддержкой со стороны России, а выступления противников присоединения к империи безжалостно подавлялись.

7 апреля 2016 г. в Керчи открыли памятник Петру I. Это не только соответствовало отечественной традиции обозначать места, связанные с деятельностью царя-реформатора, но и было заявлением о том, что «углубляло» связь полуострова с Россией на три четверти века. На открытии этого памятника прозвучали слова: «Не было бы Петра Великого, не было бы Екатерины Великой, Ушакова, Нахимова, наверное, не было бы и победы в 1945 году»¹.

Один из лидеров крымско-татарской общины В.Э. Абдураимов в связи с этим сделал заявление: «С памятниками у нас явный перебор и перекос. Если историю Крыма читать по рукотворным памятникам, то она начинается исключительно с приходом на полуостров России. Но это же явное искажение исторического процесса?!»².

Обращает на себя внимание тот факт, что ни слова, ни полслова на всех этих мероприятиях не было сказано об успехах российских войск в Крыму в 1736 и 1737 гг. (штурм Перекопа, переход через Сиваш, взятие Бахчисарая). Есть все основания полагать, что это – следование отечественной традиции замалчивать Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. Внимание к успехам императрицы Анны Иоанновны не укладывалось в схему передачи победной эстафеты от Петра Великого к Екатерине Великой и требовало

---

¹ Цит по : Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 4. – С. 99.

² Какие памятники нужны Крыму // Милли Фирка. – 2017. – 27.04. – URL: <http://milli-firka.org/%D0%BA%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%BD%D1%83%D0%B6%D0%BD%D1%8B-%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%83/>

признания военных заслуг «немцев». Войсками командовали Х.А. Миних, П.П. Ласси, Г.И. Бирон, Я.В. Кейт, П.П. Бредаль и др. Крепнущая аллергия властей на знаки «европейского влияния» вкупе с каноническим подходом к *российской* военной истории как *русской*, оказалась сильнее стремления пополнить символическую галерею ратной славы дополнительными картинами из XVIII столетия.

О том, что символическое оформление нового статуса Крыма можно назвать монументальной горячкой, свидетельствует история установки стелы в Судак. В марте 2017 г. в одной из центральных точек города (пересечение Восточного шоссе и Коммунальной улицы) появилась 12-метровая колонна, окрашенная в «императорские цвета» (черный, желтый и белый) и увенчанная золоченым российским гербом. В монументальную композицию входят копии «шуваловских единорогов», пушек особой конструкции, которые, по мнению создателей памятника, могут олицетворять победное русское оружие екатерининской эпохи. Все это посвящалось Новгородскому Кирилловскому полку, который «во времена очаковские и покоренья Крыма» составлял гарнизон укрепления на территории Судака. Как сообщалось в региональной прессе, инициатором установки памятника был местный предприниматель, а его открытие сопровождалось всеми положенными в таких ситуациях обрядами (освящением с участием архимандрита, речами представителей администрации и т.д.)¹. Этот мемориальный объект вызвал в интернете немало откликов критического характера, общий смысл которых сводится к тому, что весь его «сюжет» представляет собой комплекс исторических «несуразностей». Достаточно сказать, что Новгородского Кирилловского полка не существовало в природе. Такое нередко случается при установке «самодеятельных» памятников, проекты которых не получают должной экспертизы с участием специалистов-историков.

Создатели памятника Александру III в Ливадии были настолько охвачены идеей представить этого царя великим, что сделали монумент своеобразным рекордсменом: нет в России сооружения подобного типа с таким числом исторических «ляпов» (более

---

¹ Иванов А. В Судак торжественно открыли стелу, посвященную истории Новгородского Кирилловского полка // Судакские вести. – 2017. – 24.03. – URL: <http://vesti-sudak.ru/2017/03/v-sudake-torzhestvenno-otkryli-stelu-posvyashhennuyu-istorii-novgorodskogo-kirilovskogo-polka/>

десятка)¹. Разного рода неточности не так уж и редко имеют место при изображении прошлого в том или ином исполнении. При этом в большинстве случаев их замечают только специалисты. Но несообразности на памятнике Александру III произошли от откровенного игнорирования исторической экспертизы в пользу реализации закладываемых в него «идей». Стремительная «монументализация» полуострова не осталась без внимания журналистов, отмечающих ажиотаж в этой сфере².

До 2014 г. важнейшим дореволюционным событием на территории полуострова была Крымская война и особенно ее самая острая часть – оборона Севастополя в 1854–1855 гг. Этому полностью соответствовал монументальный комплекс региона, в котором на первом месте оказался героизм и жертвенность защитников города «русской морской славы». Памятник затопленным кораблям стал одним из символов негибаемого «русского духа». Бронзовые фигуры В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, Э.И. Тотлебена, музеефицированные останки укреплений, мемориальные кладбища и панорама Ф.А. Рубо, помещенная в специальный павильон – все это в дореволюционное, советское и постсоветское время (до «возвращения Крыма в родную гавань») читалось как текст о защите РУССКОЙ ЗЕМЛИ. Именно Крымская война, пролитая во время нее кровь, сделала полуостров по-настоящему русской землей³.

Есть основания полагать, что нынешние акторы монументальной пропаганды в этом регионе либо считают уже существующий мемориальный комплекс достаточным, либо, что гораздо вероятнее, здесь проявилась очевидная тенденция обращения к идее «тысячелетней России». В связи с этим прилагаются усилия к тому, чтобы «удревнить» права России на Крым, отодвинуть его историю как «русской земли» еще почти на столетие. Кроме того, в 1853–1856 гг. империя Романовых оказалась в противостоянии фактически всей Европе и в этом противостоянии потерпела сокрушительное поражение. Это обстоятельство отягощает отечественную историческую память и доставляет большие неудобства пропагандистам, избегающим упоминания о неудачах на междуна-

---

¹ [«Опираясь на саблю...»] Что не так с памятником Александру III // News2.ru. – URL: <https://news2.ru/story/534443/>; [Пантеон] Герои Путина неправдоподобно хороши. «Героетворчество» времен последнего покорения Крыма // News2.ru. – URL: <https://news2.ru/story/534642/>

² [«Опираясь на саблю...»] Что не так с памятником Александру III // News2.ru. – URL: <https://news2.ru/story/534443/>

³ Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма ... – С. 97.

родной арене даже в достаточно далеком прошлом. Поэтому Крымская война 1853–1856 гг. при наличии большого числа мемориальных кейсов, удобных для прославления «русского духа» и «российской ратной славы», в XXI столетии не была удостоена сооружением новых памятников.

Исключение составил памятник Греческому легиону императора Николая I, установленный в 2016 г. Это добровольческое формирование имело скорее символическое, чем военное значение. Появление этого монумента обусловлено двумя моментами. Во-первых, одна из местных этнических общин, находящаяся в сложных отношениях с оппозиционной крымско-татарской общиной, тем самым продемонстрировала Москве не просто свою лояльность, а память о «боевом братстве». Греческая карта активно разыгрывается в рамках вопроса о «коренном народе Крыма»¹. Открытие памятника сопровождалось праздничными мероприятиями, которые состоялись под сенью флага Греции и Российского военно-исторического общества² в рамках перекрестного года языка и культуры, который в 2019–2020 гг. проводился по инициативе президента РФ Владимира Путина и премьер-министра Греции Алексиса Ципраса³.

В последние два десятилетия особую остроту и в значительной степени новое звучание приобрела формула «Россия, которую мы потеряли». В ней многим слышна ностальгия по величию империи Романовых с ее военными победами и достижениями в области культуры. А прежде всего по ее роли в мировом концерте держав, определявших ход мировых политических процессов. Одна из форм символического возвращения этой потери – восстановление памятников, уничтоженных после революции 1917 г., и возведение новых, причем последние по своей стилистике не дают ни малейшего повода для связи их с XXI столетием. Поскольку образ Николая II, последнего правителя Российской империи, погибшего вместе с тысячелетним государством при самых трагических обстоятельствах, является наиболее понятным символом этой «потери», установка бюстов и статуй в полный рост этого царя никого

---

¹ Громенко С. «Греческая карта» российского мифа о Крыме // Крым.Реалии. – 2016. – 07.08. – URL: <https://ru.krymr.com/a/27904951.html> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

² Торжества РВМО по случаю открытия памятника Греческому легиону в Севастополе. – 2017. – 08.10. – URL: <https://starcom68.livejournal.com/2547525.html>

³ Россия и Греция открыли перекрестный год языка и культуры // РИА новости. – 2019. – 10.05. – URL: <https://ria.ru/20190510/1553400215.html>

не может удивлять. Особо следует отметить, что изменение статуса Крыма в 2014 г. сопровождалось тезисом «возвращения утраченного», хотя полуостров был передан Украинской ССР в 1954 г. вне всякой связи с историей империи. Кроме того, эта территория была последним клочком пространства той России, над которым развевался триколор до возвращения ему статуса российского государственного стяга. Все это вместе взятое объясняет то, что за семь последних лет в публичном пространстве Крыма появилось три изваяния Николая II¹.

Николай II и его отец Александр III много времени провели в крымских дворцах, которые были правительственными резиденциями, включенными в систему государственного управления. Из Ливадии по телеграфу передавались высочайшие повеления, между полуостровом и столицей курсировали правительственные курьеры. В этом смысле Крым был местом пребывания РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ и данный статус полуострова как места презентации идеологем, которые обычно в символической форме появляются в ключевых точках публичного пространства столиц, нельзя упускать из виду. Первый бюст последнему российскому императору появился у главного входа в Ливадийский дворец 19 мая 2015 г. (накануне был день рождения самодержца). Присутствовавшая на церемонии открытия Н.В. Поклонская, генеральный прокурор Республики Крым, заявила: «Наши заступники и великомученики ведут нас и всю Россию, показывают нам направление, чтобы Россия процветала». В советские времена такое часто говорили о В.И. Ленине, который своей протянутой рукой отправлял страну в светлое будущее.

Открытие памятной доски и второго бюста Николая II в Евпатории 16 мая 2016 г. было приурочено к столетию его последнего приезда в Крым. Оно стало манифестацией кругов, симпатизирующих монархическим идеям (присутствие великой княгини Марии Владимировны, претендующей на статус главы Российского императорского дома, и ее сына Георгия). Инициатором выступило Императорское Православное Палестинское Общество, возглавляемое С.В. Степашиным, бывшим председателем Правительства РФ. Главным спонсором выступила группа компаний «Гжель». Третий бюст царя поставили в сентябре 2016 г. у входа в

---

¹ Храм-маяк Святого Николая Чудотворца в Крыму // Туристический портал Крыма. – URL: <https://www.krym4you.com/dostoprimechatnosti/cerkvi/hram-mayak-svyatogo-nikolaya-chudotvorca/>

часовню у прокуратуры Республики Крым. Практически одновременно в Ялте был поставлен бюст царевичу Алексею¹.

В конструкции «потерянной России» образ Николая II служит символом утраты, трагических событий 1917–1918 гг. Лицом же самого потерянного (политическая стабильность, военная сила, достижения в экономике, расцвет науки и культуры) стал образ Александра III. Личный вклад этого самодержца в успехи страны был невелик, а вот многое, что характерно было для его царствования, в годы правления его сына имело фатальные последствия для государства. Нынешнему руководству страны импонирует внимание царя к вооруженным силам, его непримиримость к «смутьянам» и особый стиль внешней политики. Не случайно на постаменте памятника Александру III в Ялте выбиты приписываемые царю слова («У России есть только два союзника – ее армия и флот»). Непонятливым журналисты НТВ разъяснили: «Символизм композиции очевиден: лишь имея сильную армию, государство может развиваться мирно и свободно»². Одним из важнейших показателей статуса мемориального сооружения является церемония его открытия. 18 ноября 2017 г. покрывало с бронзовой фигуры Александра III сняли в присутствии В.В. Путина и всех высших чиновников региона³. За полгода до того в Ливадии был поставлен бюст этому же царю.

Тяга к символическому оформлению идеологемы «Россия, которую мы потеряли» оказалась сильнее символической политики, направленной на сглаживание конфликта, связанного с оценкой революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Нежелание обострять этот конфликт между «наследниками» белых и красных объясняет невнятность позиции властей в оценке этих эпохальных исторических событий, что с особой очевидностью проявилось в их 100-летнюю годовщину, прошедшую без помпезных официальных мероприятий. В Крыму власти склонились «на сторону белых», что выразилось в открытии 18 сентября 2016 г. в Керчи памятника генералу П.Н. Врангелю, которого на этой церемонии называли «великим человеком» и поставили «в один ряд с выдающимися полководцами нашей истории, вместе с

---

¹ В Ялте открыли памятник Цесаревичу Алексею // Легитимист. – 2016. – 03.10. – URL: <https://legitimist.ru/news/2016/10/v-yalte-otkryili-pamyatnik-chesarevichu-alekseyu.html>

² Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма ...

³ Там же. – С. 102.

Дмитрием Донским, Александром Невским и другими нашими великими военачальниками». Эти слова заместителя министра культуры В.В. Аристархова вполне можно расценить не как глорификацию «Черного барона», давшего последний бой большевикам, а как дань памяти генералу, до конца боровшемуся за «потерянную Россию». Д.Г. Чубукова в своей статье о памятниках в Крыму обратила особое внимание на фрагмент сообщения на сайте «Православие.ру»: «Именно из Керчи, где установлен памятник, ушли последние корабли Русского Исхода под трехцветным и Андреевским стягами. Русский флаг в Крыму был снова поднят в качестве государственного лишь в 2014 году с вхождением полуострова в состав Российской Федерации». Она пишет: «Таким образом, история оказалась закольцована, а возвращение Крыма символизирует восстановление той самой России, которую мы потеряли»¹.

Интенсивная эксплуатация памяти о Великой Отечественной войне, характерная для всей России 2000–2010-х годов, проявилась и в Крыму установкой монументов, причем в их посвящениях легко угадываются политические ноты. 7 мая 2016 г. возле здания школы в селе Заветное Ленинского района открыли памятник Герою Советского Союза, снайперу Т.И. Костыриной, погибшей в 19-летнем возрасте при освобождении Керченского полуострова в ноябре 1943 г.² 12 апреля 2017 г. в Евпатории, в расположении Морского инженерного полка, установили бюст Герою Советского Союза генералу-инженеру Д.М. Карбышеву. 27 октября 2017 г. в городе Белогорске перед зданием местной администрации появился бюст еще одному Герою Советского Союза, летчице 46-го гвардейского Таманского женского авиационного полка ночных бомбардировщиков, уроженке Башкирии Магубе Сыртлановой³. В рамках празднования Дня народного единства 4 ноября 2017 г. список мемориальных объектов в Севастополе пополнился бюстом уроженца Осетии А.Н. Кесаева, моряка-подводника, Героя Советского Союза⁴. В том же году в Симферополе поставили бюст Героя

---

¹ Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма ... – С. 105.

² Под Керчью открыли памятники Татьяне Костыриной // Kerch.com. – 2016. – 07.05. – URL: <https://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=57039>

³ Памятник Герою Советского Союза Магубе Сыртлановой открыли в Белогорске // Лента новостей Крыма. – 2017. – 27.10. – URL: <https://crimea-news.com/society/2017/10/27/338513.html>

⁴ Герой на все времена. Памятник Астану Кесаеву открыли на территории севастопольской школы № 4, носящей его имя // НТС. – 2017. – 04.11. – URL:

Советского Союза В.Ф. Маргелова, командующего воздушно-десантными войсками, участника Великой Отечественной войны. Шагом навстречу крымскотатарской общине, занимавшей неоднозначную позицию при изменении статуса Крыма, можно считать памятник советской разведчице Алиме Абденнановой, установленный 8 мая 2015 г. в селе Останино Ленинского района¹. Слова «земля Крыма полита кровью сынов и дочерей многонациональной России» вполне могут служить подтекстом при перечислении этих вновь созданных мемориальных объектов.

В 2000-е годы в политическом лексиконе появилось выражение «новая Ялта», обозначающее вариант нового раздела Европы на сферы влияния, как это было сделано на встрече Сталина, Черчилля и Рузвельта в феврале 1945 г. в Ливадийском дворце. Событие 75-летней давности в свете претензий Российской Федерации на особые права в отношениях с республиками бывшего СССР приобрело крайне актуальное звучание. В связи с этим каждый юбилей встречи глав государств-союзников антигитлеровской коалиции становился обязательным информационным поводом для полемики о мироустройстве в XXI столетии. В 2005 г. к 60-летию Ялтинской конференции хорошо чувствующий политическую конъюнктуру З.К. Церетели изготовил скульптурную группу, которая не превратилась в памятник из-за протеста крымских татар. Украинское правительство согласилось с неуместностью появления на их родине изваяния человека, отправившего целый народ в ссылку. В 2015 г. во время мероприятий, посвященных 70-летию этой встречи в верхах, памятник был открыт при участии тогдашнего председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина.

Трудно не согласиться с Д.Г. Чубуковой, которая полагает, что «латентный сталинизм, присущий современной российской государственной идеологии, нашел в установке такого памятника возможность легализоваться, ведь формально это памятник не Сталину, а важнейшему историческому событию международного значения, лишь одним из участников которого был Сталин». Осторожность властей оказалась не лишней. На мемориальной доске,

---

<https://nts-tv.com/news/geroy-na-vse-vremena-pamyatnik-astanu-kesaevu-otkryli-na-territorii-sevastopolskoy-shkoly-4-nosyashch-5752/>

¹ 15 сентября в Симферополе открыли памятник Герою России, разведчице, участнице Великой Отечественной войны Алиме Абденнановой. – 2021. – 17.09. – URL: <https://tce.crimea.com/informaciya/novosti/15-sentyabrya-v-simferopole-otkryli-pamyatnik-geroyu-rossii-razvedchice-uchastnice-velikoj-otechestvennoj-vojny-alime-abdennanovoj-monument-ustanovili-na-territorii-44-j-shkoly-kotoraya-nosit-eyo>

посвященной пребыванию Сталина в Крыму и установленной силами местных коммунистов в Симферополе, появилась надпись «палач»¹.

В Ялте на улице Рузвельта 22 апреля 2017 г. поставили бюст этого американского президента, хранившийся с 1960-х годов в запасниках Ливадийского дворца-музея. Многие в этой ситуации прояснил один из выступавших на церемонии открытия: «Рузвельт – это образец западного политика, который, не ущемляя интересов своей страны, стремился к сотрудничеству с Россией. Он не был согласен на тот момент с советской идеологией, но понимал, что без России глобальное мироустройство невозможно. Нынешнему президенту США стоило бы обратить свой взгляд в историю и перенять опыт взаимоотношений с Россией».

Как и другие регионы России, в 2000-х годах Крым стал местом установки знаков памяти видных деятелей культуры, популярность которых – один из многочисленных элементов «складывания» российской идентичности. В 2014 г. в Симферополе поставили памятник В.С. Высоцкому, в 2016 г. в Ялте – артисту М.И. Пуговкину, в 2017 г. в Артеке – писателю А.С. Грину, в Ялте – композитору А.А. Спендиарову, в Симферополе – физику И.В. Курчатову.

Нашлось в Крыму место и такому общему для России мемориальному сюжету, как завоевание космоса. Установка в Крыму трех памятников Ю.А. Гагарину в 2015–2017 гг. совершенно созвучна уже упоминавшейся идеологической ноте «Россия, которую мы потеряли». Кроме того, поскольку «русские первые вышли в космос», монументы его покорителям, объединяющие всех символы, очень уместны на земле полуострова, принадлежность которого оспаривается правительствами многих стран.

Наконец, героизация и «эпохализация» событий «Крымской весны» неизбежно повлекли за собой закрепление идей справедливого решения народа в виде долговременных и монументальных знаков в ключевых точках публичного пространства. К таковым, безусловно, относится здание республиканской администрации в Симферополе, и уже 16 марта 2015 г. перед ним был открыт знак «Наш дом – Россия», сооруженный по инициативе и на средства неизвестных граждан². Во вторую годовщину «Крымской весны»,

---

¹ Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма ... – С.109.

² В центре Симферополя установили памятный знак «Наш дом – Россия» // ПолитНавигатор. – 2015. – 17.03. – URL: <https://www.politnavigator.net/v-centre-simferopolya-ustanovili-pamyatnyjj-znak-nash-dom-rossiya.html>

16 марта 2016 г., директор Бахчисарайского парка «Крым в миниатюре на ладони» В. Жиленко увековечил российских военных, которые контролировали ситуацию в Крыму в переходный период и за свою анонимность и особенности поведения получили название «вежливые люди». Однако его «солдат с котом» получил такую порцию критики, что скульптуру демонтировали¹. В то же время не почтить в бронзе тех, кого в Крыму считали «воинами-освободителями», было решительно невозможно, и другой памятник «вежливым людям» был открыт ко Дню России 11 июня 2016 г. в Симферополе. Церемония по своему размаху и рангу участников свидетельствовала, что эта композиция, включающая фигуру в камуфляже, девочку в распахнутой курточке и кота является важным государственным символом². Поскольку присоединение Крыма представлено исключительно как волеизъявление местных жителей, без всякого военного давления со стороны России, монумент «Вежливые люди» символически уравновешен памятником «Народному ополчению всех времен», открытым 30 декабря 2016 г. перед зданием Совета министров Крыма в Симферополе. Фигуры, изображенные на этом памятнике, ставят в один ряд ополченцев периода Крымской и Великой Отечественной войны с ополченцами «Крымской весны», проявившими себя в феврале – марте 2014 г.³ Во всех трех случаях простой народ вставал на защиту России от врагов. В сквере на набережной Ялты 6 июля 2016 г. появилась инсталляция, которой архитектор Д. Гольдербайн напоминал о кризисе конца 2015 – начала 2016 г., случившемся в связи с тем, что Украина перестала подавать электричество на полуостров.

Русская православная церковь и близкие к ней круги, традиционно занимающие активные позиции в борьбе за символическое пространство, не могли остаться в стороне. В июне 2014 г. праздновалось 700-летие со дня рождения Сергия Радонежского, часто именуемого «собирателем земли русской», что дало идеальный повод для установки памятника этой известной персоне отечественной истории, образ которой связывается прежде всего с борьбой русского народа с ордынским игом и с возвышением Москвы.

---

¹ Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма... – С. 110.

² Там же. – С. 111.

³ Мащенко А. Памятник Народному ополчению всех времён открыли в Симферополе. Трижды ополченцы вставали на защиту Крыма // Парламентская газета. – 2016. – 30.12. – URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/12/30/pamyatnik-narodnomu-opolcheniyu-vsekh-vremyon-otkryli-v-simferopole.html>

Теперь Сергей Радонежский был представлен как небесный покровитель присоединения Крыма. О политическом значении этого монумента красноречиво говорил состав участников церемонии открытия, где первым лицом был С.Е. Нарышкин – Председатель Государственной Думы, он же – председатель Российского исторического общества. Спонсором выступил Благотворительный фонд помощи и взаимодействия им. преподобного Сергия Радонежского¹. В 2015 г. в Керчи поставили памятник архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому), который управлял крымской епархией в послевоенные годы и провел в тюрьмах и ссылке более 10 лет. В создании этого монумента большую роль (в том числе финансовую) сыграл артист В.С. Лановой. 28 декабря 2016 г., в День памяти всех Крымских святых, в Судак перед зданием городской администрации появился памятник небесному покровителю города, святителю Стефану Сурожскому². Присоединение Крыма представлено великой победой России, а всякое ратное торжество последние три века сопровождается актуализацией образа самого известного святого – воина-князя Александра Невского. В этом контексте появление двух его бюстов (2017 г. – парк Победы в с. Кукушкино и в расположении бригады морской пехоты в Севастополе) не вызывает вопросов. В последнем случае уместность скульптуры князя объясняется тем, что он объявлен небесным покровителем этого вида вооруженных сил.

Крым является одним из самых посещаемых регионов России, местом летнего отдыха нескольких миллионов человек. Хорошо известно, что фото- и видеосъемка на фоне памятников, особенно оригинальных и необычных по своей тематике и стилистике – почти обязательная часть путешествий. «Соленое ухо» в Перми, «О» в Вологде, «Хлеб-соль» в Соликамске и другие сооружения такого рода сияют на солнце, поскольку их ежедневно натирают руки тех, кто желает «запечатлеть» себя и друзей у этих знаков-символов. Эти скульптуры являются целью специального маршрута гораздо чаще, чем «типовой» бюст какого-нибудь полководца былых времен. С этой точки зрения курорты Южного берега Крыма должны были бы наполниться разного рода бронзовыми фигурами, при-

---

¹ Мурава В. Нарышкин открыл памятник Сергию Радонежскому в Крыму // Российская газета. – 2014. – 06.06. – URL: <https://rg.ru/2014/06/06/reg-kfo/monument.html>

² Памятник Стефану Сурожскому в Судак. – URL: <http://vtrip.ru/places/pamyatnik-stefanu-surozhskomu-v-sudake/>

глашающими сфотографироваться ними в обнимку. Но за семь лет пребывания в составе России Крым обогатился четырьмя десятками изваяний, которые несут на себе ясно читаемую (даже порой кричащую) идеологическую нагрузку, тогда как не имеющим таковой оказался только бронзовый балаклавский кот¹. Скульптура оказалась всеми узнаваемой и всеми любимой (считается неофициальной эмблемой Балаклавы), чего нельзя сказать о большинстве других крымских монументов. Сама эта колоссальная диспропорция (счет 40:1 в пользу «идейности») показывает, насколько важным для авторов символической политики стал Крым после 2014 г.

В Крыму проводится активная и последовательная политика символического закрепления полуострова в составе России. В качестве основного инструментария в ход идет апелляция к уже укорененным символам и тем знакам, которые еще закрепляются в исторической памяти. Создаются места памяти, которые в совокупности формируют позитивный, оптимистичный и героический образ России, а также Крыма на ее ментальной карте. При этом решительно исключается любое «припоминание» того, что может «бросить тень» на этот образ или породить нежелательные аллюзии. В переломные времена приращение политического (и не только) капитала зависит от активности в публичном пространстве. Поэтому меценаты и активисты не только и не столько жители Крыма, сколько лица, имеющие там экономические интересы, действуют в унисон с государственной властью в деле монументальной пропаганды.

Д.Г. Чубукова справедливо отметила, что для монументализации Крыма характерен ярко выраженный милитаризм: «Более половины установленных памятников так или иначе связаны с войной – это военные герои, полководцы, те или иные военные события, изобретатели оружия и, наконец, небесные покровители воинов»². Здесь нельзя не увидеть парадокс, не замечаемый упоенными успехом конструкторами символического прикрепления «возвращения полуострова в родную гавань». В официальном нарративе исключены указания на то, что референдуму о вхождении Крыма в состав РФ предшествовало появление там российских военных. А российская «публичная бронза», оформляющая это

---

¹ Изотов И. В Крыму открыли памятник котам Балаклавы // Российская газета. – 2017. – 11.07. – URL: <https://rg.ru/2017/07/11/reg-ufu/v-krymu-otkryli-pamiatnik-kotam-balaklavy.html>

² Чубукова Д.Г. Памятники российского Крыма ... – С. 112.

эпохальное изменение политической карты Европы, мало отличается от той, которая напоминает о победах отечественного оружия.

При таком изобилии разнообразных знаков «единения» Крыма и России в различных точках полуострова, в самой столице Российской Федерации это событие, имеющее столь важное значение для нынешней власти, не нашло никакого воплощения в граните и бронзе. Здесь напрашивается аналогия с коммеморативными практиками Российской империи, где знаки владычества появлялись исключительно на присоединяемых территориях Кавказа и Средней Азии. Ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве – важнейших площадках для публичной презентации – не было ни одного знака, посвященного исключительно расширению империи на этом пространстве. Эта ситуация отчасти смягчается тем, что Крым в настоящее время находится в фокусе внимания всего мира, успешно конкурируя (по упоминаниям) в лентах новостей с самой Москвой.

Выводы

Анализ тематики памятников показывает, что нарратив о «тысячелетней России», связанный с соответствующей исторической перспективой, сменил нарратив 1990-х годов, когда тезис о «новой России» требовал и «нового прошлого» с адекватными этой новизне «бастионами памяти». В период правления Б.Н. Ельцина борьба в символическом пространстве в значительной степени превратилась в отрицание «коммунистических» монументов.

Одной из причин такого явления также была реакция общества на возможность ликвидации «белых пятен истории», большинство которых сформировалось благодаря особенностям отечественной историографии и публичной истории советского периода. Строгий отбор отдела идеологии ЦК КПСС на предмет их «нужности» при описании истории России прошли только три самодержца (Иван Грозный, Петр I и Екатерина II) и два десятка государственных деятелей IX – начала XX в. Совершенно естественной реакцией на это в конце 1980-х – 1990 годах стало появление памятников всем «незаслуженно забытым», а также восстановление ранее разрушенных памятников. При этом в одном строю оказывались монархисты и либералы – сторонники «новой России», для которых бронзовый Ленин был враждебным символом, а бронзовый

самодержец – нет. Это закрытие «белых пятен» органично вплелось в нарратив «тысячелетней России».

Эксплуатация памяти о Великой Отечественной войне в 1991–2020 гг. привела к появлению такого количества памятников и иных мемориальных сооружений, что даже их элементарный учет встречает серьезные затруднения. При разделении изучаемого периода на десятилетия получается следующая картина: соотношение числа памятников, построенных в 1990-е, 2000-е и 2010-е годы выглядит как 1:2:2. Принимая во внимание, что монументальное оформление Победы началось уже в 1945 г., и каждое новое сооружение должно было занять очередное новое место в символическом и физическом пространстве, можно говорить о тенденции к «повсеместности» создания мемориалов Великой Отечественной войны.

Государство формирует основную картину, определяет репертуар, составляет некий «обязательный список», оставляя иным акторам возможность дополнять его, поскольку при наличии «общих» истуканов разного рода региональные особенности не должны нарушать общей историко-политической монолитности. В итоге создается впечатление, что Россия статуями и обелисками как амулетами старается оберечь себя от травмирующих мыслей о будущем, фокусируя внимание на комфортном образе прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РЕПЕРТУАР АКТУАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

(О.Ю. Малинова, А.И. Миллер)

Попробуем выделить общее и особенное в содержании региональных повесток политики памяти, опираясь на наблюдения авторского коллектива и анализ экспертных интервью.

На федеральном уровне повестка политики памяти до недавнего времени имела весьма неравномерную структуру. Хотя нарратив о «тысячелетней России», предполагавший работу с прошлым в долгой исторической перспективе, пришел на смену ельцинскому историческому нарративу о «новой России» еще в начале 2000-х годов¹, созданием социально-культурной инфраструктуры, поддерживающей эту конструкцию, властвующая элита стала более или менее систематически заниматься лишь в 2010-х

---

¹ *Smith K.E.* Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2002 ; *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015 ; *Малинова О.Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158 ; *Malinova O.* Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin’s Russia / ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. – Leiden etc. : Brill, 2018. – P. 85–104.

годах¹. При этом путинская политика памяти была преимущественно сосредоточена на «славном прошлом», повышающем самооценку нации². Работа с «трудным прошлым», начавшаяся в конце 1980-х годов и с переменным успехом продолжавшаяся в 1990-х³, в 2000-х годах хотя и не запрещалась, но не поощрялась⁴. В результате такого подхода репертуар официальной политики памяти оказался весьма ограниченным: он сфокусирован главным образом на событиях и фигурах советского периода, с упором на Великую Отечественную войну⁵. Отказ от официальной коммеморации 100-

---

¹ Пожалуй, наиболее заметным исключением стало учреждение нового государственного праздника, Дня народного единства, в 2004 г. Однако, по-видимому, это было не самое удачное решение (см. *Ефремова В.Н.* День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 286–300 ; *Omelicheva M.* A New Russian Holiday Has More Behind It Than National Unity: the Political Functions of Historical Commemorations // Australian Journal of Politics and History. – 2017. – Vol. 63, N 3. – P. 430–442).

² *Миллер А.И.* Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Политика. – 2014. – № 4(75). – С. 49–57 ; *Khapaeva D.* Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // Social Research. – 2009. – Vol. 76, N 1. – P. 359–394.

³ *Миллер А.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 328–367 ; *Sherlock T.* Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future. – New York : Palgrave Macmillan, 2007 ; *Kaplan V.* The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks // History & Memory. – 2009. – Vol. 21, N 2. – P. 83–109.

⁴ *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. – Москва : НЛЮ, 2011 ; *Sherlock T.* Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // Communist and Post-Communist Studies. – 2016. – Vol. 49, N1. – P. 45–59 ; *Bogumil Z., Moran D., Harrowell E.* Sacred or Secular? ‘Memorial’, the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // Europe-Asia Studies. – 2015. – Vol. 67, N 9. – P. 1416–1444.

⁵ *Малинова О.Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // Россия и современный мир. – 2015. – № 2(87). – С. 6–29 ; War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. – London etc. : Palgrave Macmillan, 2017 ; *Edele M.* Fighting Russia’s History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II // History & Memory. – 2017. – Vol. 29, N 2. – P. 90–124 ; *Курилла И.* «Бессмертный полк»: «праздник со слезами на глазах», парад мертвецов или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // Контрапункт. – 2018. – № 12. – С. 1–11 ; *Бешкинская В., Миллер А.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. – 2020. – №5. – С. 60–88 ; *Белов С.И.* Экспозиция в Музее Победы как индикатор политики памяти в современной России //

летия Февральской и Октябрьской революций в 2017 г. показал как сложно вписывается это событие, прежде интерпретировавшееся как миф основания СССР, в нарратив, сосредоточенный на «тысячелетней» преемственности российской государственности¹. Значительные проблемы возникают с коммеморацией гражданской войны², политических репрессий³, депортаций¹ и других эпизодов

Символические аспекты политики памяти в современной России. – Санкт-Петербург : Изд-во ЕУ Санкт-Петербург, 2021. – С. 177–188.

¹ *Калинин И.* Призрак юбилея // Неприкосновенный запас. – 2017. – №111(1). – С. 11–20 ; *Малинова О.Ю.* Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. – 2017. – №3. – С. 13–40 ; *Колоницкий Б., Мацкевич М.* Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 1917 года и его политическое использование // Мир России. – 2018. – Т. 27, №4. – С. 78–101 ; *Fitzpatrick S.* Celebrating (or not) the Russian Revolution // Journal of Contemporary History. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 816–831 ; *Rendle M., Lively A.* Inspiring a ‘Fourth Revolution’? The modern Revolutionary tradition and the Problems Surrounding the Commemoration of 1917 in 2017 in Russia // Historical Research. – 2017. – Vol. 90, N 247. – P. 230–249 ; *Malinova O.* The Embarrassing Centenary: Reinterpretation of the 1917 Revolution in the Official Historical Narrative of Post-Soviet Russia (1991–2017) // Nationalities Papers. – 2018. – Vol. 46, N 2. – P. 272–289 ; *Torbakov I.* Celebrating Red October: A Story of the Ten Anniversaries of the Russian Revolution, 1927–2017 // Scando-Slavica. – 2018. – Vol. 64, N 1. – P. 7–30 ; *Kolonitsky B.* Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia. 1917: Revolution (Russia and the Consequences) // Deutsches Historisches Museum and the Schweizerisches Nationalmuseum. – Dresden : Sanstein Verlag, 2017. – S. 155–167 ; *Zimmermann M.* Never Again! Remembering October 1917 in the Contemporary Russian Orthodox Church // Scando-Slavica. – 2018. – Vol. 64, N 1. – P. 95–106 ; *Laruelle M.* Commemorating 1917 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church’s Conquest of the History Market // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71, N 2. – P. 249–267 ; *Richter J.* Taming the Revolution: The Politics of Memory One Hundred Years after October // History & Memory. – 2019. – Vol. 31, N 2. – P. 45–77.

² *Laruelle M., Karnysheva M.* Memory Politics and the Russian Civil War: Reds Versus Whites. – London etc. : Bloomsbury Publishing, 2020.

³ *Khazanov A.M.* Whom to Mourn and Whom to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2008. – Vol. 9, N 2/3. – P. 293–310 ; *Khapaeva D.* Triumphant memory of the perpetrators: Putin’s politics of re-Stalinization // Communist and Post-Communist Studies. – 2016. – Vol. 49, N 1. – P. 61–73 ; *Khlevnyuk D.* Narrowcasting collective memory online: ‘liking’ Stalin in Russian social media // Media, Culture & Society. – 2019. – Vol. 41, N 3. – P. 317–331 ; *Smith K.E.* A Monument for our Times? Commemorating Victims of Repression in Putin’s Russia // Europe-Asia Studies. – 2019. – Vol. 71, N 8. – P. 1314–1344.

«трудного» / «неудобного» прошлого. Несмотря на то, что такие эпизоды вызывают бурные дискуссии, а в какой-то мере – и благодаря этому, они остаются важной частью актуального прошлого, побуждая государство так или иначе встраивать их в свою политику памяти. Значительное внимание таким темам уделяется в региональной политике памяти, как показано во многих главах этой книги, прежде всего в посвященных Югу России, Забайкалью, Поволжью и в специальной главе о памяти о лагерях. Вместе с тем в результате активизации официальной политики памяти в 2010-х годах произошло некоторое расширение актуального репертуара дореволюционного прошлого за счет Первой мировой войны и пополнения пантеона почитаемых исторических фигур².

Актуальное прошлое в региональном разрезе: попытка типологизации

Практически у каждого региона репертуар актуального прошлого имеет некие отличительные особенности. Вместе с тем можно выделить типы исторических событий, которые чаще всего становятся предметами коммеморации и политического использования на региональном уровне³.

Подобно тому как федеральная политика памяти ставит во главу угла историю государства, региональные коммеморативные

---

¹ *Прасолов Д.Н.* Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии // *Символические аспекты политики памяти...* – С. 65–80 ; *Druey C.* History as a Means of Conflict and Conflict Resolution in the North Caucasus / Chechnya // *Euxeinos: Governance & Culture in the Black Sea Region.* – 2020. – Vol. 10, N 29. – P. 94–114.

² *Колоницкий Б.И.* Ресурсы культурной памяти и политика памяти о Первой мировой войне в России // *Cahiers du monde russe.* – 2017. – Vol. 58, N 1/2. – P. 1–23 ; *Малинова О.Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив: анализ российских практик // *Полития.* – 2019. – № 3. – С. 103–126 ; *Липман М.А.* Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России // *Символические аспекты политики памяти ...* – С. 38–64 ; *Пахалюк К.А.* Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение // *Символические аспекты политики памяти ...* – С. 81–107.

³ Наши наблюдения отчасти совпадают с типологией «культурных героев», используемых для конструирования региональных идентичностей: *Бедерсон В.Д.* В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // *Символическая политика.* – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 3 : Политические функции мифов. – С. 192–209.

практики в значительной мере сосредоточены на вопросах *территориально-политической субъектности*. С особым размахом отмечаются круглые даты вхождения региона в состав Российского государства, его образования в качестве самостоятельной административной единицы, основания входящих в его состав городов (особенно столичных). Такие юбилеи дают возможность подчеркнуть особость и символическую значимость региона. Именно круглые даты политико-административной истории субъектов РФ были наиболее частыми поводами для памятных речей президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева, посвященных досоветскому прошлому¹. С участием главы государства в 2003 г. праздновалось 300-летие Санкт-Петербурга, в 2005 г. – 1000-летие Казани и 750-летие «города Калининграда», в 2007 г. – 450-летие вхождения Башкирии в состав России и 860 лет «со дня основания Москвы» (в 2017 г. Путин участвовал в праздновании 870-летия Москвы, а в 2019 и 2020 гг. – поздравлял москвичей с Днем города), в 2009 г. – 1150-летие Великого Новгорода, в 2010 г. – 150-летие Владивостока и 1000-летие Ярославля, в 2012 г. – 1000-летие «единения мордовского народа с народами Российского государства», в 2014 г. – 100-летие «единения Тывы и России», в 2015 г. – 2000-летие Дербента. Кроме того, начиная с 2015 г. отмечаются годовщины «воссоединения Крыма и Севастополя с Россией»². Круглые даты такого рода дают региональным элитам удобную возможность привлечь внимание к своим регионам и получить дополнительные финансовые и символические ресурсы.

В некоторых случаях политико-административные юбилеи напоминают о неоднозначности исторических событий, послуживших поводом для торжества. Так, в 2007 г. в Кабардино-Балкарии с размахом отмечали два юбилея вхождения в состав Российского государства: 450-летие договора о военно-политическом сотрудничестве кабардинских князей с Иваном Грозным, закрепленного женьтибой на кабардинской княжне Марии Темрюковне и 180-летие вхождения Балкарии в состав России³. В 2020 г. отмечалось 100-летие Республики Карелии. Эта дата была выбрана достаточно

---

¹ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое ... – С. 165.

² Данные собраны на официальном сайте «Президент России». – URL: <http://www.kremlin.ru/>

³ Аленова О. «Вошли в Россию в разное время, а празднуют все этой осенью» // Коммерсант. – 2007. – 10.09. – С. 6. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/802780>

условно: поскольку самостоятельной государственности на этой территории никогда не существовало, за точку отсчета была взята организация Карельской коммуны в 1920 г. [Э-86-02]. На коммеморацию столетия были собраны значительные ресурсы¹, однако из-за пандемии COVID-19 празднование пришлось сначала перенести на сентябрь, а затем провести без массовых мероприятий. Отмечают круглые даты не только нынешних субъектов федерации, но в некоторых случаях – и более мелких административно-территориальных единиц. Так, в 2019 г. в Рязанской области была череда 90-летних юбилеев создания районов². Можно сказать, что на субнациональном уровне официальные политики памяти воспроизводят фокус на историю государственного строительства, характерный для государств эры наций и национализмов.

Особую категорию коммеморируемого прошлого составляют события, связанные с *историей титульных народов*. Это могут быть как акты торжества (напр., День черкесского флага – 25 апреля), так и акты скорби (напр., День памяти жертв Кавказской войны – 21 мая, День памяти жертв депортации карачаевского народа – 2 ноября). Примечательно, что на Северном Кавказе в том же ряду отмечается День славянской письменности и культуры, поскольку, по словам эксперта, «русские у нас тоже титульный народ» [Э-91-01]. Вместе с тем не везде история коренного населения актуализирована в качестве основания региональной идентичности. Например, в интервью, собранных в Хабаровском крае, эксперты ставили во главу угла идентичность региона-фронтира (мы «выполняем особую миссию, защищаем рубежи, мы – добытчики, то есть мы особые»), коренное же население представлялось «размытой, аморфной массой, не являющейся носителем истории» [Э-8-01].

Значимость историко-политических связей региона с центральной властью проявляется и в повсеместной актуализации *событий, связанных с императорской семьей*. Особой мемориальной ценностью обладают объекты, связанные с визитами членов императорской семьи в регион. Так, в Иркутске планируют восстановить «Арку цесаревича», установленную в 1891 г. для встречи будущего

---

¹ К 100-летию образования Республики Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия. – URL: <https://gov.karelia.ru/karjala-100/>

² Мысовских А. Как менялось деление на районы в Рязанской области? // Аргументы и факты. Рязань. – 2019. – 19.07. – URL: https://rzn.aif.ru/culture/details/kak_menyalos_delenie_na_rayony_v_ryazanskoy_oblasti

Николая II, возвращавшегося из кругосветного путешествия в Санкт-Петербург. Во время революции арка была разрушена. В 2014 г. торжественно открыли памятный знак на месте, где должна быть восстановлена арка¹. Аналогичный вопрос обсуждается и в Хабаровске, где к визиту цесаревича также была построена арка, правда, деревянная, а не кирпичная, как в Иркутске [Э-8-01]. Во многих регионах имеются памятные доски, напоминающие о визитах членов монаршей семьи.

В Калининградской области, где инфраструктура памяти по понятным причинам отличается от большинства других регионов, проблему удревнения исторических связей с нынешним центром пытаются решать за счет немецких принцесс дома Романовых: им посвящают выставки, фестивали духовной музыки², разрабатывают специальные туристические маршруты, повторяющие их путешествия. Происходит своеобразное соединение исторического прошлого Прусского королевства и Российской империи [Э-27-01].

Отдельной большой темой является увековечение памяти об обстоятельствах гибели членов императорской семьи после революции. В Екатеринбурге ежегодные коммеморации расстрела семьи Романовых 16–17 июля (так называемые «Царские дни») являются важным событием, привлекающим множество паломников: устраивается крестный ход, проводятся памятные мероприятия на месте захоронения царских останков на Ганиной Яме. В 2018 г. администрация Пермского края с большим рвением отмечала столетие гибели Михаила Романова [Э-57-02]. Поскольку ответственность за насильственную гибель царской семьи несет прежняя, советская власть, ничто не мешает региональным элитам использовать память об этих событиях, чтобы подчеркнуть значение вверенного их попечению места в общенациональной истории.

Это подводит нас к следующей категории актуального прошлого: в региональных политиках памяти акцент зачастую делается на тех *эпизодах общероссийского нарратива*, которые географически и символически *связаны с данным местом*. Так, в Иркутске важной темой является история декабристов, в которой акценти-

---

¹ Галеева Д. Памятный знак «Арки Цесаревича» установили на Нижней набережной Иркутска // Аргументы и факты. Иркутск. – 2014. – 31.07. – URL: <https://irk.aif.ru/society/1220066>

² Калининградцев знакомят с принцессами из династии Романовых // МК RU Калининград. – 2019. – 17.07. – URL: <https://www.mk-kaliningrad.ru/culture/2019/07/17/kaliningradcev-poznakomyat-s-princessami-iz-dinastii-romanovykh.html>

руется, с одной стороны, борьба с царским режимом и страдания «пламенных революционеров», несколько поколений которых отбывали здесь каторгу и ссылку, а с другой – вклад ссыльных в культурное развитие Сибири. На Юге России любят подчеркивать роль казачества в различных событиях российской истории, от избрания на престол Михаила Романова до Первой мировой войны. Рассуждая об истории Урала, часто вспоминают строчку из стихотворения А.Т. Твардовского: «Урал! Опорный край державы...». В этой логике описывается не только роль Урала в годы Великой Отечественной войны, но и история XVIII–XIX вв. Как отметил наш эксперт, «хотя к концу XIX века уральские заводы были в достаточно плачевном состоянии, но как-то в массовом сознании это не сильно хорошо известно. И эта тема продвигается, что и тогда уже Урал был опорным краем державы, на нем держалось и военное производство» [Э-65-01].

Региональный исторический нарратив мог корректироваться по идеологическим соображениям. Так, по воспоминаниям другого нашего эксперта, в позднесоветский период в Перми шли споры между академической общественностью, сотрудниками партийных архивов, музеев и журналистами относительно даты проведения юбилея города – чествовать ли «Пермь купеческую», ведя отсчет от начала строительства в 1723 г. Егошихинского (Ягошихинского) медеплавильного завода, вокруг которого сформировался преимущественно купеческий центр нынешней Перми, или «Пермь рабочую», подчеркивая дату основания Мотовилихинского медеплавильного завода в 1736 г., на базе которого позже сформировался серийный завод полного цикла по выпуску артиллерии и реактивных систем залпового огня [Э-57-01]. В настоящее время эта дилемма разрешилась в пользу более ранней даты: 300-летие Перми будут праздновать в 2023 г.¹

Фактор роли региона в событиях общероссийской истории особенно заметен в случае Великой Отечественной войны. Практики памятования этого центрального для российской политики памяти мегасобытия приобретают особый оттенок в местах, названия которых вписаны в летописи войны. Региональные мнемонические акторы играют заметную роль в актуализации памяти о тех событиях войны, которые незаслуженно оказались «в тени» великих сражений – как в случае прорыва Миус-фронта или боев под

---

¹ Юбилей Перми. 300 лет в 2023 году // Сайт «Федерал-пресс». – URL: <https://fedpress.ru/story/2187929>

Ржевом. Вместе с тем очевидны региональные особенности памяти о войне на Урале и в Сибири, где был глубокий тыл. Недавняя инициатива по учреждению почетного звания «Город трудовой доблести», закрепленная федеральным законом в марте 2020 г. для увековечивания подвига тружеников тыла, может оказаться особенно значимой именно для регионов к востоку от центра.

Наконец, важным элементом региональных репертуаров актуального прошлого являются *деятели культуры, имеющие отношение к данной территории* – родившиеся в этом месте, жившие в нем или просто его посещавшие. Так, в Иркутске считают своими «культурными героями» В.Г. Распутина, Н.К. Зарубина, Е.А. Евтушенко, на Алтае почитают В.М. Шукшина, в Таганроге – А.П. Чехова, в Кавказских Минеральных Водах хранят память о М.Ю. Лермонтове, как и о многочисленных деятелях культуры, посещавших этот курортный край.

Анализируя этот тематический репертуар, нетрудно увидеть параллели с каноном, типичным для наций-государств – тот же акцент на политическую историю, славное и героическое прошлое, а также культурных героев. Очевидно и стремление вписать историю региона в общероссийский нарратив, высветивая при этом то, что составляет его особость. События, не вполне вписывающиеся в этот нарратив, иногда задвигаются в тень, но в других случаях подвергаются реинтерпретации со стороны региональных акторов и нередко становятся узловыми точками мнемонических конфликтов.

Отражение различных периодов «тысячелетней» истории России в региональных репертуарах актуального прошлого

На федеральном уровне «тысячелетняя» история России представлена в официальной коммеморативной повестке весьма неравномерно¹. В частности, в репертуаре памятных речей российских президентов советское прошлое очевидно доминирует: в среднем доля речей, посвященных событиям этого периода в 2000–2020 гг., составляет 55% (см. рис. 1). Впрочем, в 2012–2018 гг. в коммеморативной повестке президента произошли некоторые сдвиги. Увеличилось количество выступлений, посвященных до-советскому прошлому (главным образом за счет речей при откры-

---

¹ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое ... – С. 128–174 ; Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив ...

тии памятников, а также благодаря тому, что с 2013 г. Путин ежегодно выступает по случаю Дня героев Отечества, учрежденного в 2007 г. в качестве возобновления дореволюционного Дня георгиевских кавалеров). Несколько возросла и доля речей по постсоветским поводам, в основном за счет юбилеев государственных органов и государственных корпораций, возникших после 1991 г., а также коммеморации событий путинского периода (воссоединение Крыма с Россией, 10-летие «Russia Today» и т.п.). Традиционно заметное место в коммеморативной повестке главы государства занимает Великая Отечественная / Вторая мировая война (см. рис. 2). С 2012 г. доля речей, посвященных военным событиям, снижается, но это происходит не за счет сокращения их абсолютного количества, а за счет расширения репертуара тем. Несмотря на ограничения, обусловленные пандемией COVID-19, количество памятных речей, произнесенных за три года, не сильно отстает от «показателей» предыдущего 6-летнего срока, что свидетельствует о значении, придаваемом данному аспекту президентом и его аппаратом.

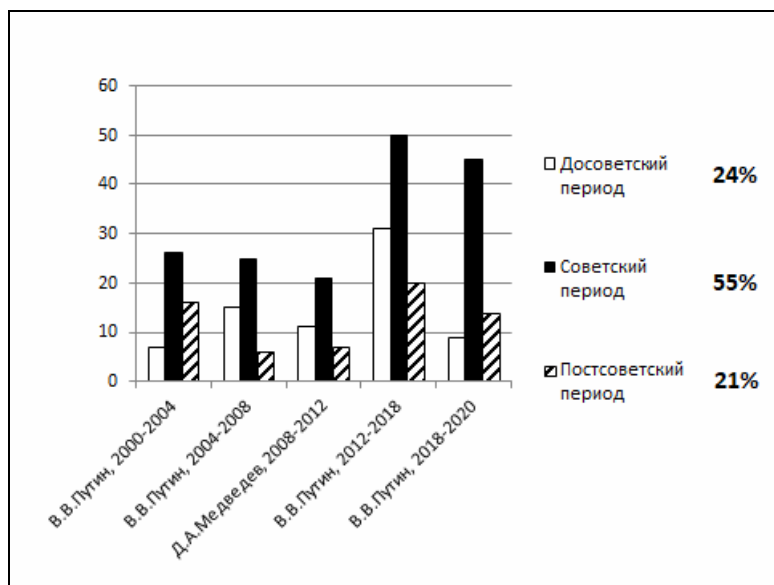

Рис. 1. Тематический репертуар памятных речей президентов РФ, по периодам, 2000–2020 гг.

Разумеется, речи главы государства – не единственный и даже не основной инструмент политики памяти на федеральном уровне. Однако их анализ позволяет выделить определенные тенденции, сопоставив их с другими наблюдениями. В частности, отмеченная тенденция к диверсификации тематического репертуара еще более заметна в области монументальной политики¹.

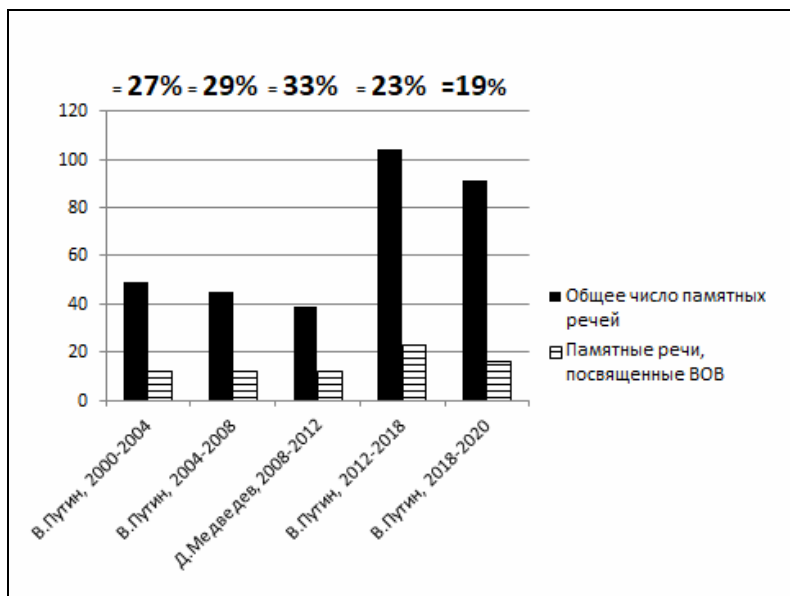

Рис. 2. Памятные речи президентов РФ, посвященные Великой Отечественной войне, 2000–2020 гг.

Репрезентация различных периодов «тысячелетнего» прошлого в региональных коммеморативных повестках имеет некоторые особенности по сравнению с репертуаром федеральной политики памяти. Анализ экспертных интервью и материалов наших полевых исследований позволяет выделить некоторые тенденции.

Как и следовало ожидать, центральное место в политике памяти как на федеральном, так и на региональном уровне принадлежит теме Великой Отечественной войны. Однако в отношении всего остального наблюдаются примечательные вариации.

¹ Липман М. Пантеон национальных героев как элемент символической политики ...

Региональные политики памяти не пренебрегают *древним прошлым*. Там, где для этого имеется исторический материал, создаются музеи, мемориальные комплексы и историко-культурные заповедники, призванные протянуть историю региона вглубь веков. Имеет место своего рода соревнование за древние корни. Официально самым древним городом на территории России считается Дербент; в 2015 г. с участием В.В. Путина отмечалось его 2000-летие. Однако есть немало мест, где обнаружены остатки более древних поселений. В Челябинской области есть историко-культурный комплекс Аркаим, созданный на месте укрепленного поселения бронзового века, возраст которого составляет около четырех тысяч лет. Данное поселение является частью древней культуры, получившей условное название «Страна городов». Аркаим является не только туристической достопримечательностью, но эффектным элементом нарративов о региональной идентичности. Раскопки гуннского городища поблизости от Улан-Удэ послужили основанием для попыток «удревнить» историю города, которую принято вести от казачьего зимовья, построенного в 1666 г. для сбора ясака с местного тунгусского населения [Э-81-01].

Определяющую роль в «удревнении» истории места играет археология. Раскопки создают не только знание о материальной культуре отдаленного прошлого, но и потенциальные «места памяти». Находки археологов дают пищу для догадок, которые нередко подпитывают соперничающие нарративы регионального прошлого. Некоторые места раскопок превращаются в музейные комплексы. В силу ограниченности ресурсов создание таких курсов становится возможным в результате сложных взаимодействий локальных мнемонических акторов, что делает данную тему значимой для региональной политики памяти.

Важную роль в конструировании нарративов о древнем прошлом играют региональные компоненты парков «Россия – моя история»: их создателям приходится так или иначе выбирать и репрезентировать начальную точку локального нарратива.

Закрепление «памяти» о прошлом региона в древности осуществляется не только с опорой на остатки материальной культуры, но и художественными средствами. Так, мифы о «Перми Великой» – исполненной мистических смыслов дохристианской земле – обязаны своим происхождением романам Алексея Иванова, по одному из которых снят фильм «Сердце Пармы» [Э-57-02]. В Томске создан самостоятельный «Первый музей славянской мифологии», задачу которого его создатели видят в том, чтобы «вос-

кресить в памяти исконные образы»¹. Экспозиция музея включает не только археологическую и этнографическую коллекцию (Томск славится своей этнографической школой), но и произведения искусства, воссоздающие образы «славянской древности». На базе музея ведется разнообразная общественно-культурная и коммерческая деятельность: организуются образовательные программы, призванные «раскрыть все краски и глубину русской культуры»², проводятся выставки и мастер-классы, устраиваются свадьбы, девичники, корпоративные вечера и т.п. Хотя из экспозиции музея можно почерпнуть информацию об этнографическом многообразии региона (татарская община всегда была значимой частью Томска [Э-69-01]), основной упор делается на «вспоминание» славянских традиций, укорененных в мифологии.

В некоторых случаях древняя история региона выпадает из нарратива о «тысячелетнем российском государстве», ибо связана с другими государственными образованиями. Данное обстоятельство порой активно используется местными этнонационалистами. Ярким примером может служить Татарстан, где важной частью репертуара актуального прошлого выступает «память» о татарской государственности в формате Волжской Булгарии или Казанского ханства. Под Казанью создан Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который позиционируется как «самый северный в мире памятник средневекового мусульманского зодчества, уникальный и единственный образец болгаро-татарской архитектуры середины XIII–XIV вв.»³ Другой, не столь политизированный пример – Бурятия, бывшая некогда провинцией империи Чингисхана. Важную роль играют мифы происхождения в политике памяти на Кавказе. Довольно активными, но без шансов на успех, были попытки включить допетровское прошлое в историю города на Неве не в качестве всего лишь «предыстории».

Вместе с тем наиболее типичный формат репрезентации «тысячелетней истории» в региональных репертуарах – актуализация *дореволюционного прошлого* столичного города (реже – других мест) региона, нарратив о котором ведется либо от первых упоминаний в летописях, либо от момента колонизации. Дореволюцион-

---

¹ Сайт «Первый музей славянской мифологии». – URL: <http://slav-museum.ru/>

² Там же.

³ Сайт «Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». – URL: <https://vbolgar.ru/>

ные корни региональных идентичностей областей центральной России, Урала и Сибири связаны преимущественно с русским / славянским доимперским и / или российским имперским прошлым; дороссийское прошлое «вспоминается» существенно реже. Иначе дело обстоит в «национальных» республиках: там культивируется особое прошлое титульных этносов, но непременно в сопряжении с историей Российского государства. Неизменно актуальным, хотя часто сильно цензурируемым прошлым в национальных республиках является период российского завоевания региона, что особенно важно для некоторых народов Северного Кавказа, более других пострадавших в ходе Кавказской войны.

Коммеморация дореволюционного прошлого нередко оказывается поводом для мнемонических конфликтов. В советское время инфраструктура памяти об имперском периоде была в значительной мере разрушена. Попытки восстановить исчезнувшие храмы, утвердить память о дореволюционном прошлом в названиях улиц и площадей, установить памятники историческим фигурам и событиям того периода часто сталкиваются с сопротивлением со стороны тех, кто хотел бы сохранить советское.

События и фигуры *советского периода* очевидно доминируют в репертуарах актуализированного прошлого как на федеральном, так и на региональном уровне. Центральная роль во всех коммеморативных повестках отведена Великой Отечественной войне.

Однако есть и другие аспекты советского прошлого, которые служат типичными и вместе с тем локально специфическими предметами памятования. Символические ландшафты подавляющего большинства российских городов сформированы советским историческим нарративом: обязательные памятники Ленину и другим выдающимся большевикам, закрепление памяти о событиях, связанных с установлением советской власти / победой красных в Гражданской войне, типовые названия улиц и площадей, увековечивающие имена героев советского пантеона – союзного, республиканского или местного значения. Трансформация этой инфраструктуры – типичный предмет политики памяти, вокруг которого разворачиваются конфликты с участием городских активистов, коммунистов, РПЦ и местных властей.

Можно выделить ряд сюжетов советского периода, актуальных для региональных репертуаров политики памяти.

Гражданская война является важной точкой мнемонических конфликтов, особенно в тех регионах, которые стали аренами наи-

более яростного противостояния между красными и белыми – на Юге России, в Поволжье, на Урале и в Сибири, а также в Карелии, где смутно припоминается история противостояния красных и белых финнов. Инфраструктура памяти о Гражданской войне была сформирована в советское время, под нарратив о трудной борьбе за советскую власть. Соответственно, коммеморировались победы красных. На Урале 15 июля – дата занятия Екатеринбурга в 1919 г. красными – до Великой Отечественной войны отмечалось как праздник. Во многих городах и иных населенных пунктах сохранились памятники героям Гражданской войны. Со временем они ветшают, но наши интервью не зафиксировали случаев целенаправленного разрушения. Напротив, в некоторых местах коммунисты и ветеранские организации занимаются их восстановлением [Э-25-02]. Вместе с тем в некоторых регионах актуализирована и «белая» память о Гражданской войне. Она важна для казачества Ставропольского, Краснодарского края и Ростовской области: в казачьих нарративах Гражданская война фреймирована как трагедия братоубийства и связана с сюжетами последующей вынужденной миграции [Э-07-01, Э-03-01, Э-60-02, Э-60-01]. Несмотря на бурные дискуссии, памятники А.В. Колчаку были установлены в 2004 г. в Иркутске [Э-25-01] и в 2012 г. в Омске. На окраине Краснодара, в месте гибели генерала Л.Г. Корнилова, создан мемориал [Э-03-01]. В других же регионах попытки установки памятников белому движению закончились неудачей [Э-36-01, Э-80-01]. В целом можно сказать, что коммеморация лидеров белого движения не встречает сопротивления властей, если в биографии этих людей не было коллаборации в период Великой Отечественной войны.

В некоторых республиках тема победы красных вступает в коллизию с историческими нарративами титульных наций, как в Бурятии, где представители местной интеллигенции, пострадавшие от красных, почитаются как мученики, погибшие за бурятскую нацию [Э-81-03]. Там, где власть идет навстречу запросам на публичное отражение памяти обеих сторон Гражданской войны, она стремится развернуть коммеморацию в сторону примирения красных и белых. Эта тенденция имеет корни еще в практиках трансформации памяти о советском прошлом в 1990-х годах. Так, один из первых памятников погибшим с обеих сторон в междоусобной войне был установлен в 1997 г. в городском саду Краснодара. В 2005 г. памятник Примирения и Согласия был установлен в Новочеркасске [Э-03-01, Э-60-02]. В апреле 2021 г. памятник

окончанию Гражданской войны был открыт в Севастополе. Изначально его открытие было приурочено к 100-летию революции и планировалось на 4 ноября (возможно, с участием главы государства); однако сооружение памятника вызвало сопротивление местной патриотической общественности, и проект был заморожен¹. В 2021 г. памятник был открыт как символ примирения и согласия по случаю 100-летия завершения Гражданской войны.

Элементом актуализированного советского прошлого, типичным именно для региональных политик памяти, является *индустриализация*, как сталинская, довоенная, так и послевоенная. Во многих регионах столичные и просто крупные города возникли или приобрели свой современный облик именно в советское время, благодаря созданию новых заводов, электростанций, научно-производственных центров, вузов, инфраструктурных объектов. Строительство Ростсельмаша в Ростове, или каскада ГЭС на Ангаре, или Академгородка в Новосибирске – события, придававшие новые грани региональным идентичностям. Во многих регионах имеет место то, что наш эксперт назвал «заводской, индустриальной памятью, проистекающей из инфраструктуры» [Э-65-03]. Сегодня наследие советской индустриализации нередко создает мнемонические коллизии. С одной стороны, память о достижениях советской индустриализации и модернизации порой отягощена негативными коннотациями (использование подневольного труда зеков, затопление исторических объектов при строительстве ГЭС, ущерб местной экологии, утрата доиндустриального культурного уклада, зафиксированная художественными средствами и т.п.). С другой стороны, частичная деиндустриализация, имевшая место в постсоветский период, подпитывает ностальгию по утраченному славному прошлому. Коллизии возникают внутри одного региона. Тогда как столица Свердловской области в сентябре 1991 г. была переименована в Екатеринбург, в Нижнем Тагиле в августе того же года на средства ветеранов Уралвагонзавода был поставлен памятник наркому Орджоникидзе. Сегодня день металлурга остается важным праздником для большинства малых и средних городов Урала, но не в Екатеринбурге. Вместе с тем в Екатеринбурге растет интерес к развитию культурной памяти о советской модернизации – разрабатываются экскурсионные маршруты, знакомящие с советским архитектурным наследием, историей Уралмаша и т.п. [Э-65-06]. Такая практика есть и в Томске [Э-69-01].

---

¹ См.: Malinova O. The Embarrassing Centenary ...

В некоторых регионах имеется особая локальная память о коллективизации. По словам нашего эксперта, в каждом большом уральском городе есть район, называемый Трудпоселок – это зона проживания раскулаченных и тех, кто работал на стройках [Э-65-03].

Это подводит нас к теме сталинских *репрессий*, которая в большей или меньшей степени присутствует во всех региональных повестках. Практически повсюду сохранились объекты, связанные с именами репрессированных, есть места массовых расстрелов и захоронений; во многих регионах действовали учреждения ГУЛАГа. Другими словами, есть потенциальные места памяти о репрессиях. Поскольку усилия общественных групп, стремящихся увековечить память о жертвах репрессий, часто сталкиваются с открытым противодействием или скрытым сопротивлением, эта тема оказывается в центре большинства региональных политик памяти. Ее нельзя назвать табуируемой: практически во всех изученных нами регионах есть памятные знаки, памятники и мемориалы жертвам репрессий. Как отмечают в своей главе В.В. Лапин и А.Б. Матисова, почти в каждом среднем по размеру городе России есть место памяти, куда его жители могут прийти в должный день. Однако их количество явно несоразмерно масштабам трагедии, и развитие (а в некоторых случаях – даже поддержание) этой инфраструктуры провоцирует конфликты. В силу этого многие наши эксперты характеризовали тему репрессий как неудобную для региональных властей. В одних регионах публичные напоминания о репрессиях, мягко говоря, не приветствуются, в других же память о ГУЛАГе – неотъемлемая часть региональной идентичности. Примечательно, как по-разному тема репрессий представлена в региональных компонентах исторических парков «Россия – моя история». Где-то, как в Дагестане, она исключена из экспозиции, как «скандальная и неоднозначная» [Э-82-02]. А где-то, как в Перми, ей посвящено несколько стендов, включая 3D-модель территории и строения лагеря «Пермь-36». Вместе с тем, принимая во внимание историю со сменой руководства мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» и опасения по поводу изменения его концепции¹, нельзя сказать, что на Урале увековечение репрессий не встречает сопротивления. На-

---

¹ Гизен А. Расколота память: отражение конфликта вокруг мемориального центра «Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 363–376.

против, примеры музея «Пермь-36» или мемориала в Сандармохе показывают, что конфликты возникают не только из-за создания новых мест памяти, но и в связи с функционированием уже созданных.

Мемориалы жертвам репрессий зачастую создаются не в центре, а на окраинах. Так случилось с «Масками скорби» Эрнста Неизвестного в Екатеринбурге. По замыслу скульптора, это должен был быть центральный монумент в триптихе «Треугольник скорби», посвященном памяти жертв сталинских репрессий. Два других монумента планировалось установить в Магадане (этот замысел был реализован еще в 1996 г.) и Воркуте (так и не был установлен). Однако городской общественности не удалось добиться возведения «Масок скорби» в центре Екатеринбурга, в парке за Дворцом молодежи, в итоге их установили на Московском тракте, в месте массового захоронения расстрелянных [Э-65-03; Э-65-04].

По свидетельствам наших экспертов, во многих регионах сложились традиционные практики общественной коммеморации, которые имеют место либо 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, либо в особый для данного места день (5 августа для Сандармоха). В эти специальные дни организуются автобусы до места памятных мероприятий, в которых нередко принимают участие и региональные власти. Важное значение для статуса этих мероприятий имеет участие Русской православной церкви, которая во многих регионах выступает одним из инициаторов коммеморации жертв репрессий. В целом можно сказать, что тема репрессий является неотъемлемой частью актуализированного прошлого, в немалой степени именно потому, что она повсеместно является предметом конфликтов сторонников и противников ее коммеморации.

Особое измерение памяти о лагерях, отмеченное Д.О. Хлевнюк в ее главе, состоит в том, что труду заключенных на местах лагерей зачастую придают смысл важного конструктивного усилия, будь то по преобразованию края, или помощи фронту во время войны. Это можно видеть и на примере музеев Дальстроя, и на примере коммеморации СЛОН.

Совершенно иначе обстоит дело с наиболее активно используемым элементом коллективного прошлого – *Великой Отечественной войной*. Без преувеличения можно сказать, что война занимает центральное место во всех коммеморативных повестках, причем официальная политика памяти опирается на массовую поддержку «снизу». Война затронула без преувеличения всю страну. Вместе с

тем наряду с общей памятью есть память локальная, связанная с тем, что происходило в эти трагические и героические четыре года именно здесь. В силу этого память о войне имеет множество региональных оттенков. Наряду с общим для всех Днем Победы отмечаются даты решающих сражений: начало контрнаступления в битве под Москвой, разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, снятие блокады Ленинграда, разгром немецко-фашистских войск в Курской битве, взятие Кёнигсберга, освобождение городов, оказавшихся в оккупации, и т.п. В Самаре – одном из немногих городов, где 7 ноября 1941 г. проводился парад в честь годовщины революции, – с 2011 г. проводится «парад памяти» [Э-36-01]. Петербург и Ленинградская область хранят память об исключительном опыте блокады. Для регионов, по которым проходили фронты Великой Отечественной, память о битвах, разворачивавшихся на их территории, имеет особенное значение. Яркий пример – рассуждения нашего эксперта о немецком Миус-фронте, проходившем между Ростовом и Таганрогом, где оборонительные бои шли на протяжении почти пятнадцати месяцев: «...Когда уже в 1943 г. освобождали эту область, фронт остался там, и из жителей области освобожденных районов призывали людей, которые попали на этот Миус-фронт. То есть здесь гибли близкие этих людей из Ростовской области, не просто солдаты Красной армии... Это важно, потому что на официальном уровне это место никогда не пользовалось широкой известностью, но в регионе всегда знали об этом» [Э-60-02].

Как уже отмечалось, на Урале и в Сибири память о войне имеет свои особенности: здесь не осталось братских могил, но чтят память погибших земляков (во многих населенных пунктах есть мемориалы с именами погибших на разных фронтах). Здесь есть и крупные кладбища солдат, которые умерли в тыловых госпиталях. Здесь главные темы локальной памяти о войне – это подвиги тыла и эвакуация.

Есть регионы, для которых память о войне имеет иные хронологические границы: в Карелии помнят финскую войну, на Дальнем Востоке – кампанию против милитаристской Японии. Наконец, для Северного Кавказа, Крыма и Поволжья память о войне сопряжена еще и с депортацией немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар и др.

В этой памяти также есть болезненные темы, которые, как правило, не являются предметом основательной дискуссии в духе «проработки прошлого». Это прежде всего касается темы колла-

борационизма, а также жизни в оккупации. Сильно различаются от региона к региону подходы к коммеморации холокоста.

Этот неполный перечень локальных сюжетов, с которыми переплетена память о войне, показывает, сколько мнемонических коллизий скрывается за «основным» нарративом о героическом подвиге и славной победе, продвигаемом государством. На региональном и локальном уровнях не всегда можно «забыть» те аспекты истории войны, которые выходят за рамки этого нарратива. Вместе с тем последовательная секьюритизация триумфалистского нарратива¹ существенно ограничивает возможности для коммеморации негероических сторон памяти о войне.

В целом и на федеральном, и на региональном уровне основная часть репертуара актуализированного прошлого связана с советским периодом. Память о нем основательно закреплена в материальных объектах и символических практиках, а борьба за трансформацию этого наследия и усилия по коммеморации некогда табуированных аспектов советского опыта – наиболее частый повод для мнемонических конфликтов.

Меньше всего в повестках региональных политик памяти отражены события новейшего, *постсоветского* периода, который в массовом сознании сливается с перестройкой и последующим распадом Советского Союза. С одной стороны, они «живут» в социальной памяти старших поколений и закреплены в неформальной топонимике (так, во многих городах все еще в обиходе названия местных «шанхаек» – вещевых рынков, возникших в девяностых) и даже в специфических материальных объектах (кое-где на кладбищах выделяются экзотическими надгробиями зоны, где похоронены жертвы стычек между организованными преступными группировками, столь характерными для «лихих девяностых» (Екатеринбург; [Э-03-02]). С другой стороны, поскольку при Ельцине политическая элита не слишком стремилась формировать мифы о «славных» моментах новейшей истории², а в официальном дискурсе путинского периода «девяностые» стали репрезентироваться

---

¹ Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86 ; Luxmoore M. “Orange Plague”: World War II and the Symbolic Politics of Pro-state Mobilization in Putin’s Russia // Nationalities Papers. – 2019. Vol. 47, N 5. – P. 822–839.

² Smith K.E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2002. – P. 30–56.

преимущественно негативно¹, стимулов для целенаправленного формирования культурной инфраструктуры памяти об этом периоде оказалось немного. Вместе с тем нельзя сказать, что такая инфраструктура полностью отсутствует.

Пожалуй, наиболее видимой тенденцией мемориализации событий 1990-х годов являются памятники военным, погибшим в двух чеченских войнах и других постсоветских «локальных конфликтах». Как правило, они создаются по инициативе ветеранских сообществ и нередко интегрируются в мемориальные комплексы, посвященные воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане. Один из первых таких памятников, «Черный тюльпан»², был открыт в Екатеринбурге в 1995 г. Он установлен на площади Советской армии недалеко от областного дома офицеров, где традиционно проводятся мероприятия, связанные с коммеморацией военных дат [Э-65-03]. В 2002–2003 гг., после завершения «активной фазы контртеррористической операции в Чечне», этот ансамбль был дополнен гранитными стелами с фамилиями военнослужащих, погибших на Кавказе, в Таджикистане и в других горячих точках России и стран СНГ. Задуманный по аналогичному принципу памятник «Солдатам России» в Перми был открыт в 2020 г., в рамках мероприятий, посвященных 75-летию Победы над нацистской Германией. Он установлен на городской эспланаде, в ряд с мемориалом Уральскому добровольческому танковому корпусу и памятником «афганцам». Подобные места памяти, чествующие погибших в современных войнах, нередко – в контексте, отсылающем и к Великой Отечественной войне, возникают во многих российских городах³. Если первоначально, в 1990-х и 2000-х идея коммеморации «афганцев» и героев постсоветских конфликтов не

---

¹ *Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 45–69 ; *Malinova O.* Politics of Memory and Nationalism // Nationalities Papers. – 2021. – Vol.49. – Iss. 6. – P. 997–1007.

² Так называли военно-транспортные самолеты, доставлявшие в Советский Союз из Афганистана тела погибших. Памятник, установленный в Екатеринбурге, имитирует каркас фюзеляжа, в центре которого – фигура сидящего солдата с автоматом. На пилонах «фюзеляжа» – имена уральцев, погибших во время боевых действий в Афганистане.

³ Судя по поиску в Интернете, а также нашим интервью, подобные мемориальные комплексы в память о погибших в позднесоветских и постсоветских конфликтах есть также в Петрозаводске, Чебоксарах, Краснодаре, Пензе, Норильске, Тольятти, Волгограде, Красноярске, Сургуте и многих других городах.

встречала широкой поддержки у власти и общества, то в 2010-х годах она вполне вписалась в общий патриотический тренд. В 2019 г. В.В. Путин лично принимал участие в открытии памятника ополченцам в Ботлихском районе Дагестана, приуроченном к 20-летию событий, ставших началом Второй Чеченской войны¹. Можно предположить, что в ближайшие годы коммеморация участников постсоветских вооруженных конфликтов будет играть все более заметную роль в региональных повестках. Мемориалы, посвященные военным, погибшим при исполнении долга в позднесоветское и постсоветское время, становятся традиционными местами памятных мероприятий, в частности 15 февраля, в День памяти воинов-интернационалистов, приуроченный к дате вывода советских войск из Афганистана, а также 2 августа, в День воздушно-десантных войск.

Еще одна, менее распространенная практика закрепления памяти о «девяностых» в городском пространстве – памятники «челнокам», частным торговцам, закупавшим товары широкого потребления мелким оптом для последующей продажи в розницу. В 1990-х годах челночная торговля была источником средств к существованию для многих россиян. Памятники «челнокам» есть в Екатеринбурге, Белгороде, Набережных Челнах.

Наиболее ярким примером музеификации памяти о «девяностых», несомненно, является Музей Б.Н. Ельцина в Ельцин Центре в Екатеринбурге. Однако экспозиции, посвященные данному периоду, есть и в некоторых краеведческих музеях.

Хотя за начальным периодом постсоветской трансформации прочно закрепилось клише «лихие девяностые», региональная память о нем не лишена позитивных элементов. Так, в Перми помнят «открытие» города: во время Великой Отечественной войны в Пермь (тогда Молотов) было эвакуировано много оборонных предприятий, и вплоть до начала 1990-х годов в город не пускали иностранцев [Э-57-01]. В Татарстане благодаря республиканской политике «мягкого» вхождения в рынок «девяностые» помнят как период не только борьбы за власть и собственность между преступными группировками, но и как время развития социальной инфраструктуры, газификации, создания свободных экономических зон, формирования личных фермерских хозяйств и т.п. [Э-92-01].

---

¹ Встреча с участниками народного ополчения в период боевых действий в августе – сентябре 1999 года // Портал «Президент России». – 2019. – 12.09. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61513>

В Самаре 1990-е годы были относительно благополучными, откат начался в 2000-х, когда центром Поволжского федерального округа стал Нижний Новгород [Э-36-01]. В Калининграде же 1990-е годы ассоциируются с утратой «особой калининградскости советского периода», связанной, в частности, с новой волной миграции: в регион приехали «казахи» – преимущественно русские беженцы из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана [Э-27-01]. Однако эти нюансы если и проявляются, то лишь на уровне «живой» социальной памяти. В целом же новейший период отечественной истории занимает весьма скромное место в региональных повестках актуализированного прошлого.

* * *

Начиная наше исследование, мы предполагали, что репертуар актуального прошлого в регионах России может отличаться от того, что был выявлен предыдущими исследованиями на федеральном уровне. Это ожидание в целом подтвердилось. Хотя политики памяти региональных элит развиваются в фарватере федеральных задач, они имеют более сложные повестки, поскольку преследуют и собственные задачи, связанные с конструированием региональных идентичностей, повышением туристической привлекательности территорий, а в некоторых случаях – регулированием локальных мнемонических конфликтов. Не в последнюю очередь эти повестки определяются самой историей.

Как выяснилось, тематический репертуар актуального прошлого на региональном уровне имеет очевидные параллели с каноном, типичным для наций-государств, с его акцентом на политическую историю, славное и героическое прошлое, а также на культурный вклад. Это неудивительно, учитывая, что история региона вписывается в общероссийский нарратив. Вместе с тем во многих случаях имеет место «сопротивление материала», поскольку реальные исторические события не всегда соответствуют логике нарратива о становлении великого Российского государства.

Во многих регионах есть комплексы памятований, которые связаны с идентичностью отдельных групп. Иногда эти группы занимают видное место в региональной политике памяти, и их активность легче доступна внешнему наблюдению (например – казаки). Некоторые группы менее заметны «на поверхности», что не значит, что их комплексы коллективных представлений о прошлом

менее глубоки и устойчивы. В качестве примера можно привести (различные группы) староверов¹. Другой пример таких групп, не стремящихся к открытости для посторонних, и при этом активно занимающихся политикой памяти в своей среде, это мусульманские братства.

Хронологическая структура региональных репертуаров отчасти повторяет федеральную, но значимо варьируется с точки зрения наполненности повесток. Так, в некоторых регионах заметно более насыщенно выглядит часть повестки, связанная с досоветским – древним и имперским – прошлым. Хотя советский период повсеместно находится в центре коммеморативных повесток, его наполнение имеет существенные региональные особенности. Наконец, хотя проблематика постсоветского прошлого пока слабо представлена в коммеморативных повестках, есть и исключения из этого правила, региональные (Екатеринбург) и сюжетные (память о погибших в чеченских войнах и иных «локальных конфликтах»).

В целом, на уровне регионов тематическая повестка актуализированного прошлого оказывается более разнообразной, нежели на федеральном уровне.

---

¹ См. Душакова Н.С. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. – Москва : РГГУ, 2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронович Александр Александрович – PhD, научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

Дементьев Илья Олегович – кандидат исторических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН.

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук, профессор Южного федерального университета.

Лапин Владимир Викентьевич – доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Центра изучения культурной памяти и символической политики.

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Матисова Анастасия Борисовна – лаборант Центра изучения культурной памяти и символической политики.

Миллер Алексей Ильич – доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Павловская Анастасия Юрьевна – аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудница Центра изучения эго-документов «Прожито».

Пахалюк Константин Александрович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, научный сотрудник ИНИОН РАН, преподаватель Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России.

Хлевнюк Дарья Олеговна – PhD, постдокторант Амстердамского университета (Нидерланды).

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementjev Ilya – Candidate of Science (History), docent of the Institute of education and humanities, Baltic Federal University named after Kant

Efremenko Dmitry – Doctor of Science (Political Science), deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Khlevnyuk Darya – PhD, postdoc at the University of Amsterdam

Krinko Yevgeny – Doctor of Science (history), main scientific fellow of the Federal research center of Southern Branch of RAN

Lapin Vladimir – Doctor of Science (History), Professor of History Department EU SPb, Administrative Director of the Center for Research in Cultural Memory and Symbolic Politics

Malinova Olga – Doctor of Science (Philosophy), professor of HSE, main scientific fellow of INION RAN

Matisova Anastasia – MA, coordinator of Center for Research in Cultural Memory and Symbolic Politics, European University, Saint-Petersburg (EU SPb)

Miller Alexey – Doctor of Science (History), Professor of History Department EU SPb, Scientific Director of the Center for Research in Cultural Memory and Symbolic Politics, leading scientific fellow of INION RAN

Pakhalyuk Konstantin – Candidate of Science (Political Science), Leading Research Fellow at the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, researcher of INION RAN, lecturer at the Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Pavlovskaya Anastasia – PhD student, EU SPb, researcher at the Center of research of ego-documents “Prozhito”

Voronovici Alexander – PhD, researcher at the Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, Higher School of Economics (HSE), Moscow

SUMMARY

The Politics of Memory in Russia – Regional Dimension

Ed. by Alexei Miller, Olga Malinova, Dmitry Efremenko.

Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, 2023. 471 p.,
ISBN 978-5-248-01053-0

Memory studies pay a lot of attention to the politics of memory, that is to the activities of the state and other actors, directed at promotion of certain picture of collective past, as well as to the cultural infrastructure which supports such activities. The current research into memory politics and memorial culture is characterized by deep methodological reflection and broadening of space frame – from cosmopolitan and transnational to local memory. As far as Russia is concerned, regional dimension is less researched aspect. The number of scientific publications about representations of the past in various regions of the country is growing, but we are still far from systemic approach to this topic.

This book addresses this problem by suggesting an approach based on focusing analysis of large territorial regional clusters. This way we can provide foundation for mapping the mnemonic landscape of Russia, which allows to trace dynamic changes in memory politics on federal and regional levels, of interactions between national and local actors, as well as local actors across the regional borders.

Creation of federal politics of memory is impossible without its localization. And the very concepts of federal and regional are products of political language as well as research strategies. We pay a lot of attention to interfaces between the two levels of memory politics.

The book includes seven chapters which look at memory politics in various meso-regions, from Kaliningrad to Vladivostok, and three chapters which address particular comparative aspects of memory politics – monument construction, memory of political repressions, and regional textbooks for teaching local history and culture. Introduction and Conclusion discuss methodological issues and repertoire of regional politics of memory.

Научное издание

**Политика памяти в России –
региональное измерение**

Коллективная монография

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка И.П. Леонтьева
Корректор И.П. Леонтьева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99. от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/ХП – 2022 г. Формат 60 х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,5 Уч.-изд. л. 26,2
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод). Заказ № 116

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7(925) 517-36-91
E-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
Ул. Чернышевского, д. 88, литера У

